

**Юрий
Валин**

ОКТАБЕРЬ, КОТОРЫЙ НОЯБРЬ

2017

Annotation

Чрезвычайно фантастический роман о Великой Октябрьской социалистической революции и попытках изменить ее результаты. Повествование-фарс с попаданцами, пулеметной стрельбой, погонями, тайнами, трагическими ошибками и чудесными спасениями. Альтернативно-историческая трагикомедия, местами нелепая, порою веселая, но чаще грустная. Сюжет спорен, герои неоднозначны, события строго документальны, следовательно, неправдоподобны.

Предисловие автора

Чрезвычайно фантастический роман о Великой Октябрьской социалистической революции и попытках изменить ее результаты. Повествование-фарс с попаданцами, пулеметной стрельбой, погонями, тайнами, трагическими ошибками и чудесными спасениями. Альтернативно-историческая трагикомедия, местами нелепая, порою веселая, но чаще грустная. Сюжет спорен, герои неоднозначны, события строго документальны, следовательно, неправдоподобны. Взаимосвязь действий и противодействий основана на теории марксизма-магнетизма.

Говорить о событиях воистину Великих, слишком серьезно трудно, потому доля юмора и иронии в романе присутствует. Но данное повествование не имело целью кого-то обидеть. Одна из центральных героинь говорит: мы всех любим, и красных, и белых, зеленых и черных. В данном случае автор в полной мере разделяет точку зрения этого чрезвычайно искреннего и политически уравновешенного персонажа.

Автор благодарит:

Михаила Рагимова

Ивана Блажевича — за помощь и технические советы.

Юрия Паневина — за помощи и советы.

Евгения Некрасова — за помощь и технические советы.

Пролог. Взгляд из подвала

Петроград

Примерно за десять месяцев до дня X.

Вино горчило, кислятина пирожных забила рот. Или наоборот — вино как уксус? Вспомнить не получалось. Где тут вспомнишь, ежели так больно. Не варит башка, в груди как нож крутят, аж не вздохнешь, и такая кислая гуща в горле. Кровь, небось, до кадыка сгустилась. В спину стрельнул. Ах, князь, душонка распутная, стало быть, осмелел, решился. В спину! А за что? За что?!

Сводчатый подвал, жаркий каминец, расшвырянные кресла, умирающий на полу, рядом шкура белая медвежачья — скалит поганую пасть, клыки торчат как у гадюки. Змеи кругом, что князь подлый, что шкура ехидная. Обманули все ж таки, эх, заманили, подстерегли. Ох, прыткий князь, ну, обманщик...

Умирающий закрыл глаза — смотреть в рожу поганому медведю никаких сил не оставалось. Ладно бы родной зверюга, бурый, сибирский. А то выродок редкостный полярный, в пару князюшке гладкомордому. В душу ведь стрельнул, вот точно в душу...

Снова замутило: от недоброй ли мадеры, от крови, что в бороде хлюпала? От обиды? Кому доверился, на что купился?! Ох, дурень, грешная душа... А если и вправду, смертушка над тобой уж нагнулась? Вон, медведь, — лежит, глаза-стекляшки шурит. Каждая тварь смертна, и тебе, святой старец, исключенья не обещано.

Умирающий умирал уже не впервой, хотя чтоб уж так — до самого доньшка, пока не доходило. По башке крепко били, брюхо распарывали: в больничке помираешь-помираешь, да и выкарабкиваешься. Тут главное за жизнь изо всех жил цепляться. Полезная привычка. Но как нынче уцепишься, если сил и на вдох нет? Это все мадера — отравили, небось, душегубы. Ох, тягостно — крысиный яд, определенно он, изуверская отравка. Пулька-то, она что, — дура, мошка кусачая, с пульки так душно не будет.

А ведь придут сейчас. Добивать заявятся. Когда стрельнули, вскрикнуть успел, да рухнул, обеспамятев. То хорошо. Душегуб Феликс наверняка приглядывался, носиком своим дамским принюхивал убиенного. За мертвого счел. Но, небось, перстами своими холеными пощупать жилку с пульсом побрезговал. Вот и хорошо. Ох, будет тебе, князюшка, на орехи, будет...

Старец верил в свой костистый, еще не особо-то и старческий, сорокасемилетний организм. Выдюжит! Бог хранит, кость крепкая, в грудях дыра позарастет, отлежаться бы с недельку. Но уползти надоть. Добьют, чует сердце, непременно добьют. Позовет князь людей тело прибрать, углядят, что жив и в себя пришел. Бежать надо! Хоть на карачках, хоть ужом на пузе...

Шевельнуться сил не имелось. Умирающий с трудом повернул голову, взглянул на распятое, стоящее на каминной полке. Отблеск углей играл на тонкой резьбе, потолочная лампочка светила на божью маковку из слоновой кости. Хорошая вещь, поставить бы такую в избе, всему селу Покровскому на зависть. Изувера Феликса в вечное изгнание, а распятие и все цацки во возмещение ущерба здоровью. Не, так легко князюшка не отделается. Весь дом отобрать, все земли — пусть нищенствует! И эту, жену его, княгиньку...

Мысли о знаменитой красавице придали сил, умирающий немедля приободрился, собрался с духом. Перевернуться, на колени восстать и к лестнице...

Ой, не успел. Ну что ты будешь делать. Идут!

Он закрыл глаза, длинное тело мертво вытянулось, заострившийся нос устался к потолочному витражному абажуру. Замри, Григорий, еще есть шанс, должен быть...

Мягко шагают сапоги по коврам. Но один кто-то идет, слава тебе господи!

Умиравший чувствовал, как над ним остановились, склонились — свет лампы ощутимо померк, сквозь запахи мадеры, крови, сухого медвежьего меха (да чтоб ему второй раз околеть, хычнику белесому!) донесся аромат духов. Он! Князь-предатель!

— Убиватьх?! — умирающий широко распахнул глаза, праведная злость придала сил. — Ах, Фелекся!

Лицо князя — холеное, гладкое и красивое — любая гимназистка позавидует — отшатнулось. Но поздно: когтистые лапы умирающего вцепились в княжеские плечи. Онемевший от ужаса Феликс, тщетно вырывался, лишь поднимая от пола огромного косматого мужика-пиявку. С выставленной бороды старца летели сгустки крови, брезгливый князь Юсупов машинально жмурился, смаргивал длинными ресницами, пятился. Борьба, бессмысленная и бестолковая, продолжилась стоя: толкались и толклись, спотыкаясь о медвежью голову. Трещал китель князя, раздиралась расшитая рубашка старца, зазвенели рюмки на задетом столе. Наконец, Юсупов, взвизгнув от напряжения, вырвался, лишившись погона. Потерявший равновесие противник не устоял, рухнул навзничь, выхаркнул сгусток крови, но тут же вскочил на четвереньки, с удивительной резвостью метнулся к лестнице:

— Ну, погодь, Фелекся! Ох, Фелекся...

Уже не на четвереньках, а на ногах, касаясь ступеней лестницы огромными кистями рук, взлетел вверх, плечом бахнул в дверь. Не заперто, слава те, господи... Темная комната, будуар или как его тут... показывал князь гарсоньерку (тьфу, пакостное название!), хвастал, завлекал...

Топая по ковру, пытаясь разглядеть, куда бечь, старец услышал, как в полуподвале по-детски скулит перепуганный князь-хозяин, вот застучали по лестнице каблуки. Это он наверх побежал, уж точно наведет душегубцев...

— Фелекся, ох, Фелекся... — хрипел старец, отшвыривая с пути банкетку. Понаставят невесть чего, мебели дурацких уйма. Чуть не сшиб кривоногий, весь гнутый-перегнутый, столик. Да вот же она — дверь!

Чутье вело дальше, к сквознячку, к входным дверям, к жизни! Двор должен быть, там с мотора сходили. Эх, шубу оставил, новая же шуба. Эх...

— Ну, Фелекся, ответишь...

Вот дверь входная. Только бы за нее выскочить. Какой замок-то здесь?!

Длинные пальцы по наитию нашарили запор, дверь распахивалась тяжело, но распахивалась, распахивалась!

Старец, спотыкаясь и делая огромнейшие шаги, выбежал во двор — тьма ночи снежила крупными, влажными хлопьями, на мостовой двора виднелись полузанесенные следы колес — мотор здесь разворачивался. "Роллс-Ройс-Рандоль"^[1] — шикарный авто, в таком по прощекту, словно в царском вагоне плывешь-катишь.

— Погоди, Фелекся, уж будет те...

На ходу сообразив, что к автомашине или к запертым воротам бежать бессмысленно, старец устремился к забору. Калитка должна быть. Да разве разглядишь: снег слепит, да еще сугробы в глазах прыгают-качаются. От двери дворца вслед вроде что-то закричали, донесся выстрел. Дострелят!

Григорий в отчаянии завертелся на месте.

— Куда, дурак?! — злобно зашипели из-за сугроба. Вскинулась навстречу фигура в светлой шинели, боднула в бок, сшибла, увлекла за белый снежный горб. Над головой свистнула пуля.

— Ваше высокоблагородие! — умилился старец, сплевывая кровь, но от счастья не чувствуя боли. — Благодетель!

— Заткнись, пьянь косматая! — зашипел спаситель, страшно топорща длинные усищи. — Лежи, стрельнут сейчас. Да где ж она?!

Длань спасителя — рослого жандармского полковника, мордатого, пухлощекого, истинного красавца, — цепко ухватила старца за бархатные штаны на заднице, вжала в сугроб.

Донесся выстрел — вроде прямехонько сугроб и расстреливали — это от дверей из левольверов садят.

— Всем стоять! Работают спецслужбы! Оружие на землю! — звонко и отчетливо проорали с иной стороны.

Старец подивился тому, что голос вроде бабий и приподнял голову.

У дверей дворца плотной кучкой замерло несколько фигур, еще одна тень присела на колено подальше у желтой стены — целилась в шайку убийц разом из двух огромных пистолетов. Неужто, баба?! По стройности так вполне...

— Барышня, а идите-ка к черту! — после замешательства откликнулись от дверей. — Дьявол должен сдохнуть и сегодня он определенно умрет. Не дадим уйти скотине.

— Дадите, Владимир Митрофанович, — вполголоса заверила баба. — Вам же лучше будет.

Теперь двое убийц целились в нее и неспешно, боком, двигались к ограде и спасительным сугробам. Еще кто-то из заговорщиков так и остался торчать у дверей.

— Ваше превосходительство, у вас же револьвер на боке, — в ужасе прохрипел старец затаившемуся жандарму. — Доставайте. Убьют меня!

— Лежи, засранец, без твоих советов разберемся, — шепотом пробасил усач.

— Владимир Митрофанович и вы, князь! Еще шаг и я стреляю, — весьма безучастным тоном предупредила коленопреклоненная девка, поджимаясь в комок, но, не опуская маузеры.

— Да сгиньте, мадмуазель-потаскуха! — истерично вскрикнул Юсупов и выстрелил.

У стены непонятной девицы вроде как уже и не было — вмиг перекатилась, распласталась лягушкой на заснеженной брусчатке, почти невидимая, вся в сверкании вспышек выстрелов. Сквозь частый грохот маузеров донесся крик боли. Смолкло...

Убийцы лежали посреди двора: один корчился, другой прикрывал голову локтями. Вот начал вытягивать руку с пистолетиком...

— Слушайте, Пуришкевич, ну глупо же, — на сей раз весьма раздраженно молвила баба — обряженная во что-то бело-пятнистое, она почти растворялась на фоне снега. — Оставьте в покое свой "саваж" или я вам сейчас мозги вышибу. Вы, конечно, в монетку попадаете и на иные фокусы способны, но тут вам не тир.

— Не уйти мерзавцу! — упрямо процедил лежащий. — Мы спасем Россию!

Старец узнал голос — Пуришкевич! Точно, он, гнида думская. Глубокий заговор измыслили! И на кого руку поднял, рыло бородатое?!

— Вот и спасайте Россию, — разрешила баба. — А Распутин мне нужен. Для опытов. У

меня крысы кончились. Так что мы его забираем. Безвозвратно, то есть навсегда.

— В каком смысле? — не скрыл удивления змей-Пуришкевич.

— В любом, — исчерпывающе пояснила спасительница. — Больше не увидите вашего драгоценного старца. Эй, полковник!

— Я, ваше сиятельство! В полной готовности! — молодежато гаркнул разом оживший засугробный жандарм.

— Уводите задержанного. Аккуратно, вдоль забора. А то у господина Пуришкевича возникнут всякие искушения, у него пистолет еще не разряженный, — пояснила звонкоголосая бабенка.

— Пополз на коленках и поживее! — жандарм без всякого почтения дернул умирающего старца за шаровары, одновременно пнув сапогом по ногам.

— Не могу. Обессилил, — прохрипел Распутин, действительно, как-то враз утеревший остатки сил.

— Не, ну, не шмондюк ли?! — возмущился жандарм. — Спасаем непойми кого, будто приличных кандидатур нет. Ползи, бабский целитель!

Старец ответил умирающим стоном.

Жандарм выругался — почему-то иноязычно — ухватил раненого за ноги и поволок вдоль забора.

— Вы что там за дискуссию устроили? — сердито поинтересовалась дамочка.

— То ли симулирует, то ли помирает, — прокряхтел жандарм, буксируя спасаемого, он не забывал предусмотрительно пригибаться. — И вообще чего-то он чересчур тяжелый.

Баба с пистолетами выругалась — правильно, вполне по-русски и сказала лежащим заговорщикам:

— Господа, если сегодняшнее увлекательное времяпровождение окажется напрасным и старец околеет, я очень расстроюсь. И у меня возникнет мысль вернуться и прострелить князю вторую ногу, а с вами, Митрофаныч, серьезно побеседовать. Есть у меня догадки, что Россия и без вашего черносотенного участия вполне спасется.

— Послушайте, а кто вы вообще такая? — отозвался Пуришкевич.

— Мое имя слишком широко известно в узких кругах, дабы звучать в поганых сырых дворах. Давайте-ка, без имен и официоза. Лучше перетяните Феликсу ляжку, там кровопотеря гарантированно солидная. Шевелитесь, я стрелять не буду.

— Вы удивительно милосердны, — с иронией отозвался думец.

— Не держите зла, Владимир Митрофанович. У меня в планах стояла сугубо гуманитарная акция, могли бы вообще без пальбы обойтись. Но когда в меня стреляют, начинаю нервничать. Объясните князю на будущее. Да, и привет Ирине Александровне непременно передавайте.

— Мадемуазель, зачем вам этот отвратительный мужик? Вы на его фанатичных безмозглых поклонниц ничуть не похожи. Мы могли бы договориться...

— Вот и договаривались бы сразу, а не стреляли сходу...

Старец слушал перебранку, скользил вперед ногами и смотрел в снежное небо. Подол рубахи задрался, голая спина ехала по холоду. Полковник, с виду здоровенный, кровь с молоком, оказался не таким уж могучим, — волок с трудом, явно злился и сопел. Григорий хотел ему сказать, чтобы сапоги не стягивал, но шевельнуть языком силов не имелось.

Участок по мостовой пересекли быстрее, но хребет словно по голым камням тархтел. Жандарм заволок длинную ношу за угол и в сердцах поинтересовался:

— Слушай, Григорий, вот ты что жрешь? Окаменелость какая-то мамонтовская, а не постный праведник. У меня уж лапы отваливаются.

Рядок возникла баба с пистолетами:

— Откуда эта торжественность траурного шествия? Тебе повремененно платят или что?

— Так тяжеленный! Свинцовые кости, не иначе. Да еще сапоги лакированные, скользкие.

— Хрен с ними, исчезаем. Мешочек с чудесами где?...

Старца мягко, но действительно двинули по голове мешочком с дробью и пытливый ум праведника временно угас.

Через две минуты, когда Пуришкевич и его сообщники, держа револьверы наготове, выглянули за угол, на мостовой оставались лишь припорошенные снегом следы. Ни дамы со скорострельными маузерами, ни жандарма, ни умиравшего Распутина во дворе не было. Исчезли. О подробностях той ночи ни князь, ни бывший монархист и создатель "Союза Михаила Архангела", ни иные участники в своих дневниках и воспоминаниях не сообщали. Похвастать было нечем, да и вообще упоминать, что следы старца и его неизвестных спасителей, столь четко видимые на снегу, обрывались на полушаге, было как-то глупо — кто в такую чушь поверит?

На следующий день в газетах появилось описание таинственной и дерзкой попытки ограбления дворца Юсуповых. Обыватели полюбовались фотографией мужественного раненого князя — на мутном фото он выглядел еще бледнее и изысканнее, чем обычно. Событие было, несомненно, шумным и незаурядным, но особых слухов и толков вызвать не успело — через два дня в газетах появилась сенсационная весть: Григорий Распутин внезапно и загадочно исчез из столицы. Поговаривали, что старец оставил краткую трогательную записку, в коей намекал о своем желании совершить паломничество: кругосветное, пешее, по 37-й параллели. Царская семья не скрывала своего огорчения импульсивным уходом великого советчика и друга, но смирилась. Свят старец, куда чистая душа потянет, туда и побредет.

* * *

Очнулся старец от шума в ушах. В башке рокотало однообразно и занудно, не иначе разжиженная кровь в мозг долбила. Григорий, не открывая глаз, пощупал грудь — заныло и там. От шелковой рубахи уцелела половина, исподняя сорочка опять же зверски взрезана, зато под ней нащупался толстый слой ткани — бинты. То-то и пахнет так тошно: йодом, еще какой дрянью, сугубо лекарственной. Значит, больница.

Старец приоткрыл один глаз — больничный потолок оказался серым, местами аж черным, весь в копоти. Чего это так? Не иначе, в палату с бродягами бросили. А то и в мертвецкую. То-то так тихо да безлюдно.

Чего-то не сходилось. В хорошую больничку должны отвезти, небось, известный человек, советчик и опора трона. Доктора, сиделки, профессора где?

Григорий оперся на локоть, с трудом сел. В простреленной груди немедля заболело, но терпеть можно. Старец осмотрелся, выпучил глаза, ухватил стоявший рядом котелок с водой, принялся пить. Прерывался, дико озирался, снова пил...

Наваждение! Пещера каменная, кострище, вместо койки груда пахучей травы, в просвете стены небо голубеет, а под ним неумолчно рокочет. Вовсе не в голове шум, а море.

Не иначе, помер и в чистилище. Но к чему мертвого заматывать, бинты изводить? Саван должен быть. Котелок опять же, вода мокрая, озаботились, чтоб от жажды не сдох. В аду

как-то иначе полагается. Или снисхождение вышло? Ведь до каких высот при жизни вскарабкался, ведь заслужил... Но не рай же?!

Свет на миг застыл — заслонила вошедшая фигура.

— Живы, Григорий Ефимович? Ну и славно.

Баба. Светловолоса, ростом высока, в штанах по виду кавалерийских, в бесстыжей безрукавной сорочке. Лицо молодое, злое, красивое. Глаза этакие... сразу видно, из высокородных. Вроде "ее сиятельством" давеча кликали, если не причудилось. Да что там гадать: княгиня или еще кто, раз бабенка, так вмиг с ней разберемся.

— Ты кто? Отчего полуголой профуркой гуляешь? — требовательно спросил старец, глядя блондинке в глаза и привычно дав своей исконной чудотворной наглостью.

Глаза незнакомки — редкостно-зеленые, таким бы изумрудам, да в царицкиной диадеме блистать — сузились...

Как ухватили крепкой дланью за шиворот, да туго закрутили порванную ткань, Григорий не уловил, просто сразу стало очень душно.

— Вы что?! Нельзя так, я поранетый, — прохрипел старец, тщетно хватаясь, пытаясь оторвать обнаженную загорелую руку душительницы.

Чуть поотпустило, а ведьма прошипела в лицо:

— Разве что "пораненный". А ну, лег ровно, святой инвалид!

Что на свете делается?! Не баба, а генерал какой-то. В интонациях и голосах Григорий разбирался, потому покорно вытянулся на охапке сухой травы, потер горло, затем смиренно сложил ладони на животе и принялся дожидаться объяснений.

Баба прошлась по пещерке, пнула носком сапога головню в давно остывшем кострище.

— Что не сдох, и в себя пришел — хорошо. Остальное плохо. О вас, гражданин Распутин-Новых, утверждали: ловок, интуитивен, пронырлив, соображать умеет. И где все это? Хамло тупое.

— Дык помутнение в мозгу. Простительно же пораненному, — осторожно намекнул старец.

— Ну-ну. Первое — ко мне на "вы" обращаемся. Второе — ты, Григорий Ефимович, мне сильно не нравишься, оттого избавлять тебя от ныряния в Неву мне сильно не хотелось.

— Извиняюсь, а Нева здесь при чем? — счел возможным уточнить встревоженный старец.

— В правильном историческом варианте тебя добили, и на дно к рыбам отправили. Спасение во дворе помнишь?

— Да как тут запомнить? — уклончиво пробормотал Григорий.

— У дворца мы вмещались, тебя сюда выдернули и ныряние пока отменилось. Так-то ты уже покойник.

— Ежели покойник, тогда конечно...

— На меня глянь, святой проходимец, — чуть заметно повысила голос дама. — Убили тебя семнадцатого декабря года одна тысяча девятьсот шестнадцатого от рождества Христова...

Знал людей Григорий. Да и как их не знать, если с того умения и кормишься? Понятно, это светловолосая, (вот все декадентхки, что за мода этак сугубо не по-бабски в стрижке волосья носить?!) вся насквозь непонятная и слоистая, словно замысловатый ресторанный расстегай. Опасная, куда там гадюке. Но ведь не врет. Эх, сразу видно, не врет...

— Это как же?! — растерянно прошептал старец. — Я ж еще живой. В грудях вот жжет.

И ссыкать хочется. Неужто и на том свете возжелания этакие... убогонькие?

— Проникся, что ли? — заметно удивилась дамочка. — Вот это правильно. Время поджигает, объясняться и растолковывать мне некогда. Газету оставлю — глянешь, как оно прошло по старому варианту.

Григорий покосился на упавшую на духовитые водоросли свернутую в трубку, газету. Ой, угадывался заголовок, ой, нехорош.

— Не принимай близко к сердцу, гражданин Распутин, — посоветовала баба. — Считай, на курорт попал, отлежишься, мемуары примешься сочинять. Воздух здесь здоровый, пресной воды хватает, а одиночество тебе полезно. Еще и спасибо скажешь.

— Так я и сразу. Спасли — за то нижайший поклон и вам, и господину полковнику. Рассчитываться-то чем придется? — мрачно уточнил старец. — Аудиенцию желаете? Государь нынче занятой, но сообразить можно, чиркну записку-то, примет незамедлительно.

— Не угадал. Император ваш мне по барабану. Может, попозже накарябаешь царице пару строк, успокоишь болезную. А пока выздоравливай, душу очищай. Питьева вода в расщелинах скапливается, рыба в море, котелок — вот он. Топорик где-то тут валялся, на уступе аптечка, огниво, трут...

— Нельзя же этак, ваше сиятельство, не по-христиански так, — угадывая крайне нехорошее будущее житие, прошептал Григорий.

— Отчего нельзя? Хорошая жизнь. Да, бумага, карандаши, перо и чернила — вон они. Обмозгуй, что миру желаешь сказать. Через месяц заглянем, проведем.

— Не погуби! — мертвея, взмолился старец.

— Да кто тебя губит? Выживешь, не так тут плохо. Лето, между прочим, — дамочка вздохнула. — Поразмысли, может вопросы какие по жизнеобеспечению возникнут. Я пока схожу, искупнусь, если есть что уточнить, так уточняй. И отлеживайся. Вообще-то такое скверное сквозное ранение рядом с сердцем, а тебе хоть бы хны. Даже завидно.

Григорий прислушался — ушла. Спасаться нужно. Одному, на безлюдье, пораненному — верная смерть! Нужно в ноги упасть, молить. Эту... стервь зеленоглазую упрашивать бесполезно, но не одна же она здесь гуляет. Или к ним на яхту пролезть, затаиться пока не отчальт...

О боли в груди старец забыл, выполз на солнце, зажмурился. Сияли прибрежные камни, внизу накатывали волны, расплывалась пена прибоя... И вода, и белоснежная пенные кружева, и лазоревые небеса, казались цветом истинно нестерпимые — такие яркие, точно в детство попал, прозрел.

Старец пополз между прибрежных глыб, опираясь о теплый ноздреватый камень, поднялся на ноги. Опять море, торчат утесы поодаль от берега, ни лодок, ни пароходов, ни купален...

Берег круто сворачивал, по правую руку вздымался обрыв. Слабость дрожала в неверных ногах, тянуло сесть и замереть. Господи, хоть кто-нибудь... Распутин протиснулся между глыбами и оторопел. Впереди на широком камне вольготно развалился рыболов.

Старец истово перекрестился. Трижды. Нет, не сгинул. Вот что ж такое: день светлый-солнечный, серой не пахнет, а тут сидит черт и рыбу удит.

Черт обернулся:

— Здорово, Григорий. Уже скачешь? Молодца, мне б такое здоровье. Если гадить думаешь, так вон там затишок за скалой. Не хуже ватерклозета.

— Мне б по-малому, — мучаясь, прошептал раненый.

— Вот тамочки и облегчайся, — черт указал когтистым перстом. — Остров тебе достался завидный, житие на таком требует аккуратности и ответственности, сам должен понимать. Это тебе не в Царском Селе по клумбам бухому гадить.

Старец свернул за скальную стену, расстегнул шаровары. Машинально глядел в море. Не хуже Ялты. Хотя по всему чувствуется — вовсе нежилое. Григорий жалостливо застонал. А что делать? Видать, судьба такая.

С трудом присев к волне, кое-как вымыл морду, выковырял из бороды струпья. Поразмыслив, прошептал молитву, усердно перекрестился. Надоть вернуться и побеседовать. Черт конечно, чрезвычайно мерзкий, но все ж в обхождении заметно попроще "ее светлости". Нужно выведать побольше.

Черт как раз снимал с крючка рыбешку:

— Мелковата. Крупная сейчас на глубине. Вот попрохладнет вода, тогда к камням пойдет...

— Величать вас, извините, как? — Григорий осторожно присел на уступ камня.

— Я ж на службе. Так что никаких имен, — вполголоса намекнул черт. — Можно по званию. Профессор я.

— Ишь как оно, — покачал головой старец. — Выходит, и у вас чины да звания заведены?

— А как иначе?! — черт насадил на крючок сопливую мидию. — Порядок должен быть. Опять же жалование по ведомости платят, а не как в голову стукнет. Все строго!

Вблизи черт был не особо страшен: зеленоватый, с легкой глянцевитостью, худой как вобла, голенастый как сверчок. Копыт и хвоста не имелось вовсе — понятно, на копытцах по таким камням не поскачешь. Рога страшные — острые, матерые, от рабочих потертостей аж белесые. На одном рогу рядком блестят серебряные кольца, видимо, обозначают мудреное черто-профессорское званье.

— Ты, Григорий, не журишь, — с неожиданным хохлацким акцентом молвил черт. — Делов ты уже понаделал, пора и отдохнуть. Не худшее тут место, между нами.

— Так-то оно так. Но непривычный я к этакому отшельничеству, — признался Распутин.

— Приживешься, — заверила бесхвостая нечисть.

— А ежели зима? У меня шуба там, у Юсупова-гаденьша, осталась.

— Если до холодов дотянешь — я тебе тулупчик закину. И чего-нибудь съестного притараканю. Люди тут жили, и неплохо жили. Главное, грехи замаливай, размышляй, душой и кишечником воспари. Осенью бабурка пойдет, суши, вяль, она жирная по осени. Сольцы я тебе тоже подкину.

— Мадерки нельзя ли? Хоть бы ящичек? Или водочки...

— Алкоголь — яд! — строго напомнил черт-профессор. — Ты с дурными привычками завязывай. Бороду оскобли, ногти обрежь, голову побрей. Святостный облик тут без надобности, да и вообще бритому современнее и гигиеничнее. Да, если кто случайно заплывет — ховайся как вспугнутая мышь. А то к веслу живо прикуют, тут с этим очень даже просто.

— Да за что меня к веслу?! Разве я каторжник какой?

— Где же ко всем веслам каторжников напасешься? Тут технологии устаревшие, зато законы простые: поймали чужака, значит, гребец. Так что, не высовывайся, весла, они тяжелые. Советую мемуарами заняться — от них мозолей меньше.

— Дык то понятно, — горестно вздохнул старец.

— О, зовут меня! — оглянулся черт. — Пора на службу.

На площадке у пещеры стояла дамочка, поправляла мокрые волосы, смотрела недобро.

Черт сунул удилище Григорию:

— Крючки береги, не теряй, а то у тех вон камней цепляет просто шмондец как часто.

Счастливо оставаться!

— Вы уж не забывайте, заглядывайте, — взмолился старец.

— Всенепременно, бывай здоров!

Черт шустро скакал по камням к своей светловолосой хозяйке, та издали насмешливо отсалютовала остающемуся праведнику.

Исчезли...

Старец, вздыхая и с опаской поглядывая на "зацепливые" камни, закинул удочку. Едва не стегнул наживкой каменный гребень за спиной. Эх, опыта нет. Ну, то ничего, приспособимся. Вот с этими мемуарами как? Как они вообще пишутся? Это же не просто книженция, а ответственное жизне-писание. Надо было у черта уточнить...

* * *

Шпионы шли от Почтамского моста. После летнего уюта иного мира в октябрьском Петрограде казалось особенно ветрено и зябко.

— Ладно, старца перекинули, — проворчала молодая дама, пряча нос в лисьей опушке полупальто. — На его письма я особых надеж не возлагаю, но вдруг...

— Да уж какие тут могут быть надежды?! — отозвался ее рослый спутник. — Мы абсолютно безнадежные. Только и опора на эту самую абсолютизмость. Вот я как-то болтала об этом парадоксе с Лизой Тюдоровой, так та такую ахинею несла, что я даже конспектировать забыла...

— Елизаветы Первая была довольно странной женщиной, — хмуро согласилась дама. — Носит тебя бессмысленно, лишь бы языком поболтать. Ты лучше скажи, зачем было Распутина рогами запугивать? У него и так завихрения в подгнивших мозгах.

— Не понимаешь ты, Светлоледя, основ психологии выдающихся личностей, — в возмущении всплеснул руками фальшивый спутник. — Они, эти выдающиеся, чрезвычайно умственно-устойчивые, только не нужно их лишний раз отвлекать и путать мелочными проблемами. Попал в ад, явился черт и инструктирует — что тут алогичного? Вот если у черта рогов нет — это странно. Странно и подозрительно!

— А рога непременно чтоб антилопы?

— А вот обязательно ли придирается? Тут кто оборотень: я или ты? Подвергаешь сомнению мой профессионализм, что несколько обидно. Хорошие же рога, убедительные. Заметь — именно к рогам никаких вопросов не возникло. Я давеча в охотничьей гостинной Кшесинской такие рожки видела, очень внушающие. Кстати, нужно будет Грише какой-то самоучитель по мемуарному делу закинуть, а то скиснет святой отшельник в безделье. Он толком писать не умеет, а мне потом редактируй всякую галиматью...

— Закинь. Сейчас вернемся к анализу основной операции и попытаемся осознать, что за хрень у нас получается...

Глава первая. О жабрах и иной земноводности

Замок "Две Лапы"

За четыре дня до дня X(по ОВР)

— Некоторые на реке, на озерах, а мы с тобой здесь сидим, — пробормотала Катрин, пригнувшись к жабрам. — Ну, ничего, судьба уж такая.

Жабры пахли добропорядочно, а сама жертва, хоть и сохраняла меланхоличное молчание, была согласна. Проиграла в честной борьбе, кажется, на Черноозере поймана. Не сетью загребли, на блесну пошла, пенять не на кого.

Катрин с подозрением заглянуло в брюшко с лучинками-распорками. Нет, здесь тоже неплохо.

Вяление рыбы "для себя" — отдельное искусство. Несмотря на множество имеющихся рецептов, приходится изобретать что-то свое, собственное. Для массового производства не годится, но как кулинарное хобби...

Леди Медвежьей Долины вздрогнула и быстро повесила полуготовую судачью тушку на крюк. Что-то сейчас случится...

— Чужак! От брода! — донеслось предупреждения с дозорной площадки.

Понятно. Вот так всегда, в самый решительный момент...

Леди выскользнула за тряпичную занавеску крошечного помещения экспериментальной сушилки, тщательно поправила легкую ткань — мухи нам абсолютно не нужны.

— Вообще-то, это господин Эндрю к нам по дороге поднимается, — сообщил с башни часовой. — Но он все равно вроде как не совсем наш, так?

— Все верно, о гостях предупреждение тоже не помешает, — одобрила Леди. — Ты бди, бди. Я пойду, встречу. А то наш господин Эндрю вечно торопится.

По летнему послеполуденному времени двор замка был пуст — жарковато, личный состав сам собой в сиесту выпадает. Ну, дни длинные, все само собой успеваешь, кроме того упущенного, что осенью вдруг возникнет и мы подхватимся как ошпаренные. Впрочем, периодическая ошпаренность — есть главный признак организационной жизнедеятельности.

Катрин вздохнула и вышла за ворота. Андрей — друг дома и вообще хороший человек. Но его внезапное явление наверняка несет новости, а внезапные новости — едва ли хорошие новости. Впрочем, будем надеяться на лучшее.

Хозяйка Медвежьей сидела на перилах моста и смотрела, как сквозь марево на дороге приближается знакомая фигура. Гм, душновато сегодня.

— Привет! Запарился?

— Вы бы замки пониже к реке ставили, — проворчал визитер, пожимая руку старой знакомой. — Уф! Как у вас? Все в порядке? Близнецы стажируются?

— По последним данным, пытаются превозмочь странную систему либерально-цивилизованного образования. С переменным успехом. В остальном, все в порядке. А, еще наша мелкая внезапно научилась плавать. А у вас-то как?

— Если лично у нас, то неплохо. Помидоры уже вызрели, от Мариэтты ваш элитный поросенок удрал, уж недели две бегают вокруг усадьбы, в руки не дается, устрашающе визжит вечерами. Ждем, когда клыки отрасли, будет у нас Секач-охрана. В общем, нормально. Вот в остальном... Короче, не вели казнить, Катерина Георгиевна, принес почту, новости не то

что плохие, но неоднозначные.

— Это уж как водится.

Андрей передал казенного вида пакет, качнул вторым, потолще:

— Тут второстепенное, терпит.

— Ты спешишь или зайдешь, дух переведешь? — спросила Леди, с тоской глядя на машинописное "Мезиной Екатерине Георгиевне, лично в руки".

— Зайду и даже чего-то выпью. Ответа подожду. Вы не спешите, там осмысление требуется. Рад видеть, Флоранс!

Вторая хозяйка "Двух лап" стояла в воротах — безупречно свежая, словно и не дремала только что в детской.

— Добрый день, Андрей. Зайдешь?

— Всегда приятно у вас побывать, вот только почта сегодня сомнительная. Извини, пожалуйста, — пробормотал гонец. — Слушайте, налейте пива, а?

Посланник остался в каминном зале, потягивать прохладное пиво и беседовать с Энгусом-управляющим о правильных способах починки частокола — теме довольно скучной, если только ты не по горло занятый дипломат и консул, которому переночевать и повозиться в родной усадьбе — уже счастье.

— Даже не хочу угадывать, что там, — призналась Фло, наблюдая, как взрезается плотный конверт.

— Что тут угадывать? Вид официальный, печать очевидная, серпасто-молоткастая, а из Союза нам только один человек пишет, хорошо, что не часто. Раз вспомнил, да еще срочно, следовательно, нужны мы. Зачем, это, конечно, вопрос. Но войны там определенно нет, ты же знаешь. Не волнуйся, пожалуйста.

— Товарищ Попутный, он вообще не военный. Поэтому всегда на войне, пусть и тихой, шпионской, — напомнила Флоранс.

— Он уже политик куда больше, чем контрразведчик. Да и не в КГБ же он меня зовет, в самом деле. Там профи хватает.

Бумага мелованная, хорошая, министерская...

"Драгоценная и незабвенная моя, Катерина Георгиевна!

Рад, что судьба дала повод лишний раз напомнить о себе вашему давешнему другу, почитателю и поклоннику. Ежедневно вспоминая времена давние, романтические, смаргиваю слезы и даю себе слово непременно закончить либретто "Степного поезда". Впрочем, к сути дела..."

— Ой, обычно Витюша на страницу троллинг разводит, — занервничала хозяйка Медвежьей. — Раз так лаконично, точно что-то серьезное стряслось.

"...Возникли серьезные проблемы. Не у нас, а в соседней "кальке". Есть веские основания полагать, что это пробный заход и следующие на очереди уже мы. По понятным причинам, интерес к нам со стороны зарубежных "партнеров" только нарастает. Наверняка, ты причины понимаешь, как и то, что даже отголоски коррекции соседней "кальки" на нас могут воздействовать неслабо..."

— Это что ж там такое заваривают?! — застонала Катрин.

"...Вмешались в октябрь-1917. По-видимому, работают две группы, не связанные друг с другом. Воздействие резкое, топорное, методы пакостные и, я бы сказал, любительские. Убиты Калинин, Каменев, несколько иных весьма значимых, хотя и незначимых лиц. Цель коррекции неясна — похоже, работают против всех, пытаюсь свести ситуацию к полнейшему

хаосу..."

— Но там же и так революция, следовательно... — прошептала побледневшая Флоранс.

— Ну да, он так и пишет:

..."делают из хаоса хаос в квадрате — и эта бессмысленность пугает. Если только не допустить мыслишки, что операция направлена конкретно против скромных нас и собственно политические результаты инициаторов не волнуют".

Катрин опустила письмо:

— Витюша допускает, что начата пробная контригра. Он у себя осторожно ведет ситуацию к решительной коррекции в 1973-м, а противник вмешается много раньше и обрушит конструкцию. Вообще-то, такого не должно быть, вектор обязан выпрямиться, но... Черт его знает, что из такого буйного эксперимента выйдет.

— Ваши эксперименты в "кальках" — наиглупейшее занятие, из выдуманных человечеством, — ледяным тоном напомнила Фло.

— Слегка категорично формулируешь, но не буду возражать. Просто, раз разновременные пространства и "кальки" существуют, кто-то должен там шнырять и пробовать это дерьмо на зуб. Поскольку, если не мы там щупаем, пощупают нас.

— Я сейчас сильно ругаться начну, — предупредила подруга.

— Ага, но чуть позже.

"...Нами были посланы три группы. Третья не дошла, сейчас ее ищут. Связи с двумя первыми опергруппами нет. Увы, никаких операций в данных годах нашим Отделом не предусматривалось и не разрабатывалось, специалистов попросту не имеем, результаты спешки и аврала закономерны. Понимаю, что сейчас ты вправе харкнуть мне в морду и это будет справедливо. О реакции драгоценной мадам Флоранс даже не говорю. Готов на кастрацию и сдирание шкуры, прошу только отложить до моей пенсии..."

— Подлец, мысли так и читает, — прошептала Фло, торопливо читая письмо и опираясь подбородком о плечо подруги.

— Да, это у него легко. Тот еще экстрасенс.

"...Помогите, очень прошу. По слухам, у тебя появился чрезвычайно талантливый коллега, и повесть о вашем совместном противодействии малоизвестным нехорошим событиям ввергла меня в искренний восторг и зависть. Впрочем, и возгордился я немало — все-таки довелось с тобой побывать в деле. Может, попробуйте, а? Там всего несколько дней, артиллерией не работают, события в большей степени политические. Ликвидировать никого не надо, только понять "кто и что", да вывести на злодеев группу захвата. Собственно, хоть Красную гвардию или юнкеров выводи — диверсионные группы у оппонентов малочисленные, кто угодно их прищемит. Но как их найти? Откровенно говоря, мы непоправимо опоздали — коррекция начата внезапно, ОВР^[2]-резерва у нас практически нет. Остается надежда на твою личную везучесть и опыт."

— Гм, оказывается я везучая, — поморщилась Катрин. — И у меня опыт. Видимо, предпенсионный, вот-вот шкуру начнут сдирать.

— Не говори так! — вздрогнула подруга.

— Слушай, я все равно не пойду, незачем нервничать. Я бы, может и помогла Витюше, старая дружба, коллеги, всякое такое... В конце концов, он любовником был очень даже недурным. Но в данном конкретном случае, что я в 1917-м буду делать? Петербург я знаю слабо, с событиями знакома... в пределах полузабытого учебника. "Аврору" помню, но, судя по всему, исторический крейсер вне опасности. Так что там делать? Бродить по Невскому и

присматриваться к подозрительным физиономиям? Так там в те дни каждая вторая морда — подозрительная. А каждая первая — откровенный террорист. Да и вообще уже поздно события назад откручивать. Проще еще одну революцию устроить, чем исправить подпорченную.

— Полагаю, потому твой Витюша и намекает на "талантливого коллегу".

— Да ладно, не смейся. Революция — предприятие громоздкое, в одиночку его не раскачаешь. Тем более, революция уже идет, временной люфт всего в пару дней. Что можно успеть?

— Не знаю. Давайте сходим. Втроем. Если среди приличного общества придется работать, то у меня неплохо получается, — со сдержанной гордостью напомнила Флоранс.

— Ага. Ты маленькое обстоятельство упускаешь.

— Но что же теперь прикованной к нему сидеть?! Обстоятельство! У нас здесь десяток опытных нянек.

— Нянек много, но доверяем только мамочке. Очень взыскательный и рафинированный у нас ребенок. Папины гены.

— Ты преувеличиваешь...

Сверху, из детской донеслось пронзительное детское завывание.

Катрин усмехнулась:

— Вот это интуиция. Как у нее выходит? Не могла же слышать.

Через минуту Флоранс вернулась с ребенком на руках — младшая дочь зевала и с подозрением хмурилась на стены кабинета.

— Вот — мы абсолютно спокойны, — продемонстрировала Фло.

— Ну, я, когда у тебя в руках, тоже абсолютно спокойна, — согласилась Катрин. — В общем, нужно как-то на письмо ответить. Дипломатично-отрицательно. Хотя он в заключении заверяет что "все сознает и отнесется с пониманием".

— Мне на Витюшу наплевать, — сообщила подруга, отодвигая от дочери охотничий кинжал с заманчивым шариком на навершии. — Но ты сама изведешься. Ставка на судьбоносный 1973-й слишком высока. И ты, и уйма наших знакомых сделали очень много для воплощения этого плана. Придется помочь. Если не пойдешь, то разнервничаешься, а нервная ты весьма опасна для мира и окружающих.

— Ну и перестань тогда смаргивать, — проворчала Катрин. — Я бы сходила и помогла. Но как? Нельзя же переться наобум. Я в том октябре действительно никого и ничего не знаю. Такие тонкие операции годами готовятся.

— Готовятся годами, а в первые пять минут все запланированное идет к чертям. Ты сама это сколько раз утверждала. С другой стороны, если идти с "коллегой", у которой все "наперекосяк" по определению, удвоенные "косяки" могут дать плюс.

— Ты стала очень по-русски мыслить, — отметила хозяйка Медвежьей.

— О, очень странно, с чего бы так, да. Пойдем к Андрею, уточним детали?

Во втором конверте оказалась внушительная пачка пропусков и мандатов, с еще не проставленными датами — скопированы документы были просто шикарно. Еще имелось свежее офицерское удостоверение: МО СССР, капитан Мезина Е.Г., датированное апрелем 1963-го.

— Повысили, — Катрин со вздохом налила себе пива. — Фото только очень юное. Недостоверно.

— Ты почти не меняешься, — заверил Андрей. — И форма тебе все-таки удивительно

идет.

— Ну да, все та же дура и опять в форме. Кстати, не факт, что наш "коллега" согласится, — напомнила о очевидных сложностях ситуации внезапный советский капитан. — У нее планов громадьё, учебный график, командировки, конференции, просто удивительно загруженная личность.

— Такой шанс попасть в историю и она не воспользуется? — скептически покачал головой Андрей. — Ты ее попытайся сдержать. Там и так две революции было, а так еще третья наметится. Какая-нибудь Декабрьская-Махновская.

— ОНО походило, посмотрело и свой марксистко-анархический пыл поумерило, — заверила Флоранс. — Даже чуть жаль наблюдать такое крушение веры в азартность человечества.

— Увы, кто из нас не разочаровывался в идеальности мироздания, — согласился консул. — Я пойду, пожалуй. Проводники к месту вам, естественно, не нужны, а как определитесь со снаряжением — живо забросим. ФСПП в курсе, все затребованное изыщем незамедлительно. "Коллеге" от нас с Маней пламенный привет! Ой, чуть не забыл...

Младшей наследнице "Двух Лап" был вручен замечательный куколенок с моргающими глазами, и Андрей отбыл по неотложным дипломатическим делам.

— Жуткая жизнь у людей, — проворчала Катрин, — вообще дома не бывают. В этом смысле я, действительно, куда повезучее буду. Собираемся, что ли?

* * *

— ...И кортики достав,
Забыв морской устав,
Они дрались, как тысяча чертей.
Все ленты сорваны,
Тельняшки порваны...^[3]

— напевал гуманоид, энергично шагая по пляжу. Голос у певца (вернее, у певицы, ибо женственное начало угадывалось очевидно и несомненно) был негромок, но не лишен приятственности. Да и сама внешность даркши — легкая и безупречно стройная, лишенная всяких там мясистых излишеств, сомнительных выпуклостей и округлостей, не могла бы не восхитить понимающего наблюдателя. Ровные руки и ноги с утолщениями составошарниров, небольшая гладкая голова с аккуратными дырочками ноздрей и небольшими круглыми глазками, обладающими необычайно ясным взором. Все это непомерно лаконичное совершенство было обтянуто плотной, слегка глянцевиной безволосой кожей, уникально приятного глазу, неповторимого оливкового колера. Всякие там ассоциации с прямоходящим чучелом лягушки — абсолютно неуместны! Во-первых, чучела не поют, во-вторых, каждый образованный человек сразу бы понял, что ему посчастливилось лицезреть представителя племени коки-тэно. Знаменитейшие оборотни, способные имитировать любую личину и образ, непревзойденнейшие шпионы, путешественники и исследователи! В своем естественном облике! Ну не редчайшая ли удача?!^[4]

Из одежды на уникальном дарке имелись лишь тельняшка, почему-то в зеленую пограничную полоску, и ремень с внушительным ножом.

— Да что ж такое тяжеленное?! — спросила оборотень у волн, перекладывая ведро в другую руку. Ведро, мягкое, жестяное, в очевидных остатках ярко-красной нарядной краски, наполняли массивные раковины пяточниц. Судя по всему, емкость для сбора моллюсков была позаимствована с иномирового пожарного щита.

Профессор, крелясь под тяжестью ведра, взобралась на песчаный обрывчик и увидела гостей:

— Ого, какие человеки! И с охраной!

Под охраной, видимо, подразумевалась Блоод, которая была скорее проводницей, а не телохранителем.

Дамы-дарки дружески обнялись, Лоуд глянула на двух визитерш-человеков и милостиво разрешила:

— Ладно, можете меня поцеловать. Только без этих... без страстностей.

Флоранс, смеясь, чмокнула, зеленоватую щеку, а Леди Медвежьей проворчала "обойдешься" и подхватила тяжелое ведро.

— Вот! Практичный деловой подход! — восхитилась оборотень. — Уважаю! А что у вас стряслось? Просто так вы же хрен заявитесь.

— Это к Леди, — Блоод указала великолепным когтистым пальчиком. — Проблемы там. Кормить улитками? Будут?

— Вот прямо для вас и собирала, — вздыхая, заверила оборотень. — Чего ж теперь делать, сварим устриц. Но на шампанское не рассчитывайте!

Дамы направились к костру, над которым уже висел котел, испускающий весьма приятный рыбный наваристый аромат. У костра сидело семейство оборотня, оно же шпионско-боевой экипаж, и молча наблюдало за встречей. Невысокий черноволосый мужчина, с вечно-недобрым выражением точеного смуглого лица и именем Укс, и совсем юный парень, тоже худой, поджарый, обветренный-ободранный, хотя и успевший поспешно причесаться при появлении неожиданных гостей — этот оболтус отзывался на неофициально-укороченное имечко — Гру. Рядом с бродягами валялся английский бульдожек, на редкость кривоногий, но симпатичный. Гостей он знал, потому беспокойства не проявлял, продолжая бдительно приглядывать за берегом и дюнами.

— Садимся, ложки готовим, раз уж заявились, — радушно пригласила Лоуд. — На первое рыбий кулеш по-речному-морскому, мне Гек рецептик подогнал.

— Гм, это интересно, — признала Катрин. — Авторство рецепта Гека, который с Чуком, или американского происхождения?

— Опять эта въедливость! Ну, вот какая разница с твоим-то аппетитом? — покачала головой оборотень. — Говорю же "по-речному", по-миссисипски. Падайте!

Гости расселись — Блоод, понимающая, что будущий разговор ее касается мало, опустила между мужчин. Хозяйки "Двух Лап" заняли место рядом с оборотнихой.

Супчик оказался весьма недурен. Трактовать приписываемое авторство рецепта следовало осторожно: среди своих друзей Лоуд от вранья отдыхала, но шуточки у нее случались столь многослойными, что лучше не особо вникать. Гек Финн или кто другой придумал, но вкусно.

— Так что там у вас зачесалось? — перешла к делу оборотень, вытирая коркой лепешки опустошенную миску.

— Тебя вербуем, — прямолинейно сказала Катрин. Выделенная на двоих с Фло миска уже опустела, а переходить к сути дела следовало сразу и конкретно.

— Понятно, что меня, не Блекх же вам понадобился, — Лоуд указала на встрепенувшегося пса. — Кобелей у вас и так хватает, а я единственная. Что? Где? Когда? И сколько?

— Петроград, 1917-й. Октябрь по старому стилю. Кто-то влез в революцию и события

рискуют поменять курс. Изыскиваем виновников, сдаем компетентным органам.

— Органам на органы, гм... — оборотень почесала ушное отверстие черенком ложки и решительно сказала: — Не пойду! Звиняйте, любы друзи. Во-первых, я там уже была. Во-вторых, это воистину замечательные, интересные дни. Но печальные! Только подумать: такой великолепный шухер, а через какие-то семьдесят лет — полный пшик и импотенция. Как вспомню, так у меня наступает меланхолия и отсутствие аппетита. Этак и до проблем с пищеварением недалеко. Это, кстати, от проклятых галет. Да и главное — погода там отвратительная! Ужасен Петербург в осеннюю пору. Особенно, когда октябрь вообще ноябрь. Меня эта двойственность месяце-наименования всегда возмущала.

— Меня тоже, — призналась Катрин. — И насчет погоды совершенно согласна. "Шухер" я чуть иначе оцениваю, но не суть важно. Тревожит и смущает иное. Слушай, ты ведь когда там изучала революцию и шлялась по митингам, в суть не вмешивалась?

— Катя, это странный вопрос, — кратко отметила оборотень.

— Давай без обид. Это не странный вопрос, а риторический. Я знаю что ты всерьез обещанное всерьез выполняешь. Я с другой точки зрения. Ведь имелись мысли и идеи, как "улучшить и углубить"? Не могли ведь не иметься.

— Что ж я совсем безмозглое?! Конечно, имелись мыслишки и очень даже продуктивные. Но я воздержалась.

— Вот и я воздержалась. Я, конечно, не такой знаток революционного движения, но в свое время имелось желание пойти и вмешаться на ключевом этапе. Прихватить с собой ящик патронов и скорректировать процесс.

— Что ты мне про свою контрреволюционную реакционную сущность толкуешь? — пробурчала оборотень. — А то я не в курсе. Ты с войны вернулась, можно понять. Я поразмыслила и отчасти даже поддерживаю. Конечно, по состоянию хрупкого организма я от фронтов держусь подальше, но пакостное это дело, кто спорит.

Катрин кивнула — оборотень не выносила артиллерий и вообще близкой стрельбы — учитывая тонкий слух коки-тэнов и иные обстоятельства, вполне можно понять.

— Так вот, товарищ Лоуд. Мы с тобой, имея основания и вполне благородные, пусть и противоположные, побуждения, от вмешательства воздержались. А кто-то влез грязными ногами и давай крушить. Убиты Калинин и Каменев...

— Гм, вот же какие шмондюки вредят. Ладно Каменев, я с ним не знакома. Но дедушку Калинина жалко. Он мне как-то орден хотел вручить. Я, конечно, отказалась, но все равно было приятно. А с чего эти, вмешалистые злодеи, вообще туда встряли? С какими корыстными целями?

— Да демоны их знают. В смысле, как раз это и нужно расследовать. Но я тебе сейчас на иное намекаю. Мы уславливались, что не вмешиваемся. Но сейчас как раз нужно вмешаться. Пусть и сдержанно, ограниченно.

— Она мне намекает?! Растолковывай, разжевывай глупому оборотню, — немедля принялась иронизировать многоопытная шпионка. — Обстановка в общих чертах ясна. Но чертт, как известно, притих в деталях. Кстати, а что с гонораром?

— ФСПП оплатит как обычно, плюс зимние командировочные. Глорская гильдия здесь не причем, не их направление.

— В Глоре откровенное жмотье засело, я с ними еще поскандалю, дождутся. Прямо даже не знаю. Дело вроде хорошее, нужное, опять же вы пришли и слезно просите. Но ведь этак, сходу, напрыгом... Мы же с тобой уже не девчушки, этак стрекозками в лампу на

огонек лететь.

— Угу, не девочки. Но импровизации тебе всегда удавались.

— Импровизации... Тут Великая Октябрьская Социалистическая Революция! Без всякого преувеличения — событие космического масштаба. Заметь — я без шуток и иронии. Как-то боязно братья, да еще и второпях. Я ведь когда-то конспект набрасывала. Чисто для игры ума. Укс, ты ту красненькую тетрадь помнишь? Куда ее засунули?

— Нет ее. Должно быть, тогда у Скара сгорела, — отозвался вроде бы не слушавший, а шептавшийся с Блоод, соратник оборотники.

— Что это вы мою документацию утериваете?! Спасать нужно было!

— Так вас, маманя, и спасали, — напомнил младший член семейства.

— Неужели я не помню?! Правильно, меня, а потом документы. Там же уникальные мысли были! Тьфу, знала же, что могут пригодиться. Еще у меня тогда пресс-папье сгнуло. Екатерининское, очень хорошее, — принялась припоминать Лоуд.

— Не отвлекайтесь, маманя, — попросил мальчик.

— Да что тут отвлекаться, теперь вот придется идти. Дело принципа! Потом зайду в Зимний, пресс-папье подберу, — приняла обоснованный план действий решительная оборотень.

— Ради такого случая позволительно и что-то антикварное присмотреть. Только весь Эрмитаж угаскивать не нужно, — попросила Катрин.

— Куда его весь ваш Эрмитаж, у нас университетский музей не резиновый. Вот каникулы придется продлять, хотя у нас график занятий плавучий, но все равно нехорошо, — озаботилась профессор.

— Это ненадолго. Пять-шесть дней, — заверила Катрин.

— "Пять-шесть", как же. Ходили мы уж с тобой, знаем. Месяц, не меньше.

— Нет, там что-то с Общим временем намутили. В цейтноте работаем.

— Ишь ты, какие хитроумные шмондюки, — удивилась ушлая прыгунья по мирам. — Даже интересно. Ничего, разберемся.

— Спасибо, — подала голос Флоранс. — Пожалуйста, присмотрите там друг за другом.

— Не сомневайся, вернется твоя Светлоледя в целостности и сохранности, — заверила Лоуд. — Хотя ее пристойного поведения я не гарантирую. С ее-то пылким темпераментом...

— Если нужно будет, все что угодно, любые постели. Но с учетом аутентичных зараз, — жалобно напомнила Флоранс. — Слушайте, я пойду, наверное.

— Идите-идите, а то ваша младшенькая и досюда доорется, — ухмыльнулась оборотень. — И в кого такая горластая, даже непонятно, да? Малыш, ты что сидишь как обезьян на скале в прилив? Передай ребенку грушу, не жадничай.

Катрин отошла с подругой в сторону.

— Удачи! — прошептала Фло, с трудом удерживая три огромных дареные груши. — Если что, вызывайте нас сразу. И поосторожнее, очень прошу.

— Дело политическое, без смертоубийств.

Фло только вздохнула.

Они поцеловались, Катрин с осуждением глянула на груши:

— Похоже, обормот уже практически наш родственник. А ведь я про свадьбу ничего не слышала. И вообще я категорически против. Шпана он откровенная.

— Боюсь, тут слово Леди не решающее. Остается соблюсти приличия. В сущности, он не такой плохой парень. И упорный.

Фло и Блоод исчезли, а революционные шпионки спустились на пляж.

— Я тут подумала: чой-то, ты, Светлоледя, меня вечно в противоречивые коллизии втравливаешь, — провозгласила оборотень, сбрасывая просторный тельник. — То не делай вам революцию, то делай — вот как вас, людей, поймешь?!

— Строго говоря, делать нам ничего не нужно — нужно проследить, чтобы другие не наделали.

— Что ж, следить я когда-то умела, хотя вся эта педагогическая возня в универе порядком притупляет интеллектуальные способности.

— Не прибедряйся. Способности у тебя столь необъятны, что...

— Тоже верно. Но так и подмывает взять хворостину и упростить образовательный процесс. Кстати, что это на тебе за труселя? Манька подогнала?

— Ныряй уж, — посоветовала Катрин. — Это из наших личных запасов, пока без сомнительных модных даров Мариэтты обходимся.

Лоуд — истинная дочь моря — нырнула и исчезла, гостя неспешно доплыла до отмели и обратно. Волны были теплыми, ласковыми — славные края, безлюдные.

Потом сидели на песке и пытались продумать хоть какой-то план.

— Что-то не идет, — признала Лоуд. — Наверное, это от того что нам этих самых... вводных не хватает. Может там уже всех наших постреляли и революцию надоть с самого начала разворачивать.

— "Наших"... Ты эти крены прекращай. Мы за историческое равновесие, а не туповатые подыгрывающие кому-то полубогини с куцыми послезнаниями.

— Да, знаний маловато, — согласилась оборотень. — Я ведь больше на личности внимания обращала, любовалась интеллектуально-революционной игрой ума. На город не очень смотрела. Ну, каналы там любопытные, мосты, кавалерист на изваянии. О, столб еще этакий, примечательный.

— Но Смольный помнишь? Я там и не была ни разу.

— Еще бы я Смольный не помнила?! Очень интересное место. Только кабинеты путано расставлены и часовые привязчивые. Но что там по округе, подходы и где буфет — помнится смутно. Хотя у меня карта Питера есть! Точно! Ее наш Гру почитывал.

— Хм, он карту Петрограда читал?

— Там не только карта, а всякие инструкции, загадки и прочее. Довольно интересно, я прихвачу.

— Хоть что-то. Я тоже успела в компьютере план глянуть и последовательность событий, — Катрин ссыпала с ладони сухой пляжный песок. — В общем, осмотримся, вникнем, войны там все-таки нет. А для начала пройдемся по верхам и попробуем подправить обстановку на раннем этапе. Упредить, так сказать.

— Что-то я сомневаюсь. Ты задолго хочешь вмешаться, а ведь вектор истории заведомо выпрямится, сама все время о том талдычишь. Да и личностей наподбирала каких-то неинтересных, они непойми каким боком к революции.

— Зато их узнать легко, я их даже по учебнику помню. В любом случае раз ситуация уже не классическая, наведем противнику помехи. Хотя этот самый противник у нас, похоже, придурошный.

— Хитроумно маскируется? — предположила оборотень. — Вот мы с виду тоже не из гениальных, а как до дела дойдет, ого! Отловим шмондюков — хворостиной не отделаются!

Глава вторая. Осенняя капель

Выборгское шоссе, дом 106.

Девять дней до дня X.

Подмерзшая, невидимая во тьме трава хрустела так, что страшно ногу переставить. Царила глубокая ночь середины октября: осень уже сломана, неумолимо подкрадывается бесконечная зима, холодно и мутно серебрится пустынное шоссе, отрезанное от рощицы шатким штакетником. Ветер неровно трогает ветви берез, и оттуда, с, казалось, обнаженных ветвей, летят бурые листья. В глубине рощицы дом: деревянный, двухэтажный, со сложно-изломанным нелепым мезонином. Окна слабо светятся: словно тлеет дешевое и прогорклое постное масло в грязных мерках базарных торговок. Мерзость!

— Что ж, милостивые государи, пора. Мой выстрел первый, далее по уговору. Будем решительны и беспощадны!

Игорь-Грант хотел что-то сказать, но лишь поморщился и отвернулся в сырую темноту. Третий боевик — Петр Петрович — весело усмехнулся, в темноте сверкнула белизна острых зубов. Поеживаясь, двинулся к позиции — ему предстояло взять на себя фасадную стену дома с застекленной верандой.

Предводитель группы стоял, прикрыв глаза. Шорох травы стих, ветер замер, ждали встревоженные березы. Мертвая тишина.

Алексей Иванович открыл глаза. Дом — это омерзительное даже на вид, чумное строение — дом ждал исполнения приговора. Гости в нем есть — удалось удостовериться. Все ли в сборе? Этого не узнать. Что ж, рискуем, для того и пришли.

Хам уже давно здесь. Петербург набит хамьем — бунтующим и обнаглевшим — словно бочка подтухшей сельдью. Хам вездесущ: на Невском и на вокзале, в гостиницах, магазинах и лавках, на дворцовых площадях, в проходных дворах и на набережных. Все что копилось наглое, темное, противоестественного в несчастной России за последние пятнадцать лет — оно здесь, в гниющей столице.

Хотелось поскорее покончить. Алексей Иванович распахнул пальто и, отчего-то торопясь и оттого совершая лишние, глупые движения, принялся собирать пулемет. Раскрыть приклад, вставить лаконичный пенал магазина... Согревшееся под одеждой железо повиновалось с равнодушной готовностью. Боевик обтер ладонь о пальто, освободил затвор из предохранительной прорези. Оружие — обманчиво-неловкое, похожее на тевтонскую руну, собранную из фрезерованной и штампованной стали — было готово к стрельбе. Да, среди родных осин и берез до столь убийственного механизма додуматься не способны. Дреколье, топоры, ржавые ружья и тупая ярость — вот чем они сильны. О хамье, хамье!

Легкие пулеметы, коробки с патронами и все остальное группа забрала из условленного места десять дней назад. Изучить и испытать оружие, провести пробные акции, проверить себя и соратников — времени хватило на все. Разве что окончательно привыкнуть к псевдонимам, так настойчиво рекомендованным связистом Центра, и перейти строго на нейтральные "Гранд", "Шамонит", не получалось. Ну что это за собачьи клички?! Выбирали новые имена, конечно, сами члены группы, связист лишь обозначил принцип принятых в организации псевдонимов. Сам Алексей Иванович, поколебавшись между именами "Чистый" и "Понедельник" — взял себе имя первого дня недели. Имя казалось символичным, но отнюдь не пафосным. Но тут же выяснилось, что из чужих уст псевдоним звучит ничем не лучше мальчишеского "Гранда" или восточно-манерного "Шамонита". Черт знает что такое!

Вспомнив о перчатках, Алексей Иванович, неудобно зажав под мышкой оружие,

принялся натягивать едва не забытый предмет экипировки. Скорострельное оружие требовало тщательного соблюдения осторожности: при пальбе ствол раскалялся так, что голым ладоням ожогов не избежать.

— Глупо, глупо! — сердясь на себя, боевик взялся за оружие — совершенно забылся, взведенное смертоубийство под мышкой зажимал. Это нервы.

Боевик обогнул труп большевистского часового — его сняли из пистолета с глушителем — чудесное оружие, переданное Центром. Хлопок не громче удара в ладоши и лежит "товарищ" как миленький. Петр Петрович выстрелил хладнокровно, точно в голову. Распростерся покойник тихо, если склониться, должно быть, услышишь, как поганая кровь капает на сухую листву из пробитого лба.

Третьего дня Алексей Иванович уже убивал. Нет, не убивал! Очищал мир, отмывал опозоренную Россию. Да, грязное, но неизбежное дело. Совесть чиста. Абсолютно чиста! Те двое легли в грязь, такую же истоптанную и загаженную, как их убогая, вдрызг пропитая матросская судьба. Один из мерзавцев все кашлял, в этакой удивленной, пьяноватой манерой возил в луже локтями. Алексей Иванович добил бандита выстрелом между лопаток. Почему из браунинга, отчего вытащил из кармана именно револьвер, когда начал уничтожение бесов из пулемета? Видимо, что-то бессознательное.

— Я же говорил — проще, чем закурить, — сказал тогда Шамонит, брезгливо подбирая матросскую винтовку и вынимая затвор.

Петру Петровичу-Шамониту следовало верить — он давненько... разговелся. Веселый, талантливый человек, авантюрист до мозга костей.

...Притихший ветер, маслянистые окна дома, скелеты берез — все ждало. Есть ли в доме женщины? Это неважно. Вырезать нарывы, безжалостно удалить гниль и гной — русская земля милосердна, все впитает. И гной, и грехи врачей-врачевателей.

Пора. Алексей Иванович зачем-то сделал шаг вправо, прижался спиной к черно-белому стволу и решительно вскинул пулемет. Сначала угловые окна, потом центральные...

— Дай коры мне, о Береза!

Желтой дай коры, Береза,

Ты, что высишься в долине...^[5]

— прошептал стрелок и нажал спуск...

...Казалось, стрекочет лишь единственная — его — машинка убийства. Лишь меняя магазин, Алексей Иванович слышал дуэт стволов по сторонам от дома. Группа уборщиков работала. Внутри дома кто-то кричал, но эти звериные вопли слушать было незачем. Вставить магазин в горловину, взвести, перехватить перчаткой под ствол поудобнее...

Алексей Иванович вновь вел струю пуль по окнам, стараясь косить ниже, "впритирку". Никакой уверенности, что легкие пистолетные пули достанут всех, не имелось. Но это и не нужно. Ждите, "товарищи", прячьтесь на пол и в чулан, чумные ничтожества...

Еще тридцать два патрона, затвор лязгнул, ночь пахла порохом и раскаленным металлом — очищением. Стрелок торопливо сунул в карман пальто опустевший пенал магазина, втиснул в горловину следующий...

Со стороны веранды донесся звон стекла (удивительно, неужели что-то уцелело в рамах?!), от фасада негромко крикнул Шамонит:

— Готово!

— Готово! — эхом откликнулся с противоположной стороны Гранд.

Пятясь прочь от дома, Алексей Иванович упер в плечо неловкий металлический

приклад и возобновил пальбу. Все шло по плану: хотя он настойчиво предлагал забросить бомбу и со "своей" стороны, коллеги сочли излишним. Исходили они из уважения к возрасту старшего по группе, или из иных конструкторско-взрывных побуждений, не столь важно. Оба инженеры, едва ли ошибутся.

В доме блеснуло багряно-черным, раму вынесло наружу, с Алексея Ивановича слетела шляпа. Уханье взрыва накрыло мгновением позже. О, нужно было зажать уши.

Присев, он нашарил головной убор. Темный, словно провалившийся в пропасть ночи дом приковывал взгляд. Нет, вот сквозь дым блеснуло чистое пламя, разгорается...

Вспомнив, что в пулемете еще есть патроны, Алексей Иванович прицелился, но его схватили за плечо.

— Будет вам, полковник Понедельник! Давайте уносить ноги! — оживленно скалился Шамонит.

— Но где Игорь?!

— Да вон же он...

Перебравшись через заборчик, боевики побежали вдоль пустынного шоссе. Казалось, стало еще темнее. Домов жилых мало, да и те чуть ли не в версте от места акции. Вокруг ни фонаря, ни огонька. Алексей Иванович дважды споткнулся правой ногой:

— Господа, я так башмак испорчу и ногу вывихну. Есть ли смысл спешить?!

— От лавки могут приметить, — озабоченно оглянулся Шамонит.

— Если там есть кто живой, то высунуться побоятся, — заметил Гранд.

Чайный магазин — нелепая пародия на прибалтийский замок или кирху, возведенная в приступе фантазии купцом-чаеоторговцем, оставался далеко за спиной. Укромное место выбрали для своего гнезда большевички.

— Я больше беспокоюсь за лошадей, — сказал Алексей Иванович, испытывающее поглядывая на бледного Игоря.

Молодому инженеру нет еще и тридцати, с бомбами и вооружением он по долгу службы имеет дело, безусловно, привык, но использовать оружие собственноручно — совершенно иное дело.

— Господа, я спокоен. И безжалостен, — лаконично заверил Грант.

— Как бы то ни было, дело сделано, — отозвался Шамонит. — Был ли в домишке "цэ-ка" заговорщиков в полном составе или его избранные представители, мне даже не интересно. Центр послал — мы сработали чисто.

Лошади и экипаж ждали на месте. Алексей Иванович отвязал от столба вожжи, коллеги, хватаясь за резные балясины, покрытые черным облезлым лаком, уже забрались внутрь.

— Позвольте ли убрать ваш пулемет, господин Понедельник? — вновь не к месту ухмылялся Петр Петрович.

— Извольте, — внезапный кучер передал оружие и повел лошадей сквозь жидкие кусты к мостовой. Неуклюжие колеса катафалка норовили застрять в канаве, но обошлось.

Боевики неспешно катили прочь от места акции. Разобранные пулеметы покоились под фальшивым вторым дном гроба, взятый напрокат покойник протестовать и не думал, лежал сверху. Отрабатывает безымянный труп на пользу отечеству и после смерти, — воистину "неопознанный неизвестный" герой. "Вобщем тут все молодцы", как обронил санитар морга, размашистым жестом предлагая широкий выбор прокатного окоченелого товара.

* * *

Проснулся Алексей Иванович как обычно — от скрипа собственных зубов. В квартире

стояла та предутренняя тишина, что особенно долга в осенние дни, когда и утра-то толком не случается. Из-за шторы пробивалась узкая полоса свинцового света, тяжело упиралась в паркет.

Группа квартировала на Пушкинской, в этом доме Алексей Иванович бывал и в былые, спокойные времена. Болтовня о литературе и политике, вино, дамы, тшациесе казаться интеллектуальными до интересности. Танцы... Боже, какой ерундой занимались?! А время неумолимо уходило, вело к этим снам, к этим свинцовым ледяным рассветам...

Алексей Иванович на миг закрыл глаза и кошмарный сон немедленно вернулся. Школьный двор, выборы в волостное земство, боль, грязь под коленями, запах смазанных сапог и собственный крови. Голова вздрагивает: влево-вправо, влево-вправо. Лапы с грязными ногтями держат за ворот как нашкодившего мальчишку, пихают в загривок, удерживают коленопреклоненным. И пощечины... Кажется, тьма их. Нос уже кровоточит, а этот... палач, убийца, мразь, лишь чуть щурится и бьет. Неуверенно гогочут за спиной зрители, громче, громче...

Осмыслить невозможно, до чего чудовищно. Да, был чуть выпивши, в скверном настроении. Но ведь спровоцировал ссору тот лохотун. Черт возьми, разве он из пролетариев, из мужиков? Так унижить на глазах у всех, сволочь, ах сволочь! Обдуманно, изошренно. Бедняжка Вера стояла, зажав себе рот, не верила своим глазам. Он и сам не верил, чувствуя как содрогается разум в хрупкой коробке черепа. Влево-вправо. А смешки все громче. И почти все ведь вокруг знакомые, савкинские мужики: Егорыч, молоденький матрос Милонов, Мишка Адрианов, все свои, кроме этого... лохотуна большевика.

— Кончилось ваше время, господин бывший барин. Не разевай пасть на народ. Не раззаевай!

А Вера молчала, когда торопливо шагали к дому, он все нагибался на ходу, тер грязные колени. Тщетно. Все кончено.

Он уехал из Савкино тотчас. Сменил брюки, схватил деньги. Разговаривать не мог, горло сжимало ледяными клещами, губы распухли. Кинулся к зеркалу, трясущимися руками сбрил бородку. Открылся непристойное голое лицо: бабий рот с лопнувшими губами, огромный красный нос с жирными запятыми ваты в ноздрях. Хотелось застрелиться немедля. Вера стояла у буфета, по-прежнему зажимая рот, а глаза старушечьи, с такими у паперти сидеть.

Он уехал, бежал, малодушно и торопливо, так и не сказав ни слова, оставив Веру без копейки. В поезде курил на площадке. Подошел господин в офицерской бекеше, попросил огоньку.

— Давно вы из госпиталя? — машинально спросил Алексей Иванович, обратив внимание на странную манеру незнакомца держать папиросу.

— Да уж давненько, — усмехнулся тот. — Что значит писательский глаз, мгновенно углядели.

— Нет здесь никаких писателей!

— Как угодно, Алексей Иванович. Узнать вас трудно, но я дважды видел вас в Москве, а память на лица у меня неплохая. Но как вам будет угодно, время для литературы не самое лучшее, тут не возразишь. Я вас об ином хотел спросить. В Москву направляетесь, так? Но судьба империи ведь не там решается...

Алексей Иванович понимал, что вербуют. Но это было спасение. Смыть позор, навсегда содрать с себя шкуру жертвенного агнца. Отомстить. И повернуть судьбу страны. Еще не

поздно.

Запомнив легкий адрес и пароль, он ехал в Петербург. Надеюсь... На что надеюсь? Черт его знает. Стало легче — сразу и значительно. Конкретная цель — вот что нужно избитому и униженному русскому человеку...

— С добрым утром, дорогой вы наш Алексей Иванович! — приветствовал возившийся на кухне с примусом Шамонит. — Сейчас поставлю чай. Ах, нам бы денщика, а лучше горничную. Как вы думаете?

— Думаю, что сальности с утра — дурной тон, — вяло сообщил Алексей Иванович.

— Ну-ну, отчего вы так серьезно, — ухмыльнулся Петр Петрович. — Теперь нам отсиживаться неизвестно сколько, скучно же, честное слово. Кстати, Грант пулеметы еще ночью вычистил. Что значит конструктор — ни часа без винтов и отверток!

— Просто счастье, что вы как химик не лезете ковырять патроны, — молвил бывший писатель и направился в уборную.

Он брился, разглядывал в зеркале свое узкое, породистое лицо. Барское, нервное, мелкопоместное. Бритый подбородок еще оставался непривычен. Возможно, стоит отпустить эспаньолку по примеру Шамонита? Выглядит тот щегольски, с первого взгляда нравится женщинам. Что за глупейшие мысли?! Этак и к найму смазливых горничных перейдешь. Денег много, продукты берем не торгуясь. И это в голодном городе. Осталось только баб покупать. Мерзость какая! Война. Теперь и здесь, в столице война. Сколько мерзких жизней забрано сегодняшней ночью? Восемь, десять, дюжина, больше?

Бывший литератор, обладатель трех премии Императорской Петербургской Академии наук "за словесность", швырнул салфетку, взял флакон одеколona и крикнул в коридор:

— Петр Петрович, за газетами еще не посылали?

— Нет, дворник где-то шляется, распустился лакейский пролетариат.

* * *

Борька пулей слетел по короткой полуподвальной лестнице, ошупью забарабанил в дверь. Отперли, мальчишка ввалился из пахнувшей кошками тьмы в сумрак, благоухающий получше — кашей и стружкой. Сорвал с крупной, стриженной ежиком головы картуз, бахнул им об пол:

— Постреляли! Гады! Военно-революционный комитет на Выборгском шоссе! Всех насмерть!

— Всех? — просипел Филимон. — Ты дух переведи, пары спусти, да кепку подбери. Вон — водицы попей. А газету давай сюда...

Пока Борька пил из здорового "ротного" чайника, норотившего вышибить носиком зубы, остальные подпольщики изучали газету. Статейка была не особо подробная — в редакции спешили успеть к выходу — но жуткая. Часть фамилий погибших широко известна.

— Ловко, — сказал Филимон, складывая газету. — Ишь, осмелела власть буржуйская, напрямки прет.

— Странно. Такие радикальные решения, не иначе пытаются опередить восстание, — Андрей по прозвищу Лев, тридцатилетний инженер, еще недавно работавший в воздухоплавательном расчетном бюро, подошел к окну, глянул на полоску серого света над тротуаром — по двору протопали чьи-то ноги в криво сношенных рыжих ботинках. — Сегодня-завтра все решится.

— Я и говорю! — Борька, отдуваясь, оторвался от увесистого поильника. — Забыли с

нас. О чем Центр думает?! Может, и их уже... того?!

— Бориска, ты еще воды попей, — посоветовал Филимон. — Носишься как барбоска, панику паникуешь. "Весь комитет, весь комитет"... Не, с наскака они нас не возьмут.

— Нас, может и не возьмут, а вон чего творят...

Старшие товарищи не ответили. Филимон, постукивая деревяшкой протеза, подошел к верстаку, подвинул табурет, нацепил очки и вновь развернул газету. Инженер Лев продолжил разглядывать клочок двора. Думают они, понимаешь.

Борька скинул и повесил на гвоздь у двери пальтишко, стиснув зубы, бухнулся за заваленный чурбачками-заготовками стол. На свободном пяточке стоял чугунок с остатками каши.

— Верно, — одобрил, не отрываясь от газеты, Филимон. — Хлеба возьми да доешь. Наше дело солдатское: спи, жри, команды жди.

В мастерской подпольщика вполне обжились. Дощатые нары, тюфяки, печурка — топи стружкой и обрезками, тут на всю зиму хватит. По городу гуляй, диспозицию изучай. Филимон с инженером знали Петроград недурно, а для Борьки огромный город незнаком, если при серьезном деле заблудишься, прощения тебе не будет. Вот только когда эти серьезные дела опять начнутся?

Было серьезному, хотя и малость запальчивому человеку Борису Салькову тринадцать лет. Свято верил он в скорый приход светлого царства социализма, участвовал в двух серьезных делах: одно по изъятию средств на нужды революции, второе и вовсе боевое — со стрельбой. Положили в доме на 2-й Рождественской помощника министра с сыном и охранником. Прапорщик, министерский сынок, оказался резвым, успел револьвер выхватить. Но дергайся или не дергайся, когда к тебе боевики врываются — песенка спета.

Борька разогрел кашу — на вкус была неплоха, умел Филимон варить по-солдатски добротню. Вообще-то, инвалида-подпольщика требовалось называть по боевой кличке — Гаоляном. Но группа была мала, клички как-то не прижились. Борькин, так напряженно придумываемый и красивый псевдоним, небось, сразу и позабыли. Да и ладно — не для театральщины здесь собрались.

Люди в группе подобрались столь разные, что даже удивительно. Вот по каким признакам Центр боевую ячейку формировал? Образованный Андрей-Лев — конструктор, инженер, пусть и относительно молодой, но ведь всякие воздухоплавательные конструкции умнейше изобретал, до того как... Ну, не особо рассказывает, что понятно. Все равно видно: почти белая кость, хотя сам, своим умом к наукам пробивался.

Гаолян наоборот — три класса церковно-приходской, зато великие военно-боевые университеты. Стрелок, бомбардир, сапер — вояка на все руки, пусть и давненько то было. С япошками без броневиков, газов и дирижаблей обходились, но образование и революционную сознательность даже застарелая война дает, да еще как щедро. Особенно, если ногу до колена на тот кровавый опыт сменяешь. В свое время пил горькую, конечно, дядька Филимон по своему инвалидному делу, крепко пил. Дрался, безобразничал. В кутузку сажали, Георгиевского креста грозили лишить. Но спохватился ветеран: если жизнь разменивать, так уж точно не на водку.

Серьезные люди. Себя Борька самокритично особо серьезным не считал. Опыта нет. Ненависти по уши, а с опытом пока не особо. Ну, в деле безжалостной борьбы за светлое будущее главное — твердость! Верно ведь?

Верил Борька, что мать выздоровеет. Твердо верил. Потому что если засомневаешься,

руки так начинают трястись, что и башка в пляс идет. Прицел браунинга не видишь, не то, что точно стрелять браться.

В сентябре это было. С рынка шли мимо прудов, где, как известно, давным-давно хорошая рыба передохла, только скользких огольцов и выудишь. Овощи подешевели, оттого и нагрнула мать корзину так, что волоки, да только покряхтывай. До дома и оставалось всего ничего — мимо мостков пройти, и к улице подняться. Борька заметил стоящих впереди мужчин: один в штатском, другой в офицерской шинели, в золотых погонах, но походному, в ремнях. Чего им на берегу пруда понадобилось?

— Бориска, ты их обойди, — сказала засомневавшаяся мать. — Зацепишь корзиной, не дай бог...

— Чего я их буду цеплять, провиант только пачкать.

Офицер и его спутник не обратили на прохожих никакого внимания, разве что чуть посторонились, пропуская по узкой тропинке. Борька уж собирался переложить в другую руку корзину — едва все жилы не порвала, тяжеленная — как в спину сказали.

— Вот, извольте видеть — шествуют как мимо пустого места. Уже не существом-с... Свято полагают что революции и свободы все им позволили.

— Быдло учить и учить, — ответил офицер.

В следующий миг Борьку ударили в спину, да так, что мигом полетел на мягкую землю. Корзина выставить руки не дала — ткнулся мордой, носом влип. В изумлении дух не успел перевести, как на спину сели. Так тяжело, что хоть задыхайся и разом подыхай.

Очень жалел Борис Сальков что не задохнулся в ту минуту. Но голову словно нарочно на бок повернули, заставляя все видеть. Офицер бил мать, бил страшно: обдуманно и сильно взмахивая ножнами тяжелой пашки, пожевывал папироску, перебрасывал зубами из угла в угол рта, попыхивал и щурился. Мама почти сразу перестала кричать, лежала мертво, ноги заголились, отчетливо хрустели кости под ударами. Борис мычал, вопил в землю — рот забился пахнувшей илом грязью, глаз залип, но второй все видел...

Исчезли оба незнакомца, словно и не было их в городке. Маму отнесли в больницу, доктор полагал, что в тот же день умрет, но, нет, жила. Борька утешал сестренку, слушал докторов. Маму в больнице хорошо знали — все же фельдшерица, потому лечили на совесть. А в городе, тихом, полном садов и церквей, жуткое происшествие напугало всех жителей. Снова и снова приходили из милиции, из училища, даже настоятель монастыря приперся, гудел тихим лживым басом.

Что толку? Что?! Ведь убивали за какую вину? За то, что не поклонились, не поприветствовали его благородие?! Или за что?

Мать ненадолго приходила в себя. Кости рук и ног у нее были раздроблены, переломов десятки. Кололи морфий. Смотреть на маму Борька не мог — у самого руки начинали трястись. Сам бы сдох, хоть десять раз, только бы не она.

Через четыре дня зашел вечером домой к Сальковым незнакомый человек в солдатской шинели. Был краток, передал денег "от комитета" на лечение, пожелал матери выздоровления. И спросил, что Борис делать думает. Старый мир, он ведь житья не даст. Решать дело нужно раз и навсегда. Сейчас всё в Петрограде решается. Надежные люди нужны, быстрые и чтоб внешне подозрений не вызывали. Деньги на проезд и житье будут. Да и лечение матери Центр оплатит...

Позже думал Борька — отчего именно к нему пришли? До Питера не ближний свет. Хотя где Центру найти более надежного человека? Жалости к старому миру у Бориса больше

нет и не будет.

Не ошибся. Таких в группу и брали — безжалостных. Хоть и не обсуждалось, но догадывался Борька, что и у Андрея-Льва подобная история имелась, а у питерца-Гаоляна и вовсе понятно — инвалиду единственную дочь сломали. Не желал старый мир уходить, мстил трудовому народу по-волчьи изуверски, на реванш нацеливался. И нужно было эту ядовитую гадину добить любым средством.

Связник пришел к вечеру. Записка с приказом, краткие инструкции от курьера. Группа, истомившаяся бездельем, готовая до утра и не ждать, принялась готовиться.

— Не пойму чегой-то, — размышлял Филимон, протирая затвор. — Посыльный наш вроде как пораненный, в солдатском ходит, но на нижних чинов не похож. Ухватки не те.

— Возможно, из прапорщиков? — предположил Андрей-Лев. — Явно образованный, судя по акценту, не из столицы. Солдатскую шинель из конспирации носит. Из сочувствующих.

— Я, брат, прапорщиков как облупленных знаю. Да и калек навидался, — Гаолян усмехнулся, пристукну об пол своей деревяшкой. — Щас все ряженые, любое превосходительство норовит на себя солдатскую портянку навертеть. Вон — и Керенский в солдатской шинели щеголяет, прохиндей судейский. Но наш-то поводирь малость иное дело. Может, из поляков?

— Какая разница? Весь народ на нашей, революционной, стороне. Что поляки, что финны и татары, — Борька навскидку прицелился в фуганок из браунинга.

— Про татарву я не знаю, а ты заканчивай попусту курком щелкать, — Гаолян пристально глянул из-под косматых бровей. — Пойдешь завтра первым?

— Пойду! Сомневайтесь, что ли? — Борька почувствовал как загораются уши.

— Не в том дело. Злости в тебе вдосталь, хладнокровия маловато. А оно в нашем деле не на последнем месте, — спокойно пояснил Филимон. — Ежели, готов да уверен, тогда иное дело.

— Стоит ли? — буркнул Андрей, собирая пулемет. — Нет, я Борису доверяю целиком и полностью, но все же опыт и возраст важны. Да и сила не последнее дело. Я сделаю.

— Ты-то сделаешь. Но случай удобный, а Бориске тоже когда-то нужно самолично начинать. Если что, даст деру, мы все одно будем прикрывать. А что касается силы — ты на него сам глянь. Физиономия на все шестнадцать годков, загорелый, что цыган.

— Я не нарочно, — оправдался Борька. — Сделаю я дело. Вот честное слово, сделаю!

А на душе разом кошки заскребли — все ж страшно, вдруг опозоришься...

* * *

Английская набережная.

Восемь дней до дня X.

От парадной трехэтажного доходного дома Николаевский мост просматривался недурно. Оттуда и должны прикатить. Борька дважды деловито прошелся по тротуару в сторону моста и обратно, примерился. Выбрал место у дома номер двадцать шесть. На разгон получалось шагов тридцать. Главное не поскользнуться, зацепиться и удержаться одной рукой. Надо, надо удержаться...

Скучающий парнишка топчется у дверей, смотрит на проезжую часть, на простор Невы, ждет кого-то. Физиономию нужно непременно скучающую скорчить, воротник поднять — ветер-то свеж. Облик "мещанский", только полупальто незаурядного горохового цвета. Колер и запомнят. Но морду прямо сейчас надлежит корчить непременно самую

скучающую...

Борька почувствовал, как кисти рук начинают дрожать, засунул кулаки в карманы. В левом болтались насыпанные предусмотрительным Филимоном семечки, но грызть их едва ли выйдет — горло перехватило, разве что воды изловчишься глотнуть. Или водки. Говорят, в таких случаях водка помогает. Борька дома дважды "беленькую" пробовал — ну гадость же.

Пальцы принялись пересыпать в кармане семечки — ядреные, пузатенькие, без всякой горьковатой прелости. Дороги нынче семечки. Да и на все цены так и прыгнули, за хлебом хвосты длиной в крестный ход, хорошо хоть псалмы в очередях не гнусавет. Довели столицу, заморить голодом хотят — проверенный буржуйский маневр. С народом что хотят, то и творят. Да только шалишь, не выйдет...

Пальцы в правом кармане гладили рукоять браунинга. Подкладка кармана безжалостно прорезана, считай, в кобуре пистолет. Филимон заставил края прорехи прошить, чтоб не расползались. Самому ему, старому солдату, иглой орудовать, что дышать. Но ведь посадил "давай, Борька, учись амуницию вправлять, оно пригодится".

Пригодится ли портняжно-солдатское умение Борису Салькову? Или все и кончится вот здесь и сейчас, на набережной? Об охране объекта сведений не имелось. Не всеильна разведка Центра. Вся надежда на внезапность и решительность. У капитана Сорви-Голова получалось, а сейчас дело и нужнее, и справедливее — стрелок точнее любого книжного героя обязан быть.

Вновь прошел толстый чиновник — уж из присутствия возвращается, быстро управился. Протопал точильщик со станком за плечами, шумные бабы с корзинами, расхристанный солдат без винтовки. Катили извозчики, из-под поднятого верха коляски донесся возмущенный писклявый дамский голос. Ну, капризничайте буржуазия, капризничайте...

Читал Борька книжки Буссенара, Майн Рида и Дойла. Герои там непременно сохраняли хладнокровие и присутствие духа до самого нужного момента. И в истории так же: Гриневицкий и иные народовольцы — истинные герои, не дрогнули, знали на что шли. Вот только как бы это сказать... как у них с организмом получалось?

Чем больше Борька размышлял о слабости собственного организма, тем больше злость брала. Чаю перед уходом перепил, вот же бестолочь. Меньше часа прошло, как на Английской торчим, а уже поджигает. Понятно, прохладно и нервы, но разве такие мелочи должны отвлекать?

Стрелок вздрогнул — стоящий на противоположном стороне набережной, любующийся рекой и мостом Андрей-Лев снял шляпу и пригладил волосы. Уже?!

Автомобилей в городе немного. Но ошибиться вполне можно: номера грязноваты, да и указать время могли неточно. Хотя Лев нужный "форд" военного министерства от "руссо-балта" или "рено" уж точно отличит. Да и вообще трудящийся люд в авто не разъезжает.

— А мне вообще без разницы кто там, — прошептал Борька, стискивая в кармане рукоять пистолета.

Нет, кисть пораслабить, дыхание перевести. Браунинг модели 1903 — отличная машинка, осечки не будет. Предохранитель наказано спускать в последний момент, инструкция в голове застряла намертво.

"Форд", потрепанный, с поднятым верхом, снизив скорость, вывернул на набережную. Невысокий юноша в гороховом мешковатом пальто уже двигался параллельным курсом по тротуару — слегка неестественные движения, но вполне спокоен, смотрит в сторону

мостовой и реки. Внезапно метнулся наискось, проскочив под мордами лошадей ломовика, рванул чуть ли не под фырчащую машину, вскочил на подножку...

Они! Борька увидел лицо генерала — с роскошными усами, удивленное, но не испуганное, рядом сидела дама — шляпа на глазах, качается дурацкая эгретка. Спереди обернулся шофер в кожаной фуражке, усы-стрелки возмущенно дернулись...

Стрелок крепко держался за стойку, пистолет в руке, предохранитель послушно поддался пальцу. Хотелось крикнуть достойное, что-то вроде "да здравствует революция и свобода!", Борька и сочинял, и слова подбирал. Но сейчас просто сунул ствол в лицо генерала и сказал:

— На, сука!

Выстрел опалил шинель, отверстие оказалось крошечным, сидящий заметно вздрогнул. Дама ахнула, нелепо распахнулся рот с мушкой над верхней губой...

Борька выстрелил еще раз, изо всех сил пытаясь угадать под шинельным сукном расположение генеральского сердца. Теперь как инструктировал связник — контрольная пуля в голову. Выстрел ожёг седеющую бороду, убитый как китайский болванчик откинул голову, за спинку сидения слетела полевая фуражка. Над скулой появилась крупная "мушка" пулевого отверстия. Так тебе, сволочь!

— Отвернись, дура! — крикнул стрелок, с трудом удерживаясь на раскачивающейся подножке.

Генеральша отворачиваться не стала, только плотно заслонила лицо ладонями в перчатках. На подколоте вуали багровели крупные влажные пятна из разбрызганного генеральского черепа, вот капнуло алым на ворот светлого пальто...

Глянув на затылок шофера — тот скорчился за рулем, видимо, предчувствуя пулю в башку — Борька выдрал из-за пазухи увесистый сверток посылки, уронил под ноги мертвеца.

Нужно было крикнуть шоферу, чтобы притормозил, но тут стрелок сбился с плана, просто прыгнул с подножки. На ногах не удержался, покатился по булыжнику, но тут же вскочил, увернулся от извозчика. Суетливо пихал в карман браунинг...

Оказалось, Замятин переулок уже проскочили, пришлось, прихрамывая, бежать назад. С тротуаров смотрели, но не особо соображая, что к чему. Под одинокий удивленный вскрик, Борька шмыгнул за угол. Еще шагов полста и вот она дверь...

Впереди лестница в ажуре кованых перил, налево закуток привратницкой. Натоплено, пусто. Борька содрал с себя гороховое облачение, швырнул за стол — там виднелись подогнутые ноги в засаленных на коленях брюках. Тревогу их хозяин уже не поднимет и вообще орать не станет — Филимон заходил, все сделал. Борька отодрал от верхней губы усики — больно, насмерть примерзли, что ли?! Черт, а браунинг?!

Мальчик подхватил с трупа пальто, выдрал из кармана пистолет. Глупить незачем, спокойней...

— Ты лежи, я на минутку заскочил, — прошептал Борька мертвому обрюзглому лицу в пего-рыжих бакенбардах, спрятал браунинг под тужурку. Спокойнее, спокойнее. Стрелок заставил себя смотреть в бледное лицо покойника, и тщательно выгреб из кармана семечки. Вот так, спокойно, мы дело делаем.

Пальто и шляпа полетели на мертвеца, Борька надел гимназическую фуражку, аккуратно повешенную Гаоляном на вешалку привратницкой, еще раз проверил под тужуркой пистолет...

Где-то наверху отперли дверь квартиры, затопали по ступенькам. Спокойно, до них

высоко и далеко.

Борька сдвинул фуражку на нос и вышел на улицу.

Коляска с дремлющим кучером-Гаоляном ждала за углом, на Галерной.

— Сидай живо, да шинель напяль, — сказал Филимон, не поворачивая головы.

— А что там? — спросил Борька, запрыгивая в коляску.

— А ничего. Шумят потихоньку.

Старая лошадь тронулась, копыта неспешно зацокали по мостовой. Экипаж свернул на набережную. Путаясь в гимназической шинели на тесноте сиденья, Борька слышал крики на набережной.

— Убили! Генерального комиссара Оверьянова убили!

— Я шпиона вот так видел! В двух шагах! По поребрику как дунул! Чисто обезьяна...

Ага, шпион, держи карман шире. Вот так мы вас громить будем, нигде от народа не скроетесь.

Борька высунулся из экипажа: вокруг влезшего колесом на тротуар "форда" собралась толпа, большей частью в военной и полувоенной форме, но размахивал там тростью и какой-то сугубо гражданский мордатый господинчик, кто-то кого-то отгонял, истошно звали доктора...

— Чего ж Лев-то тянет, — пробормотал Борька.

— Не знаю, заело, небось, — ответил Гаолян. — Башку-то спрячь, не на променаде...

Боевики остановились за мостом. Должен был подойти Андрей-Лев, но почему-то не шел. Борька стоял, прислонившись к борту коляски — в гимназической шинели, тесноватой в плечах, зато длинной как ряса, было поначалу жарко, теперь озноб пробирал.

— Да что ж он не идет?

— Не знаю. Рот закрой, да жди, — процедил Филимон.

Вдруг сверкнуло, поднялось рваное облако дыма — это уже на самом мосту. Донесся вздох взрыва.

— Бахнуло все-таки! — не удержался Борька.

Гаолян только глянул с облучка и качнул кнутом.

— Не слышит же никто, — прошептал стрелок. Руки снова дрожали.

На мосту облако взрыва рассеялось, доносились протяжные крики и ржание лошадей.

Подошел Андрей-Лев, ни слова не говоря, запрыгнул в коляску. Поехали.

В мастерской было тепло, пахло стружкой. Борька посидел за столом и почувствовал как слипаются глаза. Хотелось лечь, натянуть одеяло на голову. Лучше и одеяло, и шинель. Подремать капельку...

— Спит, — сказал Андрей.

— А чего ему? Дело сделал и бахнул, — Филимон разлил по чашкам самогон из большой бутылки. — Поспит, походит, подумает, а потом достанет его. Блевать и рыдать не станет, не из тех. В себе понесет.

— Ну и зачем тогда? Мы и сами могли.

— А затем, Андрей Николаевич, что раз мы начали, нам уже не свернуть. И ему так же. С нами ли, без нас ли, Бориска револьвер на человека вскинет. Пушай уж под присмотром, я и грех на себя возьму, готов, чего уж там.

Андрей-Лев сглотнул мутное содержимое чашки, выдохнул, отломил кусок зачерствевшей сайки:

— Может и обошлось бы с ним. Мальчишка совсем.

— С ним-то может и обошлось. Только ты вокруг глянь. Оно обойдется?

— Вряд ли.

Гаолян неспешно выпил, пододвинул ближе бумагу с селедкой:

— Я мертвецов видел поболее, чем ты, Андрей Николаевич, вырисовывал заклепок в своих чертежиках. Оно ведь как... Сидит человечек в траншее, курит, до ветру присаживается, а у самого глаза вот этикие — на селедку глянь. Может и предрассудок, да только сейчас на улице у каждого пятого прохожего взор такой рыбий, снулый. Ежели приглядеться и вникнуть. Так что деваться нам некуда, уж лучше с пулеметиком сидеть. Такое уж время наступило.

— О нас речи нет. Но мальчишку жаль.

— Чего тут возражать. Жаль, ага. Мне и себя жаль. Так бы мозг и вышиб, благо, вон какие револьверы знатные нам подвернулись. Но Глашку еще жальче — помрет девчонка с голоду и горя. Она и так-то... Взять бы девку в охапку, да бечь прочь. Подале, за горы-океаны. В Америку или хоть Африку. Но на одной ноге от судьбы не ускачешь. Да и куда я из России?

— Ну, вы это оставьте, товарищ Филимон, — без особой уверенности сказал Андрей. — Все только начинается. Мы и здесь очень хорошую жизнь построим. Будет настоящая революция, снесет всю дрянь и мерзость...

— Может и так. Как Бориска говорит — воссияет светлое царство социализма. Все может быть, отчего же. Да только хватит ли у нас патронов? К слову сказать, ты, Андрей Николаич, чего вовремя не рванул заряд?

Молодой боевик помолчал, потом признался:

— Как палец свело. Не решился. Там всякие обыватели набежали, посыльные, торговки. Мне же видно как на ладони. Опять же дама эта... Бьется в истерике.

— Через дам и пропадаем, — без особого осуждения кивнул Гаолян. — Мог бы и добить вдовицу, глядишь бы и спасибо сказала. Да и офицерья там хватало. Удобный был момент. Ну да ладно. Когда на мосту рвануло, многих положило?

— В машину трое офицеров село, казаки вплотную скакали... С местом я подгадал, лишнюю пролетку лишь одну зацепило. Слушай, я все равно не могу кого попало взрывать.

— Не ты, так другие, — равнодушно напомнил Филимон, берясь за бутылку. — Я не осуждаю, не думай. Раз ты кнопку взял, выходит, тебе и решать было. Вот бомбу жаль. Дорогая штукавина, хитрая.

— Да, миниатюрность радиодетонатора поражает. Не уверен я, что это германское производство, уж очень тонко.

— Нам без разницы. Ты же чуешь, к чему Центр дело ведет? Тут у нас такая рукопашная наметилась, что после бомб непременно за штыки да дреколье возьмемся. Полгорода в могилы ляжет. Колья да дубины — не бомбы, хрен они кончатся. Быстрей бы в Смольном решились. Пора всерьез выступить...

Глава третья. Цветочницы-попрыгуньи

Берег Лагуны

Время переходящее.

— Ну, если ничего не забыли, тогда — вперед! Нас ждут великие возлереволюционные дела! — провозгласила оборотень.

— Хорошо, что ты мирозданье предупреждаешь. Пусть заранее вздрогнет и подожмет. Но я очень прошу — можно поосторожнее? Сосредоточься, не отвлекайся, попадем мирно,

спокойно.

— Слушай, Екатерина, с возрастом ты становишься все ворчливее и ворчливее, — намекнула межмировая проводница. — Если знаешь кого-то надежнее по части Прыжков, так не стесняйся, просись к тем таинственным виртуозам. Я ничуть не обижусь. Но помни, что полную гарантию прибытия к месту назначения дает только скромная старенькая коки-тэно!

— Угу, старенькая ты... В том-то и дело, что ты к своей гарантии еще что-то норовишь дополнительно прицепить.

— Так это в тренде! Бонусы, милые сюрпризы и мимишные презенты — ну кто сейчас без них обходится? Не капризничай. Или тут кто-то кота за хвост тянет, побаиваясь Прыжочка?

Прыжков Катрин действительно опасалась. Дом, семья, политика местная, политика континентальная, виды на урожай, а тут вдруг выпадаешь из всего, пытаешься переключиться — это само по себе непросто. А мыслишки о том, что можно и вообще не вернуться... До сих пор, конечно, возвращалась, иной раз глубокими обходами и кругами, но возвращалась. Нет смысла нервничать, Лоуд — действительно прыгунья, как говорится, "от богов". Другое дело, боги эти крайне сомнительные и шкодливые.

— Ты ни о чем не думай, глаза закрой и считай баранов. Или свинок, как у вас в долине заведено некоторыми суровыми личностями, — великодушно посоветовала оборотень. — Я тебя за благородную длань придержу, живо передерну, охнуть не успеешь. Багаж не забываем!

Багажа у шпионок было не чрезмерно: небольшой чемоданчик с оружием и оборудованием, плетеный короб-сундучок с "перекусом" на первое время и здоровенная корзина с цветами. Насчет последнего шпионки немало подискутировали — уж очень объемный и яркий груз. Но Лоуд заверила, что все встречные-поперечные только эти цветы и будут замечать. А это немаловажно, ибо товарищ капитан — дамочка яркая, приметная, натуральный георгин-переросток, причем никакой маскировке не поддающийся в принципе. И как люди с такой навязчивой внешностью пытаются в шпионы наниматься?!

Катрин отвечала, что как раз она никуда не пытается наняться, это ее все время нанимают или мобилизуют. В общем-то, опыта в маскировке и отводе глаз у Лоуд имелось заведомо больше, идея с цветами могла сыграть, хотя возни с ними...

— Померзнут ведь, там практически ноябрь.

— Так укутаем, — заверила оборотень, заботливо расправляя тряпочку на корзине. — А померзнут, я новых прихвачу. У меня знакомцы на мелкооптовой базе, по гроб жизни мне обязаны за одну житейскую ситуацию. Прямо рыдают: "возьми, да возьми". Надо же уважить, мне уже неудобно отказываться.

За что оборотню должны "по гроб жизни", где та цветобаза находится — гадать было бесполезно. Оборотень вела столь "прыгучую" жизнь, что любая блоха от зависти сдохнет.

Торчать над берегом моря, среди чистого песка и убаюкивающего шума прибоя с багажом, цветами и брехливой профессоршей — занятие бессмысленное.

— И что? — пробормотала Катрин.

— Да шас. Вот волна временного перестроения накатит...

Шутит или вправду так чувствительна напарница, Катрин осознать не успела — ее цапнули за руку, песок под ногами сменила каменная мостовая, в горле мгновенно запершило от смены воздуха. Дышать стало куда неприятнее, но главное...

— Это что?!

— М-да, даже излишне точно, — озадаченно признала Лоуд.

Шпионки, задрав головы, стояли перед каменным столбом. В смысле, перед колонной розового гранита псевдоантичного столбовидного вида. Венчал ее ангел, придерживающий крест — впрочем, снизу, от подножья скульптура угадывались лишь своей смутно-зеленоватой патиной.

— Почистить не могли? — возмутилась Лоуд. — Политический режим еще старый, а отношение к скульптурам атеистическое как будто...

Критическое замечание было прервано перепуганным воплем:

— Стой! Откуда за оцеплением?!

Вопил юнкер, порядком шокированным необъяснимым явлением двух гражданских лиц женского пола за периметром ограды постамента.

— Солдатик, мы так, одним глазком на красотушку глянуть, — заверила Лоуд.

— Стоять! — юнкер неловко сдергивал с плеча длинную винтовку.

Катрин двинула напарницу коленом пониже спины и шпионки устремились к ограде, стараясь оставить монумент между собой и взволнованным воином. Рослая шпионка взлетела на полутораметровую бронзовую решетку, подхватила заброшенную корзину цветов. Помогать собственно оборотню не требовалась — опыта в убегании профессору было не занимать.

— Стоять, чертовы бабы! — донесся стук затвора.

Нарушительницы спрыгнули и немедля надбавили ходу.

— Стрелять буду! — истошно вопили в спину.

— Не надо! Мы нечаянно! — отозвалась Лоуд, взмахивая здоровенной цветочной корзиной. — Служивый, случаем своей барышне розочек не возьмешь? Недорого отдам...

Юнкер отозвался невнятно, но сугубо неодобрительно...

— Молодой, а грубый, — осудила оборотень.

Вообще-то, Дворцовая площадь практически пустовала. Кроме Александрийского столпа, четырех замысловатых фонарей-стражей по его сторонам и пятого вполне живого и нервного часового, поблизости никого не было. Дальше, вдоль зданий дворцов громоздились то ли недостроенные баррикады, то ли груды стройматериалов, толклись фигуры в шинелях, вот несколько человек двинулись наперерез беглянкам...

— Курс меняем! — прошипела Катрин.

Дамы устремились в сторону Певческого моста, там вояки оказались повеселее — под свист и улюлюканье, шпионки выскочили к Мойке. Задерживать их никто не пытался, но всякие заманчивые предложения высказывались громогласными казачками в изобилии.

По набережной спешили прохожие, мрачные, торопливые, но гражданские, не озадаченные отловом подозрительных личностей. Беглянки замедлили ход, дабы не выделяться.

— А бегать ты не разучилась, — отметила Лоуд, поправляя сбившуюся тряпку на пестрой цветочной корзине.

Катрин не ответила. Свернули на Волынский, проверились — "хвост" не прицепился.

— Не орешь, что даже немножко странно, — продолжила намекать оборотень. В теплом платке, темной юбке, скособоченная дурацкой корзиной она вписалась в городскую атмосферу мгновенно и уверенно.

— Орать я не буду, даже и не надейся, — пробормотала Катрин. — Но вообще ты дура.

— Чего это "дура"?! Вообще какое-то убогое обзывательство. Вот не ожидала от благородной воспитанной дамы...

— А ты ожидала, что мы как прыщ перед Зимним вскочим? Это что, очень смешно было?

— Да чего тут смешного? Я вообще не люблю, когда на меня винтовкой щелкают. Неприятный случился сюрпризец, да.

— А какого...?!

— Откуда мне знать? В теории перемещения внутри временных пространств зияет уйма белых пятен. Мы в тот тихий проездик у Конюшенной метили? Так вот он проездик. Ничего страшного, чуть прошлись, прогулялись.

— Ну, да, профланировали, — Катрин в ярости перекинула багаж из руки в руку — чемоданчик оказался на редкость неудобным.

— Случайность, она на то и случайность. Кстати, я в прошлый раз на Дворцовую площадь заходила, там атмосферка была как-то поприветливее. Народ бродил, юнкера табунками, все оживленные, общались. Вообще-то я тогда насчет ударниц любопытствовала — так оказалось, они на тебя вообще не похожи.

— Неужели?

— Это к слову. Ты вообще уникальная, тут спору нет. Я о том говорю, что ситуация явно поменялась. В худшую сторону, — озабоченно поведала многоопытная оборотень.

— Именно поэтому мы здесь.

— Вот и я говорю — мы здесь. А с площадью — случайность. Если думаешь, что я нарочно всякие шмондецовые шуточки шучу...

— Не думаю. Но было бы круто, если бы нас мгновенно подстрелили. Так быстро меня на прицел вообще еще не брали.

— А у меня случалось, — призналась Лоуд. — Иной раз так вляпаешься... Впрочем, о чем вспоминать? То было, когда я еще не напрактиковалась. Ладно, идем по плану...

Действительно, без эксцессов пересекли Невский. В скверике Катрин переложила один из пистолетов под одежду — между прочим, носить крупное, почти полуторакилограммовое оружие за поясом юбки, крайне неудобно.

— Ну, вот сейчас тебе-то определенно полегчало, — отметила ехидная оборотень. — Злая, вооруженная, только и ищущая повод пальнуть — нормальная Светлоледя на тропе войны, все скальпы наши! О, помнишь, как мы про ирокезов шпакам втирали?

— Это ты втирала, а я вместе с ними охреневала, — усмехнулась Катрин.

И действительно: обычно начинается все по-идиотски — традиция такая. Но, тем ни менее, успеха мы иногда достигаем. Но сначала нужно добраться до квартиры и позавтракать. Желательно, плотно и незамедлительно. Прыгаем-то мы по старой памяти натошак.

3-й Рождественский. Дом двухэтажный. Первый этаж — конурка прислуги и обивочная мастерская — мастерская ныне пустует, ворота тесного двора заперты наглухо. Второй этаж — квартира домовладелицы и крошечные номера-пансионы, в количестве трех штук. Вход к ним с другой стороны, с хозяевами жильцы не пересекаются, да и вообще номера не пользуются спросом — дорого и вид отвратительный. Зато при желании из номера можно попасть во двор, на хозяйскую половину, на чердак и крышу, с возможностью перехода оттуда на соседний дом — потенциально пять вариантов отхода.

— Как описывали, так и есть, — признала Катрин, озирая многообещающие

домовладение.

— Да, удачно подвернулось, — согласилась оборотень. — Полезная у меня память. Да и твои не подкачали.

Подготовку к операции, пусть и скомканную, все же провели. Что-то успело ФСПП чем-то помогли иные бывшие коллеги. Для начала есть на что опереться.

Невысокая, замученная жизнью, экономка-управляющая, она же "прислуга за все", отзывавшаяся на Лизавету, дважды перечла письмо хозяйки — там сухо поручалось принять давешнюю знакомую Екатерину Олеговну Темпорякову, коя срочно прибыла в Петроград по семейной юридической надобности. Сама хозяйка дома уже год разумно пребывает за границей, перепроверить — она ли автор письма сложно, а почерк недурно имитировала компьютерная программа.

— Темпорякова, вдова, — кратко представилась Катрин. — Дела покойного мужа пытаюсь завершить, насчет пенсии и вообще.

— Да разве ж сейчас чего добьешься, — вздохнула Лизавета, с сомнением вертя письмо.

— Вот и я говорю — все эти хлопоты — безнадега! — немедленно подтвердила помолодевшая и попростевшая Лоуд. — Даром на билеты потратились. Такие деньжищи!

— Это моя племянница, — пояснила Катрин. — Цветочками приторговывает, в оранжерее на паях растит, заказец у нее тут был, завезла с оказией. Времена смутные, страшновато даме в одиночку разъезжать, вот и решили сообща приехать. Знали бы что в Петербурге так... нехорошо, не рискнули бы.

— Совсем плохо в городе, — закивала тщедушная экономка. — Хлеба нет, каждый день стрельба, а сегодня ночью, говорят, и жечь дома принялись.

— Ничего, к нам не сунутся. Я так визжать умею — лошади гложут! — заверила боевитая "л-племянница". — На Москве-реке с паровым катером соревновалась — у меня гудок громче. Верно говорю, а, тетя Кать?

— Люда, ради бога, не позорь перед людьми, хватит глупости болтать, — поджала губы тетушка. — Да вы, Лизавета, не беспокойтесь, мы на три дня, максимум на четыре, и немедля домой.

Из глубины комнатухи, больше похожей на дворницкую, выбралась маленькая тень с котенком на руках и тут же стеснительно спряталась за юбки мамы. Девчушка оказалась крошечной копией Лизаветы, хотя куда уж, казалось, миниатюрнее.

— Ух ты, кто тут есть! — восхитилась "л-племянница", немедля выдрала из корзины огромную розу и одарила обомлевшего ребенка.

— Что вы, куда Ниночке такую редкость?! — испугалась хозяйка. — Это же так дорого.

— Ничего, мы еще вырастим, — заверила великодушная профессор от цветоводства. — Только не уколись, там шипищи, ого!

— Не уколюся, — прошептала девчонка, не спуская очарованных глаз с великолепного цветка.

Катрин отсчитала задаток за комнату.

— Уж не знаю, удобно ли вам будет, — вновь засомневалась Лизавета. — Вы дама из благородных, а у нас скромненько, да и... В первом номере жених-приказчик с девицей проживают. Сомнительные жильцы, вот только...

— Вот только иных сейчас и вообще не сыщешь, понятное дело. Платят хоть исправно? — заинтересовалась л-племянница.

— Как сказать, — вздохнула экономка.

— Ничего, будут безобразничать, я взвизгну, — решила Лоуд. — Верно я говорю, тетя?

— Люда, ты знаешь, я скандалов не терплю, — напомнила Катрин.

Видимо, тон был слишком, гм, не вдовой — Лизавета вздрогнула.

— Какие скандалы?! Откуда?! — л-племянница подхватила корзину и сундучок, устремилась к входной двери. — Я в номер! Самовар-то будет? Ой, сколько дел, а я ж еще в синематограф хотела.

— Вы на Людмилу внимания не обращайтесь, — доверительно попросила Катрин. — Безотцовщина, воспитание ужасное, но, в сущности, добрая душа, хотя и шумная. Ох, дал бог племянницу. Ах, пусть и троюродная, но все же родная кровь.

— Я понимаю, — робко закивала экономка. — Живите. Не "Астория", но клопов у нас нет!

— Вот это главное, — Катрин вздохнула, погладила девочку по серым волосикам:

— Нина, значит? Хорошее имя. А наша на годика два помладше будет. Скучает, уж, наверное...

Переходя по улице к узкой двери "номеров", Катрин подумала, что мама Ниночки на редкость не подходит характером к хлопотливой должности управляющей мини-гостиницей. Тут в кармане передника заряженный "бульдог" нужно носить, а жильцов пинками периодически воспитывать.

На крутой лестнице оказалось темновато, а стоило начать подниматься, как стало еще темнее. Катрин глянула вверх — на верхней площадке стоял бухой взъерошенный джентльмен — судя по виду, не просохший со вчерашнего.

— У, ты какая... — пошатываясь, отметил абориген.

— Сударь, застегните брючата и свалите в комнату, — посоветовала вдова. — Иначе...

Она пояснила, что будет иначе — слушатель, похоже, понял не все, но счел за благо исчезнуть.

— А что мы так сразу и материмся? — заинтересовалась лежащая на кровати оборотень.

— Сосед мне не глянулся. Удобно?

Лоуд поерзала на кровати:

— Не особо. Но спать можно. Слушай, я как вижу такую койку, так мне сразу хочется шарик с прутьев спинки свинтить. Прямо непреодолимо!

— Это нормально. Всем хочется свинтить. Вон — тут на две кровати всего три шара осталось, да и те облезлые.

— Хочешь, все на твою накрутим, будешь лежать и любоваться? — благородно предложила оборотень. — Завтракаем и по плану?

— Да, съездим на место, потом решим.

Позавтракали недурно, хотя обои в пятнах навевали уныние, а меню было странновато: роскошнейшая рыбина из конгерских коптилен, печенье "Юбилейное", хрустальная вазочка с паштетом непонятно из чего, и лоток с сырыми куриными яйцами.

— Накидала из провизии чего под руку подвернулось, мы с тобой все равно не чревоугодницы, — пояснила оборотень, зажевывая ломоть рыбы, зажатый между парой печений.

— Я поняла. Но паштет любопытный. Из чего он все-таки сочинен?

— Понятия не имею. Изъяла исключительно в знак протеста. А то они меня по кухне и чуланам вздумали гонять. Удивительно негостеприимный замок попался, да. Ты не бойсь,

он, пахнет, вообще не портится. Даже интересно. Я думала, банка с каким-то секретом необыкновенной хрустальной консервации. Так нет, наживка стухла вмиг.

— Надеюсь, это не та вазочка, не наживочная?

— Нет, ту Блекхук закопал. Он привередливый, вроде некоторых.

На Выборгское шоссе катили довольно долго. От сгоревших остатков дома еще несло дымком, зевак осталось немного — собрались табунком мальчишки, их отгоняли двое унылых милиционеров с неуклюжими винтовками и неприятно-белыми повязками на рукавах. Лоуд немедля принялась строить глазки служителям временного правопорядка, а Катрин обошла пожарище, прогулялась по березовой рощице. Увлечшиеся л-флиртом милиционеры не обратили на даму в черном особого внимания.

Через полчаса шпионки встретились на шоссе и двинулись к ожидающемуся извозчику.

— Что так долго? — поинтересовалась Лоуд. — На мне уж жениться хотели.

— Оба?

— Нет, один женатый. Страшно расстроился, бедняга, осознал, что поторопился и обмишулился. Так чего там? Следы, улики, отпечатки копыт?

— Затоптано все. Многовато народу толклось, да еще подводы подъезжали, видимо, трупы вывозили. Вот нашла, — Катрин показала гильзу.

— И чего это значит? Давай-давай, рассказывай, знаешь же — я в огнестреле не сведуща.

— Да ничего не значит. От немецкого пистолета, я таких гильз порядком навидалась. Здесь "парабеллумов", конечно, поменьше, но тоже отнюдь не редкость.

— А в газетке "расстрел из пулеметов, сотни пуль истерзали застигнутых врасплох жертв еще до охватившего все строение всепоглощающего адского пламени". Брехуны!

— Если и были пулеметы, то стреляли, наверное, с машин, прямо с шоссе. Хотя как-то все странно. Может, жертв прямо в доме убили? Стрельба накоротке, кто-то выбежал, добились снаружи. Там на траве пятна крови остались.

— Если в упор, да за столом, то это чужаки. В смысле, наши коллеги, из пришлых, — авторитетно заявила Лоуд. — Здешние за столом только ругаются, ну, могут по роже двинуть. Консерватизм и партийная дисциплина! Потом-то, конечно, и по-иному приносятся, но то попозже будет.

— Хрен его знает. Нам бы материалы следствия глянуть, но пока их добудешь... долгая возня. Да и есть ли они, те материалы? В нынешней смутной ситуации могли толком и не оформлять.

— Это да. У вас, у людей, вечный бардак с делопроизводством. Между прочим, я в университете всю эту бюрократию вообще упразднила. Дабы не уподобляться! Ладно, значит, пока здешнюю пальбу обдумываем, а сами по списку упрыгиваем?

— Именно что упрыгиваем, — засомневалась Катрин. — Что-то я нервничаю из-за твоего легковесного подхода к перемещениям.

— А ты не нервничай и все будет хорошо. Главное, мы все продумали, а черный траур так вообще тебе очень к лицу. Что, кстати, будет отвлекать потенциальных клиентов.

— Не в клиентах дело. Безнадежные у нас перспективы. Как на снегу каллиграфией заниматься — придет весна, в смысле, вот эта осень — все истает, одни лужицы останутся.

— Вот совершенно с тобой согласна! Глупейшие и наивнейшие у тебя идеи, — с величайшей готовностью подтвердила оборотень. — Но раз ты думала, напрягалась, лоб

свой гладкий морщила, то отчего не попробовать? Убедимся, что глупо и вот потом перейдем на мою тактику.

Глава четвертая. Петр и много тезок

11 лет до дня X.

Аптекарский остров

12 августа 1906 года

Слегка парило, словно перед дождем, пахло смородиной, пылью и чуть подгоревшими пирожками — как и надлежит на даче. Увы, день приемный, после обеда придется заняться делом. От дома доносились голоса — просители, прожектеры, а вечером еще и приедут гости, опять суета. Старшая дочь — Мария — слегка манерничает, а сама вне себя от счастья — жених как из романа, моряк в белом летнем мундире — красавец немислимый. И что удивительно, совсем не глуп.

Петр Аркадьевич машинально отряхнул колени собственных брюк — тоже белых, но хозяин их уже, увы, не юн, да никогда и не тяготел к военно-морской карьере. С другой стороны, молодежь, подвитые в колечки эффектные усы, в сорок четыре года премьер-министр, семья, возможность повернуть историю России. И повернем! Дайте срок...

Хотя бы десять минут подышать в относительной тишине, отдохнуть от бумаг и неотложных решений. Тропинка под старинными липами уводила от оранжереи к зарослям симпатичной одичавшей малины и глухому забору, за которым тянулась тропинка, выводящая на дачную улицу. Где-то там скучает филер охраны, непременно сунется проверять кто идет. Смотреть на потную унылую рожу не имелось ни малейшего желанья и Столыпин повернул обратно к дому. Сельтерской выпить, а потом и в кабинет. Что-то беспокойно на душе, и бог его знает, что ей, душе нужно. Пусть уж минеральной водой удовлетворится.

— Петр Аркадьевич? — окликнули малиновые джунгли. — У вас тут доска на заборе оторвана. Непременно велите приколотить.

Голос, как ни странно, был женским.

Хозяин дачи, как человек счастливый в семейной жизни, всяких там незнакомых и молодых женских голосов сторонился. Этак прицепится неизвестная мамзель из-за забора и жди сюрпризов.

— Не бегите, Петр Аркадьевич. Я у вас две секунды отниму, причем по сугубо хозяйственному, далекому от лирики вопросу, — с определенным пониманием заверила невидимая незнакомка. — Подойдите по-соседски, не кричать же мне на всю округу.

Столыпин пожал плечами. Еще не хватало от дам бегать.

— Что угодно, сударыня?

При ближайшем рассмотрении незнакомка, стоящая за отодвинутой доской, оказалась весьма недурна собой. Да, весьма. Хотя могла бы быть и пониже ростом. Вся в черном, видимо, в трауре. Хотя на голове не шляпка, а косынка, причем, повязанная с определенной долей фривольности. Впрочем, траурный черный креп лишь подчеркивает огромные зеленые глаза. В руке что-то бумажное. Видимо, прошение желает передать.

— Нет, Петр Аркадьевич, у меня не просьба, и не жалоба, — усмехнулась молодая дама.

Столыпин уже и сам видел, что отнюдь не прошение — вела себя незнакомка на редкость независимо, если не сказать, нагло.

— Что же в таком случае? — ответно усмехнулся премьер-министр.

— Пресса, — дамочка помахала свернутой в трубку газетой. — Возможно, вам будет

интересно взглянуть. Там и про вас есть немного.

— Опять какая-то гадость? — разочарованно догадался Столыпин.

— Нет, на этот раз не "опять", а действительно гадость, — уже без улыбки пояснила незнакомка. — Сочтите уместным взглянуть, так лучше просмотрите в кабинете, без свидетелей. Семье и адъютантам спокойнее будет.

— Боюсь, любая грязь, выплеснутая со страниц газет, до моих домашних все равно дойдет.

— Случается и иначе. Так ознакомьтесь, Петр Аркадьевич?

Премьер-министр отвел колючие стебли малины, принял из заборной дыры газету. Чувство нелепости происходящего только нарастало. Ладонь незнакомки оказалась аристократично-узкой, пальцы ухоженные, без колец, но загорелые почти по-цыгански. Действительно, странная женщина.

— Жаль что не могу предложить более веселого чтения, — красавица вновь улыбнулась, но на этот раз показалась заметно старше возрастом. — Всего хорошего, Петр Аркадьевич.

— И это все? — не скрыл удивления премьер-министр.

— Увы. Возможно, попозже загляну к вам на чашечку чая с коньяком. Если позволите, исключительно по-соседски, без церемоний.

— Что ж, заходите, я предупрежу супругу, — с иронией пообещал Столыпин.

— Благодарю, вы очень любезны, — молодая дама отступила от забора и сказала, уже невидимая: — Да, чуть не забыла. Вы бы, Петр Аркадьевич, детей и посетителей от ворот и калитки отозвали. Сейчас по улице бешеная собака мечется. Я сама видела: шерсть клоками, пена с морды так и капает. Ужас! Запросто может в ворота заскочить и тяпнуть кого ненароком. Я абсолютно серьезно предупреждаю, Петр Аркадьевич.

— Позвольте, но вы-то сами как же? — изумился премьер-министр.

— Так я и поглядываю. Но меня вряд ли покусают: во-первых я сама бешеная, а во-вторых у меня револьверчик.

Послышались шаги, видимо, дама уходила вдоль забора.

Столыпин сунул газетку под мышку и зашагал к дому. Разговор, сначала показавшийся забавным и игривым, закончился странно. Можно бы принять за розыгрыш, но... Не очень похожа на шутницу зеленоглазая гостья. Что-то этакое в ней... "Револьверчик", только подумайте...

Рассердившись, Петр Аркадьевич издали крикнул:

— Михаил, закройте-ка ворота. Сейчас мне такой вздор сказали, что даже не знаю как расценить. Сергей Львович, будьте любезны усадить посетителей на скамейки. И скажите Ольге Борисовне, пусть возьмет детей и идет в сад, там прохладно и спокойно...

Глянули удивленно, но повиновались. Смешной рыжий мальчуган в матроске — чей же это такой? — ухватил Наташу и Леночку за руки, заливаясь заразительным смехом, увлек в сад. Наблюдая, как закрываются ворота, Столыпин поднялся на крыльцо, вошел дом. На лестнице в кабинет задержался. Оттуда он все и видел...

По улице катило ландо: истуканом сидел кучер, в коляске двое жандармских офицеров — тоже замерли деревянными изваяниями. Странные они, не по форме одеты, шлемы старые... Наверняка какие-то дурные новости...

Черная женская фигура возникла дальше по улице, взмахнула рукой — нечто небольшое и цилиндрическое полетело навстречу экипажу. Звонкий хлопок — на бомбу не похоже, но резкий звук напугал лошадей. Рванули вперед, жандармы судорожно вскочили на ноги, у

одного в руках портфель, другой выхватил револьвер.

— Назад! — звонко и необычайно решительно крикнула женщина — бесспорно та самая, стройная любительница подсовывать газеты.

Стрелять она начала мгновенно — блеклые частые вспышки, хлопки выстрелов — словно огромной палкой вели по штакетнику. С облучка — раненый или испуганный свалился кучер, ландо опрокинулось, седоки вылетели с сидений. Из рук жандарма выпал портфель, офицер пополз к нему на коленях.

— Не трожь бомбу, сука! — грубо закричала дама, бестрепетно пропуская промчавшихся мимо лошадей.

Пуля высекла искру из бульжной мостовой перед лицом жандарма, тот отпрянул. Его товарищ вскинул револьвер и немедля опрокинулся с простреленным плечом. Маузер безумной дамы не умолкал...

Петра Аркадьевича поразило, как может массивный и тяжелый пистолет выглядеть столь естественным продолжением женской руки. Человек ли она?! Несколько минут назад он мельком коснулся этой ладони, столь обманчиво хрупкой. Боже, что творится с миром?!

Кучер и один из ряженных жандармов, пошатываясь, убегали по улице. Дама пальнула им вслед — явно поверх голов, опустила маузер, развернулась и как-то мгновенно исчезла, видимо, шагнув под прикрытие ограды.

На миг наступила тишина, перед воротами стонал раненый. Потом закричали десятки голосов. Начался хаос.

— Портфель не трогай! Бомба там, — оглушительно вопил кто-то из охраны. Заливались трелями полицейские свистки.

— К воротам никого не подпускать! — опомнившись, закричал из окна премьер-министр.

В саду поднялась беготня, кричали и плакали дети, их успокаивала няня, бледная Ольга успокаивала няню...

Удивительный хаос может создать избыток катастрофически опоздавшего к событиям и стремящегося продемонстрировать свое рвение, начальства. Полиция, жандармерия, чины всех мастей, оцепленная улица, солдаты, казаки, выведенные через заднюю калитку женщины и прислуга... Все чудовищно затянулось. Столыпин еще мог понять минеров, вдумчиво и осторожно разбиравшихся с дьявольским портфелем, но с какой стати необходимо ежеминутно докладывать о ходе работ по обезвреживанию бомбы, о поисках беглецов и иных следственных мероприятиях непосредственно премьер-министру? Прошляпили, идиоты!

О газете Петр Аркадьевич вспомнил уже вечером, когда все утихомирилось. Заперся в кабинете, раскрыл мятый лист и замер.

"Кровавое покушение на Столыпина!" — восторженно кричали огромные буквы первой страницы. "Более тридцати убитых, полсотни раненых. Сын и дочь Столыпина искалечены и при смерти! На самом премьер-министре не царапины! Сами бомбисты партий социалистов-революционеров разорваны в клочья!"

* * *

Повторный визит гостыи, столь сведущей в оттенках уличного бешенства, состоялся через два дня. Почти столкнулись там же, в саду — препятствия в виде забора и разъявленных часовых гостью, естественно, не смутили.

— Вечер добрый, Петр Аркадьевич. Вам надо бы чаще дышать свежим воздухом. Я уже

час здесь малину патрулирую.

Столыпин коротко кивнул:

— Здравствуйте. В кабинет или здесь?

— Лучше здесь. Там у вас охраны многовато, навязчивость проявит.

Гостья была все в том же черном наряде, но привлекательной уже не казалась. Теперь премьер-министр догадывался, почему дама в жакетке даже теплым летним вечером.

Безумная дама поняла, коснулась талии:

— Да, господин премьер, я с оружием. Прошу прощения, привычка.

— Пустое, не извиняйтесь, — Столыпин приглашающее указал в сторону садовой скамьи. — Могу я задавать вопросы? Или это вы меня будете спрашивать и требовать?

— Нет, что вы! Я о вас знаю достаточно. Так что, право вопроса у вас. К сожалению, исчерпывающих ответов от меня дождаться вряд ли получится. Но, в общем и целом...

— Что вы хотите взамен?

Она сказала, что ничего не требует, но солгала. Несомненно, гостья хотела повлиять на будущие решения премьера. Собственно, в середине затянувшейся беседы речь об этом пошла откровенно. Говорили долго. Горничная повторно подала поднос с рюмками и чашечками кофе.

...- Полагаю, вас все равно убьют, — безжалостно сказала гостья, назвавшаяся "Просто-Екатерина". — Покушений будет много.

— В этом я не сомневаюсь, — Столыпин отмахнулся от надоедливого комара. — Когда последнее? Можете сказать? Не волнуйтесь, истерики не случится.

— Ну, в вашей твердости я не сомневаюсь, — молодая женщина улыбнулась, вновь показавшись невысказанно красивой. — Человек вы мужественный и упорный. Но дату называть бессмысленно. Во-первых, после сегодняшней беседы события пойдут чуть иначе. Возможно, вы вообще доживете до глубокой старости и тишайше испустите дух в окружении любящих внуков и правнуков.

— Бросьте, рассчитывать на такое везение просто глупо, — премьер, наконец, прихлопнул комара. — Я постараюсь успеть сделать как можно больше. Но ваши сомнения по поводу военно-полевых судов я понять и принять не могу. Третьего дня вы на моих глазах стреляли в людей. Без малейших колебаний. Стреляли и могли убить.

— Могла. Террористов ненавижу. Но к собственно идейным революционерам у меня отношение более сложное. Нам нужен компромисс, Петр Аркадьевич. Как бы нам изловчиться, закончить вешать, стрелять-взрывать и поднимать на вилы. Утрамбовать все это дерьмо в благообразную, бескровную форму парламентских дебатов — пусть там бурлит и смердит. Идея крайне наивная, утопическая, но, видимо, единственно верная...

Она ушла в малиновую темноту и сгинула. Оставив без ответов тысячи незадаанных вопросов и очевидное предположение, что эта беседа была странным умопомешательством и галлюцинацией. Вот это было бы недурно и объяснимо. Премьер играл пустой рюмкой, смотрел во тьму под вековыми липами. Отдохнуть, забыть наваждение, погрузиться в привычную работу. Или нет? Призрак ли Просто-Екатерина, или гостья было во плоти, едва ли она лгала. А если и лгала, то, что это меняет? Она ведь ничего не предлагала. Смешно представить, что дерзкая дама с пистолетом способна изложить связные и обширнейшие проекты экономического и политического переустройства страны. Не в этом была цель визита. Но в чем? По сути, гостья сказала одно — у вас мало времени. И в этом она, несомненно, права.

Столыпин спешил. Но катастрофически не успевал. 2-го сентября 1911 года премьер-министр был убит на перроне киевского вокзала — три пули из браунинга — две из них в голову — мгновенная смерть. Успел ли он больше за отведенное ему время? Кто знает, кто может сравнить, да и как вообще можно взвесить варианты? В любом случае, после смерти премьер-министра основной вектор истории резво отыграл свое. Что неминуемо при любом вмешательстве. Но оставались крошечные нюансы...

* * *

— Вот так прыгаешь-прыгаешь, обессиливаешь, а ведь никто не ценит, — жаловалась Лоуд, наворачивая паптет.

— Не-не, я ценю, — заверила напарница, энергично жуя.

Два ювелирных последовательных прыжка в 1906-й год против всех ожиданий оказались довольно успешными. Второй раз угодили прямиком в малину, и пришлось стряхивать с себя пахучих садовых клопов. Впрочем, некусачие жуки и расстрелянная обойма — убыток допустимый. Польза от визитов опять же сомнительная, но на иное рассчитывать было неразумно. Зато дачный сад оборотню понравился — в первый визит, успокаивая запаниковавших домочадцев премьер-министра, л-мальчик под шумок слопал три порции мороженого. Ну, оно все равно бы потаяло и зазря пропало.

— Appetit после этих перепрыгов зверский. Я раньше как-то не замечала, — сказала Катрин, с опаской пробуя чай.

— А я о чем говорю?! Вот так настигнет внезапный голодный обморок — и все, бесславный конец! Ты в Глоре скажи, чтоб нам с Уксом командировочные прибавили. Ты там в авторитете.

— О боги! Да что тебе та пара лишних "корон"? Бедствуете?

— Дело принципа! И вообще инфляция зверствует.

— Это здесь инфляция. Чай ужасно дрянной. Надо как-то прикупить приличного, а тс пить невозможно.

— Уже сходила я к Лизавете, дала денег. Пусть в лавку попрличнее идет и закупится, а то нам некогда.

— Надо бы Лизину малую чем-то угостить, — сказала Катрин, выплескивая невыносимый чай.

— О, вот она душевная, добросердечная благородная Светлоледа! Не то, что убогое жадливое земноводное. Я когда ходила, презентовала два яйца и печеньку. Больше у нас ничего детского на данный момент нет.

— Молодец, это правильно.

— Вот у вас язык изощренный. Я не "молодец", и даже не "молодица", а приличный практически цивилизованный профессор. А Лизино дите моих студентов напоминает: тоже зеленоватое. Только мои от большого ума и приморского здоровья, а здешняя девчонка наоборот. Разве это жизнь для малой девки? Вот как тут революцию не делать, а?!

— Не разоряйся, революция все равно будет. Только нам бы какую-нибудь поспокойнее революцию, без избытка пулеметов. Давай не отвлекаться. Дальше по плану?

Оборотень запила легкий обед из носика заварочного чайника и поведала:

— По плану-то по плану, но давай его упростим. Если допустим, просто пристукнуть императора, все само пойдет. Похороны, отпевания, иные мероприятия, заодно и широкая амнистия. И никого не надо уговаривать!

— Хороший план, — Катрин встала из-за кривоватого стола. — Но уж слишком

упрощенный. Давай подойдем к делу творчески и никого убивать не будем.

— Опять не убивать? — заворчала оборотень. — Эстетка ты. Извращенная причем!

— Мне уже говорили...

* * *

Апрель 1887 года

30 лет до дня X.

Гатчина

Весенние сумерки в конце апреля печальны и волшебны. Потолки и лестницы плавают в легких тенях, статуи и лики портретов оживают. Естественно в иные, многолюдные дни торжеств и праздников, все во дворце совершенно иначе, но император шума и сборищ избегал, предпочитая общество жены и близких.

Доносился легкий шум и звон серебра — накрывали к ужину. Александр в легкой меланхолии спускался по лестнице, мыслями воспаряя к охоте в далекой Беловежской пуще и к близкому лафитнику с горькой. Оттого и фигуру, стоящую на лестнице заметил не сразу. Слегка поморщился — кто-то из военных, придется заговорить о Балканах. Всмотрелся и замер.

Отец?!

Александр II Освободитель снизу строго смотрел на сына и наследника. Стройный и подтянутый, в темном мундире со сверкающими аксельбантами и пышными эполетами — словно сошедший со знаменитого портрета.

Призрак?! Галлюцинация?! Или время повернуло вспять?

— Папа, это вы? — в смятении прошептал Александр Миротворец.

Александр Освободитель раздраженно махнул рукой, шагнул к настенному зеркалу,дохнул на стекло и размашисто начертал несколько слов по затуманившейся поверхности. Резко повернулся, совершенно не свойственной ему мельчащей походкой сбежал вниз. Отчетливо скрипнула дверь...

Александр III тяжело спустился по ступеням — ноги стали ватными. Слабость не удивительна — такое яркое и отчетливое видение. К чему это?! К чему?!

Надпись на зеркальной поверхности уже меркла, таяла на глазах. "Пусть живут!" — гласили печатные буквы. Почерк абсолютно не походил на почерк отца. Уже не говоря о том, что Александр Николаевич определенно бы не опустил букву "ерЪ". Александр Александрович дотронулся до зеркала с пропадающими буквами — над поверхностью витал едва заметный запах банного веника. Неужели розыгрыш?! Но кто дерзнул?!

Император сбежал по ступенькам — дверь внизу одна, за ней длинный коридор, шутнику некуда деться. Но как похож, боже, как похож!

Александр III рванул двери, ожидая увидеть спину убегающего остроумца. Спины не было, зато император чуть не сшиб невысокую пухленькую служанку с ведром и шваброй.

— Ой! — пискнула конопатая особа, роняя швабру и склоняясь перед самодержцем в неловком поклоне.

— Кто-то здесь только что проходил? — нетерпеливо спросил Александр III, перешагивая швабру.

Перепуганная служанка замотала головой.

Наберут же дур в прислугу. Да еще шляется с ведром в неурочное время.

Император тяжелыми прыжками поспешил к дальней двери. Шустр шутник и как мог успеть проскочить?

Дура-служанка цапнула швабру, юркнула прочь, как нарочно бахнув дверью. Грубый звук отрезвил императора — коридор гулок, здесь слышен каждый шаг. Пытаясь бежать или спрятаться, неизбежно выдашь себя. Это не шутник. Что-то иное... иное...

В сверхъестественное и чудесное Александр Александрович не слишком верил. Супруга, да, иногда склонна, но император не может позволить себе...

Он остановился, с чувством выругался, повернул назад. Сердце колотилось.

В конце коридора распахнулась дверь. Император увидел горячо обожаемую супругу. Мария Федоровна, почему-то в светлом летнем платье, выглядящая крайне юной и милой, странным жестом вскинула руку ко лбу — казалось, сейчас лишиться чувств.

Супруг встревожено протянул к ней руки.

— Ничего не говори! — страстно вскрикнула императрица. — Мне было видение. Помилуй их, Сашка, помилуй!

— Кого? — потрясенно спросил Александр Александрович.

— Этих глупых мальчишек, что готовили на тебя покушение. Видит Бог, ни не ведали что творили. Мы должны быть добрее! Иначе всем будет хуже. Ах, Сашка...

Императрица резко развернулась, шагнула за дверь. Мгновение эхо ее горьких слов витало меж стен, потом его разорвал грохот закрывшейся двери.

Александр машинально перекрестился. Что все это значит?! Нужно что-то сделать. По крайней мере, с этими оглушающими дверьми. Черт знает что такое, не двери, а мортиры какие-то.

Он вошел в столовую. Супруга уже была там. Естественно, не в неуместном светлом платье, а в элегантном, темно-синем, вполне к случаю. И сама Мария Федоровна очень уместная — не юная, но красивая, стройненькая, абсолютно понятная. Удивилась, что супруг задержался, но всмотрелась и обеспокоилась.

— Что с тобой, Саша?

— Сейчас шел и вдруг задумался, — император сел, взял салфетку. — Возможно, их стоит помиловать? Не смотри на меня так. Я об этих мерзких мальчишках из "Народной воли", так мечтавших меня ужокошить.

— Но они ведь и на суде ведут себя весьма дерзко, — осторожно напомнила супруга. — Помилование будет выглядеть нашей очевидной слабостью и подаст дурной пример их последователям.

— Полагаю, это зависит от формулировок приговора, — задумчиво поведал Александр. — Мне пришла в голову мысль, что выставить человека глуповатым гораздо действеннее, чем сотворять обществу сомнительного лже-героя и мученика. По крайней мере, лично мне крайне тяжело чувствовать себя круглым дураком.

— Боже, Саша, но разве ты дурак?!

— Порою. На меня вредно действуют хамские двери.

Александр Александрович любил жену и не собирался ее мучить нелепыми рассказами о потусторонних видениях и запахах веников. Что касается помилования... Воспитанные и цивилизованные люди могут себе позволить проявлять милосердие. Иногда. И всякие сверхъестественные явления к этому милосердию никакого отношения не имеют.

* * *

— Так, с двумя Александрями мы управились. В целом, император произвел приятное впечатление, — сообщила Лоуд. — Хотя водочкой от него пахнет и вообще медведь какой-то — швабру мне чуть не сломал. Но так-то неплох — визжать и звать охрану не

вздумал.

— Ты тоже была недурна, — признала напарница.

— Естественно. На будущее нужно учесть две вещи. Во-первых, я нормальное земноводное с естественной температурой тела. Парить на зеркало мне трудно. Задумка с чаем недурна, но сначала в пасти шибко горячо, потом боишься что остынет. Императоры они не электрички, отнюдь не по графику на меня выбредают. Во-вторых, копировать людей нужно по современным им изображением. В мою императрицу ваш Александр не поверил. Слишком миленькой вышла моя версия. Ну, да ладно, результат положительный.

— Да, теперь третий Александр на очереди.

— Вот никакого разнообразия. Хотя бы Степана какого или Ермолая предложили. Худо, что мы номера камеры не знаем...

— Да с этим не успели.

* * *

Апрель 1887 года

Шлиссельбургская крепость

Ночь, ни звука. Даже шаги часовых не слышны. Треугольник стен, окруженный холодной Невой, а внутрь тьма, сырой камень, но камера уже не кажется тесной западной. Она, камера, часть мира. Огромного, в котором, так много всего. В могиле куда теснее.

Умирать в двадцать четыре года не хочется. Но нужно. Честь народовольца требует.

Скоро. С исполнением приговора тянуть не будут. Жаль, мало успел. Мало, как мало...

Вытянувшись под тонким одеялом, Александр смотрел во тьму потолка. Мысли скользили туманные, неопределенные. Свидание с матерью, короткие письма, густо измаранные цензорами. Не о чем думать. Не о чем...

Узник вздрогнул — тьма рядом наполнилась. Что-то живое, пахнущее духами, дымком самовара, чуть-чуть рыбой.

— Сидите, товарищ? — осведомилась тьма требовательным женским голосом. — Ульянов Александр Ильич, так?

Узник рывком сел, судорожно стиснул одеяло.

— Ага, вы значит, он и есть. Это хорошо, наконец-то, — резковато одобрила тьма.

Что-то щелкнуло, замерцал живой огонек. Александр прикрыл ослепленные глаза, но успел заметить узкую руку, блеск круглых очечков.

Фантастическая гостья зажгла свечу и сухо сказала:

— Подвиньтесь, Александр, я присяду. Если не возражаете.

Узник смотрел сквозь пальцы на свечу и гостью, пристраивающую ярчайший источник света на каменный выступ стены. Девушка: невысокая, сухощавая, в строгом под горло платье и странной меховой безрукавке.

— Вы — бред?

— Отнюдь! — девушка строго поправила очки. — Я связная. Прежде всего, позвольте пожать вашу честную руку. С методами "Террористической фракции" я категорически не согласна, но отдаю должное вашему личному мужеству.

Узник машинально подал руку. Ладонь в перчатке была небольшой, но рукопожатие гостьи оказалось крайне энергичным.

— Послушайте, но этого не может быть, — прошептал Александр.

— Может! Возможности науки безграничны. Прогресс не стоит на месте! Методика тайного проникновения по технологии Уэллса-Глорской. Вы Уэллса не читали? Напрасно!

Поразительной фантазии человек. Ну, еще прочтете.

— Едва ли, — прошептал приговоренный.

— Как раз об этом и идет речь, — девушка вытащила из рукава письмо. — Вам послание от товарищей.

Александр взял письмо. Бумага, конверт были настоящими. Как и запах духов — тонких, невыносимо волнующих, экзотичных. Узник на миг зажмурился, взял себя в руки и повернул бумагу к свету.

Письмо было коротким...

— Это невозможно! — сказал Александр, складывая лист. — Это будет слабостью. Слабостью нашей организации и моей лично. Лучше умереть с достоинством.

— Знаем-знаем. "Двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой ещё нет..." сказали вы матери. Достойные слова. Но борьба не окончена. Она будет длинной эта борьба, и вы нужны партии!

— Я не проявлю малодушия!

— Естественно, не проявите, товарищ Александр. Между нами говоря, каторга — не курорт. Но пребывая там, мы оставляем возможность продолжать борьбу. Так надо, товарищ Ульянов! Вот сунуть голову в петлю, да ногами подергать, это, уж извините за цинизм, дело нехитрое. А кто новую Россию строить будет? Утром немедля пишете прошение о помиловании и отдаете надзирателю.

— Я не могу.

— Можете и должны! Нам нужны проверенные борцы, опытные серьезные товарищи. Устроим побег с каторги или из ссылки, придете в себя, поведете настоящую революционную работу, женитесь. Нам нужны племянники...

— Кто? — узнику показалось, что он ослышался.

— Дети, внуки, племянники и племянницы — нам все нужны! Революция и строительство нового справедливого общества — это задача на ближайшие десятилетия. А то и столетия. Ясно, товарищ Ульянов? — девушка ободряюще хлопнула узника по плечу. — Все, я исчезаю. Свечу оставлю, а письмо давайте сюда.

Александр наблюдал, как связная комкает лист и с явным отвращением запихивает в рот.

— Можно было сжечь.

— Фефел фыдаст, — невнятно пояснила подпольщица.

Узник подал ее кувшин с водой.

— Благодарю, — девушка управилась с уничтожением улики, поправила очки. — Нужно все же потоньше бумагу использовать. Непременно поставлю на вид товарищам, а то взяли моду... Что ж, товарищ Ульянов, прочь сомнения. Пишите прошение на помилование, не сомневайтесь, пусть поганое самодержавие подавится. Нас ждет работа и роковые бои. Да, кстати...

Простонародно крякнув, девушка извлекла из-под душегрейки бутылку:

— Шустовский. Сама, естественно не употребляю, взяла для товарищей. Вы в четвертой по счету камере оказались, коллеги чуть согрелись. Seriously помочь всем не могу, так хоть по капельке. Тут еще на доньшке булькает...

Узник медленно тянул маслянистую ароматную жидкость. Посланица подождала, пока он выщедит последние капли, забрала бутылку и дунула на свечу...

Опустевшая камера показалась огромной.

Бред. Откровенный бессмысленный бред. В ожидании смерти случается и не такое. Не было здесь никого.

Александр вытянул руку, нащупал свечу. Фитиль слабо и приятно ожёг пальцы. Хорошая свеча. Нужно будет спрятать от надзирателей.

Спрятать свечу, написать прошение. Пусть это и кажущаяся слабость, товарищи правы — пользы от живого Ульянова больше, чем от мертвого. Да, трудно решать, когда все уже решено. Но иногда нужно уметь повернуть и пойти иным путем. Пусть некоторые примут за трусость. В борьбе применима различная тактика.

* * *

Его ждал Сахалин, каторга, работа зоолога-исследователя, затем поселение на материке. В 1901 году Александр Ульянов ввиду тяжелой болезни был окончательно помилован. Успел вернуться в Симбирск. Умер 1-го февраля 1902 года в кругу родных, на руках матери и жены.

* * *

— Мерзкая крепостица эта Орехово-Шлиссельбургская, — сообщила Лоуд, падая на кровать. — Сырость, на речку страшно глянуть, да еще с камерами напутано. Но наша, убедила. Ну, если он не совсем спятил на жертвенной почве, напишет.

— Я думала, ты освободишь кого-то, раз уж туда нагрязнула, — осторожно призналась Катрин.

— Да я их, тамошних зэков не особо знаю. И потом, разочарованная я в этих освобождениях.

— Что так?

— Одно время, каюсь, работала в этом направлении. Без всяких там искажений историй, ты не думай. Выдергивала в последний момент, с эшафотов, крестов и прочего мемориального мгновения. По сути, властям даже облегчение: хоронить не надо, пепел развеивать. Собралась неплохая команда, так сказать, заново-рожденных. Мир не земной, условия хорошие, планы были шикарные — типа, показательную конкисту устроить.

— И что?

— Не сошлись они характерами, — раздраженно пояснила Лоуд. — Замудохалась я им лечить ножевые и прочие психологические травмы. Индивидуалисты они, эти лидеры разновременные, и оттого мало сочетаемые. А какие люди были?! Степа Разин, Марат Жаннович, Ваня Каин, Пугач, Эрнесто с Криксом. Кстати, в истории наврано — сам Spartak вовремя свалил на "заранее подготовленные", это он молодец.

— Гм, даже боюсь спрашивать о деталях. Но Нестор-то как?

— Святое не трожь, — мрачно отрезала оборотень. — Никуда я его не выдергивала, но дружили мы крепко. В смысле, и дружим, поскольку... Э, вот что у вас за жизнь, у людишек? И оглянуться не успеешь, а уже...

— Да, коротковата жизнь.

Глава пятая. Ошибки

Набережная Фонтанки

Три дня до дня X.

Октябрьская утренняя тьма все еще укутывала улицу. Коляска и конвой показались по другую сторону моста. Казаков всего двое, рысят позади упряжки.

— Что ж мы всех с этакой расточительной трескотней класть будем? — быстро прошептал Филимон. — Остановим, да кончим аккуратно. Они все одно не ждут, да и

конвой смешной.

— А приказ? — напомнил Лев. — Об осторожности говорили...

— Вот и соблюдаем. И патроны сбережем. Давай, Бориска...

Конвойные приостановились у моста — караул у заграждения проверял документы. Стояли на Семеновском мосту юнкера, надо думать, своих пропустят живо.

Борька поднатужился, выкатил на середину мостовой тачку, вывалил комья мерзлой земли пополам со щепками. Андрей-Лев разложил лопаты, кайло, бросил фуфайку. Действовали в тишине, но живо. Экипаж уже миновал мост, сворачивал на набережную. Гаолян, опираясь на метлу, поковылял навстречу. Надевший длинный фартук, бородатый дядя Филимон смотрелся вылитым дворником. Остальные боевики, обряженные под рабочих, тоже подозрений вызвать не должны, благо темновато на улице, на электростанции чудят, свет нынче дается с перебоями.

Центр вывел на цель точно — коляска появилась минута в минуту, катит генерал Полковников и в ус себе не дует — главный начальник Петроградского военного округа и такое легкомыслие. А ведь Временное уже отдало приказ на ликвидацию ВРК и красной гвардии, войска всю стягивают. Но без генерала врагу будет потруднее управиться. Странно, что конвой такой хилый у этого завязанного гада в лампасах.

— Стой, куда вас несет! Разрыто тут! — засемафорил Гаолян воздетыми фонарем и метлой.

Реквизит изъяли у дворника в соседнем доме. Теперь несознательный представитель дворового пролетариата сидел в своем полуподвале связанный и, должно быть думал, что грабители вовсе озверели — метлы и фонари отбирают.

— Стой, говорю! Сторонкой, вдоль панели правь! — путанно указывал самозванный дворник-боевик.

Кучер-солдат и вовсе натянул вожжи:

— Сдурел, борода? Под лошадей лезешь?

— Так в яму влетишь, кому отвечать? — ворчливо возмутился Гаолян. — Сам-то ослеп, что ли?

На тротуаре остановились двое ранних прохожих, воззрились на перебранку. Вот же ротозей, что б их...

— Шо бурчишь, дед? Не вишь, кто едет? — из-за коляски двинули лошадей конвойные казаки. Старший из станичников с намеком поигрывал нагайкой.

— Как не видеть? — Гаолян выпустил метлу, мгновенно выхватил из-под фартука и вскинул браунинг. — Ну-ка, руки, хлопцы!

Борька, швырнув лопату, выдернул из-под поддёрвки пулемет, торопливо вбил магазин, передернул затвор. Андрей-Лев уже несся резвыми прыжками к коляске, держа пистолет и бомбу наготове.

— Та вы шо?! — пробормотал молодой казак, не сводя взгляда с близкого пистолета. Старший казак неуверенно потянулся к шашке.

— Давай, — ласково ободрил его Филимон.

Карабины у станичников через плечо, а выхватывать шашки против браунинга и пулемета, то поступок красивый, но заведомо не полезный для здоровья...

Выстрелов что-то нет. Замер на подножке коляски Андрей-Лев, застыл вроде той каменной химеры на фасаде дома на Садовой.

— И что? — со сдерживаемой яростью спросил Филимон, грозя казакам — старший

станичник, словно невзначай сжимал коленями коня, понуждая надвигаться на "дворника".

— Так нет его, — растерянно отозвался Андрей. — Не генерал.

— Вали кого есть, да пошли отседа. Зябко сегодня, — злобно процедил Гаолян, целясь уже строго в лоб храброго казака.

— Так женщина тут. И юнкер-сопляк.

— Кто сопляк?! — взвизгнули тонким голосом из-под поднятого верха коляски. — Да как, ты, мерзавец, смеешь?!

Повинуясь кивку командира, Борька бегом обогнул всадников, держа на прицеле кучера — тот с сомнением косился на легкий пулемет — не иначе вообще не мог понять, что за странное оружие.

— Срежу в миг, — грозно предупредил генеральского лакея-кучера юный боевик Сальков. Глянул в коляску: бледное и отчаянное мальчишеское лицо, фуражка, съехавшая на затылок. Рядом с юнцом-юнкером дамочка, молодая и хорошенькая, перепуганная до полусмерти, аж подбородок отвис. Над ними с пистолетом и бутылочной бомбой грозно нависал Андрей-Лев, но физиономия у боевика-инженера была примерно такая же — растерянная и смущенная.

— Тут не те. Вообще ни разу не генерал, — озадаченно подтвердил Борька. — Ошибка, похоже.

— Ошибка, определенно ошибка, господа хорошие, — сипло заверил кучер. — Мы — не те.

— Господа, мы совсем-совсем не те, — пролепетала пассажирка.

Филимон выругался и указал пистолетным стволом казакам:

— Карабины бросайте, да с коней слазьте.

В ответ младший казак послал дворника-налетчика по короткому адресу.

— Дурик, неужто я позволю себе в спину палить? — усмехнулся Гаолян. — Уж лучше я первым стрельну.

Казачьи неохотно сняли карабины — оружие, с лязгом бухнулось на мостовую, сошли с седел.

— Граждане-товарищи, а вы вообще кого казните? Ежели что, так тут рядом прокурорская квартира, — подсказали с тротуара. Там уже стояло четверо зевак, с интересом наблюдали за разоружением.

— Не суйся. Кого надо, того и разоружаем, — буркнул Филимон, неловко поднимая карабины. — Эй, экипаж освобождайте, наша очередь прокатиться.

Пассажирка полезла из коляски, всхлипывая, но охотно. Андрей-Лев, сунул пистолет за пазуху и поспешно помог дамочке. Неуместная галантность боевика в сочетании с взведенной гранатой в руке выглядела нелепо. Борька не удержался, хихикнул.

Тут юнкер, вроде бы соскочивший на мостовую, выкинул форменный фортель: быстро сунул руку в карман шинели и достал пистолетик:

— Бегите, Анна Сергеевна! Бегите!

Блестящий пистолетик начал разворачиваться куцым стволиком прямоком в живот Борьке, и юный боевик машинально нажал спуск пулемета.

На краткое нажатие оружие ответила одиночным звонким — тук! Боевик Сальков нажал еще и еще раз, — тук-тук! — с готовностью сказал немецкий ствол.

Шарахнулись лошади, затопали ноги убегающих зрителей — стрельбу петроградцы все еще считали чересчур опасным развлечением.

...Юнкер оседал на мостовую, слабо цепляясь за колесо коляски.

— Чтоб, вас... — дядя Филимон прохромал к коляске. — Поехали!

Гаолян зашвырнул карабины, неловко запрыгнул внутрь, Борька, грозя пулеметом пятащимся к поребрику казакам, вскочил на подножку. Экипаж тронулся, что-то хрустнуло под колесом.

Молча покатали, сзади тоже была тишина. Борька оглянулся — казаки бежали за напуганными лошадьми. Не, о преследовании не думают. От моста к месту происшествия шли трое вояк из встревоженных, но пока ни черта не понявших юнкеров караула.

— Это рука была, — прервал молчание Лев.

— Какая еще рука? — проворчал Гаолян.

— Под колесом. Юнкер, ну, он упал и...

— И что?! Кто его под ту руку толкал, за пугач хвататься велел? Стукнули героя и черт с ним. Все равно через год-два стал бы отъявленной гнидой. Эй, извозчик, ты генерала должен был везти или кого?

— Граждане-товарищи, не знаю я про генерала, — ответил втянувший голову в плечи, кучер. — Велено было забрать барышню, чемоданы, довести до штаба, а опосля напрямиком на вокзал.

— Что за фря такая твоя барышня? Генеральская дочь, что ли? — сумрачно уточнил Филимон.

— Не могу знать, товарищи. Разве ж я из денщиков? Я ж с конюшни, не думайте, меня в батальонном комитете знают. Я глубоко сочувствующий...

"Глубоко сочувствующего" и коляску оставили на Канонерской.

— Что-то сегодня вовсе без пользы, — удрученно сказал Гаолян. — Барышню перепугали, мальчишку застрелили. Определенно напутали в Центре. Разве это наводка? Вот — два карабина прибытку всей пользы делу.

— Ну, еще кучеру радость. Сейчас по чемоданам шарить возьмется, — заметил Андрей, возясь с гранатой.

— Ты нас не взорви случаем, — предупредил Гаолян. — Энта система усидчивости требует, это тебе не на кнопки жать.

— Да, тут с зацепом оттяжки определенно требуется доработка конструкции.

С бомбой совладать удалось. Андрей-Лев, сунул замысловатое детище Рдултовского за пазуху, забрал пулемет и направился на "штабную" квартиру-мастерскую. Борька повозился с отверткой, откручивая от деревянной ноги командира маскировочный сапог и пошел провожать дядю Филимона — требовалось занести карабины в штаб фабричной красной гвардии — не пропадать же паре стволов в такие горячие дни?

— Заодно ко мне в казарму зайдем, дочку проведаю, — угрюмо пояснил Гаолян. — Совсем плоха, не жрет вовсе. Раздавила жизнь девчонку — не человек, а горсть костяшек. Вот так бывает, Бориска, когда весело да законопослушно с водочкой живешь, а не с револьвером в кармане гуляешь. Ох, и дурнем я был.

Что сказать Борька не знал, потому ляпнул глупое:

— Пережить надо. Она ж у вас молодая. Организм должен справиться.

— Дурак ты. Двенадцать весен Глафире, а в зенки глянешь — бабка столетняя. Чую, до тринадцатых именин не дотянет. Вот же уроды...

Гаолян замолчал, лишь постукивал протезом.

Борька размышлял — такое вообще возможно? Бить женщину насмерть, измываться,

силой девчонок брать. Это что такое в голове должно быть?! Выродки какие-то. Вовсю вырождаются от разврата и обжорства, вот и издеваются напоследок. Уничтожать их надо. Без всякой жалости стрелять и рубить на улицах, в квартирах, поездах, театрах. Везде! А дворцы вообще все сжечь. Загонять туда уродов, да жечь, керосина не жалея, вместе с золотом, кружевами и мебелью расфуфыренной.

Карабины пристроились к делу быстро — Гаолян переговорил с часовыми у фабричных ворот, оружие мигом забрали.

Квартировал дядя Филимон по-рабочему — при казармах фабрики Ерорхина. Полуподвал, поделенный с большой семьей жестянщика: перегородку соорудили сами, двери навесили — сосед тоже был рукастый, да еще не зашибал "за воротник", как Гаолян в былое время.

— Я снаружи обожду, — заикнулся Борька

— Еще чего удумал. Щас к соседке загляну, узнаю новости, да пойдем, чаю выпьем.

Здания рабочих казарм, развернутые фасадом к фабрике, стояли почти темные, мрачные. Только на втором этаже кто-то жалостливо-пьяно невнятно выводил "Ямщик, не гони лошадей".

Вернулся дядя Филимон живо, буркнул "все одно постится, дура".

— Я лучше подожду, вы уж сами, — вновь замялся Борька, но его взяли за плечо, развернули к ступенькам.

— Башку пригни, низко тут. И пойми, Бориска, я тебя не для забавы тащу. Чего и говорить, нынче любоваться на дочку мою — невелика радость. Да чего делать прикажешь? И я по-отцовски ей говорю, и бабы к ней с успокоениями лезут. Была б моя супружница жива... А так толку — чуть. А тут ты мимоходом. И бояться тебя резону нету, и все ж новая рожа. Может, хоть как воздействуешь.

— Я-то что. Понимаю. Но вдруг напугаю...

— Ты-то? Чего тебя пугаться? Глашка у меня жизнью давленная, а не на голову малоумная.

Слышать такое было даже слегка обидно. Два браунинга в карманах, штаны едва не сползают, так карманы патронами набиты, а бояться тебя станет только вовсе уж слабоумный человек — так выходит, что ли?

В комнате было темно и нехорошо. Дядя Филимон зашарил по полке:

— Глафира, опять лампу прибрала? Я с гостем, с работы идем. Приехал к нам парень, в подручные поступил, ремесло осваивает.

Комната молчала.

Гаолян без стеснения выругался, отыскал лампу и чиркнул спичкой.

Борька вздрогнул, увидев недвижно сидящую на кровати фигуру — худая, с распущенными волосами, чисто мертвая. А если и правда...

Девчонка шевельнулась, натянула на голову платок и отвернулась.

— Сидишь? — проворчал отец. — Ну, сиди-сиди. Чисто жидовская плакальщица, скелет-скелетом.

Он, постукивая деревяшкой, ставил вариться картошку, и вроде как стенам рассказывал, что в городе черт знает что творится, там и сям стреляют, хлеба, видать, так и не привезут, а вообще все должно разрешиться со дня на день. Борька скованно сидел за столом, на кровать смотреть опасался, разглядывал инструменты на полках, календарь на стене. Бывали у дяди Филимона дни и получше, не всегда пил, держался, пока жена жива была. И ходики с

кукушкой, и кровать с шарами, и чашки красивые, с голубыми ободками. Этажерка вон какая, прямо барская, видно сам мастерил.

...- Советы свое возьмут, ежели, конечно, казаков в город не нагонят, — хозяин потыкал в булькающий чугунок самодельным, жутковатым ножом. — Сварилось. Иди, Глашка, за стол. Я пузырек постного масла принес, вкусно будет.

Сутулая статуя на кровати не шевельнулась. Филимон в раздражении махнул рукой, слил с чугунок воду, высыпал картофелины на тарелку.

— Давай, Бориска, налегай. Сейчас до работы возвращаться, работать ее нам, не переработать.

Съели по картошине — ничего так, душистая, рассыпчатая, аж в животе заурчало.

— Тьфу, я же Карпычу гайки принес, — спохватился Филимон. — Схожу, отнесу, пока не забыл. Вы тут поболтайте пока, тока без шума, время позднее.

Борька панически замотал головой. Дядька Филимон страшно пошевелил рыжими бровями и поковылял к двери:

— Картошку ешьте. Я скоро, а то чайник остынет.

Борька без всякого удовольствия зачихнул за щеку кусок переставшей быть вкусной картошки, покосился в сторону кровати. Вот что это за дело?! Понятно, горе есть горе, но раз жизнь, то нужно и жить.

— Глафира, я извиняюсь, но вы это бросьте. Отец переживает, картошка пропадает, а вы сидите как сфинкс на том мосту. Не могу же я в одиночку все слопать?

— Можете, — сердито прошептали из-под платка. — Вон вы какой... щекастый.

Гм, и когда увидеть успела?

— Я не щекастый, а круглолицый. Это разные вещи, — объяснил Борька. — Так-то я поджарый.

Из-под платка глянули одним глазом.

Опять же было чуть-чуть обидно. Разве сразу не видно, что поджарый? Ну, куртка широковата, так она рабочая, под иную пулемет и не спрячешь. Впрочем, про пулемет Глашка, конечно, не знает.

Борька решительными движениями очистил большую картофелину, скovyрнул ногтем черное пятнышко, тяжелым хозяйским ножом разрезал на четыре красивых части, щедро плеснул маслица, добавил четвертушку луковицы, посыпал на кромку тарелки крупной соли. Вот, не хуже чем в ресторане!

Двинуться к кровати было, все же, страшновато. Вдруг разрыдается? Хотя чего тут рыдать? Самое простое, товарищеское дело.

— Кушайте. А то я вовсе неуместно себя чувствую, а меня сегодня дураком и так уже всюю зашпыняли.

— А вы дурак и есть, — подтвердили из-под платка. — Кто вас нянчиться заставляет?

Борька, наливая в красивую кружку кипятка, пожал плечами:

— Чего меня заставлять? Я сам без башки, что ли? Работаю с вашим батькой, учусь у него, уважаю за умение. Мог бы напрячься и про сочувствие лично вам сказать, но я не особо умею.

— Мордатый вы, да глупый, — с неожиданной досадой сказал платок. — Совсем еще мальчишка.

— Возраст-то что, — хладнокровно парировал Борька. — Возраст пройдет. А так уж и не совсем мальчишка. Спорный вопрос. Давайте я вам лучше еще картофелины почищу?

— Вы мне лучше так ее дайте. Чистить не умеете и масла много бухаете, — упрекнули из-под платка.

На критику Борька не обиделся — чистят картошку каждый в своей манере, а с пропорцией масла так вообще дело темное. Выбрал картофелины покрасивее...

Так и сидели. Борька рассказывал, что настоящей революции не миновать, очень скоро всю Россию от бар, попов, и прочего эксплуататорского разбойного класса до дна вычистят. И война кончится. Очень даже быстро. Под платком жевали, недоверчиво хмыкали, но сообщили, где на полке сахар лежит.

Вернулся дядя Филимон, глянул на кучку картофельной шелухи, почесал нос и сказал:

— Пошли, что ли, Борис? А то дадут подряд в неурочное время, а мы все шляемся.

— Ежели завтра придете, я картошки сама сварю, — сказал платок. — Мне одной в горло все равно не лезет.

— Придем, да только подгадать с обедом не выйдет, — кашлянул отец. — Я денег оставлю, за хлебом зря не стой, попробуй муки купить. А то вообще дурь выходит: деньги есть, а обедаем как попало. Только если вздумаешь на улицу выходить, волосья причеши, а то перепугаешь прохожих.

— Шли бы вы, отец, себе, — сердито сказали из-под платка.

— Гм, имеешь ты, Бориска, подход, — отметил Гаолян на улице.

— Это дух картофельный. В нем крахмал, а он бодрящее вещество, — скромно объяснил Борька.

— Это тоже. Только есть в тебе простота, немудреная, но доходчивая, — похвалил дядя Филимон. — Как закончим, и если живы будем, может тебе в учителя пойти выучиться?

— Мне?! — изумился Борька. — Да я с уроков в ремесленном деру давал. Разве время в классах штаны просиживать, закон Божий зубрить?

— Ну, так иные школы будут, наверное. Детей по-новому учить станут. По-рабочему. Чтоб слабины никогда не давали, делом занимались, не сидели с горя под платками.

Борька подумал, что такие школы очень нужны. Но это уж когда-то потом случится, и другие люди в тех школах будут учить. Тут бы с руками совладать, чтоб в нужный момент прицел браунинга и пулемета куда попало дрожь не уводила.

* * *

Литейный проспект, конспиративная квартира Центра

Три дня до дня X.

...- Не сомневайтесь, рука не дрогнет! — кратко заверил Алексей Иванович.

— Вся надежда на вас! — повторил представитель Центра. — Наши дела не остаются незамеченными, с вас берут пример многие честные люди. Строго между нами могу намекнуть — уже формируются добровольческие офицерские отряды. Даст Бог, успеем, предотвратим катастрофу. К сожалению, мерзавцы в Смольном учуяли опасность. Только что совершено нападение на генерала Полковникова. По счастливому стечению обстоятельств сам генерал не пострадал. Нападающие хладнокровно расстреляли его охрану, но Георгия Павловича в экипаже не было. Спешат большевики, ошибаются.

— Помилуйте, но этот ваш Полковников... — Алексей Иванович сочно выругался. — Трусливое временное ничтожество, а не главнокомандующий округом^[6]!

— И все же именно в его подчинении ударные батальоны, ему верят казаки, у него есть орудия. Ах, нам бы две-три батареи и решительных командиров! Будем надеяться, Полковников решится и твердо встанет на сторону спасителей Отечества. Но сейчас не об

этом, дорогой наш Понедельник. Мы имеем сведения о мерах, предпринимаемых большевиками... — представитель Центра, представляющийся кличкой "Гид", огляделся и понизил голос. — Откровенно говоря, в подобное коварство ВРК трудно поверить...

Алексей Иванович старался не морщиться. К чему эта театральность, эта манера поминутно озираться? Центр пытается свершить невозможное — спасти гибнущую Россию, а его представители похожи на провинциальных актеришек. Конечно, это обманчивое впечатление — Гид чрезвычайно осведомлен и по-своему весьма неглуп. Но манеры... Естественно, люди с физическими изъянами склонны к экзальтации, но не да такой же степени. К чему переходить на шепот, если в комнате лишь трое — еще один представитель Центра, устроившийся за письменным столом, полностью сосредоточен на карте города, коротко чиркает карандашом, кстати, очень недурственным карандашом.

— Мы хотели просить вашу группу заняться этим делом, — продолжал Гид. — Никого более надежного Центру не найти, а ошибиться в подобном вопросе — смерти подобно. Понимаю, задание не по вашему профилю, сугубо разведывательное.

— Давайте-ка к сути дела, — потребовал Алексей Иванович, доставая портсигар...

...- Быть такого не может! Даже эти варвары на такое не пойдут, — Понедельник не глядя, давил едва начатую папиросу в пепельнице, пепел пачкал ногти. — Немыслимо! Чудовищно!

— Да, скифы — вы! Да, азиаты — вы, с раскосыми и жадными очами! — внезапно и скорбно продекламировал Гид. — Увы, нам придется поверить в самое страшное.

Несмотря на шок от чудовищной новости, к счастью, еще не подтвержденной, Алексей Иванович в изумлении уставился на собеседника^[7]. Прорекламированная строфа не звучала идеально — чего-то в ней не хватало. Но образ, отточенный, яркий, внезапный... Дикие скифы — именно! Да-да!

— Ваше? — не удержался бывший литератор.

Гид глянул с усмешкой:

— Баловался в юности. Пока был способен нормально писать. Сейчас не до рифмоплетства.

— Весьма недурно, — осторожно похвалил Алексей Иванович — ему с трудом верилось что Гид, с его очевиднейшим косноязычием и не совсем чистой малороссийской речью, мог сочинить что-либо, кроме неуклюжего любовного сонетика. С другой стороны, "скифская" строфа ярка и чеканна, впечатывается в память намертво. Не украл же ее Гид в самом деле? Чернявый, обиженный судьбой, неуместно язвительный, но приличный же, честный человек.

Гид глянул нетерпеливо:

— Алексей Иванович, давайте поэзию на потом отложим. Вы понимаете, что нам грозит чудовищная катастрофа? Сведения получены из двух разных источников. Мы были бы рады ошибиться, но... Будем надеяться, что наши осведомители преувеличивают опасность. Но удостовериться нужно незамедлительно. Прошу вас, Алексей Иванович, сходите и проверьте. Если ситуация действительно такова, мы бросим все силы к Смольному. Пусть погибнем, но предотвратим катастрофу!

— Черт возьми, в голове не укладывается. В центре столицы и такой безумие, — Алексей Иванович вынул новую папиросу, чиркнул спичкой.

— Сударь, ну, не время же курить! — с внезапным раздражением вскричал Гид. — Каждая минута на счету.

— Да-да, — Понедельник, чувствуя, что голова идет кругом, глубоко затянулся и

раздавил папиросу в пепельнице. — Как туда лучше подойти?

...Они постояли над картой, представители Центра объясняли, что со стороны Леонтьевской аллеи и реки Смольный практически не охраняется, главное не пытаться проникнуть напролом, со стороны главного входа. Впрочем, группе внутрь здания, в кабинеты, занятые штабом заговорщиков, пробираться нет необходимости. Задача проще, но и опаснее.

Алексей Иванович торопливо сбежал по лестнице парадного, осторожно выглянул на улицу. Следовало спешить — к утру Центр должен знать об угрозе все, что возможно. Этой ночью большевики уже не успеют начать, а за день можно многое успеть.

...- Какой нервный академик, — усмехаясь, отметил безымянный представитель Центра.

— Как все литераторы, — пожал плечами Гид. — Безумный холерик. Таких мы, собственно, и используем наиболее эффективно. Но курит, дебил, одну за одной. Так мы с вами что-нибудь онкологическое заработаем.

— Не успеем. К утру его группа убедится, что попалась пустышка, успокоится. Сутки на отдых, и пожалуйста, господа, к исполнению основного задания.

— Обойдётся без отдыха. Пара мелких акций для оживления обстановки не помешает. Стороны вялы и нерешительны, раскачать город сложно. Жаль, что пассивность Полковникова так и не ликвидировали — личная потеря наверняка подстегнула бы прыть генерала. Пассивность фигур заметно портит игру.

— Что поделатъ, срок подготовки ликвид-групп был заведомо мал. Полагаю, следующая акция "красных" пройдет планоно. Я, коллега, проигрывать пари не собираюсь.

Собеседники засмеялись.

— Откровенно говоря, моя команда слабее, — заметил безымянный. — Принцип подбора я понимаю, но мальчишка и инвалид — нет, слабовато. Тут вы меня подставили.

— Знаковые фишки против знаковых, — напомнил Гид. — Все честно. Собственно, пока ваши играют на удивление стойко. Утром отработают стволами, и мы запустим открытую рекламу. Потом перерыв и ход по складам.

— Слушайте, давайте в зимний сад перейдем, пусть здесь проветрится, — морщась, предложил безымянный. — Натуральный даун! И как он до восьмидесяти трех годков с таким пристрастием к никотину дотянул?

— В здешней, как принято выражаться "кальке", долгожительство нашему гению словесности вряд ли грозит, — тонко улыбнулся Гид. — Пойдемте в сад, продышимся.

— Кто знает, вдруг да и выкрутится ваш Алексей Иванович, — безымянный поднялся из-за стола, потянулся, сделал несколько энергичных гимнастических движений. — Кстати, кажется, ваш гениальный литератор у меня карандаш упер.

* * *

— Пустое, дорогой Алексей Иванович, — уверял Шамонит. — Басни и сплетни. С технической стороны — абсолютно нелепое предположение, уж можете мне поверить. Выдумка людей, абсолютно не представляющих как действует подобное оружие.

— Вы так уверены, Петр Петрович? — Понедельник уже чувствовал, что начинает задыхаться — в большей степени от волнения, чем от быстрой ходьбы.

— Практически да, уверен. Крайне громоздкое в исполнении и сомнительное предприятие. Шансы на успех мизерны.

— Но все же они могут попробовать?

— Чисто теоретически. Мастеровые, знаете ли, не лишены смекалки и выдумки. Да и военные специалисты среди большевиков найдутся. Но я решительно отказываюсь верить...

— Имеет значение, верите ли вы, Петр Петрович? Вопрос — верит ли в действенность и целесообразность задуманного кошмара Ленин и его шайка. Сначала я тоже подумал — безумие! Потом осознал что большевики и прочие-с социал-демократчики, абсолютно аморальны. Абсолютно! Лишь бы раздуть "воровское шатание", возлюбленное Русью с незапамятных времен, подстрекать тягу к разбойничьей вольной жизни. Человеческая жизнь для них цены не имеет.

— Возможно. Но здесь вопрос не морали, а реальных технических возможностей. Да не бегите вы так, Понедельник! Напоремся.

Действительно, боевики уже были за оградой монастыря, левее высились колокольни, где-то впереди был Смольный — с этой стороны практически заслоненный монастырем, далее отблески огней, отдаленный шум — у фасада бывшего института благородных девиц во всю кипел котел очередной революции.

Основные подвалы института были вполне обжиты: в них обитала прислуга — швейцары, полотеры, посудомойки и прочие необходимые Смольному институту работники. Сейчас, после прекращения процесса обучения их число поуменьшилось, но все равно людей, не слишком вовлеченных в революционно-подрывную работу в огромном здании Смольного хватало. Но собственно жилые подвальные помещения боевиков не интересовали — отставных лакеев беспокоить не имело ни малейшего смысла. Имелись в институте и иные подвалы, складские — вот о них-то и шла речь.

Алексей Иванович счел, что всей группой рисковать неразумно. Направились вдвоем с Шамонитом — Петр Петрович как инженер и химик в данной ситуации был незаменим. Гранда оставили на квартире, хотя Игорь требовал права участия в срочной разведке.

— Проверим оружие, — Алексей Иванович достал браунинг. — Признаться, если мы найдем то, что ищем, искушение войти в Смольный, отыскать главарей и разрядить пистолет в их дьявольские лбы будет поистине непреодолимым.

— Желание понятное, но заведомо проигрышное с математической точки зрения. Подстрелят-с мигом, — тихо и весело засмеялся Шамонит. — Их много, дорогой мой Алексей Иванович. Именно в этом основная сложность выводимой нами формулы. Да и не для стрельбы мы идем. Четыре револьвера и две гранаты — слабый раздражитель для толстокоих революционный телес.

Инженер был прав.

Боевики осторожно шли во тьме: слабые огни из окон почти ничего не освещали.

— Электростанция издыхает, — прошептал Шамонит. — Скоро погрузимся в первобытную тьму. Вот тогда и отыграемся.

— Перестаньте! Какие игры?! Черт, что это?!

Где-то играл граммофон, чудились женские голоса.

— Институтки?! — ужаснулся Алексей Иванович.

— Вряд ли, — инженер-боевик с интересом прислушивался. — Едва ли смолянки способны так сквернословить. Да и Центр утверждал, что успел эвакуировать институток в Крым. Скорее, кто-то из прислуги. Или уже новые веселые жилицы.

— Давайте, обойдем...

Разведчики вышли к зданию с тыла.

— Где-то здесь, — прошептал Петр Петрович. — Ведите себя уверенно, мы свои,

пролетарские.

Понедельник глубже сунул руки в карманы солдатской шинели, сжал пистолет. Шинель и особенно папаха нестерпимо воняли дикостью, кислым потом и, видимо, вшами. Скифы, мать их... Боже, убьют, вот как валяться в этом рваном саване?! Должно быть, даже в морг не свезут, поленятся.

Первый вход в подвал нашли по свету и оживлению.

— Пойдите здесь, Алексей Иванович, — потребовал Шамонит. — У вас, извините физиономия насквозь барская и брезгливая. С товарищами нужно поприветливее, по-свойски.

Инженер распахнул шинель с очевидными следами споротых погон — нитки торчали цыганской бахромой — зверски скомкал в ладони фуражку и громоподобно затопал вниз по ступенькам. Сунулся в дверь:

— Товарищи, Иванов, случаем, не здесь?

— Здесь, как не быть. Макарыч, к тебе!

— Чаго тябе?

— Тьфу ты, да разве это наш Иванов?! — возмутился Шамонит. — Наш с саперного.

— С саперного у нас Ивановых нэма.

— Ну, звиняюсь. Ежели забредет, скажите я ему башку откручу. Наше время запропасть... — Шамонит, топоча и ворча матерное, поднялся наверх.

— Черт возьми, в вас, Петр Петрович, пропадают очевиднейшие актерские способности, — пробормотал Понедельник. — У вас даже физиономия этакая, премерзко-революционная. Даже щегольские усики не мешают.

— Благодарю. Усы непременно сбрею. А что касается подвала — так очевидное зеро — газетенки пачками и иная агитационная дрянь. В углу мебель навалена, но спрятать там, то, что мы ищем невозможно.

— Что ж, посмотрим далее...

Следующую дверь пришлось взламывать. Алексей Иванович стоял на "стреме", как выразился соучастник, а Шамонит возился внизу, поддевая замок коротким ломиком. Инструмент инженер принес с собой, и сейчас конструкторская предусмотрительность пришлась весьма кстати.

— Не поддается, пакость этакая, — сопел Шамонит. — Прimitивно, но дьявольски надежно. Когда все закончится, изобрету резак, будет резать запоры тепловым лучом, мгновенно и надежно. У меня, черт его возьми, задуман замечательный проект...

— Наверняка озолотитесь, — Алексей Иванович нервно озирался. — Так что там с замком?

В ответ пронзительно взвизгнуло выдираемое железо. Алексей Иванович машинально присел на корточки и зажмурился. Фу, детство какое.

Шамонит выругался и принялся на что-то звучно плевать.

"Смазывает петли" — догадался Понедельник и спрятал выхваченный пистолет. "Боже, чем мы здесь занимаемся?!"

Снова скрипнуло.

— Спускайтесь, господин словесник, — пригласил Шамонит, прикрывая луч электрического фонарика. — Вскрыта преисподняя, милости прошу.

Следующие полчаса боевики блуждали в лабиринте мануфактуры и пыльных ящиков со стеклом. "Штуки" бязи, льняного полотна и мешковины, громоздились почти до потолка, а

пыльное стекло в дощатых коробах казалось мертвыми бесконечными сотами.

— Не тем большевики заняты, — Петр Петрович стер с вспотевшего лица паутину. — Здесь мануфактуры на миллионы.

— У товарища Троцкого и компании планы куда шире, миллионов им и на булавки не хватит, — Понедельник освободил полу шинели, зацепившуюся за гвоздь ящика. — Но оружия здесь определенно нет.

— Да, зря только батареи сажали, — инженер мигнул фонариком. — Идем дальше.

Боевики остановились у следующего входа в подвал, закурили. Мимо прошла группа матросов и вооруженных мастеровых, шныряли какие-то лохматые, анархического вида личности, но разведчики осмелели и игнорировали опасность.

— Слушайте, а ведь нет здесь ничего, — предрек Шамонит, коротко посветив вниз. — Здесь неделю гарантированно никто не отпирал.

— Да, насрано изобильно, — морщась, согласился Алексей Иванович. — Но нужно же убедиться. Дело серьезнейшее.

— Извольте. Второй фонарик вам дать?

Внутренне стоная, бывший литератор спустился вниз — поставить сапог было решительно негде. Стараясь не дышать, Алексей Иванович посветил на замок — пыль, даже легкая ржавчина. Несомненно, с лета никто не открывал.

— Откровенно говоря, я доволен, — Шамонит натянул зверски измятую фуражку на темноволосую голову. — Не так уж изощрены разумом наши революционные друзья. Не додумались. Я уж было восхитился их цинизму и фантазии.

— Прекратите ерничать. Слухи не могли взяться ниоткуда. Следовательно, чудовищная идея витает в воздухе.

— Мы убедились, что пока это гипотетическая идея. Вам, как талантливому писателю и сочинителю, должно быть ясно, что далеко не каждая бредовая идея воплощается в жизнь, даже романную. К счастью! Еще раз повторяю — с технической стороны предположение о подобной атаке весьма неправдоподобно.

— Ну и, слава Богу...

Но радоваться разведчикам было рано.

— Эй, граждане-товарищи, а где здесь водочки взять? На марафет смэняю, — окликнула их мутная широкоплечая бородастая личность в шинели, интимно облапившая вторую личность — поплюгавее ростом. Обе революционера вывалились из-за деревьев, и не слишком твердо держались на ногах.

— Да кто б знал, браток, — сходу откликнулся Шамонит. — Сами заплутали. Вторая рота здесь или там?

— Здеся-здеся, — вот онэ! — захохотал бородач, крепче обжимая спутника.

Алексей Иванович осознал, что мелкое существо в шинели принадлежит к женского полу, разглядел конопатое некрасивое лицо, тронутые помадой распутно-вялые губы.

— Ух, вторая бабскэя братвой уж повсэ разагитирована, — щербато улыбался отвратительный дикарь. — Любэзные-е-е онэ, доброволки.

Понедельника, не выносившего грязных беспутных баб, передернуло.

— Ты чэго? — удивился бородач, взгляделся и с внезапной догадливостью радостно протянул: — Брееееезгуэшь? Ишь, мурло гладкоэ, кадэтское. Ты, сука, что здэсь ходишь?! Шпи-ииион, тэ-эк?!

Голос волосатого дикаря чудовищно нарастал, вот уж торжествующе загремел под

пологом голых ветвей. Оскалились щербатые зубы, лапы, черные, казалось, с огромными кривыми когтями, потянулись к зачарованному ужасом Алексею Ивановичу, намертво вцепились в борта шинели. Тряхнули так, что голова бывшего писателя чуть не оторвались.

...Приглушенный хлопок, второй... Бородатый упырь вздрогнул, с собачьим наивным недоумением заглянул в глаза Понедельника, и начал заваливаться назад...

Рядом с лицом Алексея Ивановича мелькнул револьверный ствол — толстый и неуклюжий из-за цилиндра глушителя. Шамонит с величайшим хладнокровием приставил оружие к голове мерзавца-бородача, и выстрелил в третий раз...

От спасительного хлопка Алексей Иванович словно ожил, с яростью рванулся из лап нечисти, успел ударить рукоятью браунинга по страшным когтям — убитый завалился на спину.

— Ой! Ой... ой, — залепетала, пятясь, гулящая девка в солдатском. Боевики обернулись к забытому свидетелю.

— А ну, стой! — зашипел Петр Петрович.

— Ой! — пискнула триклятая девица, повернулась, и нелепо выворачивая ноги, кинулась бежать.

Что-то понять и предпринять Алексей Иванович не успел. Рядом хлопнул бесшумный револьвер — беглянка споткнулась, сделала движение, словно собираясь поймать слетевшую папаху, но не дотянулась, упала и замерла без движений.

"Притворяется!" — догадался Понедельник.

Боевики подбежали к лежащей, склонились. Петр Петрович рванул за рукав шинели, переворачивая дрянную бабенку...

— Гм, как утку — влет. Точно в затылок. Я же говорю — отличный револьвер, — пробормотал Шамонит.

Лицо лежащей казалось чуть удивленным, но спокойным. Левый глаз слегка прищурен. Удивительно, но печать слабоумия, столь отчетливо подмеченная Алексеем Ивановичем на конопатой роже несколько секунд назад, уже исчезла. Обычное, пусть не юное, женское лицо. Даже слегка миловидное.

— Кто это? — трудно спросил Понедельник, отводя взгляд от неумело накрашенного рта.

— Видимо, ударница. Они тут в каком-то корпусе полу-ротой квартируют. Сущий Ноев ковчег нынче этот несчастный Смольный...

— Эй, товарищи, случилось что? — басисто окликнули от аллеи.

Алексей Иванович чуть не выстрелил на голос. Шамонит успел перехватить его руку, сердито и громко ответил:

— Да напился умелец, лыка не вяжет, на ногах не стоит. Нашел, тоже, время, ирод.

— Вот верно! Решающие дни, а никакой сознательной дисциплины, — согласились на аллее. — Вы все ж отволоките дурака в тепло, а то вовсе замерзнет.

— Да вот и тащим, — мрачно ответил Петр Петрович. — Тяжел, чисто колода.

Басовитый самаритянин покачал головой, но предлагать помощь не стал, направился по своим революционным делам в сторону корпуса.

Алексей Иванович перевел дух — просто чудом миновало.

Мертвецов оттащили за кусты.

— До утра на тела не наткнутся, — отдуваясь, заверил Шамонит. — Идемте, Алексей Иванович.

— Но как это получилось?!

— Понимаю ваши чувства, но что мне было делать? — едко поинтересовался инженер. — Такая мадмуазель не хуже корабельного ревуна способна на шуметь. Расстреляли бы нас вот у той стены, и дело с концом. Я, извольте ли видеть, не настолько рыцарственен. Вопрос стоял однозначно: или она, или мы.

— Я не об этом, — прошептал Понедельник, сам не зная о чем, собственно, вопрошал, стоя над мертвецами.

— Хватит философствовать, Алексей Иванович. Идемте. Не ровен час...

Они благополучно вышли на Ярославскую. В кармане шаровар раскачивалась бомба, увесисто шлепала по ляжке. Бывший писатель придерживал бутылку из жести и пытался понять. Как?! Как это получилось?! Почему город темен и полон предсмертной тоски? Отчего между монастырем и институтом бродят бесчисленные упыри в обнимку с падшими девками, обряженными в грязные шинели, и почему убивая этих, в сущности, невинных блядей, честные люди не испытывают жалости? Одна тоска. Господи, какая смертная, невыносимая тоска. Не будет больше в мире приличных женщин, музыки, танцев, ветчины "по-пармски" и хороших папирос, не будет вагонов первого класса и литературных "четвергов". Не будет порядка и чистоты. Все сгинет в бунте грязных, нечесаных и вшивых скифов. Мучительная гибель цивилизации, агония, стыдная кончина пред этими самыми "раскосыми и жадными очами". Черт возьми, что все же в этой строфе не так?

Хотелось выпить водки. Ледяной водки. Рюмка за рюмкой, пока большой запотевший графин не опустеет.

На квартире Алексей Иванович сразу прошел к телефонному аппарату. Ответили немедленно.

— Редакция "Новые времена". Слушаю вас.

— Вычитка прошла. Читали внимательно, но эпизод пустой, — сказал Понедельник.

— Тем лучше. Благодарим вас. Ждите новые рукописи.

Алексей Иванович вернулся в гостиную. Петр Петрович чистил бесшумный револьвер и рассказывал Гранту о грязном походе.

— Господа, нас благодарят из Центра, — сообщил Понедельник. — Велено ждать. Видимо, до утра. Пожалуй, я прогуляюсь. И выпью водки. Мне нужно успокоиться.

— Да уж, вечерок выдался не из лучших, — согласился Шамонит. — Для отдыха рекомендую "Берлогу". Дорого, зато спокойно, относительно прилично, и дамы там чистенькие.

Глава шестая. Светская жизнь

3-й Рождественский

Три дня до дня X.

Не сон, а натуральная пытка. На нарах и то удобнее. Комната пуста — соратницы по шпионству и след простыл. Видимо, отлучилась по срочным иномировым делам. Катрин злобно натянула неудобное платье, умылась и почистила зубы сомнительным порошком с игривым намекающим названием "Чао-Чао"...

Оборотень гоняла чай с хозяйками. Точнее, Лоуд сидела, с чувством дула на блюде и втирала хозяйке что-то о цветоводстве, а младшая отеле-управительница, высунув от усердия язык, разрисовывала лист упаковочной бумаги. Причем фломастерами. Экая творческая личность, вон — даже про надкусанный пряник забыла.

Катрин поздоровалась, чуткая л-племяница тут же пододвинула яйца, сваренные

вкрутую, вазочку с вареньем и вафли:

— Извиняюсь, хлеба так и не завезли-с. Но с голоду пока не помрем. А я тут объясняю про хризантемы. Опять же, энта глорская-пунцовая против крымской-прибрежной, все равно, что блесна супротив донки...

— Я поняла, поняла, — поспешно заверила Лизавета, пришибленная избытком цветоческих тонкостей. — Как спалось, Екатерина Олеговна?

— Средненько мне спалось, — призналась Катрин, чистя яйцо. — Все о деле своем размышляю. Откажут ведь с прощением.

— Вам, тетушка?! Откажут?! Да никогда! — л-племяница негодующе взмахнула кусочком колотого сахара. — Вашим малахитовым глазкам вообще отказать невозможно. А уж по совершенно справедливому прощению... Пойдем и вытребуем!

— Да, надо идти, — "тетушка" глотнула чаю — иное дело, вполне можно потреблять напиток. — Кто рано встает...

...- у того и клюет, — подтвердила ведающая и в рыбозаготовках цветочница, со свистом всосала чай с блюдца и подскочила. — Все, идем! Лизавета, будем к вечеру, не скучайте.

Накинув пальто, шпионки вывалились из гостеприимной каморки.

— Ты чего здесь расселась и людей смущаешь? — поинтересовалась Катрин.

— Сугубо из утилитарный побуждений, — немедленно оправдалась оборотень. — Город полон опасностей, того и гляди застрочат пулеметы и бабахнут крейсера. И подрываться в такой исторический момент на пошлом примусе вообще неинтересно. Я осмотрела прибор и решила не рисковать.

— Да, это тоже верно, опасный примусок. Ну, ладно чай можно и там попить. Но фломастеры зачем?

— Светлоледя, ты чего придираешься? Эту письменную принадлежность я своим штурманам для зарисовки новых карт принесла, но фломастеры бумагу насквозь прошибают. Сугубо не картографического они назначения. А девчонка пусть малюет, жалко, что ли...

— Не жалко. Но канцпренадлежность вопиюще не аутентичная.

— И чего теперь? Тоже нашла небывалое искажение темпоральной логики. Мелочная ты, боквиедистая. Вон, у Клеопатры на стене зеркало из "Экеи" висит, и ничего, все равно великая царица. Приставила к зеркалу двух евнухов с копьями, и порядок.

— Что, действительно, "экеевское" зеркало у царицы?

— Ценник, по-крайней мере, ихний. Я ногтем поковыряла.

— Гм, ну а сама египтянка, она как?

— Вот об этом бы и спрашивала. Понятный интерес. А то "фломастеры, фломастеры"... Но про внешность красавицы я разъяснить затрудняюсь. Там макияж просто панцирный. И ногтем не поковыряешь, все ж царица, легенда, нужно уважать. Впрочем, на ней если слоями начнешь отковыривать...

— Понятно. Непонятно зачем тебя к ней занесло. Вроде не входит царица в круг твоих взыскательных научных интересов.

— Бернард попросил. Сочинял пьеску, говорит "не могу уловить атмосферу". Я пересказала что и как, посодействовала сотворению классики. Нужно дело, нам ли, педагогам, не понимать?!

Шпионки поднялись в номера.

— О, а к нам наведывались, — прошептала, доставшая ключ, Лоуд.

Действительно, на замке виднелись свежие царапины — пытались вскрыть, но не успели.

— Нехорошо, — признала Катрин, запирая дверь изнутри. — Нагловат сосед, да еще и криворукий. Ножом, что ли, ковырял?

— Сказала бы я, чем он ковырял... Некоторым глуховатым дамочкам хорошо дрыхнуть, а мне пришлось полночь слушать как решают: бариться им или идти клиентов искать? Его зовут Яцех, ее — Махдочка. Шляхецкая кровь! Шмондюки и прощельги. Надо их того... отселить.

— Будет или грязно, или шумно, — предостерегла Катрин.

— Будет быстро, — заверила напарница. — Ты тут еще раз прикинь план аудиенции, а я займусь. Ненавижу, когда в моем белье норвят покопаться!

С бельем у оборотня-имитатора было не густо — в этом отношении Лоуд была максималисткой. Либо треники, либо комплект термобелья, но чаще ничего, поскольку "поддевание мешает быстрому преобразению", как объясняла специалистка. Но в принципе права Лоуд — спокойно работать, когда на собственной базе мелкий лиходей норовит твои вещи подчистить, сложно. Все ценное из оборудования перепрятано на хозяйской половине, тем не менее...

Катрин разглядывала фото: пятеро, вернее, четверо, все похожие и все разные, но все слишком молодые. Кто из них решится и решится ли?

За дверью что-то происходило, к счастью, не особо шумное. Вот кто-то с придушенным визгом выскочил в коридор, просеменил по коридорчику. Эта, как ее... Магдочка. На лестнице что-то уронила — покатилося по ступенькам, беглянка в ужасе мы-мыкнула. Хлопнула дверь на улицу...

Жених пришел к решению покинуть номера минут через пять. Стремительно проклацал копытами штиблет по коридору, безмолвно ссыпался по лестнице.

Зашла Лоуд:

— Они нас покинули. По-английски. Но оставили деньги за житье и вот — папироски. Тебе надо?

— Не стану я такую дрянь курить. Я вообще завязываю. А что их вспугнуло?

— Да как обычно — люди полны предрассудков, — проворчала Лоуд, освобождая потертый бумажник от радужных керенок.

— Рассказывай-рассказывай, интересно все ж.

— Особо быстро не получилось, поскольку пришлось ждать пока разойдутся. Возвращается Махдочка, извиняюсь, из уборной, а милый друг-сутенер, поилец-кормилец, сидит на стуле и горло себе вскрывает — вот такенной финкой. Кровь так и брызжет, так и брызжет! Махдочка чемодан хватать, свое манто с вешалки — цап! И ходу!

— Понятно. А второй акт исхода?

— Там же. В номер входит Яцех. Он возбужден. Озирается. Видит возлюбленную, замирает. Махдочка раскачивается в петле над столом: башка набок, по лицу и шее зеленые трупные пятна. Яцех, не веря непоправимой потере, протирает глаза. Скрип-скрип, убеждает его веревка. Герой пятится к шкафу, желая нашарить бумажник и паспорт. Глаза висельницы распахиваются. Они белы и огромны как несвежие вареные яйца. Махдочка умоляюще тянет к возлюбленному пятнистые руки. Герой хватает что попадает под руку, срывает пальто, выбегает из комнаты. Он потрясен! Занавес. Конец второго акта.

— Ужаси какие. С трупными пятнами не перебор?

— Ничего ты не понимаешь в театральном искусстве. Это же гипербола, некое равновесие меж гнетущей реальностью темного настоящего и надеждой на грядущее весеннее очищение с пролесками, чистым небом и катарсисом!

— Хм, и где в этом катарсисе "очищающее и весеннее"?

— Ну, пятна-то зеленые. Ты не тупи, вдумайся, что хотел сказать художник.

— Да, теперь осознала. Идем Прыгать?

Река Тобол

Три месяца до дня X.

Приятно было вновь почувствовать под ногами легкое покачивание палубы. Неприятно было иное — шпионки явно ошиблись каютой.

— Это... чего это? Кто? — потрясенно пробормотал служивый человек в гимнастерке с распахнутым воротом.

— Не "это", а сестра милосердия, — мрачно объяснила Катрин. На ней действительно было импровизированное сестринское платье — строгой формы одежды у медперсонала все ж не имелось, возможны допущения. Но косынка с красным крестом вполне настоящая. Что тут недоумевать?

— Дык... — солдат был немолодой, повидавший, но внезапное явление красивой незнакомой сестрицы в узком кругу паровой команды и пассажиров, да еще прямехонько в каюте, его заметно потрясло. Второй служивый пялился на сестрицу не менее ошалело. В принципе, можно понять.

— Мужчины... — проворковала оборотень, давай понять, что на нее тоже позволительно глянуть.

— Ох! — хором сказали служивые мужчины, обернувшись к восхитительному видению.

Катрин двинула ближайшего кавалера по затылку рукоятью маузера. Бедолага бухнулся на колени, его сотоварищ, потрясенный чередой абсолютно необъяснимых событий, глянул на него и в свою очередь схлопотал по темени мешочком дроби — оборотень наострилось вертеть полугуманным оружием весьма ловко.

Оглушенных воинов свалили на жесткий, оббитый кожей диван и положили рядом дубовое диванное навершие.

— Несчастный случай, мебель буржуйская, ненадежная, можно сказать, предательская! Отлежатся, — заверила Лоуд, помахивая кистенем. — Душновато здесь.

— Слушай, с какой стати?!

— Так лето, чего ты хотела.

— Я не об этом.

— А, так ошибочка стандартная: каюты, общаги, камеры тюремные и камеры хранения — они шибко похожи и тесно нагромождены. Различия в номерках, а номерки, они...

— Что ты хихикаешь? С какой стати я перед сомнительными военнослужащими наготой сверкать должна?

— Это не ты, а я сверкала. И не наготой, а стрингами. И вообще, что мне было делать? Внезапность, импровизация, полет фантазии. Подцепила наглядный образец. Они так восхитились тобой одетой, что грех было парнишек не порадовать. Мы ж им по башке, считай, ни за что дали. Пусть хоть глянули. Не будь ханжой!

— Во-первых, узреть себя со стороны и в неглиже довольно странно. Во-вторых....

— О, поехала арифметика. Что за самомнение такое перераздутое? Блондинка, она и

есть блондинка — на нее все клюют. Вот ты сама выпустила прядочку из-под косынки этак откровенно эротичненько, а на других сваливаешь, — обвиняюще ткнула оборотень перстом с ухоженным ногтем.

— Ладно, потом поговорим. Сейчас-то ты чего в этом образе?

— Ты мне зубы заговариваешь и от дела отвлекаешь, — Лоуд превратилась из длинноногой неприличности в балтийского матроса: квадратного телосложения, в широченных клешах, сдвинутой на затылок бескозырке — на ленте значилось воинственное "Хорь". — Как смотрюсь? Могу для интеллигентности бородку добавить.

На обветренной физиономии появилась шкиперская бородка.

— Все равно зверовато, — покачала головой Катрин. — Напугаешь.

— На контрасте сыграем. Ты — милосердность, я — серьезный намек на текущие обстоятельства, — оборотень похлопала по рукояти заткнутого за ремень огромного "смит-вессона" с перламутровыми накладками на рукояти.

— Ты — чересчур театральный намек.

— Еще раз тебе объясняю — люди верят постановочности. Она, акцентированная театральность — она понятная. А вот тебе, если ты будешь так очами сверкать, никто и близко не поверит, будь ты хоть насквозь реалистичная. Это в голых блондинок охотно верят, а в серьезных и мозговитых — фигушки!

— Ладно. Мы вообще к цели, наконец, попадем или как?

— Плевое дело, — оборотень молодецкато закусил ленту бескозырки и высунула башку в открытый иллюминатор. — Во, на спасательном кружалке начертано "Русь", часовой торчит на корме. Следовательно, все правильно, нам нужна каюта через одну.

— Логика не уловила, — призналась Катрин.

— Чего тут ловить? Чай не палтуса вываживаешь. В соседней каюте дверь распахнута и ее стул придерживает, зато в следующей голоса, молодые-дамские. Много ли на двухпалубном речном корыте с названием "Русь", молодых дев, не ругающихся матом через слово?

— Понятно, пошли...

Высокая сестра милосердия и коренастый матрос деловито прошагали по палубе — расслабившийся в тени тента часовой не оглянулся. Гости скользнули в каюту, л-матрос тут же притворил дверь.

Что можно сказать... Узнать всех семерых по фотографиям вполне можно, в то же время вживую они производили совершенно иное впечатление. Возможно, ореол мученичества отсутствовал. Что и понятно. Лица девушек, молодые, без всяких там теней трагического будущего, болезненный мальчик... Отец семейства в своей полевой полковничьей форме показался более густобородым, мамаша — отяжелевшей.

— Здравия желаем, граждане Романовы, — негромко поприветствовал вежливый л-матрос. — Комиссия к вам. На вопросы отвечать точно, ясно, лаконично. А то враз засыплемся.

— Какая еще комиссия? — испуганно спросила одна из девушек.

— Авторитетная комиссия. По решению конкретных вопросов, — л-матрос указал на Катрин. — Звать предкома — Екатерина Георгиевна, княгиня баронского звания. Крайне ответственный и осведомленный человек. Беседуйте.

Моряк извлек из-под бушлата потертый толстенький томик, сел на стул у двери, закинул ногу на ногу и углубился в чтение.

Создавать дурацкие ситуации Лоуд умела мастерски. Иной раз этот талант шел на пользу делу, иной раз наоборот.

Семья смотрела на гостью, в большей степени удивленно, чем испуганно. Впрочем, они разные, и смотрят с разным выражением. Нужно это учитывать.

— Прежде всего, должна признаться, что и к монархизму как общественно-политическое движение у меня восторга не вызывает, — резко заявила Катрин. — Более того, не скрою, что отношусь крайне сдержанно к вам, Николай Александрович, и к вам, Александра Федоровна. Управлять Россией нужно было как-то иначе.

— А вы, сударыня, основательнее представиться не желаете? "Предком" — это шифр или фамилия? — позволил себе очевидную иронию бывший император.

— Бросьте, Николай Александрович. Ни к чему эти формальности, да и время поджигает. Короче говоря, я вашей подданной никогда не была и не буду, посему говорим конкретно и по делу, — Катрин переложила пистолет в левую руку и поправила вновь выбившуюся из-под косынки прядь. — Сейчас дела обстоят так — ваше семейство двигается в ссылку. Это вы знаете. Вот что оттуда никто из Романовых не вернется, пока для вас неочевидно.

— Откуда вам знать? — с акцентом и определенной дерзостью прервала мать семейства. — Вам, ряженой сестре, должно быть стыдно, размахиваете револьвером, пугаете...

— Мне не стыдно. Господин полковник, извольте объяснить супруге, что иногда нужно дослушать гостя. Хуже вам от этого не будет.

Николай Александрович взял жену за локоть, что-то кратко шепнул не по-русски.

— А мы по-аглицки вполне понимаем, — заметил л-матрос, обладающий недурным земноводным слухом. — Заодно, по-французски, по-испански можем. А Екатерина Георгиевна и по-германски очень прилично может обложить. Вот такие нынче полиглотские нравы, граждане Романовы.

— Действительно, давайте без двойного дна и дипломатии, — поморщилась Катрин. — Сокращая вступительную часть: вы приезжаете в Тобольск, далее конвоируетесь в Екатеринбург. Живете за высоким забором. Через год вас убивают.

— Как это?! — вскрикнула младшая княжна.

— Без затей и довольно вульгарно. Никаких барабанов, народных гуляний и гильотин. Подвал, револьверы, беспорядочная пальба.

— Вы этого никак не можете знать, — резко сказал Романов. — Прекратите запугивать, здесь дети!

— Детям и говорю, — злобно пояснила гостя. — К вам бы, к взрослым, и не подумала заходить. Вы ошибок наделали, расплатиться будет справедливо. Несправедливо детям по вашим счетам платить.

— Вы лжете! Никто не посмеет... — закричала Александра Федоровна.

— Рот закрой, — посоветовал л-морьяк, закладывая страницу толстым пальцем. — Не с тобой разговаривают.

Бывшая императрица осеклась, встретившись взглядом с матросом. Тот кивнул и вернулся к чтению.

Все уставились на книгу бородача: Данте, "Божественная комедия".

Катрин вскинула маузер, посмотрела сквозь прицел на мальчика:

— Алексей, это будет примерно так. Не сомневаюсь, что тебе хватит мужества

встретить пулю достойно.

Мальчик шмыгнул носом. Вообще, он был уже вовсе не младенцем — четырнадцать лет, но судьба и образ жизни...

— Будет страшно, всем под пулями страшно. Но такая смерть быстра, — холодно продолжала Катрин. — У меня тоже есть сыновья, рано или поздно они встретятся лицом к лицу с безжалостным врагом. Надеюсь, не в подвале.

Мальчик плакал. Кажется, не замечая слез и пытаясь твердо смотреть в зрачок маузера. Сестры на грани, мать сейчас впадет в истерику. Ну и сука вы, Екатерина Григорьевна.

— У вас есть шанс: раз и навсегда покинуть Россию. Исчезнуть мгновенно и безвозвратно, — сквозь зубы процедила Катрин.

— Но мы же русские, как вы не понимаете?! — стиснула кулачки одна из сестер.

— Понимаю. Вы — часть России, несомненно. И как бы мы не относились к нелепости самодержавия, лишний грех России брать ни к чему. Потому я и предлагаю — исчезните навсегда. Жить будете, но никогда не вернетесь.

— Это провокация! — с некоторым облегчением воскликнул старший Романов. — Подлый, ничтожный шантаж!

— Может и подлый, но не ничтожный, — отрезала гостя. — У меня не было ни малейших сомнений, что добрый совет вы не примете. Не из таких-с, Николай Александрович, да? Что ж, у меня есть для вас совет от авторитетнейшей личности. Кстати, та личность предупреждала о моем появлении, пусть и иносказательно...

Конверт смялся в узком рукаве платья. Катрин игнорировала протянутую руку бывшего самодержца, сунула Александре Федоровне:

— На чтение и осмысление — три минуты.

Письмо сочиняли лаконичным, но доходчивым. Старец попыхтел, но вложил. Донесли рыдания чувствительной Алисы Гессен-Дармштадской — кажется, лобзала драгоценное мятое послание

— Слушай, может, оставим тетку тут? — не отрываясь от книги, процедил л-матрос, явно размышлявший об особенностях воздействия эпистолярного жанра на отдельных представителей гомо сапиенс. — Между прочим, погоняло "даром-штадская" не просто так дают. К чему нашей экологии такие сомнительные царицы?

— Для наглядного отрицательного примера. Электорат станет наших доморощенных королев больше уважать. Да и кто узнает, что она бывшая императрица? Тетка и тетка. К тому же, дети к ней привязаны.

— Тоже верно. Обрыдаются, бедолаги.

— Угу. Книжка-то тебе как?

— Так-то ничего, стильно автор расписал. Но я Алигьерычу иначе все рассказывала. Воспарил сочинитель, заврался малость. Поэт, чего с него взять. Кстати, ты знаешь, что герой в его честь назвали?

Вот так всегда с этим земноводным. Всё изложенное правда, но такая перевывернутая, что...

Николай Александрович корректно кашлянул:

— Мы готовы уйти немедля. Разрешено что-то взять из вещей?

— Ручная кладь, по одному месту на человека. Полковник, вы поняли куда идете?

— Не совсем, но... Безлюдье, суровые условия, чистота и смирение.

— В общем, да. И все зависит от вас. Колка дров и чистка снега — в неограниченных

количествах.

— Понимаю вашу иронию, но хотел бы заметить... Впрочем, неважно. Григорий Ефимович пишет, что наслед... что Алексей может выздороветь. Это правда?

— Гарантировать не могу. Но гемофилии в тех местах пока не встречалось.

— Там хыщники, — заметил, опять же не отрываясь от книги, л-матрос. — Сожрут быстрее, чем чем-нибудь мудреным заболаете. Так что не цапки берите, а что нужнее для мужицкого обживания.

— Понимаю, понимаю, — похоже, бывший император пребывал в смятении чувств. В данном случае, вполне простительном.

— Вы насчет доктора подумали? Или Боткин не пойдет с вами? — пришла на помощь Катрин.

— Да, схожу и предложу Евгению Сергеевичу, непременно, непременно! — Николай Александрович суетливо надел абсолютно ненужную фуражку. — А он, простите, э...

— В подвале был и сполна разделил судьбу, — подтвердила Катрин. — Только без суеты...

Бывший император вернулся с семейным доктором — вид у Боткина был донельзя растерянным, но лекарский саквояж он сжимал намертво, да и пальто не забыл прихватить — сказывалась военный опыт. В каюту проскочила и служанка Анна Демидова — шпионки не удивились — зеркальный вариант вытягивал сам себя.

— Так-с! — л-матрос встал, деловито сунул томик за пазуху. — Граждане бывшие самодержцы и примкнувшие, слушать сюда! Ты и ты! — грубиян ткнул пальцем в императрицу и одну из княжон, — соберитесь с психикой. Я с Ефимычем советовался — непросто у вас с ентим нервным делом. Вы стоите первые, взяли за руки, остальные попарно, ноги на ширине плеч, свободная рука на плече впередистоящего. Начинаем производственную гимнасти... тьфу, это я для пробы голоса. Сначала тесты на сочетаемость и трезвость мысли. Так, багажом не размахивать! Задача! Сидят три обезьяны, удят черноперку. Две поймали по две, у одной не клевало. Каков улов?

— Четыре рыбы, — озадаченно сказал бывший цесаревич.

— Очень хорошо. Продолжаем сосредотачиваться. Кстати, что вы, товарищ сестрица, торчите столбом как на акушерской практике? Пристраивайтесь в хвост построения.

Катрин встала в конце строя, положила руку на плечо доктору:

— Не волнуйтесь, Евгений Сергеевич, стандартные упражнения для успокоения.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — растерянно отозвался доктор.

— Не отвлекаться! — цыкнул л-матрос. — Следующая задачка чуть сложнее. Уравнение! $4,4 \text{ ыкс} - 1,5a - 2,2 = 3,3 \text{ ыкс} - 1,5a$! Время пошло!

Переход от обезьян-удильщиц к алгебраическому построению оказался немного внезапен даже для Катрин. Эк нагромождено...

В этот момент в дверь каюты забарабанили:

— Граждане Романовы! На каком основании днем запираетесь?!

— Отвали, урод! — императорским голосом гаркнула оборотень. — Консилиум у нас. Сейчас закончим.

За дверью оторопели от неожиданности, л-матрос шагнул к бывшей императрице, потрянул даму за плечи:

— К сокращению все "а", живо!

Ни ответить, ни возмутиться Александра Федоровна не успела. Видимо, в голове

Романовой витали "ыксы", поскольку Прыжок прошел безукоризненно.

Неопытные княжны и прочие попадали на траву, Катрин успела вобрать в легкие такой знакомый хрустальный воздух... и взвыла — доктор умудрился уронить ей на ногу саквояж, да так пребольно.

— О боги, да что у вас там?! Компактная операционная?

— Простите великодушно, собрал все что успел, в основном инструменты, — отозвался стоящий на четвереньках врач.

Засмеялся младший Романов — мальчик крутил головой и хохотал. Нет, не шок, — легкая эйфория — так случается от здешнего воздуха. Похоже, Алексей Николаевич из "здешних". Забавно...

Катрин, разувшись, сидела на коряге и полоскала ушибленную ногу в прохладной воде. Лето, но не жарко. В самый раз для обустройства лагеря. Минимум инструментов и посуды заготовлены в шалаше у старого кострища. Дальше уж сами...

Озеро, сосновый лес, рядом два ручья, черничник. Комаров в меру, снежаки с гор сюда не доходят. Чем не жизнь?

Л-матрос великодушно указывал княжнам на плесе места наилучшего клева, разъяснял про долбленки. Бывшая императрица критически разглядывала дареный котел. Глава семейства с наследником устремились за хворостом.

К Катрин подошел доктор:

— Еще раз, простите. Не знаю, как это вышло. Видимо, от растерянности.

— Пустое, Евгений Сергеевич. В подобной ситуации не мудрено уронить что угодно.

— О да, удивительное дело! — лейб-медик окинул взглядом опушку и полоску прибрежного песка. — Знаете, как бы там не сложилось в будущем, а я вам благодарен. Чудилось мне нечто роковое... Видимо, подвал, да... Уж лучше здесь.

— Я бы на вашем месте смотрела в будущее оптимистичнее. Строго между нами — это озеро соединено с более крупным — Амбер-Озером. Людей там немного, но они есть. Даже русскоговорящие. Протока вот там — на северо-востоке.

— О! Но почему не сказать Романовым сразу?

— Евгений Сергеевич, мы с вами не чужды медицине и военной службе. Понятие "карантин" вам что-нибудь говорит?

— Понимаю. Но и вы поймите — семья по сути абсолютно беспомощна. Что они могут в лесу, без навыков, полевого опыта и знания ремесел? Да и дальше, встреча с местными дикими людьми...

— Никаких гарантий. Абсолютно. Все в ваших руках. А для того чтобы попытаться выйти к людям, нужно добывать пищу, не замерзнуть, построить лодки.

— Несомненно! Но там, дальше... Что они будут делать?

— Не они. Вы — главный, — сказала Катрин, глядя на прохладную воду озера. — Здесь нет врачей. Поставьте амбулаторию или больничку. У вас-то опыт есть. Местные вам будут благодарны. Княжны имеют некоторое представление об уходе за больными. Косынку с красным крестом я им оставляю на память. Истопник у вас есть.

— Вы жестоки, — грустно сказал доктор.

— Что делать. Живите.

— Вы бы все же Николаю Александровичу про озеро и людей сказали, — осторожно намекнул доктор.

— Я Романовым другое скажу, — Катрин принялась напяливать жутко неудобные

сестринские туфли.

Л-матрос, не чуждый иронии, выстроил переселенцев в шеренгу. Кривоватую, невзирая на наличие полковника.

— Мы отбываем, — объявила Катрин. — Реалии вам понятны, вопросы выживания решаются самостоятельно, в текущем режиме. Вы не первые. Товарищ матрос будет изредка заглядывать, но особо на него не надейтесь. Он весьма занятая личность.

— А старец? Старец, он придет?! — выкрикнула бывшая императрица.

— Ефимыч размышляет, очищается и черноперку сушит, — объяснил л-матрос. — Если и прибудет, то не в ближайшее время. Но письмишко я при случае заброшу.

Александра Федоровна разрыдалась, то ли в совершеннейшем разочаровании, то ли просто в смятении чувств.

— Теперь, когда ситуация со святыми знакомцами прояснилась, хочу задать иной вопрос. Здешнее бытие вы видите, — Катрин обвела рукой озеро и лес. — Для меня это рай. Для вас еще неизвестно. А есть ли среди вас кто-то, желающий вернуться в знакомый, по-своему милый, русский ад образца семнадцатого года?

Вот этого не ждали. Ошалело переглядываются. Действительно, чистое свинство и издевательство. Только сюда, начали свыкаться, и...

— Никогда! — проявила твердость бывшая императрица и решительно высморкалась. — Лучше здесь все передохнем!

— Откровенно говоря, вас, господина полковника и бывшего наследника данное предложение не касается, — пояснила Катрин. — Алексея исключается по состоянию здоровья, а вы, граждане старшие Романовы, уже наделали так много, что больше и не нужно. Лица нецарского происхождения смогут высказывать свои пожелания индивидуально, попозже. Вот — к представителю матросского сословия обратитесь. Сейчас о княжнах. Сразу оговорюсь — речь о жертве. Самодержавие в России навсегда кануло в прошлое. Это всем понятно, даже здесь присутствующим. Но монархия — штука более сложная и гибкая. Это часть истории и сгинуть без следа она, видимо, не должна. Что-то остается, пусть в декоративной, условно-представительской форме. Так сказать, дань традиции, трогательный и забавный символ ушедшего прошлого. Но в России есть люди, считающие эту самую традицию очень нужной и горячо любимой. Это странные люди, но есть мнение, что они тоже наши, русские граждане. Дадим им символ?

— Это невозможно! — выкрикнул побледневший Николай Александрович. — Акт о престолонаследии от 5 апреля 1797 года не позволяет претендовать на трон особам женского пола, в случае если таковые... Прекратите издеваться над девочками!

— Ша, Александрич, спокойнее, — перед строем, заметая хвою клешами, прошелся л-матрос. — Как лично знающий ваших предков, могу заверить, что они-то были посдержаннее, порассудительнее. Всякое разное встречали в жизни даже не дрогнув усом. Вдумаемся! Ежели стране и революции понадобится маленький примирительный символ монархии, то никакой казуистический устарелый закон той возможности воспрепятствовать не должен! Ибо закон не догма, но руководство к воздействию. Ну, вы образованные, вы знаете. Как видится будущая ситуация? Небольшая конторка-присутствие, в Кремле или ином памятнике архитектуры. Пара секретарей и одна высокородная особа безупречных кровей. Выдержанная, тактичная, всегда улыбающаяся. Железное хладнокровие! Не нервы — броня канонерки! Жизнь будет — сплошное испытание. Богатств не обещаем. Наоборот — гарантирован океан оскорблений, моря презрения и приливы покушений. Но традиция!

Нужен Руси герой-страдалец рода Романовых? Само-собой, не только страдать придется, уж можете поверить. Работы будет прорва. Начать, к примеру, с благотворительности, иных цивилизованных чудаковатостей, и превозмогать, превозмогать и превозмогать! Мнение народа очень супротив, ненавидят тебя, а ты улыбайся и держись. Достойная задача, а?

Видят боги, иной раз грубиянка-оборотень формулирует куда как доходчивее.

На княжон было больно смотреть. Вот она — рванулась, шагнула как в пропасть. Вот они, сжатые кулачки, кровь великих прадедов. Ведь были там великие, как им не быть.

— Танечка, не надо!

— Татьяна, не смей! Я тебе приказываю, ты с ума сошла...

Поздно, она решила...

* * *

— Шмондец, что за погода, — ворчала л-племянница. — Надо было хоть на море заскочить, зад погреть, искупаться.

Шпионки возвращались по Бассейной.

— Злоупотребляем, — пробормотала Катрин. — С купаниями и авантюрами.

— Уже и задний ход включила, Светлоледя. Мысль-то брезжила правильная. Да может и не получится ничего с этой княжеской затеей. Ежели как обычно пойдет — сразу к стенке поставят. Не будем же мы девку этак бессмысленно губить.

— Осмысленно губить тоже не стоит. Мы определенную ответственность на себя берем.

— Так и берем, я ж не отказываюсь. Если выгорит, я за ней присмотрю. Даже забавно — уж сколько я царьков и королей свергла, а тут вдруг наоборот.

— Лоуд, слово "забавно" здесь абсолютно неуместно.

— Что ты говоришь?! Вот сейчас добредем до комнатки, я словарь у хозяйки возьму и вымарю это незаконное слово. Тебе разом полегчает. Что ты напряглась? Тут до возвращения в общественную жизнь юной Романовой как до Парижа лангустом. Где у нас гарантии, что вообще выгорит? Нету таких гарантий, кроме, естественно, моей твердой профессорской решимости. А она, решимость, не всеильна! Пусть Танька готовится, а там видно будет. Нечего пока кипешиться.

— Да, рановато. Но домашние заготовки у нас вообще иссякли. Мыслей нет, следов конкурентов-вредителей не видно. Что будем делать?

— Обедать. А потом думать и анализировать. Сейчас вот газет возьмем, они думать помогают.

* * *

Пансион пансионом, а обед выглядел малопитательным — Лизавета старалась, но с продуктами в городе становилось все хуже. Лоуд исчезла, вернулась через пару минут с килограммовой банкой тушенки и рассыпающимся свертком с яблоками.

— Господи, красота-то какая! — не удержалась Лизавета, любуясь наливными румяными плодами.

— Царские! Романовым уже без надобности, а нам витамины. Мне по знакомству садоводы выделили — у нас с мичуринцами общий дружественный профсоюз, — пояснила оборотень.

Пообедали щами с тушенкой. Лоуд наказала малой хозяйке яблоки грызть постепенно, ибо "иначе можно и с горшка не слезть", и шпионки отправились пить чай, анализировать, совещаться, и, по возможности, думать.

— Яблоки что, действительно с парохода?

— Ага, заглянула я на нашу "Русь", в целях милосердия и восстановления справедливости. А то там уж всю команду заодно с конвоем в тюрягу собрались гнать. Дело-то серьезное — не каждый день царское семейство утекает! Явная измена с монархическим душком. Весь Тобольск кипит, награда за поимку беглого самодержца назначена. Хотя скромно оценили, да.

— И что?

— Как это "и что?!" — возмутилась оборотень. — Показала мандат, возглавила следствие. Весь пароход перерыли, но следы обнаружили! На иллюминаторе явные царапины крючьев и веревки. Да еще двое из конвоя пострадали — определенно отравлены и шибко бредят. Ловок оказался бывший монарх, урвал момент, сошмыгнул в лодку со всем табором. Были соучастники, были! Полагаю, нити заговора тянутся в Петроград. Там монархист на монархисте — затаились гады! Сейчас Тобольский комитет запрос Керенскому составляет. Но это уже без меня, я на обед торопилась.

— Проколешься когда-нибудь, — вздохнула Катрин.

— Так не в первый раз, — бодро заверила соучастница. — Все одно уйду.

— У нагана пуля быстрая, может и догнать.

— Это да. Вот за это и не люблю ваши времена. Зато познавательно. Сейчас вот телеграмму диктовала — занятная машинка, стучит, повизгивает.

Лоуд принялась просматривать газеты, вслух зачитывая выдержки из самых актуальных и загадочных статей, а Катрин лежала на неудобной кровати и думала о том, что не только тобольское следствие зашло в тупик, но и здесь уперлись наглухо. Следа чужих боевых групп не обнаружено, происшествий со стрельбой в городе десятки, но уловить в них какую-то "ненормальность" трудно. Ждать событий у Зимнего и Смольного? Чужаки там непременно объявятся, но как их вычислить? Осуществить круглосуточное наблюдение силами одного человека и одного оборотня невозможно. Невзирая на всю гениальность Лоуд, рассредоточить профессора даже вокруг крупного объекта никак не получится.

...- Слабительная пилюли "Ара", нежное, без боли средство, с большим успехом употребляемое при расстройстве пищеварительных органов! — с выражением зачитала оборотень. — Кстати, отличная штука, я как-то пробовала.

— Не заливай. У тебя организм иной.

— Естественно! Мы, коки-тэно — сложные и высокоорганизованные существа. Тем ни менее, тушенка и "Ара" на меня действуют схоже. Нужно запастись этим замечательным средством, я ему доверяю. Тебе взять? А то ты какая-то бледная...

— Отчепись! Что там по делу пишут?

— По делу... Заседание... по поводу насильственных действий казачьих частей в Калуге по отношению к советам рабочих. Безобразие! А тут что... Совет Российской республики... Опять заседание... "Продовольственная разруха. На очереди разъяснения министра внутренних дел по поводу самочинных захватов продовольственных грузов, предназначенных для столицы". Ну, это мы уже догадались. Голод по пансионной кухне уже шныряет.

— Искусственно создают дефицит, уроды. Отлавливать бы этих продуктовых барыг и спекулянтов, да в Неву спихивать, — проворчала Катрин.

— Топить — рыбе вредить! — немедленно проявила экологическую сознательность оборотень. — И вообще ты говорила, что никого убивать не будем. Если передумала, давай злодеев под паровоз толкать. Это прогрессивно и я еще такого членовредительства вблизи не

видела.

— С паровозами сейчас тоже проблема — не хватает их. Не будем ввергать в паралич остатки подвижного состава. Но с главными спекулянтами недурно было бы побеседовать. Только их хрен нащупаешь. Ладно, что там дальше в прессе?

— Место нахождения Ульянова-Ленина неизвестно... "Сообщение из ставки. Северный, западный, юго-западный и румынские фронты. Перестрелка и действия разведывательных партий. Севернее Кщавы, происходило братание..." Это правильно! Хватит бабахать! "Временное правительство постановило уволить..., объявило и призвало..." Гм, увольнять они еще будут. "Технические проблемы на электростанции будут решены в ближайшее время..." Ага, вот тоже интересное: Гражданка Н., следовавшая к вокзалу, на набережной Фонтанки подверглась нападению вооруженной шайки. При нападении есть жертвы среди лиц охранявших экипаж. Сама Н. ограблению и насилию не подверглась".

— И что тут любопытного? Вооруженный гоп-стоп, нынче частенько случается.

— Вот это и странно. Ладно бы эта Н. была раздета до нитки и подверглась многократному насилию — интригующее и живописное преступление, как такое не расписать в газете?! Но ничего ж такого не было. Бедолагу-солдатика завалили, только и всего. Но уделяют же место в газете. Нонсенс! Ага, — вот! Намекают, что гражданка Н состоит в близких отношениях с полковничьим генералом.

— С кем? — удивилась Катрин.

— Да, тут наоборот. "С генералом Полковниковым". Демон знает, что за ералаш в газетах. Слушай, товарищ капитан, у вас наведется когда-нибудь порядок с этим бардаком по части чинов и воинских званий? Ничего же не понятно проезжему шпиону.

— Тут как раз понятно. Он генерал, но фамилия Полковников, — Катрин села на истошно заскрипевшей кровати. — Это нынешний командующий оставшимися силами Временного. Надо бы с ним пообщаться.

— Я, конечно, в генерало-полковниках путаюсь, но сейчас вспомнила. Ты же говорила, что этот генерал ничего не решал? Или он из себя интересный, высокорослый и достойный твоего высочайшего знакомства?

— Нет, не особенно интересный. Но нужно же что-то делать.

— Ты бы лучше нашими, революционно-пролетарскими слоями поближе интересовалась, — осуждающе зашелестела газетой оборотень.

— Что ж ими интересоваться? Мы их, в общем, знаем. Особенно ты. Как-то всерьез воздействовать на ВРК сейчас бесполезно. Они еще толком сами не знают, что и как будут делать.

— Как это не знают?! Ильич все точно расписал. Я тебе про карту с инструкцией говорила?

— Это понятно. Но ведь рано за карту браться. Или наоборот — поздно? Ситуация уже иная, не факт, что "Аврора" бабахнет по графику и все пойдет как прописано. Но все равно, на данный момент нам просто нечего сказать Смольному. Да и нет там наших "искомых".

— Тоже верно. В Смольном люди заняты, что их зря отвлекать, — согласилась Лоуд. — Слушай, Светлоледа, а раз нам непонятно за что ухватиться, пошли в таверну? При подобных случаях шпионских затруднений это очень продуктивных ход. Там воры, дураки, зарвавшиеся буржуи, наркоши и прочие полезные людишки. Главное уровнем заведения не промахнуться — низкосортные кабаки нам сейчас не к лицу. Вот как раз сообщают: "несмотря на катастрофическую ситуацию в городе, в "Берлоге" на Б.Конюшенной все так

же рекой льется шампанское и подают устриц". То, что надо! Тебя декольтированную там выставим, наверняка, на тебя клонут.

— Что-то мне не хочется выставляться. Тем более, декольтированной. Не девочка уже. Да и клонут-то, наверняка какие-то не те.

— Сначала не те, а потом и те. Чой-то за базар такой — не хочется ей?! А мне хочется?! От шампанского у меня жуткая изжога, а на тех устриц как взглянешь — зарыдаешь. Но надо! Как наживка ты недурна, особенно когда молчишь. Поудим, приглядимся. Или есть иные дельные предложения?

Глава седьмая. Пулеметы и ветчина

Казарма фабрики Ерорхина

52 часа до часа X.

— Готовимся, — Гаолян ущипнул седой, в желтизну, ус. — В полночь дело назначено. Пулеметы чтоб четче генеральского хронометра тикали. Юнкеров свежих с Михайловского училища подводят. На усиление охраны Литейного моста. Надобно встретить.

Борька не удержался, стукнул кулаком по колену. Так и надо! Чтоб и продыху не давать золотопогонникам. Каждый день, где только можно — класть и класть!

— Ты не ляжки отбивай, а оружье чисть, =- посоветовал дядя Филимон.

Борька поднял пальто, накрывавшее койку — пулемет лежал-грелся с отстегнутым магазином: солидный, покатый, весь такой спокойный. Жуткую по легкости и силе машину немцы придумали. И чувствуешь себя, имея такую скорострельную мощь... Нет, не богом — никакого бога уж точно нет, иначе бы с какой стати он войну вообще позволял? Но пулемет что-то волшебное дает человеку: почти всеильным себя чувствуешь — тридцать два патрона в "пенале" — режь, коси, гадов, не подойдут! Конечно, небольшое преувеличение в этом чувстве — к примеру, выкатят трехдюймовку, да ка-а-ак дадут картечью... Но пушку еще подкатить нужно. Боевики на месте ждать не станут, или отскочат, или наоборот с фланга, да как длинными очередями по расчету и всем, кто подвернется...

Андрей-Лев, как обычно черкавший в своем блокноте — рождались под острооточенным карандашом (не карандаш, а стилет потайный-венецианский) силуэты аэропланов, таинственные штуковины с пропеллерами или вообще нечто такое замысловатое, что диву даешься) — остался сидеть над блокнотом. Морщась, почесал тупым концом карандаша переносицу. И вдруг сказал:

— Слушайте, но так же нельзя!

— Можешь и не чистить, — пожал плечами Гаолян. — Ты оружье лучше, чем я свой кисет знаешь, у тебя все одно не забалует.

— Ты, Филимон Кондратьич, знаешь, что я не про пулемет. Ты и сам сомневаешься, — с нажимом произнес инженер.

— Я старый, мнительный. Мне сомневаться, да по десять раз примериваться, сам бог велел, — сухо отрезал Гаолян. — Но дело делать все одно нужно.

— Сделаем! — бахнул ладонью по блокноту Андрей. — А дальше?

— Дальше перелом будет. Не выдюжит Временное, хлипковаты они в коленях, — пояснил дядя Филимон. — Сдадутся, куда они денутся.

— А если нет? Если не все сдадутся? Думаешь, не найдется среди них рисковые и обиженные? Вот такие, вроде нас?

— Такие не найдутся. Мы их баб не убивали, девок не ломали и не растягивали, — тихо напомнил Гаолян. — Ты кого сравниваешь, а?

— А почему не сравнивать? Я в последний раз чуть не выстрелил, — так же тихо признался Андрей-Лев. — Она на меня смотрит, глаза распахнуты, а я вместо мордочки смазливой, черте что вижу. Фуражка, кокарда чудятся. Не знаю, как палец удержал. А если бы... Слушай, Филимон, это ведь смертный грех. Не в религиозном смысле, а чисто по-человечески. Мы как потом жить будем?

— Кто спорит, по лезвию ходим, — помолчав, ответил Гаолян. — Но раз стратегия выбрана...

Борька понял, что его сейчас выставят за дверь: и по тому, как на него покосился дядя Филимон, и по внезапно захавшей в самые верха смысла, беседе. Но нет такого закона, чтобы в важный момент младшего товарища выгонять!

— Не пойду я во двор. Нету там никого, нечего и проверять.

— Да сиди, — с досадой махнул рукой Гаолян. — Я не гнать тебя собираюсь, а гляжу, что бы ты понял правильно. Разговор тебя в первую очередь касается. Так что по-взрослому вдумайся.

— Взрослый уже Борис, — буркнул Лев. — В каком ином вопросе мальчишка, а в этом уж куда как взрослый.

— Вот и хорошо, — Гаолян достал кисет и трубку. — Ситуация, мои дорогие товарищи, проста: или мы, или нас. Мы ли эту драку и безобразия начали? Нет! Можем оступиться и все позабыть? Опять же, нет! Сами по себе, мы песчинки, малые заклепки в скрежете машины общей несправедливости. Центр нам дал стратегию. Жесткую, но действенную.

— Это уже не стратегия, — возразил инженер. — Стратегия подразумевает определенный план в развитии событий, целесообразность и четкую последовательность. Филимон Кондратьич, ты представляешь, к чему приведет дальнейший полет по этому нашему пулеметному курсу?

— В данном конкретном случае, наше движение приведет к тому, что мы поможем очистить мост для Красной гвардии.

— Пусть так. Мост наш будет. Но его еще удержать нужно. Надо думать, закрепят его усиленным караулом. Каков следующий шаг ВРК? Наша группа отлично вооружена и Центр нас выводит на цели с просто удивительной точностью. Но рано или поздно у правительства созреет идея создать подобный центр, вооружить решительных бойцов и...

— Кишка у них тонка. Отжило свое Временное.

Андрей кивнул:

— Здесь тоже соглашусь. Но куда денутся отцы и братья юнкеров, которых мы сегодня положим? Ты же понимаешь, пока мы застаем врага врасплох, удача нам благоволит. Напоремся на взвод обстрелянных фронтовиков — они нас в минуту на штыки поднимут. Не хуже меня знаешь — умелых бойцов хватает.

— Эге, тут я соглашусь, — Филимон вздохнул. — Хваткие солдатики из фронтовых траншей подойдут, и офицеры у них с башкой, и ног у каждого вояки пока по полному комплекту. Надо сделать, что успеем. Или есть у тебя иные предложения?

— Нет у меня предложений. Сомнения есть, и не поделиться ими я никак не могу. Ты верно сказал — Бориски они в большей мере касаются. Если смотреть с точки зрения моего ремесла, так мы уже в полете, — карандаш Андрея горизонтально поплыл над столом. — Горючее в баке еще есть, следовательно, и время чуть-чуть имеем. Но где-то здесь, — инженер подвинул блокнот на середину стола, — здесь точка невозврата. Конечно, воздействующих факторов слишком много и точно просчитать эту точку сложно. Но она

ведь существует! Вы люди далекие от воздухоплавания, но отнюдь не глупые и вполне осознаете. Мы еще летим, наблюдаем землю, восход-закат, дышим и рассуждаем, но вернуться на взлетное поле уже не можем.

— Случается такая ситуация, понятное дело. Ну, призовем где-нибудь, пусть и без особой мягкости, — заверил Гаолян. — Главное, в лужу натурального дерьма не вляпаться. Борька, возьми тряпку, протри, что ли стол. Насвинячили щами, смотреть противно.

— Мы-то сядем, — пробормотал Андрей, наблюдая за тряпкой размазывающей остатки ужина. — А другие группы? Я не только про наших, а про те, что по иную сторону. Они ведь есть? Мы их легкими пулеметами и точными подрывами. Они нас орудиями и бомбами с самолетов? Так ведь элементарная логика подсказывает? Мы конечно, ответим. Броневидами и фугасами под мостовыми? И где выход из этого пике? Просчитывает ли Центр точку невозврата?

— Мысль я твою понял. Спросим. И обязаны нам ответить, — дядя Филимон развязал кисет и тут же принялся завязывать. — Вопрос серьезный. Но мост нам определенно нужен. Так? Иначе нас самих товарищи пристрелят за предательство и будут кругом правы. Сначала дело, вопросы и совещания следом. Готовимся, пьем чай и хромаем до места.

* * *

Большая Конюшенная 27, ресторан "Берлога"

49 часов до часа X.

Водка показалась отвратительной. Да еще эта рюмка-бальзамка, уродливое детище Сухого закона. Нужно было вина заказать.

Алексей Иванович попытался ощутить послевкусие — нет, омерзительно! Поспешно закурил. Слава богу, хоть пепельница чистейшая, как в былые времена. Впрочем, в прежние времена бывать в "Берлоге" не приходилось. Не по карману такие загулы были известному литератору, да-с. Кстати, и почитатели именно сюда почему-то не приглашали, разумно сэкономили. То ли дело сейчас.

Привкус ядовитой водки остался липнуть к языку, на душе тоже было... дрянненько. Но ощущать заткнутый за пояс брюк браунинг и карман, раздутый от купюр, было приятно. Как выяснилось массивность револьвера и тяжесть солидной (даже в пошлейших свеженаляпаных марках-керенках^[8]) суммы неведомым образом взаимосвязаны и бодрят вдвойне. Но ведь абсолютно не думал о деньгах, когда... действовал.

Алексей Иванович принялся не спеша нарезать ломтик ветчины — очень гармоничный, здорового цвета, с прожилками равной толщины. Вот только эти крапинки... Что-то в них смутное, конопатое...

Мгновенно замутило. Бывший литератор немедленно наполнил рюмку и влил в себя. Вот теперь лучше. И привкуса практически нет.

Откуда эта гимназическая чувствительность?! Вы, сударь, убийца. Сколько жизней прервали, нажимая на спусковой крючок? Раскаиваетесь? Ни в малейшей степени! Справедливость восторжествовала! И эту... эту женщину даже пальцем не тронул. Трагическая случайность. Ужасно, что прервана жизнь, но в сущность, так ли уж ценно для мироздания это несчастное, потасканное, наверняка зараженное всяческой венерической гадостью, существо?

— Вы, сударь, рассуждаете как жизнерадостный циник Шамонит, — прошептал Алексей Иванович ветчине и подцепил ломтик вилок. Следующий кусочек показался вкуснее.

"Берлога" в этот вечер на удивление была полупуста. Кущи зелени — пальм и фикусов здесь имелось больше чем в Амазонии, а стеклянная сводчатая крыша, подпертая античными колоннами, превращала джунгли в непомерную оранжерею, приткнутую, по какой-то причуде судьбы, к вершине древнегреческого Олимпа. Небольшие столы, сводчатая стойка с латунным поручнем и многочисленными круглыми табуретами — едва ли не первый бар в России, слегка пришибленный введением Сухого закона. Оркестрик — нынче крошечный, видимо, знававший лучшие дни и порядком "похудевший", — играл пристойно. В остальном... Остатки столичной кунсткамеры — персонажи, не желающие прислушиваться к апокалипсическому гласу жизни. Опьянены алкоголем, похотью, кокаином, глупейшей верой, что все будет, как было. А физиономии?! Спекулянты, разжиревшие, со многими подбородками, в костюмах словно с чужого плеча. Толстеют быстрее чем портной успевает снимать мерки с распухающих чрев. Многозначительные улыбочки, интимный полусшепот, склоненные плечи — р-революционеры от партии Золотого Тельца.

Алексей Иванович машинально тронул свой безукоризненный пробор — несмотря на ночные и иные акции, за собой следил, в цирюльню заходил ежедневно. Стоило ли? Вон: долговязый хлыщ, с неистовым, испитым лицом, в немыслимом зеленом жакете, рядом двое сотоварищей — у всех волосы нарочито растрепаны, одинаковые черные галстуки-бабочки болтаются на худых шеях. Декадентствующие растлители столицы, сообщество осквернителей муз, всенепременно тайное, но алчущее славы! Все еще живы, дичайшие мерзавцы. Вынуть бы браунинг, прислонить зеленого уroda спиной к стенке: не вы ли, любезный, сочиняли окаянные скачущие стишата? Вы?! Извольте получить гонорар! И пулю прямо в рот, искривленный содомскими и стихоложескими утонченностями...

Алексей Иванович знал, что стрелять не станет. Пустая трата патронов. Да и панели настенные жаль — изгадятся. К тому же, дамы в зале. Настоящие, без вонючих шинелей. Да-да, вот это исхудалое создание, с открытой до крестца спиной, — все же женщина. И в юности, должно быть, была дивно хороша. Видимо, кокаин. Или сифилис? Или то и другое. Но в скулах осталась та — юная, чистая. Куда бы вывело перо Льва Николаевича судьбу своей Ростовской в нынешних сраных декорациях?

Бывший литератор преклонялся перед гением и мудростью старца из Ясной Поляны. Обожал Толстого неистово, почти так же, как ветчину по-пармски. Кстати, нужно заказать еще порцию.

Официант принес "горячее", наполнил рюмку из заварного чайника, насчет ветчины заверил, что "сей момент-с!".

Рассольник оказался недурен. С московским от "Славянского базара", естественно, не сравнить, но достойно. Москва... там по слухам еще хуже. Практически голод. Жена, должно быть, изнемогает от неизвестности и тревоги. Но нет, обернуться и взглянуть назад невозможно! С той жизнью все кончено. Ушел навсегда, сгинул, прокляните и забудьте. Мстить, стрелять и стрелять, пока дегенераты в крови не утонут.

Но это завтра, Центр скинет очередную дозу. Даст цель. Странно, но дрожащий в руках пулемет — наркотик сильнее кокаина. И чище, черт бы его взял! Но все это подождет до завтра.

Алексей Иванович с чувством разжевал маслинку, покатав на языке косточку. Вкус былого без дум. Российская Империя стала таким же античным мифом что и Троя. Но падение евроазиатского колосса куда длительнее, страшнее и сокрушительнее. И нет здесь Прекрасных Елен, за которых стоило бы...

После очередной рюмки Алексей Иванович обнаружил, что мир еще чего-то стоит. Нет, не Прекрасная Елена, скорее, гм, Диана-Охотница — экая в ней сияет диковатая, нездешняя уверенность. На грани наглости и развязности, но именно уверенность — уж литератору ли эти оттенки путать!? И загар! Позолочена солнцем почти до неприличия. Платье открытое (но не до жопы! Ни в коем случае!) оголены плечи, часть спины, но руки закрыты до кистей. Станный покрой, и цвет — черный шелк — экая игра в траурность. Откуда у образованных женщин начала XX века эта непреодолимая тяга к мертвечине? Впрочем, есть ли в этой петербургской Диане игра? Манерность и подобная уверенность в себе трудно сочетаются.

Незнакомка сидела в пол-оборота, пальцы без колец, играют ножкой бокала с красным вином. Скучает. Красива до неприличия. Черный шарф схватывает голову, волосы цвета темного золота резкой линией подчеркивают безупречность шеи. Жаль, что стрижена — манерой держаться и сложением — истинно легконогая охотница с Авентинского холма^[9]. Такая, с легкой улыбкой, скормит борзым любого Актеона^[10]. Остались же такие женщины в издыхающей столице.

Спутник у нее пакостный. Коренаст, квадратен, на крупной голове бобрик черно-серебристой шерсти. Отвратительная физиономия. Вообще так увлеченно погрузиться в газету, игнорируя даму — дурной тон. Вот френч на господине-газетчике удивительный: отличного черного сукна, с какими-то застегками восточного фасона. Торгаш из Харбина? Раздулся и вознесся на удачной торговле чаем и бодрящими настойками, обзавелся шикарной любовницей, заехал покутить в столицу. Таким ушлым спекулянтам никакие революции не указ — выплывут неизменно и с прибылью. Россия конвульсирует, а подобные типчики...

Управившись с рассольником, Алексей Иванович взял салфетку и утирая губы продолжил гадать о ярких посетителях. Нет, едва ли мордатый любитель газет прибыл с Дальнего Востока. Ни малейшего налета провинциальности. Перстень с крупным камнем на мизинце — масон? Бог его знает, кого только не занесла в столицу гнойная волна мятежей, казнокрадств и революций. Но какова линия плеч дамы. Черт его знает что такое, а не петербургская дамочка...

* * *

— Уныло, да и декаданс какой-то линялый, — отметила Катрин, с грустью разглядывая зеркала за барной стойкой — мягкостью и расплывчатостью отражений они напоминали зеркала иного мира.

— Потерпишь, — отозвался л-кавалер, не отрываясь от газеты. — Погоды нынче зябкие, рыба от берега на глубину ушла, немудрено, что сходу не клюет. Продрейфуй вон к стойке, покажи себя со всех этих... рас-курсов.

— Обойдутся без ракурсов. Нет здесь никого многообещающего. И вообще к стойке бессмысленно ходить — джина у них наверняка нет.

— Где им на твой взыскательный вкус напитков напасть? Возьми с собой водяры, я недалече от нашего приюта елку видела — можешь иголок натрясти и в бутылки настоять. Так даже выгоднее получится. Не нравится мне эта "Берлога" — за дюжину устриц ломают, как за оптом сваренный океанариум. Мироеды и живоглоты! А насчет "многообещающих". Трое самцов с тебя взгляд вообще не сводят, остальные этак, неуверенно-вожделенно.

— Гм, что это ты пустышек взялась пересчитывать? — слегка удивилась Катрин.

— Сугубо из научного интереса. В сущности, ты нонсенс: ростом — явный переросток, мастью банальна, номером бюста не особо убедительна. Интуитивно чутких мужчин

отпугиваешь. Но ведь плятятся и плятятся. Фокусы ле-блядо.

Катрин глотнула из бокала и глянула на напарницу насмешливо.

— Ладно-ладно, фокусы либидо, — поправилась Лоуд. — Просто у меня свой способ запоминания научной терминологии. В конце концов, самой мне в университетах обучаться не довелось, как самородок из народа имею право на мелкие теоретические ошибки. Вообще-то есть у меня в планах монография "Сравнительная сексология". Вот дадите продых с этим ненормированным шпионством, непременно напишу. Укажу тебя консультантом.

— Буду польщена. Что-то ты откровенную хрень несешь. На ком сфокусировалась?

— Джентльмен по левому борту. Тот, что ветчину доедает.

Катрин пожалала плечами:

— Вижу. Интеллигентен, воспитания умеренного, в пажеском корпусе явно не обучался. Лицо породистое, кого-то смутно напоминает. Что делает в данном кабаке, не очень понятно — не этого финансового слоя. Впрочем, судя по скорбящему выражению лица — сейчас наберется водочки, пойдет на набережную и пустит пулю в висок. Пистолет у него под пиджаком.

— Вот какая ты черствая стала, Светлоледя, просто слов нет! — ужаснулся л-кавалер. — Никакого сострадания к человеку. Впрочем, ты сгущаешь — он тебя вполне плотоядно рассматривает, следовательно, окончательного интереса к жизни не утерял.

— Не обязательно. Могу припомнить кучу мужчин, пялившихся на меня и непосредственно перед отбытием к богам.

— Чего удивляться. Невзирая на мою справедливую критику, признаем, что на тебя смотреть все ж приятнее, чем упираться носом в истыканную пулями стену. Но сейчас не отвлекайся на гордыню, а подумай — кто он? И почему выбивается из человекообразного ряда посетителей этого буржуйского клоповника.

Поразмыслив, Катрин признала:

— Выделяется. Кто такой понять не могу. Версию о суициде снимаю — ему вторую порцию ветчины принесли и еще что-то на блюде. Есть у человека планы на будущее, большие и холестериновые.

— Вот! Именно так, мелкими скромными шажками, мы выкарабкиваемся из имиджа простосердечной зеленоглазой воительницы и движемся к статусу взрослого мыслящего существа, выполняющего ответственное политическое задание. Так зададимся вопросом: может ли Любитель Ветчины быть нам интересен в силу своей чуждости и загадочности?

— Может. Но едва ли в смысле "ответственного политического задания". Я его определенно где-то видела. Теперь буду мучиться и пытаться вспомнить.

— Живого видела? Мертвого? Фото, комиксы, ТВ? Определенно он не из наших, не из революционных. Хотя может троцкист какой, из малоизвестных.

Катрин улыбнулась:

— Что-то близкое. Не в смысле политической платформы, а внешности. Сейчас начало доходить.

Л-кавалер вопросительно приподнял кустистые брови.

— Мне почему-то кажется, что у него усы с бородкой должны быть, — пояснила высокорослая, но слабопамятная шпионка. — И пенсне. Хотя в последнем не уверена.

Лоуд с интересом, уже открыто и прямолинейно глянула на обсуждаемый объект:

— С бородкой и окулярами получается вшивая интеллигенция. В смысле, пока еще не

вшивая, но все одно. Гм, приставляем, значит, растительность и окулярчики... Очень похожего я в нашем Гуляйполе видела, он культотделом занимался. Очень идейная светлая личность. Но тот не курил и все время в носу ковырялся. Ответственный был товарищ, кажется, его под Мелитополем убили. Но это определенно не он. В общем, отрывай, Светлоледя, филе от стула, дрейфуй к бару. Объект должен забросить швартовы.

— Да с какой стати он нам нужен? Явно не из тех, не из искомых.

— "Из тех, не из тех". Он непонятный, без бороды, хотя должен наоборот. Курит и в нос не лазит. Получается, никакого алиби у него нет! Чего тебе еще? Подсекай и веди к берегу — здесь я разберусь.

— Что значит "веди"?! — возмутилась Катрин. — На основании чего? Возможно, с бородой я ошибаюсь. С Чеховым путаю. Что-то у них общее...

— Если Чехов побрился, значит, скрывается и на подпольном положении. На такое резкое бритье без веских оснований не идут.

— Чехов уже умер. Кажется в девятьсот четвертом...

— Ага, значит явное несоответствие с основной "калькой", — Лоуд зашуршала газетой. — Уже интересно.

— Но это не Чехов... — Катрин осознала, что купилась. — Полагаешь, все равно интересен?

— А с чего иначе мы битых пять минут о нем толкуем? — л-кавалер выдернул за цепочку часы, вдумчиво прослушал первые такты мелодии и захлопнул крышку — часы были отнюдь не иллюзорные, золотые и новые. Видимо, новообетенные — оборотень тяготела к точным механизмам. — Давай рассуждать здраво. Мы понятия не имеем, как выглядят искомые нами лица. Но однозначно они склонны к авантюрам. Подойти к тебе — такой влекущей, холодной и опасной, разнузданной и недоступной — явная авантюра. Вот и проверим. Давай, отрывай корму от стула, авось не развалишься.

* * *

К бару она пошла. Абсолютно европейские свободные манеры — в Петербурге одинокое питье дам у стойки еще не привилось. Но она определенно русская — есть нечто этакое в лице и улыбке. Берет бокал светлого вина, стыдливо именуемого в меню "морс Летний"...

Алексей Иванович аккуратно отправил в рот последний ломтик "прошутто ди Парма" Что ж, судьба. Никакого флирта — исключительно интерес литератора и поэта. Атавизм — с литературой покончено! — но в данном случае простительный.

— Прошу извинить за любопытство — крымское у вас в бокале? Оттенок показался весьма знакомым.

Не вздрогнула, обернулась в полнейшем спокойствии:

— Да вы знаток. Массандра. Ностальгия, знаете ли.

— О, так вы крымчанка? — уже машинально продолжил обдуманное удивление Алексей Иванович. — Предположу Ялту — не ошибусь?

Вблизи ее глаза показались абсолютно неземными: в столь пронзительные изумруды — завораживающе живые, меняющие оттенки от нежной зелени майского луга до угрюмой хвои векового соснового бора — поверить невозможно!

Алексей Иванович судорожно напомнил себе что женат, что не время, и вообще он проклят и забыт.

— Ялта? — слегка удивилась незнакомка. — Едва ли. Севастополь мне почему-то

ближе.

— Балаклава! — торжественно воскликнул бывший писатель. — Несомненно! Загар вас выдает. Случайно с Александром Ивановичем не знакомы? Вы — совершеннейший его персонаж.

— Александр Иванович? — в замешательстве переспросила незнакомка. — Увы, не могу припомнить.

— Александр Иванович Куприн, — снисходительно улыбнулся Алексей Иванович. — Есть, знаете ли, такой небезызвестный литератор.

— О, сразу не сообразила. Как же, "Поединок", "Штабс-капитан Рыбников"... А я значит "совершеннейший его персонаж"? Пардон, из "Ямы", что ли выбралась?

Ни тени смущения, непоколебимо уверена в себе, не так юна, как казалось издали и в лице легчайшая неправильность — должно быть в детстве упала и рассекла бровь. Но страннейшим образом, все эти незначительные недостатки превращаются в необъяснимое очарование.

— Господи, но почему же непременно "Яма"?! — засмеялся бывший поэт. — Я говорил лишь о яркости и уникальности образа.

— Польщена, но этак и до тургеневских барышень недалеко, а они меня смущают чистотой и стерильностью. Послушайте, а я вас, наверное, знаю. Не соизволите представиться?

Алексей Иванович извинился и назвал.

— Вот теперь узнала, — она легким движением обвела свой точеный подбородок. — Без бороды внезапно помолодели и не такой уж сухой академический классик. Кстати, знаете, одна моя очень хорошая знакомая пыталась понять русскую душу и русский язык по вашим книгам.

— Удалось?

— Едва ли. Русские вообще неудобны для восприятия и классификации.

Алексей Иванович глотнул летнего вина и горько кивнул:

— Да, мне недавно ткнули: "да, скифы вы, да, азиаты вы".

— С раскосыми и жадными очами? Известные строки, но заведомо запутывающие нескифских читателей.

— Помилуйте, но отчего же строки "известные"?! — изумился Алексей Иванович. — Уж мне бы не знать.

— По слухам это некто А. Блок, тоже вроде бы небезызвестный литератор, — улыбнулась незнакомка. — Думаю, окончательного варианта стихов еще нет, читатели цитируют варианты. Кстати, там "да, скифы мы!". И азиаты тоже мы. По-моему, так куда логичнее.

Алексей Иванович кивнул и залпом допил вино. "Мы"! Именно "мы". Жестокий и справедливый приговор...

Её — насмешливую и абсолютно нездешнюю — звали Екатериной Олеговной. А угрюмый кавалер оказался вовсе не любовником, а кузеном, рыботорговцем и пламенным инициатором выведения новых пород черноморской султанки.

Танцевать Екатерина умела, но, очевидно, не любила. Ее узкая талия казалась твердой, будто затянутой в рыцарский корсет, но ладонь Алексея Ивановича угадывала скрытую гибкость, и от этого ощущения (и от выпитого спиртного) слегка кружилась голова.

...- И получается, что нас с вами, Екатерина Олеговна, как русских людей никто и

никогда не поймет?

— Отчего же, Алексей Иванович. Вполне доступны мы пониманию, только незачем нас пытаться оптом понимать. Слишком мы здесь разные очами, формой носа, пристрастиями и мировоззрениями. Тем и отличаемся от "правильных" народов...

Алексей Иванович проводил даму к столу. Суровый кузен глянул поверх очков:

— Присаживайтесь, милостивый государь, давайте по-простецки, по нашему, по-московски, без церемоний. Между прочим, я вас, драгоценный Алексей Иванович, узнал моментально. Скажете "боже, где вы, Володя, — а где великая русская литература!" и будете совершенно правы. Зато глаз у меня наметан: кильку по сортам разбирать, это знаете ли тоже искусство, пусть и вопиюще непоэтичное. Устриц будете? Удивительного качества продукт подают в нашей "Берлоге". Я, откровенно говоря, в полном изумлении. Угощайтесь, не те дни, что бы стеснения высказывать. Но не будем о политике! Курлычьте про возвышенное, я послушаю, скромно приобщусь.

Кузен, звавшийся Владимиром Дольфовичем, внезапно и резко перекрыл свой фонтан красноречия, уж было показавшийся Алексею Ивановичу неиссякаемым. Помалкивал, лишь изредка хмыкал одобрительно или осуждающе, то ли газетной статье, то ли словам любителей литературы.

Угольки разгоравшегося было флирта потухли, не успев вспылать, но беседа с очаровательной Екатериной Олеговной внезапно увлекла бывшего литератора. Говорили почему-то в большей степени о Лонгфелло и "Песне о Гайавате" — собеседница действительно читала поэму и в подлиннике, и в переводе, высоко оценивала скромные усилия переводчика, что было весьма приятно. Еще дважды выходили танцевать, сдержанные прикосновения к молодой вдове неизменно возбуждали мысли поэтические, не очень скромные и печальные. Не суждено. Алексей Иванович понимал, что это и к лучшему, но все равно было грустно.

...- Боюсь, переводить "Золотую легенду" — большой риск. Сочинение замечательное, но мрачноватое, — поясняла Екатерина, кружась в объятиях опытного партнера. — Согласитесь, идея дистиллированной нарядной жертвенности во времена газовых атак и траншейной грязи, кажется немного надуманной.

— Вы полагаете? Не стоит и браться?

— Вам виднее, Алексей Иванович. Я исключительно любительскую точку зрения высказываю, уж не смейтесь, пожалуйста. Уверена, в вашем переводе из чего угодно несомненный шедевр получится.

Замечательная женщина, прямо голова от нее кружится. Хотя водка с крымским портвейном тоже воздействуют.

В очередной раз вернулись к столу. Моллюсков Алексей Иванович уже докушал, но догадливый кузен успел заказать две порции ветчины и колбасы, и вазу с фруктами.

...- В будущем от литературы мало что останется, — пессимистично прогнозировала Екатерина Олеговна, твердым движением нанизывая на вилку разом три кружка колбасы. — Разве что в резервациях школьной программы что-то уцелеет.

— Откуда такое неверие?! — ужаснулся Алексей Иванович, разрезая ветчину. — Литература — императрица всех искусств! Со словесности все начинается, ею все и кончается.

— Вот вы про императоров беседуете, — некстати влез кузен и принялся складывать газету. — А ведь не нашли нашего Николашу с семейством. Разве это сыск?! Бычки в томате,

а не ищейки! Ни малейших следов! Что об этой тайне говорят в литературных кругах?

— То же, что и все, — ответил Алексей Иванович. — Несчастные убиты и опущены в реку с привязанными к ногам колосниками. У царицы с собой имелось немало бриллиантов — конвой едва ли мог устоять перед искушением. В версию счастливого бегства в Англию я не верю. Матросики такого не допустят, и не мечтайте.

— А чего сразу матросики?! — возмутился кузен. — Там вообще солдаты были.

Алексей Иванович несколько смутился, но пояснил провинциалу:

— Ходят слухи, что сначала на пароход высадились команда балтийских моряков-анархистов, избила царский конвой, пьянствовала и насажала с берега шлях. Потом и произошла зверская расправа. Впрочем, кто может знать? В головах дичь, тьма, всеобщий ужас! В газетах сплошное вранье.

— М-да, какая-то странная версия, — сказала Екатерина. — К примеру, я слышала версию о добровольном отбытии царской семьи в монастырь. Обет послушничества, размышления об ошибках царствования, выпас коз...

— Господи, это что еще за басни?! О таком благостном уединении немедленно бы стало известно. Неужели вы газетчиков не знаете? — иронически отмахнулся вилкой бывший литератор. — Господь с вами, какие козы, какой монастырь?

— Буддистский! — конспиративно оглянувшись, прошептал кузен. — Буддистский монастырь — у меня вполне достоверные сведения!

— Отчего же вдруг буддистский?! — слегка ошалел Алексей Иванович.

— Буддистские, они тайные, — пояснил кузен. — Там все ходят в помаранчевом, все бритоголовые, одинаковые и поют. Козий сыр отличный. Вы пробовали?

— Нет, — признался литератор, пытаясь представить бывшего императора бритоголовым, поющим и с сыром.

— То-то и оно, — там все тайно! И вообще эти гималайско-тибетские чудеса — дело темное. Оттуда даже газетчики не возвращаются, — прошептал Владимир Дольфович, внезапно желтея лицом.

Алексей Иванович понял, что с потреблением "морса" пора останавливаться. Дурно портвейн на водку ложится.

— Вы кузена не слушайте, — попросила Екатерина Олеговна. — Он с детства фантазер, да еще весь "Мир приключений" перечитал.

— Я не перечитал, я с вышеозначенным журналом сотрудничаю, — с достоинством опроверг кузину Владимир Дольфович. — Пусть и малолитературные заметки кропаю, зато развивающие. Мои заметки по ихтиологии и человекообразным обезьянам редакторы рвут с руками.

— Поздравляю, коллега. Весьма рад знакомству. Увы, мне пора, — справедливо решил Алексей Иванович.

— Верно, давайте на посошок и по домам! — кузен резво разлил из чайничка остатки "морса". — Завтра вставать рано. Рыботорговля не ждет! Скоропортящийся у нас товар.

Вместе, уже совершенно по-дружески, вышли в вестибюль. Бра, швейцар и банкетки не желали стоять на местах, неудержимо плыли, но Алексей Иванович напрягся и галантно помог даме надеть пальто. Вывалились на улицу, Екатерина Олеговна удивительно пронзительно свистнула, подзывая извозчика. Бывший литератор осознал, что его загружают первым.

— Позвольте, мне бы пройтись полезно, — вяло запротестовал Алексей Иванович.

— Езжайте, вы классик, вам нужнее, — заверил кузен, упихая нового знакомого на сиденье экипажа. — Кстати, чуть не забыл! А автограф?! Катенька попросить стесняется, но я-то по своей рыбной прямоте. Уж будьте любезны...

Кузен выдернул из-за пазухи довольно большой цветастый журнал.

— Это что за издание? — изумился Алексей Иванович, пытаясь рассмотреть обложку с какой-то картой.

— Пробный экземпляр, для Рыбпромышленного Союза, — пояснил настойчивый любитель автографов. — Чиркните уж, не кокетничайте.

Алексей Иванович нашарил в кармане пальто карандаш, душевно расписался.

— Другое дело! — восхитился кузен. — И наша третья кузина будет в восторге. Живой классик, это ж редкость!

— Кстати, Алексей Иванович, — вполголоса сказала Екатерина. — Вы прекращайте прогулки с пистолетом. Особенно в эти беспокойные дни. Ваше ли это дело? Еще подстрелят ненароком.

— Подстрелят и именно ненароком?! — Алексей Иванович захохотал. — Прощайте, Катенька, не поминайте лихом.

Он хохотал и не слышал, как кузен сунул извозчику деньги и веско посоветовал "шмонать его не надо, а то так отмудохая, не посмотрю, что ты парень в доску свой".

Шуршали по мостовой колеса, не в такт клацали копыта, Алексей Иванович все смеялся и вытирал слезы.

— Сидите спокойно, гражданин-барин, — пытался успокоить его извозчик. — Ей-богу, сидите, а то патруль напугаете.

Но бывший литератор, а нынче обреченный боевик ничего слышать не желал. "Ненароком, именно ненароком", да-с!

* * *

Шпионки уселись в пролетку и двинулись в сторону квартиры. Извозчик уютно причмокивал губами, подгоняя рысака, но опытный копытастый пенсионер не особо реагировал.

— Что-то не то... — пробормотала Катрин, размышляя о новом знакомом.

— Ясное дело, не то. Кто ж водку портвейном полирует? Это даже давно непьющим оборотням памятно. Какие-то странные классики пошли. Вот я Карла, Кропоткина или Эдика ни разу бухими не заставала. У них то вдохновение, то тюрьма — некогда зашибать.

— Подожди ты с этой антиалкогольной правотой. Расслабился человек, с кем не бывает. Вел себя прилично. Не в этом дело...

— Как это не в этом?! Набрался, пригласить в номера и вообще койку даже не удосужился. Я бы на твоём месте оскорбилась.

— Не ерунди. Я о ином думаю...

— Чего тут думать? Вечер вышел познавательный, но бессмысленный. Классик нам ни к селу, ни к городу, разве что перед Фло оправдаешься: проводила время не только с асексуальными революционерами и унылыми отставными монархами, но иной раз и интересные люди попадались. Я для достоверности и автограф урвала. В принципе, любезный человек этот поэто-писатель, хотя свинины потребляет ужасающе много. Это ж не селедка, как ее в таких количествах можно жрать?! Впрочем, талантливый человек склонен к самопожертвованиям и иной дури...

— Стоп! Я как раз о автографе думала. Он чем расписывался? — Катрин замерла,

прислушиваясь...

Откуда-то из-за Моховой донесся треск очередей.

* * *

Ново-Косой переулок

47 часов до часа X.

Боевики заняли позиции на третьем этаже длинного дома. Просторное помещение, очевидно, служило чем-то вроде цеха: наваленные кипы войлока, раскроечные столы, шкафы с чем-то непонятным, едко пахнувшим. Чего тут производили, Борька так и не понял — пробираться приходилось в потемках: на всю группу имелся единственный электрический фонарик, да и в том батарея издыхала.

Стараясь дышать не слишком глубоко, юный боевик повозился у окна, примериваясь. Как не крути, германский пулемет для энергичной стрельбы был малость тяжеловат. Зато улица как на ладони: до дома на противоположной стороне, казалось, доплюнуть можно. Тоже трехэтажный, но жилой, доходный, кое-где свет пробивается из-за зашторенных окон. Вот будет жильцам ночная побудка! А нечего в квартирах на буржуйский манер квартировать.

Вообще-то дом выглядел мелко-буржуйским, не особо заядлые фабриканты тут ютились. Стены темные, подкопченные, сыростью тронутые. Единственный фонарь на ветру покачивается, теней той копоти добавляют. В Петрограде всегда так — неуютный город.

Привалившись боком к подоконнику, Борька загрустил, вспоминая сады и пруды далекого Арзамаса, где, по правде сказать, в октябре тоже не особо уютно.

— Идут! — не особо сдерживая голос, предупредил Гаолян.

Борька подскочил, распахнул створки — шпингалеты уже были подняты, все подготовлено. Сразу бахнуло в грудь зябким холодом. Ну, сейчас согреемся! Внизу двери на улицу забиты, да еще и завалены-забаррикадированы всякой рухлядью.

Гаолян занимал позицию у первого окна и должен был взять на себя арьергард противника. Засевший слева Андрей-Лев, брал на себя авангард. Борьке досталось самое главное — посечь центр контрреволюционного боевого порядка...

Вот оно — шорох тяжелых шагов, позвякивание амуниции и оружия — армейская колонна, пусть и не бывавшая на фронтах и в боях. Михайловское артиллерийское училище.

Колонна вывернула из-за угла. Следующий впереди всадник-офицер, повернулся неразборчиво скомандовал "шир-рре шаг!". Спешат! Ну, нам тоже невтерпеж.

Шагают по три в ряд, тусклая щетина штыков покачивается за спинами, размеренно, в ногу бухают сапоги, полощутся длинные полы шинелей. Не особо многочисленна юнкерская рота, да и "штыки" в ней вовсе не гвардейского роста и выправки, частью и вообще маломерки. Но в хвосте колонны тарыхтит колесиками пара "максимов". Засядут у моста и беги потом на пулеметы — небось, не дрогнет рука у пулеметчиков. Разве ж они нас за людей считают? Белая кость, она насквозь белая, сахарная, дворянская.

Борька помнил, что и сам наполовину дворянин, да и Андрей точно так же — мать у инженера из тверских дворян. Но это ж иное дело! Есть и сознательные трудовые люди в бывшем благородном сословии.

Бах-грох, бах-грох, стучали каблуки сапог контрреволюции. Уже почти под окнами — вон, кругляши фуражек, макушками изнутри продавленные, одна дергается — боится низкорослый юнкерок с ноги сбиться.

Андрей-Лев шепотом выругался, и уже громче попросил:

— Давайте все ж не всех, а?

— Как договорились, — откликнулся Гаолян. — Пли, ребята!

Борька швырнул в шеренги свою бомбу, краем глаза отметил, что Андрей-Лев запустил свой снаряд чересчур далеко от головных юнкеров, почти под брюхо командирской лошади. Эх, пропадет граната почти попусту...

— Ай, это что?! — ойкнул кто-то в середине взвода, крепко схлопотав Борькиной бомбой по загривку.

Вскинулись десятки бледных пятен лиц, закрутились, ища взглядами, что и откуда на них падает.

— Граната! — с опозданием взвизгнул кто-то.

Борька плюнул в окно и нажал спуск пулемета...

Первые строчки пуль погасли в хлопках разрывов бомб — рвануло почти одновременно. Осколок расшиб переплет рамы над головой Борьки, да только юному стрелку было плевать во всех смыслах. Дрожал пулемет в руках, полосовал товарищ Сальков улицу, косил мечущиеся, падающие фигуры, расстреливал мировую империалистическую несправедливость, и заливала сердце волна восторга и чувства всесильной справедливости.

Второй магазин, и длинными, длинными!

Боль Борька почувствовал с опозданием — раскалившиеся подстволье обожгло левую ладонь. Вот дурень, перчатки забыл надеть. А, плевать!

...Щелкнул, занимая место опустевшего, свежий магазин. Обожженные пальцы дернули затвор. Ага, поразбежались?! Натя еще!

На лежащих мертвых и раненых, боевик Сальков не обращал внимания, полоскал по тем, кто отбежал к стене, сгрудился у парадной. Строчка пуль скосила разом троих, вот покатила фуражка... Кто-то под домом вскинул винтовку, бахнул в белый свет как в копеечку. Сейчас ты, гад, настреляешься...

Борьку отшвырнуло от подоконника. Рука у Гаоляна была цепкой — стрелок чуть пулемет не выронил.

— Оглох? — жестко спросил одноногий боевик.

Ну, да, договаривались же: бомбы, по два магазина, и деру. Филимону на одной ноге бегать непросто.

Скатились вниз, на лестнице дядя Гаолян и, правда, чуть не кувырнулся... Захламленный двор, с улицы несутся крики и стоны, беспорядочно трещат винтовки... Лестница, заранее прислоненная к забору... Помогли взобраться одноногую, переваливаясь на ту сторону, Филимон пропыхтел:

— Что оружие так держишь?

— Руку занозил, — пробормотал Борька.

Прошли двором в арку — срезанный замок мирно висел на своем месте. Андрей-Лев открыл калитку, выглянул на улицу:

— Чисто!

Сложили приклады, отстегнули магазины, спрятали пулеметы, уже мирными обывателями вышли на улицу.

— Тьфу, палку забыл, — спохватился Гаолян.

Он вернулся за припрятанной у ворот тростью, а Андрей-Лев, морщась, покосился на Борьку и спросил:

— Ты зачем столько стрелял? И по раненым. Всех насмерть хотел? Какие они вояки,

если подстреленные?

— По раненым я ни разу не пальнул, — угрюмо возразил Борька — ладонь жгло просто зверски. — А что мне на юнкеров смотреть да улыбаться, что ли? Они мою мать пожалели? Меня пожалеют? Или твоих в Торжке пожалели?

— То другие мерзавцы были, — все больше бледнея, напомнил инженер. — Я тебя не виню. Просто понять хочу — мы уже до конца оскотинились, или еще дичаем? Они же там совсем сопляки.

— Ты Бориску еще возрастом попрекни, — ковыляя из подворотни, одернул инженера Гаолян. — Вы вовсе сдурели? Один палит как заведенный, не остановишь, другой вопросы умные задает — самое время нашел. Уходим живо!

Боевики благополучно вышли на Пантелеймонскую. Выстрелы за спиной стихли, где-то выла перепуганная собака, нагоняла уныние. Рука у Борьки болела — казалось, уж до зубов прохватывает. Гаолян велел показать ладонь, ругать не стал, приказал лечить "по-проверенному". Борька отошел к стене, поскуливал, тужился, — жгло еще острое, взвоешь громче того кобеля.

— Довоевался, снайпер обоссанный? — спросил дядя Филимон. — Перчатки-то где?

— Там забыл, кажется, — баюкая ладонь, признался Борька. — На подоконнике. Жарко было, положил, ну и...

Подзатыльник был заслуженным, но все равно обидным.

— Все, поковыляли лечиться, — вздохнул Гаолян. — Выгнать бы тебя, оболтуса, из группы. Да только куда? Вместе начали, вместе и покончим.

* * *

К месту событий шпионки, естественно, опоздали. Сначала извозчик заупрямился, потом лошадь отказывалась "поспешать", и насовать кобыле в шею, по аналогии с хозяином, было делом бесполезным, ввиду преклонного возраста представительницы гужевого профсоюза.

Лошадь делала вид, что рысит по просторной Надеждинской.

— Даже к финалу не успеем, — злобно предрекла Катрин, прислушиваясь. — Нужно было ногами рвануть, быстрее бы было.

— Одинокая дама, бегающая по улицам — вызов общественной морали, — напомнила Лоуд. — Да и вообще, ну, пулеметы, — эка невидаль. Понимаю, ты встрепенулась, вдохновилась, но стоит ли так лететь навстречу любимым звукам? Успеешь еще под пульки. Кстати, эти пулеметки вообще какие-то неурочные, сомнительные.

— В том-то и дело. Это вообще не пулеметы. Вернее, это — ХАРАКТЕРНЫЕ пулеметь Их здесь вообще не должно быть. Я этот звук неплохо помню.

— Ага, начинаю понимать. Но тем более, нельзя же сразу напрыгивать, вдруг мы их вспугнем? — намекнула крайне предусмотрительная по линии огнестрельных боестолкновений оборотень.

— Да уже упустили, — вздохнула Катрин. — Теперь ищи по следам, а они остывают быстро. Нужен нам нормальный транспорт.

— "Лорен-Дитрих"! Мне рекомендовали — отличная колымага! — немедленно припомнила Лоуд. — Шестьдесят лошадиных сил и никого в шею пихать не надо.

Извозчик на очередной тумак никак не отреагировал — был рад, что стрельба затихла.

Глава восьмая. Маневрирование сил и средств

Ново-Косой переулоч

46 часов до часа X.

— Дальше не пушают, — наемкнул извозчик.

— Что значит "не пушают"?! — возмутился л-пассажир. — Не старые времена, чтоб не пушать. Тем более мы для выказывания помощи, а не абы как!

Впереди люди в шинелях толклись попеременно со взбудораженными гражданскими, видимо, наблюдалась попытка выстроить оцепление, но неубедительная, ввиду полного хаоса и растерянности. К истошным крикам дальше по улице пробивались грузовички "карет скорой помощи", какие-то верховые, бежали солдаты...

— Прапорщик, наш полковник цел? — высунулся из пролетки л-господин, предупреждая попытку шагнувшего наперерез офицера, задержать экипаж.

— Не могу знать, — машинально отрапортовал прапорщик, подчиняясь начальственным интонациям вопроса. — А вы, собственно...

— Ничего-ничего, голубчик, мы его сами заберем, — Лоуд уже привычно двинула кулаком промеж ватных лопаток возницы, и пролетка вкатила в ад...

Крики, стоны, разбросанные винтовки, десятки тел: шевелящихся и неподвижно лежащих, люди, ползающие по лужам крови, склоненные над трупами, загружающие раненых на носилки, блеск осколков разбитых стекол, извивающиеся тени в смутном свете единственного уличного фонаря. "Господи, за что их?! За что?!" — кружилась, заламывая руки, растрепанная женщина в накинутом поверх пеньюара пальто.

Катрин, болезненно морщась, выпрыгнула из пролетки. Не привык еще город к ужасу, все у него впереди. И обстрелы, и вымерзшие квартиры, и... Но что ж, мать его, так рано началось?

— Дай!

Лоуд вдохнула, но кинула перевязочный пакет — после одного неприятного случая оборотень таскала с собой продвинутый комплект перпомощи, справедливо полагая, что спасение коки-тэно дело рук самих коки-тэно, ибо кровопотерю даркам в районной лекарне вряд ли чем-то возместят.

Юнкер стоял на коленях, упираясь лбом в стену, мычал от боли: ранение в область ключицы, сзади, выходного нет, мается, не видя куда попала пуля, так куда страшнее.

— Замри!

Лоуд помогла расстегнуть шинель. Белоснежный бинт рассекал темноту, ложась точными витками под вспоротую гимнастерку.

— Теперь встаем, — приказала Катрин, закрепляя повязку.

— Благодарю. Благодарю, я... — парнишка, пошатываясь, выпрямился.

— Помалкивай, тодысь быстрее выздоровеешь, — Лоуд вела раненого к пролетке. — Не сомневайтесь, молодой человек, в два счета пульку вынут, вон вы какой усатенький, полнокровненький.

— Ой, коляску закровит, — запричитал извозчик.

— Заткнись, кобылий сын! — почти ласково сказал л-господин. — Или я тебя щас так закроплю... Достал, хамская морда.

Суетливый дворник помог посадить в экипаж второго раненого с простреленной голенью.

— Вы не думайте, сударыня, у нас дом благоденственный, никогда чтоб так вот, разбойно... — бормотал, чуть не плача, дворник. — Порядочный дом, вот истинный крест, порядочный. Это с цеха палить взялись.

— Да уж, удумали мерзавцы, — соглашалась Лоуд. — Террор — истинное злодейство и разорение. На него одних бинтов вон сколько идет.

Откуда стреляли было понятно и без дворницкой подсказки: зияли распахнутые окна на верхнем этаже темного унылого строения, рядом с проемами виднелись отметины пуль — видимо, уже по опустевшей огневой позиции лупили снизу уцелевшие юнкера. Коварные автоматчики наверняка успели отскочить задними дворами, теперь их ищи-свищи.

— А дворы здесь на редкость уродские, — подтвердила невысказанные выводы подруги, опытная оборотень.

Катрин кивнула. Догонять по горячим следам нечего и думать. Особенно в вечернем платье и с единственным пистолетом, который, к тому же, пока на хранении у л-кавалера. Стрелявшие по юнкерам боевики дерзки, терять им нечего, у них минимум три автомата, наверняка и иные козыри найдутся. По идее, у террористов должна предусматриваться и группа прикрытия, и транспорт, и место запасной лежки. Но откуда у них МР38/40? Или это что-то иное, типа МР-18?^[11] Едва ли — характерный темп стрельбы, его хрен спутаешь.

— Вознице, уроду, грошей я дала, хотя за что ему вообще платить, не понимаю. И чего мы сюда так спешно неслись, тоже не понимаю, — бурчала Лоуд, глядя как укладывают в ряд на тротуаре убитых юнкеров. — Покойников мы с тобой и раньше вдоволь навидались. Сдается мне, испортят нам революцию. А все этак легендарно проходило, приятно было читать. Наврали, конечно, изрядно, но все-таки... Слушай, Светлоледа, давай, придумывай какой-то план. Мне прежняя революция больше нравилась.

— Мне тоже. По ней открытки красочные рисовали, я по детству помню. Пусть и не совсем по своему детству, — прошептала Катрин. — Слушай, ты видишь, кто приехал?

— Что ж, я вовсе ослепла? — обиделась оборотень. — Начальство. Но тощее какое-то.

Высокий, действительно, очень худой человек в генеральской шинели с полевыми погонами, подошел к лежащим телам. Ему что-то говорили, он, кажется, не слушал, стоял, склонив непокрытую, рано полысевшую голову.

— Похож, — сообразила Лоуд. — Это тот, кого завтра снимут за "неопределенность"?

— За "нерешительность". Видимо, это действительно генерал Полковников. Но нерешительным он сейчас не выглядит, — отметила Катрин.

Действительно, узкое лицо генерала застыло, но ярость, клокочущая под замороженным спокойствием, вполне угадывалась. В общем-то, да, не бой, а откровенный расстрел. Генерал, кстати, тоже Михайловское артиллерийское училище в свое время окончил, сейчас ему болезненно вдвойне.

— Не лезь туда сейчас, — предупредила оборотень. — Бесплезняк. Не в том настроении господя, чтобы слушать. А уж втолковать им что-то дельное... Щас не объяснишь и не обаяешь.

Кто-то из подошедших офицеров указывал на окна, откуда стреляли, потом сунул руку в карман шинели. Горсть гильз на ладони...

— Я все ж попробую. По-деловому. Если диалог пойдет перпендикулярно и затянется, на квартире встретимся, — Катрин двинулась к офицерам.

— Ты ж в платье. Запутаешься, — напомнила в спину Лоуд. — А пистоль?

Катрин помотала головой. Не тот случай. Класть еще кого-то на мостовую с простреленной башкой нет никакого желания. Если задержат за назойливые подозрительные разговоры, оборотень выдернет. Хотя и будет потом попрекать лет десять.

Командующий округом^[12] повернулся, собираясь уходить.

— Петр Георгиевич, — отчетливо окликнула шпионка.

Вот, черт бы его... вот сколько раз приходилось оказываться вот под такими негодующими и возмущенными взглядами. Кажется, только мертвецы головы не повернули. Дура-баба, влезла неуместно, нетактично, нагло.

— Генерал, разрешите два слова по стрелкам, — сухо произнесла Катрин...

Смотрит с отвращением. Ему тягостно и стыдно, муторно, он которую ночь толком не спит. Не до посторонних баб-с.

— Это немецкие пистолеты-пулеметы. Новые, тридцатизарядные^[13], - Катрин смотрела в удивительно некрасивое, лошадиное лицо генерала.

Кто-то из офицеров презрительно фыркнул.

— Гильз я не видела, но это определено — девятимиллиметровые от парабеллума. На позиции стрелков около двух сотен гильз. Что вас должно немного озадачивать, исходя из соображений скорострельности. Теперь спросите, откуда я знаю детали, не поверьте и арестуйте меня, — Катрин прихватила надоевшую руку, хватающую ее за рукав пальто и пытающуюся оттащить от высоких занятых чинов. Прапорщик охнул.

— Прекратите эти шутки, отпустите человека, — поморщился генерал. — Что и откуда вы знаете? Будьте любезны все изложить вот этому гражданину капитану, он большой специалист по подобным вопросам.

— Поболтать по душам мне и так найдется с кем. Времени в обрез, а ваш капитан мне гарантированно не поверит. Уделите мне ровно минуту.

— У меня нет минуты, — генерал решительно повернулся.

Катрин тоном тише, но столь же отчетливо сказала матерное.

Обернулся в ярости:

— Вы что себе позволяете!? Из гулящих? Шляются пробл... профурсетки.

— Может и так, — зло согласилась Катрин. — Только мы с вами, Петр Георгиевич, столицу и страну нынче вместе прое... профурсетим.

Экие шаги у него длинные, и сгреб за ворот пальто, встряхнул не на шутку. Вблизи генерал оказался даже выше...

— А говорил "минуты нет", — просипела придушенная шпионка, заставляя себя терпеть, не сбивать генеральский захват.

— Ты вообще, что за фря? — прошипел в лицо, взгляд действительно бешеный.

— Спокойнее. А то вообще задохнусь, — предупредила Катрин.

Самой соблюдать спокойствие и не дергаться было сложновато. Кроме генеральских рук — крепких, чувствовалось, что из донских казаков вышел молодой генерал — наличествовали и иные лапы: за плечи ухватили, за кисти бессильных дамских рук.

— Господа, ну что за пошлятина?! Прекратите лапать! — воззвала к офицерской чести шпионка.

Генерал отпустил первым:

— Пардон. Ступайте отсюда, мадмуазель. И поживее! Не до вас.

— Понимаю. Приказ двести пятьдесят первый^[14] уже отдан? Даете противнику достойный повод для решительного ответа? Завтра бои начнутся, господин генерал. А кризис все еще можно разрешить малой кровью.

— Это вот малая?

Катрин глянула на ряд трупов.

— Увы. Это малая. Полагаю, вы ответите примерно тем же — пулеметами, вам возразят

вдвойне — артиллерией с Петропавловской крепости и с кораблей, потом... Вы и сами понимаете. Считается, что Рубикон уже перейден, так? Да черт с ней, с речкой это галлийско-италийской. Господа, да оставьте же нас на секунду, нет у меня револьвера в ридикюле, и ридикюля нет, я абсолютно безопасная идиотка!

Иной раз широко распахнутое пальто и неуместное декольте отпугивает действенное любого мата и угроз. Господа офицеры попятились.

— Петр Георгиевич, действительно несколько слов, но лично вам, — тихо предупредила Катрин. — Я знаю, вы пытались вести переговоры с ВРК. Полагаю переговоры были не слишком успешны, но они были. Переход к стрельбе на поражение алогичен как для вас и Генштаба, так и для деятелей Смольного. Уничтожение нескольких членов Военно-революционного комитета, налеты, смерть генерала Оверьянова, вот этот расстрел — собственно, а кому они выгодны? ВРК все еще пытается давить политически, зачем им кровь? Объяснение одно — в Петрограде работает третья сила. Доказательства этому имеются лишь косвенные, да и выслушивать их вы сейчас не станете. Но примите как версию. Она многое объясняет.

— Ваша версия не оригинальна. На немцев намекаете? На странное немецкое оружие и провоцирующие диверсии? — Полковников покачал головой. — С какой стати именно вы мне пытаетесь морочить голову? Вы вообще кто? А, это уже не имеет значения. Передайте "товарищам" — не выйдет. Никаких уступок от правительства. Утром в городе будут войска. Это уже не секрет — казачьи эшелоны на подходе. Наоборот, я бы предпочел, чтобы в Смольном об этом знали все, вплоть до самых невменяемых головорезов, убийц и террористов. Ультиматум с требованием о безоговорочной сдаче оружия банд ВРК будет в утренних газетах, вместе с приказом?251. Иначе заговорят пулеметы.

— Понятно. Но до утра у нас еще есть время. Поясняю — лично я не от ВРК. Отнюдь скорее, наоборот. Я — посредник. Товарищи от Смольного тоже здесь — Катрин неопределенно указала в сторону переулка. — Поверьте, это кровавое несчастье для них такая же неожиданность, как и для вас. В Смольном хотят взять власть, а не утопить все и вся в крови и хаосе. Возможна еще одна попытка переговоров?

Полковников щелкнул крышкой часов:

— Жду представителей ВРК в 6:00. Но предупреждаю — разговор пойдет иной. Полки 1-й Донской и Уссурийской дивизии уже будут в городе. Слушайте, я вообще не могу понять, почему вас слушаю. Я вас знать не знаю, абсолютно вам не верю...

— Слушаете, потому что я говорю интересные вещи, — буркнула Катрин. — Да и вообще кого сейчас слушать, если не меня? За мат извините, Петр Георгиевич. Неуместно, особенно когда мертвые рядом. Прошу простить. И приношу свои искренние соболезнования.

Генерал с некоторой заминкой пожал руку в тонкой перчатке.

Катрин вздохнула:

— Ужасный вечер, господин генерал. Всё, в шесть часов будем в Главштабе. Вряд ли делегация будет многочисленной, зато с конкретными предложениями. Как вариант: совместная группа по расследованию "пулеметных" терактов? Вас не затруднит пригласить свидетелей нападений? Взамен обязуюсь предоставить версии по оружию преступников и истинных целях их действий.

— Пустое это. Поздно разбираться в деталях. Некоторые события необратимы, — глухо сказал Полковников и пошел к ожидающей его машине. Стайка адъютантов устремилась

следом...

— С виду генерал — суший перевяленный рыбец, — отметила Лоуд. — В мужской красе на человечьи физиономии я разбираюсь относительно, но тоже вроде он "не особо". Странно, что тебе понравился. Вот вообще не пойму я твоих вкусов.

— С какой стати он мне понравился?

— По спине было видно. Это ж я твоих вкусов не пойму, а спина у тебя куда как выразительна...

— Уймись. Ситуация хуже, чем мы думали. Казачьи эшелоны на подходе к городу. Полки 1-й Донской и Уссурийской дивизий прутся. Наверное, не в полном составе, но...

— Так казачки вроде и ехали? Но не доехали. Передумали или еще что-то там приключилось. "Овес дорог, красна гвардия хамовата, лучше возвернемся, да обождем".

— Сейчас чуть иначе. Что-то они куда раньше двинулись, в теплушки запрыгнули, и, похоже, большим составом. К самому празднеству будут.

— Может, брешет генерал? Тебя увидел, хвост распустил "у меня стотыщ курьеров и тридцать дивизиев кирасирских казаков".

— Это вряд ли. Похоже, как раз не врет.

— М-да, неприятно правдивая у него рожа была, тут я согласна. Слушай, а казаки нам не к чему. Надо останавливать.

— Как?!

— Нам же твой Полковников пример показал. Нужно встать поперек пути с честным противным лицом и призвать к сознательности. И чтоб пулеметы за спиной имелись. Мне Нестор всегда говорил: казаки, они пулеметов не любят. В этом военно-философском вопросе я с казачками, кстати, совершенно согласна — истинно демоновское устройство эти пулеметки. Как начнут тарахтеть, и тарахтят, тарахтят. Особенно те, что с ленточками... — принялась критиковать оборотень.

— Подожди. Какие у нас шансы остановить эшелон с казаками?

— Что ты так ошалело на меня смотришь? Шансов, конечно, у нас нет. Но какие шансы у эшелона под славным городом Петербургом налететь на опытного оборотня, обладающего профессорской ученой степенью? Тоже никаких! Корову задавить или Анну Каренину эшелон вполне способен, уже натренировались. А оборотня? Нет таких прецедентов! Значит, мы в равных условиях. Идем домой, готовимся, Прыгаем вдоль по местной географии. Сложновато, но в место на карте ты ткнешь, а я поднатужусь.

Готовились в спешке.

— Опять ни чаю попить, ни в теплом сортире посидеть, — возмущалась голенастая оборотень, натягивая термобелье. — "Хватай мешки, вокзал отходит!". Ты, кстати, знаешь, что этот мэм у меня родился, когда мы с Гру по случаю оказались на станции в Пуэрто-Монт, и там...

— Пошли уж, потом доскажешь, — взмолилась Катрин.

— Суета тебя до добра не доведет, — предрекла соратница, сияясь вытряхнуть лыжную шапочку: в головном уборе почему-то оказалось полно красных опилок и шелухи от кедровых орешков. — Вот скинула ты платице, даже парадные чулки не стянула, в штаны запрыгнула — ах, побежали! А в чем смысл полундры, если тетя Лоуд всегда может полчаса скорректировать даже при поперечно-географическом перемещении?

— Да, я все время этот нюанс упускаю. Недоступно подобная особенность твоего бытия слабому человеческому разуму.

— Ты на хилость вашего разума не кивай. Нашли тоже отговорку! Я сильно надеюсь, что при оформлении пенсии соответствующие инстанции учтут мои сверхурочные переработки. Систематические, прошу заметить! Оборудование ты взяла? Ну и что тогда сидишь, ждешь?

* * *

— И что это у тебя была за карта? — мрачно поинтересовалась оборотень.

Шпионки, оскальзываясь, взбирались по насыпи железной дороги. Оказавшееся внизу болото оказалось на редкость октябрьским, если не сказать ноябрьским, в смысле студености. Хорошо хоть угодили с краю, промокли только до колен.

— Обычная карта, современная. Видимо, при реконструкции сдвинули полотно, — оправдалась Катрин, придерживая ерзающую по спине неудобную сумку.

— "Сдвинули". Небось, ты версты в километры не пересчитала или наоборот, — забрюзжала профессор. — Хорошо, что я телогрейку надела. Отдам немного мокрую, ничего страшного.

— Кому отдашь?

— Бедствующим и страждущим, — туманно пояснила оборотень. — Будка обходчика в ту сторону, или в эту?

— Да кто его знает? Сто лет прошло, автоматика везде.

— Все на компьютеры надеетесь, на джипиэсы. А тут в кроссовках скачи, стельками хлюпай...

Шпионки затрусили по шпалам в сторону ближайшего огонька. Ночь как назло выдалась противная во всех отношениях, в городе эта мерзость не так чувствовалась...

Запихивая растопку в печку, оборотень воспитывала поверженный гарнизон:

— "Двадцать седьмая верста" — это же звучит гордо! А у вас печка не топлена, чайник ледяной, сухари — смотреть жутко, а сахару вообще нет. Ладно, сахар — от него кариес, но протопить-то можно? Придут путники озябшие, вот я, например, а тут стыло, уныло, политически отстало.

Связанные обходчик и солдат, слушали действительно как-то апатично. Понятно, обходчик — у этого подбитый глаз болел. Но солдат мог быть и пообщительнее.

— Спички-то есть? — поинтересовалась оборотень, пиная хозяина негостеприимной будки.

Тот показал глазами.

— Жениться тебе надо, — посоветовала л-матрос, проверяя кляп во рту несчастного железнодорожника. — Уют и тепло, каждый божий день в печи пирог-рыбник и иные интимные радости. А ты сидишь, будто харя нетрадиционной ориентации с обтрепанным солдатиком и не желаешь пролетарскую революцию поддерживать. Допрыгаетесь со своим ревизионистским изоляционизмом.

Снаружи вновь громыхнуло — пленники вздрогнули.

— То ли эхо октябрьской грозы, то ли рыбу глушат, — прокомментировала оборотень. — А что, хлопцы, есть у вас тут в округе рыбные пруды?

Три толовых шашки отработали: два рельса и телеграфный столб приведены в негодность. Опыт в подрывных работах Катрин имела скромный, но сейчас особо сложных задач и не стояло. Мост с имеющимися скромными средствами все равно не снесешь. Ну, так и цель: придержать эшелон и дать шанс сработать напарнице. Конечно, казаки могут разгрузиться и напрямик здесь, бронетехника у них если и имеется, то в символических

количествах, а кони в бетонных пандусах и платформах не нуждаются. До города всего ничего, к рассвету сотни дойдут своим ходом. Так что, надежда на экспромты Лоуд.

Диверсантка посмотрела на расщепленное основание столба — докатилась леди-посредник, портите и мелко гадите по инфраструктуре. Осталось листовки чернильным карандашом рисовать да на заборах расклеивать.

Со стороны города донеслось постукивание колес, замерцало пятно прожектора. Что-то быстро на обрыв связи отреагировали...

— Паровоз! — сказала Катрин в дверь будки.

— Откуда? — деловито уточнила Лоуд, беря железнодорожный фонарь. — Ежели с Пятидесятой, так то одно, а напротив, с Гатчины, так иное.

— С города.

— С города нам никого не надо. Ездют, ездют, сами не знают, чего ездют.

Подруги поменялись диспозицией: Катрин с маузером села у окна, Лоуд, на ходу меняя внешность и деловито помахивая фонарем, двинулась навстречу гостям. Теперь вместо коренастого балтийца по шпалам вышагивал подтянутый поручик в ладной шинели. Вот вскинул над головой фонарь, предупреждающе замахал. Маневровый паровоз, толкавший впереди себя символически блиндированную платформу с солдатами, окутался паром, замедлил ход.

— Диверсия! — завопил с насыпи л-поручик. — Рванули мерзавцы пути и ушли к поселку. Мои орлы за ними кинулись, преследуют. Догонят, чертт бы их взял, непременно догонят. Давайте к станции, ремонтников срочно сюда!

С платформы что-то неразборчиво закричали.

— Верно! — отозвался л-поручик. — Только поживее! И, прапорщик, будьте любезны, оставьте хоть пулемет с расчетом. Не ровен час, опять наскочат...

С платформы спустили "максим", коробки с лентами, маневровый паровоз устремился назад, в сторону Петрограда. Катрин слушала, как бравый оборотень руководит установкой пулемета:

— Туда вот рылом, туда! Насыпь присторожить. Братец, в будку загляни, там мешки и доски есть, можно обустроиться.

Солдат сунулся в дверь, попытался что-то разглядеть в слабом мерцании огня печурки.

— Винтовку в угол поставь, — мягко предложила Катрин.

Солдат увидел маузер, спешно поднял руки — выроненная винтовка бухнула прикладом по шинели, накрывавшей ранних пленных — под ней замычали.

Второго пулеметчика Лоуд приголубила дробяным мешочком, этого обесчувственного пришлось заволакивать в будку собственными силами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

—хлопотное дело, — прокомментировала оборотень, связывая руки бедняге. — Вот не люблю я этих полков, рот и прочих батальонов: жуткое многолюдье и опять же суета.

— Суета будет, если ремонтники придут раньше, чем...

— Не придут. Их, ремонтников, еще организовать надо. Да и вон — слышишь! — Лоуд подняла палец. — Идет наш долгожданный, литерный, военно-кавалерийский. Все рассчитано с профессорской пунктуальностью. Занимай уютное местечко у пулемета. Он хоть нужной системы? Управишься? Там у них особого выбора не было.

— Уж как-нибудь.

— Надеюсь на твое профессиональное прикрытие. Да, чуть не забыла, сейчас мы

вернемся.

Лоуд сгнула и почти тут же явилась уже не одна — возникли шагах в пяти от "стартовой" точки.

— Сдурела?! — ошеломленно ахнула Катрин. — Она же не готова!

— Чего это "не готова"? — удивилась оборотень, в очередной раз меняя облик. — Мы неоднократно беседовали, обучались, и вот он — славный момент дебюта. Трусить мы не станем!

Эшелон подкрадывался осторожно — предупреждающий фонарь видели издали. Паровоз остановился шагах в двухстах, насыпь там изгибалась, угадывались живо рассыпающиеся из вагонов казаки с винтовками. После паузы трое двинулись по полотну к будке. Одинокий человек с фонарем неспешно шагал им навстречу...

Разглядев встречающего, есаул онемел. Оба казака тоже обмерли, младший чуть не уронил карабин.

— Царь!

Шедший навстречу л-Николай-П повыше поднял фонарь:

— Здорово, станичники! Донцы?

— Так точно, ваше импер... — есаул, уж немолодой, выдавший виды, сбился.

Император махнул дланью:

— Без чинов. Я в отставке, давно корону на гвоздик повесил. Сперли уж небось, демократские мазурики.

Казаки неуверенно заулыбались. Отставной царь одет был легко: без шинели, на кителе блестит одинокий георгиевский крестик, погоны сняты, фуражка лихо сбита чуть на бок — действительно в отставке, по-простому. В остальном — истинный император, как на картинке, даже лучше, проще и веселее. Видать, успел отдохнуть без трона.

— Смех смехом, станичники, а дела-то нехороши, — л-Николай указал фонарем в сторону разодранного взрывом, задравшегося поросычьим хвостиком рельса. — Рванули чугунок, не иначе как по вашу душу старались. Хорошо мы с конвойцами из гостей возвращались, на звук свернули. Джигиты мои следом за мерзавцами, а я гляжу — поезд! Вообще-то, мне на люди показываться нельзя, уговор с новым правительством строгий. Ну, уж тут такое дело, пришлось выбирать, — вдруг под откос слетите? Рискнул я объявиться. Вы уж не выдавайте отставника, я ж под честное слово отпущен, нельзя мне на общество.

— Так точно, ваше... — есаул опять сбился.

— Просто Николай Александрович, — великодушно разрешил пенсионер Романов. — Или "гражданин полковник", звания меня никто не лишал.

— Так точно! — казаки отдали честь.

— А что там, в Петрограде? — осмелился спросить есаул. — Говорят, бунтуют сильно, офицеров и казаков прямо на улицах стреляют.

— Сильно преувеличено, — Николай открыл портсигар, угостил папиросками казаков. — Но беспокойно, это да. Керенский — сопля адвокатская, разве он что может? Эх, дурила! Большевики опять же свое жмут. Наглые, просто жуть. Но и понять можно — хлеб в город завозят дурно, бабы ропшут, детишки скулят, кругом дороговизна и недовольство, все жалуются и плачутся. Спекуляция торжествует, в лавках за селедку как за осетров требуют. Сущее безобразия!

— Это все жида мутят, — шалея от собственной наглости, осмелился вставить казак постарше.

— И это тоже, — признал бывший царь. — Но если б только иудеи ловчили, оно бы полбеды, управиться можно. Так и свои, православные, мухлюют. "Посулите нашему жулью 300 процентов прибыли, и нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы", — как мне давеча телефонировал патриарх Тихон. Э-хе-хе... На вас, казаков, только и надежда. Не подведите, станичники, нынче умом и хладнокровьем действовать надо.

— Да мы ж разве когда подводили... — есаул от полноты чувств стукнул по рукояти пашки. — Подождем, когда пути исправят, и... Порядок будет!

— Подождете, ты гутаришь... — л-Романов задумчиво пыхнул папироской и решительно отшвырнул окурок. — А чего нам ждать, станичники?! Нечего ждать, прождали уж все ожидания. Кто там у вас атаманит? Дайте ему знак. Скажу последнее слово казачьему обществу. Заодно и ознакомлю станичников кое с кем.

Казаки побежали к эшелону, а решительный л-Романов вернулся к будке.

— И что? — нервно осведомилась Катрин.

— По плану, — кратко ответила оборотень. — Придется речь сказать. Ну, парочка тезисов у меня заготовлена. Татьяна Николаевна, ты как? Готова?

— Нет! — в ужасе пискнула великая княгиня Татьяна. В заштопанном платье и криво сшитых меховых "торбазах" она производила странное впечатление. Впрочем, изъятая у пулеметчика и накинутая на девичьи плечи шинель слегка скрашивала дисгармонию облика.

— К выступлению пред широкими народными массами привыкнуть нельзя, — утешила оборотень. — Это ж наш народ, любимый, ему палец в рот не клади. Ничего, искренность граждане-казаки ценят. Главное, когда на вагон будем лезть, юбки придерживай. А то они отвлекутся от текущего политического момента. Катерина Георгиевна, вы от пулемета не забывайте. Мало ли...

Оборотень повлекла несчастную княжну к эшелону: чадающий паровоз, изогнутая змея темного эшелона, копошащаяся вокруг человечья масса, сейчас казалась единым существом — истинным монстром. Татьяна спотыкалась о шпалы, л-отец (ныне выглядевший повыше своего скромного повседневного роста) цепко придерживал ее под локоть...

Брезентовая увесистая патронная лента легла в приемник, руки шпионки, пусть и с некоторым напряжением, припоминали последовательность манипуляций первого номера...

Речь блудного царя-батюшки Катрин практически не слышала. Ветер разрывал звуки, донося лишь отдельные слова и реакцию казаков. Станичники окружили плотным полукольцом вагон-трибуну, на крыше торчали две фигурки, казалось, их вот-вот снесет порывом ветра. В прицел пулемета Катрин наблюдала серые спины толпы, держала пальцы на гашетке, хотя стрелять в такой ситуации было едва ли разумно. Многоликий ушлый "царь" может и вышмыгнет, но молоденькой княгине определено конец...

Но строчить в казачьи спины не понадобилось. Судя по всему, говорила Лоуд душевно. Конечно, манерой держаться и жестикуляцией пенсионный царь весьма отличался от дореволюционного, но Катрин вообще не могла вспомнить каких-либо кадров хроники с реальным Романовым-последним, вещающим с публичной трибуны. Надо думать, казаки были не намного осведомленнее, да и лично встречать царя-батюшку им не приходилось...

...- обществу нужен мир, а не грызня с кровушкой! — настаивал л-Романов, потрясая кулаком. — Я для чего ушел?! Для умиротворения! А тут опять за штыки и револьверы?! Не бывать!

Истомленный войной казаки отзывались дружным ревом.

...- хлеб, мир, земля, свобода коневодства и рыболовства! Такие вот житейские советы мы давали Временном министрам. И где оно?!...

Сотни одобрительно потрясали вздетыми карабинами:

— Верна! Правильна!

Обращение царя-пенсионера к вольному полковому казачеству не затянулось. Лоуд как-то упоминала, что остроактуальная речь подобна первой кружке пива: глоток на пробу, большую часть залпом, и завершающие маленькие глоточки — для послевкусия. Есть и иные подходы к искусству ораторствования, всяческие уловки вкрадчивого завлечения или тактики многочасового нагнетания или усыпления, но то иной жанр.

Видимо, Татьяна Николаевна тоже сказала несколько слов — до Катрин они не долетели, но казаки ответили на обращение младшей Романовой ни менее одобрительным криком.

— Добро, пушай будет!

Возвращались лазутчики-ораторы по шпалам в добром здравии и не побитые. У л-царя под мышкой была почему-то шашка. Вот он обернулся, снял фуражку и в последний раз поклонился паровозу и воинству — оттуда ответно приветственно махали шапками.

— Трогательно, — отдуваясь, поведала Лоуд, обращаясь в саму себя — милостивую тетеньку средних параметров в лыжной шапочке общества "Динамо". — Любят и помнят нас в народе. Вот — шаблю презентовали. Татьяна тож ничего народу показала, хотя голос ей надо наработать.

— Спасибо, — прошептала княжна, абсолютно неаристократично присела на корточки и закрыла лицо руками.

— Ничего, приноровишься, поскольку... — оборотня прервал истошный гудок паровоза — эшелон пятился в ночь.

— Куда это они? — с тревогой спросила Катрин.

— Как куда?! Один на Бологое, другой на эту... тьфу, узловая, забыла как ее. Ну, они сами знают. Решено задерживать все продовольственные грузы, особенно с мукой, и перенаправлять в столицу. На нашем полковом сходе толковали о том, что разумнее входить в голодный город опосля подвоза провианта, а не наоборот.

— Ничего из этого не выйдет, — неуверенно сказала Катрин. — Они отъедут и думать начнут.

— Ясное дело, с наскока мало что получится. Но в Питер сегодня наш славный 1-й Донской опять же не доедет, да и альтернативное понимание о происходящем казачки уже заимели. По-моему, мое сравнение "мастеровые, что ерши в верше: и выйти не могут, и подышать не хотят, оттого станут колотья до последнего вздоху" вполне даже доходчивое.

— Вполне, — подтвердила Татьяна, не открывая лица. — Но папа так бы никогда не сказал. Поймают тебя.

— Чего меня ловить, когда вот она я, сама прихожу? — удивилась оборотень. — А папенька твой мог и измениться. Бытие оно определяет сознание! Вон, нынче рубит хижину, весь такой деловитый, бритоголовый — взглянуть приятно. Ладно, пора тебе в комариную благость возвращаться, не время еще легализоваться.

— Екатерина Григорьевна, можно мне ружье взять? — взмолилась княжна, обращаясь к малознакомой жестокой надзирательнице. — Хотя бы одну винтовку и полсотни патронов? К нам медведи приходили и еще кто-то.

— Винтовку брать бессмысленно, на патроны там надежды не будет, через раз осечки

случаются, — с некоторым сочувствием объяснила Катрин.

Отбывающие прихватили снятые с трехлинеек штыки, обнаруженные в будке топор, ведро и лом.

Катрин проведала пленников, подбросила в печурку угля. Военнопленные уныло смотрели на мерзкую бабу и зябко ерзали — от шинелей их освободили: оно и понятно, у Амбер-озера любая одежда на вес золота.

— Сейчас уйду, веревку пережжете и свободны, — заверила невинно-связанных пленников Катрин.

В дверь бухнули кулаком:

— Чего сидим? Пошли! — призвала уже возвернувшаяся соратница.

В городе шпионки оказались почему-то на Калашниковской набережной.

— Это я устала, — пояснила Лоуд пытаюсь вытереть испачканные подошвы о поребрик. — Очень насыщенная ночь. Спереди карабинами машут, в жопу пулемет смотрит, паровоз наехать норовит, а ты давай, мысли внятно излагай. Еще Александрыч прослезился, когда ему от казаков пашку передала. Эмоций многовато, оттого с устатку и заносит куда попало.

— Я без претензий, — заверила Катрин. — Ты виртуозно работаешь. Хотя речь толкнула немного популистскую. Впрочем, как отставной монарх имела полное право, тебе все одно не на выборы идти. Лихо вышло. Но нам теперь еще в Генштаб идти, и, желательно, с подлинными представителями от ВРК.

— Сделаем, — бодро отозвалась оборотень — судя по всему, она успела заскочить к своему экипажу или на Лагуну: перекусить, искупаться и выспаться.

Глава девятая. Ночные разговоры и немного стрельбы

Литейный проспект, конспиративная квартира Центра

45 часов до часа X.

— Барышня, номер 1044, срочно!

— Соединяю, — сонно отозвалась мембрана.

Звонивший придерживал трубку плечом и почти приплясывал от нетерпения. Наконец, отозвались:

— Богадельня общества Филиппа Гартоха прихода церкви святой Анны-Марии, лютеранск...

— Это Гид, — оборвал нетерпеливый абонент. — Господин Иванова, срочно!

— Послушайте, Гид, у вас же есть часы, — возмущенно намекнули на том конце провода.

— Бросьте, он все равно не спит! Передайте, что срочно! Срочно! Promptly!^[15]

Трубка замолчала.

Звонивший маялся у стола, то облачиваясь о раскинутую карту, то вскакивал, и, оттопыривая зад в галифе горчичного сукна, наваливался животом. Плотнее прижимал ладонью к уху неудобную массивную трубку. Специально тянут, скоты. Специально!

Наконец, в трубку дунули и с чудовищным акцентом сообщили:

— Иванов у аппарата. Что случилось, дорогой наш Гид?

— Случилось! Весьма случилось, весьма! — с яростью зашипел куратор группы. — Она в городе! Я только что ее видел!

— Кто "она"? — с настороженным недоумением уточнил Иванов-с-акцентом.

— Черт вас возьми! Я же рассказывал, предупреждал! Она — служащая конкурирующей

фирмы. Это конец! Если они поняли, в чем дело и спустили с цепи эту цепкую суку, она пойдет по следу до конца и...

— Ах, вы об этой мифической особе. Полагаю, вы ошиблись, обознались...

— Я?! — Гид коротко хихикнул. — Обознался?! Естественно, мне ее так трудно запомнить...

На том конце провода помолчали, потом уточнили:

— Что, действительно она?

— Практически не изменилась, — Гид застонал. — Я знал, я чувствовал...

— Не паникуйте! — приказал Иванов-с-акцентом. — Где вы ее видели?

— Контролировал работу в известном вам месте. Утром будет в газетах. И тут смотрю...

Она с генералом. Стоит, стерва, скалится...

— Спокойно! Она вас видела?

— Нет! Иначе я бы вас вряд ли потревожил.

— Перестаньте, Гид. Прошло много лет, едва ли она вас узнает.

— Да уж конечно. Полагаете, она своих зарубок не помнит?! Операцию нужно сворачивать.

— Прекратите молоть чушь, — холодно сказала трубка — акцент говорящего выдал смехотворную "цушшь", но Гид закрыл глаз и попытался взять себя в руки — работодатель шутить не любит.

— Хорошо, она здесь, и, видимо, не одна, с группой, — вслух неторопливо размышлял Иванов-с-акцентом. — Что это меняет? Город огромен, знает в лицо она исключительно вас. Каковы шансы, что наши конкуренты выйдут на след? Остается чуть более суток, завершим работы, далее вы благополучно отбудете домой.

— Вы ее не знаете, — тоскливо вставил Гид. — Найдет. Это такая стерво...

— Успокойтесь. Сейчас вы в полнейшей безопасности. Выпейте немного коньяку, отдохните. Вечером займетесь работой по дому с красными колоннами и все. Финал.

— Она меня знает в лицо, — напомнил, утирая лоб, Гид.

— Что с того? В городе два с половиной миллиона людей. Случайная встреча абсолютно исключена. Главное, не делайте глупостей, доведите дело до конца. Со своей стороны мы займемся этой внезапной гостьей.

— Мой совет, господин Иванов, — обезвредьте ее сразу, как только найдете. Издали. Без разговоров. Никаких близких контактов!

— Ну-ну, милейший, давайте без истерик. Отдыхайте, набирайтесь сил. Мы позаботимся о вашей знакомой.

Гид повесил трубку. "Они позаботятся", еще бы. Как будто ему неизвестно что у богадельни Гартоха практически нет агентов, способных исполнить ликвидацию на приличном уровне. Собственно, у них вообще нет людей. Привыкли, мерзавцы, загребать жар чужими руками. Чистенькая Европа в безупречных сиреневых кальсонах. Рюмку коньяку предлагает, урод...

Куратор с трудом открыл золотую плоскую табакерку, насыпал дозу на зеркало. Кокаин в октябрьской России немислимо дешев. Зажатая между средним и указательным пальцем визитная карточка выстроила ровную дорожку. Действительно, остались сутки, чуть больше. Рассеюшка вздрогнет, а умные люди отбудут с прибылью.

* * *

У казармы фабрики Ерохина

43 часа до часа X.

Сумрачно шагал Борька по темной улице и досадовал на обстоятельства, особенно на левую руку. Хотя, что рука?! Ну, забинтована. Разве это повод оставлять бойца без дела? Браунинг в кармане готов к делу, а команда к нынешнему заданию все равно с единственным пулеметом вышла, да и тот взяли на всякий случай.

Борька глянул на подпорченную руку — белела повязка, хотя порядком уже замусолилась. Нужно было поверх чем-нибудь замотать, а то, правда, как какой-то больной-увечный.

Шел товарищ Сальков на квартиру к командиру группы, взять дяде Филимону табака, да напомнить Глафире, чтоб не дурила. Последнее, конечно, было главнее, поскольку курево у дяди Филимона явно оставалось. Ну, раз намекнули, так чего в обиде и безделье сидеть. Дело не боевое, но все равно дело.

Улицы были безлюдны, налетал ветер, рвал полу длинной куртки, норовил сорвать натянутую до ушей кепку. Вот же город эта северная столица: улицы просторны, в погожую пору вроде и красивы, а в непогоду разом норовит выдуть человека прочь: катись тогда хоть до Финляндии или кувыркайся кривохвостым воздушным змеем по облакам до самого Ревеля.

Не без облегчения юркнул Борька в знакомую дверь полуподвала, поправил кепку и постучал, стараясь колотить по-воспитаннее.

— Есть кто? От Филимона Кондратьича я.

— Не ломись, узнала, — не особо приветливо ответили за дверью и лязгнули запором.

— Я по делу, — немедля заявил гость, входя в тепло. — Просили табака взять и узнать — ужинала или опять постишься?

— Дурак, что ли? — поинтересовалась Глашка. — Хоть бы "здрате" сказал. Иди руки мой, накормлю.

— Руки я, допустим, помою, — согласился Борька. — На мне сейчас воды двойная экономия, так отчего не помыть. Ты на вопрос-то ответь. В себя пришла?

— Знаете, Борис, а давайте я вас по башке сковородой приголублю? — с определенной официальной предложила Глашка. — Чтоб вы не в свое дело не лезли.

— На "вы" не надо, не графья. Сковородкой можешь стукнуть, если тебе легче станет. Но осторожно! Я и так приболел, — гость показал забинтованную ладонь.

— Сунул куда не надо, — догадалась девчонка.

Борька пожал плечами:

— Что скрывать, случаются ошибки. Значит, руки мыть?

Аппетитно шкворчала разогреваемая картошка. Нашелся у хозяйки и хлеб, черный, с сомнительными комками в мякоти, но все равно вкусный.

— Отстояла я в очереди, все равно делать нечего, — пояснила Глашка. — Говорят, скоро в город муки завезут. Казаков с фронта вызвали, чтоб спекулянтов ловили.

— Врут, — заверил гость, старательно присыпая ломоть крупной солью. — Делать казакам нечего, как хлеб рабочему населению направлять. Им бы нагайкой махать, приварки к жалованью считать, да из карабинов в народ палить.

— Вы бы осторожнее, — помолчав, сказала девчонка. — А то и правда, из карабинов...

— Мы-то что? Мы работаем.

— Ага, я-то и не догадываюсь. Отец хоть наврать умеет, а ты...

— Новое дело — что ж, у меня и фантазии нет? Я, если хочешь знать, рассказ

сочиняю, — Борька стукнул по нагрудному карману тужурки.

— Про работу? — усмехнулась Глашка.

— Нет. Про будущую жизнь. Как оно все должно стать, когда правда победит, и мы буржуев окончательно выгоним. Но сложно сочиняется. Нужно же, чтобы и правильно, и чтоб верилось. Тонкое дело.

— Куда уж тоньше. Ты в церковь сходи, примерься. Там и правильно, и с верой, и с благостью. Потому ни единому слову и не веришь, — хозяйка поставила на стол шипящую сковороду.

— Сравнила! — Борька сглотнул слюну. — У попов уж тысячу лет все отрепетировано. Только пришли новые времена и вот оно как на ладони: вот мы, вот дорога, а там светлое царство социализма. Понятно, дорога со всякими оврагами, ущельями и болотами. Да и враги не дремлют! Зато путь ясен. Будто зажегся на башне прожектор и врезал лучом на сто верст вперед.

— Как бы мы не ослепли под таким светом, — засомневалась Глашка, подавая ложку.

— Прожектор врага слепит, а не нас, — заверил товарищ Сальков. — Идея мне ясна, но как это отобразить в предложениях, запятых и смысле? Сюжетом это называется. Думаю, нужно с боев начать. Все ж сраженья в основе идут. Вот рабочий отряд. Кругом измена! Жандармы, казаки, царская гвардия пушки выкатывает. Почти все уж в плену. Командир убит... Патронов мало, связник контужен. Знамя на баррикаде сто раз пробито. Дым, грохот! Одна надежда на бомбы! Но отобьемся!

— Начало шумное, — одобрила девочка. — Хоть в рассказ, хоть в синемафотограф под фортепьяно. Но пока в таком грохоте светлого будущего не видно.

— Встают заводы, смыкаются шеренги, подошла помощь. Далеко отброшен враг. Строится дорога. Вот мост! Подвозят рельсы, стучит паровой молот. Сплет рожь на полях. Не спят часовые. Двигается вперед головной дозор с броневиком. Кавалерия прикрывает...

— Ложкой не маши, все ж не шашка и не бомба. Хороший рассказ, только уж очень боевой. Может, парк какой-то должен быть? Карусель для ребятишек. Квас и мороженое по воскресеньям?

— Квас и мороженое непременно впишу. Карусель, гм... Не, это устаревшее. На аэропланах и дирижаблях будут все кататься. Нам Лев рассказывал — воздухоплаванье скоро станет очень развитое и всеобщее. Вроде трамваев — куда надо, туда и лети. Но про парк и театр непременно нужно вписать. И про людей. Про тебя, к примеру.

— Про меня нельзя, — тихо сказала Глашка. — Я грязная. Напачкаю в вашем светлом будущем.

Борька отвечать не спешил, отскреб от сковороды вкусную корочку-поджарку и лишь потом спокойно ответил:

— Не дури. Какое без тебя светлое будущее? Для кого его строить? Для сказочных Дюймовочек? То вовсе будет глупо. Мы не сказочники. Мы кого надо поубиваем, очистим, отскребем мир от всех гадов. До самого дна отскребем. А про тебя я непременно напишу. Потом, когда научусь.

— Про меня все равно не напечатают. Про порченных никто не пишет.

— Вот странно ты рассуждаешь. Я же говорю — мир новый будет. И книги новые. Чего мы, писатели, правды должны стесняться? Но дело не в том. Ты сама новую жизнь будешь строить. Может, и книги сочинять начнешь. Романы!

— Я?! — ужаснулась девочка. — Вот еще не было печали. Я едва писать умею. Меня

отец учил, а он и сам-то...

— Дело поправимое. У меня все же Реальное за плечами, подтянем грамматику живо. Да и не в ней суть. Подумаешь, гласную не ту или кляксу шмякнешь. Ты вдумайся — мир заново отстроим! Неужели в стороне останешься? Буржуев ликвидируем, попов к чертям выгоним, бедность изживем, войны отменим. Электричество светит, паровозы свистят, грузовики несутся, сады по каждой улице — а ты в стороне мнешься?!

— Могу картошку жарить. Похоже, шагая по светлому пути, лопать вы будете исправно.

— Так работы много, силы нужны, — Борька с некоторым стыдом глянул на опустевшую сковороду. — Извини.

— Я не к тому, — улыбнулась Глашка. — Кушай, я на вас с отцом готовила. Сейчас чаю налью. Но вообще этот светлый путь — уж очень сложное дело.

— Еще бы! Было бы пустяковое, без нас бы справились.

И была поставлена перед будущим писателем товарищем Сальковым знакомая чашка с голубым ободком, был разрезан ломоть хлеба, что с крупной солью не хуже любого пирожного. И вернулся разговор к рассказу о будущем. По всему выходило, что написать про светлое, сияющее и очень-очень хорошее мирное будущее, посложнее, чем изобразить сотню героических сражений.

* * *

Конспиративная мастерская

42 часа до часа X.

— Завтра руководство Центра с вами встретится. Наверное, под вечер, раньше не выйдет — загружены мы по горло, — как обычно скороговоркой зачастил связник. — А сейчас срочное задание. Не хотели вас, боевых товарищей, тревожить, но больше некому. Уж очень новости опасные. Стрелять не требуется, но ехать нужно срочно.

— Чего и куда? Ты толком говори, — постарался не раздражаться Гаолян. Стоящий рядом Андрей-Лев тоже заметно кривился...

Связник Центра — невысокий, чернявый человечек, — был торопыгой еще тем. Имел подпольный псевдоним — Бен Ганн, говором напоминал выкреста откуда-нибудь из Жмеринки или Барановичей. Гаолян ничего против иудеев не имел, среди них тоже достойные товарищи с рабочими руками и ясным сознанием попадались, но нарочито вворачиваемые связником местечковые словечки порядком раздражали. Словно в спектакль играет этот Ганн. Вроде и дела ему серьезные доверяют, и политически подкован — словами из газеты наизусть шпарит — а все одно на комедианта смахивает. Впрочем, Центру виднее кого посылать.

— На Волково поле едете. Груз нужно забрать. Особо важный! Довезти до Смольного, сдать под охрану. Только тихо, только скромно, ой вэй, только без шума. Машина вас ждать на Миргородской будет, там кошерно. Шофер один, но с погрузкой вам на месте помогут.

— Это в Воздухоплавательной школе, что ли? — удивился Андрей-Лев.

— Точно. Ой вэй, ты же там все знать должен, — не очень натурально обрадовался связник, хлопая себя по карманам серого теплого френча. — Пропуска, накладная — вот они!

Было понятно, что Центр знал, кого посылать. Вот только зачем скрывать и наводить тень на плетень? Черт ее поймет, эту конспирацию. Сам Гаолян Воздухоплавательный парк, конечно, знал, учебные полеты аэропланов и шаров-аэростатов порою наблюдал, но бывать на территории не приходилось. Взлетное поле, всякие ангары, эллинги и склады —

запутаться легко. Хорошо, что знающий человек проводником будет.

— Что за груз? — уточнил Андрей.

Связник оглянулся, хотя и во дворе, и в подворотне было пусто.

— В том-то и дело, товарищи. Авиабомбы там. И не простые. Есть сведения, что офицерье из Генштаба о них сегодня припомнило. Уже посылали прощупать. Потому и нужно их побыстрее под надежную охрану поместить, — Бен Ганн вновь оглянулся. — В общем, дело такое срочное, что аж синагога дымит и пахнет.

— Зажигательные бомбы, что ли? — подозрительно уточнил инженер. — Так их перевозить нужно с предосторожностями.

— Хуже, — прошептал связник. — Газ там. Ядовитый. Еще при царе экспериментальную партию сделали. Самодержавные душегубы напридумали, проклятье на их зловонную тусовку.

— Да вы с ума сошли?! — чуть не заорал Лев. — А если разгерметизация?! Понимаете что будет?

— Не кричите, — зашипел связник. — Уж год хранятся эти самые бомбы и ничего. Там все запаяно, закручено, проверено. Везите осторожно. Вот если до них офицерье доберется, да на аэроплан прицепит... Нет у Центра уверенности, что в Гатчине все летчики за нас. Представляете, если на город скинут?!

— Да быть того не может, не рискнут. Мы же их тогда до последнего... Черт, нужно забирать. А если поганые бомбы в машине растрясет?! — пробормотал оторопевший Гаолян.

— Они в специальных ящиках, — заверил Ганн. — Если вдруг течь или еще какая неполадка, так вы на складе противогазы получите. Товарищ Лев наверняка знает, как их натягивать, да и с бомбами как инженер вполне разберется. Поймите, кого нам еще посылать? Если поцев Красной Гвардии снарядить, так какие у нас гарантии что не уронят или не полезут проверять?

— Слушай, Ганн, идите вы в жопу с такими доверительными поручениями! — не выдержал Гаолян. — Тут специалистов, химиков нужно.

— Не ори! — вновь зашипел связник. — "Специалистов"... А вы кто? Он — инженер ты — бывший бомбардир, вояка, с боеприпасом шутить не будешь. Да и что страшного? Там вроде хлор — газ тяжелый, если растечется, выскочите, да отбежите в противогазах. Если знаешь, что везешь, так и осторожен будешь. Не взорвутся же бомбы сами по себе. Их с аэроплана или хотя бы с высотной крыши кидать надо. Так, товарищ Лев?

Андрей-Лев неохотно кивнул.

— Сдадите под расписку, — вновь зачастил связник. — Подвал для них уже подготовлен. Там пусть хоть как растекается — только мышей потравит. Потом найдем химиков, ликвидируем отраву. Главное, чтоб в руки Временного не попало — там гои в отчаянии чахлые пейсы рвут и вовсе озверели. Да, на грузовике прикрытие маскировочное есть — вдруг кто заглянет? В общем, Центр все предусмотрел, — Бен Ганн нетерпеливо затоптался на месте. — А где ваш третий? Бориска где?

— Руку повредил, — угрюмо пояснил Гаолян.

— Жаль. Толковый паренек, на таких мы и надеемся. Хотел я ему еще раз геройскую руку пожать, — огорчился связник. — Вы не тяните, до рассвета управиться нужно.

Боевики шагали по улице.

— Зря пулемет тащил, — прервал нехорошее молчание Гаолян, щупая под шинелью увесистый корпус германской скорострелки. — Кажись, мы сегодня и без пулемета,

тогось...

— Черт его знает, что за ерунда, — мрачно ответил инженер. — Нет, сами по себе бомбы не так опасны — если будем начеку, даже при утечке летальную дозу не вдохнем. Но само по себе... Неужели правительство в Зимнем на такое преступление готово?

— А что им, гадам, остается? Чуют, что последние деньки приходят. Мне тоже не особо верится, но ежели есть опасность и возникли этикие подозрения, лучше прибрать бомбы.

— Но не в Смольный же?! Такую дрянь нужно куда-то подальше от людей отвезить! — резонно возразил Андрей.

— Куда? Видимо, сомневаются в ВРК, раз под надзором решили хранить. А то отвезешь отраву подальше, а враг подхватит, да тебе же на голову и швырнет. Тьфу, навывдумывали гадости. Как ее везти прикажешь?

Грузовик ждал в условленном месте: двухтонный "Рено", груженный не особо тяжело, но неприятно.

— Этого еще не хватало! — пробормотал Андрей, глядя на уложенные в кузове штабелем новенькие гробы.

— Брось, куда нам суеверничать, покойников мы точно не боимся, а здесь их и вовсе нет, — Гаолян направился к нервно курившему шоферу-солдату.

Водитель сходу начал жаловаться, что ждет уже полчаса, что у гаража перехватили, даже поужинать не дали, и вообще, "куда и что" не объяснили. Гаолян сказал, что ехать недалеко и нужно побыстрее заводиться.

Завелись, покатали. От неприятного груза в кузове пахло свежей стружкой, Лев оседлал один из гробов, на выбоинах мостовой дощатые короба последнего упокоения издавали сырой стук, видимо, прогулка и им была не в радость.

Ехать до Волкова поля было не слишком далеко, грузовик выкатил на Заставскую улицу. Где-то здесь должен был быть пост с часовым, но машина благополучно проскрипела мимо пустующего навеса, въехала в распахнутые ворота.

— Спят, а может вовсе ушли, — заметил шофер, крутя большое рулевое колесо. — И то верно, кому это воздухоплавательное имущество нужно? В хозяйстве от него никакого проку. Товарищ, груза-то много? Рессоры у меня слабоваты.

— Вроде не особо тяжелое, на месте посмотрим, — уклончиво ответил Гаолян. — Мы-то что, сказали забрать, стало быть заберем...

С кузова свесился Лев, показал, что нужно брать левее от главного корпуса Офицерской школы.

У складского ангара обошлось без сложностей. Вынырнула из тьмы плотная фигура в шинели:

— Что долго так?

Унтер отпер окованную железом дверь, поднял фонарь:

— Вон в углу — четыре ящика. Но тяжелые, заразы. Вы осторожнее.

— Одно-пудовые, — определил, приглядываясь, Андрей-Лев. — Защита где?

— Тута сбоку все, — заверил, пятясь, хозяин склада. — Грузите потихоньку, а я гляну вокруг. Мало ли...

Надели прорезиненные фартуки и рукавицы. Инженер помог Гаоляну натянуть неудобную глухую маску, напялил и сам оранжевую харю,^[16] поправил коробку на груди.

— Тяжело будет, — невнятно пробухтел Гаолян. — Надо бы шофера позвать, чтоб помог, да ведь не пойдет.

— Буб-бу-ф, — согласился инженер.

Из ящика вынули две бомбы — те походили на обычные, разве что отличались пузатостью и отсутствием взрывателя. Швы у "головки" были тщательно обмазаны какой-то дрянью, вроде смолы — с виду довольно надежно. Боевики подхватили полупустой ящик, понесли к двери. Гаоляну с его хромотой было непросто.

— Это чо?! — ужаснулся топтавшийся у грузовика водитель. — Бомба?! Не повезу! А вы... — он уставился на хари с огромными слепыми глазами-иллюминаторами.

— Бу-б! — злобно сказал Гаолян — голова под защитной образиной уже жутко чесалась.

Без ящика тащить бомбы оказалось еще поганее. Прижимаешь к фартуку на животе увесистую чушку, кажется что из нее отравы так и сочится. Гаолян передал дьявольский снаряд запрыгнувшему в кузов Льву, инженер осторожно опустил бомбу в гнездо основательно сколоченного ящика.

— Бу? — озираясь, спросил Гаолян.

Напарник лишь махнул рукой в широкой ласте-руковице — водителя действительно нигде не было. Удрал поганец.

Еще ящик, бомбы "в розницу", снова ящик... Чесалось везде: прямо от усов, до самых до... Гаолян понимал, что это от нервов, но кожу прямо таки разъедало, да и дыхание сбивалось, как у чахоточного.

Андрей-Лев глухо кряхтел, надвигая на бомбовые ящики сосновый гроб. Спрыгнул с машины, боевики отошли подальше, содрали с себя душные маски.

— Вот, его... — выругался инженер. — Лучше бы что-то боевое из Центра дали. Я бы сейчас кого-нибудь застрелил.

— Еще бы, — согласился Гаолян. — Шофер-то сгинул?

— Сгинул. За штурвал-то я сяду, водить приходилось. Но заведется ли...

В туманной тьме у стены ангара вдруг заговорили на повышенных тонах.

...- На каком основании, Медведчук?! Вы каптенармус или откровенный вор? На каком основании, я спрашиваю?!

— Так а я что? Требование предъявили, печать есть...

Гаолян подхватил фонарь, двинулся на ругань.

Высокий человек кожаной тужурке без погон, но в офицерской фуражке, ухватил за грудки хозяина склада и тряс того как толстоствольную грушу — с головы унтера свалилась папаха.

— Пусти человека, — предупредил Гаолян. — Не старые времена, чтоб душу вытряхивать.

— А вы кто, любезный?! — рявкнул офицер. — Представьтесь по форме! Документы!

— Уполномоченный ВРК. Документы на получение переданы, — спокойно сказал Гаолян. — Все по форме: приказ, требование, пропуск на вывоз...

— От вашей Военно-Революционной Конуры приказ?! Совсем обнаглели?! На кой черт вам бомбы с газами? Вы вообще в своем уме?!

— Не шумите, — поморщился Гаолян. — Со штабом округа договорено. Для безопасности вывозим. Вам спокойнее, нам спокойнее, всем спокойнее.

— Это кому спокойнее?! — гадюкой зашипел офицер. — Вы что с бомбами учудите? Ты вообще кто такой?!

— Вот, боже ты мой, какой вы нервный, ваше бывшее высокоблагородие, — вздохнул

Гаолян. — Еще и "тыкаете". Нехорошо. Щас предъявлю документы, все имеем. Как говориться, исчерпывающе. Свет придержите, сделайте милость...

Офицер взял фонарь и злобно сказал:

— Никаким бумажкам не поверю, пока из штаба округа не позвонят и не пришлют приказ по команде.

— Я уж понял. Воля ваша, мы не особо торопимся, — заверил Гаолян, шаря за пазухой. — Вот ордер, извольте глянуть. Дык, пропуск еще был, да...

Офицер взял ордер, развернул под фонарем. Гаолян без особой спешки выдернул из-за пазухи браунинг, уткнул теплый ствол в кожаный бок офицера и дважды нажал спуск...

Выстрелы прозвучали глухо. Отпрянувший было офицер безмолвно сложился в коленях, повалился. Фонарь Гаолян подхватить не успел, пришлось поднимать с земли.

В колеблющемся пламени керосиновой "летучей мыши" качалось бледное лицо складского каптенармуса — тот пятился. Забормотал:

— Ты это... Мы так не уславливались. Это ж полковник Улянин... Шуму будет...

— Времена такие. Шумные. Не трясись. Я же его хлопнул, не ты.

Широкое лицо каптенармуса исказилось:

— Дура ты! Теперь так возьмутся, что не выскользнешь. Эх, связался я. Да пять тыш нынче вообще не деньги!

— Отчего не деньги? Вполне даже деньги. Сбрешешь что-нибудь. Мы поедем, а ты придумай пока, — Гаолян протянул фонарь.

— Да пошел ты, — унтер отшатнулся, попятился.

Гаолян подождал, пока перепуганный каптенармус повернется и выстрелил ему в затылок.

Из темноты выступил Андрей-Лев с браунингом в руке:

— Опять, а, Кондратьич?

— Да разве я хотел? — Гаолян сплюнул. — Один за грудки ухватить норовит, другой вообще продажный, того и гляди шум поднимет. Ладно, заведемся или как?

Яростно дергал рукоять стартера Гаолян, во тьме слышались встревоженные голоса — не особо прытко, но просыпались остатки Воздухоплавательной школы. Наконец, мотор взревел, боевик поспешно заковылял к кабине.

— Сейчас нам дадут, — пробормотал Андрей-Лев, пригибаясь к баранке.

— Рули! — Гаолян вскинул себя на сиденье.

...Вслед стреляли, но жиденько. Грузовик неуклюже зацепил полосатый столб у ворот, в кузове загрели гробы. Гаолян с ужасом подумал о бомбах, но "Рено" уже выправился, катил по дороге ровно.

— Сейчас они за аппарат и телефонировать начнут, — предположил Андрей-Лев.

— Мы быстрее доедем, чем сообразят, — пробормотал Гаолян.

Инженер кивнул. Оба понимали, что особо гнать незачем. Вон — двое заспешили, засуетились, теперь лежат, не дышат. Смерть — баба свойская, жаждущим отказывает не часто. Но никакой радости свиданье с ней не доставляет, пусть ты и сам ее каждый день окликаешь.

— Плохо, Филимон Кондратьич, — сказал Андрей-Лев. — Явно не туда мы заехали. Я не про дорогу.

— Да понятно. Слушай, я до завтра ждать не стану. Все равно в Смольный едем. Найду кого из Центра, спрошу напрямую. К хренам ту конспирацию.

— Верно. Понятно, не в герои мы шли. Но уж совсем чересчур. Еще и газы эти... Черт знает, что о нас подумают.

Гаолян пожал плечами. Какая разница, что о тебе думают? Ты дело делай. Андрей и сам это понимает, просто размазывает эту мыслишку по унылой интеллигентской привычке. Когда у него под Кимрами семью спалили, да еще орали под окнами про "жандармскую честь" и "смерть студентам-бунтовщикам" — дорога молодому инженеру враз определилась. Вовсе контрреволюция спятила, прямо и объяснения тому нет. Отомстить и вырвать контру до корня. А газы... Что газы, под надзором ВРК и газам будет спокойнее. Главное, чтобы не прохудились корпуса бомб по дороге.

— Лева, ты потише езжай.

— Я осторожно. Главное, без резких торможений — тогда перегрузка пойдет на тару...

С нагрузками-перегрузками повезло — огибая заставы и пикеты, "Рено" двигался по вымершим улицам. На Калашниковской показали пропуск, у Охтинского моста грузовик вновь остановили, глянули на гробы, суеверно сплюнули и без задержки пропустили дальше.

У Смольного сияли прожектора, кипела жизнь — тут чуть не застряли, увязнув в колонне красногвардейцев. Вокруг стояли броневики и орудия, пробивались верховые посыльные и самокатчики.

— Будет дело, — с удовольствием заметил Гаолян.

— Да уж.

Показали второй пропуск и спросили, где подвал "номер два". Стоявшие на охране ворот моряки о нумерации подвалов и понятия не имели:

— Тут, братишки, ни коменданта, ни начальника караула. На революционную сознательность опираемся. Если внутрь надо, то пропуска на личность на входе выписывают. А уж про подвалы сами разбирайтесь.

Подвал боевики все же нашли: оказалось несложно, только корпус обогнуть. Здание было огромным, но с этой стороны людей мелькало мало, да и те в основном заблудшие.

— Хорошо хоть ключи нам дали, а то б искали мы с тобой распорядительного человека до морковкиного заговенья, — бурчал Гаолян, отпирая заржавленный замок. — Тьфу, да тут все завалено.

Желтоватый луч электрического фонарика вырывал из подвальной тьмы какие-то щиты и доски, словно нарочно нагроможденные почти у входа.

— Ничего, у груза нас не так много, пристроим, — сказал Андрей-Лев.

Боевики натянули противогазы и бережно сгрузили опасные ящики. Проходящие красногвардейцы на работавших в темноте никакого внимания не обращали, сверху из-за оконных стекол доносились обрывки каких-то речей и ругань. Кипела революционная жизнь.

Гаолян с облегчением навесил замок.

— Управилась. Надо бы печать навесить, да грузовик сдать. Пошли внутрь?

Боевики двинулись выписывать внутренний пропуск, но оказалось через боковую дверь можно входить и так — двое красногвардейцев бдительно вглядывались в лица посетителей, безо всякой лишней бюрократии отсекая сомнительные личности. Красномордые после противогазов, помятые Гаолян с Андреем безусловно не походили на буржуазных провокаторов.

* * *

Литейный проспект, конспиративная квартира Центра

40 часов до часа X.

Трубку сняли.

— Товарищ Иванов, груз доставлен, — доложил Ганн. — Я отследил на месте — разгрузились точно.

— Отлично. Продолжим по плану, ждите указаний. Господин Гид на месте? Будьте любезны, пригласите к аппарату.

— Есаул Гид у аппарата, — связник второй группы с закрытыми глазами опустил на стул у телефона.

— Вы в порядке, Гид? — недоверчиво уточнил Иванов-с-акцентом. — Не время расслабляться, дорогой друг.

— Я в полном порядке, — заверил куратор "белой" группы, не открывая глаз.

— Прекрасно. Как только доставщики вернутся на квартиру, займитесь уборкой. Вверяем их вам целиком и полностью. Только без особого шума. Наши товарищи заслужили уважение.

— Несомненно! — есаул-связник мечтательно заулыбался. Кандидатов в Красную группу он выбирал лично, он же подготавливал мероприятия по вербовке.

— Двое грузчиков направлены к вам.

— Двое? Послушайте, но там трое клиентов. С инструментом и без тормозов.

— Не употребляйте эти термины. Инвалид, мальчик и один человек — так будет точнее. Ваше появление для них будет сюрпризом. Оно ДОЛЖНО быть сюрпризом — вам понятно? И никаких садистских фокусов. Только уборка.

— Слушаюсь! — Гид повесил трубку.

Слушавший разговор Ганн усмехнулся:

— Сомневаетесь, пан полковой есаул? Ой, вэй, могут мои огрызнуться, еще как могут. Вы сомневались, а итоговый счет тем ни менее, кошерный. Как юнкерков-то положили? Красота, ликует наша синагога.

— Варвары и орки — эта ваша большевистская команда. Ликвидирую выроdkов с огромным удовольствием, — Гид неуклюже застегивал пуговицы френча. — Что касается пари, то ваши уже отыгрались, а мои еще акцию в Смольном проведут и очков наберут.

— Эй, так не честно — в Смольный мои ребята хабар завозили, очки нужно поровну делить между Красной и Белой группами.

— С какой стати? Мы о таких нюансах не уславливались. Сколько команда взяла черепов по отчету, столько и очков.

— Шулер вы, пан есаул, — обиженно заявил куратор Красной группы. — Нельзя же так упрощать, то не кошерно.

— А вы коммунист, товарищ Ганн. Вам упрощения и реквизиции должны быть близки, — ответил, скалясь, Гид.

Он повозился, обуываясь — опыт позволял управляться изуродованными руками почти как здоровыми. Черные перчатки скрывали отсутствие больших пальцев на обеих ладонях. Кокаиновая легкость еще звенела в мозгу, Гид чувствовал как безупречно точны движения и ясен разум. Медлить нельзя. Успеть убрать щенка, до того как вернется основная Красная команда. Потом пристрелить взрослых. Несколько памятных фото у трупов, и все — вступительная часть окончена, будет что вспомнить.

Пан полковой есаул ненавидел всех русских, но русских коммунистов ненавидел вдвойне.

Коляска уже ждала: молчаливый, казалось немой кучер, двое "грузчиков" от господина Иванова — оба латыши, абсолютно безжалостны, русский язык хорошо знают, но к болтовне не расположены.

Зацокали копыта — упряжка с экипажем, не броским, но добротным, взяла резво. Гид, севший напротив киллеров, прервал неловкое молчание:

— Здорово, латышские братья. Не выспались?

— Не твое-е-о свинячь-ее дело-о. Мы э-эсто-онцы.

Гид пожал плечами и отвернулся. Что латышское быдло, что эстонское — в чем разница? Далеко им до европейских манер, лохам насупленным. Приезжают из своей Эстляндии как на сезонную подработку, убивают со скучной деловитостью, исчезают по мановению Иванова.

На месте оказалось, что торопились напрасно: мастерская стояла пустая, темная, замок навесной — сорвать его и проверить помещение, значит жертву заранее предупредить.

— Плохо, — сказал Гид. — Или здесь ждать на холоде, или... А где же их щенки? Должен здесь быть, а он где-то шляется, кацапья рожа.

— Ты зна-ать до-олжен. Мы то-олько при-иибираем, — напомнил один из эстонцев, стволом парабеллума сдвигая шляпу на затылок.

— Не иначе, как на хате у одноногого, — сообразил куратор. — Съездим? Это недалеко.

— Съе-здим, — хором согласились киллеры, которым мерзнуть в сыром дворе тоже не хотелось.

* * *

О светлой жизни придумывалось почему-то сложно, получалась та жизнь до того светлой, что действительно аж глаза слепило. Под разговор нарисовалась в тетради у Борьки башня: высокая, легкая, с большим прожектором и флагом на верхотуре.

— Хорошая вышка, — признала Глаша. — Только немного кособокая.

— Сама попробуй выровнять без линейки. Это ж не чертеж, а легкий набросок и эскиз.

— Тогда ладно. Про флаг я понимаю, а фонарь огромный зачем?

— Вроде маяка. Пусть светит, тебе жалко, что ли? Свет — это сила! Можно луч в звезды направить, для красоты. А можно на подступы — чтоб враг не подкрался. И чтоб кто из своих потрусливей не разбежался.

— Это что за светлое будущее, от которого тикать будут? — с сомнением выпятила губу девочка.

— Когда станет совсем светлое, то, понятно, никто бежать не будет, а наоборот. Но до полного рассвета немало придется идти боями и потемками. Кое-кто дрогнет и труса отпразднует. Так всегда бывает, — Борька вздрогнул.

— Ты сам-то чего пугаешься? — улыбнулась Глаша.

— Во дворе кто-то.

— Подумаешь. Должно быть, с казармы кто-то к дровяным сараям пошел.

Борька кивнул, но всколыхнувшаяся тревога не стихла. Недолго был товарищ Сальков боевиком, но заимел то чувство, кое именовал дядя Филимон "кишкой чуть".

Он успел опустить лампу на пол, как в низкое оконце стукнули.

— Не отвечай! — прошипел Борька.

Глашка смотрела непонимающе, но молчала.

Боевик успел задуть лампу, как стукнули вновь — на этот раз в дверь.

— Чего ты затаился? — прошептала девочка в крошечной тьме. — Это, небось, к отцу.

Случается и по ночам ходят.

Борька сжал ее ладонь — горячую и узкую:

— Точно к Филимону?

— Откуда же мне знать? — прошептала Глаша. — Может, еще кто. Ну не налетчики же?

Борька и сам понимал, что не налетчики, да и не вражеская облава. Будут те скрестись как мыши. Но предчувствия дурного не отпускало. Он сжимал браунинг, кисть другой руки щекотала Глашкина коса — вот как тут вообще с мыслями соберешься?

— Спице, что ли? — негромко спросили из-за двери. — Мне б Филимона Кондратьевича. Дельце неотложное.

Глаша неуверенно шевельнулась.

— Знакомый? Голос знаешь? — едва слышно прошептал Борька.

— Нет, не знаю. Похож на формовщика Сидоренко, но не он. Открою я, да спрошу. Понятно же, что не чужой, — ответила девочка, впрочем, не спеша освободить руку.

— Лучше не отпирай, — прошептал юный боевик. — Не нравится он мне.

— Эй, дайте хоть записку оставлю, — упорствовали за дверью — было слышно, как нажимают, не иначе как пытая засов на крепость.

— Записку под дверь суньте, — в голос сказала Глашка. — Отец скоро придет, а покуда я одна, велел не открывать.

— Так то чужим не открывать, а я свой товарищ, с фабричного комитета, — возмутились за дверью. — Открой, милая, только записку передам.

По голосу было понятно, что за дверью никакой ни комитетский, и вообще не заводской — уж больно умильно шепчет.

Борька опустил предохранитель браунинга — видимо, девочка, щелчок услышала — рука ее задрожала.

— Глаш, ты лучше под кровать отползи, — прошептал боевик, внутренне взмолившись — вот бы мигом послушалась.

На дверь наваливались все сильнее — и Глашка это тоже слышала. Выскользнула из ладони ее кисть, попятилась едва различимая в отблесках печи тень в сторону кровати.

В этот миг чья-то нога скупно ударила в стекло форточки, вышибла стекло. В дыру тут же упало и покатилось нечто брошенное со двора. Борька уже сжался, ожидая грохота бомбы, но сообразил, что предмет слишком легкий. И правда, камешек с запиской забросили, что ли? Вот же дураки.

Он приподнял голову из-за стола, изо всех сил надеясь, что вышло глупое недоразумение и сейчас все разъяснится, и Глашка начнет насмехаться. Но тут в комнате невыносимо сверкнуло неистовым белым светом, лишь потом донесся хлопок. Борька понял, что совершенно ослеп.

"Глашку жалко", — подумал боевик, раздирая костяшками пальцев бесчувственные веки. "Пищит как котенок. Эх, вот и взглянули в светлое будущее".

Сквозь писк-плач девчонки было слышно, как поддевают чем-то тяжелым дверь. Ишь ты, ломик припасли. Сколько их? А, не важно. Пистолет все равно не успеть перезарядить.

В браунинге М1903 семь патронов. Для конца жизни это немало.

Горько стало Борьке и легко. Легко оттого что не нужно думать, что дальше будет и опасаться что из бесконечной череды ликвидаций никогда не выпутаешься. Конечно, хотелось бы последний бой принять где-нибудь под чистым небом, в лесу, с пулеметом. Но и так неплохо. Вон — печка рядом, чаю от пуза напился, хороший конец жизни.

А печально было, потому что мало что успел. А что успел, не особо доброе. Девчонку и ту погубил. И скажет потом дядя Филимон...

Что скажет Гаолян, не додумалось, что и к лучшему...

В комнату вошли. Узкое пространство комнатки Борька помнил получше своих невидимых пальцев. Вот он, гость, — вошел и сразу отступил влево к вешалке.

Из-за перевернутого стола ослепшему боевику подниматься не имело смысла. Высунул руку с пистолетом, дважды нажал спуск. И вовсе не наугад палил, потому, что там удивленно хнули, посыпалась с вешалки одежда, донесся глухой стук — это враг сел задницей на пол.

Порадоваться Борька не успел, поскольку в окно застрочили из пулемета. Такой знакомый рокот отозвался жуткой болью — первые же пули пронзили ногу и правую сторону груди. Мальчишку осыпали щепки от расклеванного стола, от пола, еще одна пуля рванула левую ногу. В стрекоте и звоне Борька стиснул зубы, вскинул пистолет. Тщательно вспоминая расположения окон, дважды бабахнул в одно, на второе тоже сил хватило. Эх, разве попадешь, это ж не окна, а по узости — бойницы крепостные.

Но очередь внезапно оборвалась. Последняя пулеметная пуля, видимо, добила чашку на полу — жалобно звякнули осколки. Почему-то чашку было даже жалче, чем свои ноги — так и представилось, как лопнул фарфоровый, с широкой голубенькой каймой, бок чашки. В собственном боку и выше тоже было неважно: Борька чувствовал как на губах обильно пузырит и капает.

С законом Божьим и чистописание у Борьки Салькова было так себе, но арифметику он помнил. Последний патрон остался. Надо бы с толком потратить...

Вот он — шорох у двери! Руки уже не слушались, развернуть оружие боец Сальков не успел. В него стреляли — рвали тело пули, мотнулась голова с раздробленной челюстью. Выстрелов Борька не слышал, боли уже не чувствовал. Но понял — всё! Не так уж и страшно...

Лежал на полу в лужах крови мальчишка, силился вскинуть неподъемную руку с браунингом. Должно быть, уже мертвый тщился выстрелить. И нажал палец спуск, выпустил последнюю пулю. Вот теперь — всё.

Много имелось у Борьки Салькова недостатков, а еще больше достоинств. Какой арифметикой итоги его жизни будут высчитывать, только Богу известно, к которому боевик явно никогда не попадет, поскольку в богов при жизни не верил, а верил исключительно в светлое будущее. Но умер он как победитель, поскольку сделал все что мог.

Гид, держа пистолет двумя руками, стрелял в тело за столом до тех пор, пока магазин парабеллума не опустел. Проклятый коммуняка лежал недвижно. Куратор неловко перекрестился. Спасло истинное чудо — последняя пуля мальчишки едва не задела плечо. Живуча оказалась недоросшая и несбывшаяся легенда большевизма.

— Ну шо, отписался классик? — Гид плюнул в труп, но гордая самостийная слюна повисла на подбородке хозяина.

Утираясь, полковой есаул попятился. Латвиец, тьфу, шоб его, эстонец, сидел под вешалкой, безжизненно свесив голову на грудь. Где-то в доме орали на разные голоса: растревожила стрельба пролетарское клопиное гнездовье.

Гид выскочил во двор — второй чистильщик, корчился на грязной земле, зажимал простреленный живот:

— Помоги, Иисусом молю, помоги...

Вот, тварь балтийская, даже акцент ему вышибло.

— Сейчас-сейчас, братка... — куратор пытался перезарядить пистолет, магазин не желал втыкаться на место, пальцев стрелку не хватало. Кричали уже во дворе, казалось, сотня человек набежит. Пан есаул подхватил валяющийся "шмайсер" и всадил неловкую очередь в грудь лежащему. Жаль, патрона четыре всего оставалось — ну да хватит господину э-э-эстонцу, болтать лишнего не станет. Куратор отшвырнул автомат и метнулся через двор к сараям — хорошо, пути отхода успели заранее наметить...

Глава десятая. Полет в пропасть

3-й Рождественский переулочек

41 час до часа X.

— Поздно, — вздохнула Катрин, глядя на карту, помеченную бегло нарисованными карандашными значками.

— Не переживай, все наладится, — заверила завтракающая соратница. — Векторы, как вы обзываете, или ступни Логоса, как именует данное темпорально-логическое явление Укс, векторы все выпрямят. Они жуть какие мозолистые, эти ступни-векторы. Вообще непредсказуем только клев рыбы, все остальное повинуетя законам учения о соотношении субъективных и объективных факторов истории, как утверждаем мы с Ильичом. Случится наша революция, никуда она не денется.

— Я не столько за революцию волнуюсь, сколько за ее цену. Все идет по наихудшему сценарию. Жертв уже много, а будет... Между прочим, это мои соотечественники.

— Ну да, ты из тех особ, у которых бывших соотечественников не бывает, — согласилась оборотень. — Кстати, тоже очевидная ненормальность. Гм, будут жертвы, как без жертв. Я вот думаю — может потом Гражданская помягче пойдет? По-быстрому народ перестреляет друг друга, и...

— Понятно, Гуляйполе и особо ценные кадры останутся на периферии и позже свое возьмут.

— Могут быть у меня свои пристрастия или я не высокоразвитое земноводное, а вообще глубоко холоднокровное пресмыкающееся? — возмутилась Лоуд.

— Пристрастия у тебя быть могут, — Катрин оторвалась от карты. — Но вот как ты день с такого "круассана" способна начинать, абсолютно непонятно.

Завтракала оборотень жирнющей селедкой — рыбина была чудовищного размера и на редкость пахучая. Фунта три в рыбке, не меньше.

— Чего такого? — пожалала практически отсутствующими плечами оборотень. — Рыбий жир мне прописан, а здоровье нужно беречь. А что без хлеба, так ни ситного, ни житного, ни галет у нас нетути. Тяжелые времена слома эпох, как справедливо изволила ты заметить. Чего там намечается, если в беглых подробностях? Излагай, а то поедем в штаб округа, я вся такая отсталая от текущего военно-политического момента

— Все плохо, — пробормотала Катрин, возвращаясь к карте. — И с каждой минутой все хуже...

Перестрелки начались еще ночью, поскольку приказы ВРК и генерала Полковникова стали известны практически одновременно.

Приказ? 251 Главного начальника Петроградского округа Генерального штаба генерала Г.П. Полковникова от 24 октября 1917

1. Приказываю всем частям и командам немедленно и точно выполнять приказы штаба округа. За невыполнение — военно-полевой суд.

2. Всякие самостоятельные выступления запрещаю. Все выступающие вопреки приказу

с оружием на улицы будут преданы военно-полевому суду за вооруженный мятеж.

3. В случае каких-либо самовольных вооруженных выступлений, помимо приказов, отданных штабом округа, приказываю пресекать мятежные действия всеми возможными способами.

— Так их, мерзавцев! — говорит человек, кладя листовку рядом с недопитой чашечкой чая. — Хватит потакать! Погубим Россию! Стрелять на месте, а главарей вешать. Непременно прилюдно! Непременно! На фонарях. Довели страну своей предательской анархией вонючего большевизма...

Свет под абажуром в "китайском стиле" опять мигает. На электростанции безобразие. В магазинах, трамваях и подворотнях — мерзость! Кругом, кругом безобразие. Серая листовка рядом с тонким саксонским фарфором блюда действительно выглядит отвратительно.

* * *

Обращение ВРК: "Петроградскому Совету грозит прямая опасность; наши товарищи члены комитета убиты, ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Наши газеты закрыты силой оружия, погибли члены комитета и типографские товарищи.

Товарищи! Военно-Революционный комитет предписывает привести все силы в полную боевую готовность. Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции!"

— Дождались-таки, суки?! — говорит человек, складывая листовку. — К ногтю министров-капиталистов! Голодом морят, твари!

Это другой человек: у него нет ни саксонского фарфора, ни скатерти. И вообще он этим ранним утром в дымной мастерской — домой не уходил. По ногам сечет сквозняк, а пустой кипяток в кружке остыл. Зато у человека есть клепальный молоток и "французский" гаечный ключ. Человек надевает прожженные рукавицы и вновь подступает к серому броневому борту — "Шеффилд-Симплекс"^[17] холоден, мертв, подобен надмогильному валуну. Но броневик оживет. Сказали "к полудню, хоть кровь из носа". Будет. И броневик, и кровь.

* * *

...Карта. Изгиб Невы, каналы, улицы, названия большинства которых Катрин не знает. Чужой город. Но свой, понятный и этим страшный.

Первыми к осмысленным действием перешли "временные". Около пяти часов утра отряд городской милиции 3-го Рождественского района и юнкера-добровольцы 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков захватили типографию "Труд", имея задачу не допустить выхода газеты "Рабочий путь"^[18].

Кавалергардская улица, дом 40

5:30

Буквы жалобно, чуть слышно скрипят. Букв много: словно какой-то безумец вытряс и перемешал содержание сотен томов огромной библиотеки. Зерна различных шрифтов шевелиться под ногами и этот хаос рассыпанных по полу смыслов завораживает. Но среди поверженных букв валяется и инструмент, и рейки треснувших "касс" наборов, и лужи черной, как деготь, типографской краски, обломки мебели, ветошь... Уже набранный газетный номер погублен безвозвратно. Буквы корчатся под тяжелым начищенным, сапогом. Сапог бы и рад не топтать литеры, но ступить решительно некуда. Вот пара сапог решительно вспрыгивает на расползшуюся стопу серой бумаги, и их хозяин командует:

— Живо пошли все вон! Работа прекращена, типография закрыта! Двери будут

опечатаны!

— Правды не любите? — насмешливо спрашивает наборщик в круглых очках. Окуляры забавные — маленькие подслеповатые линзы в металлической оправе, дужки облезлые, проволочные, словно из остатков мышеловки те очки гнули. — Ничего, всех не разгромите, не запечатаете.

— Пошел вон, — с угрозой повторяет офицер.

Человек-наборщик не спешит. С вызовом смотрит на человека в фуражке.

— Да что их уговаривать? — нехорошо щерится один из юнкеров-прапорщиков — широкоплечий, звероватый. — Поговорили уже. С газеток начинаем, в полный голос на генералов науськиваем, к бомбам зовем?

Определенно, этот человек в шинели бывал на фронте — бьет прикладом умело. Успел и под дых врезать, и уже падающему добавить по почкам.

Человек-наборщик падает на буквы. Ему больно до дурноты, до безумия, даже крикнуть нет силы. Он слабо корчится, в ужасе шевелятся и буквы под его скрюченными пальцами. Люди-юнкера и нелепые, разномастно одетые люди-милиционеры, молча смотрят на поверженного.

— Солдаты идут! — кричит кто-то на улице. Доносится близкий выстрел...

Через несколько минут типография пуста. На улице еще стреляют, захлебываясь, строчит пулемет, кто-то орет матерное. В буквенное кладбище вваливаются солдаты-^[19]"литовцы", прикладами толкают перед собой бешено отпихивающегося юнкера.

— Этот, что ли, Федора?

— Он, точно он! Наповал Федьку, ирод. Всю пачку из окна, как в тире высадил. Чего смотришь, сука?!

Широкоплечий выдирается из рук пленителей, крепко кроет матом. Трещит шинель, блестит под ней, солдатский "георгий". Не доучившийся до прапорщика человек, изловчась, бьет человека-"литовца" сапогом в пах.

— У..., тварь! Так, значит?!

Разом два штыка входят в широкую грудь, третья четырехгранная сталь бьет наискось под ребра, мгновенно отдергивается — тоже умеют, того не отнять...

Буквы становятся черно-багряными. Лежит человек в шинели, лежит человек в смешных очках — кто и когда добавил наборщику прикладом по затылку не узнать. Остыл уже, свежий теплый...

* * *

Карандаш скользит над картой. Вот полоса река...

8:00 Над водой тусклая предрассветная тьма, среди нее у причала тусклая броневая сила — крейсер. В радиорубке склонился матрос. Стучит ключ:

"Приказ штаба ВРК:

1. Гарнизонам, охраняющий подступы к Петрограду, быть в полной боевой готовности.
2. Отражать атаки контрреволюционных сил с полной решительностью.
3. Не допустить в Петроград ни одной воинской части, о которой не было бы достоверно известно, какое политическое положение она приняла".

* * *

Карандаш медлит над картой, и еще сотни иных карандашей готовы испачкать карты: в Зимнем и Смольном, в штабе Округа, в штабах военных частей и районных дружин Красной гвардии.

... - Вам, капитан, выдвинуться ротой до Почтамтской. Один пулемет в сторону Большой Морской, другой на чердак. В средствах не стесняться, чтоб и мышь не проскочила...

...- Иван, берешь своих и взвод Крашенинникова, проверишь подход к почтамту. На рожон не прите, с умом.

— Когда мы без ума? Только дай еще бомб, не жадничай.

— Добро, Валдиса пришли, я ему записку черкну, выдадут...

...День то ползет, то скачет, медленный и бешеный, сырой, жгущий зябким предчувствием болезненного перелома мира. Вышли газеты — безумные и истеричные: о немецких агентах в ВРК, о отравленном молоке, о расстрельных списках офицеров, диверсиях на железной дороге, готовящемся убийстве Ленина и Троцкого, дружинах офицеров-добровольцев, о голоде, голоде, голоде... Непрерывно двигаются отряды и колонны, шныряют разведчики и самокатчики. Мало снарядов у одних, считанные пушки у других. Кричит, взмахивает рукой оратор на Дворцовой: "граждане свободной России, в этот грозный час все в ваших руках"! Колеблются в казармах рассудительные казаки — неохота под пули, да видать будет хуже, ежели вообще не выйти. Красная гвардия готова — вот стоит на "козлах" посреди цеха свой товарищ, неловко складывая слова, бьет по рабочим умам великой киянкой правды жизни — сегодня, товарищи, мы в борьбе обретем!

Зависает карандаш судьбы — где-то здесь? Вот он — Главный телеграф. Здесь столкнулись серьезно.

17:10 Почтамтская улица 7. Главное управление почт и телеграфов

— Освободить здание! Приказом Военно-Революционного Комитета, объявляю...

— Самому себе объявляй, герольд херов...

Красногвардейцев и солдат, взявших сторону ВРК, больше, зато юнкера-константиновцы засели за толстыми стенами, вход надежно забаррикадирован. Здание трехэтажное, с куцей колоннадой и крепкими решетками на окнах, зато длинное, слишком большое для такого гарнизона. Но обходить и просачиваться внутрь малыми группами мятежники пока не рискуют, предпочитая "давить на горло". Ждут подкрепление. Вот, стреляя выхлопом, подкатывает символически бронированный грузовик. Сейчас не выхлопной трубой пальнет — на платформе "Руссо-Балта" красуется станина с зенитной трехдюймовкой. Наведут по дверям, и...

Не успели. Пулеметные очереди — не иначе откуда-то с крыши — не с Телеграфа, а с иного дома — и мигом рассыпалась Почтамтская площадь в заполошном треске винтовок, вот вступили станковые пулеметы... Лежат у оружейного грузовика люди-артиллеристы в серых шинелях, выпал из окна Главного Телеграфа человек в точно такой же, разве чуть посветлее-поновее, шинели. Ширится, раскатывается по кварталу перестрелка...

В 19:20 Телеграф взят штурмом. Среди красногвардейцев нашелся монтер, бывавший в здании, отыскивали лестницы, прорвались через дворы и заборы с Новой Исаакиевской. Рвутся в коридорах гранаты, в короткой штыковой переколоты юнкера в вестибюле, кто-то из константиновцев успел уйти по Адмиралтейскому проспекту. Около сорока погибших с обеих сторон, под сотню раненых, горит аппаратный зал...

Атакой с двух направлений взят Балтийский вокзал. У Красной гвардии и матросов четверо погибших и десятков раненых. Силам ВРК удалось блокировать Павловское и Николаевское военные училища, у Владимирского училища юнкера контратаковали — мостовая Гребецкой в пятнах крови, трупы оттащены к окнам полуподвалов...

Почти у всех мостов перестрелки. Взаимные, по большей части нерешительные атаки и контратаки. По ситуации на 19:30: Литейный, Большоохтинский, Троицкий, Биржевой — твердо за ВРК, у Тучкова, Сампсониевский и Гренадерский неопределенность и активные перестрелки, Николаевский и Дворцовый строго за юнкерами и разведены.

В 20:10 отряд Михайловского артиллерийского училища стремительно и лихо атаковал по Литейному проспекту, практически опрокинул красногвардейцев 1-го городского района, но попал под плотный обстрел со стороны казарм Преображенского полка. Атака захлебнулась. Потери сторон неопределенны...

Красная гвардия Василеостровского района пыталась сбить противника с Николаевского моста. Подпущена на сто шагов, затем юнкерами и ударницами 1-го Женского батальона смерти открыт пулеметный и залповый огонь. Потери не подсчитаны...

21:20 Приказ ВРК на "Аврору": "Всеми имеющимися средствами, вплоть до артиллерийского огня, восстановить движение по Николаевскому мосту". Командир крейсера лейтенант Н.А. Эриксон категорически отказывается отводить крейсер от причала Франко-Русского завода. В перестрелке на корабле убиты лейтенант Эриксон и комиссар Бальшев, погибло еще трое. Крейсер тщетно пытается отойти от причала...

21:50 Лежат во тьме на Троицком мосту ударницы — атаковали, попали под огонь установленных вдоль стен Петропавловки пулеметов. "Максимы" трещат наугад — прожектора разбиты пулями, но головы залегшим все равно не поднять. Раненых оттаскивать некуда, отстреливаться бессмысленно. От булыжной мостовой прет могильным холодом. Кончается ударная жизнь. Остается молча плакать, слышать стоны и уповать на обещанные броневики.

22:1 °Спешит в Смольный бритый человек. Он очень нужен там, в основном штабе восстания, и его ведут трое товарищей с бомбами и револьверами. Тьма улиц, трамваи давно обесточены и составлены в баррикады, эхо близких выстрелов колотится о стены домов. На Нижегородской приходится пережидать движущиеся казачьи сотни — 1-й и 14-й Казачьи полки все же вышли из казарм, хоть и не торопиться к пальбе.

Четверо неизвестных перебегают улицу — неудачно.

— Эй, а ну стоять! — орет есаул, отставшего казачьего арьергарда.

Подворотня заперта, двое бегут прочь вдоль дома, двое товарищей падают на колени, прикрывая отход, вскидывают револьверы... Трескотня короткой перестрелки. Казаки даже с седел бьют из карабинов точнее. Трупы неизвестных подберут только утром, если повезет. Слишком много в городе трупов...

Пожар на Центральном Телеграфе разгорелся — пылает уже все здание. Горит Адмиралтейство, универмаг "Эсдерс и Схефальс"^[20] горят склады на Варшавской-Товарной — боев там не было, просто день такой — пожароопасный. Кто-то гибнет за идею, кто-то ловит момент, ибо частную собственность еще не отменили и отчаянный-фартовый успеет хапнуть вдоволь.

* * *

Красногвардейцы патруля злы:

— Что ж вы, собаки, революция гибнет, а вы сахар тянете? Сладко ль будет, а? А ну, вставай сюды...

Безжалостно бьют прикладами, стгоня задержанных к кирпичному забору.

— Да вы что?! — орет сутулый детина, цепляясь за липкий мешок. — Я же детишкам. Голодом нас заморят, во всех газетах то пишут! Насмерть ведь заморют!

— Господа, я здесь совершенно случайно! — в истерике вырывается гражданин в хорошем пальто. — Я же не со складов, у меня и мешка нет!

— Господ тут тоже нету! А твой мешок нам недосуг искать.

Неловкий и торопливый залп полудюжины трехлинеек — задержанных стояло больше, уцелевшие, воя, удирают вдоль забора. Повезло не всем — господин в неисправимо испорченном пальто корчится под забором, зажимая простреленный живот. Осиротел чайный сервиз саксонского фарфора. Прав был хозяин: хватит потакать, решительней нужно, не то погубим Россию.

00:01 Радио с Авроры: "Центробалту. Пришлите бойцов. И больше пулеметов. Восстание в опасности!"

Это все случится сегодня, но еще не случилось.

— Красочно. Но чой-то мне не нравится твоя версия революции. Мало в ней торжественности, — констатирует внимательно выслушавшая оборотень и вытирает селедочные руки. — Хорошо, что еще утро, есть время и силы подправить дело.

— Думаешь, еще не поздно? — Катрин отложила мерзкий карандаш.

— Попробуем, отчего не попробовать. Изложила ты все очень доходчиво и даже слегка достоверно. Как же наш Ильич и так вляпался? На него не похоже. Не-не, в этой сцене мы со Станиславским не верим! Кстати, что, этот саксонский фарфор действительно так хорош?

Ответить Катрин не успела, оборотень завопила "куда понес, живоглот?" и выскочила в приоткрытую дверь. С лестницы донеслось краткое кошачье рычание — отягощенный добычей хышник удирал со всех лап.

— Тебе что, селедочного хребта жалко? — спросила Катрин у вернувшейся напарницы.

— Отчего жалко? Но отчего не испросить селедочку воспитанно? Стаскивает со стола как какой-нибудь чумной грызун. Знала я таких: оставишь на тропке удилице, через миг все сожрано до самого поплавка. Нет, зверью типа Чона нужна дисциплина!

— С чего котенок вдруг переименовался? — мимолетно удивилась Катрин.

— Обоснованно, поскольку он — Чучело Особого Назначения, — сумрачно объяснила оборотень. — Еще столица называется: не успеешь оглянуться, а тебе уже в кроссовок нассали. Кстати, "Мурзик" — это вообще женское имя.

Уточнять, с какими-такими женственными Мурзиками приходилось общаться напарнице, не имело смысла, да и вообще помыслы были заняты иными проблемами. С кем наводить контакты в Смольном, как вести переговоры с генералом, пока было непонятно. О поисках пришлых провокаторов пока речь вообще не шла. Ситуацию те гады раскачали, видимо, непоправимо, оставалось минимизировать потери.

— Карту убери, — посоветовала оборотень. — Шпионы в нашу роскошь вряд ли забредут, а вот нагадить на карту Чон вполне способен.

— Не имею привычки документы оставлять, — проворчала Катрин, складывая карту. Сгребла карандаши и вдруг замерла:

— Стоп! Давеча, когда ты автограф брала. Твой Алексей Иванович...

— Отчего мой?! — удивилась Лоуд. — Нам, революционным рыботорговцам эти самые писатели не особо близки как по духу, так и...

— Ты с него автограф требовала, так?

— И чего? Что в этом непристойного?

— А ты вот подумай, — зловеще посоветовала Катрин. — Хорошенько вспомни.

— Я "хорошенько" не умею. Я или помню, или не помню.

— Он чем писал?

— Карандашиком. Желтеньким. Да какой с него, с бухого, спрос? Если перо дать, так одних клякс насажает. А шариковых самописок еще не придумали.

— А именно такие желтенькие "кохиноры" с ластиками, значит, придумали?! Нет, карандаши-то были, и с резинками, но таких...

— Ага... — начала улавливать суть оборотень. — Не тем, значит, расписался академик?

— Ну, мы вообще дуры, — уныло признала Катрин. — Что стоило взять за галстук и расспросить? Ведь наверняка что-то знает Алексей Иванович. Мелькнуло же у меня что-то в голове, да отвлеклась.

— У нее "мелькнуло", а дуры мы, значит, обе?! Нет, я с себя ответственность решительно снимаю. Как существо иной цивилизации и мироощущения, я не обязана знать временный привязки образчиков канцелярщины. Не морщись, уладим с переговорами, живо к писателю метнемся — наверняка еще не проспался твой карандашевладелец.

— И куда мы к нему метнемся?

— Строго на Пушкинскую, — снисходительно ухмыльнулась Лоуд. — Я же сама дважды адрес извозчику повторяла, — никуда не денется, ухватишь сочинителя за галстук или что там сподручнее. Но сначала переговоры. Собирайся, собирайся. Враг не дремлет, не дадим революцию загадить!

— Мне кажется, у них, у провокаторов, не так много сил, — сказала Катрин, затягивая тяжелый ремень с оружием.

— Что, еще меньше, чем у нас? — удивилась оборотень. — Слушай, Светлоледа, ты зачем так утягиваешься? Ремень короткий или намек что не завтракала? И вообще, у тебя детей полный замок, а ты все талией фасонишь. Нескромно. Вот у меня талия может еще потоньше, но я же не выставляюсь.

— У палок талий не бывает. Нервничаешь, что ли? Говори что вдруг за колебания?

— Во-первых, да, я нервничаю. А как чуткому образованному существу не нервничать, если революция?! Это у меня всего вторая Октябрьская. Если учитывать, что в тот раз я вообще честной зрительницей шлялась — так вообще первая. Что обязывает! Во-вторых, мы начинаем решительно вмешиваться, и... Я говорила, что не люблю пулеметов? И этих..., снайперов, тоже не люблю. Но догадываюсь, что непременно будет и то, и это, и еще что-нибудь. Ты уверена, что прикроешь мою худенькую, но уязвимую спину?

— Обычно ты мне доверяла, — неподдельно изумилась Катрин.

— Это не вопрос доверия, а вопрос сугубой и глубокой уверенности, — исчерпывающе пояснила оборотень. — Не в тебе дело, ты-то драться за меня, как за единственный шанс спасти ситуацию, будешь до последнего, тут спору нет. Ладно-ладно, не морщись, моя спасательность не главное, ты и так надежная. Но ведь и я должна сосредоточиться, и твердо знать, что ты не отвлечешься и меня ни с кем не перепутаешь. К тому же, раз мы легализуемся, я должна производить приятное впечатление и запоминаться революционным и контрреволюционным массам без всяких там пропусков и оговорок. Образ нужен. Я повспоминала всякие случаи и прецеденты и пришла к единственно правильному выбору. Но сочла своим долгом посоветоваться с тобой. Я тактичная. Базовый имидж будет вот таким...

Катрин онемела.

— Ну и как? — спросил образ, совершая изящный пируэт.

— Не пойдет, — сипло выдавила Катрин. — Во-первых к тебе будут бесконечно клеиться, во-вторых... Сейчас как врежу!

— Не надо! Поняла, с буквальностью перебор. Не вопи, — л-образ живо посадил себе мушку у угла рта, заодно изменил форму губ. — Так сейчас даже моднее.

Образ неуловимо изменился, Катрин перевела дух. Перед ней стояла темноволосая женщина среднего роста, не вызывающе-яркая, но чрезвычайно привлекательная. Но уже не Фло. В смысле, и Фло тоже, но уже не чисто она... Тьфу, черт, как же это объяснить?!

— Не волнуйся, я буду варьироваться по обстоятельствам, — заверила нью-Лоуд. — Возможно, ты будешь эти коррекции улавливать, ну и ничего страшного. Ты психологически стойкая.

— Я категорически против!

— Обсудим это по дороге. Нас ждет Смольный, а потом генерал, а генералы, те ждать не любят.

Шпионки вышли на улицу и неожиданно наткнулись на бодрствующую Лизавету — та стояла в дверях, придерживала у горло пальтишко, с тревогой прислушивалась к стрельбе.

— Екатерина Олеговна, Людочка, вы куда?! — немедля ужаснулась хозяйка. — Пальба же кругом. Говорят, немецкие шпионы в городе, всех генералов как уток стреляют.

— Вранье! — авторитетно заверила оборотень. — Все наоборот, хозяйюшка. Это контрразведка и красногвардейцы австрийских шпионов ловят. К обеду управятся — мне писарь знакомый из интендантства по секрету говорил.

— Дай-то бог, — Лизавета посмотрела на нагруженных дам, на переодевшуюся вдову. — А вы-то зачем в такую пору...

— Очередь за пенсией занимать, — неубедительно буркнула рослая шпионка.

— Но пообедать непременно зайдем, — бодро пообещала оборотень. — Как там Нинка, не проснулась на стрельбу?

— Ворочается, но спит, — вздохнула хозяйка. — Вы все же, осторожнее, бочком там...

— Душевная у нас хозяйка, — похвалила Лоуд, удобнее перехватывая корзину. — Видит, что ты вся в маузерах, но игнорирует. Вот оно — петербургское воспитание! Но с котярой они недоглядели. Вот как мне в таком пахучем кроссовке революцию корректировать?

— Кроссовка твоего все равно не видно, а иллюзии не пахнут, — сказала Катрин. — Да и вообще ситуация настолько вонючая, что твоя обувь точно в тему.

Глава одиннадцатая. Переговоры, чайники и иная офисная рутина

Конспиративная квартира на Пушкинской

38 часов до часа X.

Шамонит снял трубку нервно трезвонящего телефона.

— О, весьма признателен, Петр Петрович, — в голосе Иванова-с-акцентом сегодня было на столько больше акцента, что смысл улавливался с трудом. — Такой славный денек, а у вас никаких признаков жизни. Неужели все спят?

— Увы, — инженер прищурился на пустынную гостиную, на серый сумрак, угадывающийся за портьерами. — Хороший денек, изволите сказать? Будить Алексея Ивановича?

— Не стоит. Я, собственно, с вами словцом хотел перемолвиться...

"Слоуффцом" — Петр Петрович усмехнулся — интересно, понимает ли Иванов насколько забавен со своим русским? Наверняка понимает, весьма неглуп. Полагает, что вызывает симпатию сими милыми неправильностями?

Сам Шамонит не верил равно как людям с акцентами, так и господам с самым чудным

литературным русским языком. Химия и физика приучает к языку формул и только формул.

...- через часок к вам прибудет наш общий знакомый и передаст нашу просьбу, — продолжал Иванов. — Полагаю, ваши сотоварищи будут слегка удивлены и слегка недовольны. Вам придется повторить прогулку к институту...

"Фроугулку к интститутфу".

— Если нужно, прогуляемся. Но в чем смысл? — Петр Петрович, вытянув ноги в мягких домашних туфлях, вольно откинулся в кресле и потянулся к ящичку с сигарами.

— Если вы меня не будете перебивать, я все объясню, — кротко напомнил Иванов.

Шамонит вздрогнул — акцент собеседника поменялся. Неужели курс взят к настоящему дельцу?

— У нас абсолютно достоверные сведения — партия товара уже на месте, — сказал Иванов-с-акцентом. — Да-да, именно там, где вы и искали. Посыльный сообщит детали. Теперь о том, чего он вам не сообщит. Вы выйдете с вашими друзьями, но к месту действия не пойдете. Вам будет поручено проверить иной склад, расположенный на совершенно иной улице. Вот это делать не обязательно. День выдастся беспокойным и лично вам разумнее посидеть до вечера дома. Это я вам настоятельно рекомендую. У нас с вами большие планы и мы заинтересованы в вашей безопасности.

— Благодарю. Вернуться и ждать указаний?

— Именно! Вы как всегда чрезвычайно догадливы, дорогой Петр Петрович. Кстати, вам на глаза в последнее время не попадалась некая молодая дама: рост выше среднего, колоритные зеленые глаза, манеры вольные, на грани распушенности, весьма красива, этакая яркая блондинка?

— Увы, ничего яркого, кроме бурления революционных масс, в последние дни наблюдать не довелось.

— Что ж, будьте внимательны. Если вдруг повезет, без раздумий уберите эту фройляйн со своего жизненного пути. Лучше всего известив нас. Если мы ее обезвредим, мир будет вам благодарен. И мы тоже. Особенно если удастся пригласить ее в гости. Пусть и в слегка поврежденном виде. Скажем так: плюс десять процентов к финансированию вашего проекта.

— Ого, даже так? Я внимательно присмотрюсь ко всем блондинкам.

— Учитывая всякие дамские фокусы-хитрости, она может быть и не блондинкой. Но глаза и манеры, надо думать, останутся те же. Действуйте без раздумий, Петр Петрович. Вполне понимаю, и отчасти разделяю, ваш интерес к красивым женщинам, но, поверьте, здесь не тот случай.

Шамонит повесил трубку, размышляя, раскурил сигару. Значит, сегодня надоевшая беготня с револьверами закончится, коллеги исчезнут. Замечательно! Наблюдать глупейшее действие с бесталантными, пусть и искренними актерами надоело. Петр Петрович никогда не интересовался литературой, и уж тем более, премированными, словно племенные скакуны, литераторами. Фантазеры-с. Отхлестали прилюдно по щекам тонкокожего Алексея Ивановича — вот уж трагедия, конец жизни и полная потеря аппетита. Хорошо, пускай гордыня болезненно задета, сочинители — люди особого сорта, не от мира сего. Но Грант?! Талантливейший инженер, надежда российского воздухоплавания и так легко купился? Естественно, жена молодая, хамски обесчещена, неприятные слухи по Киеву поползли. Так незачем было в этот пошлый, мещанский город бежать из столицы. А теперь мститель он, понимаете ли! Проанализировал бы обстоятельства, очевидно же, что никоей случайности в

прискорбном происшествии нет. Наплевать, забыть испачканную жену, уехать за границу, найти приличную службу. Логично же? Мало ли хороших мест и хорошеньких женщин на земном шаре?

О, женщины! Петр Петрович усмехнулся и похлопал себя по карману халата. "Браунинг" ждет. Вдруг повезет? Попутная охота на зеленоглазых таинственных особ — чем не развлечение? Сто тысяч английских фунтов за меткий выстрел — недурной приз. Всадить пулю дамочке в ногу, сдать очаровательного подранка милейшему Иванову... Нет, лучше в руку — так будет куртуазнее. Впрочем, едва ли получится. Сегодня день отдыха, завтра-послезавтра участие в завершающей части операции и отбытие. Не обманут. Не боевик им нужен, не наемный убийца, и даже не чертежи гениального изобретения.

Шамонит пыхнул сигарой, постучал себя пальцем по лбу:

— Мозг! Именно мозг! И именно вот этот!

Проект действительно хорош. И помогут, и денег дадут. Миллион — лишь начальная сумма. Втянутся. То, что ни "Иванов", ни те, кто стоит за ним, не знают истинного размаха проекта, едва ли станет для них разочарованием. Возможно, огорчит и обидит, но не разочарует. Отличный проект, черт возьми! Когда-нибудь, Иванов-с-акцентом будет стоять за креслом хозяина в белых перчатках и подавать яйца всмятку на завтрак. "Извольте откусать, ффаше Мирое Диктаторское Ффиличество!"

Петр Петрович тихо рассмеялся. Черт возьми, жизнь прекрасна своей непредсказуемостью!

* * *

Смольный институт

37 часов до часа X.

Кругом гомонило, топотало, пыхтело и кряхтело. Слева несло чесноком, справа керосином, но все заглушал удушающий аромат алых гвоздик, которые, как выяснилось, в таком количестве хуже любого керосина.

Шпионки забуксовали. Центральному входу в Смольный явно не хватало организованности. Широкие ступени вели к узости дверей, куда нескончаемо перли не только функционеры штаба революции, но и просто за справками, текущими указаниями да и просто поглазеть из любопытства. В принципе, в стороне от входа тянулся длинный "хвост" за пропусками и внутрь пускали с выписанными пропусками и партиями строго по четверо, но время было не обюрокращенное, можно было войти и альтернативно.

— Товарищи, пропустите цветочки! Помнете всю красоту! — призывала, напирая Лоуд.

— Ох, я б ты помял! — немедленно отзывались революционные массы.

Катрин, обнимая охапку гвоздик, обогнула напарницу и двинулась плечом вперед, без церемоний раздвигая-пробивая спины. Народ заохал.

— Да чо ж ты така тверда?!

— Это не я, это вот он винтарем пихается, — объясняла Катрин. — Пропусти, товарищ, видишь — с нежным грузом.

— Груз-то может и нежный, да ты сама чугунная, — обижался пострадавший.

Ступени преодолели, Лоуд вновь юркнула вперед, вздымая цветы и ведерного размера медный чайник, призывала:

— Пусти, народ! Цветы по всему Питеру искали!

— А на кой та ботаника, красавица? Ты и так сладка-ягодка, без цветочков.

— Иностранную делегацию встречать будем, дурила. Не жмись, говорю! — смеялась

задорная цветоноша.

Шпионки втиснулись к дверям.

— Эй, а вы куда, цветочные? Пропуск! — сунулся рябой матросик-часовой.

— Щас я тебе зубами тот пропуск вытащу да предъявлю, — возмутилась Лоуд.

— Да хоть бы и так, белозубая, — обрадовался часовой.

— На обратном пути, — пообещала цветочница. — Жди, никуда не сбегай.

Морячок явно был не прочь поболтать за пропуск и вообще, с интересом глянул в лицо Катрин, но тут его прижали к створке двери какие-то чернявые граждане с кавказским акцентом, пылко требующие "кого-то из Исполнительного комитета", и часовому стало не до любезностей.

— Тьфу, чертг, думала, чайник и тот помнут, — отдуваясь, призналась Лоуд. — Дальше я все знаю и помню, давай сюда товар. Я скоро...

Оборотень клялась, что в Смольный можно пройти без толкотни, в любое время и с любой стороны. Некоторый порядок с пропусками, толковым комендантом и упорядоченной системой охраны здесь наведут разве что через неделю, уже после победы революции. Но сейчас шпионкам нужно было легализоваться, что, как известно, лучше делать с центрального входа и прилюдно.

Освобожденная от цветов, но взамен отягощенная чайником, Катрин осталась ждать. Вокруг витал плотный запах мокрых шинелей, подгоревшей каши и махорки. Народа в длинном коридоре толклось пожиже, чем перед входом, но тоже плотно. Непрерывный грохот сапог по чутким деревянным полам сливался в однообразный рокот. Спешили местные-смольнинские с бумагами, пачками листовок, стульями, котелками и иными штабными грузами, этих местных пытались остановить и выпросить нужный кабинет ходоки с периферии. На бумажки, пришпиленные к дверям кабинетов посетители не очень смотрели, да и нацарапано на клочках бумаги было наспех и невнятно.

— Кипяток-то где брала? — сунулся к Катрин бойкий низкорослый воин.

— Самой бы буфет найти, — призналась шпионка.

— Говорят, где-то там, за лестницей, — сообщил солдат, с уважением оценивая вместительный чайник. — Но, пожалуй, полный тебе не нацедят.

— У меня ордер есть, — заверила Катрин.

— Так чего стоишь, вот же чудная?!

Солдат исчез, а отставная сержант подумала, что действительно торчит дура душой. Не в первый же раз по штабам шляться. Этак, неумеренной задумчивостью только внимание привлекаешь. Лоуд как обычно запропадет на час, а тут изображай справочное бюро.

Катрин двинулась к лестнице, но тут как раз сверху сбежала деловитая напарница.

— Так, чего топчешься?! Все на мази. Доставай бюрократию, пока время есть.

Раскрывая сумку, Катрин неуверенно уточнила:

— Что, они согласны выделить переговорщиков?

— Катя, они не согласны — они в восторге. Это ж зависит от постановки вопроса. Раз твой Полковников ищет неофициальный контакт, значит, готов сдаться. Молодец генерал, проникся ситуацией.

— Гм, сейчас мы к нему приедем с такой смелой мыслью и будем посланы. И как подобный разворот объяснять здешним товарищам?

— Так вновь заколебался генерал. Можно понять: честь мундира, высокомерие военной аристократии, боязнь личной ответственности и все такое. Нужно будет дожимать

Полковникова. И идти на символические компромиссы. По дороге обсудим. Да дай ты мне таблички, шмондец их заешь...

Очаровательная оборотень принялась перебирать прямоугольники картона с броско распечатанными названиями отделов и бормотать "где эта Секция связи? Я же сверху клала". Катрин держала пачку и пыталась осознать, что же изменилось в напарнице. "Внутренняя-Смольная" Лоуд отличалась от внешней л-цветоноши. Тот же теплый жакет слегка изменил покрой, ткань длинной юбки стала покачественнее, круглолицесть явно поуменилась, рисунок скул резче и эффектнее. Даже прядь падающих из-под платка волос чуть изменилась. Само собою, и платок иначе повязан — узел нечастый, характерный. Видимо, из эмиграции товарищ, стильная, образованная, с партийным опытом. Но в целом все та же, узнаваемая цветочница.

— Сойдет или подправить образ? — спросила, не отрываясь от поисков таблички, напарница.

— Не знаю. Наверное, в самый раз.

— Так что за колебания? Давай сюда кнопки.

Шпионки двинулись по коридору, развешивая таблички по высоким дверям. Кнопки в плотную крашеную древесину входить не желали, Катрин отбросив сомнения, приколачивала их рукоятью маузера. На стук из кабинетов выглядывали местные обитатели, восторгались:

— Очень своевременно и распорядительно, товарищи! А то лезет кто попало, отвлекают. Вы из мандатной комиссии?

— Мы из Общего орготдела. Я товарищ Островитянская, — представлялась оборотень.

Ей энергично, но бережно жали изящную ладонь.

— Вот так неформально, но деятельно мы вливаемся в революционные ряды, — с удовольствием комментировала товарищ оборотень. — Прошу заметить — с пользой для дела и истории!

— Кто вливается, а кто вколачивается, — проворчала Катрин, готовя очередную кнопку и "молоток".

Перейти на третий этаж непосредственно к штабу ВРК Общий орготдел не успел — перехватили на лестнице. Машина и делегаты для переговоров были готовы и рвались в бой.

— Это что? — ужаснулась Катрин на выходе.

— Выделенный нам лимузин. А что такое? — озабоченная "товарищ Островитянская" на миг отвлеклась от беседы с коллегами по революции.

Видимо, у ступеней стояла какая-то разновидность "лорин-дитриха": довольно длинный лимузин, в оригинальном камуфляже: местами авто просто блистало бронзовыми деталями и пятнами лака "слоновой кости". Но по большей части машина выглядела не ослепительной, а осенне-грязной. Похоже, шофер успел протереть автомобиль частично, по-детально и выборочно.

Делегаты, с неожиданной галантностью помогая товарищу Островитянской, заняли диван заднего сиденья, Катрин ничего не оставалось, как направиться к переднему.

— А дверь не открывается, — не замедлил сообщить водитель. — Замок заклинило.

Катрин молча ухватила за растяжку тента и ногами вперед кинула тело внутрь. Кто-то из проходящих мимо красногвардейцев одобрительно присвистнул: полупальто и взметнувшаяся юбка сполна позволили оценить стройные шпионские ноги, обтянутые не совсем аутентичными брюками для верховой езды.

— Вот эта гимнастка — товарищ Мезина, по имени Екатерина, — с опозданием представила соратницу Лоуд. — Девушка с большим практическим опытом, в том числе нелегальной работы. Ну, вы, товарищи, и сами видите. У меня Катя за охрану отвечает.

Товарищи действительно разглядели, что здесь не только товарищ Островитянская, и пожали Катрин руку.

— Стартовать, что ли? — прервал официальную часть юный водитель.

— Давай, братишка, — разрешила Лоуд. — К Зимнему, к штабу Округа. Только не сшиби кого-нибудь.

"Лорин" действительно стартовал: воссияли огромные фары, рыкнул двигатель, гавкнул клаксон-ревун, живо очистилось пространство перед капотом, и пегий автомобиль, подобно быстроходному миноносцу рванул к воротам. Катрин закачало на упругом сидении.

— Ага, кресла тут подрессоренные, — подтвердил шофер.

— Как данный агрегат именуется? — осторожно спросила Катрин, уяснившая, что водитель явно несовершеннолетний, а ремни безопасности на здешних авто отсутствуют в принципе.

— Так это "Лоррейн Дитрих" шестой серии, неужели не видно?! — возмутился шофер.

— Извини, я в этих "лоренах-лоррейнах" не очень сведуща, — призналась шпионка. — А тебя заодно с этой "шестой серией" реквизируют?

— Не, меня владелец из гаража вызвал, я там помощником механика работал, знаю машину хорошо, — признался мальчишка. — Да вы, товарищ Мезина, не волнуйтесь, я у самого Нагеля на подхвате работал, ни вас, ни машину не разобью.

Кто такой Нагель^[21] шпионка не помнила, но рулил юный юноша уверенно, того не отнять. "Лорин" лихо огибал стоящие броневики и грузовики, по делу гавкал клаксоном на самокатчиков и зазевавшуюся пехоту. Катрин прислушалась к разговору на заднем сидении.

...- Генерала убеждать — все равно, что лбом стену прошибать, — говорил комиссар Смольного Чудновский — интересный парень с волнистыми волосами и черными живыми глазами. — Я с ним уже трижды встречался. Собственно, он всецело понимает безнадежность своего положения, но...

— Никаких "но"! — хрипловато отрезал второй делегат. — Не хочет, заставим. Дать пару пушечных залпов по Зимнему для острастки, а уж потом переговоры.

Любителя артиллерии звали товарищем Дуговым, был он из анархистов. Как поняла Катрин, буйный товарищ пару дней как удрал из госпиталя, и человек он чрезвычайно решительный. Заломленная бескозырка и рукояти гранат, нагло торчащие из карманов бушлата, не оставляли сомнений: весьма идейный анархист, такой на переговорах едва ли к месту. В кинофильму бы ему, там такие в самый раз.

— Не напирай, Федя, — неожиданно мягко предупредила Лоуд. — С залпами успеется. Наша задача: сэкономить патроны, бомбы, солдатскую кровь и стекла дворца. Зимний будет за нами в любом случае. Но беря власть, мы с тобой берем и ответственность за окна Петрограда. Нам их теперь стеклить, понимаешь?

— Ну, стекла, да... Я, Люда, понимаю, — прохрипел товарищ Дугов. — Но сколько можно их, Временных, уговаривать добром уйти? Вон, Чудновский и так, и этак, дипломатично... За нами сила народа или что?!

— Спокойно, Федор, спокойно. Задницы лизать мы никому не будем, а обойтись без большого кровопролития — то, как раз на благо народа, — весьма разумно напомнила Лоуд. — Нас вот порядком беспокоит наглость противника. И вообще что происходит и

откуда взялись бешеные пулеметчики? Генерал, между прочим, задается тем же вопросом. Какого чертта наши положили столько юнкеров?

Катрин раскачивалась на аттракционном сидении, слушала, как сзади обсуждают загадочную ситуацию. Судя по всему, Смольный не на шутку встревожила ситуация с терактами. Гибель членов ВРК на совещании на квартире Калинина, конечно, обозлила сильнее, но убийство генерала Оверьянова, начальника снабжения Кавказского фронта и Главноуправляющего турецкими областями, занятыми русскими войсками, — ни к Временному, ни к контрреволюции никакого отношения не имеющего, и пользующегося определенным уважением солдатских комитетов, Смольный порядком удивила. Неудачное покушение на самого Полковникова, дальнейшие хаотичные действия террористических групп запутали ситуацию еще больше. Особых иллюзий по поводу обладания всей полнотой информации штаб ВРК не питал, но кровавый расстрел юнкеров-алексеевцев кардинально развернул ситуацию, оборвав любую надежду на добровольный уход охраны Зимнего — теперь юнкера, ударницы и казаки попросту боялись сдаваться.

— Играет кто-то против нас. Может, это и не "временные"? — осторожно подошла к идею Лоуд. — Может, кто-то из жандармерии гадит? Им-то, бывшим, терять нечего. Собрали пулеметную группу...

— В штабе над подобной версией уже думали, — сообщил Чудновский. — Пока ничего определенного не выяснили. Часа два назад эти пулеметчики объявились у фабрики Ерорхина. В перестрелке двоих-троих террористов убили. Красная гвардия не юнкера, так просто нас не укусишь.

— Оружие на трупах взяли? — обернулась Катрин.

— Возможно, подробностей я не знаю, — уклонился от прямого ответа комиссар. — А что это меняет?

— Система пулеметов редкая, нестандартная, — пояснила Катрин. — Надо бы ее отследить.

— Катерина у нас большая специалистка по оружию, — сообщила спутникам Лоуд. — У нее батюшка коллекционер и большой любитель был, Катюша в детстве в кабинете на коленках отца сидела, револьверами игралась. В техническом плане весьма сведущая мадмуазель.

— Здесь дело не в системе оружия, а в его наглых владельцах, товарищ Мезина, — прохрипел анархист.

Вот так "Федя, Люда", уже образовалась анархистская фракция, а вы остаетесь строго "товарищ Мезина". Придется сколачивать оппозиционное крыло с товарищем Чудновским.

— Само собой, люди, особенно непредсказуемо стреляющие, для нас прежде всего, — сказала Катрин. — Но имеет смысл обратить внимание на то, что ВРК и юнкеров расстреляли из одного оружия.

Автомобиль остановился на заставе для проверки документов, пассажиры примолкли, то ли осмысливая странную ситуацию с пулеметчиками, то ли разумно воздерживаясь от споров в присутствии красногвардейцев караула. Впрочем, машину тут же пропустили, "лорин" рванул на Французскую набережную.

— Мерзавцы эти пулеметчики, — вздохнула обаятельная товарищ Островитянская. — Необходимо этот вопрос с Полковниковым в первую очередь обсудить.

— Вот ты скажешь! — возмутился Федор. — При чем тут эти стрелки? Пусть генерал сдает Зимний безо всяких условий. О мелочах потом болтать будем.

— Зимний — это в первую очередь, — поддакнула Лоуд и коварно продолжила: — Допустим, сдаст генерал дворец и шайку министров-капиталистов, а сам исчезнет вместе с адъютантами, секретарями, прочей канцелярией и сведениями о тех пулеметчиках. Нет Полковникова, сидит под замком Керенский, хлебают баланду бездельники-министры. А где-то по городу шныряют бесконтрольные банды пулеметчиков. Сколько они нам крови попортят, а? Или, думаешь, у них патроны кончатся?

Порой, переставая кривляться и театральничать, товарищ оборотень умела изложить свои мысли весьма доходчиво. А если при этом еще и вот так мягко улыбалась...

Катрин перевела дыхание. Иллюзия, исключительно иллюзия. К счастью, впереди казачий пост...

Через несколько минут "лорин" покотил к дверям штаба Округа. Лоуд оттянула рукав жакета, глянула на браслетку часов (золотую, чересчур вызывающую для революционной деятельницы):

— Без трех минут шесть. Высаживаемся. Пунктуальность — есть главная целесообразность революционного момента!

Катрин, вспомнив танковые люки, выскользнула на свободу.

— Я замок почию, — заверил водитель. — Тут инструмент имеется.

— Буду весьма признательна. Слушай, а тебя как зовут, товарищ пилот?

— Коля. В смысле, Николай Владимирович.

— Дерзай, Владимирович, — Катрин, озирая штаб Округа, двинулась следом за главными делегатами.

Здание производило малоприятное впечатление. Совсем недавно здесь располагался Штаб Гвардейского корпуса, но сейчас, в темноте и зябкости раннего утра, ничего блестящего и гвардейского от четырехэтажного, похожего на саркофаг, здания не исходило, наоборот, отчетливо веяло тюремным. Во все глаза пялились часовые. Впрочем, это они не столько из подозрительности, как из-за манеры высадки гости.

О приезде переговорщиков охрана была предупреждена. Обыскивать делегатов не стали, только попросили товарища Дугова оставить в гардеробе гранаты. Анархист, нужно отдать ему должное, упираться не стал, выложил бомбы, вызывающе закинул на вешалку свою зверскую бескозырку. Остальные делегаты раздеваться не стали — в здании было холодновато, а у Катрин под полупальто имелось еще и два маузера.

В сопровождении штабс-капитана, видимо, порученца, поднялись к кабинету командующего. Генерал ждал. Без шинели он выглядел еще более худым и некормленным. Глянул на часы:

— Вы точны. Благодарю. Слушаю ваши предложения.

— Снимайте охрану, немедленно прикажите войскам покинуть Дворцовую, — незамедлительно высказался товарищ Дугов. — Личную безопасность гарантируем.

Полковников откровенно поморщился.

— Стоп машины, это второй вопрос повестки дня, — вмешалась Лоуд. — Первым у нас идет пулеметный беспредел. Совершенно еще одно нападение, погибли мирные рабочие фабрики Ерорхина.

— Как вы догадываетесь, штаб Петроградского военного округа менее всего заинтересован в бессмысленных атаках на фабрику Ерорхина. Кстати, вообще не знаю, что это за фабрика, — сухо признался генерал. — Слушайте, барышня, а вы собственно, кто и кого представляете?

— Барышни остались в дореволюционном прошлом, — так же сухо напомнила Лоуд. — Лично я представляю женский профсоюз Красцветторга, но в данном случае уполномочена участвовать в переговорах от имени ВРК. Вот мой мандат.

Полковников довольно брезгливо глянул в помятый лист, украшенный лиловой убедительной печатью, бегло кивнул Катрин.

Иной раз, если у тебя не спрашивают документов, это хороший знак. Заинтересован генерал в переговорах.

— Итак? — Полковников указал на стулья у огромного генеральского стола. — Прошу.

Все расселись и немедленно достали папиросы. К л-профсоюзной лидерше, открывшей узкий портсигар, потянулись мужские руки с зажженными спичками. Капитан-порученец, кобель этакий, не отставал. Катрин начала нервничать: бесспорно, мило оказаться во временах с еще неизжитыми джентльменскими манерами, но курить однозначно вредно. Особенно когда каждая минута на счету и не у всех есть курево. И главное, как это многоликое Оно способно так точно копировать манеру держать сигарету?! В смысле, папиросу.

Лоуд смысл яростного взгляда несомненно поняла, мило приподняла бровь в стиле "ах, какие мелочи", по положение кисти с папиросой изменила.

— Разрешите, я начну, как младшая по званию, — злобно сказала Катрин. — Ситуация усугубляется. Как известно, ночью совершено еще одно нападение. На этот раз цель атаки не ясна, пострадали гражданские и сами нападавшие. Обстоятельства требуют уточнения, но уже понятно — использовалось все то же оружие.

— Не факт, это еще доказать нужно, — глубокомысленно отметил Дугов.

— Полагаю, при передаче обвинительного заключения в суд, исчерпывающее доказательства будут предъявлены, — процедила, все более свирепея, шпионка. — Пока так, рабочие гипотезы. На карту все уже смотрели. Места "пулеметных атак" расположены далеко от друг друга, общего территориального признака не имеют. Но цели нападения точно определены и подготовлены. Опять же, кроме последнего нападения. С этим все согласны?

— Пожалуй, — согласился Чудновский. — Но что это нам дает? Мы не можем быть уверены, что это не операция агентов Временного правительства. А гражданин генерал Полковников, как я понимаю, наоборот, — подозревает наших людей.

— Предательский расстрел алексеевцев — чудовищное преступление, — генерал стряхнул пепел в бронзовую пепельницу в виде щита поверженного троянца. Или спартанца? Катрин глянула в искаженное лицо раненого воина и вздохнула — сейчас разговор неминуемо забуксует.

— На кой черт нам класть ваших юнкеров? — возмутился Дугов. — Мы вас из Зимнегс и так в два счета вышибем.

— Это мы еще посмотрим, — подал голос штабс-капитан.

— Спокойно! — неожиданно повысила голос Лоуд. — Сейчас речь не о Зимнем. И даже не о переходе власти. С властью вопрос решен. Но мы должны смотреть шире, смотреть в будущее!

Профсоюзно-цветочная шпионка поднялась, прошла за спинами сидящих мужчин, на миг коснулась одновременно плеч анархиста и штабс-капитана.

— Спокойно, товарищи, граждане и господа. Перед нами пренеприятнейшая загадка. Город неумолимо погружается в пучину террора, а мы с вами и понятия не имеем, что

происходит. Нехорошо.

Лоуд дошла до напарницы, открыла перед Катрин портсигар:

— Не нервничай, товарищ Катерина. Развей мысль, дай версию, пока мы друг другу в глотки не вцепились. Что, кстати, никогда не поздно.

Катрин кивнула, взяла папиросу. Полковников поднес спичку — глядя на его руку вблизи, шпионка поняла, насколько нервничает генерал. Да, ситуация действительно дурацкая.

— Если по сути, то мы знаем только одно: в большинстве нападений фигурирует одно и то же уникальное оружие, — Катрин коротко затянулась папироской (на редкость невкусной), положила ее на пепельницу-щит и придвинула к себе лист бумаги.

— Разрешите, ваше превосходительство?

— Нет уж "превосходительств", — не замедлил напомнить зловерный Дугов.

Катрин подняла на него взгляд:

— Я тебя, товарищ Федор, "господином" или "сударем" в жизни не обзову. Успокойся и на деле сосредоточься. Или я тебе в морду дам и нос сломаю.

Анархист изумленно сморгнул.

— Извини, нервничаю, — буркнула шпионка. — Итак, пулемет. Вернее, пистолет-пулемет, поскольку патроны пистолетные.

Генеральский карандаш, хоть и не "кохинор", был недурен. Катрин схематично изобразила МР-38/40:

— Ориентировочно вот такое устройство. Магазин на тридцать два патрона, вес около двенадцати фунтов, стрельба автоматическая, но темп невысок, можно отсекают одиночные нажатием пальца. Могут быть модификации, например, с деревянным прикладом, но маловероятно — для терактов удобнее складной-металлический.

Карандаш пририсовал разложенный приклад.

Переговорщики смотрели на изображение, Катрин следила за ними. Похоже, кое-кто в курсе. Товарищ Чудновский не столько на рисунок смотрит, как на рисовальщицу. С подозрением смотрит.

— Допустим. Напрашивается вопрос — откуда вы знаете об оружии? — без эмоций спросил Полковников.

— Я такую машинку держала в руках. Не в Петрограде. Но он мне знаком, особенно по звуку стрельбы.

— Слушайте, Екатерина, вы уж меня извините, но вы вообще кто? — задал законный вопрос Чудновский.

Теперь смотрели с подозрением все четверо, пятое — наглое земноводное Оно — ухмылялось с дружеской насмешкой — давай-давай, выпутывайся.

Катрин улыбнулась:

— Работала в частном сыскном агентстве. В основном за границей. После начала войны — отдельные задания контрразведки. Прошу не сомневаться — российской контрразведки. Понимаю, доверия ко мне вы не испытываете, но оно и не требуется. Не обо мне сейчас речь. У меня, кстати, алиби — с пулеметом явно не я бегала.

— Ну, вот в этом мы как раз уверены, — заверил Чудновский. — То есть, полагаете, это немцы работают?

— Пока мне это кажется наиболее вероятной версией, — Катрин положила карандаш. — Давайте попробуем упростить уравнение. Кому выгоден хаос в столице? Кому

выгодно раздуть долгосрочное и открытое вооруженное противостояние? У ВРК на данный момент явное преимущество сил и средств — Смольный возьмет власть в любом случае. Петр Георгиевич, я не подвергаю сомнению мужество и решимости верных правительству войск Петроградского гарнизона, но соотношение сил на сегодняшний день вы знаете. Возможно, придут снятые с фронта лояльные части, но это будет не сегодня, и не завтра.

— Ваш Военно-Революционный комитет может временно захватить Петроград, но именно временно, — сквозь зубы процедил Полковников. — Потом мятежники будут вышиблены из столицы.

— Да неужто?! — усмехнулся Дугов.

— Стоп! Опять уходим в сторону, — пресекла ненужный поворот разговора шпионка "от профсоюза".

Сейчас Лоуд стояла, склонив голову к плечу, и смотрела на переговорщиков.

Катрин стало не по себе — дошло, откуда это "стоп!" и наклон головы. Так вот какое впечатление производит подобный тон и неоднозначные манеры поведения на других. Вон — штабс-капитан вообще замер.

— Товарищи и господа, — проникновенно продолжила оборотень. — Время поджигает. Давайте решим что делать в принципе и перейдем к техническим деталям. Кому здесь нужен хаос и пулеметная пальба в городе? Есть такие?

Переговорщики молчали. Наконец, товарищ Дугов разверз уста и объяснил:

— Как анархист, я считаю любое подавление проявлений свободы личности — недопустимым. Но в данной ситуации, когда город сжимает когтистая рука голода, власть преступно бездействует, я голосую за незамедлительное пресечение пулеметного беспорядка.

— Значит, решили в рабочем порядке и единогласно, — резюмировала оборотень. — Задача дня: зловещую Третью сторону подсекаем и отсекаем немедленно. Екатерина, ты в розыскных делах разбираешься, набросай план резолюции переговорной группы.

Катрин начала писать, а остальные немедленно принялись собачиться по поводу катастрофической ситуации с подвозом хлеба. Штабс-капитан справедливо указывал, что Округ и вообще военные власти к снабжению продовольствием отношения не имеют, у самих с этим сложно. Представители Смольного так же справедливо указывали, что раз Округ на стороне правительства, то пусть и ответственность разделяет. Полковников не вмешивался, следил за набросками шпионки.

— Стараюсь лаконично, времени в обрез, — пробормотала Катрин.

— А вы ведь действительно умеете формулировать, — отметил генерал. — Сыскное агентство, говорите? Недурные штабисты у пинкертонов.

Проект унесли на перепечатку, переговорщики обсудили план безотлагательных мероприятий. Собственно, с чего начинать было уже вполне очевидно. В следственную группу вошли: от штаба Округа штабс-капитан Лисицын, от ВРК товарищи Дугов и Островитянская, себя Катрин вписала как эксперта-секретаря. Принесли резолюцию, поставили подписи.

— Транспорт вашей группе нужен? — мрачно осведомился генерал.

— Имеем, — заверила Лоуд. — Катерина, что нам еще нужно будет?

— По десять вооруженных человек от Зимнего и Смольного. Дежурные мобильные группы, — Катрин указала куда-то в сторону окна. — Когда мы найдем пулеметчиков, а мы их найдем, брать будем совместно. Дабы не возникло недоверия и обвинений в провокациях,

обмане, подлоге и всяком прочем. Товарищ Чудновский, и вы, ваше превосходительство, убедительно прошу выделить людей спокойных, опытных, чтобы друг друга раньше времени не перестреляли. Вот закончим дело, тогда пожалуйста.

— Люди будут, — заверил комиссар Чудновский, с вызовом глядя на генерала. — Нужно будет, и полсотни, и сотню выделим.

— Сотню не обещаю, но от нас будут самые опытные, — дернул углом узкого рта Полковников. — Товарищ, гм, Мезина, задержитесь на мгновение. У меня сугубо технический вопрос по пулемету.

Кабинет огромный, с видом на площадь. Жаль будет Полковникову отсюда уходить. Впрочем, он тут недавно, наверное, еще не прикипел.

— Бог с ним, с пулеметом, — прикрыв красные от бессонницы глаза, сказал молодой и некрасивый генерал. — Послушайте, Екатерина, я расспрашивать не хочу, и заставляя лгать тоже не хочу. Но вы же не "товарищ"? Вижу, что дворянка, и отнюдь не из идейных социал-демократов. Платят? Если честно?

— Не в том суть, Петр Георгиевич. Я — "товарищ Мезина". Ничего с этим не поделаешь. Привыкла к этому обращению. Я ведь из унтер-офицеров.

— Едва ли, — усмехнулся генерал. — Не очень вы похожи на ударниц.

— Специфика иная. А по сути... Тот же германский фронт. И очень мне жаль, что сейчас у мостов Невы нам бодаться приходится. Временно это дело. Как и правительство, что вы защищаете. Понять можно, но... Тупик. Скрутился узел, затянулся, лопнет, кровью умоемся. Потом опять: Днепр, Буг, Прегель, Шпрее. Отступления, наступления, окружения сидение в окопах и обходы-прорывы на сотни верст.

— Думаете?

— Уверена. Года идут, враг все тот же. Но нынешние пулеметчики русские-русскоязычные, наши, доморощенные... Все время, мля, под ногами путаются, умы смущают.

— Не сквернословьте, вам не идет, — вздохнул генерал. — Берите пример с родственницы. Очаровательнейшая особа.

— Разве родственница?

— Я ничего не утверждаю. Но какой смысл скрывать? Похожи вы, несомненно и очевидно.

— Тогда ладно. Пойду я, ваше превосходительство?

— Желаю успеха. Папирос возьмете?

— Благодарю, обещала семье, что брошу курить.

Катрин сбегала по лестнице. "Лорин" хищно урчал, жажда сорваться с места.

— Это что вы там за сепаратные переговоры устроили? — возмутился прямолинейный Дугов.

— О личном, Федя, сугубо о личном, — шпионка с ходу запрыгнула в перегруженную машину и лимузин рванул как бешеный.

— Между прочим, дверь я починил, — скромно заметил Колька-Николай, энергично вертя роскошную полированную "баранку".

— Молодец, всем бы так управляться, — Катрин уместила ноги, поправила полы полупальто.

Вот чего не хватало в чуде французской техники, так это печки.

Глава двенадцатая. Накануне. Утро.

Смольный

33 часа до часа X.

— Дохлый номер, — с досадой признал Гаолян, цедя теплый чай. — Ничего мы нынче не узнаем — вон, суета какая.

— Суета суетой, но и конспирация роль играет, — заметил Андрей-Лев, доедая кашу. — На нас не написано, что мы из боевой группы, так с какой стати с нами откровенничать?

Гаолян кивнул. В Смольном только время зря потратили, ну, это если не считать плотного завтрака. Комиссара дружины Ерорхинской фабрики, которого Филимон знал и на которого крепко надеялся, заставить не удалось. Знакомые красногвардейцы пытались помочь, но и сами были несведущи. Беда в том, что центров в Смольном имелось много, но все какие-то не те. Боевиков направили на третий этаж, там был главный штаб Петроградского РВК, должны были знать. Конечно, заявлять "это мы генерала Оверьянова положили, и юнкеров на Ново-Косом, тоже мы" было бы немного нагло и необдуманно. Определенно за провокаторов приняли бы. Приходилось выяснять косвенно, напирая на имена-клички связников. А вот кукиш вам — не знал таких никто. Крепко законспирирована ударная революционная группа. В очередном центре усатый человек, попыхивая трубкой, внимательно выслушал инвалида, сказал, что названных товарищей не знает и про Центр не осведомлен, посоветовал приходить к вечеру — сейчас многие члены комитетов в отрядах и частях. Вдумчивый товарищ дал боевикам свежую газету "Рабочий путь" и посоветовал пойти в столовую, пока там народу не особо много. Совет был дельный.

Столовая располагалась в бывшей трапезной института: низкий широченный зал с длиннющими столами. Выяснилось, что вчерашние щи уже кончились, нынешние только варятся, зато каша выдается щедро-мясная, чая можно брать по две кружки, на одноногий пролетариат талоны выделяются из резерва, а с неопределенных бесталонных сочувствующих посетителей берут по рублю, что по-божески. Усталая раздатчица бабахнула в миски каши с говядиной. Андрей-Лев с сомнением глянул на лежащие в общей корзинке жирные ложки, достал карманный нож со встроенной вилкой. Гаолян только усмехнулся — смелый человек, но со своими щепетильными завихрениями. Хотя оно и верно — рука у инженера твердая, душа насквозь революционная, непримиримая, но брюхо от сознательности малость отстаёт, имеет интеллигентскую слабость.

Завтракая, слушали бурные разговоры вокруг — по всему выходило, сегодня все и решится — настрой у народа злой, веселый.

— Такие дела, а мы ходим со своим... Не вовремя, — пробурчал Гаолян, дожевывая горбушку. — Пойдем-ка в мастерскую, Андрюха. Что-то на душе нехорошо. Может, приказ какой срочный. В общем, завтра разбираться будем.

Инженер только вздохнул. Двинулись к двери и тут Гаолян столкнулся со знакомым.

— Кондратьич, ты?! А чего здесь? — изумился красногвардеец с вислыми усами.

— Что ж, только вам по штабам таскаться? — поморщился Филимон.

— Да я не о том. Дома-то у тебя... Или не слыхал?

— Что дома?! — Гаолян схватил знакомца за ремень с подсумками.

— Не перекидывай, — с трудом устоял на ногах рабочий. — Жива, вроде, твоя Глашка. Напали ночью, стрельба была, но жива. В больницу снесли. Кто, чего напал — бес его знает. Я думал, тебе уж передали.

Гаолян молча рванул к выходу.

На деревяшке особо не разбегаешься, догнали в коридоре.

— Щас какой транспорт найдем, раз такое дело, — успокаивал красногвардеец.

— Известить не могли?! Товарищи называются...

— Да как тебя найдешь? Не ори, народ спит.

Вдоль стены действительно густо лежали накрывшиеся шинелями и пальто люди, рядом стояли составленные в козлах винтовки. Ну, солдата ором не разбудишь...

Гаоляна посадили в огромный как вагон грузовик, наполненный пачками листовок. Инженер крикнул, что в мастерской будет ждать, если что нужно и вообще...

Грузовик заревел двигателем, тяжело, по-бычьи покатыл к воротам, с трудом разминулись с пыхтящим броневиком, тут навстречу выскочила светлая легковая машина, впритирку, каким-то чудом ввинтилась между моторными громадами.

— Вот шальной! — заругался шофер грузовика. — Колька-дурень, туда-сюда гоняет как бешеный, доверили сопле мотор...

— Ты меня до больницы-Ушаковки довези, — тихо сказал Гаолян.

Водитель покосился:

— Не бойсь, папаша, тебя первым делом подбросим. Все одно, считай, по дороге...

* * *

Смольный институт, далее везде.

32 часа до часа X.

— Колька, разобьешь, дурак! — завопила Катрин, глупо зажмуриваясь.

— У меня расчет верный, — усмехнулся юный самоубийца, закладывая крутой вираж.

Видимо, пока была не судьба броню таранить — проскочили мимо угловатого "Остина", впереди здание Смольного невыносимо слепило огнями.

— Братец, ты, бога ради, поосторожнее, — взмолился с заднего сиденья обретший голос штабс-капитан.

— Что вы волнуетесь, у меня глаз точный, — заверил гаденыш-водитель.

— Николай, в такие дни изображать Шумахера — не уважать ответственность исторического момента! — строго указала товарищ Островитянская. — Понял, голубчик?

— Понял. Чего сразу матерно-то да еще по-немецки? — пробурчал обидевшийся мальчишка.

Катрин с облегчением высадилась из безумного лимузина, с усмешкой глянула на развеселившихся зрителей-солдат. Утро выдалось утомительным. Непрерывно гоняли по городу, начав с места происхождения у фабрики Ерохина. Полуподвал в лужах крови, исклеванная пулями самодельная мебель, эмоциональные, но малосодержательные рассказы соседей. Непосредственных свидетелей происшедшего не имелось. Было понятно, что два тела и раненую обнаружили внутри, еще один труп — снаружи. Но как началось, и собственно цель разборки оставалось абсолютно понятно. Несомненно, стреляли и из пистолета-пулемета: старший красногвардеец передал несколько гильз, да и по характеру и густоте пулевых отметин вполне понятно.

— Еще револьверы у них имелись, — рассказывал красногвардеец. — Ничего особого — браунинги. В отряде оставили.

— А пулемет?

— То есть как? — удивился фабричный вояка. — Пулемет передали в штаб.

Катрин молча глянула на товарища Дугова. Тот пожал плечами:

— Скрывать мы не собирались, но и демонстрировать оружие раньше времени сочли преждевременным. Мало ли... Дознание должно идти упорядоченно.

Шпионка присела у перевернутого стола, пытаясь понять по пятнам крови, где стояли погибшие и могли ли их всех разом расстрелять через окно.

— Мальчишка вон там лежал, — указал красногвардеец. — Документ у него нашли, но как звали парнишку, сейчас не припомню. Он не местный, к хозяевам иной раз заходил. С Кондратьичем они вроде вместе работали. Вместо ученика или подмастерья паренек был.

— Значит, случайно под пули подвернулся?

Красногвардеец покосился на штабс-капитана, неопределенно пожал плечами:

— Выходит, случайно.

— А девочка как уцелела?

— Бомбой ее контузило, ослепило, она под кровать закатилась, да видать, обеспамятела.

Насчет бомбы было странно — никаких следов осколков не заметно. Разбитое окно комнату выстудило, но гарь и запах тротила-аммонала въедливы. Катрин заметила, что напарница многозначительно принюхивается, и смаргивает. Что-то товарищу оборотню понятно.

— Общая картина ясна, так, товарищи и граждане? — Катрин оглянулась на членов комиссии.

— Да черт его разберет, — не стал скрывать своей озадаченности товарищ Дугов. — Грабить тут нечего, люди жили простые. Непонятно, чего в них стреляли. Надо бы на мертвых глянуть. Кстати, ты колено в крови измазала.

— Отстирается. Оглядываем дом снаружи и едем в больницу, — Катрин чуть заметно кивнула напарнице на красногвардейца — потолкуй приватно.

Тов. Островитянская у нас особа насквозь революционная, обаятельная, выяснит, о чем красная гвардия в присутствии офицерства не хочет упоминать.

Снаружи дом был как дом: "бараком" не назовешь, до высокого звания "здания" не дотягивает. Откуда стреляли в окна, вполне понятно, видимо, здесь же стрелка и прихлопнули. Кровь рассмотреть уже трудно: впиталась в сырую холодную землю, но натоптано вокруг изрядно, вот следы от телеги-труповозки, с этим тоже все понятно.

— Прошу прощения, о чем Людмила с вашим дружинником шептаться осталась? — с подозрением и определенной ревностью осведомился штабс-капитан Лисицын.

— О скорбных хлопотах, — мрачно отозвалась Катрин. — Мальчик, вполне очевидно, из местных, рабочих. С похоронами необходимо помочь. Возражать не будете? Тогда вернемся к стрельбе. Не совсем понятно кто убил человека у окна? Товарищ Дугов, пулемет ведь именно при нем был обнаружен? С пустым магазином?

— Да, сказали, что оружие нашли снаружи. А про патроны я не знаю, — признался анархист.

— Что ж вы так? Пулемет припрятали, о патронах умалчиваете. И это называется "совместное дознание", — глядя в сторону, сказал штабс-капитан.

— Откуда мне было знать, что этот пулемет такой важный пулемет?! — возмутился Дугов. — Глянул на ствол из чистого любопытства — штукенция необыкновенная. Брать в руки, в обойму заглядывать как-то не думался. Вот закончим здесь, поедem в Смольный, я вам этот пулемет дам на полноценный осмотр и обнюх. Но вы бы о нем мадам Катерину спрашивали — сдается, она на этих немецких тарактелках собаку съела.

— Именно на данный конкретный ствол я бы с большим интересом глянула, особенно на маркировку, — призналась шпионка.

Из подвала поднялась энергичная товарищ Островитянская.

— Что так долго? — в один голос спросили мужчины.

— Имя-фамилию хозяина квартирки на всякий случай выяснила. Наверняка, он не при чем, но вдруг у него гостил кто-то из нам интересных граждан. Если по больнице и прочему ничего не прояснится, придется этого хозяина разыскивать, — логично объяснила оборотень.

— Собственно, а почему хозяин квартиры не при чем? — вновь насторожился штабс-капитан. — Где он сам в данные момент? Он, насколько я понял к красной гвардии имеет отношение.

— Несомненно, наш человек, сочувствующий, — заверила Лоуд. — Вы его квартирные условия и барахло видели? Как может такой человек не поддерживать справедливое революционное дело?! Но сейчас он на работе — сдельно трудится, без увольнительных, не то что тут некоторые в фуражках. Но у него алиби.

— Для алиби нужны надежные незаинтересованные свидетели, — возразил Лисицын.

— Он инвалид, такое вот алиби, — объяснила товарищ Островитянская, забираясь в машину.

— Что, совсем инвалид? — уточнила Катрин.

— Вот какие вы, офицерский корпус, жесткосердечные, неизменно пытаетесь к простому рядовому пролетарию придраться! — возмутилась оборотень. — Отвоевался уж несчастный ветеран. Ногу ему оторвало на Цусиме или еще где-то в тех краях. Ковыляет на деревяшке, трудновато ему с пулеметом и бомбами шнырять. Сидит в мастерской, шилом ковыряет, лобзиком жихает.

— Это совершенно иное дело, можно же было и сразу пояснить, — несколько смутился офицер.

— Вы бы сами соседей и пораспрашивали, для полнейшей достоверности, — справедливо намекнула оборотень. — Ответственное следствие ведем, необходимо мобилизовать логику, железно сосредоточиться, а вы встали и дом разглядываете. Федор, я от тебя большей активности и настойчивости жду.

— Я готов. Но уж очень дело непривычное, не знаешь за что тут ухватиться, — пожаловался анархист.

"Лорин" погнал к больничке, Катрин подумала, что с хозяином квартиры действительно надо бы поговорить. Имелись у шпионки знакомые инвалиды — весьма деятельные и прыткие люди. Здесь, конечно, иной случай, но мало ли — вдруг в подвале у этого одноногого явочная квартира? Или какой-нибудь перевалочный склад устроен в мастерской? Красногвардейцы комнату на всякий случай осмотрели, но специфического опыта у них нет. Ухватиться пока, действительно, не за что. Возможно, хотели взять хозяина и что-то вытрясти, но не нашли, в досаде убили мальчишку-подмастерье. Хотя это картину преступления не объясняет.

В больнице никакой ясности не прибавилось. Сначала к пострадавшей вообще не хотели пускать — "нервное потрясение, слепота, имейте совесть". Лоуд заверила, что они "с дамой" имеют фельдшерское образование, а мужчины ничего спрашивать не будут, они для подписания протокола. Неохотно пустили в шестиместную палату, закономерно что никакого допроса не получилось. Девчонка с завязанными глазами — худая и, видимо, жутко некрасивая, балансировала на грани истерики и разговаривать вообще отказывалась. "Да, нет, не знаю", из-под повязки текли слезы, соседки в голос требовали "отстать от

несчастненькой бедняжки".

— А ну, гражданки, живо увяли со своим кудахтаньем! — в сердцах скомандовала Лоуд, прохаживаясь по тесной палате. — В городе резко участились злодейства, нападения и беспочвенный бандитизм. Сегодня здесь одна девица рыдает, завтра сотни возрыдают. "Геометрическая прогрессия" называется. Слышали? Нет? Вот я и говорю — совершенствование образование и ликвидация безграмотности при новой власти будет на первом месте. Наравне со здравоохранением. А то у вас тут одной касторкой воняет, да и то прогорклой. Значит так — девица остается на вашем попечении, успокаивайте, чаем отпаивайте, как угодно, но чтоб рассказала, как и что было. Вечером заедем, все детально запишем. Вопрос архиважнейший, государственный. Вот ты за главную ответственную будешь. Грамотная? — оборотень указала на женщину попричесаннее, та испуганно закивала. — Без старорежимной злобы, сердечно, по-товарищески, расспросите пострадавшую, записываете и запоминайте все полезное и бесполезное. Обществу жизненно необходимо пресечь череду жесточайших преступлений. Всем ясно? Следственная группа — на выход!

Торчавшие в дверях мужчины и Катрин охотно двинулись прочь. Товарищ анархист и "его благородие" пребывали в некотором ступоре: расхаживающая по палате Островитянская порядком потеряла во внешнем лоске и изысканности, походила на здешних болящих: такая же городская, насквозь свойская-простецкая, разве что порумянее — осознать такое замороченное изменение было невозможно.

— Да, насчет глаз, — вышедшая Лоуд сунула голову обратно за дверь палаты. — Эй, Глафира, за глаза не трусь — прозреешь. У меня точно так же было, только через сутки отлежалась, веки разлепила. Это бомбы такие жандармские, особой гадости — глаза выжигать. Но нас таким не возьмешь!

В палате дружно ахнули, потрясенные жандармским коварством, а Лоуд повернулась к следователям, и опять была той самой: с точеным аристократическим лицом, таинственной улыбкой, в стильном прекрасно сидящем жакете — просто петербургская богиня. Руководяще-революционная, насквозь поэтичная.

— Теперь в морг, господа-товарищи, — молвила многоликая богиня.

В морге, вернее, мертвецкой оказалось совсем уж нехорошо. К останкам людей Катрин относилась с должным уважением, но относительно спокойно. (К счастью, непосредственно общаться с умершими приходилось редко, боги миловали, для такого образа жизни особая склонность и железные нервы необходимы). Но в здешней мертвецкой было уж очень неупорядоченно. В полутьме под низкими сводами-арками бродили рыдающие родственники, разыскивали близких, пытались ворочать неподатливые тела. Кто-то горланил нечто скорбное, но таким развеселым тоном, что хотелось пойти и дать ему в морду. Назидательно вещал, останавливал ищущих, шепелявый батюшка, которому здесь вроде бы и вообще было не место. У конторки истошно звали пропавшего санитаря и нашатырный спирт.

Да, главное, запах. Вроде и осень на дворе, и холодно, а не продохнуть. Тела лежали на столах, на грубых лежаках-нарах, но большей частью прямо на полу вдоль стен: раздетые, одетые, полуодетые, женщины, мужчины, дети — все вместе.

— Словно газом удавливает. Это потому, что тел много, — крепясь, объяснил анархист.

— А тел много, потому что революция началась и все никак не кончится, — пробормотала Катрин.

Штабс-капитан, без церемоний зажавший нос и рот носовым платком, согласно кивнул.

Оборотень, относящаяся к останкам еще проще напарницы, вспомнила, что хотя и в статусе революционерки, но рафинированной, и извлекла кружевной платочек.

— Действительно, много. Но не потому что революция, а строго и абсолютно наоборот. Порядка нет. Если кто скажет, что все нормально и никаких изменений бытие России не требует, пусть сюда заглянет. Ладно, а как нам искать? Подряд, что ли смотреть? Так мы их не узнаем.

Товарищ Дугов мужественно отправился на поиски местного начальства, шокированный Лисицын смотрел на тела в окровавленных шинелях, грудой лежащие под колонной, а Катрин, пользуясь, случаем спросила у напарницы:

— Нюансы проявились?

— Мелкие. Во-первых, не бомбой девчонку ослепило, а гранатой. И не светошумовой, а именно световой

— Гм, а такие бывают?

Оборотень посмотрела с сочувствием:

— Катя, ты лучше временно вообще не дыши. А то нюансов не улавливаешь. Я в ваши оружейные дела никогда не лезу. Браунинги, шмаунинги, мразеры-браузеры — это как хотите, пока меня не касается. Но ежели в меня швыряют некой заумной шмондюковиной, то я невольно запоминаю. Хорошо, у меня реакция быстрая. Но действительно левый глаз потом дня два плохо видел. Заср... в смысле, метателю это не помогло, я этого гаденьша с его сюрпризами... Впрочем, это я потом расскажу. Значит, граната — короткое шипение, потом белая вспышка. Полагаю, не летальное, но чрезвычайно гадостное оружие. А заостряю я твое благородное внимание на этом факте, поскольку подобные гранатки — очень современное оружие. В смысле, по вашей временной линии его вообще еще нет.

— Даже так?

— Именно. Вот и думай.

— Понятно. Что еще?

— Еще девчонка врет.

— Угу, я тоже так подумала.

Оборотень фыркнула:

— Ты подумала, а я уверена. Явно девка догадывается, кто кого и зачем уколошил. Но вытрясти из нее нужное при таком количестве зрителей не получится. Да и наврет она сходу, недорого возьмет. Характер в этой худобе есть, это я тоже заметила. Нужно как-то в обход к ней выходить. Местный товарищ из Красной гвардии подтвердил что хозяин комнаты был сочувствующий революции, и не только на словах. Конечно, сам одноногий в бой идти не мог по состоянию организма, но ненависть к буржуям испытывал солидную. Предполагается, что помогал оружие в порядок приводить и прочим. Солдатский опыт у него был изрядный. Надо бы все-таки найти этого одноногого, расспросить спокойно, без лишних свидетелей. Да, но сейчас мысль поважнее мне в голову пришла. Если сопоставить все эти пулеметки, карандашники, и особенно гранатку...

Договорить оборотень не успела — появился Дугов, конвоировавший доктора — в прямом смысле конвоировавший, то есть подталкивающий в спину стволом нагана.

Доктор, молодой и на редкость непричесанный, возмутился:

— Хам вы, а не анархист! Я буду жаловаться! По какому праву?! Не смейте меня толкать! Кто здесь главная мадам-комиссар?

— Если по поводу приема жалоб — то я главная, — отозвалась Катрин. — Жалуйтесь. Потом встанете вот к той стене — там посвободнее, и я вам в лоб выстрелю. Устроил десятый круг ада, эскулап вонючий. С людьми, даже мертвыми, так не обращаются. Элементарный порядок трудно навести?! Урод, твою...

— Понятно, барышня, — врач неожиданно успокоился, достал папиросы. — К стене, так к стене. А что товарищам революционерам от меня-урода нужно, кроме как расстрелять?

— Три тела. Привезли утром от Ерорхинской фабрики. Огнестрелы, — поспешно сказал штабс-капитан Лисицын, явно поверивший, что доктора могут немедля кончить.

— Этих знаю, в третьей лежат, — сказал, закуривая, хозяин преисподней. — Их с документами привезли.

— А эти все бездокументные?! — поразился Дугов.

— Вы догадливы, молодой человек. Шестдесят четыре тела: здесь и в анатомическом зале. Больше мне трупы класть решительно некуда. И у меня один санитар. Было двое, но одного вчера избили. Жив, но два перелома. Остальные разбежались. Нам, видите ли, не платят-с уже месяц.

Доктор довел следователей до двери в небольшую комнату:

— Ваши слева. Впрочем, разберетесь. Тех что справа, топором отработали, внешне немного отличаются. Документы на столе.

Доктор утопал, не дожидаясь ответа, а следователи вошли в комнату.

Трупы лежали тесно, но в относительном порядке, под простынями и с бирками.

— Яаан Лайттонер, мещанин, 35 лет, уроженец города Цесиса... — зачитывал штабс-капитан.

Остальные следователи сличали фото удостоверений личности с малоузнаваемыми мертвыми лицами, осматривали повреждения на телах. В общем-то, во вскрытии нужды не было — и так все понятно.

Мальчик лежал третьим. Круглолицый, глаза закрыты — верхнюю часть головы пули не затронули. В остальном...

— Да, явно не на шальную пулю налетел, — с сочувствием сказал анархист. — За что его так?

— Похож он на кого-то, — в замешательстве, столь несвойственном ей, прошептала оборотень. — Лицо знакомое. С отцом я его видела, что ли?

— Выписка из метрической книги. Борис Сальков, — зачитал Лисицын, — четырнадцати неполных лет, в январе исполнилось бы. Знаете каких-либо Сальковых, а, товарищ Людмила?

— Вроде бы нет, — Лоуд явно силилась вспомнить.

— Похоже, его почти в упор расстреливали, — сказала Катрин. — Надо бы одежду посмотреть. Может, в карманах что-нибудь найдется. Возможно, его как свидетеля убирали.

— Свидетеля? — оборотень бестрепетно взяла негнущуюся руку покойника, принялась. — Не, паренек не из жертвенных был. Сам стрелял. От правой порохом так и разит. Держу пари, как говорили в нашей лондонской эмиграции, он вот того толстого и уложил. Это как раз в комнатухе было.

— Да ладно, мальчишка же совсем, — не поверил товарищ Дугов.

— Порох — субстанция весьма пахучая, — напомнила Лоуд. — Иди-ка сюда, сам нюхни.

— Чего идти, у меня насморк, — уклонился анархист. — Ладно, они, значит, в комнате

были, расстреляли друг друга, а снаружи добавили. Но кто тогда уличного мещанина Лайттонера добил? На нем кучно, прямо в корпус. Кстати, кто вообще такие эти эстонцы?

— Видимо, исполнители, — ответила Катрин, прощупывая извлеченную из отдельных мешков одежду покойников. — Шли они кого-то зачищать, но что-то повернулось не так.

— "Зачищать" — странноватое определение, — отозвался штабс-капитан. — Кстати, третьего, того что стоял на улице, могли убрать свои. При условии, что он получил ранения и не мог самостоятельно двигаться. Увы, слышал я о таких фактах у преступников. Шуму нападавшие наделали, народ стал сбегаться, вот и... застраховались.

Предположение было разумным. Больше у следственной группы никаких мыслей не возникло — возня с одеждой оказалась малопродуктивной, никаких писем, шифровок, тайных знаков найдено не было. От одежды вроде бы пахло оружейной смазкой, но пятен на брюках и рубашках имелось столько, что что-то определенное сказать трудно. Решили изъять ключи покойников — вдруг что-то подскажут.

Следователи поспешили на свежий воздух, а Катрин пошла искать, где можно помыть руки — заскорузлые частички засохшей крови стряхиваться не желали. В коридоре опять начался ад — в "неопознанной" мертвецкой кто-то нечеловечески выл — узнали таки своего, пропавшего. Мигал на потолке желтый свет ламп — опять на электростанции чудят. Навстречу Катрин из засады качнулся батюшка, забормотал:

...- Отпусти ему вся согрешения его вольная и невольная, словом и делом, ведением и неведением сотворенная... Отпеть недорого, обмыть, обрядить. Есть хорошие специалистки, опытные, знающие, монастырские.

Про монастырь это он зря упомянул, шпионка и так была на взводе. Катрин сгребла батюшку за рясу на широкой груди, с силой обтерла о ткань ладони.

— Ты что, дщерь божья?! — перепугался чуткий служитель культа.

Шпионка выдернула из-за пояса маузер, ткнула ствол в поповскую бороду:

— Еще раз здесь увижу, шлепну.

— Да за что, безумица безбожная?! Страждущим утешение надобно, иначе как...

— В церкви утешенья обрящут. А здесь мирское, здесь не душе, а телам последний долг отдают. Нашел место мощну набивать, гадина.

Поп панически фыркнул, вырвался, протопало сводчатым коридором эхо его сапог, сгнуло в полутьме. Катрин, морщась, сунула пистолет на место.

— Стало быть, мне можно не удирать? — спросили из сумрака.

— Доктор? Все опасаетесь?

— Не особенно. Привык-с. А вы всех подряд пистолетом пугаете?

— Нервничаю. Готова извиниться, — пробормотала Катрин. — Но не буду. Толку от моих извинений маловато, да и сама я проезжая, мимолетная, ненастоящая. Но если доведется говорить с людьми, облеченными властью, про здешний ужас непременно упомяну. Невыносимо стыдно для столицы. Даже для переломного исторического момента, очень стыдно. Полагаю, должны помочь людьми и деньгами.

— Практичная вы женщина, — восхитился доктор. — Слушайте, оставайтесь, а? Будете документацию вести, по вышестоящим инстанциям ездить. Сработаемся, потом я вас замуж позову.

— Предложение неожиданное, но лестное, — улыбнулась шпионка. — Увы, я уже очень семейная женщина, даже многодетная.

— Вот так всегда. Очень жаль.

Оставив веселого доктора в его аду, Катрин вышла во двор, вспомнила, что руки так и не помыла. Ладно, о батюшку вытерлись, тоже очистительная, отчасти богоугодная процедура. Следственная группа мрачно курила у автомобиля — возвращение из преисподней требовало паузы на отдых.

— Слушайте, а вы обе и по медицинской части, что ли? — поинтересовался анархист, предлагая папиросы. — Уж на диво хладнокровны.

— И по медицинской тоже, — согласилась Катрин. — Я как-то даже во вскрытии участвовала, но живо осознала, что то не мое призвание. Благодарю, я курить заканчиваю, семье обещала.

— Весьма разумно, мне вот тоже дым горчит, — штабс-капитан бросил недокуренную папиросу. — Что дальше?

— В Смольный, осматриваем оружие, потом имеется на примете еще один адрес. Вроде бы данный человек может что-то знать по интересующей нас теме. Литератор, широкий круг знакомств и общений, ну и...

В этот миг рука товарища Островитянской схватила напарницу за запястье — Катрин чуть не заорала — лапа оборотня оказалась неожиданно холодной и жесткой как стальные кандалы.

— Один момент, товарищи, — сквозь зубы процедила Лоуд. — Я же письмо домой не написала. Прошу прощения, это сугубо личное, семейное.

Она потащила напарницу за машину.

— Что с тобой? — занервничала Катрин. — Ты даже побледнела, в смысле...

Оборотень действительно изменилась в лице. Не бледность, скорее, густая оливковость, но все равно, такого за ней раньше не замечалось.

— Я вспомнила, — прошептала Лоуд.

— Что именно?

— Мальчика. Чертт, не мальчика, конечно. Это он сейчас мальчик. Был. А потом он стал.

— Кем он стал?

Лоуд назвала.

— Да быть этого не может! — не поверила Катрин. — Он же...

Знакомое лицо, ведь действительно знакомое. Только слишком юное.

— Я его в "Артеке" видела, — шептала оборотень. — Подумала, что нашему университету не хватает культурно-досуговых традиций. Дай, думаю, гляну, как это обустроивалось в годы зарождения пионерского движения. Ну и на него посмотрю, познакомлюсь. Все же он легенда. Сидели у огромного костра, пели, яблоки грызли, он отрывки повести читал, дети слушали как зачарованные...

— Поверить невозможно, — с трудом выговорила шпионка. — О боги, вот до чего эти революции доводят. Ничего не успел мальчишка.

— Он успел! — яростно запротестовала Лоуд. — Ну да, меньше, чем в тех длинных мирах. Но он всегда был бойцом. И ты знаешь, что такое боец даже лучше меня.

— Да, но... — Катрин замолчала.

— В Смольном нужно сказать, чтоб похоронили достойно, — Лоуд уже приходила в себя. — Ладно, оставим поминки и церемонии до времени. Я тебе начала говорить о подозрениях, а теперь вот подтверждается. У них план. У шмондюков, что пулеметы притащили. По целям бьют, на выбор. Члены ВРК, теперь он — лучший писатель. Чтс

дальше? Этот твой Бунин? Он хоть и совершенно другой масти, но все равно. А если еще подумать? Кто на очереди? Ильич?! Ведь, если они пришлые, то знают примерно тоже, что и мы? Будут стравливать массы и уничтожать вожakov и знаковые фигуры.

— Тогда, скорее, следующими целями должны быть Троцкий и Керенский, чем... — Катрин неуверенно кивнула в сторону морга.

— Что ты тупишь?! Он-то куда больше сделал для дела революции, чем всякие предревкомы и ЦыКи, хотя неких должностей не занимал. Ладно, едем, а то коллеги заподозрят в отдельном заговоре. Но думай, Светлоледя, думай! Времени в обрез...

"Лорин" рванулся к Смольному...

Проносились улицы-мосты, заставы с красными лентами на папахах, с бледными лицами под юнкерскими фуражками. Доносилась редкая разрозненная стрельба, толпился жаждущий новостей народ на Невском. Еще спокойно, еще не сорвалась сжатая пружина. Ее старательно выбивают вбок — соскочит, хлестнет по темному осеннему городу, взлетят брызги крови выше Исаакия и шпиля Петропавловки. Где? Где намечен следующий гнойник? Из очевидных целей: Зимний-Смольный, вожди. Но есть больницы, мосты, вокзалы, те же электростанции. Водозабор? Пожары на складах продовольствия? Впрочем, склады уже пусты. Хотя важен не сам урон, важнее слухи, паника. Следовательно: массовая гибель людей, нечто чудовищное, противоестественное. Массированный артобстрел с кораблей? Просто класть снаряды по кварталам, куда угодно, лишь бы горело и громыхало. Но как это могут повернуть Чужие? Центробалт на такое явно не пойдет — "братишки" при всей своей неоднозначности, не зверье. Слишком громоздкое предприятие. Атака бронедивизиона на Зимний — с хаотичной пальбой по окнам, очередями по бабам-добровольцам, по юнкерам и казакам? Организация ударного отряда даже из десятка броневиков едва ли останется незамеченной. Нет, что-то иное. Тоньше, изощреннее.

Катрин понимала, что Чужие вовсе не похожи на слизистых гадов-дарков из старинного фильма. С теми бы у Лоуд имелись бы недурные шансы договориться. Проблема Чужих в том, что они практически свои. Знающие, улавливающие нюансы. Судя по ударам — у здешних Чужих ненависть к Петрограду личная, интимная. Впрочем, в гражданской войне у всех — личное.

Не угадать. Остается только ускориться. Кажется, все это понимают, поскольку Кольку Владимировича никто не останавливает. Прыгает "Лорин" через поребрик, пугает улицу и пассажиров. Вот же мерзавец, осиротит "Две Лапы"...

* * *

На КПП Смольного товарищ Островитянская немедленно убыла на проверку "ка цветочки", а Катрин и анархисту пришлось убеждать часовых, что штабс-капитан нужен для переговоров, пропуск он имеет, и вообще, был бы он шпионом так переоделся и усы перестриг. Наконец, следователей пропустили, злой товарищ Дугов высказался в том смысле, что с революционной дисциплиной не все еще гладко. Прошли на третий этаж, анархист убежал узнавать куда делся пулемет, а оставшаяся половина группы осталась курить в коридоре и привлекать ненужное внимание. Вооруженных людей здесь хватало и смотрели они на Лисицына крайне неприветливо.

— Есть предчувствие, что меня сейчас и расстреляют, — обронил штабс-капитан, сосредоточенно затягиваясь.

— Ну что вы, рано еще, — успокоила Катрин. — Вот через полгода, годик...

— Я уже заметил: вы с Людмилой — большие оптимисты, — мрачно кивнул офицер. —

Сейчас многие делают вид, что знают больше, чем говорят. А другие, наоборот.

Врать Лисицыну не хотелось, а что сказать утешительного, шпионка не знала.

— Курить — здоровью вредить! — мелодично, но громогласно объявили на весь коридор. — Товарищи, дайте хоть воздуху дыхнуть, работать же невозможно! — призвала товарищ Островитянская, разгоняя дым взмахами немаленькой прокламации. — Мезина, я долго ждать буду? Берем делегата офицерства и бегом в мой кабинет!

— Куда?! — изумилась Катрин.

Оказалось, офисное помещение напористая оборотень успела выбить: в дальнем конце коридора, но вполне себе просторная комната, и даже табличка с названием "Общ. орготдел" на дверь уже прибита, хотя и кривовато.

— Поправь, Катя, а то я не достаю, — распорядилась товарищ Островитянская, заводя офицера внутрь. — И соседям заодно приколоты, а то неудобно перед товарищами.

Пришлось прибивать таблички к окружающим дверям, в "Секции гужевого снабжения" еще и высказали претензии: отчего это в последнюю очередь ими занялись? Катрин заверила, что не все таблички распечатаны — стратегического картона не хватает.

В кабинете "Общего орготдела" деятельная Лоуд проверяла телефон:

— Работаете пока. Большие проблемы у нас со связью. Режут провода правительственные мерзавцы, будто поможет такая манера власть удержать. Напрасные надежды, господин Лисицын, вы им так и передайте!

— Непременно передам. Но это не я режу, у меня и клещей нет, — отрекся штабс-капитан.

В кабинет вперся Колька, с чайником, хлебом и накрытой тарелкой, доложил, что масла дали много, а хлеба мало — не привезли еще ночной.

— Не время тревогодничать, — напомнила товарищ Островитянская. — Садись, пей-ешь, будь готов к немедленному выезду. А нам нужно ближе к делу. Где, чертт его возьми, наша анархическая составляющая и этот проклятый пулемет?!

Анархическая составляющая влетела со свертком из шинельного сукна и в сопровождении целого хвоста специалистов. Сразу стало шумно, людно, все немедленно закурили.

— Катя, не стесняйся, изучай вооружение, — командовала товарищ Островитянская, освобождая место на столе, сгребая бумаги, вазу с гвоздиками и иное, необходимое для функционирования "Общ. орготдела".

Лежащий на сукне МР-40 от своих многочисленных родственников ничем не отличался. Катрин проверила магазин — пуст. От ствола шибало гарью, сразу ощущалось, что стреляли недавно. Возиться с оружием под взглядами десятков глаз было не очень приятно, но тут дело понятное.

— Полагаю, вполне очевидно, что оружие было ночью в работе, — сказала шпионка, снимая ствольную коробку. — Не мешало бы смазать, а так во вполне исправном состоянии. Маркировка деталей видна, остальные надписи забиты и зашлифованы — это тоже отлично заметно. Снимали надписи определенно не вчера, следовательно, готовилось оружие заранее. В остальном можно сказать, что модель редкая, но не уникальная. Но это явный след, товарищи. Нужно по нему идти.

— Это точно немецкая модель? — спросил кто-то.

— Исполнение, материалы и форма характерные. "Люгер-Парабеллум" так и напрашивается этому стволу в родичи. Какие сомнения?

— Скорее, уточнение. Эта деталь под стволом — она для чего?

— Опорная шина с крюком. Для стрельбы из амбразур, смотровых щелей броневиков и прочих специфических укрытий.

Распахнулась дверь, вошел порывистый человек — жгучий брюнет, с уже тронутой сединой шевелюрой. Пожал руку товарищу Островитянской:

— Работаете? Есть ли успехи?

— Есть, Лев Давидович, но коренного перелома в расследовании пока добиться не удалось.

— Постарайтесь, товарищ Людмила. Еще сутки, и все будет сокрушено безо всяких там переговоров и компромиссов! — Лев Революции с вызовом глянул на штабс-капитана. — Так и запомните: не мы это начали, но мы закончим!

Председатель Петросовета перевел взгляд на полуразобранный пистолет-пулемет и брезгливо указал на него пальцем:

— На какие только ухищрение не идет международный милитаризм, в своем желании продолжить бессмысленную и кровавую бойню! Ничего, очень скоро такие пулеметы окажутся в руках германского пролетариата и застрочат в нужную сторону!

— Удивительно точное пророчество, Лев Давидович, — не удержалась и подтвердила Катрин.

Троцкий кивнул, мельком глянул на шпионку, потом еще раз, уже внимательнее:

— Гм, а я ведь вас знаю? Товарищ, э, товарищ...

— Товарищ Мезина, — подсказала оборотень. — Моя помощница и консультант.

— Понятно, — Троцкий как-то неуверенно одернул полы своего пиджака. — Вы продолжайте, продолжайте, товарищи. Каждая минута на счету.

В дверях он обернулся, еще раз взглянул на Катрин. Так уже бывало. Нет, это не петля времени, не воспоминание о былом. С Троцким шпионке будет суждено встретиться почти через два года, но та встреча уже свершилась, пусть и не в этой "кальке", и не с этим революционным Львом. Собственно, и шпионка тогда была куда моложе, проще и порывистей. И все же... Все же все миры и любые их отражения объединяет нечто неуловимое, но общее... Время — очень хитрая паутина.

Но думать над теориями было некогда.

— Так, товарищи, время уходит! — призвала неукротимая Островитянская. — Пулемет упаковать, опечатать, сдать под ответственное хранение. Я на минуту к руководству и выезжаем по следующему адресу. Пилот "лорина", ты чаю попил?

— Готов хоть щас стартануть! — заверил шофер, успевший во время ознакомления с таинственным пулеметом умять недурную краюху хлеба с маслом.

— Тогда все к машине! Бодрее, товарищи! — вдохновила соратников Лоуд, для убедительности подняла и звучно брякнула трубку телефона и умчалась "по руководству".

Как это у нее получается? Мгновенно становится своей, всем знакомой, причем "в глубоком авторитете". Как-то оборотень пыталась объяснить свои способности, напирая на "эффект свадьбы". Вкратце: впечатлениям людей свойственно "отражаться" и видя уверенного персонажа, наблюдая реакцию на него окружающих, человек делает логичный вывод, что сей персонаж находится на своем месте уже давно, многим знаком и глубоко симпатичен. Он родственник со стороны "другой половины" — мало кто знает всех присутствующих лично, предполагая, что незнакомцы, это гости со стороны жениха. Или наоборот. Революция, несомненно, очень большая и многолюдная свадьба. Впрочем,

способностей товарища оборотня данная теория не объясняет, поскольку те способности в принципе необъяснимы.

* * *

Выходя к машине, следственная группа дружно убеждала Кольку ехать быстро, но не безумно.

Глава тринадцатая. Накануне. День.

Улица Пушкинская, конспиративная квартира

31 час до часа X.

...- В самом деле, Алексей Иванович, вы бы стопочку пропустили для поправки здоровья.

— Прекратите хихикать, Шамонит. Я дурно себя чувствую, но спиртное здесь абсолютно ни при чем, — великий литератор выглядел несвеже и тщательное причесывание перед зеркалом недугу помятости вряд ли могло помочь. Впрочем, рассуждал Понедельник вполне трезво: — Если вечером нам вновь брести в этот проклятый Смольный, никаких стопочек. Схожу в кофейню. Заодно раздобуду газет. Грант, вы со мной? А с вами, Петр Петрович, полагаю, уже утром увидимся.

Вот это и к лучшему — не будут мешать собирать вещи. Петр Петрович запер за коллегами входную дверь, и, насвистывая об отворенной калитке^[22], направился в свою комнату. Утро уже перестало быть утром, пора сказать квартире последнее "прощай" и направиться в запасной приют одинокого странника. Шамонит еще третьего дня предусмотрительно снял номер в "Большой Северной"^[23]. Пора, пора заканчивать с этой никчемной мальчишечьей боевкой.

Собственно, саквояж уже был собран. Ничего лишнего Петр Петрович брать не собирався — всякие громоздкие пулеметы и осколочные бомбы уходят в прошлое. Вот бесшумный револьвер вполне способен пригодиться в будущем. Заодно следует прихватить бритву Гранта — изумительная немецкая сталь, держит заточку просто удивительно.

— Прости, Игорь, тебе прибор уже вряд ли понадобится, — молвил практичный отбывающий, снимая с полки бритву с костяной ручкой...

Вот, собственно, и все. Петр Петрович надел пальто, окинул взглядом столовую: не так уж дурно коротали время, пусть временами и случались утомительные моменты, да-с. Шамонит хлопнул себя по высокому лбу, сходил в комнату литератора и забрал коробку револьверных патронов. Пора, пора уходить. Имелось предчувствие, что события ускорят свой ход. Учитывая намеки связника и звонок господина Иваноффа, кризис близок.

По привычке Петр Петрович выглянул из-за шторы на улицу: серо, мрачно, спокойно. Бредет точильщик, две зрелые барышни семячат под ручку — определенно не филеры. Экая унылость. Эх, в Марсель бы, побыстрее. Или в Цюрих?

Барышни на тротуаре шарахнулись к стене дома — донесся визг и рычание мотора — на Пушкинскую на полном ходу вынырнул длинный легковой автомобиль.

Просто прелесть, а не машина. Петр Петрович к классической механике относился с пренебрежением — шатуны и клапаны это вчерашний день, будущее за химией и чистой физикой. Но подобным экипажем следует обзавестись. Когда-нибудь позже, когда основное задуманное сбудется. Можно заказать бронированный экземпляр. Как славно будет пугать обывателей, разгоняясь где-нибудь в Париже или Нью-Йорке. Там, кажется, широкие авеню.

Шикарное авто остановилось практически под окном наблюдателя. Выскочил офицер, предупредительно подал руку даме. Недурна. Врожденная рафинированная элегантность,

сдержанная грация, ей бы соболями меха пошли. Впрочем, могла бы быть и помоложе. Из экипажа выбрался растрепанный субъект в матросском бушлате — по виду из революционных, револьверная кобура напалена нагло, через плечо — задрал голову, глянул, казалось, прямо в глаза Петра Петровича. Шалишь, братец, портьера плотная, не просвечивает. С передней подножки лимузина соскочила высокая баба, странновато одетая, в черной круглой полу-поповской шапочке.

— Однако! — вот теперь Шамонит вздрогнул.

Она! Определенно, она! Рост, прядь светлых полос прижатая плотной шапочкой к щеке. Цвета глаз не видны, но и так...

Петр Петрович метнулся в соседнюю комнату. Пулемет лежал под раскрытой газетой, готовый к бою. Инженер сдернул затвор с предохранительной прорези, сшибая стулья, кинулся обратно к окну. Деньги, деньги сами шли в руки! Можно будет дополнить проект лаборатории. Пусть живьем взять эту долговязую колибри не суждено, все одно...

Прибывшие все еще стояли около мотора, разглядывая дом. Изящная дамочка указывала на дверь соседнего подъезда. Да, дом трехподъездный. Забавно, но как они вообще смогли вычислить? Впрочем, не важно.

Второпях Петр Петрович распахнул раму окна слишком резко — кто-то внизу повернул голову. Черт, откинуть приклад уже нет времени. Шамонит вскинул увесистое оружие и дал длинную очередь...

...Пулемет ритмично стучал, дергался в руках. Мостовая у автомобиля опустела, иногда по булыжникам вспыхивали мелкие искры рикошетов, в тенте и на корме лимузина появлялись отверстия. Магазин опустел, пулеметчик отшвырнул горячее оружие под кресло. Снизу, донесся отчаянный, кажется, мальчишечий вопль:

— Ты что, скотина, творишь?!

Петр Петрович засмеялся — зацепил, наверняка, зацепил — так ужасаться и голосить можно только по страстно возлюбленной бабенции.

Подхватив саквояж, Шамонит пробежал к черной лестнице, закрыл за собой дверь, дважды повернул ключ снаружи. На площадке было тихо и дремотно, даже кошачий запах попритих. М-да, прохладный денек. Петр Петрович сбежал вниз. В дверях попалась баба с корзиной белья. Инженер вежливо придержал дверь.

— Ой, барин, а что за треск на улице-то? — встревожено спросила соседская прислуга.

— Пустое, революционное баловство, пошумят, погорланят, да уймутся, — засмеялся Шамонит.

Смежные проходные дворы были ему отлично известны. Идти недалеко, гостиница на Лиговской, но лучше не спешить, сделать солидный крюк для проверки...

* * *

Там же, улица Пушкинская, две минуты назад.

— Три подъезда, надо бы одновременно проверить, — распоряжалась товарищ Островитянская. — Вообще архитектурный размах непременно погубит наш Питер. Вечные какие-то башни норовят выстроить и фонари побить. Как здесь преступников прикажете разыскивать?

Наверху с треском распахнулось окно. Катрин, не раздумывая — инстинкты, что этого мира, что иных, на внезапные звуки учили реагировать одинаково — за плечо швырнула напарницу за машину, пихнула туда же коллег-следователей.

Товарищ Дугов с опозданием распахнул пасть, намереваясь повозмущаться, но вокруг

уже стучало, колотило и взвизгивало. В машине заорал Колька.

— На землю, дурак, — крикнула Катрин шоферу, но сама себя не услышала.

Бесконечная очередь, наконец, оборвалась...

— Ты что, скотина, творишь?! — вне себя, вопил юный автомобилист. — Такую машину портить?!

— Выпрыгивай, Никола, а то прострочит! — призвала опытная Лоуд.

— Что прыгать?! Револьвер мне дайте! — негодовал бесстрашный шофер.

Дугов высунулся из-за кормы "лорина" и открыл огонь по окнам.

— Да ты видишь кого? — поинтересовался, сжимая наган, штабс-капитан.

— Не, не вижу. С третьего этажа, вроде, — предположил анархист и выстрелил еще дважды.

Поскольку время на перезарядку автомата хватило бы с лихвой, Катрин догадалась, что обстрел окончен. Уйдут, скоты. Впрочем, работали одним стволом, надо думать, и стрелок один. Подъезд, видимо, средний, этаж действительно третий. Объяснять план захвата некогда. Шпионка рванула застешки юбки.

— Даже так?! — восхитилась анархистская фракция следственной группы, торопливо набивая барабан револьвера.

— За выходами следите. Задний двор... — не договорив, Катрин метнулась напрямую к дому — под стену, в мертвую зону. За спиной стонали — кого-то из гражданских задело. Вдоль стены к двери подъезда — по мостовой ничего не грекает — гранат не будет. Высокая дверь, блеск бронзовой ручки, гулкий подъезд — глаза перепуганного консьержа, благоразумно присевшего-укрывшегося за столом. Ступени, дубовые перила,ковка ампирной немислимой красоты. Второй этаж — дверь приоткрывается, возмущенная женская физиономия...

— Сидеть! — гавкает взлетающая вверх шпионка.

Гневно пискнули за спиной, звякнул торопливый засов и цепочка. Счастливые времена северной столицы — еще можно запереться от веселья революции. И вообще хорошо — юбка наконец-то не сковывает, несут ноги в лосинах-рейтузах по ступеням. Сейчас под автомат вынесут...

Катрин закрутилась на лестничной площадке: дверей всего две, но попробуй, угадай. Скорее эта. Каблуком рядом с массивной ручкой — фиг там — словно пирамиду Хеопса пнула. Снизу стучат сапогами. Сказала же — за дверьми смотреть. Джигиты, мать их.

— Головы! — предупреждающе заорала Катрин.

Внизу догадливо замерли...

Расстреливать замок из пистолета — занятие дегенеративное, неблагодарное и отчаянное. Но сейчас именно тот случай. Малоумно отворачивая голову от рикошета, Катрин всадила в дверь пятую пулю: громыхало и выло по всей лестнице как в разбомбленном органном зале. Дверь ошетичилась занозами и блестящими ссадинами исковерканного замка. Теперь повторно ногой... Лоуд права — архитектурные излишества нас погубят. Открывайся, дрянь! С полуразбега...

— Да щас весь дом рухнет, — прокомментировал снизу товарищ Дугов таранные удары.

Юмористы, маму их... Катрин врезала еще разок правой — дверь, наконец, поддалась, правда, едва вовсе не слетев с петель. Шпионка низом нырнула в полутьму, проехала на коленях, ловя стволом маузера темные углы. Большая квартира, но, мля, пустая. Уже пустая...

В прихожую ввалились соратники иных фракций. Ну, Лоуд хватит ума не соваться — она свои слабые стороны учитывает.

— Бросай оружие! На месте перебьем! — звучно завопил товарищ Дугов.

— Никому не шевелиться! — счел уместным поддержать политического противника господин Лисицын.

— К черному ходу! Но осторожно, растяжки-мины могут стоять, — предупредила Катрин, скользя вдоль стены в глубину квартиры.

Черный ход нашелся сходу, шпионка упала на колени, подсветили миниатюрным фонариком: никаких лесок-проволочек, все не так уж плохо. Но ушли, ушли...

— Заперто? Ломаем! — призвал анархист.

— Поздно вато, — предрек хладнокровный штабс-капитан.

Дверь все равно вынесли, Дугов и офицер побежали вниз. Катрин в сердцах сплюнула, и вернулась в квартиру.

Распахнутое окно, россыпь до боли знакомых гильз, сам автомат валяется между креслом и этажеркой. С улицы доносится командный мелодичный голос. Катрин поморщилась: ну очень похоже, конечно, не она, но можно спутать. К счастью, стальные приказные нотки в голосе настоящей Фло пробиваются крайне редко.

Катрин осторожно выглянула из окна: вокруг пострадавшего "лорина" становилось довольно многолюдно. Патрули, аж два: солдатский-революционный, а с другой стороны неуверенно, с винтовками наизготовку, приближаются юнкера-прапорщики.

— Отставить целиться! — требовала товарищ оборотень, размахивая мандатом. — Совместная правительственно-революционная переговорная группа предательски обстреляна шпионским пулеметчиком. Я делегат Людмила Островитянская. Не туда целитесь, господин юнкер, я вам, вам говорю!

— Двором стрелок ушел! — крикнула из окна Катрин. — Товарищи и граждане солдаты, помогите перехватить! Честное слово, большой гад здесь сидел.

— Так а с виду он как? Из благородных? — уточнил старший солдатского патруля.

— Он, скотина, надежно замаскированный, — авторитетно разъяснила милейшая товарищ Островитянская. — Но на руках следы пороха. Люди, помогайте. И богом, и революцией клянусь — это первейший питерский провокатор. Вон, вообще невинного человека подстрелил.

Около лежащего на панели раненого суетились ахающие барышни — подстреленный слезно просил чтобы точильный станок сохранили, не дали спереть...

Обычно в облавных действиях оборотень оказывалась в роли дичи, но это отнюдь не мешало Лоуд разбираться в тактических ухищрениях уличного оцепления-прочесывания и толково координировать действия. Патрули живо разобрались с задачей, на диво не стали переругиваться, побежали в переулки, перекрывать проходные дворы. Увы, полезное мероприятие явно припозднилось.

В квартиру поднялись коллеги-следователи.

— Удрал, гадюка, — вздохнул товарищ Дугов. — Народ говорит "в шляпе, с виду приличный". Саквояж нес. Бородка монархистская, усики.

— Возможно монархистские, а возможно фальшивые, — намекнул штабс-капитан.

— И это тоже вполне может быть фактом, — неохотно признал анархист. — Ну и полил же нас из пулемета, сука. Я извиняюсь за такое слово. Мне вот фуражку прострелил.

— Я вам другую подарю, — пообещал офицер.

— Обойдусь как-нибудь, — Дугов пощупал отверстие в заслуженной фуражке и глянул на шпионку: — Извиняюсь, Екатерина Олеговна, а вы в своей жизни сколько дверей вышибли? Большие способности и опыт в этом деле имеете, как я погляжу.

— Что опыт? Нужно было после обстрела одновременно заходить со двора и соседними подъездами, — вздохнула Катрин.

— Мы поняли. Но тут в обход бежать минут пять дворами, — объяснил Лисицын. — Все равно бы опоздали.

— Вот тут я с бывшим его благородием всецело солидарен, — подтвердил анархист. — Архитектура она и есть архитектура.

— Да что оправдываться. Давайте полезным делом займемся. Шмонать надо. В смысле, обыскивать, — Катрин указала на валяющийся автомат. — Я здесь ничего не трогала. Во избежание недоразумений по части взаимного доверия.

— В технических мелочах у нас расхождений нет, — заверил Дугов, с омерзением разглядывая оружие. — Так, Олег Васильевич?

— Именно так, Федор, — подтвердил штабс-капитан.

— Давайте уж демократично, всех по именам. Не до церемоний, — призвала Катрин. — Обыскиваем. Может нас и ждали, но едва ли все улики прибрали. Что-то должно остаться.

Осталось много и разного. Еще два автомата, десятки магазинов, патронные цинки с затертой маркировкой, гранаты отечественного и иностранного производства. Документы... нет, удостоверений личности и загранпаспортов не имелось, но особой конспирацией проживающие в квартире себя не утруждали — писем, записок, чеков — десятки. Даже многословный писательский дневник имелся.

— Это что, тот самый писатель, что ли? — удивился анархист, разглядывая толстенькую записную книжку, до половины исписанную плотным почерком. — Острых ощущений, что ли искал, чудак? Так шел бы на фронт, барская кость.

— В окопах чистейшего вдохновение хрен найдешь, а Алексей Иванович он аккуратист, — вздохнула Катрин.

В своих заблуждениях насчет господина сочинителя шпионка успела убедиться — достаточно было глянуть в последние страницы дневника. Символически зашифровано, но очень символически. Но хуже было иное — остальных двух членов террористической группы шпионка, очевидно, тоже знала.

— Давай, объясняй, — шепотом потребовала напарница. — Политических деятелей с такими "погонялами" я не знаю, следовательно, они по другой части. Этот, с мужицкой фамилией, из актеров, что ли? А про вот этого, из поляков, даже не догадываюсь.

— Видимо, оба из инженеров. Из известных. "Поляк", как ты выражаешься, авиаконструктор.

— Что, действительно известный?

— Не то слово. Великий и немисливо известный.

— Немисливо, что люди с приличной технической профессией вдруг хватаются за пулеметы и норовят простому оборотню голову прострелить. Что за эксцентричность?! Я, между прочим, всегда высказывалась за смычку техспецов и революционного пролетариата. Второй инженер тоже из воздушных?

— Мне кажется, он под фальшивой фамилией. Но он под ней и известен. Изобретатель, химик, отчасти геолог, крайне дерзок, честолюбив, нагл до изумления. Если это, конечно, он.

— С такой анкетой и вдруг не он? — товарищ Островитянская упихала уличающие документы в большой конверт, принялась запечатывать. — Да, жаль что мы их не взяли. Но вербовали их на дело выборочно, индивидуально, нет у меня в этом никаких сомнений. Ишь, твой штабс как приуныл — дискредитируют реакционную часть общества господа террористы. Элита, известные люди, и на тебе.

— Боюсь даже загадывать, кто по другую сторону работает, — уныло призналась Катрин.

— Ну, мертвые сраму не имут. А в остальном разберемся. Господа и товарищи, засаду оставлять будем? — повысила голос оборотень.

Засаду решили оставить, хотя смысла в ней теперь было немного. Но раз патрули уже "в теме", пусть сторожат. Юнкера и солдаты бросили жребий — будущим прапорщикам выпало первыми в тепле сидеть. Толку от такой засады чуть, но все-таки.

Шпионки прошли к телефонному аппарату, Лоуд доложить о следственных достижениях Смольному, Катрин решила побеспокоить генерала.

...- Самих взять не удалось, но оружие захвачено. Да, в основном германское, — деловито излагала товарищ Островитянская, попутно крупно выписывая красным карандашом на валяющейся салфетке "Вся власть рабочим, крестьянским, солдатским и рыбацким депутатам!"

Катрин ткнула пальцем в исписанную номерами и именами салфетку. Напарница пожалала плечами, дописала "рыбачим и мелкодворянским депутатам". Представительница "мелкодворянства" постучала себя пальцем по лбу.

...- Да, вероятно, завербованы. Нет, жертв у нас нет, ранен случайный прохожий, отправили в больницу. Да... Оставим засаду, вернемся в штаб. Да, протокол и обязательно с совместными подписями... — Лоуд рассеянно посмотрела на лоб подруги, жестом посоветовала поправить волосы.

Катрин рассердилась.

Товарищ Островитянская повесила трубку, дала "отбой", и поинтересовалась:

— Что за критическое выражение благородного лица?

— Я тебе салфетку показываю. На ней имена и телефонные номера. Надо бы изучить, возможно, польза будет.

— А, в этом смысле, — Лоуд посмотрела на исписанную салфетку, подправила хвостик-завиток у "депутатам". — Что ж, займись. Я быстро на квартиру сгоняю: действия против особо изоциренных инженеров наталкивают на мысль усилить наше собственное техническое обеспечение.

— Гм, ты только не перестарайся, — обеспокоилась Катрин.

— Минимально! Заодно и пообедаю. Тебе принести что-нибудь диетическое?

— Нет уж, я как-нибудь с коллегами перекушу.

— Иногда ты образец демократичности, — похвалила оборотень. — Я быстро, Колька меня добросит, потом вас загрузит, а от Смольного вы его обратно ко мне гоните. Так естественнее получится. Да, и поработайте с этой салфеткой. Хотя, думаю, пустая поклепка — не такие уж они идиоты, наши пулеметчики.

— Они не идиоты, они писатели и инженеры, могли циферки и буквы машинально записывать.

— Вредная привычка, следствие избыточного образования, — сообщила Лоуд и отбыла.

Катрин позвонила Полковникову — генерал поблагодарил за скромные, но успехи, но оптимизма в его голосе не прозвучало. Представляя обстановку в городе, настойчивые действия Красной Гвардии и иных сил ВРК, уныние понять можно. Судя по отсутствию стрельбы на улицах, пока дело шло без огневого противостояния, но стратегические объекты Смольный, бесспорно, потихоньку отжимал. Дело шло к predetermined финалу.

...- Петр Георгиевич, а вы бы не могли организовать мне встречу с самым верхом? — неожиданно для себя попросила Катрин. — Понимаю, он страшно занят, но вдруг будет польза.

— Вы о А.Ф? — Полковников помолчал. — Собственно, организовать не сложно. Но вы уж простите, слушать он вас не будет. Ситуация крайне нервная, готовится выступление в Мариинском, пишется речь для выступления в Совете республики, и вообще...

— Понимаю. Нервничает. Что ж, действительно, нет смысла время терять. По нашим следственным делам, как только будут новости, сразу телефонирую.

— Да уж не премините, Екатерина Олеговна...

Катрин разложила исписанную салфетку, призвала коллег и объяснила задачу. Товарищ Дугов признался, что в шарадах ничего не понимает и ушел обследовать буфетную. Действительно, организмы следователей настойчиво напоминали, что время глубоко обеденное.

— Надо бы сосредоточиться, вдруг действительно будет польза, — Лисицын принялся выписывать на чистый лист номера и отдельные имена.

Катрин, специалисткой в шарадах себя тоже не считающая, несколько приободрилась. Тут еще вернулся товарищ анархист, объявил, что оказывается, местная террористическая деятельность поддерживалась ветчиной и стратегическими запасами сахара, заварка тоже есть, а чайник он уже поставил.

В работе следственной группы начался рутинный этап, без которых обойтись невозможно, но и польза от которого непредсказуема. Впрочем, факторов вознаграждения за настойчивость и просто везения, отбрасывать было никак нельзя.

* * *

Петру Петровичу повезло. В меру энергичной и деловой походкой, двинувшись вкруговую, он благополучно вышел на Суворовский. В стороне от многолюдного Невского проспекта, среди бесконечных Рождественских, было пусто, патрулей и пикетов здесь не имелось. Многолюдный Николаевский вокзал оставался чуть впереди, но прохожий с саквояжем внимания здесь явно не мог привлечь. Следовало зайти в гостиницу, хорошенько поскучать-отдохнуть. До завтрашнего дня бывшему боевику абсолютно нечем было заняться. Любопытно, как пройдет дельце у соучастников? Бывших, разумеется, бывших соучастников. Представляя техническую сторону дела, Петр Петрович примерно знал чего ожидать. Гранта было даже немного жаль — в сущности, крайне талантливый, подававший надежды конструктор. Мог бы стать гениальным, те огромные бомбовозы производили изрядное впечатление. Но большая игра требует больших жертв. Погибнет Грант славно, но глупо. Впрочем, чем меньше в мире гениальных изобретателей, тем выше они ценятся.

Улыбаясь, Петр Петрович поправил шляпу. В собственном будущем он был уверен.

Однако уверенность не освобождала от сюрпризов. Сзади донесся рев мотора — инженер вздрогнул. Мимо него пронесся весьма знакомый автомобиль, резко свернул с Суворовского.

Ошибки быть не могло — корму машины, украшали свежие пулевые пробоины. На фоне

грязи и местами просвечивающего белого лака безобразные пробоины были весьма очевидны. Забавно, неизвестные преследователи искали именно его, Петра Петровича, но проскочили в трех шагах, даже не подумав повернуть голову. Иной раз отсутствие славы и безвестность имеет очевидные преимущества.

Инженер тихо засмеялся. Кто же они, эти враги? Одного или двух он, несомненно, подстрелил — раненые кричали. С яркой дамочкой, которую заказывал господин Иванофф, видимо, не вышло — на редкость пряткая особа. О чем и предупреждали. С другой стороны... кто здесь человек-невидимка?

К творчеству писателишки Уэллса инженер относился брезгливо. Вообще все писатели на редкость ограничены в фантазии и невежественны в науках. Но сама идея о всемогущей невидимости хороша.

— Я невидим, осторожен, и удачлив, — напомнил пустой улице инженер. — Судьба обязана дать еще один шанс.

Итак, наглый автомобиль свернул в Рождественский переулок. А что такое этот короткий 3-й Рождественский, господа? Практически тупик. По-крайней мере, на крупном авто к соседнему пивоваренному заводу никак не проскочить. А значит, дичь сама юркнула в ловушку.

— Знание планов и карт весьма полезно, — пояснил улице Петр Петрович. — Оказывается, мы проживали недалече от обиталища столь очаровательной и дорогостоящей дамочки. Но рисковать мы ни в коем случае не станем. Нет и нет! Строгий расчет и удача — только они!

Дичь стала охотником, и этого бывшие охотники не ждут. Разве не залог успеха? Деньги лишними не бывают. Впрочем, дамочки в автомобиле может и не оказаться. Удача, прекрасная дева, ау, ты здесь?

Инженер свернул в Рождественский и испытал мгновенное разочарование — пегий лимузин успел развернуться и неся навстречу. Петр Петрович шагнул к дверям ближайшей лавки, шмыгнул в дверь.

— День добрый! Турецкие папиросы есть?

— Для вас непременно найдем-с! — заверил тучный лавочник.

За дверьми с ревом пронесся автомобиль.

— Ужасающие моторы, — сердито произнес Петр Петрович, доставая бумажник.

— И не говорите! Даже стекла дрожат, — с готовностью отозвался хозяин. — Это в гостиничку прикатывали. Непременно в нее. Небось, к той вдовушке ряженой. От нее как-то служанка забегала, тоже весьма нагловатая особа.

— Что вы говорите?! Город нынче на себя не похож, довели страну, замордовали, — инженер выбрал папиросы. — Мне вот этих два десятка. И что вдова? Высокомерна?

— Не то слово! Из великосветских, у меня глаз наметан. Такие нынче в цене, — лавочник выразительно причмокнул. — Но роста кавалергардского, на любителя.

— Раскормились на народной крови, — осудил инженер. — Сдачи не надо, милейший.

Гостиничка, значит? Номера для свиданий или конспиративная квартира? Или то и другое? Любопытно, на чьем содержании эта броская светловолосая особа? Глупо шпионить и рисковать с такой яркой внешностью.

Петр Петрович пожал плечами, не спеша закурил и двинулся по переулку. Высадил ли автомобиль вождевленную Блондинку в гостинице, была ли она вообще в машине, с кем приехала — абсолютно неизвестно. Да-с, задачка.

— Но у нас есть время, не правда ли? — пыхнул стамбульским дымом инженер.

Вид гостиницы Петра Петровича разочаровал: это даже не номера, так, крошечный пансион для полунищих. Впрочем, внешний вид обманчив, по Петрограду ходят упорные слухи о тайных роскошных притонах.

— Рост! Это не наш рост. Никаких искушений! — напомнил улице инженер, предпочитавший изящных танцовщиц-балерин.

Пансион стоял тихий и с виду необитаемый. Нет, лезть в мышеловку наугад Петр Петрович не собирался. Риск должен оставаться разумным.

Разочарованный инженер, пройдя по противоположной стороне, миновал пансион, перешел улочку, бросил окурок. Не рисковать. При случае можно подарить адрес господину Иваноффу, за услугу, очевидно, не заплатят, но будут иметь ввиду.

Оставалось вернуться мимо пансиона и направиться в собственно гостиницу. Увы, удача не всегда до конца сопутствует страждущим.

Дверь гостинички распахнулась, на порог вышла маленькая женщина с метлой. Явно прислуга. Знак?! Несомненно!

— Эй, дорогуша, номера у вас сдаются или как? — улыбаясь, окликнул инженер.

Женщина подняла голову. Слишком серьезная. Не тот тон взял, нужно было без игривости заговаривать с такой мышью.

— Вам на какой срок? — осторожно откликнулась женщина-мышь.

— Проездом, — Петр Петрович тряхнул саквояжем. — Дня два-три.

— У нас, сударь, исключительно по рекомендациям останавливаются, — решительно ответствовала метельщица, видимо, успевшая оценить визитера и пришедшая к неблагоприятным для инженера выводам.

— Так строго? — удивился Петр Петрович, продолжая улыбаться.

Обаятельная мужская улыбка на мышиную особу ничуть не подействовала.

— Так времена какие. На Мытненской поищите, там свободно, — прислуга ширкнула по панели метлой, намекая, что разговор окончен.

Вот же ничтожество, и не расспросишь такую дуру.

Петр Петрович стоял рядом с приоткрытой дверью — оттуда тянуло теплом, но внутри было тихо. Понятно, вход собственно в номера с другой стороны. А не рискнуть ли? Чуть прижать глупую бабу, заговорит.

Инженер усмехнулся и ударил увесистым саквояжем неразговорчивую прислугу под колени. Та и ахнуть не успела — выронила метлу, обвисла в мужских руках. Зажимая рот, Петр Петрович внес мышь за порог — весу в ней было не больше, чем в табурете. Не отпуская жертву, инженер прикрыл дверь.

— Тихо, милочка. Не трону, вопросец по жильцам имеется.

Женщина, кажется, была в полуобмороке. Ни вырваться, ни кричать не пыталась.

Петр Петрович брезгливо встряхнул костлявое, неошутимое под платьем и платком тело:

— Эй, жилица сегодня приезжала? Та, что на автомобиле? Блондинка? Скажешь, отпущу. Только орать не вздумай.

Идиотка сделала слабое отрицательное движение. Это она обещает не кричать или вовсе ополоумела? Некрасивых женщин Петр Петрович не любил и не понимал. Как прикажете понимать существо, само существование которого категорически бессмысленно и ничемно? Нельзя эту дуру отпускать. Закричит, вспугнет. Надо бы ее пугануть хорошенько.

Револьвер слабоумная не поймет, что-то попроще. В кармане бритва лежит. Пригрозить, лишь бы не развопилась...

Лизавета знала, что кричать не станет. В комнате спала Ниночка. Тут до кровати три шага, напугается ребенок, много ли маленькой надо. Что этому лощеному бандиту понадобилось? Постояльцев ограбить норовит? Что за день такой, кошмарный. С утра все наперекосяк, молоко поставила кипятить, чуть не "убежало"...

Петр Петрович раскрыл бритву, демонстрируя, поднес к лицу женщины:

— Я, милейшая, шутить не намерен. Кто из жильцов дома? Ну, живо!

Бритва опустилась к горлу жертвы. Господи, какой ерундой образованному и талантливому человеку приходится заниматься?! Что за глупейшие времена?! Да почему мышь вообще молчит?

Петр Петрович усмехнулся своей неопытности — что она скажет, если рот плотно зажат? Смехотворный случай, господа...

Отпустить рот жертве инженер не успел — из комнаты донесся шорох. Петр Петрович вздрогнул:

— Не двигаться! Убью!

В комнате было тихо, потом чуть слышно зашуршало — инженер разглядел испуганно выгнувшего спину котенка. Тоже чуть больше домашней мыши. Тьфу, ерунда какая.

Петр Петрович осознал, что жертва странно подергивается в его руках. Кажется, бритву слишком сильно прижал. То-то пальцам стало тепло...

...Когда горло ожгло холодным, Лиза понять ничего не успела. На миг охватил ужас — уже какой-то отдаленный, будто со стороны — да что же теперь с Ниночкой будет?! Но глаза уже застилала темнота...

— Нонсенс, господа, — Петр Петрович отпустил тело, в котором вдруг откуда-то появился вес — женщина бесшумно сползла на пол. Инженер инстинктивно стряхнул с бритвы и пальцев кровь.

— Что за глупость?! Живут как мыши, умирают как мыши, даже не пикнут.

Котенок попятился от раздраженного голоса гостя, юркнул в темноту. В темноте чуть слышно потрескивали поленья в печи, постукивали ходики. Чуть громче стука часов поскреблись во входную дверь, старческий голос заблажил:

— Хозяюшка, хлеба-то обещала. Не обмани убогонького... Ох, грехи наши тяжкие...

Нужно открыть да прогнать. Шум поднимет, внимание привлечет, нищие навязчивы.

Петр Петрович обтер руку подвернувшейся тряпкой, шагнул к двери.

Сытая и нагруженная Лоуд спустилась с лестницы от номеров, нетерпеливо глянула на часы: Колька обещал метнуться туда и обратно, а теперь жди. Безобразие с этим транспортным обеспечением. И прямиком в Смольный не запрыгнешь — некорректно и вопросы живо возникнут. Кстати, чего это Лизавета хозяйственный инвентарь разбрасывает?

Оставив мешки у лестницы, товарищ оборотень подошла к двери, подняла валяющуюся метлу. И замерла. Пахло дорогим табаком. Но что еще хуже — из-за неплотно прикрытой двери пахло кровью. Совсем нехорошо. Запах "жидкой и подвижной соединительной ткани" истекающий из гомо сапиенса, опытной оборотню был куда уж знакомее — бывали в прошлом веселые аполитичные времена. Эх...

Петр Петрович осторожно приоткрыл дверь — перед ступеням стояло нечто горбатенькое, кривобокое, заросшее клочковатой бородой, опирающееся на короткий, обмотанный тряпьем, костылик.

— Чего тебе, блаженный? — рывкнул инженер.

— Дык, корочку обещали. Сделайте милость...

— Обещали, так зайди, угостись, — озирая улицу, пригласил Петр Петрович.

— Не, я в другой разец. Видать, недосуг вам, — попятился чуткий уродец.

— Зайди, говорю! — теряя терпение, инженер направил на нищего револьвер, отягощенный цилиндром глушителя.

— Пистоль?! — ахнул уродец. — Барин, да вы что?! Я ж молчать буду, ни-ни, вот Христом-богом клянусь, звука не издам.

— Иди сюда!

Завороженный толстым дулом револьвера, нищий по-крабьи, боком доковылял до ступеней, и вдруг заплакал — слезы, до неестественности крупные и прозрачные, задрожали на бороде.

— Барин, благодетель! Я ж и по ступеням едва хожу, колени не гнутся. Отпусти, сделай милость.

— Отпущу, — брезгливо посулил Петр Петрович. — Посидишь у печки часок, переждешь, ничего тебе не сделается. Главное, шуметь не вздумай.

— Ох, грехи наши тяжкие! Разве ж я когда шумлю? Меня, барин, вся Лиговка знает. Смирный я, смирный, — человек-развалина с трудом поднялся на первую ступеньку, затоптался, примеряясь ко второй.

Инженер, сдерживая брань, протянул свободную руку, собираясь рвануть блаженного за ворот засаленного армяка, втянуть в дом. Внезапно вскинувшийся навстречу посошок, против всяких законов физики удлинившийся вдвое и ударивший Петра Петровича в нос, стал совершеннейшей неожиданностью. Ослепнув от боли, инженер вскрикнул, вернее, фыркнул, но тут его нога подломилась, боль взлетела по всему телу и Петр Петрович лишился чувств...

По сути, легковесны и малосильны представители морского народа-скитальца, известного миру как коки-тэно. Но опытни. Боковой удар ногой в колено Лоуд выучила и наработывала добросовестно, и судя по треску сустава, исполнение не подкачало. Запрыгнув в дверь, оборотень швырнула метлу, рывком перевернула поганца на живот, накинула бечеву и мгновенно стянула руки-ноги незваного гостя "двойным каннутским". Колено у шмондюка сломано, но лучше вязать ноги к рукам, так оно понадежнее, да и грядущему решению не мешает. Да и тряпку в пасть не забыть.

— Мама, а что там? — сонно спросили из комнаты. — Дует что-то. А Мурзик где?

— Он не Мурзик, а Чон, — поправила Лоуд, с грустью глядя на тело управляющей пансиона — лужа крови на полу уже захватила почти весь проход, блестела черным недобрым зеркалом. И откуда в маленьких людях столько крови? — Нинка, ты проснулась, что ли? Маманя твоя отошла, велела за тобой приглядеть.

— Это вы, тетя Люда? — удивилась девочка. — А мне вроде чужие голоса приснились.

— Я, а кто же, — вздохнула оборотень. — Слышь, Нинка, мне тут по одному делу срочно сбегать нужно. Давай-ка со мной прогуляешься. Там сквер, парк, а уж воздух... чистоты необыкновенной. Хочешь глянуть?

— Хочу. А мама?

— А что мама? Мама она и есть мама. Пальто твое где? — Лоуд переступила через кровь.

Одевать девочку смысла не было — тепло в "сквере" нынче, лето там. Но голову ребенку

задурить надо.

— Ой, тетя Люд, вы мне шею вообще оторвете, — запротестовала малышка, на которую накручивали не совсем расстегнутое пальтецо.

— Ничего, тут недалече.

— А Мурзику с нами можно? — спросила девочка, пытаясь высвободить голову.

— Вот это верно! Нечего Мурзику, который Чон, здесь хиреть, — Лоуд сгребла котенка, сунула в руки маленькой хозяйке, намотала девчонке поверх ворота платок. Прыгать прямо из комнаты нельзя — люди дурно переносят внезапные, без подготовки, перемещения.

— Ну-ка, — оборотень подхватила живой сверток.

Когда проходили над телами, Нинка, которая из-под платка и ворота никак не могла ничего видеть, вдруг замерла.

— Мама? Мама!

— Тихо, Нинка, сейчас плакать никак нельзя, — строго сказала Лоуд. — Успеется с этим...

Девочка рыдала почти беззвучно, но понятно, уже не уймется. Лоуд проскочила по улице до "гостевой" лестницы, пинком спрятала подальше мешки с имуществом, завернула за угол и Прыгнула...

Пригревало изрядно. Попали чуть выше от брода и сторонку от дороги. Лоуд выволокла живую поклажу из зарослей крапивы, поставила на дорогу.

— Давай-ка, ножками пройдешь, пообвыкнешься.

Дитя безмолвно плакала, шурилось на яркое, хотя и предвечернее, солнышко. У мелкого котяры глаза раскрылись по пять копеек, отчаянно шевелил усишками, принюхивался.

— Да, как-то так, — устало согласилась оборотень. — Лето и вообще...

Она вела сироту за крошечную руку, думала, как такое внезапное явление хозяевам вообще объяснять. Дорога поднималась все круче, солнце опускалось за холм и "Две Лапы" на его фоне казались почти черными. Малая тихо лила слезы. Вот что ей скажешь? Чуткая, все угадала-почувствовала. Горе, оно что человечье, что дарковское... С другой стороны, хорошо что чуткая — в здешних краях без чуткости жить можно, но... вяло, вполсилы просуществоешь, такая судьба не всем интересна.

Кто-то торопливо спускался от ворот.

— Во, встречают нас! — ободрилась Лоуд. — Значит, ждали. Слышь, Нинка, хорошо, что ждут.

Первым подбежал пес, с совершенно ему неподходящей цуциковой кличкой. Разрастят собаку до волчьих размеров, а все "цуцик, цуцик". Мурзик-Чон в ужасе распушился на руках у хозяйки, Нинка сквозь слезы вытаращилась на роскошную собаку. Пес принюхался к Лоуд, вежливо шевельнул хвостом.

— Дозорный говорит "странники", а я как-то сразу подумала, что это вы, — сказала, подходя, слегка запыхавшаяся Фло.

— Мы, — согласилась Лоуд. — Это вот Нина. Собственно, у нас там все вполне нормально, а у нее не совсем.

— Я поняла, — хозяйка "Двух Лап" подхватила юбки, присела перед ребенком. В руке Фло уже был носовой платочек и она мягко промокнула заплаканные глаза девочки. — Только по-русски говорит?

— Ну да, питерская же, — пробормотала оборотень, испытывая немалое облегчение, ибо объяснять ничего и не требовалось. — Слушай, пусть малость поживет у вас. Я вернусь,

заберу.

— Как ей время в университет подойдет поступать, то непременно заберешь, — заверила Флоранс. — А пока незачем дитя на чистом рыбьем жире вскармливать. В общем, обсудим еще.

— Вот да, мне возвращаться надо, пока с настроения не сбилась, — кивнула Лоуд. — Здорово, Гр!

Средний отпрыск Светлоледи молча, по-взрослому, пожал руку профессору — с Лоуд он был знаком лучше всех долинных, весьма талантливый полукровка, далеко пойдет.

— Мама как? — осведомился серокожий вундеркинд.

— В полном порядке. Ведет расследование, самый пик у нас приближается. Не ситуация отнюдь не безнадежна, разрешим проблему, — заверила Лоуд. — Ладно, пойду.

— Мы тоже пойдем, — сказала Флоранс, осторожно беря крошечную руку девочки, расстегивая ненужное пальто.

Гр-Гр по-джентльменски принял и взял под мышку постыдное пальтецо маленькой гостьи. Возглавляемая псом группа неспешно двинулась к воротам, Мурзик-Чон перебрался на плечо хозяйки и озирался, пытаясь осмыслить немыслимый поворот кошачьего бытия.

Лоуд зашагала в противоположную сторону: исчезать на глазах людей она справедливо считала дурным тоном. Вообще здесь, на приречных холмах, реальность жизни обстояла как-то прочно и правильно. Хотелось никуда не ходить, а спуститься к воде. Да шмондец с ней, с этой зябкой революцией.

— Я за обедом купалась, — напомнила себе Лоуд. — К чертням все эти парадоксы, нужно дело делать.

Вообще самым большим парадоксом выглядела появившаяся на замковой дороге бледная и хилая девочка с синюшным цветом кожи. Видят боги, она тут страннее самого редкостного дарка.

— Ничего, откормят, — решила Лоуд.

Через мгновение она входила в дверь пансиона на Рождественском. Бедняжка-хозяйка, конечно, не ожила, зато гость слегка ерзал, косил глазами от боли. Ну, это как раз кстати.

— Как ощущения? — осведомилась оборотень. — Ясность ума и трезвость памяти уже наступили? Или еще по колену добавить?

Мужчина замотал головой.

Лоуд выдернула тряпку из его рта.

— Послушайте, барышня, так же нельзя, — прохрипел, облизывая губы, пленник. — Я чуть не задохнулся.

— Правда? — оборотень наступила на метлу, выдернула из прутьев крепкую рукоять. — Да, это я как-то неосмотрительно, погорячилась. Тряпку и в пасть живому человеку?!

— Послушайте, я все объясню...

— Что именно? Вот лежит женщина, добрая, работающая, никому зла не причинившая. Вот бритва, вот ты, весь кровью обляпанный. Что еще нужно уточнять? Про твой шпалер с глушителем? Так я не дура, и так догадалась.

— Но вы не знаете кто я, — напомнил гость, следя, как извлекающая большой нож "барышня" начинает обстругивать конец метельного древка.

— А мне по... — глубоко по-питерски-пролетарски пояснила Лоуд. — В принципе, можешь рассказать, пока я казнь готовлю. Но, откровенно говоря, твои слова мало что исправят. Но ты выкладывай, мало ли, вдруг я ошибаюсь.

Трофей оказался не глуп: о казни уточнять не стал, сразу перешел к сути дело. Оборотень кивала, работая ножом.

...- я выполнял инструкции, вот и все, — закончил поспешную исповедь инженер.

— Это да, куда тебе, болезному было деваться. Инженер, изобретатель, в башке два параллельных рельса и тупик. Верю, — вздохнула Лоуд, убирая клинок в ножны.

— Послушайте, вы совершаете ошибку! Моему изобретению цены нет. Это прорыв, революционный переворот во многих областях техники, — страдал бывший человек по имени Петр Петрович.

— Революционный переворот у нас и так случится, — напомнила Лоуд. — Хватит одного. Кстати, я вообще луддитам очень давно сочувствую. От ваших технических открытий и изобретений одни горести и гарантированная тугоухость. Нет бы политическое устройство общества совершенствовать. Так нет, технари они. Уныло и ограниченно мыслите! Впрочем, ты уже не у дел. Не обломиться тебе больше никаких инструкций, процентов и контрактов.

— Так нельзя! — закричал Петр Петрович. — Я гениален! И я все рассказал!

— Так я вполне верю. Только не ори, — Лоуд вдавила тряпку в сопротивляющийся рот. — Ты все рассказал, я тоже, что могу для честного разговорчивого человека сделаю. Глянь какой острый, — оборотень продемонстрировала древко метлы, действительно заточенное до остроты зубочистки. — Все быстро кончится, и ахнуть не успеешь.

Наохаться, вернее, намычаться инженер все же успел: пока Лоуд его через заднюю дверь во двор к сараю выволакивала, пока пристраивала под нужным углом.

"Лорина" все равно пришлось ждать. Лоуд хорошо знала, что время — понятие тягучее, вроде жевательной резинки, только по большей части вкусом куда как поганее.

Подлетел автомобиль, выскочил помогать с мешками Колька, беспокоился:

— Случилось что, товарищ Островитянская?

— Всегда что-то случается, — философски подтвердила оборотень. — Поехали, Никола, ситуация проясняется, ветер попутный, оглядываться нам некогда.

Глава четырнадцатая. Накануне. Вечер.

Смольный. Кабинет "Общего орготдела"

28 часов до часа X.

За окном темнело, телефонная связь наладилась, но в столовой Смольного временно кончился кипяток. Следовательские усилия принесли несколько имен, появилось два телефонных номера, имеющие потенциальную ценность. По-крайней мере, на трофейной салфетке они были написаны разным почерком, следовательно, террористы звонили по указанным номерам неоднократно. С именами ничего определенного нащупать не удалось: по большей части они оказались неполными, обозначенными инициалами или сокращениями, скорее всего, не из соображений конспирации, а для краткости. Исследовательскую работу тормозило непредвиденное обстоятельство — у межфракционной группы не оказалось телефонной книги. Товарищ Дугов направился на поиски необходимого справочника и сгинул.

— Пополняется гарнизон, — отметил Лисицын, прислушиваясь к топоту многочисленных сапог за дверью.

— Да, был наш кабинет крайним, теперь сместились в середину, — согласилась Катрин, затачивая затупившийся от непомерных делопроизводящих усилий карандаш.

— Послушайте, Екатерина Олеговна, а как... — осторожно начал штабс-капитан, — как, если, в общем..., какие перспективы?

— Однозначные. Сегодня-завтра Зимний спустит флаг.

— Это я понимаю. Но если взглянуть шире?

— Если шире, то не вчера начались в России непростые времена, не завтра они и кончатся. Или вы о чем-то конкретном?

— Именно. О конкретном. Понимаю, многого вы мне не расскажете, но если в пределах допустимого?

— Олег Петрович, с чего вы взяли, что я обладаю исчерпывающей информацией и даром предвидения?

— Да вот с вашего ножа и взял, — честный офицер кивнул на клинок в руках собеседницы. — Ручная работа, уникальная. Ваша осведомленность о легких пулеметах, ваша, э-э..., неподражаемая спутница, и прочая, прочая...

— Гм, ну, эти детали вполне банальные и объясняемые. Нож действительно дареный, кованный на заказ, серебро на нем... излишества, да. Или вы про что-то иное думаете?

— Я вообще не думаю, — сказал не только честный, но и умный штабс-капитан. — Я пытаюсь найти стрелков и беспокоюсь. Эгоистично беспокоюсь. У меня, видите ли, семья. На Торговой квартиру снимаем. Нужно семью немедленно из Петрограда вывозить? Каковы ваши предчувствия?

— У меня не предчувствия, у меня имелся прогноз на наиболее вероятное развитие событий. Составляла этот "гороскоп", естественно, не я, у меня с математическими способностями неважно. Но если в общих чертах, то особого секрета нет. После коротких боестолкновений, Зимний сдан, власть берут большевики. Дальнейшие политические сдвиги масштабны, но пока весьма туманны. Но при прогнозировании не учитывалось влияние "пулеметчиков". Они изрядно подлили масла в огонь.

— Пусть не радикально, но последствия провокации мы могли приглушить, — напомнил Лисицын. — В Смольном знакомы с версией о "третьей силе", в штабе Округа знают детали, уверен, в Зимнем тоже осведомлены. Возможно все-таки возобновление переговоров, как считаете?

— Да постоит вы с этими геополитическими решениями, — Катрин сунула нож в ножны. — Вы о семье спрашивали. Если волну террора удастся сбить, думаю, вашей семье в ближайшее время ничего не будет угрожать. В дальнейшем, разумнее выбраться из Петрограда, двинуться, к примеру, на юг и быть готовым сесть на пароход. Это в случае ожесточения внутренней ситуации. Если вы покидать Россию твердо не намерены, стройте новую армию. Полагаю, она будет большевистской, но все равно русской. Как бы мы с вами к ним не относились, сейчас здесь, в Смольном, сосредоточены самые дееспособные силы страны. Хотя и звучит парадоксально. Не согласны — хватайте жену, фамильные драгоценности и на пароход. Во франциях-англиях тоже люди живут, я и сама пробовала. Унылое, конечно, но бытие. Вот Германию категорически не рекомендую, там микроклимат дурной.

— Спасибо за совет, — Лисицын помолчал. — С фамильными драгоценностями у меня не густо, да и жены нет. Семейство: мать, жена брата — убит под Равой-Русской, двое племянников. Но Россию покидать не хочется.

— Понимаю. Вам решать. Насчет семейного положения — это вы напрасно, пора расширить. Племянники тоже хорошо, но чем семья больше, тем лучше.

— Не сложилось как-то.

— Сложится. Только на товарища Островитянскую не заглядывайтесь. Женщина она,

конечно, прелестная, но как раз семейная, и семейство у нее этакий клан, что...

— Догадываюсь, — засмеялся Лисицын. — И в мыслях не имел. Но смотреть на нас исключительно приятно.

— Согласна, сама иногда люблюсь.

Затрезвонил телефон — с Пушкинской докладывали, что поменяли состав засады — теперь в квартире сидели красногвардейцы, а представители училища прапорщиков выдвинулись на улицы. Штабс-капитан позвонил в Ушаковскую больницу — там патрули тоже прикрывали оба входа и были начеку.

— Идея совместного патрулирования еще утром казалась абсурдной, — сознался Лисицын, вешая трубку. — Теперь выглядит вполне естественно — все ловят немецких пулеметчиков. Идея ведь вброшена, как нынче говорят "в массы", не совсем случайно, так, Екатерина Олеговна?

— Версия родилась на ваших глазах и основания для нее имеются. Другое дело, что в больнице нужно задержать инвалида-свидетеля, а не зловещих пулеметчиков. Я до сих пор не уверена, что он имеет непосредственное отношение к террористам.

— Иной раз деньги творят гадкие чудеса. Польстился солидной мздой, пустил на постой, помог с тайниками...

— Вы его дочь видели? Едва ли в последнее время её осыпало дождем материальных благ. Судя по слухам, строго наоборот.

— Да, девочку жаль...

В дверь бахнули кулаком, вошла товарищ Островетянская и спросила:

— Кого вам тут жаль? Могли бы у входа встретить, с мешками помочь.

Сама товарищ оборотень отягощена была не особо — мешки несли двое добровольцев-красногвардейцев. Но, невзирая на эту счастливую случайность, настроение у оборотня явно было не из лучших. Села за начальственный стол, сняла платок, элегантно поправила волосы:

— Что с обстановкой, товарищи и господа?

— Вычислили два номера, — Катрин придвинула лист с записями. — Связь абонентов с террористической группой весьма вероятна. Сейчас адреса устанавливаем.

Лоуд глянула мельком и строго заметила:

— Медленно, медленно работаем, товарищи. Энергичнее нужно, напористее. По больнице и второй группе новостей нет?

— Пока нет.

— Жаль. Те актуальнее, поскольку в ту сторону зацепок у нас вообще нет. Что касается наших знакомых с Пушкинской, то один попался, — товарищ Островетянская не без доли театральности выложила на стол наган с глушителем. — Сам на меня вышел, умник.

— Разрешите? — потрясенный штабс-капитан потянулся к необычному револьверу.

— Исследуйте, Олег Петрович, исследуйте, — милостиво разрешила удачливая начальница, полезла в мешок, извлекла пухлый бумажный коричневый пакет, в котором, против ожидания оказался не фаст фуд известной фирмы, а ломти рыбы горячего копчения и хлеб кустарной, но изумительной выпечки. — Перекуси, товарищ Катерина, а то дальше некогда нам будет жевать. Частично планы негодяев нам теперь известны, но ситуацию это не слишком облегчает. Где, кстати, товарищ Федор? Что это за дисциплина?! Рыбного пайка его лишить, что ли?

Лишать ужина товарища Дугова не пришлось — наконец явился со справочником. Не

такую уж толстую книгу начали торопливо листать, и тут Лоуд сказала:

— Первый из ваших номеров я не знаю, а второй это на Литейном. Действительно, имеет прямое касательство к нашим делам. Это квартира связника террористов. Думаю, сейчас туда мчаться бесполезно — о провале группы связник знает, удрать успел. Но одна из следующих, запрограммированных акций нам известна. Видимо, газовая атака и прямо здесь, — товарищ Островитянская с очевидным опасением глянула себе под ноги.

Товарищ Дугов закашлялся, штабс-капитан положил бутерброд, самой Катрин тоже резко перехотелось есть, хотя копченая резка была недурна.

— Что, прямо здесь? — уточнил прокашлявшийся анархист. — Газы?! Но откуда они могут знать?!

Товарищ Островитянская прищурилась:

— Нет, Федор, давай спросим иначе: почему следственная группа не знает, что подвалы Смольного завалены запасами ядовитого дерьма? Это что, мелочь, что ли?! Не должно было быть здесь никаких отравляющих газов, и вдруг, здрасте, припрыгали. Это как понимать, а?!

— Чего сразу "заложены"? — запротестовал Дугов. — Просто сложили от греха, часового приставили. Я сам случайно узнал. Ну, привезли по глупости, перестарались. Откуда врагу-то знать? Шпионы у нас?!

— Погоди врагов народа искать, — отмахнулась разъяренная товарищ оборотень. — Сами наши и приперли. Но их кто-то навел. И теперь понятно кто!

— Теперь понятно и кто на Воздухоплавательную школу напал, — обличительно стиснул бутерброд штабс-капитан. — Вы знаете, что убит полковник Улянин? Это был один из лучших летчиков страны...

— Спокойнее, Олег Петрович, — предупредила Катрин. — Смерть Улянина потеря невосполнимая, но однозначно обвинять в его гибели именно Смольный преждевременно. Напали, убили, схватили газы, привезли и собираются сами себя подорвать — сущая шизофрения получается. Слушайте, давайте отложим теоретическую часть и что-то предпримем. Сидеть на газах, это, знаете ли...

— Предпримем, — заверила товарищ Островитянская. — В транспортный сектор я зашла, грузовик понадежнее изыщут, газы вывезем немедля. Как я поняла, там не так много, этих... аэро-бомб. С хлором. И супостат надеется пустить их в дело не раньше ночи. Какое-то время у нас еще есть.

— Сомневаюсь я в этой информации, — подумав, признался Лисицын. — Вы можете не знать, но хлор — газ весьма тяжелый, и если он в подвале, то пускать его в отравляющих целях практически бессмысленно.

— Это вы, ваше благородие, не в информации сомневаетесь, а указываете на ее недостаточность. Что по существу верно, — намекнула оборотень. — Я беседовала не с руководителем диверсии, а с одним из нижних звеньев.

— А нельзя с этим нижним звеном чуть подробнее поговорить? — встрепенулся Дугов. — Пусть уж все выкладывает.

— Это вряд ли. Он все сказал и замолк, — кратко пояснила Лоуд.

— Убит? — уточнил Лисицын.

— Не то чтобы вот совсем убит, — оборотень глянула на часики. — Хотя теперь-то уж да, убит. В общем, окончательно отмычался. Но технические детали он в полном объеме не знал, так, догадывался о многом. Образованная была гнида, умственно развитая, этого не отнять.

— Но тогда почему мы на его версию по времени атаки опираемся? — Катрин хотелось немедленно встать и пойти куда-нибудь подальше. Оружие массового поражения она не любила давно и устойчиво.

— Почему-почему... — товарищ Островетянская покосилась на штабс-капитана, сочла что тот достоин доверия, но голос все равно понизила. — Ночью в Смольный придут депутаты съезда, и главное, сам Ленин...

— Господи, этого только не хватало, — двусмысленно застонал Лисицын.

— Послушайте, но в подвале действительно не так много хлора, — напомнил анархист. — Какая из него атака? Напугать только?

— Загадочная и немаловажная деталь, — согласилась руководительница следственной группы. — Возможно, мы ее разгадаем. А пока, Федя, сделай милость и вывези эту отраву куда-то подальше. Сейчас мы с тобой к Дзержинскому пойдем, он вроде за безопасность Смольного отвечает, только все время на месте отсутствует. А вы, Олег Петрович, немедленно отправляйтесь к генералу. Поясните ситуацию, пусть усилят охрану Зимнего. Отнюдь не наших простых и чистосердечных красногвардейцев бояться надо, а вот таких ядовитых провокаций. Третья сила склонна к симметричным действиям по раскачке ситуации, нужно это учитывать. Никола предупрежден, живо вас до Дворцовой добросит. Только возвращайтесь уж своим ходом, авто нам тут обязательно понадобится. Так, а тебе, Катерина, задача по канцелярско-организационной деятельности, раз ты в штате секретарем числишься...

Кабинет опустел, и оборотень кратко пересказала напарнице о событиях в Рождественском и около.

...- Вот так оно и вышло. Нужно будет послать кого, забрать тело. Одинокой наша Лизавета была, видать, нам хоронить.

— Я тебе говорила, такие как она, безвредные и незащитные, в революции первыми и страдают, — морщась как от зубной боли, напомнила Катрин.

— А я что, возражаю? Только они не только при революциях, а вообще при любом катаклизме, первые жертвы. Потому что хорошие существа, — мрачно сказала оборотень. — А вообще осуждаешь?

— За что? За кол в жопу этому..., что ли?

— Нет, за подкидыша. Хотя и за кол, конечно.

— Что ты дуришь? Куда же Нинку, если не к нам? Заодно и дом проведала. Спасибо.

— Да не за что. Я думала за колышек бурчать будешь, ибо "ни цивилизованно, ни аутентично", то, се...

— Буду я еще... Сама бы я с этим не возилась, но туда ему и дорога, — Катрин сплюнула на пол.

— Но-но! У нас тут революционное учреждение и уборщиц мы не дождемся, — призвала к порядку глава следственной группы. — Ладно, принимай оборудование и за дело. Ох, что-то беспокоят меня эти газы, прямо всерьез...

— Товарищи, группу от отделения товарища Попутного прошу срочно подойти к "Общему орготделу"! — взывала Катрин.

Сначала она чувствовала себя глупо — рев мегафона всколыхнул обитателей Смольного, кое-кто высовывался из дверей кабинета, требовал трубить потише, другие грозили забрать замечательное устройство, которого так не хватает на площадях, заводах и прочих горячих агитационных точках. Катрин интеллигентно отругивалась, поясняя, что

пока проходит лишь испытания громкоговорящего агитационного механизма, потом он будет использован в самых нужных местах. От рядового революционного состава с его грубоватыми шуточками и предложениями заменить группу Попутного во всем что надо и не надо, тоже приходилось отругиваться, хотя уже не так интеллигентно, что облегчало задачу. Вот только граждане, знакомые с "товарищем Попутным", никак не объявлялись. Катрин уже собиралась выйти на ступени перед входом и развлечь пулеметчиков, бойцов бронедивизиона и посетительский люд, стоящий в очереди за пропусками, как к ней подскочил невысокий боец в хорошо подогнанной шинельке, на редкость четко козырнул:

— Товарищ Мезина? Комвзвода прапорщик Москаленко. Нас ищите, верно?

Катрин пожала руку и на всякий случай спросила:

— Как там сам Попутный, здоров? Михаил Ефграфович, кажется?

Комвзвода расплылся в улыбке:

— Никак нет! Виктор Иванович, он, кто же не знает. Жив, здоров, не сомневайтесь. А вы, извиняюсь...

Катрин показала удостоверение. В общем-то, корочки с красной звездой в многолюдном коридоре Смольного никаким анахронизмом уже не выглядели.

— Да я вас и так по описанию узнал, но порядок с представлением должен быть. Эх, вот вы при своих документах, — с завистью вздохнул боец. — А мы на полу-птичьих правах, без связи, мыкались-мыкались, пока оружие раздобыли, пока на довольствие пристроились...

— Где ж вы мыкались? Я тут оборалась, вас выкликаю.

— Мы, товарищ капитан, осмотрелись, легализовались, поняли, что дело действительно идет не так, но как ухватиться за ситуацию и кто виноват, не поймем. Второй группы так и нет, а мы им в поддержку, как усиление шли. Там профессиональные историки, в музеях работали, персоналии и личности назубок знают. Но пропали. Ну не сидеть же без дела? Влились, Охтинский мост охраняем.

— Тоже дело хорошее. Но сейчас со мной поработаете, адресно. Слушай, комвзвода, как тебя по имени, сколько вас, и есть ли у тебя саперы и химики?

Окаянные газы уже загрузили и вывезли, но оцепление еще стояло, ярко светил в дверь подвала, направленный с броневика прожектор-фара. О чем-то беседовала с высоким стройным человеком товарищ Островитянская — по поводу выхода на боевую операцию по уничтожению химоружия слегка сменившая имидж и представшая перед благодарными зрителями в чем-то вроде мичманского бушлата. Катрин что-то не могла вспомнить подобной официальной формы одежды, но смотрелась недурно. Развила в себе художественный вкус товарищ оборотень, вон как гармонично выглядит рядом с собеседником. Надо думать, не случайно.

Катрин издали указала на двоих бойцов своего сопровождения, на подвал, сделала вопросительный жест. Напарница перемолвилась с высоким человеком, взмахнула дланью не только разрешающе, но и призывающе к осторожности. Тьфу, вот же насковьз номенклатурная личность создалась-образовалась.

— Пойдемте, товарищи, приступим.

— Товарищ капитан, но это же... — потрясенно прошептал один из бойцов "попутного призыва", глядя на руководство. — Он?! Или не он?

— Наверное, все-таки он. Дзержинский, — с некоторым сомнением подтвердила шпионка.

Будущий председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с

контрреволюцией и саботажем выглядел как-то необычно молодо: со стриженной под машинку головой, в стильно распахнутой длиннополой кавалерийской шинели. Сколько же ему лет сейчас?[24]

Катрин с бойцами подошла к двери, здесь четверо солдат, ругаясь, снимали с себя кожаные фартуки и рукавицы.

— Не убираем амуницию, товарищи. Наша очередь лезть, — предупредила шпионка.

— Не припозднились? — усмехнулся солдат, утирая взмокший лоб. — Загрузили мы уж все бомбы. Тяжелые, зараза.

— Верно, — поддержал его товарищ. — Или проверять думаете?

— Не вас проверять, а следы заразы документировать, — объяснила Катрин, забирая тяжелый фартук-передник. — Положено по правилам ПэПэБэ.

Представители пехотного сословия немедленно прониклись уважением к предстоящему бюрократическому подвигу. Ступени в подвал, да и сама дверь действительно выглядели неприятно. Проектор освещал только край проема, а дальше темнела каменная жо... неизвестность. Были подозрения, что там таяться не только призраки невинных смолянок, уморенных жесткими нравами института, но и что-то посущественнее спрятано.

— Пошли, товарищи.

Снаружи остались шептаться о том, что "раз секретарка самой товарища Островитянской лезет, значит, полное расследование решили ученять", а исследователи спустились по ступенькам. Уже внутри Катрин раздала респираторы. Защитное оборудование было не из самых надежных — предусмотрительная товарищ оборотень прихватила их для защиты от банальной пыли-гари и иной возмутительной экологии. Но лучше, чем ничего.

— А можно ли респиратор? — засомневался боец. — Их же тут не должно быть.

— Никто не видит. А если что — говорим, что швейцарские, экспериментальные, товарищ Островитянская получила от сочувствующих социал-демократических иностранцев.

Респираторы оказались неожиданно удобными: клапан для выдоха давал свободно дышать и даже внятно разговаривать.

— Откуда начинаем, товарищи химики?

— Вы светите, товарищ капитан, а мы по часовой стрелке двинемся...

Собственно говоря, бойцы были не химиками, а саперами. Но сапер послевоенной подготовки — специалист широкого профиля. Катрин вела по стене и полу лучами двух фонарей, профессионалы, перебираясь через кучи мебельной рухляди, исследовали помещение.

— Есть! — сказал унтер, бывший на самом деле прапорщиком. — Под потолком стык. Забеливали явно позже, но уж точно не вчера-позавчера.

— Предусмотрительные, суки, — согласилась Катрин.

Заложённая кирпичом и заштукатуренная ниша тянулась под потолком, охватывая примерно метр кладки. Но длина внушала.

— С краю напортачили, криво заложили, только по тому и угадаешь, — пояснил сапер, берясь за молоток. — Пробиваем?

— А если там взрыватель или еще какая пакость с неизвлекаемостью? — занервничала шпионка.

— Откуда? Обычный вышибной заряд, хотя и мощный. Провода где-то здесь должны идти. Не доросли они до радиофугасов.

Катрин подозревала, что противник вполне мог дорасти и до гадостей поутонченнее. С другой стороны, что делать? Не стоять же, стенку разглядывая.

— Эй, Екатерина, принимай студента в подкрепление, — строго сказали от ступеней. — Он лезет с оборудованием и наказом не дурить.

Товарищ Островитянская благоразумно решила у подвала не задерживаться, отошла, а темная фигура с черной мордой в противогазе спустилась вниз.

— Сюрприз, однако, — сказала Катрин. — Какими судьбами?

— Сказано "чтоб опыт имел, зад не отсиживал и на машинке прокатился" — глухо пояснил пришелец. — У меня есть приборчик, сейчас на металл стены проверим.

Нужно признать, названный сынуля товарища Лоуд был человеком, чуждым пустой болтовне. Вообще при общении в респираторах и противогазах лаконичный ответ "ну" не так уж и маловоспитан. Из приборчиков у Гру имелся детектор металла, которым принялись проверять стены. Бойцы, видевшие такую роскошь впервые, сходу освоили аппаратуру. Подсаживая друг друга и прислушиваясь к пиликанью детектора, мужчины тестировали стены. Сначала был найден серебряный полтинник и пистолетная гильза на полу, потом нащупали проводку.

— К наружной стене идет, — отметил сержант. — Проштробили неспешно, аккуратно.

Приемное радиоустройство обнаружилось на внешней стене. "Таблетка" размером с тот же полтинник, только потолще.

— Я такого не видел, — признался Гру. Бойцы-"попутчики" с ним согласились.

— Тогда заряд смотрим? — с тоской уточнила Катрин.

Несколько ударов под потолком оказались на диво действенны: с десятков кирпичей рухнуло разом, бойцы едва успели отскочить. Не столько от кирпичей, как от смрада — из дыры бахнуло так, что и под респираторы мгновенно пробило.

— Трупы, — пятясь к двери, догадались "попутчики".

— Сейчас развеется, — лаконично заверил Гру и счел нужным пояснить: — Месяцев десять как. Застоялось.

— Да ты откуда знаешь? — удивился сержант.

— Вы ему, товарищи, в этом вопросе верьте, — сказала Катрин. — Этот молодой человек в трупах разбирается.

Сопляк, надо отдать ему должное, протестовать не стал.

Шпионка полезла к дыре, бойцы стали возражать, выражая неочевидную джентльменскую готовность первыми проверить смрадную щель.

— Вы уж передохните, я визуально оценю, цеплять ничего не стану, — пообещала Катрин.

Подтягиваться к вонючей дыре оказалось еще тем удовольствием, — кладка ощутимо качалась. Гру подал снизу фонарь...

Сначала Катрин разглядела стоптанную подметку башмака, потом сгнившую волосяную массу, потом ящики — много. Впихнуты в два слоя практически под потолком, маркировка: двуглавые орлы, вес, надписи вполне доступные пониманию.

— Аммонал, — доложила шпионка. — По полпуда укупорки, всего под полутонну выйдет.

— Дайте-ка, мы глянем, товарищ, э... — бойцы застеснялись, не зная, как можно именовать секретного агента в присутствии непонятого "студента".

— Я вообще глуховатый и сроду ничего не помню, — ехидно сообщил Гру. — Но

инструмент у меня с собой есть...

Провода обрезали, ящики извлекли без особого труда — смрад разложения действительно поутих. Собственно, трупов оказалось два, но как отмечается в протоколах "высокая степень скелетирования" уже наступила.

— Это ж получается, девицы-смолянки наверху еще всю фланировали, а мертвецы уже тут лежали, — вздохнул прапор, как оказалось, не чуждый романтики.

Оставив бойцов загружать взрывчатку на подогнанную машину, шпионки и сынуля с сумкой инструментов, пошли внутрь. В Смольном намечался некоторый сдвиг в сторону упорядоченности и наведения дисциплины, чему немало поспособствовали усилия руководителя "Общего орготдела", настоявшего на незамедлительном назначении на должность ответственного коменданта некоего товарища Малькова^[25]. На пропускном посту порывов требовать документы и позубоскалить больше не наблюдалось, наоборот, часовые пытались сделать винтовками "на караул", держа равнение на несравненную тов. Островитянскую. Надо думать, слух о благополучном разминировании Смольного уже прокатился по штабу, и слава, как обычно, настигла самую причастную и героическую личность.

Демократичная начальница "Общего орготдела" миролюбиво пригрозила часовым в смысле "вы эти старорежимные ухватки бросьте!", и шпионки прошли к лестнице.

— Засаду в подвале, как я понимаю, оставлять бессмысленно, — проворчала Катрин. — Уж полгорода знает, что "обошлось".

— Люди у нас есть, оставим засаду, чего не оставить, — пробормотала товариш оборотень. — Кстати, о засадах. Как-то не было момента сказать: тебя Пришлые лично знают, полные приметы имеют. Инженеришка именно в тебя из тархтелки построчить вздумал. Награда обещана. Не густо, конечно, но все ж имеешь право гордиться. Да, и связник у этой группы, где твой литератор обожаемый, довольно приметный. Беспалый — на обеих руках большие пальцы подчистую того — будто краб-кругляк скусил.

Катрин остановилась так резко, что немедля получила инструментальной сумкой под корму.

— Извиняюсь, я не нарочно, — заверил не успевший тормознуть Гру.

— Неуч ты и деревенщина, — горестно сказала сыну Лоуд. — Заявился в культурный город, в самый штаб, можно сказать центр величайшего события века, а ведешь себя...

— Хорош ерничать, — попросила Катрин. — Что, у того связника и акцент имеется?

— А как же. Не акцент, конечно, но характерность говора, присущая языковому образованию, именуемому "суржик" и нам с тобой отлично знакомая, — подтвердила образованная оборотень. — Надо думать, знакомец, а?

— Быть этого не может! Его убили. У меня абсолютно верные сведения, — Катрин осеклась. После паузы высказалась уже в ином тоне. Нецензурном.

— Во, эк темпераментно, — ухмыльнулась Лоуд. — Ты мне скромного ребенка смущаешь своей лексикой.

— Знать бы раньше, можно было просчитать их действия, — скрипнула зубами шпионка. — Чего я мудрила?! Еще при первой встрече — пулю в затылок и все.

— Я всегда говорила: бесхвостые бандерлоги еще хуже хвостатых, — напомнила оборотень. — Ну, не огорчайся. По-крайней мере, мы точно знаем, кого ищем. Прделаешь работу над ошибками.

Она отперла дверь "Общего орготдела" и протянула ключи Гру:

— Располагайся, осваивайся. Не безобразничай. Сортир в конце коридора.

— Слушайте, а это не перебор? — поинтересовалась Катрин. — Гру здесь никого не знает, к тому же...

— Вот и познакомится, осмотрится. Пропустить такое историческое событие никак нельзя! Кроме того, кое-что он все же знает, баловаться не будет.

— Я, маманя, вас знаю, — заверил юнец. — Мне хватает по самый планширь и даже выше.

Он прошел к столу, поставил сумку и начал деловито проверять телефонный аппарат.

— Все же гложут сомнения, — сумрачно призналась Катрин.

— У тебя к мальчику предубеждение, — обиделась оборотень.

— У меня предубеждения четко направленного характера. Давай о свадьбе сейчас не будем, в конце концов, у Китти своя мать имеется, мой голос не решающий...

— Вот именно! А ты все про свадьбу, да про свадьбу. Время ли нынче ваше ретроградное долинное мещанство проявлять?! У нас Федя газы вывозит, штабс в Зимнем, мы с тобой сейчас срочно отбываем, а кто на связи останется? Нельзя же отдел без присмотра бросать, нам такое безобразие живо на вид поставят. Вот Гру на телефоне посидит, не развалится.

— Ну, — меланхолично откликнулся новоиспеченный телефонист и принялся прибираться на столе.

— Собственно, а куда мы едем? — поинтересовалась Катрин.

— Как куда?! Я же говорю — они — Пришлые, с хитрыми планами, каверзами и повышенным коварством. Ты об Ильиче думаешь?! Он же на острие удара, они его координаты знают. Бери оба пистоля и погнали.

— Но они могли Ленина раньше убрать, — возразила Катрин, пряча под жакет второй маузер.

— Ты его попробуй, поймай, если "раньше". Точных сведений по перемещению вождя практически нет. Полагаю, они его на совещании у Калинина пытались перехватить и ликвидировать, но не срослось. А теперь однозначная точка randevу: "около 20:00 Владимир Ильич оставил записку "Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил" и покинул свою последнюю конспиративную квартиру на Сердобольской", — товарищ Островитянская глянула на часики. — Поехали-поехали, вдруг они на Сердобольскую раньше графика вздумают заявиться. И выйдет такое позорное пятно на моей репутации, что хоть на Лагуну не возвращайся.

Шпионки поспешно спустились к машине.

— Куда? — спросил неизменно готовый к подвигам Колька.

— На Сердобольскую. Нас высадишь на ходу и обратно, чтоб не отсвечивал. Там опасно.

— А когда вы мне револьвер выдадите? — поинтересовался шофер, нажимая на газ.

— Куда тебе револьвер? — застонала, вжимаясь в сиденье, Катрин. — Ты и так в Питере самый опасный человек.

Впрочем, до места домчались благополучно. Шпионки спрыгнули в темном, бесфонарном месте, "лорин", взрыкнул, прибавил хода и сгинул во тьме.

— Вон он дом номер один, четвертый этаж, направо. А вон водосточная труба, которую Ильич за запасной выход считал, — указала оборотень.

— Да, рисковно. А ты что, бывала тут?

— Условно говоря, вчера заскакивала. Занесла скарских лимонов к чаю, познакомилась еще раз, проверила обстановку.

Задавать уточняющие вопросы было довольно бессмысленно — когда ход событий ускорялся, Лоуд действовала с присущей ей решительностью и воистину гениальной профессорской алогичностью. Безумный земноводный профессор-марксист — мечта Голливуда.

На лестнице Катрин все же спросила:

— Отчего ты тогда вождя не предупредила заранее? Сменил бы конспиративную квартиру, мы бы высунув языки не бегали...

— Ты прямо как ребенок, — с некоторым раздражением высказала оборотень. — Он бы ушел, а после мы бы вообще концов не нашли. Как можно контролировать ситуацию, когда не знаешь, что и где происходит? Его вообще в Смольный пускать нельзя. Взрывчатку мы выковыряли, но возможны и иные сюрпризы. Пришлым точно известно, что пришел он в штаб революции "около 22 часов". Осознают, что с газовой-вышибным взрывом не вышло, отчаются. Подойдут, да в печень браунинг разрядят. Нет, так дело не пойдет. Слушай, а как ты вообще к Ильичу относишься?

— Ты же знаешь. С одной стороны я звездочку с его изображением на груди носила, и это были не худшие мои детские годы. С другой стороны...

— Экая ты многосторонняя, Светлоледа. Но насчет октябрятского детства, это да, тут я завидую. Вот куда угодно могу попасть, но опытное, пожившее, земноводное, грызущее ручку за школьной партой, это уж абсолютный нонсенс. Не видать мне счастливых детских годов, не кричать "всегда готов!", не дудеть радостно в горн на совете отряда, — вздохнула профессор. — Заходим!

Условный стук, после паузы дверь открылась...

— Здравствуйте. Владимир Ильич! — сказала Лоуд, обретшая строгий вид и круглые очки на носу. — Сопровождение скоро будет, а пока мы заскочили, обстановку глянуть. Это вот товарищ Мезина — очень опытный связник. У меня на подхвате работает.

Конечно, товарищ Ленин оказался совершенно не таким как в книжках и кино — бритый, безбородый, в густоволосом парике, определенно нервничающий, порывающийся идти в штаб немедленно. Но все-таки это был он, просто еще не решивший замереть вечным профилем на штампованном алюминии значков, глянцевых грамот и алых вымпелов победителей соцсоревнований. О пулеметчиках в городе и обстановке, он, кстати, был осведомлен исчерпывающе. А пожимая руку, глянул на незнакомую визитершу жизненно — с нормальным интересом.

Товарищ Островитянская извлекла кулек с лимонными пряниками, и они с вождем пошли пить чай в гостиную и дожидаться охраны. Катрин была направлена в маленькую комнатку на "отдохнуть". Мять хозяйскую кровать показалось делом невоспитанным, шпионка прилегла на скрипучий диванчик, явно не рассчитанный на рослых "опытных связников". Катрин сунула под блекло вышитую подушечку один из маузеров и закрыла глаза.

Из гостиной доносились приглушенный разговор — Ленин действительно чуть картавил, но говорил очень четко и ясно. Возможно, в этом голосе и скрывалась тайна обаяния вождя мирового пролетариата? Чуть покачивался желтый свет абажура, едва попадающий в неплотно прикрытую дверь, сквозь оконное стекло донесся далекий винтовочный выстрел. В гостиной говорили о ликвидации безграмотности. Катрин

подумала, что жизнь довольно странная штука и задремала.

Тронули за плечо и тут же предупредили:

— Но-но, не надо стволom в живот начальнице отдела тыкать — это явное нарушение субординации. Ты, Светлоледя, похоже, стареешь — ночку не поспала, и все, сопит она в две дырочки, как будто дел у нас нет.

— А что надо? — просипела Катрин, приглаживая волосы.

— "Что-что"... решать надо. Пошли.

Ленин спал, уткнувшись лбом в сложенные на столе руки. Парик чуть съехал, открыв шею.

— И как это понимать? — поинтересовалась спросонок туго соображающая шпионка.

Напарница подала ополовиненный стакан с чаем:

— Взбодрись, это мой, из другого стакана хлебать не надо. А что тут понимать? Рисковать жизнью вождя мы не имеем права, а укротить его энергию и жажду жизнедеятельности можно только медикаментозными средствами. Снадобье хорошее, проверенное. Теперь вопрос, куда девать Ильича?

— А раньше ты подумать не могла?

— Товарищ Мезина, ты не тупи, допей чай и приди в себя. Конечно, я подумала. Можно в квартиру ниже, а можно в квартиру напротив. Туда ближе, зато обстановка бордельная. Ильичу там будет неудобно.

— А хозяева? Им будет удобно?

— Хозяев нету. Они срочно отбыли из Питера. Не волнуйся, деньгами я их снабдила. Ну и объяснила, что дело серьезное.

— Это как ты объяснила?

— Вот что ты до мелочей докапываешься?! Шашку я им показала. Или рапиру. Путаюсь я в вашей классификации. Если сильно интересуешься, могу и тебе показать.

— Не надо, — Катрин допила чай, выковыряла из стакана кружок лимона, сунула в рот. — Хорошо, надо переносить.

— Так беремся!

В коридоре выяснилось, что вождь тяжел.

— Странно, — прокряхтела оборотень. — Не такой уж он габаритный.

— Гений, они вообще на вес золота, что и сказывается, — предположила Катрин.

— Не остри! Мне и так кажется, что преступление перед историей вершим. Со мной такая мнительность, кстати, крайне редко случается. Несем в соседнюю квартиру, а то на ступеньках еще уроним. Что будет непростительно!

На тускло освещенной лестничной клетке оборотень, придерживая ноги вождя, отыскала в своих многочисленных карманах связку ключей и отперла противоположную дверь. Пахло оттуда действительно духами и пудрой.

— Прямо и направо. Там кабинет, все же поприличнее.

Ильича уложили на софу, Лоуд напарила выключатель настольной лампы.

— Это что, нарочно? — спросила Катрин, глядя на мягкий свет под зеленым абажуром.

— Мода, и ничего более, — оборотень укрыла спящего пледом. Вождь повернулся на бок, отчетливо пробормотал "это шаг вперед, потому что революцию делают не лица, а партии"^[26] и уютно засопел.

— И во сне работает, — вздохнула Лоуд. — Вот честно, меня раздрают противоречия. С одной стороны, мы творим непростительные антиисторические глупости, с другой

стороны вдруг его какой снайпер у Смольного встретит? Или мина в кабинете? От этих шмондюков всего можно ожидать. Что для истории более ценно: личное присутствие Ильича или его безопасность?

— Да чего там, пусть отдохнет. Ему еще работать и работать. Да и тебе, в смысле нам, не будет мешать историю... рихтовать.

— Что ж, верно. Когда-то нужно и на себя ответственность брать, — признала товарищ Островитянская. — Пошли.

— Слушай, а если явятся "временные" по наводке и начнут соседние квартиры обыскивать?

— Хорошо же если придут. Ты их на лестнице положишь. Бах-бах-бах, а-а! Бах-бах-бух! Ты бомбы с собой взяла?

— Нет. А с какой стати у тебя вдруг такая тяга к пиротехнике и огневым контактам?

— Шучу. Если придут в ближайшее время, то план будет несколько иной, — Лоуд глянула на часики. — Если, конечно, успеем провернуть операцию за пару часов. Я как раз хотела тебе рассказать...

Специализированный чай Катрин вылила в раковину, тщательно помыла стакан. Налила себе в другой, уже остывший. Зато пряники были хороши — напарница не поленилась, принесла свежайших глорских.

— Идут! — высунулась из коридора репетировавшая перед зеркалом Лоуд. — Не волнуйся, сестру милосердия они вряд ли тронут. Разве что лапнет кто ненароком.

— Я не волнуюсь, — Катрин со вздохом положила надкусанный пряник.

— Вот если с ними и твой знакомец приперся, тогда, конечно, волнуйся, — напомнила оборотень. — Впрочем, что я тебя учить буду. Так, я пошла на позицию...

От входной двери донесся тихий скрежет и поскрипывание — похоже, дверь пытались открыть отмычкой. Весьма неумело.

— Кто там? — выдержав паузу, окликнула Катрин. — Не смейте хулиганить! Я буду звать на помощь!

— Открывайте! — приказали из-за двери. — Или мы взломаем дверь!

— Да как вы смеете?! — ужаснулась шпионка. — Грабители, негодяи, мазурики!

— Это не грабеж, мадмуазель, — подумав, сообщил голос. — Откройте, мы все объясним. Обещаю, лично вам ничего не грозит.

— Как вам не стыдно! Я же слышу, вы приличный, воспитанный человек, и ломитесь в чужие двери, — воззвала к совести пришельцев Катрин.

— Сударыне, отпирайте без разговоров, — посоветовал другой, жесткий голос. — Будет хуже!

В дверь не на шутку бахнули ногой.

— Прекратите, здесь же больной человек! — взвизгнула шпионка. — Боже мой, какой ужас!

— Открывай, профурсетка, — зарычали за дверью и грохнули с новой силой.

— Сейчас, о, господи, сейчас, — Катрин накинула цепочку и отперла дверь.

На нее смотрели четыре револьверных ствола.

— Господа, вы звери! — с грустью сообщила Катрин.

За дверью молчали — присутствие в квартире сестры милосердия — еще достаточно молодой и весьма-весьма привлекательной — оказалось сюрпризом.

— Что вам угодно? — холодно спросила ряженая медработница.

— Мадемуазель, будьте любезны, снять цепочку и впустить нас, — сказал офицер, тактично отводя ствол своего "нагана" в сторону.

— Вы не имеете никакого права...

— Дверь открой, коза! — зарычал плечистый человек постарше.

— А вы, сударь, вообще кабан, — огрызнулась Катрин, снимая цепочку. — Что ж, вынуждена уступить грубой силе.

Да, куртуазности в падшем Петербурге осталось очень мало — мгновенно оттеснили, едва не прищемили к стене дверь.

— Где он?! Говорите! — сверкал глазами высокий поручик.

— Кто?

— Ульянов-Ленин!

— В гостиной. Но господа, он тяжело болен!

Прямо сразу засочувствовались, как же, — кинулись, размахивая оружием в освещенную комнату, забыв о напуганной даме. Даже как-то обидно.

Катрин пошла следом.

Ульянов-Ленин лежал под одеялом — почему-то лоскутным, в прогрессивном стиле пэчворк, и действительно выглядел неважно. Бледный как мел, с компрессом на лбу. Глаза закрыты, нос острый, но борода и усы на месте. Просто показательный Л-Ленин. Пришельцы — между прочим, все при погонах, как в доброе старое время, в замешательстве смотрели на главного большевика.

— Катенька, кто здесь? — слабым голосом, не открывая глаз, спросил больной.

— Не знаю, какие-то офицеры. Хамски вломились и молчат, — пояснила Катрин. — Господа, кто вы и что вам угодно?

Группа оторвалась от лицезрения лежащего и глянула на нее. Вообще-то шпионка сознавала, что выглядит не очень достоверно: крест на груди слишком красный, платье чересчур приталено, передник кокетлив, а косынка вопиюще белая. Фальшивкой смотрится. С другой стороны, вождь очень убедительный, может и проскочит шпионский тандем?

— Мы — "Офицерская добровольческая дружина имени царевны-мученицы Анастасии", — уже достаточно спокойно сказал широкоплечий подполковник. — Господин Ульянов, вы арестованы!

— На каком основании? — приоткрывая один глаз, поинтересовался лежащий.

— На основании распоряжения министра юстиции, — сквозь зубы пояснил подполковник. — Собирайтесь.

— Что ж, вы могли бы не беспокоиться, через день-два я бы сам пришел в суд. Проклятая гипертония. Катенька, где мои башмаки?

— Владимир Ильич, я вас не пущу! — ахнула Катрин. — У вас постельный режим, вам нельзя.

— Увы, эти господа не успокоятся, пока меня не доконают, — вождь с трудом сел на диване.

— Господа, но так же нельзя! — заломила руки шпионка. — Он же серьезно болен, взгляните сами.

— Действительно, нездоров. Но мы вынуждены его забрать, — сказал капитан, глядя отчего-то не на больного, а на выразительную сестру милосердия. — Не беспокойтесь, у нас две пролетки, доставим с удобством. А в Зимнем есть отличные врачи, помогут.

— В Зимний? — слегка оживился л-Ильич, кутаясь в свое пестрое одеяло. — Э-хе-хе, а

Зимний это кстати. Давно нам пора объясниться напрямую с Александром Федоровичем. Катенька, так где башмаки?

— Я еду с вами, Владимир Ильич! — решительно заявила Катрин, доставая приготовленные башмаки. — И не спорьте, господа! Я выполняю свой долг, больному в любой момент может понадобиться инъекция, и вообще я буду визжать в знак протеста!

— Давайте без истерик, — морщась, попросил подполковник. — Хотите ехать с этим... субъектом, езжайте. Поместимся. Только без шума и фокусов.

— Тогда позвольте нам одеться, — потребовала Катрин. — Больной определенно не выпрыгнет в окно и не спустится по водосточной трубе.

Офицерская группа захвата тактично вышла из гостиной, но дверь оставила приоткрытой.

...- Подальше засовывай, подальше, — шипел Л-Ленин.

— Так он их так вообще не найдет, — Катрин запихнула ботинки дальше под диван.

— Чего это не найдет? Принижаешь ты способности Ильича. И не смотри так не офицеров, не наводи их на отвлекающие мысли, нам ехать нужно.

Вообще ситуация с башмаками оказалась в операции чуть ли не самой труднорешаемой. Для правдоподобности больной должен был непременно обуваться и вообще повозиться, а отдельные от иллюзий утепленные кроссовки Лоуд произвели бы на гостей странное впечатление. Пришлось позаимствовать подлинные ленинские ботинки, но их требовалось непременно оставить на месте — судьба революции с разутым вождем вообще непредсказуема.

— Мы готовы! — сообщила Катрин.

Арестованного под руки сводили по лестнице, Катрин придерживала на его плечах одеяло, а Л-Ильич мстительно вис на локтях конвоиров и волочил ноги. Впрочем, талантов у Лоуд хватало, но все они были легковесные — офицеры волокли ее без труда.

Подвели пролетки, посадили арестанта.

— С богом, товарищи! — видимо, слегка бредя, сказал вождь и плотнее закутался в одеяло — оно было настоящим, не иллюзорным, но откуда, собственно, взялось, Катрин так и не поняла. Переполненный экипаж тронулся: больного с сестрицей охраняли двое офицеров, револьверы так и не убравшие. Да и извозчик, судя по идеальной выбритости, не совсем настоящий, поглядывал с угрозой.

— На прохладе мне даже лучше, — поведал арестованный. — Господа, простите за любопытство, а почему вы "Дружина имени царевны-мученицы Анастасии"? Разве несчастная девица... того? Тело нашли? Или догадки-версии?

— Вам виднее, "товарищ Ленин", — с омерзением процедил подполковник. — Я бы вас вообще пристрелил как собаку. Под забором.

— Нет уж, батенька, вы постойте. "Как собаку", дело нехитрое, это каждый может. Вы мне растолкуйте про царевен. Признаться, я настойчиво обращался к тобольским и екатеринбургским товарищам, просил отыскать, и непременно, непременно! представить царскую семью волнуемому народу. В этом деле не должно быть темных пятен!

— Лжете, Ульянов, — мрачно сказал капитан. — Ваше же революционные товарищи и утопили царскую семью. Есть этому преступлению свидетели. Лжете и нагло.

— Я лгу?! Мы, социал-демократы про царевен не лгали, и лгать не будем! Знаете ли вы, батенька, что есть следы царевен, есть. Жив ваш Николай с семейством.

— И где же тогда государь император? — слегка оторопев, спросил капитан.

— Проявляет свойственную ему нерешительность, — пояснил Л-Ленин. — Вы же его знаете. "Я отрекся, я не желаю, я не нужен России, идите к чертту". Трудно его винить, всерьез обижен человек. Как понимаете, я далеко не сторонник Николая Кровавого, но понять его могу. Отверг самодержца народ. И армия, кстати, тоже отвергла.

— Значит, это мы во всем виноваты? — с яростью уточнил подполковник.

— Я этого не говорил. Вины с царя и с его бездарного правительства, естественно, не снимаю. Временные тоже хороши — архитупейшая братия! Но и оппозиция не сделала всего возможного. Что ж, будем исправляться, брать власть и исправляться. Но и вы, господин подполковник, вы безгрешны? На подступах к Берлину или Вене стоит наша армия?

Катрин крепко пихнула л-вождя, которого начало заносить.

— Я, конечно, не лично о вас, подполковник, — сдала назад Лоуд. — Я о наших общих недоработках. Думаете, нам, большевикам так уж хочется всю ответственность за страну брать на себя? Вы послушайте наших товарищей по партии, послушайте — нерешительность, шатания и откровенная робость не обошли и наши ряды. Такие шм... шаманы, особенно в эсерах. А все эти каменевы-зиновьевы?! Тьфу, опять у меня голова заболела. Как некстати эта гипертония. А что там у вас? Как Керенский? Здоров ли?...

Нужно признать, пути отхода офицерская группа продумала, пусть в окружающую, но быстро докатили до Дворцового моста. Зимний едва светился, низко нависало черное как чернила двоечника, небо. Где-то вновь перестукивались винтовочные выстрелы, выдал короткую очередь пулемет, к счастью, увял. Маузер давил в поясницу шпионки, хорошо хоть конвоиры с другой стороны сидят. Видят боги, добром эта авантюра не кончится...

Глава пятнадцатая. Накануне. Ночь.

Дворцовая площадь. Зимний дворец

19 часов до часа X.

Вокруг было темновато, тянулась бесконечная стена баррикад из поленьев, где-то звякали лопаты. Пролетка с арестованным проехала мимо вполне уставного полноразмерного пулеметного гнезда. Похоже, гарнизон Зимнего был настроен решительно.

С урчащего двигателем броневика экипаж бдительно осветили фарой — подполковник возмущенно взмахнул рукой — свет убрали. Пролетки прокатили мимо броневика монстра — по серой броне тянулась свежая белая надпись "Памяти Павловцев".

— Приехали, господин Ульянов.

— Что ж, тем лучше, тем лучше, — л-пленник подхватил полы одеяла, прыгнул на мостовую. Гипертония, видимо, в силу важности исторического момента, отступила.

Под конвоем прошли мимо охраны, впереди раскинулась широкая лестница, украшенная античными барельефами. Арестованный дружелюбно кивнул знакомым богам и героям. У лестницы топталось немало военных людей, в основном офицеров, многие с повязками свежесозданных добровольческих офицерских дружин, но на плененного вождя никто особого внимания не обратил, поскольку не узнал. Л-Ленин действительно стал меньше ростом, похоже, из-за каких-то тактических оборотничьих соображений. Окружающие с некоторым недоумением косились на веселенькое одеяло, и немедленно переключали свое внимание на Катрин. Сестра милосердия из шпионки действительно получилась излишне... накрахмаленная.

Коридоры, двери, лепнина, потревоженные, наспех составленные вдоль стены вазы, статуи, этажерки и шкафы. Еще один многочисленный пост охраны, суэта адъютантов...

— Пусть войдут, — донесся из кабинетных глубин решительный голос.

Оборвался треск пишущей машинки секретаря, подконвойных ввели в большую комнату. Навстречу стремительно шел человек во френче, ершисто стриженный, поджарый и напряженный как струна.

— Здравствуйте, Александр Федорович, — с достоинством, но дружелюбно, поздоровался л-Ульянов.

Временный хозяин Зимнего, заложил руку за борт френча и безмолвно сверлил арестованного невыносимо пронизательным, немигающим, гипнотизирующим взглядом. Драматическая пауза тянулась и тянулась, переходя из классической мхатовской, в архаизную. Когда напряжение немоты достигло апогея головокружительно-звенящих тишин шедевральных эпизодов фильмов Тарковского, плененный вождь высморкался в край одеяла и печально признался:

— Болею.

Керенский обвиняющее выкинул руку:

— Клоун! Ничтожество! Под арест. На общих основаниях. Никаких поблажек. Караул удвоить! Увести.

— Вот-те и пообщались, — буркнул арестант, вскинул из-под одеяла руку и завопил, грозя оппоненту пальцем: — Диктатор! Узурпатор! Позер! Еще пожалеешь, бобрик напыщенный!

Орала Лоуд абсолютно не по-ленински, зато искренне.

Вождя схватили за одеяло, за руки, поволокли прочь.

— Не видеть мне страны родной,

В которой я рожден,

Идти же мне в тот край чужой,

В который осужден...^[27] — угрюмо затащил л-вождь, принципиально отбрыкиваясь от конвоиров. Офицеры поднажали и вытолкнули опытного пленника в дверь.

— Напрасно вы, Александр Федорович, — сказала Катрин. — Сейчас любые переговоры разумнее вооруженной конфронтации.

— Вас не спросили, — резко поворачиваясь, отрезал диктатор. — Вы вообще кто?

— Патронажная сестра Екатерина Олеговна Москворецкая. Нанята для ухода за заболевшим.

Керенский бегло, но подозрительно оглядел сомнительную сестру с ног до головы:

— Ступайте, сестрица, вы освобождены от своих обязанностей. Отныне за гражданином Ульяновым присмотрят тюремные врачи.

— Да? По слухам, у вас и подконтрольных тюрем не осталось, — с печалью сказала Катрин.

Особой симпатии к гражданину Керенскому она не испытывала, но выглядел министр-председатель, он же морской и военный министр, неважно. Явно катастрофически не высыпается, глаза ввалившиеся, весь издерганный. Совмещение должностей — большое зло.

— Ложь! Мы полностью контролируем ситуацию! На подходе ударные батальоны, высланные Ставкой. Кто вам дал право... — Керенский встряхнул головой. — Ступайте-ка отсюда вон, Екатерина Олеговна.

— Как скажете. Но позвольте напомнить: гражданин-товарищ Ульянов-Ленин, он упорный и имеет обыкновение возвращаться. Упустили вы шанс договориться.

Катрин поняла, что на нее сейчас будут кричать. Хозяин Зимнего действительно набрал воздуха и начал по восходящей:

— Договариваться?! С преступной, изменнической шайкой авантюристов-террористов?!..

Но тут в глубине дворцового коридора многоголосо закричали, ударили три револьверных выстрела, закричали еще громче. Загрохотали сапоги, в комнату вскочил адъютант с широко распахнутыми глазами:

— Бежал. Он бежал!

— Как?! — Керенский рухнул на стул — даже сейчас он был порывисто-театрален и явно учитывал, что предмет мебели мягок.

— Его вели... вдруг... исчез, одеяло... одеяло осталось, — прояснил ход катастрофических событий бледный адъютант.

Диктатор застонал, с силой, обеими ладонями пригладил свой бобрик:

— Задержать. Немедленно! Вы слышите?!

Катрин осознала, что лишние свидетели столь драматическому и унижительному моменту ни к чему, на цыпочках удалилась в коридор.

Здесь было довольно оживленно: прогрохотал ножищами полувзвод юнкеров, где-то дальше вновь бабахнули из револьвера, протяжно прокричали команды. Мероприятия неизбежные, но, скорее всего, безнадёжные. Лоуд, не возлагавшая особых надежд на попытку экспромт-переговоров, все же не ожидала подобного унижения и сейчас пребывала в откровенном, вполне понятном возмущении. Вон — даже отойти от кабинета Керенского не соизволила, сразу сгинула. Сейчас любой юнкер или офицер, бегающий по коридорам и размахивающий винтовкой, может оказаться очень фальшивым л-юнкером. Возможно, даже проявит инициативу и возглавит одну из команд преследователей. Или примет облик испуганного лакея дворцовой обслуги и усядется пить чай и злословить с коллегами по поводу неумелой новой власти. Хотя нет, слишком разозлена тов. Оборотень, чтобы мирно чаевничать. Маневр с мгновенной мимикрией и подделкой под одного из конвойных технически отточен до идеала, и чем многочисленнее охрана, тем проще бывает этот фокус провернуть. С этим трудностей у Лоуд не возникло, вот как бы не психанула обиженная завотделом и за нож не взялась.

Впрочем, пора было подумать о себе. Сейчас у преследователей пройдет первый шок, поднатужатся умами, начнут сообщников искать. Высокорослая и донельзя сомнительная сестра милосердия на роль козы отпущения вполне пригодна.

Катрин огляделась, подошла к столу у стены: брошенная посуда, лужица пролитого чая, ложечки с вензелями, баранки, самовар. Походно-дворцовая жизнь в период очередной агонии власти. Самовар, кстати, чуть теплый. Шпионка разломилла баранку, сунула в рот — пыль мучная, никакого сравнения с глорскими пряниками, страна в кризисе, вообще все плохо.

Она шла по коридору, временами выставляя самовар в качестве щита. Мимо в поисках коварного вождя большевиков пробегали запаленные преследователи, Катрин ахала, заслонялась самоваром. Нужно признать, наличие полуведерного бытового прибора порядком убавляет дамам заметности-гламурности: встречные больше опасаются обжечься, чем вглядываются собственно в самовароношу.

К выходу с барельефами шпионка не попала, вывернула к какой-то лестнице поскромнее, спустилась. Малочисленный гарнизон на выходе был настороже: оцетинились штыками и развернули пулемет во глубину дворца.

— Боже мой, что творится, что творится?! — причитая, Катрин спустилась к

внутренней баррикаде. — Отряд капитана фон-Квака здесь вышел?

Выяснилось, что Квака здесь не было, но его действительно лучше снаружи искать — во дворце сейчас небезопасно. Шпионку выпустили в ночной холод — имелись в старой армии определенные достоинства, например, остатки рыцарской галантности и уважения к прекрасным дамам.

Катрин с грустью приобняла остывший самовар и пошла искать проход между дровяными баррикадами. У стен дворца стояли трехдюймовки, у зарядных ящиков возились юнкера расчетов. Изрядно стянули войск. Штурм, видимо, будет жестче, чем в основном векторе. И вообще дело не заладилось. До аудиенции шпионки были более высокого мнения о Керенском, а сейчас министр-председатель взял и взъярил оборотня — попыток ареста Лоуд, по старой памяти, абсолютно не выносила и считала глубочайшим личным оскорблением.

Катрин протиснулась мимо полуготового, обкладываемого мешками с песком пулеметного гнезда. Левее, у баррикады сгрудился военный люд — там слушали агитатора. Вернее, агитаторшу. Молоденькая, раздумянившаяся девушка-ударница, балансировала на гребне штабеля фортификационных дров:

...- потому стоять нам надо до конца! Не большевики, не анархисты опасны. Им самим голову задурили, много ли нужно фабричным и прочей темноте сиволапой. Но немцы уже в городе! Диверсии и провокации кругом. Сегодня на Пушкинской накрыто ихнее шпионское гнездо. Двенадцать легких пулеметов, динамит, полмиллиона рублей. Золотом! Штурмом тайного германца взяли. Юнкера-владимирцы, ай, молодец, со двора ворвались. Я сама видела, раненых помогала оттаскивать. Тамошних шпионов Красная гвардия с улицы прижала, так под дверьми рабочих-точильщиков побило два десятка. Они же необученные, прут на пулемет напролом, никакого понятия о тактике. Господа, немца надо сдержать!

Катрин подергали за рукав:

— Красивая, кипяточку-то нету? Озябли сильно.

— Едва теплый. Плеснуть? На иные сугревы и не рассчитывай, — сказала Катрин лукавому казаку.

— Что ж этак обидно, разом в лоб, — вздохнул служивый. — А поигричь? Ладно, ну, нацеди хоть тепленького.

Потянулись кружки, казаки хлебали, шушукались:

— Неужто про немцев правда? Зверствуют, им что столица, что по фронтовым траншеям "чемоданы" класть. Или заливаает молоденькая? Кто такая, кто знать?

— Ударница, они ж еще те... барышни.

— Ты не зуди, — предостерегла Катрин, наливая очередную кружку. — Как могут бабы, так и служат. Достойны уважения. А про немецких шпионов все говорят. Сколько там пулеметов взяли, сказать затрудняюсь, а по сути, верно. По всему городу в эти дни стрельба. Вожаков большевистских сожгли, алексеевцев расстреляли, у Смольного газовую атаку готовили.

— Про то мы слышали, — признал, закуривая казак. — А не брехня ли?

...- господа, отдавать Петроград на волю шквалу безрассудного немецкого шторма никак нельзя! — звонко призывала милашка-ударница с поленьев. — Власть приходит и уходит, а столица у нас одна! — девица сорвала с головы папаху, стиснула в кулачке. — Смерть чуждым шпионам, вредителям и провокаторам!

Слушавшие одобрительно засвистели, загомонили. Катрин подумала, что Фло лет

семнадцати-восемнадцати, стриженная под машинку была бы дивно хороша даже в подобной шинелище на три размера больше нужного. Это, конечно, не ее точная копия, но...

Л-ударница спрыгнула с баррикады, Катрин и самовар двинулись наискось, и шпионки воссоединились подалеже от толпы.

— Что так долго? — отдуваясь, поинтересовалась красноречивая оборотень. — Я, между прочим, заводелом, а не рядовой агитатор-горлопан. Без мегафона мне сложно.

— Ну и постояла бы молчком.

— Тогда бы ты меня полночи по площади искала, — справедливо указала "набирающая возраст" товарищ Островитянская. — Знаю я тебя, вечно отвлекаешься: пушечки, пулеметики, солдаты-герои, мужественные полковники. Хотя трофеи-самовары, это, конечно, неожиданно. Приятно удивляешь, растешь над собой.

— Зараза заразная.

— Обидно говорите, гражданка Светлоледа. Ну, чего делаем?

— Раз мы уже все равно здесь, имеет смысл зайти в штаб Округа, — предположила Катрин, пристраивая самовар поудобнее.

— Верно! Телефоним в отдел, вызовем авто.

— И это тоже. Но недурно бы Полковникову рассказать о последних событиях.

— Можно и рассказать, — Лоуд помрачнела. — Но с переговорами у нас как-то не тем галсом пошло. Не подсеклось, да, бывает. Мутный тип этот Керенский, не ожидала я от него такого упрямства. Вроде и знакомы они с Ульяновым, а никакого взаимоуважения.

— По-моему, он измотан. Нездоровится премьер-министру.

— Что, тоже гипертония? Нужно было ему одеяло подарить. Очень уютное. Впрочем, не взял бы, за взятку счел, чистоплюй тщеславный.

Шпионки резво дошагали до здания штаба Округа, оставили самовар под охраной караула, телефонировали насчет вызова автомобиля и поднялись к генералу.

— Прекрасно выглядите, — похоронным тоном сделал комплимент Полковников. — Видимо, окрылены успехами.

— Это у меня всегда так — чем меньше сплю, тем свежее выгляжу, — призналась товарищ Островитянская. — Потом, конечно, обмороки и полное обезвоживание организма. Воды недурно помогают, минеральные. Но не будем о физиологичном, не тот момент.

— Я, собственно, и не о вас, — пробормотал генерал, продолжая разглядывать Катрин.

Шпионка поправила уже не совсем белую косынку на голове:

— Больница, морг, далее везде... В медицинской униформе как-то удобнее. Петр Георгиевич, вы о событиях в Смольном уведомлены?

— Да, штабс-капитан Лисицын мне доложил и, не скрою, у нас есть еще осведомители. Весьма странная история. Полагаю, провокация. Атака хлором в подобных условиях абсолютно бессмысленна. А не происки ли это ваших хитроумных руководителей ВРК, а, товарищ Островитянская?

— Вот у меня специалист по взрывам и прочим армейским мероприятиям, ее и пытайте, — Лоуд, которую в эту ночь систематически оскорбляли недоверием, хмуро указала на напарницу.

— В чем же бессмысленность провокации? — уточнила Катрин. — По сути, устраивали фугас-камуфлет: подрыв взрывчатки выбрасывает бомбы с газом во двор и сквозь рухнувшее перекрытие внутрь здания. Непосредственно от газовой атаки потери были бы невелики, от взрыва жертв куда больше, но главное медий... пропагандистский эффект. "Правительство

удушило газами тысячи большевиков и депутатов рабоче-солдатского съезда". Эхо такого взрыва еще долго по стране гуляло бы. Можете указать, что в поднятии волны негодования заинтересованы сами большевики, но сейчас в Смольном полно руководящих членов партии. Едва ли ВРК готов к столь масштабному самопожертвованию. Мне кажется, события подкрепляют версию о третьей силе.

— Допустим. Догадываюсь, что вы оставили на месте засаду. Штабс-капитан Лисицын отправился в Смольный. Надеюсь, ему там ничего не угрожает?

— Без сомнения, он в полной безопасности. Следственная комиссия продолжает работу. Мы пока далеки от положительного результата. Кстати, слухи о прибытии ударных батальонов, надерганных Ставкой, имеют под собой основу?

— Вы же знаете, что отвечать я не стану, — вяло сказал генерал. — Любые сведения по перемещению войск — секретны. Не знаю, кто разносит подобные слухи.

— Керенский ваш и разносит, — отрезала сердитая Островитянская. — Трещит как испорченный телефон: "хамье, вам конец, вот придут славные ударнички, ужо вам будет, ничтожества".

Полковников глянул на шпионку "главную по взрывам", та не стала опровергать.

— Министр-председатель нервничает, — в некотором недоумении признал генерал. — Если вы хотели поговорить с ним лично, то не выйдет. Керенский сейчас отправился на заседание Предпарламента. По слухам, чтобы объявить о своей отставке. Но в личном телефонном разговоре он только что мне заявил, что в отставку не собирается и не уйдет.

— Об аресте Ульянова-Ленина не упоминал? — вновь рассвирепела Лоуд. — Там у них три батальона по дворцу круги нарезают, запарились бедняги. Ищут вроде бы Ленина. Откуда, с какой стати, чего это вдруг?

— Откуда вы об этом знаете? — насторожился Полковников.

— Слухи, ваше высокопревосходительство, исключительно, слухи. Врун этот ваш временный министр-председатель, полное брехло-с, — безжалостно заклемила личного противника правдивая оборотень. — Владимир Ильич в полной безопасности, это я вам вполне ответственно заявляю как заведующая Общим орготделом! Катерина, пошли отсюда поживее. У нас следственная комиссия, а не посиделки с разговорами.

Почему напарница так резво подхватилась, Катрин не поняла — оборотень стремительно, не прощаясь, выскочила из кабинета.

— Прошу прощения, Людмила тоже на нервах, — извинилась за подругу Катрин. — Раз у нас есть десять секунд, а свидетелей нет, можно я вам напрямую скажу? Петр Георгиевич, давайте ситуацию на тормозах спустим? Есть третья сторона, нет ли ее — в этом ли дело? Если ВРК пойдет на штурм, налетит на пулеметы и картечь ваших трехдюймовок, мы с вами в истории таким дерьмом останемся, что... Причем молодецкий удар свежих ударников или корабельные залпы революционной эскадры дело лишь усугубят. Допустим, Зимний все равно возьмут, хотя красногвардейцы кровью умоются, вы геройски застрелитесь, Керенский скажет что-то глубоко историческое и пафосное — но к чему весь этот драматизм? Давайте бесславно, но мирно, а?

— Я и пытался "бесславно", — тихо сказал Полковников. — Но приказ и долг не пустые слова. Сдать город я не могу. Да и не поймут, не подчинятся.

— Нет формального повода сберечь жизни, — согласилась Катрин. — Я не в упрек. Вполне понимаю. Некоторым сдаваться трудно, другим наоборот. Ладно, время есть. Надеюсь, телефоны не отключат...

Она сбежала вниз, прыткого оборотня уже и след простыл, зато на посту охраны скандалили:

— Господа, где моя фуражка?! — возмущался маленький поручик. — Еще у самого Норкина шил, в шестнадцать целковых обошлась. Что за дурацкие шутки?! Это недостойно, господа!

Катрин прошла мимо охраны, занятой поисками сгинувшего предмета униформы, вышла на холод. Ночь тянулась бесконечная, темная и липкая, как уличная грязь. Но "лорин" уже урчал перед подъездом.

...- Аналогичную шпучку мне подарили под Чонгаром, только там верхушечка была повеселей, цветастенькая, — рассказывала Лоуд.

Оборотень и Колька разглядывали офицерскую фуражку.

— Но и к чему эти фокусы? — поинтересовалась Катрин, забираясь на свое место. — Человек шестнадцать рублей платил, а теперь ушами должен зябнуть.

— Не преувеличивай, это не буденовка, на уши все равно не натянешь, — Лоуд попыталась половчее заломить верх головного убора. — Никола, ты что глядишь?! Опаздываем, газуй!

Автомобиль ошалело рванул с места.

— В Смольный? — уточнил юный водитель, резко выкручивая баранку.

— Какой еще Смольный?! — возмутилась оборотень. — Рано, рано нам к кабинетному труду возвращаться. Гони в Мариинский, говорю же, опаздываем!

— Зачем в Мариинский!? — испугалась Катрин. — Ты добить бобрика хочешь?

— Так уж и добить... Я хочу увериться, что он в отставку подает. И вообще мы еще с ним не договорили. Мы, островной пролетариат, тоже упорны и неуступчивы.

Катрин пыталась выяснить детали плана по проявлению "упорства и неуступчивости", но до Исаакиевской площади долетели мигом — солдаты пикетов и застав, уже привыкшие к мельканию грязно-белого бешеного автомобиля, отскакивали с проезда заранее.

— Фде больной?! — странновато грассируя, осведомился у охраны вбежавший в дверь дворца врач.

— Какой больной? — изумился офицер.

— Э, дорохуша, так вы тут вообще блаходушно дремлете, — возмутился доктор, тростью отстраняя стража со своего пути. — Челофеку дурно, а он "кагой больной, кагой больной". Сестрица, не топчитесь.

Катрин с саквояжем устремилась следом.

Доктор был недурен: немного чеховский, немного айболитовский, но постарше, на манер Преображенского — явный профессор, но заведомо без вивисекторства.

— Фде они тут заседают? — ворчал л-профессор. — Нам наверх надобно. Антресоляга должна быть...

Ориентировалась Лоуд со свойственной ей молниеносностью. "Антресоляга" во дворце несомненно имелась, хотя и именовалась балконом второго яруса зала.

— Вы что тут делаете? — возмутился уже не доктор, но дородный усач-полковник, вваливаясь в одну из лож балкона. — Здесь для посла забронировано! Освободить помещение!

Свидетелей позднего заседания Предпарламента было не слишком много — Лоуд мгновенно выставила вон четверых возмущенных зевак, заблокировала ручки двери заботливо припасенным обрезком веревки.

Зал на поверку оказался не таким уж большим: высокая широкая трибуна, демократично объединенная для председательствующих и дежурного оратора, ниже секретарская выгородка, далее ряды удобных кресел парламентариев. Зал не так давно перестроили из дворцового Зимнего сада и оборудовали весьма прогрессивно. Но в данный момент членов Предпарламента на своих местах было маловато — усохли фракции. Хотя порой начинали шуметь, перебивать выступающего.

— Уже на трибуне Керенский, — сказала Катрин, глядя вниз на трибуну. — Опоздали. Теперь только винтовка с оптикой даст гарантию отставки.

— У тебя с оптикой есть? — уточнила Лоуд, торопливо потроша саквояж. — Если винтовки нет, значит, убийство не наш метод. Пойдем скучным, но проверенным островным путем. Он, в конце концов, гуманнее.

...- Наша революция переживает труднейшие времена! — пламенно, отчетливо и ярко утверждали с трибуны внизу. — Нас толкают в пучину, в бездну! Но Временное правительство, и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим...

— Упорный, упертый и упоротый, — прокомментировала Лоуд, трансформируясь.

— Не поможет, — наблюдая, предрекла Катрин.

— Не каркай. И вообще, если не веришь в творческие силы коллеги, беги, винтарь шукай. Я этого диктатора по-любому сделаю, — процедила оборотень и вспрыгнула на перила ложи.

Ничего не произошло — Керенский попросту не заметил появления нового лица, он кричал, по-видимому, обращаясь к кому-то конкретному в партере:...- В этот час, когда государство от сознательного или бессознательного предательства уже находится на краю гибели!

— Игнорирует змее-бобрик, — пробормотала Лоуд. — Ничего, мы это предвидели. Светлоледя, там, в саквояже пледик имеется. Разверни и встряхни хорошенько.

— Блох где-то набралась? — предположила Катрин, слегка теряющая логику происходящего.

— Шутишь еще?! В такой момент?! — возмутилась оборотень, бесстрашно стоя на перилах.

Действительно, было не до шуток. В саквояже нашлось одеяльце — опять же лоскутное, очень похожее на утерянное во время героического побега в коридорах Зимнего. Катрин уловила смысл действия, широко развернула порядком измятое одеяльце, встряхнула над перилами и шепотом провозгласила:

— Тинтаджский "Ворон" — чемпион!

...- Я прошу от имени страны, я требую! — яростно бросал в зал министр-председатель. — Может ли мы исполнить свой долг с уверенностью в полной поддержке этого высокого собрания?!

Широкое движение на крайнем балконе привлекло его внимание, Керенский инстинктивно вздрогнул, увидев пестрое пятно, вызывавшее смутные, но определенно неприятные эмоции. Развернутый на мгновение цветастый флаг уже смялся-сложился. Александр Федорович испытал краткое облегчение и тут увидел стоящего на перилах человека. Надвинутая на глаза кепка, скуластое лицо, борода, сложенные на груди руки... Стоявший казался очень велик ростом. Это снизу он так выглядит. На миг взгляды скрестились — как же пронзителен и презрителен взгляд этих прищуренных глаз. Он,

Ленин. Но откуда?! Этого не может быть!

...- Временное правительство упрекают..., упрекают... — сбился голос оратора.

Александр Федорович сморгнул — конечно, никакого Ульянова на балконе не было. И быть не могло! Усталость, галлюцинация, мираж...

— Нас упрекают, упре...

— Александр Федорович, что с вами? — встревожено спросил председательствующий. — Может быть, воды?

— Да. Да, пожалуй.

Керенский принял поданный секретарем стакан. Вода оказалась отвратительно теплой. Оратор, с отвращением глотая, взглянул наверх, на тот крайний, опасный балкон. Никакого Ленина, естественно. Стоял там кто-то в военной форме, мирно курил папироску. Вот снял фуражку, огладил широкую, холеную бородку, глянул с неизмеримой печалью.

Разум отказывался верить. Пусть Ульянов, допустим, пусть... Но царь?! Мгновенно вспомнилась встреча со свергнутым самодержцем на Царскосельском вокзале, перед отъездом арестованных Романовых в ссылку. Где он сейчас, беглый Романов? По неопределенным донесениям разведки, где-то на Памире. Или вернулся в Петроград?! Нет, не может быть.

Николай Кровавый глянул с высоты балкона и с печальной торжественностью перекрестил оратора. Широкие благословляющие движения царской длани с зажатой между пальцев дымящейся папироской... Александр Федорович зажмурился.

В зале встревоженно задвигались.

— Вам нехорошо? — настойчиво спросил председательствующий. — Объявить перерыв?

Неужели они ничего не видят?! Проклятый балкон. Это все переутомление, это бесконечное чувство тревоги, ответственности за судьбу страны, боль за несчастную издерганную Россию.

— Никакого перерыва! — прохрипел Александр Федорович и решительно влил в себя остатки воды. — Я продолжаю. В тот час, когда мы стоим на пороге гибели государства...

— Стойкий, гадюка, — признала Лоуд, туша окурок о пол балкона. — Редкий случай в моей практике. Но мы его доконаем.

Шпионки пригнувшись, сидели за балюстрадой балкона.

— Политики они такие. Слушай, хорош уже представляться, — попросила, морщась, Катрин. — Кукольный театр какой-то.

— Куклы в секс-шопе. А так да, весь мир театр. Красоту убери, фуражку надень. Хорошая фуражка, между прочим, для тебя берегла. Шестнадцать целковых однако!

Катрин, страдая, сдернула косынку, натянула фуражку — оказалась в самый раз.

...- Мы непоколебимо уверены в скором падении шайки предателей..., - рвал правду оратор, а взгляд его неудержимо восходил вправо вверх — к бредовому балкону. Нет там никого, нет. Нужно взглянуть, убедиться, сконцентрироваться на речи...

Были. Оба. По-товарищески укрытые одним пледом, Ульянов-Ленин обвиняющее указывал на трибуну и что-то втолковывал бывшему монарху, тот, склонив голову и облокотившись о перила, согласно кивал фуражкой. Рядом с беседующими стояла бутылка шампанского с невыносимо яркой, пошлой наклейкой. Это заговор. Противоестественный, наглый, чудовищный заговор!

Глядя в глаза оратора со своей балконной вершины, вождь большевиков подмигнул и издевательским помахал-поприветствовал рукой, на кисти — неожиданно широкой, с весло размером — отчетливо мелькнул криво вытатуированный якорь.

В глазах Александра Федоровича потемнело...

— Врача, врача! — кричали внизу, у трибуны копошились люди, пытавшиеся поднять рухнувшего оратора.

— Это, гкстати, нас кличут, — Лоуд поспешно упихивала в саквояж реквизиторское одеяло. — Сестрица, вы бы оптимистичнее на мир смотрели. А то больной вас узрит, так ему вообще "моменто морэ" приглючится.

Бессознательную жертву перехватили уже на лестнице. Павшего на посту министра-председателя несли в два десятка рук.

— Ну куда вы таг, куда? — издали завопил л-эскулап. — Явный гипертонический гриз, а вы головой вперед. Ногами, ногами нужно. Кровь не скгушайте. В автомобиль и мок гклинику немедля! Сестра, дверь шире! Адьюгтант, в сторону! Растрясете, глупый вы человек.

На появление больного Колька-шофер и глазом не моргнул.

— Куда?

— Да в Зимний сначала кати, — л-врач спихнул с подножки адьюганта. — Вы, вашблогородь, во дворце догоните. Больному полотенгце, зубную щетгу, полис медстрахования взять надобно. В нашей гклинике с этим строго.

"Лорин" рванул по мостовой, следом бежали офицеры и парламентарии, что-то кричали.

— А ты откуда про карту медстраховки знаешь? — туповато поинтересовалась Катрин, вновь выведенная из равновесия бешеным аллюром хромоноого-скачущих событий.

— Что ж я, вообще туповатое? — оскорбился л-доктор. — В научных целях проходил диспансеризацию и общее обследование. Вообще-то, меня больше УЗИ интересовало, но все равно в регистратуре всякими формальностями замучили. Бюрократы! Попозже расскажу. Вы, сестра, велите кучеру остановиться.

Катрин сообразила, что Колька видит незнакомого пожилого врача, что не совсем удобно.

Остановились, врач, ворча, отправился во тьму.

— Николай, у тебя вода есть? — спросила Катрин, с тревогой глядя на бледное лицо Керенского — тот лежал, откинувшись на спинку автомобильного дивана и в сознание приходить не спешил.

— А как же, — юный водитель пошарил под сиденьем и извлек чудовищного вида жестяную флягу. — Катерина Олеговна, а этот гражданин на кого-то похож. Особенно прической.

— Все мы на кого-то похожи, — пробормотала шпионкой, пытаясь аккуратно плеснуть водой в лицо обеспамятевшей жертве жестоких иллюзий.

Получилось неаккуратно, да еще самой флягой по лбу заехала, но, в общем, помогло.

Александр Федорович зафыркал, слегка захлебнувшись, открыл глаза. Катрин принялась вытирать его лицо косынкой.

— Вы? — без особого удивления уточнил Керенский.

— Я, — призналась шпионка.

— А Ульянов?

— Успокойтесь, нет здесь никакого Ульянова.

— Верно, самого Ульянова мне возить еще не довелось, — с сожалением подтвердил с переднего сидения честный Колька.

— А Романова? — осторожно уточнил министр-председатель.

— Еще чего не хватало?! — возмутился водитель. — Я этих самодержцев вообще презираю.

Слегка успокоившийся Александр Федорович уклонился от рук фальшивой медсестры, достал носовой платок, принялся приводить себя в порядок самостоятельно и поинтересовался:

— Что, собственно, случилось?

— Вы потеряли сознание, прибежал доктор, повезли вас в больницу. Вы совершенно изнурены, вам бы действительно отдохнуть.

— Я не могу позволить себе отдыха! — привычный пафос начал просыпаться в мужественном лидере Временного правительства.

— Вы же почти в отпуске. По состоянию здоровья, — удивились из темноты — к автомобилю подходила товарищ Островитянская. — Так с трибуны и заявили.

— Я подал в отставку?! — ужаснулся Керенский и попытался вскочить.

— Не подали, — Катрин удержала пострадавшего. — Подошли к этому моменту и в обморок ударились.

— Я не уходил и не уйду!

— Это верно. Капитан должен погибнуть на капитанском мостике, — Лоуд забралась в машину. — Пусть корабль идет на рифы, пусть команда жидко обгадилась и бунтует, никакого послабления! Честь! Геройская гибель и прощальная закатная речь героя. В синематографе такое очень любят.

— Вы вообще кто? — заподозрил неладное Керенский.

— Представитель переговорного штаба ВРК, зав Общего орготдела товарищ Островитянская, — оборотень с достоинством развернула мандат.

— Я заложник? — надменно осведомился министр-председатель.

— Вы?! — поразились Островитянская. — А на кой черт нам такое счастье... Прошу прощения, я в смысле, не нужны нам заложники. Ситуация и так полностью в наших руках. Зимний пока не берем исключительно во избежание случайных жертв и утери предметов большой художественной ценности. Собственно, вы к нам как раз случайно прицепились. Я вела переговоры в Мариинском, а тут шум, крик — человеку плохо. Доктор суетится, в больницу везти нужно. А где ваша охрана и адъютанты — вообще непонятно. Ну, авто у нас есть, пришлось оказывать помощь и содействие. Считайте как хотите, но мы, ВРК, не лишены гуманизма. Как, вы, кстати, себя чувствуете?

— Я? — Александр Федорович потрогал промокший френч на груди. — Слабость, а так неплохо. Но куда вы меня везете?

— Доктор сказал "в клинику", но потом передумал, приказал "строжайший домашний покой" и слез с экипажа, — исчерпывающе объяснила оборотень. — Вот, общеукрепляющие пилюли передал. Швейцарские, патентованные. Кстати, нам всем не помешает.

Лоуд развернула красно-белую упаковку с пилюлями, все сунули себя в рот по таблетке общеукрепляющего и задумались.

— Так что вы теперь собираетесь делать? — уточнил все еще слегка нервничающий Александр Федорович.

— Как что? — удивилась оборотень. — Довезем вас до дома. В смысле до Зимнего. Ляжете у себя в кабинетике, выпьете чаю, непременно горячего, непременно! И хорошенько выспитесь. Указания врача лучше выполнять, да и вообще с гипертонией шутки плохи. Ну, вы и сами знаете.

— Я не за собственную жизнь опасаюсь, — довольно спокойно пояснил Керенский. — Я спрашиваю, что собирается делать ВРК, Ленин и прочие ваши главари?

— У нас не банда, а партия, следовательно, у нас руководители, — поправила товарищ Островитянская. — Давайте без оскорбительных наездов. Что касается "что делать"... А у нас есть выбор? Власть вы упустили, нам ничего не остается, как взять ответственность на себя.

— Еще ничего не решено! — запротестовал Керенский. — С фронта подходят верные нам части...

— Продлить агонию желаете? — уточнила оборотень. — Ну-ну. И да потекут по Невскому кровавые реки, так?

— Не мы это конституционное преступление провоцируем! — начал повышать голос министр-председатель.

— Граждане и товарищи, — попросила, посасывая таблетку витамина С, Катрин. — Ночь, тишина, сидим в машине, дух переводим. Ну к чему шуметь? Александр Федорович, вы лицо облеченное немалой властью, могу я вас чисто по-женски попросить — давайте приложим максимум усилий и обойдемся без крови?

— От лица автомобильной общественности присоединяюсь к данной просьбе, — счел уместным подать голос поднабравшийся политического ума-разума Колька. — Если вы и вправду Керенский, так давайте как-то выкруливаться и не газовать. У меня, между прочим, один дядька в Ораниенбаумской школе прапорщиков, а другой в Красной гвардии на "Айвазе"^[28]. Оба пока живы, но мало ли... По Питеру немецкие пулеметчики бегают, а вы тут взяли пушки друг на друга выкатывать.

— Откуда вы вообще набрались этих басен про немецких пулеметчиков? Кто распускает эти слухи? — не выдержал Александр Федорович.

— Помилуйте, какие слухи? — возмутилась Катрин. — Вам, что, вообще ни о чем не докладывают?

— Мне вон — сегодня весь кузов сзади издырявили, — поддержал Колька. — Гляньте, гляньте — как дадут пулеметом из окна. Такая полировка, это ж... Гады, одно слово!

Керенский оглянулся и действительно внимательно осмотрел уродливые дыры на багажнике.

— Третья сила, — вздохнула Лоуд. — Всю игру нам ломает. Между прочим, стреляют по безоружным женщинам. По мне, к примеру.

— Зато ваша соучастница мне бок револьвером продавала, — парировал Керенский.

— Ношу исключительно для самозащиты, — Катрин попыталась отодвинуться. — Время беспокойное, вы уж простите, Александр Федорович.

— Далеко от мысли вас обвинять и упрекать. Ситуация в городе действительно ужасная. И мы практически бессильны, — признался министр-председатель.

— Слушайте, а давайте попробуем компромисс подсечь и выудить, — сказала Лоуд, разворачивая остатки витаминки. — Есть же такое красивое греческое^[29] слово. Вы как к такой идее относитесь, гражданин Керенский?

— Давайте уж свой наркотик, — Александр Федорович, сунул под язык большую

таблетку. — Как отношусь? Какой компромисс может у нас состояться? Мы покинули конституционное поле, ступили в трясины анархии...

— Передача власти "под давлением обстоятельств"? — предположила Катрин. — Дальнейший открытый судебный процесс, оспаривающий произошедшие антиконституционные события, далее полное восстановление справедливости при избрании Учредительного собрания.

— Ерунда и вопиюще безграмотные формулировки, — поморщился Керенский. — Совершенно иначе нужно подходить к процедуре...

Машина стояла в тени Исаакиевского собора, а в ней сидели удивительно самонадеянные субъекты и пытались решить абсолютно неразрешимую задачу.

Глава шестнадцатая. Последний пулемет

Ресторан "Альберт" Невский 18

29 часов до часа X.

"...Они побегут, они неизбежно сгинут. Все "они" эти...", — перо на миг замерло, тут же продолжило — "...эти мальчишки с безумными расширенными глазами, губастыми и голодными ртами безмозглых горлопанов. Исчезнут матросы с огромными маузерами на поясе, пьяная солдатня, карманные воры, вопящие "о равенстве", уголовные злодеи с малограмотными мандатами, всякие бритые щеголи во френчах и пенсне. Профессиональные революционеры сожрут сами себя и издохнут в корчах несварения. Сейчас весь огромный город не живет, он сидит по домам. Город чувствует себя завоеванным, изнасилованным каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, казались нашим предкам печенеги, хазары, раскосые скифы..." Островерхие буквы, бежали из-под пера, в конце слов сходя на нет, словно пустеющий пулеметный магазин. "Изменники России лепечут — "революция — стихия". Но холера, землетрясение, чума — тоже стихии. С ними можно и должно бороться! Каленым железом, пулями, штыками, динамитом. Да, мы взяли оружие..."

Невзирая на нелепость места и неожиданность предложения, писалось легко, гневные строки сами ложились на бумагу. Давно не писал, истосковался по чистой бумаге. Алексей Иванович усмехнулся. Нет и нет — с искусством бумагомарания покончено. Стрелок не может писать, литератор не может стрелять. Разные миры, несопоставимые. Да и не литература здесь — клич, набатный невнятный нутряной ор — восстаньте, спасите, что еще можно спасти! Отомстите за утонувшую, захлебнувшуюся в бездонных лужах нечистот, Россию. Спьяну, со зла, от воспаления глупости мы издыхаем. Восстанье, последнюю пулю ему — вонючему хаму!

"... Мир, мир — говорите вы?! Но с кем мир?..."

Написать краткий очерк или эссе предложил связник. Встретились в условленном месте, недалеко от Лиговского. Уже было понятно — шпионы большевиков идут по пятам. На Пушкинской случилась перестрелка, смог ли уйти Шамонит — неизвестно. Впрочем, Петр Петрович ловок, дерзок, весел — что еще нужно для удачи?

В "Альберте" сидели совершенно спокойно. Здесь можно было пообедать ухой и яичницей, хлеб подавали нарезанным на манер льежских печений, о былых изысках французской кухни пора было забыть. Беспальный куратор за чашкой дико дорогого, но настоящего кофе назвал адрес новой конспиративной квартиры.

— Но туда только ночью. Уйдет офицерская группа, тогда пожалуйста, заселяйтесь. Добровольцев-офицеров избыток, не хватает серьезного оружия, помещений, транспорта. На

дней выступим всеми силами, план восстания готовят опытные люди. Но пока вам с коллегами лучше не сталкиваться. У большевиков везде осведомители, Троцкий и Ульянов очень обеспокоены. Чувствуют, что конец близок, — связник смотрел сурово, искалеченные германскими осколками руки в черных перчатках показно лежали на кружевной скатерти. — Возможно было все решить в два-три дня. Керенский, мерзавец, медлит. Когда все кончится, выжечь на лбу каленым железом — "двурушник" и на каторгу. В шахту, пожизненно!

Гранд поморщился.

— Вы, милейший, не увлекайтесь, — сухо сказал связнику Алексей Иванович. — Злоба ваша наивна и бессмысленна как теплый лимонад. Не смешите. Без вас решат, что с этим авантюристом от адвокатуры делать.

— Я разве спорю, было бы о чем, — явно сдерживая обиду, пробормотал беспальный. — От глубин сердца говорю, как думаю. А так бесталанен, признаюсь. Кстати, Алексей Иванович, вы как один из самых уважаемых и талантливейших писателей Руси, не могли бы написать хотя бы короткую заметку? Буквально десяток строк. После начала нашего восстания выйдет газета с обращением о наших целях и задачах. Очень бы желательно, чтобы наш призыв выглядел не только сухим политическим воззванием. Ваше слово, слово блестящего русского литератора, истинной гордости нации, будет бесценно. Десяток строк, но проникновенно, от души, как вам дано. В Центре очень просили.

— Что ж, если надо. Прикажете официанту подать бумагу и прибор...

Алексей Иванович писал, получалось не десять строк, а больше. Нужно как-то лаконичнее. Не в издательство "Знание" будут отсылать, отнюдь.

"...Петербург пылает. Мы, или сгорим или остановим хаос. Назад пути нет! Мы пойдем туда, к этому чудовищу, ошестинившемуся пулеметами и гаубицами, припасшему бомбы и ядовитые газы, и отрубим его смердящую голову!"

— Чудесно, то, что надо! — вроде бы искренне восхитился связник, забирая исчерканный лист. — Что ж, удачи, господа! О результатах разведки Смольного телефонируйте тотчас. Центр ждет...

— Все-таки липкий у нас связник, недобрый, — сказал, глядя в сторону, Гранд.

Боевики шагали в сторону Кавалергардской — к штабу мятежников следовало выйти загодя, но приступать к делу не раньше двадцати трех. Имелись по этому поводу у Центра какие-то мысли, намекали, что в это время охрана Смольного будет ослаблена. В последнее обстоятельство Алексей Иванович верил мало — ободряет, воодушевляет Центр, а говоря проще — лжет. По поведению связного, именовавшего себя "есаулом Кулаковским", чувствовалось — о многом умалчивает посланник, и даже не считает нужным особо лицедействовать. Черт знает что за человек — повадки малоросского мазурика пополам с душком шляхетского гонора. Хотя что в нем дворянского? Конотопский мещанчик-пустослов. Но видимо, действительно служил, искалечен, большевиков на дух не выносит, так и дышит ненавистью.

— Не то время, Игорь Иванович, — печально пояснил бывший литератор. — Не то время. Нас убивают и унижают, мы мстим. Жестоко и без оглядки. Многорукий и многозевный хам должен быть повержен. И каждый союзник в этом святом деле нам ценен.

— Полагаете? А ведь есаул нам в последнее время через слово врет, — утрюмо сказал Гранд. — Причем, наглейшим образом. Помнится, имелись на нашем госзаводе подобные типы. Но там хоть некие приличия блюли: воровали, ввали, интриговали, но тайком.

— Игорь Иванович, ну страннейшие же вы сравнения делаете. Одно дело ваши инженерные воздухоплавательные дела, сложные, но в сущности прозрачные. Другое дело — тайная, глубоко законспирированная организация. Зачем нам знать лишнее?

— Естественно. Нас послали, мы идем, — ядовито подтвердил инженер. — Идем выяснять местонахождение отравляющих газов. Нам всучили новенькие ручные гранаты, крайне смутно обрисовали действия и мотивы противника, но задали строгие временные рамки. Могу ли я задуматься над сей странной конструкцией?

— Центр добыл новые бомбы и поспешил нас облагодетельствовать. Что здесь странного? С заданием лично мне все ясно. Большевики чувствуют, что страна начинает просыпаться и готовят дьявольскую провокацию.

Вообще-то, и самому Алексею Ивановичу ощущение довольно увесистых цилиндров в карманах пальто не нравилось. Гранаты были якобы австрийские, компактные, не лишенные элегантности. В обращении вроде бы чрезвычайно просты. Но всучил их связник едва ли не насильно, со странноватыми ужимками.

— С этими газами вообще все странно, — пробормотал Гранд, поднимая воротник пальто. — И погода отвратительная.

— С погодой ничего не поделаешь, а насчет газов проверим. Не так уж сложно, место известное, подходы проверены, — бывший литератор замолчал, вспомнив о подходах и революционных бродягах. Как-то из памяти выскочило. Все-таки две жизни. Пусть пустых, никчемных, но жизни. Впрочем, никто их туда, к Смольному, силой не гнал. Сбежались на свежую кровь. Клопы, алчные, голодные, безмозглые.

Ожесточиться, всколыхнуть ярость не получилось. Слишком хорошо помнил лицо убиенной девицы. Ничего хищного и клопиного. Просто гуляющая дура. Случайная жертва обстоятельств.

* * *

Отправив подопечных, куратор Куля двинулся на новую квартиру. Время еще имелось, перед операцией требовалось отдохнуть. Есаул завалился на диван, закинул ноги в забрызганных ботинках на кожаный валик и закрыл глаза. Нервное напряжение не уходило, да еще обрубки пальцев ныли. Это погода. И еще понимание, что где-то недалеко, может быть прямо под окнами, шныряет, вынюхивает эта белобрысая тварь. Ничего она уже не успеет. Ничего! Поздно, опоздала. Сука смершевская.

Ненависть и страх заставили повернуться на бок и скорчиться. Куля пнул диванный валик каблуком. Больше шести лет прошло, а отсутствующие пальцы все болят. Забыть невозможно. Сука, сука... Говорили, что исчезла, ушла со службы. Вообще в иной мир сгинула. Как она могла узнать?! Откуда? Ведь чистая случайность, что он здесь. Сам не знал что такое дельце подвернется. Стечение обстоятельств. Нет, ничего она не успеет.

Следовало успокоиться. Минимальную дозу? Есаул сел и вытащил табакерку.

Сразу стало легче. Ничего. Она не успеет. Следующей ночью завершить дела и уйти. Пусть ищет.

Ничего не болело. Мир обрел четкость, движения — твердость. Враг идет по следам, наступает на пятки. Но не успеет. Интересно, на старой квартире уже ждет засада? Или не успели большевички? Надо бы предупредить Ганна.

Есаул тихо засмеялся. Будет забавно, если красные москали поймают красного куратора. Выкрутится Ганн или нет? Забавно, забавно.

Есаул лежал в темноте и смеялся. Ему было легко и тихий дребезжащий смех бежал по

пыльному ковру кабинета, обнюхивал углы, взбирался по полкам книжных шкафов, шуршал хвостом по обтертому золоту переплетов томов сотен ненужных энциклопедий и трудов по римскому праву. Чужой серый смех в чужом кабинете.

Смеяться есаулу надоело, он неспешно оделся, собрался и пошел к Смольному. Холод промозгой ночи приятно холодил лицо. Ночь обещала быть интересной. Яркой. Со вспышкой взрыва, воплями боли, сдвинутой набекрень историей. Взглянуть, послушать, вернуться в квартиру, вновь пустить смех по тяжелым шторам.

* * *

К Смольному боевики вышли со стороны Малой Болотной. Пройти проверенным путем не получилось — у сквера "революционные массы" выставили свежий пост. Морячки и фабричные мастеровые с неуклюже пристроенными ружьями за плечами зубоскалили у костра. Впрочем, дальше, между собором и унылым корпусом института, было по-прежнему тихо и тускло, свет и шум окон Смольного сюда не доходил.

— Что ж, Игорь Иванович, пора, — бывший литератор щелкнул крышкой часов. — Надеюсь, в очередной раз ничего не сыщем в этих проклятых подвалах. Но если что — стреляйте не раздумывая. Бог простит.

— Сомневаюсь, — инженер на ощупь проверил браунинг. — Глупостей мы с вами наделали, Алексей Иванович. Бог не простит, но, надеюсь, поймет.

— Это одно и то же. Отложим покаяния и исповеди до встречи с Ним. А пока я вам прсбдительность говорю. Большевики бывают довольно шустрыми.

— Покажу им новейшую гранату. Должны заинтересоваться, — угрюмо пошутил Гранд. — Откровенно говоря, идти на дело с малознакомым оружием — не совсем разумно.

— Я вот о том же думаю, — с некоторым облегчением признался Алексей Иванович. — Не поверите, просто карман оттягивает эта нарядная бомбища. Отвратительнейшее предчувствие. Так и чувствую, как в руке взрывается.

— Но других-то гранат нет, — буркнул инженер, осторожно щупая свою грудь. — Идти только с пистолетами, тоже, знаете ли...

— У нас разведывательное задание. Давайте избежим искушений зашвырнуть эту австрийскую пакость в окна Смольного. Оставим здесь, прихватим на обратном пути.

Боевики спрятали бомбы в водосточной трубе, надежно заткнули дыру валявшимся тряпьем и двинулись дальше.

За зданием рокотали двигатели, кто-то истошно орал команды. Над кровлей взлетали и гасли искры костров. Стало многолюднее, солдаты деловито тащили куда-то бревна, трещала мотоциклетка, пахло мазутом и еще какой-то дрянью. Боевики пристроились подальше от ярких окон, закурили.

— Вон тот подвал, — прошептал бывший литератор. — Мы на нем с Петром Петровичем разведывательную миссию и закончили. Подвалец вообще-то запущенный, загаженный, с довоенных времен никто в него не спускался. По виду так и осталось.

— Слухи тоже нужно проверять, — заметил Гранд. — В конце концов, нас не на ликвидацию снарядили. Взглянем, с чистым сердцем доложим Центру. Дело как вы говорите, несложное, богоугодное.

— Гм, да уж. Вы ломик не забыли?

— Обижаете, Алексей Иванович, — инженер выпустил из рукава раздвоенное жало инструмента.

— Отлично. Идемте.

Боевики пропустили озабоченного пролетария с красной повязкой на рукаве и мешком чего-то тяжелого на плечах, и приблизились к лестнице в подвал.

— Однако! — встревоженно прошептал бывший литератор. — Явно кто-то побывал. Взгляните.

Ступени действительно были истоптаны и испачканы свежей грязью. Под верхней ступенькой валялся обломок деревяшки, белел свежим сломом.

— Но замок висит. Давайте-ка поосторожнее, — призвал Гранд, спускаясь к двери.

Алексей Иванович, прикрывая тылы, скорчился на верхних ступеньках. Взведенный браунинг оттягивал руку. Неужели, действительно газы?! Благоразумнее глубоко не дышать.

Инженер примерился, хмыкнул и поддел замок клювом ломика. Заскрипело.

— Дрянь замок, — отметил Гранд, стряхивая с ломика жалкий комок металла.

— Раньше вроде бы другой висел, — усомнился Алексей Иванович, не обладавший стойкой памятью на замки и иные скобяные изделия.

— Фонарик готовьте, только не светите раньше времени, а то снаружи заметят, — предупредил инженер, приоткрывая вяло поскрипывающую дверь. Боевики протиснулись в непроглядную тьму. Внутри пахло известью, табачным дымом и чем-то отвратительным, типа гнилого мяса. Крысы передохли?

Фонарик не понадобился. В лицо ударили десятки ярких лучей. Кто-то оглушительно заорал под самым ухом. Алексей Иванович попытался вскинуть браунинг навстречу слепящему свету — локоть резанула невыносимая боль. Бывший литератор закричал и не услышал сам себя — его мгновенно опрокинули, завалили, вырвали-выкрутили из пальцев пистолет.

— Руки! Руки вверх, сука! — ревели в ухо.

Поднять руки Алексей Иванович не мог при всем желании, даже если бы осознал приказ — его руки были где-то за спиной, локти и плечи выламывала боль, в щеку впивались осколки камня и известковая пыль...

Громыкнул пистолетный выстрел, ему ответили матом. Грант все еще вырывался, но его уже завалили на колени, сбив фуражку, ухватили за волосы.

— Шустрый какой, — пропыхтел кто-то. — Врежьте-ка этой контре промеж лопаток.

Донесся звук удара — инженер получив прикладом, шумно выдохнул и обмяк.

— Так, взяли и почти чисто, — удовлетворенно сказали рядом.

Алексей Иванович понял, что его приподняли с пола и обыскивают, умело шаря под пальто и в паху. Запястья болезненно сжимал металл — видимо, наручники. Лучи света перестали метаться, слепить.

— Спокойно, господа террористы! — приказали над головой. — Где ваш третий?

Бывший литератор с трудом приподнял голову: вокруг стояли солдаты, грозили широкими штыками винтовок. Их унтер светил фонарем и с любопытством разглядывал лицо плененного. Это было оскорбительно — в последний раз Алексей Иванович наблюдал подобное любопытство в берлинском зоосаде — там дети так же очарованно глазели на самца орангутана.

— Перестаньте выламывать руки, вы мне запястья раздробите. И никакого "третьего" у нас нет, — бывший литератор пытался говорить твердо, с ледяным, презрительным спокойствием. Принимать пытки и смерть нужно достойно.

* * *

Третий все-таки был, хотя Алексей Иванович и Гранд о нем и не знали.

Подходы к складской части подвалов были достаточно освещены, необходимости в ПНВ^[30] не было, и Кула обходился обычным биноклем. Двор и сам подвал он изучил как свои восемь пальцев еще в период организации "ремонта с закладкой". Времена стояли вполне невинные: над головой непорочные девицы, во главе страны мягкосердечный рохля-самодержец, с немцами тупые имперцы воевали далеко от столицы. Купить взрывчатку — вот это было проблемой. Дороговато обошлось, сэкономить не удалось.

Лишь бы раньше боевики не заявились. Оптимально начать веселье в полночь. Ленин уже прибудет в Смольный, резво начнут совещаться и требовать ускорить захват города, и тут... Внезапный поворот, шах и мат всей верхушке октябрьской революции. Конечно, Ленина могли перехватить офицеры-добровольцы — наводку с адресом им скинули стопроцентную. Но вождя большевичков они вряд ли ликвидируют. И офицерики бездари, и Ульянов не тот тип, чтобы дать себя случайно пристрелить. По сути, он дьявол, симбирский вельзевул. Удавил в кулаке древнейшую часть европейцев, едва дав вдохнуть воздух свободы. Пшекам повезло, тупицы-финны и те выскользнули, а лучший народ Европы ни с чем остался. Сгорели вишневи садочки, поблекли белены хатинки. Задушил, сволочь, сволочь, сволочь...

Кокаин еще бродил в мозгах, щекотал, мысли летели то неудержимым вихрем, то замирали, качаясь на пуантах воспоминаний. Балет Кула так и не полюбил. Из любопытства сходил взглянуть на Кшесинскую. Корова, вообще никакого сексопила. В Петербурге полным полно шлюх в три раза моложе и в тысячу раз дешевле. А таких балерин пусть вырождающиеся аристократы трахают. Она даже и без макияжа была.

На баб тратиться не было смысла. Свободные средства есаул вкладывал в кокаин. Уже двенадцать фунтов ждали в тайнике, еще партию можно будет забрать завтра с утра. Таможни, хе-хе, нет, и великолепного кокса хватит до конца жизни. Нет, пан Кулаковский не наркоторговец, не для перепродажи брал. Завтра финал операции, и даже малый процент, выплаченный заказчиком, позволит жить обеспеченно. Очень обеспеченно. Кула подумывал об Аргентине. В XXI заокеанская окраина стала вполне цивилизованной страной. Негров и москалей там не так густо, жить можно. Бесконечной борьбе за независимость можно помогать и оттуда. Вернуться, уладить дела с финансами, и не торопясь, отбыть...

Он стоял на палубе в белых, цвета кокаина, штанах-карго, в шелковой вышиванке, яхту слегка качало, закатная вода казалась черной, на горизонте мигали огоньки...

Кула очнулся. Вот же они. Чуть не пропустил...

Двое подопечных подходили к подвалу. Обнаглела русская интеллигенция, вообще не боятся. На миг замерли, спустились по ступенькам и скрылись из виду.

— Сейчас будет тебе, Алексей Иванович, уся Нобелевская премия, кишками в наружу. Ну, земля вам стекловатой, — прошептал наблюдатель, поспешно пригнулся за подоконником, и, держа двумя руками пульт, поочередно послал оба радиосигнала.

Мгновенно донесся приглушенный взрыв. Понятно, ниша спуска в подвал должна притушить первый взрыв, но отчего гроыхнуло вообще с другой стороны? И главное, где подрыв основного заряда?!

Кула понял, что нажимает кнопку уже в десятый раз. Тишина. Плохо. Столько усилий, и ничего. Неужели отказ радиодетонаторов?! Есаул бессмысленно выглянул в окно — нет, слух не подводит — у подвала полнейшая тишина, словно и не было там ничего. Никаких вспышек пламени, никакого дыма и разлетающихся бомб с газом. Совсем плохо. Что скажет Иванов-с-акцентом? Может, ну его к бесу, вообще не выходить на связь? Нет, такой куш... о,

куш-то все равно остается. Чья вина что операция не удалась полностью?

— Это все Ганн, — прошептал холодными губами наблюдатель. — С него и спрашивайте.

Электронную начинку для операции доставлял, действительно, товарищ Ганн. И основной радиодетонатор, и дублирующее устройство, которое несли боевики-самоубийцы под видом одной из гранат. Двойной отказ техники — исключительно вина Ганна. А как красиво было задумано! Одно прощальное письмо господина литератора чего стоит. Жертвенность, напор! Вот черт...

Кула, тщетно прислушиваясь, высунулся в окно. По плану должны были сработать гранаты с дистанционным управлением, убить или ранить боевиков — после большого взрыва, тела инженера и сочинителя должны найти на подходах к подвалу и непременно опознать. Взрывная волна основного, заложенного в подвальной стене заряда, пойдет вверх, широко разбрасывает бомбы с газом. Собственно сам штаб ВРК уничтожить едва ли удастся, Ульянов-Ленин умертвится лишь при большом везении. Но многие красногвардейцы и делегаты съезда падут жертвой теракта, газы добавят смака, начнется паника. О, это будет очень долгоиграющий подрыв! Впоследствии тела подрывников и предсмертное письмо подтвердят замечательную версию о самопожертвовании героев-контрреволюционеров.

Какая роскошная версия?! И такой сбой в исполнении. Кула выругался и замер...

Из подвала выходили люди. Много. Солдаты с винтовками, вот кого-то выволокли под руки. В согнутой фигуре можно было узнать инженера. А вот и второй смертник. Тоже не того... ногами перебирает, значит жив.

Вот это было совсем плохо. Пропало дело.

"А ведь сдал нас Ганн" — догадался наблюдатель, отскакивая от окна. "Скользкий он, коммуняка поганая, я ж с первого дня знал, что скользкий".

Утешало одно — ни блондинистой, ни какой иной бабы-суки, у подвала не промелькнуло. Значит, не она дело завалила. Хоть щось хорошее.

* * *

Больше всего Алексей Иванович опасался, что захочется в сортир. Просить, чтобы отвели, заговаривать с тюремщиками, вообще открывать рот было невыносимо. Ныла правая кисть: пальцы, очевидно, не сломаны, но помяты и вывихнуты. Брюки прорваны, постыдно торчит бледное барское колено. А голова оглушающее пуста — ни единой мысли. Это предсмертное, равнодушное опустошение. Ждать нечего, жалеть не о чем, просить некого.

Они сидели в большой комнате. Очевидно, бывший класс: табун парт согнан к задней стене, учительский стол остался на месте, к нему приставили еще три разномастных канцелярских стола, тянется прямо по паркету телефонный провод, на стол водружен аппарат, сидит за столом равнодушный сопляк лет пятнадцати, односложно отвечает на звонки, что-то записывает в амбарную книгу. На соседнем столе титанических размеров чайник, буханка хлеба, располовиненная оригинально — по диагонали, бандитский нож, кипа бумаг, букет роз, зверски втиснутый в графин. Цветов вообще на удивление много: несколько ведер с гвоздиками, банная шайка с резко благоухающими лилиями, огромный букет гладиолусов. Цветочную лавку ограбили, не иначе.

Алексей Иванович и Гранд были рассажены по разным углам — конвоиры не поленились, выволокли пленникам по парте. Наручники не снимали, больше не били, но инженер сидел кривобоко — прикладом его угостили на славу. Сами конвоиры лясы не точили, подсолнухи не лузгали, сидели свободно, но глаз с арестованных не спускали.

Массивные винтовки лежали на коленях, тусклый блеск кинжальных штыков предупреждал.

Бывший литератор понимал — придут начальники этих неразговорчивых солдат и разговор выйдет короткий. Документы и пистолеты боевиков сопляк-телефонист убрал с несгораемый ящик. Хорошо, гранаты с собой не притащили. Впрочем, доказательств и без бомб хватает. Ждали, знали, что придут, следовательно, знали и кто придет. Сдал связник, заложил миляга есаул. То-то улыбался так похабно.

Резко зазвонил телефон. Мальчишка снял трубку:

— Общий орготдел. Слушаем... Ну? Взяли? Кого насмерть? А, понял, принято.

Солдаты смотрели на связиста вопросительно.

— Не срочно, — буркнул сопляк и принялся писать в журнале.

Говорил он с легким неопределенным акцентом — видимо, финн или лифляндец. Но солдаты определенно русские — и морды псковские, и крыли в подвале красноречиво.

Телефонист закончил с чистописанием, критически оценил труды, что-то переправил, еще посмотрел, и снова переправил. Грамотный, но умеренно.

Мальчишка поднял глаза, перехватил взгляд Алексея Ивановича. Бывший литератор едва не вздрогнул — взгляд пятнадцатилетнего большевика был тяжел, опытен, почти равнодушен. Такой во двор выведет и без всякого сомнения в затылок стрельнет. Сразу видно — по крови ходил по колено. Упырь малолетний.

Алексей Иванович взгляд не отвел, смотрел сквозь порченого мальчишку как сквозь пыльное стекло. Юный палач, с некоторым недоумением почесал карандашом переносицу, оглянулся на соседний стол с чайником и прочим.

— Ну, это, бойцы. Кормить врагов надо?

Солдаты переглянулись:

— Приказа кормить вроде не было, — неуверенно отозвался конопатый стрелок.

— А вдруг их куда конвоировать придется? — возразил его напарник. — Скажут "что ж вы их голодом морили, когда время было". Так-то, конечно, гадам уже без разницы жрать или не жрать, но порядок содержания арестованных это не отменяет.

— Такому зверю хлеба дай, он кусок нарочно не в то горло пихнет и все, конец — отговорился, — сказал конопатый, с подозреньем глядя на Алексея Ивановича. — Я не спец, но слышал про такие случаи. В общем, ты, Груха, сам решай. Ты здесь комендантом.

Мальчишка подумал и вынес решение:

— Покормим. Но умеренно.

— Не нуждаемся в благодеяниях, — не выдержал Алексей Иванович. — Казнить казните, но без измышательства и ерничанья.

Сопляк ответил не сразу. Он орудовал ножом — широким, странной формы, но даже на вид острейшим. В два взмаха был сделан бутерброд: ломтик хлеба с тремя кружочками колбасы, клинок мелькнул еще разок — бутерброд превратился в квадратики-каналэ единого размера и формы.

— Лихо, — одобрил конопатый стрелок.

— Родич на камбузе служит. Научил, — объяснил малолетний "комендант" и неожиданно вежливо сказал Алексею Ивановичу: — Сударь, ежели не угодно, не завтракайте. Наше дело предложить. Я доступно объясняю, ну?

Высказано было предельно вежливо, но в такой утонченно издевательской форме, что...

— Не нуждаюсь! — процедил бывший литератор.

— Бросьте, Алексей Иванович, не горячитесь. Неизвестно насколько это затянется,

и... — предупредил со своей парты инженер.

— Стоп! — выпрямился конопатый конвоир. — Между собой никаких переговоров. И вообще лучше помалкивайте, пока вас под протокол не опросили. Если кушаем, то молча...

Мальчишка, откликнувшись на отвратительную кличку Груха, безмолвно поставил перед бывшим литератором блюдо с горкой крошечных бутербродов и стакан чая. Стало быть, руки освободить не будут.

— Вы, господа подрывники, не стесняйтесь, — сказал один из охранников. — Террористы вы отчаянные, аж пробы ставить негде, так что никак шансов сдержать мы вам не дадим. И кормить с ложечки тоже никто не станет.

Гранд закряхтел, наклонился к стакану и неловко отпил.

Так пакостно по-собачьи насыщаться Алексей Иванович не собирался. Пусть инженер давится. Бывший литератор закрыл глаза, откинулся на неудобную спинку парты. Слушал как жует товарищ по несчастью. Конвоиры не издевались, помалкивали, мальчишка изучал записи в журнале. А колбаса пахла. Недурственно пахла. Что это за сорт такой незнакомый?..

Алексей Иванович успел съесть большую часть странного тюремного пайка, как дверь распахнулась и женский голос мелодично возмутился:

— Эти сидят, а те клюют. А где дисциплина!?

Бывший литератор едва не подавился, конвоиры вскочили, грохнули о паркет прикладами ружей:

— Здравия желаем, товзавотдела!

— Это самое... вольно, — разрешила вошедшая. — Вы продолжайте, я так, для порядка гавкнула. Это значит, они самые... враги и душегубы? Так-так, частично знакомые лица. Узнаю звезду российской словесности.

Женщина, молодая и весьма привлекательная, была абсолютно незнакома Алексею Ивановичу. Одета не без изящества, подлую революционность выдает лишь солдатский ремень, стягивающий осиную талию под отлично сидящим шерстяным жакетом. Правильные черты лица, огромные голубые глаза, обаятельная улыбка. Таковы они, вакханки и куртизанки нынешнего похабного термидора.

— Вы на меня, любезный, не пяльтесь, — неожиданно свирепо прищурилась красивая дрянь. — Сейчас придут, и лично вам все скажут. Держат вот такого за приличного человека, а на поверку террорист и вообще шмондюк шмондюком. Ладно, Гру, докладывай, что с обстановкой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мальчишка подвинул начальнице свою амбарную книгу, негромко заговорили, склонившись над столом.

Алексей Иванович понял, что все будет хуже, чем представлялось. Не просто расстреляют. Будет иное. Позорное.

Вошли четверо. Революционный тип, развинченный, растрепанный, весь в ремнях наганов, с ним юнец в шоферской кепке, какой-то штабс-капитан, видимо ряженный, и с ним она... Глянула почти с ненавистью, сразу подошла вплотную к парте.

— Я так и знал, что вы с ними, — выговорил Алексей Иванович, думая совершенно обратное.

— Да? А я вот не догадалась, что вы "с ними". Что бегаете по улицам и убиваете людей. Глаза у нее были все те же — малахитовые, очень запоминающиеся. Господи, а ведь и

трех дней не прошло как в ресторане сидели.

— Я людей не убивал, — зарычал Алексей Иванович, пытаясь встать. — Я истреблял скверну, убивал хама. Выжигал заразу, пожирающую Россию.

Коснулась плеча, вроде бы легко, но почему-то рухнул обратно на скамью. Большевичка процедила, глядя в глаза:

— Даже не могу сказать, как мне жаль. И вас, а других еще больше. Нельзя нагибать историю в позу. Вообще нельзя, а сгибать террором еще и просто отвратительно, — резко повернулась, пошла к столу.

Они о чем-то говорили, гремела дверца несгораемого шкафа, а Алексей Иванович ничего не слышал. Она — эта, наверняка, насквозь фальшивая Екатерина Олеговна — не была актрисой и лгать глазами не умела. Недоговаривать — сколько угодно. Но не лгать. Ей действительно жаль. Словно на больного скверной болезнью глянула. Жалеет и презирает сифилитика. Получается, уже казнила.

* * *

Допрос вышел кратким. Подозреваемые, осознав, что Петр Петрович, известный в кругах боевиков как Шамонит, раскололся, упорствовать не стали. Признательные показания были получены и террористов увели. Катрин дострочила протокол, члены совместной следственной комиссии поставили подписи.

— Воля ваша, Екатерина Олеговна, но стиль и почерк у вас уж слишком... прогрессивный, — сумрачно заметил Лисицын, расписываясь.

— Это она в эмиграции дурного набралась, — объяснила товарищ Островитянская. — Ничего, потом надлежаще переоформим протокол в полном соответствии с требованиями революционного делопроизводства. С учетом пожеланий реакционной части комиссии, естественно.

— Да уж какие шутки, товарищи, — осудил Дугов. — Выглядит все это мерзко. Вот не ожидал я от вашей интеллигенции, Олег Петрович. Вроде образованные люди, а человечья жизнь им ценой в копейку.

— Я не оправдываю, но и вы поймите — их обманули, жестоко, цинично спровоцировали, — пробормотал штабс-капитан. — И учтите, что злодеяния вашей революционной группы были еще хуже, кровавее. Туда даже совсем мальчишек втянули и...

— Не время считаться, — оборотень повязала голову своей великолепной карминовой косынкой. — В больницу нужно ехать. Гру, давно доклад поступил?

— Больше часа, — мальчишка указал на стоящие перед ним на столе каминные часы. — Думаю, доложили не сразу. Юнкера там в смене.

— Понятно. Бди и кипяток принеси. Мы скоро.

Следователи вышли в шумный бурлящий коридор и двинулись к выходу. Народу на нижних этажах было как на вокзале — прибывали делегаты второго Съезда советов рабочих и солдатских депутатов, везде говорили о неудачной попытке "временных" взорвать Смольный и о колебаниях Керенского сдавать добровольно власть или не сдавать. В благоразумие Временного правительства не верили, прямо посреди коридора снаряжались пулеметные ленты.

Следственная комиссия вывалилась на освежающий свежий воздух. Автомобиль охранялся парой верных "попутных" бойцов.

— Грейтесь, товарищи, — начальственно разрешила Лоуд. — Никола, нам к Ушаковке.

— Прогрето, — заверил неколебимый шофер и газанул.

Революционные массы немедля образовали коридор, "лорин" стремительно нырнул к воротам.

— Товарищ Островитянская мотается, — пояснял в красногвардейской толпе знающий самокатчик.

В пути мысли следователей вернулись к насущному.

— Как не крути, а скандально выходит, — перекрикивая рев двигателя, настаивал Дугов. — Про третьего вашего стрелка я не знаю, а двое что у нас — уж очень известные личности. Знаменитости. И как такое народу объяснять? Ведь переколют всех сочинителей, да и инженерам сполна перепадет. Народ злой. Мне авиаторов жалко, они нам нужны будут.

— Конечно, алексеевцев расстреливали люди неизвестные, без репутации, какой с них спрос, — отвечал штабс-капитан, придерживая фуражку. — Но это не означает...

— Как это не означает?! Очень даже означает! — возмутился анархист. — Я с ликвидаторов генерала и юнкеров ответственности не снимаю, если кто-то из них жив, то сполна ответит перед судом истории. Но что прикажете с вашим знаменитым академиком и конструктором делать? Я, между прочим, тот огромный бомбовозный аэроплан вживую видел, восхищался по наивности. А тут на тебе.

— Может не спешить с оглаской? — обернулась с переднего сидения Катрин. — Пропагандистский эффект труднопредсказуем.

— Ну, вы, Катя, скажете, — изумился Дугов. — Народ имеет полное право и должен знать. Замалчивать никак нельзя. Не при старом режиме чтоб народу в глаза врать!

— А что мы, собственно, доказательно знаем, товарищ Федор? — задумчиво напомнила оборотень. — Да, частично исполнителей мы взяли. Но кто сидел на руле? Кто придумал и подготовил это безобразие? Где голова? Нет, рано нам, товарищи, перед народом отчитываться. Недоработали! Еще и в больнице кривось-накось вышло. Как бы нам концы вообще не отчекрыжили.

— Нужно было догадаться, что безногий отец этой пострадавшей и есть искомое нами лицо. В описании конвойных казаков и э... родственницы Полковникова эта хромота фигурирует, — сказал штабс-капитан.

— Этот Филимон Блохин в штаб фабричной гвардии два карабина передал. Как раз казачьих. Это мне уже вечером рассказали, — неохотно признался Дугов. — Но хромота и одноноготь — разные недуги. Кто мог знать...

— Теперь, может, и вообще не узнаем, — предрекла товарищ Островитянская. — Если этого Филимона действительно убили, то всё, приплыли.

* * *

Следственная комиссия не знала, да и не могла знать, что все было совсем иначе. Не Филимона-Гаоляна убили. Это он не убил.

Гаолян повторно вернулся в больницу поздно вечером. До этого побывал дома, полюбовался на разор и выбитое окно. Керосиновую лампу сперли, в сундуке тоже кто-то покопался. Кровь на полу... ну, это дело обыкновенное, Глашка замочит и выскоблит, она в этих делах упрямая.

О себе думать было незачем — раз на след вышли, значит доберутся. Был бы на двух ногах, можно было бы в бега пуститься, в Сибирь или дальше. Но с этакой приметой и равновесием...

Утеряно равновесие. Что-то не то наделали. Прав был Андрей-Лев. И Борьку жаль — его бы лихость, да на какое-то хорошее дело. Чтоб вырос, осмыслил, что да как. Но

припозднвившимися сожаленьями дело не исправишь. Кончилась боевая группа.

В мастерскую Гаолян не пошел — к инженеру приводить неприятности было незачем. У Андрея шанс выкрутиться все еще есть, пусть и небольшой. Идти в Смольный и добиваться встречи с Центром смысла не имелось. Okрепло подозрение, что там о действиях боевиков ничего не знают, кто-то без приказа работал, втемную, и цель этой самой работы не очень-то и поймешь. Ладно, пустое, что сделано, то сделано...

Филимон зашел в чайную и "разговелся". После огромного перерыва водка — дрянная, из чайничка — не порадовала. Словно разжиженного куриного дерьма глотнул. Гаолян через силу допил и никакого облегчения не получилось. Словно в полусне шатался по улицам, покупал что-то на гостинцы в больничку. Смутно все было, хотелось сесть прямо на панель, задремать. Это да, еще и шапку перед собой на мостовую бросить — подайте калеке убогому, убивцу неразумному.

Видимо, где-то все-таки подремал, потому как осознал себя бредущим по темноте. Голова была трезвой, ясной, хотя и болела. Оба браунинга на месте, узелок с парой яблок, присками и пряниками тут же. Ноги сами вели к больнице.

Ломиться за полночь через приемный покой, понятно, было не с руки — не пустят. Гаолян обогнул здание, постучался к истопникам. Дал рубль и показал узелок с гостинцами. Вошли в положение.

Юнкеров он увидел, идя по коридору, и сразу понял — вляпался. Но разворачиваться и убежать было бы смешно. Пятеро гадов, вопреки в шинелях и подсумках, слегка рассупонились. Но судя по настороженности и взглядам из-под фуражек — сообразили. Да и как тут не сообразить, ежели деревяшкой скрипишь и постукиваешь как мукомольная мельница. Но вскакивать наперерез не стали, пропустили к палате. Не решились сразу брать? Или добрые?

В палату Филимон не полез, да сонная нянька разом навстречу сунулась:

— Куда, бесстыжий?! Бабское здесь.

— Понимаю. Да утром уж недосуг будет. Не передашь ли дочери? Как она там?

— Так полегчало. Левый глазик уж всю видит, правый еще не все. Не сомневайся, она молодая, отлежится. А ты иди, иди себе с богом. Не положено здесь. Ишь, водкой проклятой еще он дышит.

— От нервов принял, — признался Гаолян. Сунул рубль и узелок с передачкой. — Ты, родимая, передай на словах-то. Чтоб умницей была, головой думала. И еще скажи, пусть не сомневается — рассчитался я по ее долгам. Сполна.

— Ишь ты какой щепетильный. Уж передам, не сомневайся. Все дословно. Только ты ступай, не дыши тут отравой.

Юнкера в коридоре разошлись, маневрируя — двое пытались зайти со спины. Филимон, сунув руки в карманы, постукивал деревяшкой словно ничего не замечая. У дверей путь преградил безусый подпоручик:

— Стой! Задержан по подозрению. Стой, говорю!

Пальцы подпоручика со страшной силой сжимали "наган", аж побелели. Его двое сотоварищей полуприсели, готовя винтовку для исполненья "артикул три". Все трое в деле явно не бывали: офицерик стесняется револьвер в грудь направить, штыки вон тоже гуляют.

— Чего орешь, вашбродь? — Гаолян качнул головой в сторону встревожено высунувшегося из боковой двери дежурного фельдшера. — Не старое время, людям спать мешать. Уймись.

— Стой, говорю! Руки вверх! — вовсе уж разнервничался молокосос.

Филимон вырвал из карманов браунинги: один ствол вперед — в исказившееся лицо офицера — второй назад в сторону подступавшего "засадного полка". Явно вознамерятся прикладом угостить, а то и в спину пальнуть.

— Ты что, мерзавец?! — прошептал бледный как мел подпоручик. — Мы тебя пропустили, как человека, чтоб попрощался. Сдавайся, говорю!

— Ты, вашбродь, в следующий раз сразу стреляй, — посоветовал Гаолян, целясь в переносицу врага. — Оно милосерднее будет.

— Все равно не уйдешь, — храбро сказал офицер, наконец-то направляя револьвер в грудь задерживаемому.

Гаолян хмыкнул:

— Уйти, может и уйду. Но не убегу вприпрыжку это уж точно. Открой дверь, поговорим на прохладе. А то здесь клистирная гвардия уж обделаться готова.

— Ладно. Но не уйдешь, точно тебе говорю, — бормотал офицер, пятясь к двери. Нашупал засов, срывающимся голосом призвал к себе подчиненных. Гаолян неспешно ковылял за ними...

Ступени, холод, качается фонарь промерзшей луны, кутают его лохмы октябрьских облаков. Выстроилась под неширокой лестницей короткая цепочка врагов, грозят штыками и фланговым одиноким стволом "нагана". Больше не пятятся, некуда пятиться недоделанным офицерам, у них тоже честь, незамазанная, свеженькая, чистенькая, девственная.

— Стой, стрелять будем!

— Ой ли? — ухмыльнулся Гаолян, видя, что стрелять они вовсе не готовы. — Слышь, вашбродь, ты мой совет-то помни.

Подпоручик открыл рот, закрыл. Ишь, карась.

Было холодно, осень лезла под одежду, выстужала. Только браунинги, так и не снятые с предохранителей, грели руки. Ненастная пора, очей очарованье, как говаривал один стрельнутый из пистолета. Холодно. В траншеях на Высокой было жарко, а казематах Электрического утеса потом обливались, а нынче...

Офицерик сурово сдвинул бровки, снова открыл рот. Сейчас глупость брякнет.

Гаолян раздраженно стукнул деревяшкой о ступень и бросил свое тело вперед. На штыки. С удовлетворением услышал, как хрустят четырехгранные длинные жала, входя в плоть — расчет бывшего артиллериста и столяра не подвел. Боли почти и не было...

* * *

— Он сам. Прямо на штыки, — бормотал подпоручик. — Оступился, полагаю. Он же нетрезв был.

— Да, случается, — согласилась товарищ Островитянская, оглядывая вытянувшееся на столе приемного покоя тело. Оборотень поскребла ногтем деревяшку протеза покойника и вздохнула: — Трагическое стечение обстоятельств. Опыта нам не хватает. И нам, и вам. Увы-увы. Господин штабс-капитан, прикажите посту сниматься. Тут нам делать больше нечего. Да, подпоручик, вы пистолеты трогали?

— Никак нет. Где упали, там и лежат. Я часового поставил. Больничный персонал набежал, ну и... Браунинги ведь очень веское доказательство.

— Очень верная мысль. Товарищ Екатерина, приобщите оружие к делу.

Следственная группа уселась в "лорин".

— Надо думать, это действительно очень похоже на самоубийство? — угнетенно

спросил Лисицын.

— Вопрос к делу не относящийся и вообще не нашей компетенции, — проворчала оборотень. — По-крайней мере, Общий орготдел претензий господам юнкерам выдвигать не собирается. Ты как думаешь, а, Федор?

— Чего уж там. Они сами перепугались, — махнул рукой анархист. — Но нужно признать, товарищи, концы нам надежно обрубил.

— Некоторые зацепки имеются, — возразила оборотень. — Явка их связников — это раз. Нужно туда пусть и с опозданием, но наведаться. Крючок номер два — сведенья, любезно переданные нам гражданином Шамонитом-Гариным. Их нужно еще раз проанализировать, без спешки и суеты.

— А что, собственно, с этим болтливым типом случилось? — поинтересовался Дугов.

— Умер, — кратко проинформировала товарищ Островитянская. — Что-то не везет нам при задержаниях, просто рок какой-то. Хорошо, тот хоть успел выговориться, облегчить совесть. Но не будем отвлекаться. Мчимся в отдел, вы берете охрану, и к связникам. Там запросто пулемет может оказаться, огневое прикрытие вам не помешает. Мы с Гру займемся организационными делами, у нас все же Орготдел, а не просто детективная лоханутая контора. Удастся схватить связника, волочите его ко мне. Заговорит у меня, собака акулovidная. Да, где-то бродит боевик из группы одноногого, но тут у нас шансов маловато, он уже не клюнет. Поехали!

— Чего это так и поехали? — неожиданно подал голос Колька. — А пострадавшая? Она к делу тоже причастна, почти ослепла, нельзя же человека вовсе бросать.

— Эх, молодость, молодость, — усмехнулась ответственная за отдела. — Завтра заскочишь в больничку, проведешь бедолагу, заверишь, что отца ейного похоронит ВРК, пусть не сомневается. Деньги выпишу из кассы орготдела. Только ты потактичнее, потактичнее, без виражей через поребрик.

— Понял, — заверил юный водитель и послал стального скакуна вперед.

— Господа, товарищи и прочие, — оглянулась, держась за раскачивающееся сидение, Катрин. — Пока следствие не закончено, предлагаю отложить оглашение обстоятельств работы террористических групп и решение судьбы задержанных. А поскольку держать их в Смольном не особо удобно, а отсылать куда-то в Петропавловку опасно — могут вообще "потеряться", есть идея куда их пристроить. Под надежным конвоем, разумеется.

— Да, мы эту идею прорабатывали с товарищами Дзержинским, Бонч-Бруевичем и 55-й комнатой^[31], — подтвердила Островитянская. — По существу возражений нет, проголосовали положительно. Незачем врагам революции и прочим неоднозначным личностям без дела сидеть. У нас не курорт! Общественно-полезный труд еще никому не вредил.

— Труд спасет общество, — согласился Дугов и судорожно зевнул: — Между прочим, спать охота прямо невыносимо.

Но отдохнуть было некогда. Следователи, прихватив надежных бойцов из отряда "попутчиков", укатились проверять квартиру связников, зав орготдела металась по этажам и кабинетам, утрясая планы и технические детали. Гру отвечал на телефонные звонки и подготавливал технику. Вечер этого исторического дня обещал стать воистину судьбоносным и сплеховать было никак нельзя.

В коридоре нагруженную бумагами и граммофоном оборотня остановил человек в коротком пальто и мятой инженерской фуражке:

— Товарищ Островитянская? Мне посоветовали к вам обратиться.

— Не обязательно каждый совет принимать всерьез и на веру, — заметила Лоуд, которую пытались остановить по всяким текущим делам на каждом шагу. — Я немного занята.

— Понимаю. Извините, но дело важное. Позвольте сразу к сути. Я работал с Центром мы выполняли отдельные задания. Но сейчас группа перестала существовать и...

— Ага, товарищ Лев? — сообразила заведующая. — Очень хорошо. Вас-то мы и ждем. Не подвел дедуктивный метод, работает. Пойдемте со мной, товарищ Лев. Выпьем чайку, все расскажите. Кстати, возьмите граммофон, он какой-то несподручный...

Глава семнадцатая. Бесстрашные трусы

Литейный проспект, конспиративная квартира Центра

15 часов до часа X.

"Лорин" выскочил правыми колесами на тротуар и, на редкость, бесшумно, без скрипа и визга тормозов, остановился.

— На этот раз давайте как-то решительнее, — предупредил, спрыгивая, товарищ Дугов. — Прищемим, чтобы даже не вздумал дергаться.

— Бойцы отходы перекроют, — заверила Катрин. — Только пуста берлога. Нужно было сразу ехать.

— Может и повезет, — обнадежил Колька. — Дворовую арку я машиной перекрою. Как насчет нагана? Товарищ Островитянская обещала.

— Она обещала, с нее и спрашивайте, — буркнул штабс-капитан, проверяя собственное оружие. — У нас лишних наганов нет. И вообще вы бы, Николай, в сторону отъехали. Против пулемета даже револьвером много не навоюешь.

— Ага, тут такие дела, а мы отъезжать будем, — бесстрашный водитель полез под сиденье, где у него хранился слесарно-ремонтный арсенал, и принялся выбирать гаечный ключ посокрушительней.

Подкатил отставший грузовик с приданной следователям ударной силой, "попутчики" энергично спрыгивали, устремлялись во двор, перекрывать черный ход, пожарные лестницы и иные пути отхода. В кузове "Руссо-Балта" остался пулеметчик, навел толстый ствол "Льюиса" на окна второго этажа.

— Обучены, — отметил Лисицын. — Послушайте, Екатерина Олеговна, а почему так настойчиво именуете их "бойцами"? Естественно, не "нижние чины", но неужели "солдаты" уже окончательно вышло из моды?

— Все модно, и "солдаты", и "красногвардейцы", и революционно-контрреволюционные герои, они же опора и надежда классовых битв, — вздохнула Катрин. — Но "бойцы" мне как-то ближе. Ладно, не будем отвлекаться.

Москаленко и трое "попутчиков" ждали у двери подъезда. Шпионка с одобрением глянула на боевые силы. К политическо-агентурной работе резервная команда засланцев от Попутного была годна весьма ограниченно, но времени они не теряли, вооружились и обмундировались на славу. Даже сомнительного покроя шинели были ловко подогнаны по росту. Гранатные и патронные сумки, ремни, бейбуты и саперные топоры, за последний сутки у бойцов появились и противогазы. Стволы... Москаленко рассказывал, как от безысходности ожиданий и отсутствий оперативного командования вздумали направить двоих делегатов в стрелковую школу Ораниенбаума, где без особого труда получили двенадцать автоматов Федорова и три самозарядки той же знаменитой конструкции. В полной комплектации, с уникальными штыками, боекомплектом, заказными патронными

подсумками и прочим обвесом. Два ручных пулемета "Льюиса" прапорщик выменял уже в Питере. Определенно, его полувзвод являлся на данный момент самым оснащенным и боеготовым в столице.

— Дверь сразу выбиваем? — уточнил Москаленко. — Можно гранатами, чтоб глушануть и ничего осознать не успели.

— Маловероятно, что там вообще кто-то есть, — сказала Катрин. — Давайте для начала обойдемся без понтов, дверь пожалеем, по-старинке попробуем.

Группа захвата поднялась на второй этаж. Дугов сердито указал стволом "нагана" на дверь — действительно, преграда была классово-чуждой: огромной, надежной, с бронзовыми, не успевшей потерять блеск, ручками и "бобочкой" звонка.

Катрин пожалала плечами, переложила маузер в левую руку, резко крутанула звонок, тут же заколотила кулаком в дверь и заголосила:

— Да что ж такое?! Опять?! Открывайте, не то околоточного вызову! Хватит хулиганить, сколько же можно?! Я жаловаться буду!

Судя по лицам коллег-следователей и бойцов, общение с тов. Островитянской не прошло даром и некоторые актерские способности напарницы Катрин все же переняла.

— Боже мой, вы мне всю квартиру загадите!

Катрин понимала, что надрывается напрасно, все равно придется взламывать дверь и обыскивать опустевший и остывший приют террористов, надеясь отыскать удачный след.

Но тут за дверью послышались явственные приشلепывающие шаги.

Следователи отпрянули под прикрытые стены, автоматчики вскинули оружие.

— Ой-вэй, так что там стряслось? — явно спросонья спросили из-за двери.

Катрин, стараясь не высовываться из-за прикрытия, порезче крутанула звонок и взвизгнула:

— Они еще спрашивают?! Вы трубу, трубу гляньте!

— Какую трубу, милая барышня? — изумился неведомый обитатель.

— В уборной, милостивый государь! В сортире-с!

— Я дико извиняюсь, но там все в ажуре. Я только что... — заверил жилец.

— Именно, что только что! Именно-с! — заголосила шпионка. — Вот, дворник — свидетель! Ермолай, ты видел или нет?!

— Несомненно, Евдокия Олеговна, ваша правда-с, — не растерялся штабс-капитан. — Убытков рублей на двадцать, а то и на четвертную. Нехорошо, господин-товарищ барин. Живете, так и пользоваться удобством надлежит усидчиво, с полной внимательностью.

— Да вы вообще о чем?! — рассердились за дверью и повернули ключ в замке.

Катрин врезалась в едва начавшую приоткрываться дверь, надеясь, что даже если там имеется цепочка, напора тренированного плеча она не выдержит. В конце концов, в "Двух лапах" кормили недурно, да и штурмовую форму шпионка не теряла.

Цепочки не оказалось, Катрин и не отстававший Москаленко влетели в прихожую, сшибли хозяина, а заодно и какую-то тумбочку. Следом ворвались анархист и офицер, добились злосчастную тумбочку и повергли на пол вешалку. Смутный свет доходил сюда лишь из глубин коридора, Катрин с трудом разглядела пытающегося отползти хозяина, прицелилась в спину:

— А ну, замер!

— Замер, уже замер, — согласился ползун, осторожно садясь и предусмотрительно поднимая руки. — Выключатель справа.

Свет зажгли, догадливого человека вздернули на ноги, прижали к стене и живо обыскали. Под бархатным с кистями халатом никаких пистолетов-револьверов, как и бомб, не обнаружилось. Но нашлось нечто иное, тоже вопиюще нелегальное.

— Он, — кратко сообщил прапорщик.

Действительно, явившиеся под халатом красные трусы-боксеры выглядели не аутентично и вызывающе.

— Сколько шуму, — нагло удивился трусовладелец. — Надо думать, в уборной все в порядке? А таки да, я уж подумал, что поймал гава. Вас, я так понимаю, тетя-Катей величают?

— Знакомы? — анархист остро глянул на Катрин.

— В первый раз этого типа вижу, — запротестовала шпионка.

— Ага, так-так, — понимающе протянул Дугов, рассматривая человека в странном белье. — Я уж подумал, просто на слабоумного наткнулись, а оно вон как.

Если анархист хоть что-то понимал, то Катрин оставалась в полном недоумении. Гражданин, взятый следовательской группой, оказался невысок ростом и ликом невыразителен. Невзирая на свою подчеркнута иудейскую манеру речи, на еврея он не слишком подходил. Скорее, довольно бездарно под одессита косит. Но подозрения Дугова насчет слабоумия пленного едва ли имели под собой основу — взгляд обладателя трусов вполне разумный и даже ехидный, разговаривает нагло. Хотя сами трусы...

Наглость неизвестного гражданина и форма его одежды беспокоили шпионку больше всего. Нормальным людям свойственно выражать некоторую обеспокоенность, когда их в ночное время сшибают с ног и грозят маузером. А этот чувствует себя в полной безопасности, словно сидит на диване и сериал со спецэффектами смотрит. Трусея, опять же... пламенно-шелковые, тоже нарочитые, сериальные?

— Вы меня некошерно смущаете, тетечка Катя, — молвил трусовладелец и запахнул халат. — Раз я уж руки опустил, может, в апартаменты пройдем и поговорим как деловые люди?

— Пройдем, — согласилась Катрин.

Москаленко кивнул одному из бойцов — тот остался на лестнице, остальные гости прошли в гостиную.

Апартаменты шпионке не понравились: насвинячено, будто бригада "левых" гастарбайтеров квартировала. Нет, бутылок-стаканов не видно, но все пыльное, в крошках, следах от чашек-тарелок, отпечатки ботинок и на паркете, и на смятых газетах. Да, следят за политическими событиями господ гагарбайтеры, и спорту не чужды — в дверях покачиваются криво прикрепленные спортивные кольца. Физкультура это похвально, еще бы квартиру проветривали — на здешний аромат несвежих носков спортивный инвентарь цеплять даже надежнее, чем на дверной косяк.

— Присаживайтесь, тетя Катя, — хозяин радушно сгреб с половины круглого стола бумаги и консервные банки. — И вы, товарищи, садитесь, ой вэй, не стесняйтесь.

— А почему "тетя", а, внезапный племянничек? — поинтересовалась Катрин, носком сапога откатывая под диван яркую жестянку. Консервированным персикам со значком Евросоюза здесь нечего делать ни в каком качестве.

— Так вы невероятно древняя, — охотно пояснил обитатель сытых трущоб и кинул себе в рот печеньку из початого пакета.

Катрин приподняла бровь. Видимо, даже краткое пребывание в концентрированно-

революционном периоде сказывались на внешности шпионки не лучшим образом. Вот же и тетечка, да еще "древняя".

— Я не в этом смысле, — засмеялся таинственный грубиян. — Выглядите вы даже кошернее, чем рассказывают. Я об истинном годе прописки и обстоятельствах вашего ветвистого жизненного пути.

— Ну, спасибо, что не бабкой именуете. Сами-то вы, знаток обстоятельств, кем будете? Как-то неудобно, знаете ли, обращаться, — занимать место за столом Катрин не спешила. Штабс-капитан и Дугов сели, но прятать револьверы не торопились. Прапорщик и бойцы скромно стояли в дверях, блокируя все три выхода из гостиной. Но что-то особого спокойствия за тылы и общую обстановку шпионка пока не испытывала. Наоборот...

— Дико извиняюсь, сразу не представился, — ситуация явно доставляла немалое удовольствие хозяину квартиры. — Бен Ганн, полит-координатор.

— Насчет координации не знаю, а так не похож. Мелковат для пирата, — заметил начитанный Дугов.

— В восемнадцатом веке люди вообще были мельче, — возразил, перестав улыбаться, трусовладелец. — И потом, я Ганн — через два "н". Такой вот орфограф, нате вам.

— В "Бенн" тоже двойное "н"? — педантично уточнил штабс-капитан, открывая записную книжку и доставая карандаш.

— Ой вэй, к чему эта бюрократия? — ухмыльнулся Ганн. — Конечно же, партийная кличка. Но ношу ее так давно, что аусвайсовое имя забыл. Да и знают меня только по партийному сетевому имени. Я — профессионал!

— И к какой партии изволите принадлежать, господин Ганн? — записывая, осведомился Лисицын.

— Товарищ Ганн! Не делайте мне на нервы, я строго "товарищ"! — бурно поправил профессионал...

Катрин подумала, что клоун весьма обидчив. В этом не наигрывает. Может, все-таки псих? Вон, ботинки на босу ногу, по полу сквозит, ступню о ступню трет как увлеченный баловством мальчишка.

— ... Я профессионал, принадлежу, к партии РКСП. Второе место в национальном рейтинге опроса по системе Вест-Алт-Провайдерс...

— Издевается, суслик буржуазный, — с ленцою протянул Дугов. — Давайте время не терять, поедем в Смольный, там спокойно и поговорим. Без спешки. У кого наручники? Я, как анархист, старорежимные кандалные железа презираю, но как-то поспокойнее, если этот фокусник под контролем окажется. Чую, наплачемся мы с ним.

— В наручниках я говорить не буду! Не имеете права! — заявил задержанный. — Предупреждаю вполне серьезно!

— Такие уж сейчас дни, очень серьезные, — согласился Москаленко, и двинулся к столу. В руке прапорщика, раскрываясь, мелодично лязгнули стальные браслеты.

— Стоять! — внезапно изменившимся голосом скомандовал Ганн. Лицо его исказилось, словно у него заболели зубы, глазки стали сосредоточенными и злыми.

Москаленко, или догадавшись, или чисто интуитивно кинулся к задержанному. От дверей, разворачивая для удара приклады, рванулись бойцы. Штабс-капитан и Дугов, в определенных сферах несведущие, но тоже чуткие, вскинули оружие. Но первой Ганна ухватила шпионка, мигом оказавшаяся за плечом пленника и, предчувствовавшая нечто этакое...

Катрин ощутила как ее задел бедром комвзвода, но прапорщика, стола и вообще комнаты, уже не было. Стула тоже не было, поскольку шпионка, падая, крепко припечаталась к спине задержанного. Придавленный Ганн ухнул своей не особо широкой грудной клеткой, невнятно из-за сбитого дыхания просипел:

— Пусти, дура!

— Прямо вот сейчас, — прорычала Катрин, ужасаясь.

Они лежали на какой-то гладкой и просторной прохладной дряни в мраморных разводах, бесшовной, явно искусственного происхождения. Вокруг простиралась веранда или огромный балкон, сияло яркое, но не дающее жара солнце, вдали высилась гора, похожая на Ай-Петри, но выглядящая почему-то столь же фальшивой, как и "мрамор".

— Пусти! — засипел пленник.

Катрин промолчала, плотнее зажимая в сгиб локтя его шею. Случилось самое херовое: неконтролируемый Прыжок в абсолютную неизвестность. Это не просчитанная программа прокалывания времени-пространства, и не шуточки оборотня, и даже не заброска из поганой экспериментальной лаборатории. Сейчас все куда хуже...

Ганн захрипел. Ну, ему тоже было несладко. Наверняка понимал, что его не придушат до смерти — он единственная надежда на возвращение. Но в такие моменты мозг без кислорода впадает во вполне понятную панику...

...Осознать мгновение нового прыжка можно только задним умом. Под сцепившейся в отнюдь не любовном объятии парой оказалось нечто мягкое, что само по себе не так плохо. Чуть хуже, то, что Катрин теперь оказалась внизу. По-видимому, на кровати. На широкой. Пахло духами, дымом курильницы, фруктами. На подушках сидела парочка остолбеневших чернявых девиц, обе наряжены лишь в премиленькие прозрачные шаровары.

— Левая недурна, — признала Катрин, плотнее нажимая на кадык невольному проводнику. — И глазки выразительные. Но я таких длинноволосых не люблю. А ты, Гання, походу, наоборот? Гривастых предпочитаешь?

Катрин улыбнулась глазастой гурии, но, видимо, не очень дружелюбно. Красотки дружно набрали воздуха для визга, но душный гаремный блудуар уже исчез...

...Прыгуны катились куда-то вниз. Катрин осознала, что они кувыркаются по песчаному крутому склону, рядом катился поднос, прыгали шарики гранатов и на редкость крупные яблоки. Придушенный Ганн, похоже, слегка лишился чувств и безвольно шлепал макаронинами конечностей по белому песку, но шпионка лишь плотнее прихватила добычу. Такого бесценного как не обнимать, с таким хоть в огонь, хоть в воду...

Вода, кстати, оказалась рядом — дальнобойное яблоко торжественно вкатилось в невысокую волну, остальные фрукты и шпионы застряли на прибрежной пляжной полосе. Катрин выплюнула песок, по-прежнему намертво обхватывая шею умника из таинственного РКСП, поволокла того к воде. Оказался довольно увесист, несмотря на малые габариты. В лицо ударило соленым. Значит, море. Ничего, спутник простит — в морских купаниях сплошная польза. Погрузила башку гада в воду, стукнула лбом о дно, — не самое умное решение, но ярость так слепила, что хотелось немедля говнюку шею свернуть.

Освежился, забулькал...

Катрин на миг подняла голову жертвы над водой:

— Назад, сука!

— Ты, ав...

Теперь Катрин окунулась вместе с ним и держала дольше. Пытался вырваться, бить

локтем, но шпионка не на комнатных кольцах физподготовку проходила. Бывали в практике подобные случаи "переговоров в плотной и дружеской обстановке". Забился уже отчаянно, бессмысленно. Ладно, пусть дыхнет...

Волны мягко накатывали, умывали лица.

— Ты не можешь... Без меня не вернешься, — Ганн извергал водичку и хаос мыслишек.

— Не угадал. Меня найдут. Но сидеть здесь, на курорте, мне никакого интереса. У тети много дел.

Ганн снова начал надувать щеку. В правой у него...

...Катрин окунула гаденыша в воду, но поздно — брякнулись на твердое и сухое. Оказалось кладбище. Ухоженное: кованые двери в белокаменные склепы, горящие ангельско-скульптуры, мраморные надгробия, солнце и цветущая зелень...

— Спасите! Убивают! — в отчаянии и помутнении разума Ганн перешел на английское наречие, что не помешало ему хрипеть довольно громко и вновь начать вырываться.

— Лежи, тварь! — Катрин сунула противника харей в камень, свободной рукой принялась доставать оружие.

Маузер пришелся кстати — по аллейке между могил не очень быстро бежали люди, и заботливо издали вопрошали:

— Что случилось?! Мой бог, вы ушиблись?! Нужно сказать экскурсоводу, возможно, здесь что-то незаконное. О, теракт?!

Людей было много, все англоязычные, пестрые (и в смысле расовой принадлежности, да и по одежде). Видимо, планета все та же, старая.

Катрин продемонстрировала спасателям вполне убедительный, хотя и морально устаревший пистолет и несколько противоречиво проорала:

— Имела я вас всех! Пошли на...! Всех хакну!

Логичнее было убеждать на одном языке, но если эпоха попадания определена относительно правильно, то здесь русских хакеров боятся на порядок больше, чем террористов. Пестрое сборище действительно прытко и дружно устремилось назад. Подопечный прохрипел:

— Ты что творишь? Ой вэй, они же нас застрелить могут!

— Меня? — удивилась Катрин. — Я же практически здешняя. Если по второму паспорту. Потребую соблюдать мои гражданские права. Может, ты меня изнасиловать пытался. И проявлял шовинизм по возрастному принципу.

— Это не то время, дура! — застонал Ганн. — Убери ископаемую железку и отпусти меня.

Катрин поняла, что именно вот эта его самоуверенность, абсолютно ни на чем не основанная, ее больше всего и бесит.

— Сейчас.

Убирать "маузер" она не собиралась. Наоборот. Неизвестно, сможет ли пистолет стрелять после непрерывного каскада прыжков, но пока пальбы и не требовалось.

— Ситуация шесть восемь шесть! — вопил в рацию кто-то за гущей каменных ангелов. — Срочно пришлите подкрепление!

Где-то, кажется в небе, взвыла полицейская сирена. Пролетела мелкая дрон-дрянь, блеснула объективами. Слева на лежащих смотрела печальная каменная дама, судя по эпитафии, при жизни откликавшаяся на имя Мариса Перкинс, справа опирался о плечо коленопреклоненного мраморного архангела суровый усопший красавец по имени Ч.-К.

Кэпвелл. Незваными гостями здесь явно были недовольны.

— Вот сейчас они... — предупреждающе начал Ганн, видимо, имея в виду не покойников и статуи, а служителей местных правоохранительных органов. — Брось свой музейный экспонат...

— Это рабочий экспонат. И у меня почти сотня патронов, — слегка преувеличила Катрин. — Но, в любом случае, ты полицейской "кавалерии" не дождешься. Ты же лишнего наболтаешь, да, товарищ полит-координатор?

Ганн не понимал или делал вид, что не понимает. Шпионка ударила его рукоятью пистолета в область почки.

Видимо, так больно ему еще никто не делал. Онемел, казалось, глаза из орбит выскочит. — Тебе ведь говорили, что у тетки большой опыт, — напомнила Катрин и повторила экзекуцию. — Ну-ка, что там с зубками? Верни тетю где взял.

Корчился, но все же напрягся. Стойкий шмондюк, этого не отнять. Что за дурацкий у него чип? Абсолютно идиотская идея электронику в зубах прятать, киношная шуточка...

...Видимо, склад. Затхлый пыльный воздух, ящики. Прыгуны не удержались на вершине штабеля — Катрин показалось, что углов у пирамиды с полусотню и половина ей определенно досталась. Лежали в темном проходе, Ганн стонал.

— Что за несдержанность? — прохрипела Катрин. — Лежишь с приличной женщиной, веди себя прилично.

— Послушайте, Екатерина. Давайте договоримся, — взял себя в руки полит-координатор. — Я могу...

— Ты ничего не можешь! — зарычала шпионка, ловчее перехватывая "маузер".

Она била Ганна в лицо, в подбородок, окончательно перестав сдерживать руку. Гад вообще не представляет себе, что такое "вероятностное попадание" и "личная квота", ему кажется, что прыжок с чипом просто забавное приключение. Да и вообще бесконечно обнимать полуголого, чрезвычайно неприятного мужчину попросту невозможно...

Рукоять маузера раздирала дурно выбритые щеки, разбивала пытающиеся заслониться пальцы. Хрустели зубы, в лицо шпионке брызгала кровь. Попытки схватить за разящую руку закончились — Ганн только бессмысленно выл и бил в ящики ногами.

— На место или сдохни! — рычала Катрин. — Я тебе башку вместе с электроникой отобью.

— Ыыф, — взмолился-всхлипнул прыгун. Угроза навсегда лишиться чипа подействовала.

— Давай! — сдерживая свою руку, приказала шпионка.

...Опять темно, но рядом голоса, а под спиной разломанная этажерка. В стиге руки по-прежнему зажата шея конвоируемого. На данный момент скользкого и бесчувственного, в вульгарно распахнутом халате.

— Москаленко! — заорала Катрин.

— Я! — немедленно откликнулся комвзвода и в коридор повалили люди...

...- Ко мне цепляйте, — требовала Катрин. — Он со мной уже немного научился считаться.

Запястье Ганна приковали наручниками к левой руке шпионки, другую длань задержанного прикрепил к своей мощной анархической руке товарищ Дугов. Ткнул врага под ребра и поинтересовался:

— Как он это делает? Как исчез?

— Иллюзионист, мля... — Катрин добавила о полит-координаторе несколько искренних слов и попросила. — На морду ему плесните. Еще не хватало, чтобы сдох.

Смотреть на Ганна было жутковато. Особенно на левую сторону физиономии — сырая котлета, да и только. Впрочем, когда начали умывать над тазиком, беглец пришел в себя, начал бормотать и ругаться вполне членораздельно, следовательно увечья были легкой тяжести. Крепкомордый полит-координатор попался.

— Заткнулся живо! — гаркнула Катрин.

Ганн глянул на нее, на наручник, и вновь сомлел.

— Поехали в штаб, — злобно сказала Катрин. — В бесчувственном виде он меньше тошноты вызывает.

— Постой, ты ж вообще мокрая и это... запачканная, — спохватился Дугов. — Да и он тоже.

— Да и хер с ним. Не на бал направляемся.

— Нет, это, Екатерина Олеговна уж ни в какие ворота, — Лисицын расстегивал свою шинель. — Не хватало только простудиться. Давайте-ка хоть сверху сухое накиньте.

— Жакет промокший по весу как кираса, — признала шпионка. — Но наручник отстегивать нет желания — подопечный еще тот резвун.

Жакет с нее попросту срезали — "попутчики" орудовали кинжалами шустро. В накинутой на плечи офицерской шинели, на пару с Дуговым выволакивая к машине вялого пленника, шпионка окончательно согрелась.

Загрузились на заднее сиденье, пара автоматчиков вскочила на подножки, анархист оседлал багажник.

— В Смольный, — скомандовал Лисицын с переднего сиденья. — Только не гони, людей растеряем.

— Соизмеряю, — заверил Колька, оглянувшись, оценил физиономию арестованного и сделал логичное предположение:

— Укусить вас хотел, да, товарищ Катерина?

— Почти. Коля, езжай, не выводи из себя, — нервно попросила шпионка.

Чуткий водитель кивнул, "Лорин-Дитрих" на удивление ровно тронул с места.

Катрин пыталась успокоиться, но не очень получалось. Доставали мысли сугубо сюрреалистические, типа прыжка всем автомобильным экипажем куда-нибудь в меловой период, на берега теплого болота с меланхоличными диплодоками и любознательными крокодилами-антропофагами. Завернутый в пальто Ганн явно пришел в себя, и, хотя дергаться не пытался, совершенно неясно, что у него на уме. Хотя, конечно, чип у полит-координатора явно индивидуальный, крупные объекты с собой не потянет. Лоуд как-то упоминала, что в недалеком будущем изобретут развлекательные "попрыгунки", которые почти сразу и запретят в силу полной "ненужности, аморальности и опасности для здоровья". Но в каком варианте будущего это произойдет и не враки ли это вообще, оставалось неясно — оборотень частенько несет всякое-разное, не затрудняя себя объяснениями и достоверностью. Но получается, басня об индивидуальных чипах вполне себе правда.

Все ж какая дрянь эти "прыжки". Особенно в компании неадекватов типа полит-координаторов.

Притормаживая перед мостом, Колька обернулся и нахлобучил на голову шпионки свою шоферскую фуражку.

— Ловко, — удивилась Катрин. — С чего такая галантность?

— Ветерок, считайте, вообще ноябрьский. А у вас голова влажная. Волосы жалко, потому как красивые, — объяснил рыцарственный гонщик.

Ветер, действительно был холодноват. И вообще Катрин была сыта северной столицей по горло.

Прибытие следовательской группы в Смольный не осталось незамеченным. Когда конвоировали задержанного шпиона-попрыгуна многолюдными коридорами, следовательскую группу опережал слух: отдел Островитянской еще одного подрывника поймал! По лестнице едва пропихались — народу сбежалось уйма.

— Мало вы его измордовали, — сетовал седоусый красногвардеец. — Таких на месте стрелять надо.

— Только после окончания следствия, — отрезала Катрин. — Пусть рассказывает.

— Так тоже верно, — признал рабочий. — Ну, Орготделу виднее. Дожимайте его, змея мелкого.

— А он чего, из офицеров? — крикнул с верхнего пролета парень в мохнатой папахе, опасно наваливаясь на перила животом и указывая на шинель с погонами на плечах Катрин — по виду явно трофейную.

— Вы, товарищ, поосторожнее, не свалитесь ненароком, — холодно посоветовал шагавший за подконвойным Лисицын. — Шинель моя. И никакие офицеры гарнизона в террористических актах не замешаны. Это я вам как представитель штаба Округа заявляю.

— Да мы ж не про вас, а про других, — малость стушевался парень, и оглянувшись, сообщил кому-то. — На Воскресенской шпиона поймали. Офицеры от моста заметили, а наши прямо в воде за жабры взяли. Веслом глушили, во как оно!

Да, от народа правду не скроешь. Детали, конечно, могут и приукрасить, но суть уловлена верно.

В отделе было тепло, пахло цветами и почему-то медом. Товарищ оборотень беседовала с неизвестным человеком в инженерской фуражке, сынуля-телефонист корпел над заполнением какого-то срочного формуляра.

— Ага! — Лоуд мигом оценила задержанного. — Попался, голубчик. Еще и сопротивления оказывал, извращенец.

— Да, были у него такие поползновения, — признала Катрин.

— И чем ты его так? Кастетом? — оценила повреждения опытная товариш Островитянская.

— Не суть важно, — Катрин огляделась. — Товарищ заводелом, мне и задержанному срочно нужно переодеться. Найдем помещение и какие-то шмотки? Еще нужен твой мешочек, а у Гру испросим губчатый инструмент.

Пугать арестованного заранее было неразумно, а Лоуд и так должна понять суть вопроса.

— Одежда есть, я запаслась, ты у нас вечно то изорвешься, то испачкаешься. Этому креветочному тоже что-то найдется. Гру, ты слышал?

— Ну, — мальчишка с облегчением оторвался от мучений с бланком.

Арестованного завели в какую-то фото-кладовку или лаборантскую — вокруг густо громоздились шкафы с пробирками и ретортами. Гру закрыл дверь, Москаленко и двое бойцов остались охранять снаружи.

— Сел! — Катрин ногой подвинула задержанному табурет. — Вот тебе портки сухие.

— Вы не имеете права, — невнятно, стараясь не шевелить левой частью лица, заявил Ганн. — И освободите мне руки. Я не могу одной переодеваться.

— Сел, я сказала, — процедила шпионка.

Полит-координатор сел, но не замедлил сообщить:

— Так я разговаривать не намерен. Вы обязаны дать мне гарантии...

Катрин кивнула напарнице. Оборотень пожалала плечами и приложила разговорчивого умника по затылку волшебным мешочком-глушилкой. Ганн обмяк и попытался рухнуть с табурета — Катрин удержала его за скованную руку и поудобнее прижала голову пленника к своему животу.

— Не, вы интимно играйтесь как хотите, но как ответственная за отделом, я хотела бы знать, что за шмондюк, и когда мы к делу перейдем, — намекнула оборотень.

— Этот debil — куратор пулеметчиков. Видимо, из иновременного слоя-плюс. В зубах у него чип, — объясняя, Катрин открыла слюнявую пасть безвольному преступнику.

— Теперь понятно. Гру, инструментарий! — скомандовала Лоуд.

Мальчишка открыл футляр с инструментами:

— Есть пассатижи, кусачки, утконосы.

Катрин взяла пассатижи, глянула вопросительно.

— Обижаешь, приступай, не стесняйся, мальчонка и не такое видал, — заверила оборотень.

Чип обнаружился в четвертом зубе.

— Красивый, — отметила Лоуд, заглядывая в корень с крошечной разноцветной микросхемой.

— Изумительный, — согласилась Катрин. — Молоток в наборе имеется?

Третий удар превратил чип в неопределенное пятно — словно крупного клопа торжественно казнили.

— Ты, Светлоледа, как всегда, прямолинейна, — с некоторым сожалением молвила оборотень. — Можно было трофей в университетский музей поместить. "Зуб известного межмирового контрреволюционного агента". Уникальный экспонат!

— Мелкий и невыразительный девайс, — возразил Гру.

— Именно, — согласилась с мальчишкой Катрин и пихнула пленника ногой. — Не окочурился?

— Да что ему будет? Надобно указать, чтобы пасть керосином или водкой пополоскал. Для обеззараживания и во избежание сепсиса. Ему, голубчику, еще рассказывать и рассказывать, — напомнила оборотень.

— Вопрос не в том, чтобы он начал говорить. Он должен нужное сказать. Так-то он болтун просто редкостный.

— Да? А по виду и не скажешь, — удивилась Лоуд. — Ладно, мне нужно к руководству. О захвате этого беззубого свидетеля все уже знают. Эдмундыч ждет новостей. Вопрос архиважный, на контроле у ЦыК!

— И что ты там скажешь? Отдавать-то такого говоруна им никак нельзя. Он такого нанесет, что и сам в психушку угодит, и нас потянет. Скажи, что ранен и без сознания.

— Я товарищам по революции врать не буду! Скажу, что в истерике и рыдает. Так, кстати и будет, когда очухается, — товарищ Островитянская с неодобрением посмотрела на беспамятного полит-координатора. — Отвлек нас от важнейших дел, шмондюк, и отдыхает. А у нас эшелон с ударниками подходит, давить на Временное нужно, Ильич опять же... Дел

невпроворот.

— А что с Лениным?

— Нашли его товарищи. Но он спит. Непробудно. Что внушает закономерные опасения товарищам по партии, — оборотень перешла на шепот. — Там еще твои вещички наши, блузочка, то-се... Ты зачем вождя компрометируешь? Переделась, так запихни тряпье куда подальше.

— Я вообще не помню, как в ту дурацкую медсестру переоблачалась, так ты торопила, — призналась Катрин.

— И как размер? Подошел? — заинтересовался Гру, видимо, знавший откуда изъят стильный костюмчик медперсонала.

Маманя попыталась призвать мальчонку к порядку, ловкач увернулся и зашипел, поскольку Катрин прихватила его за ухо.

— Пассатижи забыл, — доброжелательно напомнила светловолосая шпионка, слегка раскачивая поганца за орган слуха. — И не надо нам лишних вопросов, не так ли?

— Ну! — немедленно согласился юнец. — Я к телефону. Можно?

Гру, прихватив инструменты, удрал в штабной кабинет. Катрин позвала прапорщика и попросила снять наручники.

— А этот... иллюзионист не удерет? — спросил комвзвода, пристегивая шпиона к себе.

— Не должен, — заверила Катрин. — Но скажи бойцам, чтобы присматривали. Этот тип очень знающий. Кстати, его и какие-нибудь посторонние могут попытаться убрать. Так что повнимательнее, товарищи.

— Кстати, еще один знающий у нас в кабинете сидит, — вспомнила Лоуд. — Который инженер с подпольной кличкой Лев. Сознательный воспитанный человек — сам пришел и мне сдался. Можете побеседовать. Так, а я побежала. Время, время, товарищи!

Обстановка действительно оставалась сложной. Красная гвардия и солдаты ВРК теснили силы Временного правительства по всему городу. На данный момент Смольный прочно овладел Николаевским вокзалом, Центральной электростанцией, Госбанком. Были закрыты редакции центральных газет. Шли упорные переговоры об оставлении юнкерами Варшавского вокзала. Крейсер "Аврора" и тральщики уже заняли место у Николаевского моста.

Переговоры и уговоры, демонстрация военной силы делают свое дело — правительственные войска уступают. Комиссары Смольного упирают на избежание кровопролития — обе стороны помнят о судьбе алексеевцев и опасаются провокаций. Стрельба вспыхивает редко, но у Мариинского дворца офицерами-дружинниками обезоружен и арестован отряд кронштадцев, с десятков упорствующих моряков там крепко избиты. Есть и раненые в различных районах столицы.

Наибольшие волнения вызвал инцидент на Невском. Неизвестный броневик с свежезамазанным названием на броне внезапно открыл дикую пулеметную пальбу. У кинотеатра "Паризиана" даже утром было многолюдно, раненых и погибших насчитали более двух десятков, хотя, по-видимому, сидевшие в броневике стреляли преимущественно поверх голов. Опустошив ленту, броневая колымага укатила по Владимирскому проспекту. Патруль юнкеров пытался преследовать злодеев, но отстал. У Графского переулка броневик обстреляли солдаты ВРК, но колесный провокатор надбавил ходу и исчез. По городу циркулировали упорные слухи о проникшей в город германской разведке — многие свидетели видели, как из броневика выглядывал немец в офицерском шлеме.

В 9:00, заслушав доклад об обстановке, штаб ВРК принял решение решительно требовать сдачи власти Временным правительством. Ленина в Смольном нет, требовать решительнейших мер по скорейшему захвату центра города и немедленному аресту министров пока еще действующего правительства, некому. На Центральную телефонную станцию направлены делегаты связи от противостоящих сторон. Организована прямая телефонная линия между Зимним и Смольным (по предложению тов. Островитянской линия наречена "горячей", особой госважности).

В 11 часов Керенский, отказавшись от мысли лично мчаться за верными войсками в Гатчину, из Зимнего грозит ВРК немедленным вводом в город конного корпуса генерала Краснова, полков 44-й пехотной дивизии и самокатных батальонов — пятнадцать тысяч штыков и сабель! ВРК ответил, что Балтийская эскадра уже вошла в Неву. Высажено семнадцать тысяч решительно настроенных моряков. 305-миллиметровые орудия линкора "Заря свободы", шестидюймовки "Авроры" и шести батарей Петропавловской крепости готовы начать бомбардировку Зимнего, казаков, баррикад и вообще чего угодно, по первому приказу Смольного.

Обе стороны крепко привирали: казачьи полки были еще далеко, 44-я пехотная колебалась и не спешила выступать, "Заря свободы", хотя и дотащилась до морского канала, по своему техническому состоянию здоровья была мало на что способна, а четыре исправных шестидюймовых орудия Петропавловки пальнуть, конечно, могли, но куда попадут снаряды предположить сложно — офицеров, способных управлять огнем, у артиллеристов крепости не осталось.

Стороны знали что блефуют, знали, что и противник поступает так же, но проверять реальные возможности друг друга не спешили. Пока что орать в телефонную трубку и ругаться казалось более естественным делом, чем инициировать сабельную рубку на Лиговском или сожжение артиллерией Зимнего.

Глава восемнадцатая. Собрание камней

Сердобольская улица 1, конспиративная квартира

19 часов до часа X.

...- Вы, любезная барышня, меня не торопите, — бормотал профессор, взбираясь по ступеням и скептически тыкая тростью в перила. — Тише едешь, дальше будешь. Кто такие крутые лестницы вообще изобрел?! В былые времена...

— Уймись, — не выдержала Катрин. — Все равно никто не слышит, так какого черта бубнить?

— А в роль войти?! Момент непростой, требует полного погружения и концентрированной эмоциональности. Ты, Светлоледа не психуй, я и сама переживаю. Место тут такое нервное.

Катрин кивнула. Лестница была знакома — не так давно отсюда решительно настроенные офицеры-добровольцы конвоировали под наганами л-вождя и сомнительную сестру милосердия. Тогда обошлось. Теперь вот возвращаться, и...

— Главное — спокойствие, — самозванец-профессор, поставил саквояж, поправил пенсне, неодобрительно глянул на ноги спутницы — Катрин в этот ключевой день не сдержалась и сменила нижнюю часть туалета на офицерские галифе, благо авторитет Общего орготдела уже достиг той высоты, где подобные мелочи значения не имели. — Все фасонишь, смущаешь коллег-следователей и водителей. Надо бы дресс-код в отделе ввести, — с некоторым опозданием взволновалась ответственная завотделом. — Ну ладно,

извещай о нашем прибытии. Ишь, дверь как залапали проклятые золотопогонники.

Катрин постучала в действительно порядком исцарапанную дверь. Послышались шаги — условного стука ждали.

— Представь меня попримечнее, а то опять какой-нибудь акушеркой-ветеринаром выставишь, — прошипел л-профессор.

— Кто там? — спросили из-за двери.

— Товарищ Фофанова? — приглушенно уточнила Катрин. — Я из орготдела. Доктора привезла.

Дверь отперли.

— Вот — профессор, очень хороший специалист, — неловко представила врача Катрин. — Рекомендовали именно по подобным случаям.

Невысокая женщина с подозрением глянула на л-старичка.

— Вы, милейшая, не сомневайтесь, меня в Берне и Вене знают, на консультации приезжать не брезгают, — лживый профессор уверенным движением трости отстранил с пути хозяйку, сунул ей шляпу. — Ну-с, где наш больной? Калошки здесь оставляю. Длани сполосну и осмотрим-с.

— Понимаете, доктор...

— Нет, милочка, пока мне понимать абсолютно нечего, — отрезал л-профессор. — Вы, как вижу, вполне здоровы, а понимать и воспринимать мне нужно больного, и на вас я отвлекаться не буду, и не надейтесь. Провалы в памяти, это, знаете ли, дело наиобычайшее. Но опасное. Ага, а это значит, супруга занедужевшего? Очень хорошо!

Профессор доброжелательно покивал товарищу Крупской.

— Врач? Так пусть же проходит, — потребовал из спальни очень знакомый голос...

Катрин было стыдно. Она оказалась в гостиной — обеспокоенные хозяйки пригласили выпить чаю. Было им, конечно, не до гостей, да и чай был остывший. Но приходилось сидеть и ждать.

— Как он? — пытаясь прогнать неловкость, спросила шпионка.

— Порывается немедленно ехать в Смольный, — убито ответила супруга вождя. — Уверяет, что вполне здоров и его присутствие в штабе восстания жизненно необходимо. У вас ведь есть автомобиль?

— Машина есть, но ехать без охраны неосмотрительно, — уклончиво ответила Катрин. — На улицах изрядно стреляют.

— Но у вас же есть револьвер?! — Фофанова очевидно нервничала. — Вы же из Общего орготдела, так? Мы проскочим до красногвардейцев!

— По улицам проскочим, водитель у нас лихой, — согласилась Катрин. — Проблема возникнет в Смольном. Есть основания считать, что Ильича там ждут не только партийные соратники. О подготовке взрыва вы наверняка слышали. Враг ждал прихода Ленина. Пропускной режим в штабе только налаживается, полной безопасности мы пока гарантировать не можем.

— Но мы Владимира Ильича не удержим. Он рвется в Смольный, — в отчаянии призналась Крупская. — Нужно ехать.

Катрин было неловко — она здоровая, высокая, в дурацких форменных портках, с двумя пистолетами за поясом, сидела между двух не очень молодых, не очень красивых, абсолютно безоружных женщин, лгала им в лицо, и не могла понять, откуда в них такое бесстрашие и дерзость. Поистине, были времена, коих нам уже не понять.

— Надо все-таки выждать, — промямлила шпионка. — Пока идут переговоры, пока ничего определенного не решено. Давайте завтра? Выделим надежную охрану, вот начнет свое заседание съезд Советов...

— Вы не понимаете. Восстание медлит, и мы можем потерять все. Если понадобится, он отправится в Смольный в одиночестве, — упрямо повторила Крупская.

— Товарищи, это будет крайне рискованное решение, — заявила Катрин. — Это я вам как специалист по антитеррору говорю. Мы обязаны обеспечить прибытие в Смольный здорового, полного сил и энергии Ильича. Настоящая работа только начинается. Да, сейчас время винтовок и револьверов, но это короткий период. А потом годы, нет, десятилетия упорного труда. Годы строительства, политического и хозяйственного, годы настойчивого укрепления обороноспособности, упорные битвы за урожай. Пистолеты скоро вернутся в кобуры. Ну, мы крепко на это надеемся.

Женщины посмотрели на выпирающую из-за пояса обманщицы рукоять маузера, Надежда Константиновна вздохнула:

— Только бы он сам не побежал в Смольный. Знаете, давайте все-таки выпьем чаю и перекусим. Просто удивительно — такое тяжелое время, и вдруг такие пряники. Нужно доедать, завтра может быть не до лакомств.

Поставили чайник, а Катрин пыталась расслышать, о чем говорят в комнате.

— Язык ваш меня беспокоит, — признался профессор, кидая в саквояж стетоскоп. — В остальном вполне ничего. Порадовали старика. Я, правда, специалист узкого профиля, но рад за вас вполне искренне.

— Но почему я так долго спал? Это абсолютно ненормально, — сказал вождь, одеваясь.

— Э, батенька, не смешите. Серьезнейшее нервное переутомление — вот и вся разгадка. Нужен отдых. Краткий, но абсолютный.

— Об этом не может быть и речи! — решительно заявил Ленин, хватая галстук. — Ситуация архисложнейшая.

— Я, дорогой вы мой, вне политики, — заверил профессор, извлекая из кармана отличную пеньковую трубку. — Но это не значит, что окончательно выжил из ума, ничего не понимаю, не знаю и вовсе не читаю газет перед обедом. Узнать вас не так сложно, господин-товарищ Ульянов. Паричок, кстати, недурной. Стильно и весьма.

— Благодарю. Выпишите мне каких-нибудь порошков и микстур, и я пойду.

— Выпишу, отчего же не выписать, — заверил, пожевывая незажженную трубку, доктор узкого профиля. — Но куда изволите так спешить, если не секрет? Впрочем, молчу-молчу! Несомненно, в Смольный, руководить красными гвардейцами и отчаянными кронштадтцами. А между тем, если позволите старику словечко сказать — не тем вы, дорожайший Владимир Ильич, заняты. Нет, не тем! Мельчите-с!

— Вы полагаете? — заинтересовался вождь. — У нас тут, знаете ли, вооруженное восстание намечается. Неординарное событие, прошу заметить.

— Несомненно! Серьезное, увлекательное дело. Но для молодых, горячих! — профессор воинственно выставил бородку, сверкнул пенсне, по-пистолетному наставил на собеседника трубку. — Я ведь в юности тоже... ого... "смит-вессоны" в серебре, с памятливыми зарубками на рукоятках... Впрочем, что я хвастаюсь. Мы с вами видали виды, дорогой Владимир Ильич. А сейчас вдруг изволите бежать, спешить. Романтика ночных улиц, да-с. Между тем, главное начнется потом. Не сомневайтесь, Зимний будет взят решительными силами большевиков. Вчера было рано, послезавтра будет поздно, совершенно верно.

— Эту формулировку вы откуда взяли, профессор? — прищурился Ленин.

— Как откуда? — удивился лукавый доктор. — Вы только что и прошептали. Тихо, но энергично.

Вождь в некоторой растерянности сел на диван.

— Я это вслух сказал?

Доктор покачал головой, присел рядом и сочувственно сказал:

— Это, батенька, ситуация нередкая. Нечто вроде потрясения основ нашего сознания. Летит наш разум возмущенный на всех парусах, скрипят мачты, гудят ванты, тут внезапный шквал в борт — бац! Захлестнуло палубу на миг пенным валом, закрутило, отяжелели потекшие трюмы, сдвинут балласт. Что в таких случаях делает опытный капитан или врач? Носом к ветру, воду откачать, снасти проверить, экипаж взбодрить оплеухами. Потом полный вперед — курс на опасность! Скажете — не логично?

— Отчего же. Но в данный момент долг и обстоятельства требуют немедля поднять все паруса...

— Да справятся там без вас, — профессор доверительно пихнул локтем пациента. — Революционную ситуацию мы с вами создали, взять власть теперь дело техники. Возьмут! Товарищ Троцкий в своей стихии, ВРК твердо стоит за штурвалом, Чудновский активно ведет переговоры, нажимает — талантливейший человек. Практически дело в шляпе. Красная гвардия отжала почти все мосты-телеграфы и, заметьте, практически бескровно. Стычки с немецкими шпионами не в счет.

— Не преувеличены ли эти слухи о германских пулеметчиках? — засомневался вождь.

— Отнюдь! Сам Керенский, скрипя зубами, но подтверждает. Готов к переговорам наш адвокат. Куда он денется, сдаст власть! И ведь власть, Владимир Ильич, идет в руки сама, практически легитимно и по любви. А это дорогого стоит, уж поверьте старому человеку.

— Хитрят! Вы не знаете эту мелкобуржуазную психологию. Сейчас мы можем сделать широкий, решительный шаг к социализму. Нельзя давать запугать себя криками запуганных буржуа. Необходимо действовать на опережение. Немедленно!

— Да, и необходимо, и немедленно! — подтвердил иезуит-профессор. — Смольный, смею вас заверить, не дремлет. Надежда Константиновна вам рассказывала об обстановке? И о действиях Общего орготдела, я надеюсь?

— Да, несомненно. Однако же...

— Власть ВРК возьмет. Удержать ее — вот ваша задача! Это ведь не рабочие батальоны на баррикады пихать. Тут дело поинтереснее. Тут такое громадье задач... Взять власть, утихомирить оппонентов. Один ВИКЖЕЛЬ^[32] чего стоит. Чугункины дети!

— Да, редкостные мерзавцы, — горячо согласился вождь.

— О том и говорим, — профессор похлопал пациента по локтю. — Завтра с утра в Смольный, и за дело. А пока отдых и никаких! Абсолютно серьезно вам говорю — повторные провалы в памяти и слуховые галлюцинаций в ближайшие часы не исключены. Шторм стихает, но тем не менее. Как политик вы не можете себе позволить демонстрировать всякие странности. Злые языки подхватят, о-хо-хо... Подумайте о революции, о жене, семье. Как, кстати, племянники?

— Старший беспокоит, — признался Владимир Ильич. — Был ранен под Барановичами, получил "георгия", выздоравливает трудно, еще невеста вдруг откуда-то появилась. В его-то годы...

— Ничего-ничего, образумится. Видимо в отца: бескомпромиссен, но хладнокровен.

Что ж, передавайте поклон юным Александровичам, а я, пожалуй, пойду. Пациентов много. Такие дни — все питерцы на нервах, буквально все!

Шпионки спускались по лестнице. Катрин не выдержала:

— И как?

— Поработает на квартире. Подправит декреты, пока времечко есть. Имеются там слабоватые места. О свободе водопользования почему-то вообще всецело упущено...

— Да причем тут водопользование?! Он что, согласен дома сегодня оставаться?

— Что значит "оставаться"?! Работать над законодательной базой будет наш Владимир Ильич. Великий аналитический ум, думает на два шага вперед, о завтрашнем дне. Чтс абсолютно верно и дальновидно! — л-старичок помолчал, потыкал тростью в завитушки перил. — А вообще ты была права. Не тот уже Ильич. Сбавил в политической свирепости и партийной непримиримости. Племянники — это сильный ход. Признаю.

— Ход?! Да откуда мне было знать?

— Мы с тобой тетеньки старые, многодетные, интуитивно проницательные. Ну да ладно, что-то я перехваляю нас сейчас. Что революционные дамы? Про меня выпрашивали?

— Еще бы. Вы, товарищ Островитянская — загадка. Удивляются вашей внепартийности. Завотдела, и с такой не определившейся платформой.

— Поздно удивляться, — со сдержанной скромностью заявила знаменитая функционерка. — Ко мне уже анархисты подкатывали, и левые эсеры. Маша Спиридонова^[33] дважды лично заходила. Душевная тетка, между прочим. Но я принципам внепартийного цветочно-лодочного профсоюза не изменю! Да и времени уже нет. Так, действуем по плану?

— Угу, ждут уже. Ганн заговорил, наплел порядком, будем проверять. Слушай, а ведь тебя в Смольном в ближайшее время за жабры возьмут. Завотдела без роду и племени, без партийной поддержки, без тюремного стажа — действительно ни в какие ворота.

— Не успеют. И вообще все уже залегендировано. И с чего это появляются сомнения в моем тюремном стаже?!

Катрин помогла старичку-профессору загрузиться в "лорин", довезли медика до Акушерского института, а на Боткинской подхватили товарища Островитянскую с багажом. (Проходной двор там был короткий, да еще Лоуд выкроила хронологически миг перевести дух, перекусить и выспаться, отчего заимела донельзя возмутительный, цветущий вид).

— Так, время не ждет, грузимся и едем! — провозгласила завотделом, суя Кольке здоровенный лепешечный бутерброд.

— Это что, змеюка!?! — изумился юный пилот, глядя на свисающий из "гамбургера" хвост.

— Сам ты змеюка. Это угорь, приморской копчености, — пояснила Лоуд, забрасывая в машину мешки. — Ты вот что — прогуляйся вокруг, сжуй угря не торопясь. Гастриты нам не нужны! А мы пока с товарищем Катериной слегка переоденемся.

Колька отошел зажевывать экзотический бутерброд, а оборотень распотрошила увесистый мешок.

— Напяливай!

— Угм-м, — запротестовала Катрин, рот которой так же был занят угриним бутербродом.

— Никаких возражений! У нас в отделе дисциплина, а сейчас вводится еще и военное положение, — Лоуд встряхнула бронежилет. — Скрытого ношения, не особо

стоцентный, но качество мне гарантировали. Не хватало еще, чтоб тебе ненароком шкуру продырявили. Меня тогда ваш злопамятный замок вообще со свету сживет. Знаю я ваши гуманистические ухватки.

— Слушай, это нехорошо будет. Парни без брони, а я в кирасе, — промычала Катрин, пихая в себя сочный бутерброд.

— Их дело военное, а твое следовательское и шпионское. Разницу все понимают, — оборотень ерзала по сиденью в весьма странном виде, поскольку разумно надевала защиту прямиком на выдавшую виды толстовку, а не на иллюзорный костюм заводства. — Чего там на спине цепляется?

Катрин помогла подогнать липучие застежки. Пришлось надеть и самой — бронежилет был незнакомый, не армейский, довольно удобный.

— Винтовочную пулю держит, я определенно узнавала, — с облегчением сказала упаковавшаяся Лоуд. — А если я под картечь или пушечную гранату попаду, то требую признать эту версию революции — тупиковой! Колька, хватит жрать! Поехали!

Катрин высадили у Таврического сада. Бойцы "попутного" взвода уже ждали у машин. Катрин увидела и Гру — мальчишка не особо выделялся среди фигур в шинелях, но делать обороту в штурмовой группе было абсолютно нечего.

— Э, товарищ заводства, а с какой стати тут этот... женишок?

— Катя, не взбрыкивай, — укоризненно глянула Островитянская и перешла на шепот: — У мальчугана нет опыта участия в современных армейских операциях. Нет, стрельбы он слышал предостаточно, и под пулями бывал. Чай, не младенец. Но правильного дисциплинированного опыта у него не хватает. Не будь свинской коровой, приобщи парнишку.

— Я, конечно, отказать не могу. Но стоило и заранее предупредить, — сумрачно указала Катрин. — Кстати, ему бы тоже бронежилет.

— Обижает. Он еще в Смольном в кираске парился. У меня с этим строго! — товарищ Островитянская встала на сидении, вскинула не совсем аутентично, но очень революционно сжатый кулак и обратилась к бойцам штурмовой группы: — Успеха, товарищи! Никакой пощады гадам! Но пленных берите побольше. Нам их, паразитов, до конца раскрутить нужно.

"Лорин" взрычал и укатил, увозя предельно загруженную заводом, а Катрин пошла к бойцам.

Окончательные коррективы плана захвата уточняли внутри грузовика — "кунг" грузовика "Лесснера"^[34] бойцы спешно переоборудовали под мобильный КП.

Командиры звеньев штурмовой группы склонились над столом, покачивалась подвешенная к низкому потолку керосиновая лампа, прапорщик Москаленко пояснял нюансы сложившейся оперативной обстановки:

— Телефонную линию проверили — функционирует. Богадельня Фридриха Гартоха на своем месте, ничего ей пока не сделалось и связь держали именно через нее. Но! Сама богадельня находится на Пискаревке, место удаленное, отсиживаться там, в принципе можно, но как штаб и центр координации богадельня не подходит. Собственно, и отсиживаться диверсантам там не очень...

— Чего так? Думаешь, их близость кладбища смущает? — уточнила Катрин.

— Там, товарищ капитан, уж очень того... мрачно, — пояснил один из сержантов-унтеров штурмовой группы. — Я сунулся на разведку под бухим видом. Типа хулиган-

дезертир. Но пришлось срочно трезветь и выскакать. Иначе неестественно бы вышло. Там приют на двенадцать коек — и все умирающие. Заведение небольшое: конторка, кухня, палаты. Негде там террористам размещаться. Юдоль скорби, как принято тут говорить.

— В общем, получили подтверждение своим предположениям, — кивнула Катрин. — Скорее всего, тамошний телефонный абонент использовался в качестве посредника. Так что, логичнее искать в самой церкви?

— Вы, товарищ капитан, не местная, — намекнул Москаленко. — Церковь святой Анны, хоть и лютеранская, но размерами на иезуитский монастырь никак не походит.

— Ну, иезуиты вообще, а здешние особенно, не слишком лютеране, — проворчала Катрин. — Впрочем, это к делу не относится. Так говорите, негде в этой кирхе злодеям прятаться?

— Человека-двух спрятать можно, но... Вообще я это здание хорошо знаю — мы пацанами туда в кино ходили. "Спартак" киношка называлось, хорошие фильмы крутили — признался Москаленко. — Сейчас, конечно, другое дело — все еще действующий религиозный центр. Но там эти... прихожане толкутся. Наверняка утечки бы пошли, слухи. В общем, на месте диверсантов я бы не рискнул там ютиться. Хотя, опять же, тамошний телефон можно использовать, но как базу... Вот дом рядом — другое дело.

— Гм, потому что рядом?

— Он ведомственный, — пояснил сержант-унтер. — В статусе доходного дома указанной церкви. Имеет телефонную связь с кирхой, хотя там два шага пройти. Правую парадную недавно от жильцов освободили и вроде как она пустует. Хотя шныряют туда какие-то личности. Сведения получены от дворника дома на противоположной стороне Фурштатской — он неправославных сильно не любит, а как брата на фронте убили, так и вообще. Бдит, в общем. Собственно, рядом с кирхой и школа Аннешулле, и еще что-то ихней подведомственности. Можно считать — сплошь шпионская застройка. Но указанный дом — самый подходящий и подозрительный.

— Понятно. Что ж, вы, товарищи местные, раз имеете уверенность, едем и проверяем, — Катрин попыталась разогнуться во весь рост. — За богадельней кто-то приглядывает?

— Обижаете, товарищ капитан. Четверо там в засаде. Наш ефрейтор и трое приданных красногвардейцев.

Общий орготдел и сам Москаленко времени не теряли — полувзвод ощутимо усилился местными кадрами. Красногвардейцев, водителей машин (и гужевого транспорта) подбирали тщательно, с определенными видами на будущее. Вообще бойцы "призыва тов. Попутного" командировались в семнадцатый год в один конец, сплошь добровольцы, не отягощенные семьями и влюбленностями. Да, в 1963-м году идеалистов-хронодобровольцев хватало. Идеологическую подготовку член ЦК товарищ Попутный не упускал, уделял должное внимание и развитию советской фантастики. По слухам, в Москве, в Нескучном саду, еженедельно проходили чтения и обсуждения фантастических рассказов, научно-фантастические дискуссии и состязания военно-исторического театра "Червонный меч" — мероприятия по популярности конкурирующие с поэтическими вечерами на площади Маяковского.

Ехать было недалече, Катрин тряслась на жесткой лавке, размышляла над тем, что сама о легендарных 60-х почти ничего не знает, а здесь, в революционном 17-м расследование безнадежно и систематически отстает на шаг-два от действий противника. Инициатива по-

прежнему у врага, кто такой "Иванов" абсолютно непонятно. Времени по-настоящему допросить Ганна не имелось, да, похоже, и не знает этот шмондюк об истинной подоплеке проекта дестабилизации Октября-17. Кстати, складывалось впечатление, что гражданин Ганн вообще неадекватен. В смысле, и до лишения зубов и чипа был весьма придурковат. Хотя, может в будущем все такими будут. Лоуд об этом аспекте развития общества как-то уклончиво говорит. Впрочем, оборотень о гомо сапиенсах, как о биологическом виде, вообще не лучшего мнения.

— Дурим мы, топчемся, — сказал Москаленко в тон мыслям шпионки. — Наверняка опаздываем. С другой стороны, пусть и немцы занервничают, почуют что на пятки наступаем. Глядишь, и тоже ошибку допустят.

— Слушай, а ты уверен что это немцы? Даже если евангелисты-лютеране в дело втянуты, это мало о чем говорит.

— А кто? Немцам выгоднее всего. Англичан с американцами я бы тоже подозревал, но тут и общая обстановка, и "шмайсеры" намекают. Все сходится. Да я фрицев и так носом чую. У меня отец от Белгорода до Вены сапером прошел.

И это тоже было верно — иногда самая простая версия самая правильная.

Короткая колонна: два грузовика, прикрывающий тыл броневик, свернула на Фурштатскую. Целесообразность привлечения к операции бронетехники была немного спорна, но Москаленко считал необходимым проверить экипаж "Остина" в настоящем деле — с дисциплинкой даже у проверенных местных кадров было не очень. Нужно думать о будущем, в этом прапор прав.

— Приехали. К машине! — приглушенно рявкнул Москаленко.

Штурмовая группа, оберегая автоматы и слегка стучаясь шлемами, посыпалась из кузова.

— Товарищ капитан, вы бы каску одели. Как раз размерчик подходящий запасен, — тактично намекнул прапорщик.

— И надену, — Катрин взяла шлем. — Я голову обещала беречь. Как самое слабое место. Кстати, Леонид, в боевых условиях давай без званий. На совещании это одно, а в деле звучит странно и, учитывая обстоятельства, малость пафосно. Водители услышат, бронеходчики. Удивятся.

— Понял, Екатерина Григорьевна.

— Отчество давай тоже сокращай и на "ты". Я еще не очень пенсионерка.

— Сокращу. Ну, какая же пенсионерка. Легенда вы. В смысле, ты.

Катрин фыркнула:

— Легенда у нас — товарищ Островитянская. И замнем эту тему.

Доходно-лютеранский дом стоял слева от кирхи. Недурной такой дом: угловой, четырехэтажный, высокий, небедный, с лепниной и прочими излишествами. Церковь Святой Анны тоже выглядела импозантно — соразмерное здание с полукругом ионических колонн, с небольшим куполом, отступало вглубь квартала, уходя тылами к параллельной Кирочной — собственно нумероваться по улице, которой кирха дала название, религиозному объекту было бы и логично, но случаются в Питере архитектурные парадоксы.

Каска M17^[35] ощутимо отяготила шпионскую голову — отвыкла дамочка, кованный на заказ шлем с мягким подшлемником стал куда привычнее. Катрин наблюдала как окружают подходы к подъездам бойцы штурмовой группы, как грозно разворачивает пулеметные башни "Остин". Во дворе тоже наши — вторая группа без шума и брнчания брони

высадилась с пролеток на Кирочной и перекрыла пути отхода. Кстати, группа не вспомогательная, на нее возлагаются серьезные надежды — вспугнутый враг попытается уходить двором или по крышам. Есть надежда взять из засад. В резерве два десятка самокатчиков — как штурмовая сила они сомнительны, но в качестве связных незаменимы. Все, вроде бы, предусмотрено. Вот только противника надо было брать позавчера.

Предлагать отсидеться в подвижном КП и осуществлять "общее руководство" товарищу Мезиной не попытались — есть в "имидже легенды" и свои плюсы. Небось, будут потом рассказывать: заскакиваем мы к немцам, я прямо за Катькой — ага, за той самой. Галифе ей очень идут, особенно сзади...

Шпионка выкинула глупости из головы. Пора...

— Не двигаться!

Швейцар-консьерж, или как его там, убежать или оказывать сопротивление не пытался — с готовностью вскинул руки, вжался в стену.

— Этаж?!

— Нет никого, господа. Видит бог, пуст подъезд. С третьего этажа давеча съехали.

— Ключи!

— Отперто все, милостивые государи. Паркет! Паркет там, о, майн готт...

Штурмовая группа неслась вверх, топоча по на удивление узкой лестнице.

Трое автоматчиков устремились еще выше, перекрывать верхнюю лестничную клетку и выход на чердак, остальные остановились перед дверью второго этажа — действительно, приоткрыта.

— Об осторожности не забываем, — напомнила Катрин "попугчику" с массивным щитом из толстого железного листа. У другого бойца имелась труба-таран — про штурмовое оборудование шпионка упомянула Москаленко после не особо удачного захвата квартиры на Пушкинской. Вот — уже воплотили, это они молодцы. Но вряд ли понадобится.

Квартира оказалась просторной, светлой. Легкий беспорядок, рассыпанная мука, перевернутое кресло, с высокого окна сорван карниз с портьерами. Обыскивали здесь уже, что ли? Дует из распахнутой дальней двери — там белеет ванна, окно, похоже, вообще настезь.

— Внимательнее!

Бойцы с автоматами наизготовку неспешно рассасывались по комнатам.

Катрин чувствовала себя неуютно — квартира казалась раздетой и бесстыдно оттраханной. Это ощущение беспокойства нарастало: вот явно сдвинутый со своего места стол — круглый, вроде бы банальный, но отчего-то кажущийся приземистым — на нем театральным реквизитом торчат одинокая бутылка из-под вина и пепельница в псевдорусском русалочьем стиле. На подоконнике вздрагивает цветок, ободранный, с одиноким листом, жалобно подрагивающим на лютном сквозняке. Под потолком, несмотря на бело-серое дневное время, тускло горят рожки люстры. Что-то не так...

— Внимание, мина! — гаркнул боец, осматривающий спальню.

Вот оно. Катрин с некоторым облегчением отскочила подальше от двери в спальню, к неудалому столу. Москаленко, тоже проявивший похвальную осторожность, скомандовал:

— Ничего не трогать! Замерли! Саперы, повнимательнее. Вася, что там за хрень?

— Похоже, нажимного действия. Ножка кровати...

Штурмующие настороженно осматривались: командование группы в гостиной, автоматчики в просторных прихожей и столовой, сержант-пулеметчик в кабинете. Все

прислушивались как зоркий Вася изучает опасную спальню. Да, легко могли нарваться на мину в ванной, второй спальне или в чулане. Расслабляться нельзя.

— Знают, что след в след идем, — пробормотал прапорщик, мягко сдвигаясь от стола и осторожно приподнимая стволом автомата обвисшую в углу портьеру.

— Да уж, шмондюки еще те, — согласилась Катрин, глядя во вновь открывшийся за отступившим в сторону Москаленко серый прямоугольник окна — снаружи торчал близкий купол кирпичи, падала темная тень от готического креста.

Крестовых теней шпионка издавна не любила. Не по религиозным мотивам, по личным, но тем не менее...

Катрин резко отвернулась от неприятного зрелища. И рухнула на пол...

...Удар был так силен, что вышиб способности рассуждать. Было понятно, что под носом квадрат дубового паркета, а от правого бедра поднимается боль. Сильная...

Рядом топали сапогами. Резко застучал "федоров"...

— С кирпичи стреляли!

— Не, угол не тот. С крыши, что за церковью! Это со школы, мать его, кто ж мог подумать. Сигнал давай. Как она?! Куда стукнуло?

Катрин, стараясь не корчиться, осознала что "она" — именно про нее. Раз стукнуло, значит, ранена. Следовательно, в ляжку. У, сука, больно. Нужно быстрее перетянуть, если бедренная артерия задета...

— Оттаскивай! Башки не поднимать!

Донеслась близкая пулеметная очередь. Это из соседней комнаты, сержант накрывал из "льюиса" гадскую крышу со снайпером.

Катрин ухватили за ворот, поволокли. Жакет затрещал.

— Да стой ты! — захрипела шпионка. — Я сама могу.

— Не насмерть! — обрадовано завопил спасатель.

Катрин обнаружила, что ползти вполне может. Собственно, и раненая нога работала, хотя тупая боль аж в брюшную полость отдает. Но крови не видно.

— Сейчас перетянем, — бормотали, сталкиваясь касками бойцы, и суетливо разматывали бинты.

— Стой! Чего заматывать? Дырки нет, — Катрин, наливаясь злобой за бездарно профуканную операцию, бахнула рукоятью маузера по полу. — Убирай повязки. Москаленко, сигнал, их как угодно, но нужно брать.

— Да сигналият уж. Ты как?

Действительно, сигналили — с лестницы доносился зычный посвист, ему откликались свистом с улицы. В силу слабой развитости радиосвязи, "попутный" полувзвод использовал исторически проверенную сигнальную систему. Пулемет молчал — наверняка уже не наблюдается ничего даже отдаленно похожего на цели. Ушли гады.

— Москаленко, я в норме, видимо, рикошетом задело, — зарычала Катрин. — Прапор, ты стол видишь?

— Да вижу, мать его... Возьмем их, спуститься не успеют, — Москаленко с грохотом пронесся через прихожую, уже с лестницы проорал: — Васька, с капитаном останься!

Катрин попыталась сесть — через боль, но удалось. Собственно, тылы не пострадали.

Опрокинутый стол лежал на боку — отчетливо было видно что все четыре ножки укорочены — белели свежие спилы.

— Подготовленная позиция, — отметил проницательный Вася. — Расчистили сектор.

Бутылка — ориентир линии прицеливания, а геранька на окне показывает силу ветра.

— Молодец, Василий, глаз у тебя — алмаз, — похвалила Катрин. — Порекомендую комвзвода досрочно тебя в унтера произвести. Только если бы ты эту догадку на пару минут раньше озвучил, я бы тебе капитанские "корочки" подарила. Причем, с превеликой радостью.

— Да опыта у меня, Екатерина Георгиевна, мало, — признался боец. — Я же толком и не воевал. Как нога-то? Сломана?

— Вроде нет. Вообще не пойму, чем прилетело.

— Так пепельницей! Пуля в пепельницу, а уж эта штуковина вам, извиняюсь, в ногу, — Вася пихнул прикладом половину разбитой бронзовой пепельницы. — Вот, хорошо, что хвост у девицы массивный, но тупой.

Катрин посмотрела на уполовиненную русалку — на бронзе сияла свежая глубокая ссадина.

Тьфу, просто издевательство какое-то.

— Слышь, Василий. Помоги-ка мне встать. Только не за ворот, отодрали уже.

Стоять шпионка могла, прыгать-хромать тоже, хотя боль по-прежнему мощно шибала в ногу. Ладно, будем считать "ограничено годна". Галифе разодраны, клоч сукна отвис лохматым языком, ушибленная плоть под ним уже не смугло белеет, а краснеет и багровеет.

Опираясь на плечо бойца, Катрин выбралась на лестницу. Издалека донеслось несколько выстрелов. Шпионка выругалась и ухватилась за перила.

— Это верно, товарищ капитан, не успеть нам уже, — согласился хладнокровный Вася. — Противник дал деру по крышам, а чердаки тут идут почти сплошняком по всему кварталу. Кое-какое оцепление у нас выставлено, на него есть надежда. Враг может не учесть и напороться.

— Рассуждаешь верно, хотя упускаешь некоторые тонкости момента, — Катрин передохнула, наваливаясь животом на перила. — Вот что, раз мы все равно опоздали к этому празднику жизни, давай не вниз, а вверх. Дом высокий, обзор дает. Вдруг что-то заметим.

— Это конечно. Но выбираться на крышу в вашем состоянии...

— С крышей вряд ли выйдет. Но окно найдем, чтоб повыше.

Окно нашлось: на верхней причердачной площадке. Напрыгавшаяся Катрин с облегчением прилегла на холодный пол.

— Застудитесь, — взволновался боец. — Вон доски лежат, давайте подсунем.

— Подсовывай. Только сначала окно раскупорь.

Рама открылась неожиданно легко — то ли удачная дореволюционная конструкция окна сказывалась, то ли ведомственно-немецкая принадлежность дома. В лицо ударило холодом и звуками: опять выстрел — далековато, в районе дома номер двенадцать. С планом квартала шпионка успела ознакомиться, но в натуральном виде все оказалось чуть иначе. По сути, сплошное поле крыш. Иной раз они тянутся с солидными перепадами, кое-где и с провалами. Зато пожарных лестниц навалом, проводов практически нет, телевизионные антенны отсутствуют как класс — беги куда хочешь, несись хоть до иглы Инженерного замка или к парящему на шпиле ангелу Петропавловской. Иллюзия, конечно, но все равно, просторно.

Боец уложил на пол обляпанные известкой доски, видимо, уцелевшие от дореволюционного ремонта. На досках было уютнее.

— И что там? — поинтересовался, осторожно укладываясь рядом, Василий.

— Да ничего. У того дома — Дурдинским, кажется, именуется — пару раз стреляли, в остальном тишина.

Кирха сверху казалась миниатюрной, только близкий массивный, рыцарских очертаний, крест по-прежнему недобро нависал над улицей. Сама Фурштатская опустела — иной раз пробегали, озираясь, прохожие, вот пронеслась упряжка ломовика — возница нахлестывал лошадей.

— Вон наши, на крыше, — определил Василий.

Катрин подивилась его зоркости — несколько фигурок перебежало по скату кровли, скрылись в слуховом окне.

— Значит, где-то там диверсанты, — предположил боец. — Не иначе, за Манежный переулок пытаются проскочить.

— Слушай, а ты тоже совсем местный?

— Ну, как сказать. На Выборгской вырос, но здесь же тоже не чужое, знакомое. Товарищ капитан, я винтовку приготовлю? Вдруг к нам вернуться?

— Если есть винтовка, так отчего ж ее не готовить? Давай, не стесняйся.

— Так я думаю, может, вы возьметесь. Говорят, стреляете изумительно.

— Врут. Из "СВетки"^[36] еще туда-сюда. А из незнакомого...

— Хороший ствол, между прочим, — боец приложил к "федорову", взял на мушку одну трубу, другую. — В сложной мы ситуации, товарищ капитан. Вокруг свои, а не обо всем вслух говорить можно. Конспирация, чтоб ее...

— Привыкай. Разумнее считать это не конспирацией, а особенностями службы. Военную тайну, всякие грифы "С" и "ДСП"^[37] никто никогда не отменял.

— Да, так оно проще. Но все равно не верится, что мы в самом сердце революции. Легенда же.

По улице в сторону Таврического сада целеустремленно пронесся приданный отряду броневик. Работают парни. Катрин с некоторым облегчением отметила, что боль в ноге слабеет. Значит, обошлось без трещин в кости и иных мерзких осложнений.

— Василий, а ты какого года?

— Тридцать восьмого. Только в детсад ходить начал, как война, отец на фронт, нас в эвакуацию, — боец усмехнулся. — Орал как резаный — уж очень мне в детсаду понравилось; дача за городом, какао, клубника на полдник. А тут увозят. Мама чертежницей служила, их конструкторское в первую очередь эвакуировали. Иной раз думаю, кто из нашего детсадовского взвода в живых-то остался? Судьба. Из Саратова два раза с мальчишками на фронт пытались сбежать. Перехватывали нас на вокзале, так что не вышло с войной. Зато вот революция...

— Опять же судьба. Глянь, опять на крышах кто-то.

— Не разберу кто, но в шинелях, — пробормотал Василий. — Скорее всего, наши. Топчутся. Выходит, потеряли след?

Со стороны Литейного прикатили трое самокатчиков. Сверху было видно, как высококомобильные силы спешно прислоняют велосипеды к фонарному столбу, скидывают из-за спины винтовки-драгунки, занимают позицию у замысловатых металлических ворот.

— Жидковато у нас оцепление, — отметила Катрин. — Слушай, я вниз спущусь, а ты продолжай наблюдение. Если что — бей пакостников исключительно в руку, желательно в правую. Ну, в ногу тоже можно, оно, знаешь, несладко.

— Держу в уме, — заверил боец. — Вы там поосторожнее, на лестнице. К врачу бы

надо...

Какие все заботливые. Шпионка сумрачно скакала вниз, норовя по большей части скользить по перилам. На подбитую ногу ступать было можно, но никакой радости сопутствующие ощущения не приносили. Вот, мля, контуженая жертва пепельницы! Опушка воротника болталась на манер трапперского хвоста, галифе испорчены. Сейчас товарищи самокатчики этокое пугало пристрелят. Исключительно из соображений милосердия и брезгливости...

Обошлось. Когда Катрин вывалилась из подъезда, стрелки-велосипедисты оглянулись, жестами призвали пригнуться. По-видимому, имелись основания считать, что противник где-то рядом.

— Как наше положение? — уточнила шпионка, с трудом приседая у ограды.

— Дык, маловато сил ваш Орготдел сюда уделил, — попенял воин в нахлобученной на самые глаза папахе. — Немец спуститься пытался, одного там застрелили, остальные обратно на крыши. А крыш — их вона сколько. Тут до ночи гоняйся, никого не сыщешь. Утекут. Свистят нам "давай к кирхе", а что толку? Всю улицу мы с вами, товариш отдельская, не перекроем. Да и ранены вы. С лестницы свалились?

— Почти. Но на крыше наши наблюдатели, они укажут врага и помогут огнем. Это если надо будет...

Слова оказались на диво пророческими, поскольку закончить мысль Катрин не успела — сверху, с Доходного ударил выстрел, еще и еще... По темпу стрельбы было понятно, что лупят из "федорова", да там, кроме Василия, никого вооруженного и не было.

— Это по кому? — один из самокатчиков привстал.

— Сиди! — призвала Катрин, выхватывая маузер.

Судя по всему, целью Василий имел двери школы Анненшуле. Похоже, враг, не сумев прорваться с крыш и скрыться, вернулся, надеясь просочиться к земле через знакомое здание. Беда была в том, что в данный момент кирха заслоняла выход из престижного учебного заведения, и самокатчики со шпионкой могли лишь догадываться о происходящем.

— Товарищи, враг за церковью. Надо высмотреть, куда шмыгнет. Стрелять только по рукам и ногам! Не рискуем, но и не отсиживаемся, — Катрин указала пистолетом направление.

Самокатчики переглянулись и без особой охоты встали. Понятно, повиноваться командам малознакомой бабы особого настроения не имелось. Но уверенность ободранной хромоногой особы, а главное, высокий авторитет Общего орготдела, сыграли свою роль.

Катрин шкандыбала следом, стараясь не отстать. Двойной выстрел сверху пытался подсказать направление. Самокатчики рысили малость прямолинейно, опыта уличных боев у них явно не хватало.

— Стой! — зашипела шпионка.

Двое присели на колени, водя стволами винтовки. Третий воин замер столбом, протестующе начал:

— Так это...

Навстречу, из-за угла кирхи выскочило двое неприятных граждан в полувоенной форме: добротные бушлаты, под ними военные штаны, сапоги. Один поддерживал другого, зажимавшего простреленное плечо.

Встречи Катрин ждала, но полагала, что противник будет уходить в сторону Кирочной. А тут немного наоборот. Да и реакция врага оказалась отменной. Здоровый мужик

мгновенно вскинул пистолет...

Загремели выстрелы...

...- По ногам! — вопила Катрин, вопила тщетно, поскольку собственный маузер заглушал все на свете. Шпионка в полном соответствии с собственными ценными указаниями пыталась целить по коленям врага, выходило чуть выше, хотя там должны были иметься относительно жизненно-важные органы.

Пальба оборвалась. Катрин обнаружила, что полулежит на мостовой, скорчившись в компактный комок — маневру по залеганию травмированная нога не помешала, но похоже, что все равно зацепило — левое ухо резало невыносимо. Стонал, держась за бок, самокатчик, остальные судорожно дергали затворы. Вражина, так ловко управлявшийся с "парабеллумом" лежал ничком. Его напарник, пошатываясь, уходил прочь.

— Не стрелять! — завопила Катрин, слыша щелчки затворов "драгунок". — Так возьмем!

Раненый беглец, видимо, услышал, перешел на шатающуюся трусцу.

Первая попытка вскочить не увенчалась успехом — Катрин цапнула за плечо сидящего на корточках самокатчика, оперлась. Воин закричал.

— Да, отъелась я, — признала шпионка и кривобокой припрыжкой устремилась в преследование. Раненый враг уже скрылся за углом кирхи.

Катрин скакала практически на одной ноге, на вторую ступать было можно, но скорость этакий полутороногий аллюр порядком замедлял. Ухо слышало — надо думать, напрочь не оторвало. Удачный денек, исторический, что тут еще скажешь.

За спиной после некоторой паузы затопали сапоги. Нагоняют.

— Спокойней, товарищи, живой он нужен, — не оглядываясь, предупредила шпионка.

— Но прикладом я ему врежу, — посулил самокатчик. — Пашке-то легкое они насквозь просадили.

— Прикладом можно, но осторожно, — согласилась Катрин, хватаясь за сырую стену кирхи. — Главное, самим не наскочить. Шпалер у гада наверняка имеется...

За углом ни гада, ни шпалера не обнаружилось. Пустой проход вдоль церковной стены, дальше маячат звенья чугунной ограды...

— В церкву юркнул! — сообразил самокатчик, указывая винтовочным стволом на близкую боковую дверь.

— Входим спокойно, вежливо, мы с религией не воюем, — напомнила Катрин.

— Что ж мы вообще без понятия? — обиделся второй самокатчик, отцепляя от ремня бутылочную гранату. — Но если заперлись, пускай пеняют на себя.

Разрушительные средства не понадобились. От толчка приклада массивная дверь распахнулась. Катрин, поправляя окончательно переставшую быть удобной каску, запрыгнула внутрь. Бойцы ввалились следом...

Пахло религией, теплом, воском, мирной Европой. Навстречу выступил человек глубоко церковного облика, мягко спросил:

— Куда же вы с ружьями в дом божий? Разве так можно?

— Отойди, поп! — потребовал самокатчик, нервно сжимая бомбу. — Где шпион?!

— Перед ликом божьим все мы люди...

Катрин прихватила служителя культа за форменный воротничок, дабы опереться, а заодно и прижать гражданина-лютеранина к стене. От души тряхнула и сунула ствол маузера под нос:

— На хрен теологическую дискуссию. Где преступник?

Придушенный священник не очень определенно, но указующе махнул рукой.

— Обходим с разных сторон, — Катрин заскакала между скамьями, самокатчики двинулись по боковым проходам. Было темновато, нависали фланговые нефы-балконы, казалось, оттуда вот-вот начнут долбить пулями. Подняться наверх раненый вряд ли успел, но если кто-то тут еще засел...

Шедший слева стрелок шарахнулся, вскидывая винтовку:

— Тьфу, черт! Вот он, зараза, затаился меж лавками.

— Притворяется? — второй самокатчик поспешил на помощь, Катрин двинулась через ряды.

— Да вроде не особо, — стрелок не опускал винтовку. — Никак помер.

Катрин упала на скамью, нагнулась в потемках, попыталась нащупать пульс — от лежащего пахло кровью, остывающим потом и порохом. Пульса не было.

— Что ж так неудачно, — пробормотала шпионка. — Хлопцы, сдвиньте его в проход. Может, все-таки жив?

Кирха наполнилась шумом шагов и громкими разговорами — прибыли основные силы преследователей.

Катрин морщилась и боролась с ремнем шлема — ослабляться он не желал, собственно, это ремень ухо и разодрал.

— Товарищ Мезина, ты сама-то как? — на скамью бухнулся запыхавшийся прапорщик

— Еще прыгаю...

Зажигались лампы под потолком, возился взводной фельдшер над лежащим телом, перекликались обыскивающие церковные углы, бойцы.

...- Садит в упор, гадюка, — рассказывал самокатчик опоздавшим. — Пашке бок зацепило, товарищу-бабе-комиссару в шлем щелкнуло, ну, думаю, сейчас и мне врежет. И главное, затвор как назло заело, досылаю, досылаю, а оно никак...

Катрин пощупала царапину на боку шлема.

— По касательной, иначе бы пробило, — мрачно сказал Москаленко. — Повезло.

— Это да. Итоги у нас какие?

— Неутешительные. Округа стоит на ушах, у нас трое легкораненых, один тяжелый. Из добычи: четыре трупа, винтовка с оптикой, пистолы, всякая мелочь. Документов у покойников не найдено.

— Товарищ прапорщик, — окликнул склонившийся над трупом фельдшер, — у этого тоже... того...

— Понятно, — Москаленко вздохнул и достал папиросы.

— Церковь все-таки, не дыми, — попросила Катрин. — А что у покойного "тоже того"?

— Наколотые они все. Похоже, из уголовников. Сибирские, наверное. Я таких татуировок сроду не видел, — признался прапорщик.

Катрин ухватилась за скамью, встала. Если двигаться бережно, нога вела себя прилично. Шпионка дохромала до тела.

Бушлат покойника был распахнут, теплую рубашку и нижнее шерстяное белье фельдшер разрезал. Широкая грудь мертвеца пестрела сплошным узором татуировки: ломаные геометрические линии замысловато переплетались со спиралями, окружностями и треугольниками. Ничего общего с блатными зековскими темами или кокетливыми татушками начала следующего века наколки не имели. Скорее, нечто ритуальное, служащее

панцирем-оберегом.

— Руку открой. От локтя, чуть выше-ниже, — попросила Катрин.

— Да там тоже самое, — фельдшер поддел финкой рукав. — Вот, вроде еще одной фуфайки. От кистей, до самого, извиняюсь, причинного места.

— Ладно, там любопытствовать не буду, — кивнула Катрин, разглядывая руку, сплошь покрытую сине-красным узором. Если и имелась на покойном когда-то та характерная служебная номерная татуировка, забили ее сложным рисунком прочно и надежно.

— Что будем делать? — Москаленко, морщась, смотрел на труп.

— Покойников — в штабную колымагу и в наш подшефный морг. Я съезжу с телами. Двух сопровождающих выдели. Сами возвращайтесь в Смольный. Найдешь товарища Островитянскую, в двух словах опишешь ситуацию и передашь, что она мне нужна в морге. Пусть сразу катит туда.

Прапорщик кашлянул:

— Я-то передам. Но товарищ Островитянская, она... Там сейчас на Зимний выступают. Товарищ заотделом занята по горло.

— Передашь, что нужна в морге, — повторила Катрин.

Москаленко поспешно оправил ремень с оружием:

— Виноват, не учел нюансы.

— Да ладно тебе. Это исключительно ввиду экстренности ситуации. Так-то товариш Людмила у нас, несомненно, выше званием. Соблюдаем субординацию. Кстати, Василий хорошо отработал. Будет время, передай благодарность.

— Понял. Слушай, давай я с тобой отделение отправлю? Все как-то надежнее. Ты же не совсем в форме.

— Доеду. Да и на месте наши есть. Ты поскорее Островитянскую извести. Время поджимает. Телефонировать бы, да тут связь... очень малой секретности.

Забрав трупы, штаб-кунг, покати в знакомый приют смерти. Катрин качалась на скамье, смотрела на накрытые мешковиной тела и пыталась анализировать. Понятно, что следствие опять пошло на поводу у противника. Понятно, что попали в недурно подготовленную засаду. Понятно в кого именно стреляли. С Москаленко эту сторону событий обсудить толком не успели, но прапор тоже все понял. В здешней ситуации, кто охотник, а кто дичь разобрать трудно — роли меняются часто и хаотично. Собственно, служить мишенью тов. Мезиной не впервой. Но отчего все так тщательно готовили, возились, бережно выводили под прицел? Гораздо проще застрелить на улице или в том же Смольном. Странный выстрел. Знали что в бронежилете? Это вряд ли. Судя по всему, убивать не хотели. Область бедра и колена — ранение серьезное, но не летальное. Вот же суки. Но для чего? Захватить живой? Малореально, кругом полно бойцов, не отдали бы, это сходу просчитывалось.

— Товарищ капитан, разрешите вопрос? — прервал молчание спутник-автоматчик.

— Давай.

— Так кто они такие? — "попутчик" кивнул на тела. — Понятно, что секрет, но хотя бы приблизительно?

— Оттого и секрет, что мы не знаем. Рвут нить, гады. Надо бы напрячь разум, сопоставить факты, да времени не хватает. Может, завтра выдохнем, сосредоточимся.

— Да, день-то сегодня какой будет. Вернее, ночь, — боец улыбнулся.

Это верно. Для бойцов 60-х — исторический День. Собственно, так и есть, с этим не

поспоришь. А тут, то за ногу эгоистично испереживаешься, то за ухо. Одолевают мелкособственнические инстинкты.

Громоздкий грузовик осторожно зарулил в ворота морга. Боец помог подбитой начальнице спуститься на землю и прокомментировал:

— Трудное заведение, как в первый раз заглянул, аж дрожь пробрала. А вчера стоял тут в карауле, притерпелся. Дело тяжкое, но нужное.

— Именно. Тем более, мы сегодня на эту ярмарку со своим товаром, — Катрин похромала внутрь.

— Вид у вас, госпожа Мезина... Внушает серьезные надежды, что скоро к нам пожалуете на общих основаниях, — поздоровался бессменный лохматый врач.

— Нет уж, меня пусть по месту жительства положат-обмоют, — пробурчала шпионка и объяснила ситуацию...

— Осмотр тел, конечно, проведу, — заверил доктор. — Для вас, Екатерина Олеговна, все что угодно. Но с отдельным помещением для вновь прибывших — извините-с. Попросту нет мест, сами знаете.

— Вопрос не общей организации, но безопасности, — пояснила Катрин. — Пусть на полчаса, но нужна отдельная комната. И отогнать всех лишних.

— Могу свой кабинет предложить, — анатом принялся убирать завал бумаг со стола. — Но разогнать всех посетителей... Разве что револьверной пальбой.

— Да, проблема. Ладно, в машине процедуру проведем. Глянете клиентов прямо там?

— С превеликой готовностью.

Катрин вышла, попросила у бойцов закурить, но тут во двор влетел "лорин-дитрих", из почтения к скорбному месту вполсилы закрипел тормозами. Высадилась энергичная и очаровательная товарищ Островитянская, сходу обвиняюще ткнула пальцем:

— Допрыгалась, Екатерина!? А тебя предупреждали!

— Ладно-ладно. Ничего катастрофического. Кроме результатов операции. Как раз по этому поводу тебя и побеспокоила.

— Да я примерно догадалась, — без особого восторга кивнула оборотень, извлекла из своего бездонного под-карманья английскую булавку и пришила оборванный ворот напарницы. — Между прочим, такой подход слегка унижен. Вроде как заведомо, пользуюсь определенным уважением, дел уйма, а тут работай на четверть ставки примитивной ищейкой.

— Кто виноват что твое чутье в этом городе вне конкуренции? Вы уж сделайте одолжение, товарищ Островитянская, введите запах в свою личную картотеку.

— Еще и измывается она! — возмутилась Лоуд. — Ладно, полезу нюхать мертвяков. Я, между прочим, за дело всей душой болею, хотя и не подставляю ляжки под шальные пули.

Товарищ оборотень забралась в кунг и приступила к экспертизе. Катрин, дабы не мешать исследованиям, присела на подножку грузовика.

Процесс много времени не занял, Лоуд спрыгнула на брентную грязь двора, заложила руки за спину и принялась прогуливаться вдоль борта машины.

— Что, так неоднозначно? — осторожно уточнила Катрин.

— Как сказать. Мы, люди и нелюди науки, предпочитаем не делать скоропостижных выводов. Обоняла я тщательно — запахи свежие, это ты правильно сразу же меня вызвала. Несомненно, у нас тут гомо сапиенсы, несмотря на разрисовку. Но! Во-первых, они на наркотиках или не совсем были здоровы. Определенно — морфий.

— Ну, это здесь случается. Давеча о кокаине речь зашла, нынче морфинисты.

— Случается. Здесь все случается. Некоторые вот специалистов, не закончивших мысль, перебивают.

— Пардон. Я в дискусионном порядке.

— А вот не надо этого! — нервно потребовала оборотень. — Тут наука — материя строгая, не требующая неперемных препирательств. Мы вот только что с товарищем Даном, Либером и Мартовым^[38]... дискутировали. Возникли явные разногласия по процедуре открытия Съезда. Так бы херами и обложила, а потом ножичком по глотке. Оппортунисты, либероиды и шмондюки!

— Виновата, не учла напряженности политического момента.

— Именно! Я уж подумываю, не перейти ли мне в вашу боевую секцию. Видят боги, у вас там вреднее для слуха, но полезнее для нервов. Вообще политическая борьба — крайне изнуряющее занятие, — товарищ Островитянская тяжело вздохнула. — Так вот, кроме следов морфия и странного отсутствия признаков любого алкоголя — согласись, настораживающий аспект — в букете присутствует еще что-то. Сейчас впопыхах выделить и определить не берусь. Но это нездешнее.

— Что, есть вероятность? — с упавшим сердцем уточнила Катрин.

— Вероятность всегда есть. Мы же ходим по мирам. И при всей нашей исключительности и незаменимости, уникальной данную способность назвать нельзя. Но ты не паникуй раньше времени. На наши, как вы антинаучно выражаетесь, "Эльдорадские" запахи тут один намек. Скорее, какой-то вариант поскакучих прохиндеев по типу дурачка Ганна или твоего есаула.

— На тех шмондюках татуировок нет.

— Я и говорю: развели проходной двор. Те сюда, эти отсюда. Сплошные Пришлые, дыхнуть негде. В общем, нужно анализировать. О, наследничек заявился! — оживилась оборотень. — Я уж хотела спросить — в "Кресты" вы его упекли, что ли?

Во двор морга въезжал Гру. На велосипеде юный шпион сидел так себе, вихлял рулем, вот с трудом обогнул глубокую лужу.

— Где пропадал, поганец? — поинтересовалась любящая маманя.

— На крышах, — исчерпывающе объяснил мальчишка.

— Карлсон педальный. Польза-то была? — требовательно прищурилась оборотень.

Гру с облегчением спешил, достал из кармана чуждый этому небу и эпохе фотоаппарат:

— Ну. Улики.

Катрин листала фото: винтовка — маузер-98, с хорошей оптикой, но вполне законной, аутентичной... патроны и гильзы, крупным планом, но разглядеть на крошечном экране сложно. Похоже, пули не совсем стандартные. Что-то черное, практически неразборчивое. Вот оно еще крупнее, подсвеченное фонариком, но все равно не разобрать.

— Это чердак стрелков. Они фотоснимок сожгли, — пояснил Гру. — Были еще бумаги, но те — в полные пепел. А фото горит иначе, цифры на обороте видны.

— Цифры — это настораживает. Я вообще шифры не терплю. На них глядишь и безмозглой себя чувствуешь, — раскритиковала сомнительную улику оборотень.

— Тут не столько безмозглой как слепой себя чувствуешь, — заметила Катрин. — Абсолютно ничего не видно.

Мальчишка молча вынул из кармана блокнот, развернул.

Шпионки пытались осознать столбики цифр, очевидно, переписанных с фото-пепла зорким следователем.

— Видимо, что-то вычисляли, — сообразила Катрин. — Вторая запись оборвана.

— Отгорело напрочь, — пояснил Гру. — В первом уравнении высчитывали дистанцию и угол. Высота объекта — 180. Система метрическая.

— Что у нас здесь в Питере такое высоченное в 180 метров? — задумалась оборотень.

— Это я, — призналась Катрин. — Если в сантиметрах и снизу вверх. Они выстрел просчитывали. Молодец, Гру. Удивил. Не думала что у тебя такие склонности к математике.

— Нет, это у папани склонности, — довольно сумрачно пояснил мальчишка.

— Да, папаша Укс у нас малость двинут на алгебрах и геометриях. Вдолбил лоботрясу, — подтвердила Лоуд. — Вот, даже слегка пригодилось. Хотя и не понятно чем именно пригодилось. Что в Светлоледю целились, мы уже догадались. Кто и почему именно в задницу целил, остается глубокой математической тайной. Дрянь эта ваша алгебра — только все запутывает. Покойники и так-то пахивали неординарно. Теперь меня эта шарада будет отвлекать.

— Ну, они лаверкой пахли? — предположил Гру.

— Точно! — шлепнула себя по красивому лбу товарищ Островитянская. — Знакомо же пованивало. Нет, нужно завязывать с политикой. Глупею.

— Пойдите, лавер^[39] это же водоросль? — забеспокоилась Катрин. — Тамошняя?

— Она распространенная, — успокоил мальчишка. — Здесь, наверное, тоже есть. И в иных мирах.

— Гм, ну ладно. А как ты догадался насчет водоросли?

— Засада. Стрелки. Ждут долго. Сортиров на чердаке нет, — изложил логическую цепочку усидчивый мальчик.

— Вот тут молодец! — похлопала приемыша по плечу гордящаяся оборотень. — Можешь! А что Светлоледея носом дергает, так это не смотри. Она же человек, соображает натужно. Проникнется, не такая уж тупая.

— Нет-нет, я с глубоким уважением, — заверила Катрин. — Немного неожиданно, но на войне как на войне. Респект. Кстати, велосипед-то откуда?

— Ничейный, — не моргнув глазом, объяснил юный следователь. — Бросил кто-то под стрельбой. Хотел милицейским передать, так нету их.

— Ладно, раз и расшаркались и оценили, и поболтали, пора к делу возвращаться, — призвала Лоуд. — Как, товарищ Мезина, дашь нам революцию завершить? Новых срочных штурмов не требуется? Бронедивизион выдвигать и аэропланы вызывать не спешим?

— Нет, это терпит. Но раз у нас есть в резерве час-другой, может, попробуем закончить с покойниками? Если, допустим, привлечь интернациональные силы и использовать смежные научные подходы?

— Смежные? — слегка замялась оборотень. — Слушай, давай это как-нибудь позже? Послезавтра, к примеру. Обстановка упростится, время появится. Мертвяки подождут, им спешить некуда. Собственно, к чему нам вообще мертвяки в такой сомнительной плоскости? Подобные способы дознания противоречат революционно-процессуальному кодексу. И моим мировоззренческим принципам тоже не вполне соответствуют.

— Э, вот тут я не поняла. Трудно Прыгнуть, что ли? У меня с младшим поколением четкий договор — если очень нужно, то всегда пожалуйста.

— Прыгнуть не трудно. Хотя если они на воде болтаются... Но не в этом дело.

— А в чем?

Оборотень оглянулась на бойцов, на тактично отошедшего Гру, и шепотом призналась:

— Откровенно говоря, я твою невестку боюсь.

— Кого боишься?!

— Ее, ее боюсь. Рататоск вашу ненормальную. Можешь считать предрассудком. В конце концов, у меня было тяжелое детство, имею право на легкие фобии. Но, согласись, это антинаучно — разговаривать с мертвыми. Ладно бы еще изредка. А она постоянно с ними болтает. Меня такие стойкие отклонения пугают.

Похоже, Лоуд говорила вполне серьезно.

— Мне сначала и самой не по себе было, — в некоторой растерянности призналась Катрин. — Но не до такой же степени. Она милая девушка. Ну, некромантка. Кто из нас без греха?

— Ничего себя "грех"! С вами, с людьми, и с живыми-то беседовать — нужны железные нервы. А она с мертвыми общается и непрерывно! Я тебе точно говорю — старшего сына вы очень необдуманно женили.

— Ты это прекрати. Мы его не женили, он сам. И я тебе говорю — Ратка нормальная девчонка.

— Да как же нормальная?! Про нее врут ужастей побольше, чем про тебя, меня и Пятнистого Эшенбу, вместе взятых, — оборотень перешла на зловещий шепот. — Вы о внуках подумали? Это такие полукровки вырастут...

— Ратка вполне человек, вообще не дарк, пусть и со специфическими способностями. А полукровка у нас другой растет, и ты с ним в отличных отношениях.

— Сравнила! Гр-Гр — талантливый молодой человек, светлая серая голова.

— Так, стоп! — твердо сказала Катрин. — Давай мою семью в другой раз обсудим. Сейчас нам нужно дело додавить. Мне детей беспокоить тоже не очень хочется. Но придется. Не дури, нужно вызвать Ратку.

— Легко сказать. А если я в нервном состоянии с курса собьюсь? Я тоже живое и переживающее!

— Что тут нервничать? Я Рататоск с ее сопливого детства знаю — вот тогда стоило нервничать. А сейчас серьезная, спокойная молодая дама. Даже чересчур серьезная.

— Гм, "с детства", понимаете ли... Тогда пошли вместе, — начала склоняться к непростому компромиссу межпространственная странница.

— О, боги, да что за день такой?! Я-то с удовольствием, но мне потом возвращаться трудно будет. И потом вид у меня...

— Умоем! — вдохновилась напарница. — И вообще тебе нужно перевести дух, расслабиться на полчаса. Кстати, у меня есть аспиринчик...

Следующие два часа шпионка провела в бессовестном отдыхе. (Время ориентировочное, поскольку часы, пистолеты и остальное оборудование было передано в дорожный мешок Лоуд — сама Катрин по старой памяти предпочитала прыгать без металлов).

... "Квадро" огибал безлюдный мыс Орифии, погоды здесь стояли воистину средиземноморские, солнце порядком пригревало, но не палило. Финишировали нежданные прыгуны точно — Катрин оказалась на ступеньках кормового трапа, знакомого до последней царапины. Хотя, нет, царапин с тех давних времен заметно прибавилось — не мудрено, экипаж вел насыщенную и интересную жизнь.

Сейчас младший внук сидел на коленях своей молодой бабки, замороженно разглядывал

презент — монета с невиданной двухголовой дарк-птицей и, правда, казалась сказочной. Старшему внуку досталась гильзы от маузера и трехлинейки — вообще полная фантастика. Лот-Та мгновенно испекла пиццу по-Флотски, гостей настойчиво угощали, ужасались обтрепанному и усталому виду, но разговор быстро перешел на темы здешние, семейные и важные. Лоуд тактично держала дистанцию, беседовала с Винни "за глорские дела" и хорошо кушала.

...- Может, все же зашью? — Рата-Белка указала на продранные галифе свекрови.

— Не надо, заметит еще кто-нибудь починку, вопросы возникнут, — Катрин осторожно потрогала ногу — синяк там угадывался ужасающий, но бальзам снял солидную часть боли. — Так что? Сходим?

— О чем спрашиваете, мама! — как всегда после перерыва, назвать Леди "мамой" невестке стоило определенного усилия. — Идем немедленно, спрошу все что нужно. Только я мало знаю о тогдашних делах и деталях. Придется вам побыть рядом.

— Да уж куда деваться. Мы как раз в этих деталях-реалиях по самые уши.

Начали собираться. Жо сдержанно попросил:

— Вы уж, пожалуйста, осторожнее. Обе. В смысле, и вас, уважаемая профессор, мы потерять никак не хотим, но у вас такой опыт, что переживать нет смысла.

— Нет, вы уж чуть-чуть попереживайте, — серьезно сказала оборотень. — У нас там очень непростой день. Исторический! Ну, мама вам потом все расскажет. Идем?

...После солнца, скрипа снастей и блеска теплых волн, вернулись будто в глухую ночь: мрачно, кирпичные заборы, стены в копоти, вечная тусклость осеннего дня Северной Пальмиры.

— Как вы тут вообще работаете? — пробормотала Белка.

— Так и работаем. С таким напором, что упарились, — Катрин запахнула на невестке щегольскую дубленую курточку. — Но лучше здесь не задерживаться, что, правда, то правда.

Шпионки и некромантка-консультантка вошли во двор морга. Ратка равнодушно глянула на повозки, автомобили и мрачное здание, перепрыгнула через вязкую лужу — человеком она была истинно железных нервов, да иначе в ее профессии и нельзя.

— Объекты здесь, в машине, — указала Катрин.

— Так я часовых увожу? — поспешно намекнула вновь занервничавшая товарищ Островитянская.

Бойцы и шофер, оглядываясь, ушли с завотделом, а Катрин следом за легконогой Белкой взобралась в кунг.

— Мама, ты пока отвернись. Начало обычно — самый неприятный момент, — сказала Ратка.

Катрин принялась смотреть в маленькое окошко двери. К некоторым вещам невозможно привыкнуть — например, к этому выражению понимания и мягкого сочувствия, с которыми невестка обращает свой взгляд на тела, накрытые мешковиной. Теоретически понятно, что мертвые уже по ту сторону невидимой, но нерушимой границы. Но теория и практика — очень разные вещи. Как понять, что нечто, оставшееся витать над брэнной плотью уже не твой враг, не диверсант-убийца, что "оно" собственно уже и не вполне человек? Тьфу, лучше над этим не думать.

И нахлынул в кунг ужас...

Катрин смотрела на опустевший двор, сейчас даже у ступеней морга ни души — словно сдуло всех живых. За спиной слышались шорохи, невнятные звуки — вроде и неопасные, но

волосы на затылке от них дыбом встают. Нужно было каску не снимать.

— Кто такой "швед"? — негромко спросила Белка.

— Народность. Здесь в Европе по соседству живут.

— Двое шведов, один немец. Один... риг. Из Риги. Есть такое?

— Есть.

— Они Пришлые. Земля, но, кажется, время другое. Не совсем понимаю. Они сами не понимают. Полупусты. Вяленые и выпотрошенные. Еще при жизни такие были. Может, с Психой связано?

— Ладно, опустим это. Кто такой "Иванов" и как его найти?...

Такие допросы особенно тяжки. Катрин спрыгнула из машины, забыв про поврежденную ногу, чуть не упала. Вытерла взмокшее лицо — пот был холодным как... Не важно как. Просто холодным.

Белка соскочила, аккуратно прикрыла дверь кунга.

— Спасибо, — Катрин тщетно пыталась запихнуть руки в карманы жакета.

— Не так много узнали. Больны при жизни, больны при смерти — редко так случается.

Мама, да не прячьте руки. Трясутся, так это нормально.

— Да? Гм, куда уж нормальнее. Ладно, большое дело сделали. Еще раз спасибо.

— Ага. Ну я пойди, — перешла на несовершенный русский Белка, приподнялась на цыпочки и чмокнула свекровь в щеку. — Большой спасиб, что даже час не шарахаться от меня.

— Куда ж от тебя шарахнешься? Своя. Еще раз привет всем передавай. И вам с Гошкой по дозе отжиманий. А то взял моду урюк в карманах таскать, засахарится насквозь наш малый.

— Искореним! — заверила Белка и ослепительно улыбнулась.

Катрин наблюдала, как она идет по двору — вся такая миниатюрная, стройненькая и абсолютно нормальная. Подтянула штаны, с разбегу перепрыгнула лужу и исчезла за воротами. Доберется, по обратному курсу они все наловчились скакать. А штанцы обе невестки все-таки излишне "по фигуре" носят. Понятно, не на вахте, но тем ни менее, уж слишком в обтяг...

Руки все равно тряслись. Двор потихоньку оживал. Зафыркали лошади, выглянула из двери товарищ оборотень, убедилась, что магичка удалилась, зашагала к напарнице.

— Держи! Тот момент, когда о вреде никотина можно чуть подзабыть.

— Благодарю, — Катрин взяла длинную сигарету, прикурила от поднесенной газовой зажигалки.

— Не поверишь, все в мертвецкую забились, сколлективились, даже дохтур, — сообщила Лоуд, поглядывая на жуткую машину. — Все ж, покойник покойнику рознь. У меня аж пятки свело, так накатывало. Как результаты? Стоило оно того?

— Сложно сказать. Кое-что узнали, но можно было надеяться на большее. Подумать еще нужно. В общем, сейчас всецело сосредотачиваемся на историческом мероприятии.

— Вот! Я уж думала, ты нам весь момент испортишь. Собираемся и едем. Где Никола?! Почему вверенный "лорин" бросил, разгильдяй трусоватый?!

Колька отыскался у докторского кабинета — пилот был бледноват и молчалив.

— Иди. Там все кончилось, заводиться пора.

Мальчишка кивнул, поплелся к выходу. Оглянулся и с горечью сказал:

— А что наган не даете, так все равно не по-честному.

— Иди-иди, — махнула Катрин. — Штатный наган водителю "лорина" не полагается. Тебе товарищ Островитянская восьмизарядный "Штейер" выпишет. С дарственной надписью на серебряной плашке.

Из кабинета выглянул хозяин мертвецкого заведения. Катрин поняла, что нужно зайти.

— И что это было? — шепотом спросил анатом.

— Затрудняюсь объяснить. Скажем, эксперименты нетрадиционных медицинских практик. Практически утерянные технологии древних бурятских шаманов.

— Да, девчушка вылитая бурятка, — доктор потер лоб. — Не хотите объяснять, так могли бы предупредить, что так... что вот так будет.

— Я намекала. Да как я могу объяснить? Я от науки далека. Мне и самой... — Катрин вытянула руку с сигаретой — пальцы еще подрагивали.

Доктор посмотрел, глянул на свою руку и согнулся за письменным столом. Катрин не особо удивилась, увидев мензурку с бесцветной жидкостью.

— Разбавлять? — осведомился мертвецкий властелин.

— Не надо.

Глоток (щедрый) спирта снял дрожь. Катрин дала доктору затянуться душистой сигаретой.

— Турецкие? — с любопытством уточнил анатом.

— Кубинские, по-моему.

— Надо же. Пиратские места. Галеоны, звон шпаг, веселые мертвецы на реях. А тут сидишь, сидишь... Слушайте, а я могу думать над вот этим случаем?

— Сколько угодно. Только глупым людям не пересказывайте. А то медицинское учреждение поменять придется. И в пациенты перейти. Как, кстати, у вас тут, налаживается?

— О, обстановка ощутимо улучшилась! Не думал, что товарищи в Смольном так проникнутся нашими мрачными проблемами. Каторжные работы при морге — идея внезапная, но не такая глупая. Пожалуй, перейду в ряды сочувствующих Советам. Да, если вспомнить о делах и телах. Может вам будет интересно, но причина смерти одного из ваших клиентов не совсем ясна. У него плечо прострелено, но покинул наш отвратительный мир несчастный отнюдь не по этой причине. Похоже на сердечный приступ. Но по ситуации — крайне маловероятный диагноз. Я глянул бегло, попытаюсь уточнить...

Выходя, Катрин глянула в знакомый коридор: здесь белили потолок, дальше гражданин преступник, проходящий по следственному делу под кличкой "Грант", крепил на стену новую лампу — конвоир держал лесенку, подавал арестованному кусачки и ценные советы. Где-то натужно двигали массивные столы и стучали молотком.

Социалистическая революция и непреклонная организационная воля Общего орготдела уже давали конкретные результаты, пусть и в отдельно взятом санитарно-ритуальном аду. Оставалось довести до ума всю страну.

Глава девятнадцатая. Роковой марш

Смольный. Общий орготдел.

Час десять минут до часа X.

Этой ночью огней в городе было немного. Хлебные "хвосты" разошлись до утра погреться, у Невского работали припозднившиеся "гнилушницы"^[40], рядом навязчиво торговали кокаином, ядовитой водкой и бешено дорогими папиросами. Выше, над крышами и шпилями столицы, над мостами и рavelинами Петропавловской крепости, кружился голодный демон хаоса. Шуршали ободранные огромные крылья, темный призрачный дракон

нетерпеливо всматривался во тьму.

"Войны никто не хотел. Война была неизбежна" как сказала одна образованная тетенька. Сказано красиво, но по иному поводу, да и вообще придумано иностранкой. Людей, желающих начать русскую гражданскую войну, в городе на Неве было ничтожно мало. Лично Катрин таких в эти последние часы вообще не встречала. Жажда власти, тяга к мучительно недостижимой вселенской справедливости, привкус горькой как хина классовой мести — все что угодно, но не мечты о кровавой междоусобице.

Никто не спешил сесть в окопчики под Гатчиной, лететь в кавалерийской лаве на пулеметы, идти на Одессу, и вообще прокладывать путь штыками. Как же вышло, что демон хаоса сел нам на головы? Или в головы? Чей палец первым дернул спуск, нажал пулеметную гашетку? Чья злость впустила в дом дракона, воняющего запекшейся на штыковой стали кровью, супом "кари глазки", пышущего тифозным жаром и смрадом разложения?

Молчит Нева. Или плещет-шепчет, да не слышно за топотом миллионов каблучков великого социального конфликта.

Ночь фантастическая, усталость примерно такая же. Дело наше безнадежно. Нога болит...

Возвращение в Смольный выдалось весьма триумфальным. Не успела штаб-труповозка зарулить к центральному входу, как выяснилось, что о героической стычке и погоне по крышам за германскими провокаторами здесь знают, и даже куда полнее, чем непосредственные участники.

— Правильно их, гадов! — кричал какой-то солдатик. — Взяли привычку гадить с крыш!

— Вымести немца поганой метлой!

Катрин хромала по коридору, чувствуя себя донельзя знаменитой и бомжеватой. Хотелось попытаться прижать на место болтающийся лоскут галифе, но сие действие было явно бессмысленным. Революционные и прочие народные массы активно демонстрировали свое одобрение, и рваные штаны представителей орготдела были тут ни при чем. На втором этаже Катрин перехватили приличного вида господу, явно "не-смолянской" прописки, демонстративно принялись пожимать руку. Какие-то делегаты-переговорщики, чтоб их...

— Товарищ капитан, мы же так в историю попадем, — растерянно шептал боец- "попутчик".

— Терпи, куда теперь деваться.

В Общем орготделе перевести дух не дали.

— Вовремя! — одобрила опутанная телеграфной лентой товарищ Островитянская. — Катерина, пей чай, мажь бальзамом повреждения, переодевайся, и в Главштаб. У тебя с Полковниковым хорошо получается, а у нас с координацией генеральского направления явные прорехи. Урегулируешь на месте.

— Во что переодеваться? — тупо спросила Катрин, падая на стул.

— Вон я приготовила, — мотнула головой оборотень, не отрываясь от расшифровки длинного телеграфного сообщения.

На плечиках вешалки висела черная кожаная куртка, под ней угадывалась белоснежная блузка, укороченная юбка и отглаженная кумачовая косынка.

— А мы не опережаем время? — вяло запротестовала шпионка.

— Не капризничай, — завоптделом вскинула утомленный, но лучезарный взгляд от ленты телеграммы. — Кожаки уже носят, хотя и в малых масштабах. Склады мы еще не

оприходовали, но...

— Я про длину юбки...

— Тут каждая минута на счету, а она вдруг проявляет модистские склонности, — возмутилась оборотень. — Чай пей и кати на Дворцовую. Можешь хоть в неглиже, так даже доходчивее выйдет.

Получив инструкции и усиление в виде товарища Дугова, шпионка отправилась на переговоры. К счастью, "лорин" был свободен, докатили с удобствами. Анархист остался на первом этаже пропагандировать-препираться с адъютантами, Катрин прошла к генералу...

... - Мне этот план напоминает дурную оперетку, — молвил Полковников, докуривая очередную папиросу. — Признаться, я не в восторге от данного жанра.

— Жанр сомнительный, но всяко лучше военной драмы, — вздохнула Катрин...

В Генштаб пришлось ездить еще дважды. Заодно Катрин отвезла личное послание министру-председателю. К Керенскому не пустили, пакет принял изнуренный адъютант.

— Послушайте, госпожа Мезина, это вообще не в какие ворота... — беспомощно бормотал молоденький поручик. — Пусть штаб Округа и лично генерал склонен полностью поддерживать авантюрный план Смольного, но это не дает вам никакого права столь нагло диктовать условия...

— Это я диктую?! — изумилась Катрин. — Меня саму как ту сидорову козу, хворостиной...

— Я понимаю, понимаю. Претензии не к вам лично, Екатерина Георгиевна. Но нужен компромисс...

... - Компромисс им... да эти шмондючьи компромиссы нас окончательно скомпрометируют, — негодовала завотделом, энергично жуя кончик карандаша. — И как извольте видеть, я должна это требование представить?! Ладно, пойду к Якову Михайловичу, Лева и товарищ Чудновский там должны быть...

— Иди, — одобрила Катрин. — И канцтовары не грызи, зубы попортишь.

— Знаю я, о чьих зубах ты заботишься. Но я, между прочим, своими грызу, не иллюзорными.

— Зубищи завотделом тоже весьма ценны делу революции.

— Кажется, я не выдержу, — пробормотала оборотень. — Нет, я представляла, что будет тяжеловато, но тут размах... Одной наживки двадцать эшелонов требуется.

Впрочем, мужественная завотделом тут же собралась и унеслась к руководителям ВРК. А Катрин вновь покатила на Дворцовую.

... - Я полагал, что мы достигли дна, но этак еще глупее получается, — мрачно резюмировал Полковников.

— Что делать, церковники и ВИКЖЕЛЬ выставляют как неперемное условие. Е Смольном проявляют добрую волю, идут навстречу, и... Ну, вы поняли.

— Нет, я не понял. Будем считать, что я вообще об этом ничего не знаю. Передайте адъютантам, пусть предупредят посты.

— Передам. Слушайте, Петр Георгиевич, давайте не будем больше курить? У меня уже голова кружится.

Полковников подошел к огромному окну, распахнул форточку.

— Екатерина Георгиевна, нескромный, зато прямой вопрос позволите?

— Куда же деваться, не убегу же, хромоногая.

— Там, у церкви святой Анны, действительно были немцы?

— Не знаю. Вроде бы все сходится, но живым никого не взяли, исчерпывающих доказательств пока не имеем. Надо бы дожать дело, но сейчас... Не до этого сейчас.

— Благодарю за откровенность. Полагаю, и нам, и вам, и даже для ВРК было бы лучше, чтобы это оказались именно германцы.

— Понимаю. Что ж, Петр Георгиевич, я, пожалуй, поеду.

— Вам бы в госпиталь. Едва ходите. Трещина в кости, отслоится...

— Боже сохрани, не пугайте! У меня, хоть и самое начальное, но медицинское образование. Ушиб там отвратительный, но с костью все в порядке.

Генерал кивнул и неожиданно вынул из шкафа трость — черную, с серебряным набалдашником.

— Возьмите. Я как-то оказывался в схожем положении, трость выручила.

— Благодарю. Не откажусь. Верну как только нога разойдется.

— Не возвращайте. Выздоровеете, передадите иному страждущему. Уверен, знакомые у вас приличные, полезным окажется подарок. Меня, скорее всего, после окончания этой клоунады расстреляют. Понятия не имею кто именно и по какому предьявленному обвинению, но...

— Странные у вас мысли, беспомощные, — покачала головой Катрин.

— Так уж и беспомощные?

— Не в прямом смысле, естественно. Но мы с вами, Петр Георгиевич, здесь и сейчас пытаемся выиграть сражение. Пусть и без пальбы, пусть и крайне дурацки выглядящее. Меня вот тоже воротит. Но выбор сил и средств не всегда за нами. А идти в бой с мыслями "все равно расстреляют" как-то неразумно. Вообще не похоже на вас.

— И откуда вы взялись такая... военно-фронтальная, — вздохнул генерал. — Полагаете, стану героем нации? Оценят, что предотвратил кровопролитие?

— Это вряд ли. Но расстрел тоже маловероятен. Полагаю, товарищ Островитянская и Общий орготдел будут категорически возражать. А чего бы вы сами хотели, Петр Георгиевич? Военно-политической карьерой, вы, похоже, пресытились?

— Ну ее к черту... Впрочем, не знаю. Наверное, уехал бы на Дон, занялся бы коневодством.

— Отличное дело...

Спускаясь по лестнице, Катрин опиралась на дареную трость — весьма полезная штука. И размер подходящий, и рукоять в виде лошадиной головы удобна. Гм, коневодство...

Странно все в этом мире. В другом, в центральном векторе, Петр Петрович Полковников, так и не решившийся начать бойню в Петрограде, будет отстранен от командования Округом за считанные часы до переворота. Уедет домой, в свою станицу Кравянскую, после начала Гражданской вступит в Белую армию. Году этак в восемнадцатом погибнет. Обстоятельства смерти останутся не ясны. По одной из версий, попадет в плен и его разорвут лошадьми. Скорее всего, легенда. Но призрак коневодства так и гарцует вокруг человека.

Слишком много призраков в эту ночь носилось по городу.

Летит, сияет белый свет фар, скользит легкоходный "лорин" по набережной. Тянет в сон, хотя езды несколько минут.

— Славная трость, товарищ капитан, — отметил зоркий пилот.

— Тьфу, Колька, и ты туда же?! Какая я тебе "капитан"? Это все условности и конспирация.

— Так я только так, когда нету никого рядом. А что вы капитан, так это, между прочим, даже сходу заметно.

— Не отвлекайся, а то влестимся "сходу". Ну куда так гнать?! Что нам те лишние десять секунд?

— Зато не перехватят. Мало ли...

Перехватили Катрин у входа в Смольный. С виду приличные люди, в хорошо сшитых пальто — но во внешней "приличности" после последних событий и знакомства с местными террор-группами шпионка уже разочаровалась.

Господа шарахнулись от выхваченного маузера, джентльмен, что повыше ростом, поспешно показал пустые руки:

— Мы с сугубо мирными намерениями, госпожа... товарищ Мезина. Мы — делегация.

Делегация мгновенно оказалась в окружении стволов и штыков — кроме автоматчиков-"попутчиков", не теряли бдительности и красногвардейцы.

— Граждане большевики, мы же исключительно побеседовать, — возмущенно заверил юный господинчик в узком, непоправимо буржуйского вида, пальтеце.

— Оформляйте пропуска в общем порядке, — буркнула забегавшаяся шпионка. — Товарищи, видимо, недоразумение. Опускаем винтовочки, экономим боезапас.

Оружие опустили, хотя и без особой охоты. "Делегаты" действительно выглядели глубоко чуждо и подозрительно.

— Вы, пардон, госпожа Мезина или мы ошиблись? — угрюмо уточнил делегат постарше. — Из Общего орготдела? Если ошиблись, то мы лучше действительно... на общих основаниях.

— Может и не ошиблись. В чем дело, господа? И вообще, с кем имею честь?

— Мы из "Экономического клуба", — объяснил третий член делегации.

— Это, извиняюсь, что такое? Партия либеральных анархо-рыночных реформ?

— "Экономический клуб" памяти незабвенного Петра Аркадьевича Столыпина, — тактично пояснил член клуба. — Имеем мысли и предложения о срочных экономических мерах по спасению России. С учетом сложившегося политического положения, разумеется.

Этот делегат вызывал у шпионки некоторую симпатию. Не так молод, сдержан. Только белый воротничок под пальто возмутительно свеж. Тут блузку не успеешь надеть, как мигом замусолишься, машиной и табаком провоняешься.

— Срочные экономические меры — это хорошо, — согласилась Катрин. — Регулярное, безотлагательное и архи-срочное спасение экономики России — основа нашей стабильности. Но при чем тут я и Общий орготдел? Мы несколько иными вопросами занимаемся.

— Видимо, не она, — бессовестно прошептал запечатанный в каучуково-предохранительное пальто юнец, разглядывая наспех заштопанные галифе представительницы орготдела. — Слишком молода.

— Сейчас в глаз дам, — предупредила уставшая шпионка. — Это что за хамство? Хорошо выгляжу благодаря регулярным занятиям верховой ездой и иными видами спорта. А так я уже дважды бабуля. Вам чего от меня надо?

— Видимо, совета и, по возможности, протекции, — признался старший экономист. — Помогите добиться аудиенции с товарищами Троцким и Ульяновым-Лениным. Даже при нынешней нестабильной ситуации большевики просто обязаны уделить нам несколько минут. Учитывая, что вы, несомненно, "она", думаю, сможете помочь. Екатерина

Георгиевна, это ведь именно вы встречались с Петром Аркадьевичем много лет назад? Лето, дачный сад... Припоминаете?

— Как же, как же, — наконец сообразила Катрин. — Прекрасно помню, не так уж много лет... Значит, рассказывал Петр Аркадьевич о нашей краткой беседе? Польщена. Но об экономике мы говорили не так много, откровенно признаться, я слаба в теории, в большей мере практик-любитель скромных провинциальных масштабах.

— В экономике мы вполне и без дам разбираемся, — совершенно обнаглел клубный мальчишка. — Вы, госпожа Мезина, нам с протекцией помогите. Не испытывая особого уважения к политическим воззрениям, как большевиков, так и Временного правительства, мы, новые экономисты, понимаем и осознаем глубину своей ответственности за состояние страны, и...

— С юношей вообще все в порядке? — с некоторым сочувствием уточнила шпионка у старшего "стольпинца".

— Хамит неисправимо, — со вздохом подтвердил экономист. — Но в части крестьяноведения и идей развития кооперативного движения данный пан Чайканов — чрезвычайно прогрессивный и талантливый специалист. Мы за него заранее и многократно извиняемся, но, увы, действительно крайне полезный делу юноша.

— Ему бы кляп. Или хотя бы постоянную девушку для снятия нервного напряжения. А то мигом договорится до нехорошего...

Даже в потемках было видно, как талант в области кооперативного движения покраснел.

Не очень умный разговор прервала сбегающая по ступеням товарищ Островитянская:

— Катерина, сколько можно ждать?! Шагай в кабинет, готовьтесь. Я в гордому и обратно, и сразу выступаем. А это кто? — оборотень с рыбацко-классовой подозрительностью воззрилась на белые воротнички.

— Революционеры от экономических теорий. Умеренные, но владеющие теорией. Полагаю, толковые граждане.

— Ишь ты. И чего хотят?

— Встречи с товарищами Лениным и Троцким.

— Завтра. В 10:45. Предложения по вопросу подготовить в письменном виде, излагать лаконично и строго по делу. И вид пусть деловой примут. Нарукавники там, очки и карандаши за ухом. Не время для модностей, граждане-экономисты! Колька, заводи!

"Лорин" взревел и торпедой вылетел за ворота.

— Вопрос решен, — резюмировала Катрин. — Насчет нарукавников всерьез не принимайте, это ирония. Но формулировки лучше отточить должным образом.

Экономисты молчали, очарованно глядя вслед умчавшейся завождем. Катрин кашлянула:

— Прощу прощения, — очнулся старший экономист. — Это ведь была госпожа Островитянская?

— Лично она. Завождем.

— Производит сильное впечатление, — признался второй "стольпинец". — Вот так сходу у вас все и решается?

— Бюрократический аппарат еще не нарастили. Все на личном обаянии.

— Но все же какую она партию представляет? — пробормотал кооперативный юноша, явно потрясенный многими откровенно аполитичными достоинствами блестящей завождем.

— Профсоюз она представляет. Работников рыбной и цветочной промышленности. Господа, я пойду, дел уйма. Давайте ваши фамилии, на завтра пропуска закажем...

Размышляя о том, почему внешность л-копии Флоранс именно на сопляков производит столь сногшибательное впечатление, Катрин похромала в отдел. У кабинета шпионку ждала еще одна неожиданная встреча: невысокий мужчина задумчиво разглядывал уцелевший на стене портрет одной из бывших начальниц Смольного института. Гость был в невзрачной темной куртке, но видом откровенно не местный. Впрочем, спешащие по коридору обитатели штаба ВРК внимания на него не обращали.

— Какими судьбами? — с определенной неловкостью поинтересовалась Катрин.

Укс — глава маргинального интернационального семейства вольных островитян — вызывал у Катрин сложные чувства. Вроде и поработать с ним пришлось, и знакомы достаточно долго, но как вспомнишь судьбу бывшего дарка, так невольно не по себе становится.

— Вечер добрый. Не беспокойтесь, леди, не помешаю. Я на правах туриста-наблюдателя. Это безмозглая раскричалась: "такое событие! Погляди или потом жалеть будешь!". Революции я не очень люблю, но так ведь Лоуд потом хребет своими упреками насквозь проест. Уж лучше поприсутствую. В сторонке, не обращайтесь внимания.

По-русски Укс говорил с очевидным акцентом. Катрин пожалала узкую изящную ладонь гостя:

— Событие действительно историческое, и к чему Лоуд дело выведет пока не очень понятно. Раз ты уж здесь, присмотри за ее спиной. Меня постоянно отвлекают, да еще охромела, а могут возникнуть сложности.

— Без сложностей у нашей дурищи не бывает, — по-семейному бесцеремонно признал гость. — Не беспокойся, присмотрю.

О госте Катрин моментально забыла, поскольку подступил аврал последнего часа перед началом операции. Телефонная станция работала исправно — совместный караул владимировцев и красногвардейцев-путиловцев никого не подпускал к центральному коммутатору, но от нагрузки ошалели и часто ошибались загнанные барышни-телефонистки. Катрин соединяли то с квартирой венеролога, то с каким-то военно-морским секретным дебаркадером. Наконец, на проводе оказался штабс-капитан Лисицын, с ним уточняли, кто стрелял у Охтинского моста и утвердили поправки маршрута следования колонн. Кабинет наполняли бойцы и введенные в штат спец-отряда местные красногвардейцы. Стало тесно, прибежал Гру, требовал срочно найти затерявшуюся крестовую отвертку. Оказалось, что сумку с запасным инструментом кто-то поставил на несгораемый шкаф, да еще навалил сверху дисков от "льюиса". Панически телефонировали из штаба Округа — одна из офицерских добровольческих дружин отказывалась разбирать баррикаду у Дворцового моста.

Прибыла товарищ Островитянская и началась последняя оперативная "летучка".

— Товарищи! Нет нужды напоминать, что нынешняя ночь — ночь исторического масштаба! — завождем, легконогой балериной взлетевшая на стол, обращалась ко всем сразу — в кабинете находились и осведомленные товарищи, и не очень осведомленные, но это был уже отряд, спаянный боевыми операциями и общей напряженной работой, и делить его по степеням допуска не имело смысла.

— Наша задача взять власть и покончить с бессмысленным и преступным засильем Временного правительства. Революция должна победить окончательно и бесповоротно! И

мы это сделаем. Впереди большая и сложная работа, и мы, товарищи, должны это сознавать. Да, нынче мы думаем о пулеметах и баррикадах у Зимнего, но держим в уме завтрашний и послезавтрашний день. Мы берем власть, но не хватаемся за безвластие! Министры-капиталисты, золотопогонники-контрреволюционеры, тайные и откровенные корниловцы, спекулянты и все остальные твари должны быть осуждены справедливым революционным судом. Судом, товарищи, но не нашей скоропалительной, абсолютно справедливой, но поспешной и неоформленной пулей. Соблюдаем порядок, стреляем только в ответ, когда уж не станет мочи выдержать. В конце концов, у кого нервы крепче — у нас или у этой буржуйской тонконогой сволочи?! Проявим революционную самосознательность! Да здравствует наш Красный Октябрь! В общем, все всё знают. Я закончила. Слово товарищу прапорщику Москаленко и Катерине.

Комвзвода и Катрин, уже не забираясь на настольную трибуну, напомнили задачи делегатам связи и сформированным группам: сопровождения, снайперской, огневого прикрытия и технической.

— Кстати, о технической группе, — сочла нужным вставить слово завотделом. — Груха, я тебя, можно сказать, глубоко по-родственному предупреждаю: если накосячишь, я тебя всех контактов лишу, а главный коммуникатор вообще выдеру. Понял?

— Ну, — отозвался технический специалист, сообразил, что в присутствии бойцов получилось уж слишком куце, и отрапортовал: — Товарищ завотделом, аппаратура настроена и перепроверена. Приложим все усилия.

— Товарищ Островитянская, я подтверждаю, вылизали мы всю аппаратуру, — подтвердил усиливший техническую группу радиоспециалист-"попугчик". — Все будет в ажуре. Ну, а если техника подведет, так она техника. Несознательный элемент.

— Технику за предательство вообще расстреляем. Вот, лично товарищ Катерина займется, у нее вечно маузер чешется, — пригрозила завотделом и спецвзвод, подхватив пулеметы и прочее, двинулся на выход.

Колонна перед Смольным уже построилась, Чудновский заканчивал с грузовика свою речь, содержанием не очень-то отличавшуюся от призыва предводительницы Общего орготдела.

Колонна начала окончательно перестраиваться, готовясь к выступлению. Как всегда в такие моменты, началась легкая путаница. Рычали разворачивающиеся грузовики и бронемшины, шеренгам стрелков приходилось рассыпаться. Ржали лошади, оглушительно частила мотоциклетка, стрекотала кинокамера — около ее легкой треноги нервничал молодой, смуглый и похожий на испанца, человек, взволнованно тыкал занятого съемкой оператора в спину. Заглушающий все на свете мотоциклет окружающие гнали прочь революционными и не очень словами, стрекотун орал, оправдываясь скотским характером "Скота"^[41]. Наконец, прогрессивный агрегат утарактел за ворота и сразу все наладилось.

— Отдельный 1-й Красногвардейский дозорно-штурмовой полк! На борьбу с контрреволюционной буржуазией, шагом арш! — рявкнул мегафон.

Подравнявшиеся роты не совсем в ногу шагнули, радиофицированный штаб-грузовик включил заготовленную запись. На крыше кунга пристроилось всего-то два не очень больших динамика, но звук они дали мощный. В агитационно-шумовых эффектах Катрин разбиралась слабо, но усилиями революционно-фонограммной команды Гру требовалось отдать должное.

Взлетали в темноту торжественные и безжалостные звуки "Интернационала". Качалась

стальная щетина штыков, старались тверже печатать шаг невоенные в своем подавляющем большинстве люди, да не было в том усиленном баханье сапог никакой нужды — рабочая кость и так тяжела. Размеренно крутил рукоять камеры кинооператор — зрачок "Normal Kino"^[42] скользил по темным лицам красногвардейцев, по отблеску длинных штыков.

1-й Отдельный Красногвардейский полк уходил в бой. Умирать за новую жизнь, за справедливость, за светлое царство неведомого, но прекрасного социализма. Уходил в классовое сражение — самое бесконечное сражение истории. Глядя в эти лица и слушая "Интернационал", Екатерина Мезина понимала — компромисса нет, и быть не может. Шагали роты, усиленные балтийцами и фронтовиками, с щедрой прослойкой той самой, отчаянной до неистовства, до знаменитой "бессмысленности и беспощадности", русской интеллигенции.

Катрин, пусть и абсолютно не склонная к революционным методам решения социальных вопросов, пусть уже не совсем здешняя, хотя и очень здешняя, понимала этих людей. Они свои, она их знала. Их не остановить. Историю не остановить. Сметут. "Дс основанья, а затем..."

Но... Там, на Дворцовой, у баррикад, на которых все еще стоят пулеметы, тоже русские люди. Пусть на их руках поменьше мозолей, но они тоже любят эту землю, эти гранитные набережные Невы, это склонное к тучам небо, любят патриархальное Замоскворечье, волжские берега, степи с жаворонками, безоблачные обрывы пляжей Одессы, и еще несчитанные тысячи родных мест, что и зовутся Россией. Искренне любят.

Не в первый раз, но уже всерьез и надолго сойдутся в штыковых русские люди. И как это предотвратить?

А никак. То, что предначертано, сбудется. Но есть нюансы.

Главного нюанса Катрин сейчас не наблюдала. Где-то здесь напарница — то ли последние инструкции от штаба ВРК получает, то ли уже возглавила авангард колонны. Черт знает где этот черт.

Конечно, Лоуд — истинный черт. Пусть глубоко антирелигиозный, земноводный и с самоприсвоенным профессорским званием, но черт. Вот только русифицировался этот заморский черт до полного изумления и вник в ситуацию головой и душой, всем своим неизвестным науке, таинственным земноводным сердцем. Получится у нее хоть что-то или нет?

Лоуд — циничное, наглое, фантастически любознательное недоразумение природы. С биологической точки зрения — полный нонсенс. Мимикрирующий нонсенс. Но идею ей искренне жалко. Великую, видимо, нежизнеспособную идею того самого знаменитого экономического, политического и философского учения. Красивая идея, редкая по глубине и дерзости. Лоуд ценит уникальные вещи. По иронии судьбы оборотень присутствовала при создании 1-го Интернационала, осознала судьбоносность момента, а потом... Потом она видела очень много. Великих людей и великие революционные события. Видела взлеты теории и наблюдала ее неизбежные катастрофы. Не дается справедливая жизнь людям.

На месте оборотня давно бы пора возненавидеть род людской. А Лоуд ничего, даже наоборот — сочувствует человечеству. Парадокс в ее земноводном стиле.

Хвост колонны выполз за ворота, вот пристроился замыкающий броневик. Из стоящего у ограды "лорина" махал Колька. Да, пора догонять и обгонять.

— Свернулись и едем? — осведомилась Катрин у кино съемочной группы.

— Да-да, — "испанец" и оператор спешно подхватывали коробки и кофры.

Катрин, по временной слабости здоровья, нынче была прикреплена к "лорину". Личным указанием завотдела тов. Мезиной вменялось обеспечение работы киногруппы, поскольку киношникам требовалось запечатлеть все и сразу, а для этого требовалась незаурядная маневренность.

Закидали в машину аппаратуру и технику. Не особенно изящно, но привычно завалилась на переднее сидение шпионка с тростью.

"Лорин" рванул в опустевшие ворота, нагоняя звуки уже умолкающего "Интернационала".

— На ходу снимать будете? — поинтересовался юный возничий, вертя баранку.

— Если получится, — с большим сомнением прокряхтел режиссер — на заднем сидении кидало крепко.

— Вы мне сигнальте, я плавность добавлю, — пообещал Колька.

— Попробуем, — простонал придавленный штативом оператор.

— Вы, товарищ Дзига, сразу готовьтесь, — посоветовала Катрин. — Это очень быстрый транспорт.

Киношники молча завозились. По представлениям шпионки, будущий знаменитый режиссер и кинодокументалист должен быть говорливее и наглее. Впрочем, обстоятельства сказываются. Товарищ Островитянская выдернула киноспециалистов буквально из постелей и в себя виртуозы объектива еще не очень пришли.

"Лорин" мгновенно настигдвигающуюся по Шпалерной полковую колонну. Радиовещательная машина смолкла, тишину осенней ночи нарушал стук тысяч сапог и ботинок, да звяканье оружия. Полк — пусть и численностью в полноценный батальон — это порядочное количество угрюмых звуков. Застрекотала кинокамера...

И в эти мгновения мрачного торжества ночи Октябрьского восстания от середины колонны, от прогрессивного агитационно-штабного автомобиля необыкновенно ясно разнесся запевающий женский голос:

— Призрачно все в этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись...^[43]

"Лорин" скользил вдоль колонны и Катрин почти с ужасом наблюдала как меняются лица.

...Есть только миг между прошлым и будущим,

Именно он называется жизнь.

Бойцам песня была, конечно, неизвестна. Но как не понять настроение этих душевных строф? Товарищ Островитянская, прежде особых талантов по части пения не проявлявшая (скорее, наоборот) превзошла себя. Никакого фальшивого гундосенья. Негромко, но отчетливо, звукооператор осторожно вводил на динамики собственно музыку...

— Пусть этот мир вдаль летит сквозь столетия,

Но не всегда по дороге мне с ним.

Чем дорожу, чем рискую на свете я?

Мигом одним...

Киносъемочный "лорин" обогнал радиомашину. Катрин стало окончательно не по себе: она видела сидящую на крыше кунга меж двух автоматчиков сообщницу — Лоуд пела, глядя вверх, гарнитура микрофона была едва заметна. И вообще казалось, что это вовсе не оборотень...

Усилием воли удалось отогнать наваждение. Помог стрекот камеры. Бесспорно, Фло не

стала бы петь на камеру.

— Пленки, пленки мало, — стонал режиссер, удерживая свесившегося за борт оператора. Колька сейчас вел машину плавнее некуда, скользили под оком камеры ротные шеренги...

— Пусть этот мир вдаль летит сквозь столетия,
Но не всегда по дороге мне с ним.

Чем дорожу, чем рискую на свете я? — осторожно поддерживали песню молодые и не очень молодые усатые бойцы.

На подножку "лорина" запрыгнул автоматчик:

— Вам велено срочно вперед. Тех наснимайте, что на площади. Думскую делегацию, и этих... попов. Подошли уже к месту, посыльный оттуда прикатил.

Самое сложное в подобных мероприятиях — координация. В идеале был бы вариант одновременное вхождение на Дворцовую колонн всех представительств. Но где тот идеал...

"Лорин" несся, рассекая узкими лучами фар октябрьскую тьму. Промелькнуло раздвинутое заграждение у Французской набережной. Караульные из школы прапорщиков подтянулись при виде знакомого лимузина. Киношники успели перезарядиться — камера запечатлевала темные окна, пустые улицы, редкие костры... На близкой Неве угадывались мачты и тусклые огни подошедших почти вплотную тральщиков и минных заградителей: артиллерия на них символическая, главные флотские силы — "Аврора", эсминцы и дряхлый линкор грозят орудиями издали.

— Какая атмосфера, — шептал режиссер. — Проспали бы, ах, черт, все бы проспали...

Последняя баррикада, простор Дворцовой. "Лорин" подпрыгнул левыми колесами на выбоине от наспех зарытого пулеметного гнезда.

— Пора заканчивать с этими революциями, — сурово заметил Колька. — Так всю подвеску загубим.

— Отснимем и закончим, — отозвался освоившийся режиссер. — У нас пленки в обрез, еще на один поворот определенно не хватит.

Пока заканчивать было рано. Дворцовая и Зимний дворец в приглушенных огнях — все ждало. Таяла во тьме вершина Александрийского столпа, замерли выстроенные роты юнкеров, ударниц, спешенных казаков. Плотно сбили строй отдельно стоящие добровольческие офицерские дружины — немногочисленные, неочевидно вооруженные, но, надо думать, чрезвычайно опасные в бою.

Трибуну по обоюдному требованию переговаривающихся сторон, на площади устанавливать не стали. Не тот момент, не митинговый. Перед строем войск выделялась группка начальствующего состава: можно узнать Керенского — встрепанного, в распахнутой шинели без знаков различия, генерала Полковникова с отстраненным полумертвым лицом, нескольких министров правительства. Поодаль мерзли представители духовенства, в их званиях Катрин не разбиралась, но если верить завождем — удалось выдернуть "самых-самых". "Если знать подход и правильно нажать, представители православия являют истинные чудеса оперативности, и могут дать фору любым иным конфессиям" — признавала тов. Островитянская.

Архимандрит выглядел суровым — естественно, не благословлять незаконную смену власти явился, но "засвидетельствовать и воспрепятствовать кровопролитию, ибо..."

Какое именно в данном случае "ибо", Катрин забыла — все стороны выдвигали такую массу условий и требований, что упомянуть детали невозможно. Вот на левом фланге в

демократическом строю (обычно именуемым "толпою") стоят представители Петроградской думы и иных либеральных слоев общества. Вызвались идти из городской думы и грудью защитить Временное правительство, отшагали строем, распевая "Марсельезу" от Казанской площади, а теперь как-то съежились и оробели, несмотря на совместное приглашение и многократно подтвержденные гарантии безопасности Временного правительства и ВРК. Хотя и понятно — у вооруженных сторон остаются явные и тайные козыри: и трехдюймовки с картечью, и пулеметы, и Петропавловка, по несколько преувеличенным слухам готовая начать всеми батареями тотальную бомбардировку дворца, а вот думцы, кроме сомнительной брони теплых пальто, подбитых бобровым и хорьковым мехом, особых резервов не имеют.

— Вы снимать-то будете? — взволновался Колька.

— Постой, тут без спешки, тут одним планом брать нужно, — бормотал оператор, поднимая треногу на корму машины. — Тут такая история, брат...

Он оборвал сам себя, швырнул кепку на сидении и припал оком к кинокамере. Застрекотало...

Это правильно — ученого учить, только портить. Оператор приник к камере как к пулемету, изнывающий Вертов односложно подсказывал коллеге. Катрин сидела на переднем сидении и слушала доносимую порывами ветра музыку. Мятежные силы приближались...

— Встретить, встретить нужно, — в отчаянии застонал режиссер. — Петр Карлович, перезаряжай же! Николай, будьте добры...

— Так я готов, — заверил водитель. Авто мягко и мощно взяло с места.

Силы ВРК должны были вступить на площадь через ворота Главного штаба. Туда, в сторону череды огромных арок, в сторону приближающейся грозной и непонятной музыки сейчас смотрела вся площадь. Тянули тонкие шеи юные юнкера, распахивали глаза ударницы, бледнели думцы...

Катрин, наконец, разобрала знакомую, казалось, уже навсегда забытую мелодию:

— Есть у Революции начало,

Нет у Революции конца!

Миру мы несём рассвет Вселенной,

Нашей правды светлые слова,^[44]- торжественно предрекали штабные динамики.

"Лорин" остановился на подъезде к арке, оператор взял общую панораму, машина тихо двинулась ближе к проезду.

— Медленнее, Коля, медленнее! — умолял Ветров.

Извне к площади приближалась черная волна. Броневики, автомобили и вооруженные до зубов люди, издали казались единой массой. Флаги на броне и в руках лишь изредка попадая в полосы света, озарялись багряно-алым. Дракон социалистического восстания подползал к Дворцовой, по его мощному телу пробегала дрожь отблесков щетины штыков.

Камеры Катрин больше не слышала. И вообще ничего не слышала. Стало вдруг еще страшнее: черный единый организм заполнил короткий туннель арки, вот сейчас рухнут высокие и легкие распахнутые ворота, хлынет новая революция на площадь, и задробят по ней пулеметы с крыш и окон, ударит в упор картечь. И пройдет поредевший 1-й Отдельный Красногвардейский дозорно-штурмовой по телам и крови, ударит "в штыки"...

Авангард революционного полка чуть притормозил перед имперским изяществом кованых ворот. Легкая фигурка прыгнула с крыши автомобиля на витиеватую решетку

имперских ворот, не забывая изящно поддерживать юбку, вскарабкалась повыше.

— Товарищи! Вот она — цитадель старого прогнившего мира! Рвануть бы их всех разом! — товарищ Островитянская взмахнула бутылочной гранатой. — Но мы с вами не в убогое царское время вступаем. Нет, и не будет у нас привычки всех разом давить к ногтю и заставлять кровью харкать. Они нашу силу и так видят. А бомбы прибережем на самый крайний случай!

О, неброское чудо радио-микрофона! Четкий звонкий голос слышал и весь 1-й Красногвардейский дозорно-штурмовой, и, наверняка, слышала вся площадь. И то, что голос прозвучал женский, играло свою роль, и каждый оттенок интонации сейчас имел значение.

— Какой типаж! — едва слышно в унисон застонали киношники.

Спрыгнувшую Лоуд поймали на крыше штабного автомобиля, авангард красногвардейцев начал вступать на площадь, донеслась команда. И роты 1-го дозорно-штурмового подали свой пролетарский голос.

— Заводы вставайте^[45]! — рявкнул басом неизвестный запевала.

— Шеренги смыкайтесь! — многоголосо откликнулась первая рота.

— На битву шагайте...

— шагайте, шагайте..., - поддержала следующая рота...

Участвуя в обсуждении плана церемонии, Катрин полагала, что эта часть марша будет выглядеть крайне неудачно, если не сказать смехотворно. Ошиблась. Нужно было учитывать сложившуюся атмосферу.

Мороз шел по коже. Иррациональный страх представительницы, видимо, все же старого, реакционного, отчасти буржуазного, отчасти мещанского, мира. Инстинкт самосохранения хозяйки замка, сомнительной, но аристократки. И столкновение с со своей же гордостью. Гордостью за великолепную и страшную историю своей страны, за красную звезду на пилотке и красный флаг, что реял над твоей школой и страной в счастливом (все-таки и твоим, несомненно, и в твоим) детстве.

— Что-то я сегодня вся такая противоречивая, — прошептала Екатерина Мезина и утерла пылающее лицо.

Наступила тишина, Красная гвардия маршировала по площади, на нее смотрели силы старого мира, одеревеневшие от умолкших звуков устрашающего марша.

Количественно 1-й Отдельный Красногвардейский дозорно-штурмовой полк был примерно равен сводным силам защитников и сторонников Временного правительства. Несомненно, у "временных" имелись три батареи за баррикадами, пулеметы и резервы во дворце. У ВРК резервных сил за пределами площади было куда больше. Но это не имел особого значения. Здесь и сейчас превосходство Смольного выглядело неоспоримым. В такие моменты считают не головы и голоса, не политических и духовных лидеров, не военный опыт, но штыки. Стальные, четырехгранные, длиной почти в полметра. На переговорах эту психологическую особенность учли не все, и теперь Зимнему было страшно.

— А теперь, специально для их высокоблагородиев и ихних ударных подруг, — задорно выкрикнули из рядов красногвардейцев. Динамики главной автомашины идеологической борьбы проникновенно вздохнули:

— Как упоительны в России вечера

Любовь, шампанское, закаты, переулки

Ах, лето красное, забавы и прогулки^[46]...

Под этот немного неожиданный марш, 1-й дозорно-штурмовой выстроился напротив

оппонентов. Броневики с демонстративно повернутыми назад пулеметными башенками заняли место на правом фланге. Броня боевых машин была украшена двумя белыми вертикальными опознавательными линиями — явление давешних "ничейных" броневиков и творимые ими безобразия были учтены. На бронетехнику "временных" известью были нанесены горизонтальные линии — кажется, представители ВРК и лично тов. Островитянская успели убедиться, что все выполнено согласно договоренностей. На прибывших с красногвардейцами грузовиках торопливо возились техники, но едва динамики вздохнули в последний раз о "порывах и объятых", как все замерло.

— Начнем, пожалуй, граждане, — вроде бы негромко кашлянул Чудновский. — Процедура ждать не станет.

"Временные" силы, порядком контуженные музыкальным воздействием, и бойцы Смольного, преисполненные непоколебимой веры в себя и свою правоту, смотрели на уполномоченного комиссара ВРК. Чудновский слегка скованно махнул рукой водителю. Подрулила радио-штаб машина — всем было ясно, что без трибуны все же не обойтись.

— Слово предоставляется бывшему министру-председателю.

Керенский негодуяюще взмахнул рукой на некорректное "бывший" и взобрался на грузовик...

Говорил он хорошо. Хотя и слегка путано. Но хорошо. И главное, из регламента не выбился. Александр Федорович негодовал, упрекал, и являл очевидные доказательства антиконституционности поведения ВРК вообще, большевиков в частности, а Троцкого и Ульянова-Ленина отдельно и персонально. Немцев помянул с искренней ненавистью...

Катрин понимала, что в Петрограде, да и в целом по России достаточно людей, считающих вполне недурным выходом для страны сдачу врагу столицы и наведение полного порядка руками победителей-немцев. Что такое истинно германский "ордунг" догадываются далеко не все, гадкие надежды у отдельных членов общества имеются. Но одно дело скрытое германофильство, а другое — открытая некрофилия. К бесчинствам немецких пулеметчиков и мертвецам на улицах привыкать никто не хочет. Кто бы ни задумывал операцию с террористическими нападениями и опережающим стравливанием будущих красных и белых, в этом вопросе провокаторы просчитались. Так в России случается. Мы тут все труднопредсказуемы.

...- Посмотрим же, господа-товарищи, с каким багажом, с какими итогами вы явитесь на этот суд истории. Это будет великий процесс и правосудие восторжествует! — завершая мысль, Керенский бесстрашно погрозил правофланговым броневикам. — Во избежание кровопролития мы уходим, но мы вернемся!

Аплодисменты, стук прикладов и свист в равной степени поддержал и осудил выступление закончившего оратора.

— Да, хватит кровопролитий! — на кунг поднялся Чудновский. — Временное правительство сдает дела Советам, поскольку бесконечно балансировать на краю пропасти до созыва Учредительного собрания мы не можем себе позволить. Петроград в опасности! Вся страна в опасности! Гражданин Керенский, кстати, никуда не уходит, ему поручается создать всероссийскую Чрезвычайную Юридическую Комиссию. Новое законодательство требует внимания и всестороннего контроля.

— Да вы и понятия не имеете, что такое "законодательство"! — возмутился Керенский.

— Александр Федорович, договорились же перепираться только на заседаниях, — укоризненно напомнил сверху уполномоченный комиссар Смольного.

Бывший министр-председатель раздраженно отмахнулся.

— В общем-то, власть перешла Советам, оспаривать взятую нами ответственность начнем позже, — спокойно продолжил Чудновский. — Это потерпит до полной очистки Петрограда и окрестностей от немецких лазутчиков и диверсантов. Политические решения примет съезд Рабочих и Солдатских депутатов, а работы у нас, товарищи, впереди целое море. Господам бывшим высокоблагородиям и прочим гражданам, не разделяющим наши политические воззрения, но боеспособным, предлагаю поучаствовать в защите города от вражеских агентов. Дело, с какой стороны не взгляни, нужное нам всем. Иначе опять нас начнут на улицах как воробьев стрелять. Теперь разрешите предоставить слово товарищу Островитянской, заведующей Общим орготделом, представительнице профсоюзного движения и...

— Да знаем мы ее, знаем, — нетерпеливо завопил непонятно кто. — Пушай сказанет.

Над Дворцовой возвысилась тов. Островитянская и без раскачки, деловито, обратилась к народным и иным массам:

— Товарищи! Граждане и гражданки России! Офицеры, прапорщики, мичманы и преосвященства! Леди и джентльмены! Принадлежность к профсоюзному движению, рыбацкое прошлое и недостаток образования позволяют мне быть банальной и скучной. Унылый кривобокий мир лучше яркой и кровавой гражданской войны. Точка! По политическому моменту у меня все.

Площадь засвистела и заколотила прикладами на этот раз примерно с одинаковым настроением. Даже в эти времена бесконечных митингов и многочасовых ораторских подвигов, предельная лаконичность порой импонировала народным массам.

Динамикам пришлось гукнуть и сурово напомнить:

— Тишина! По текущему моменту слушаем.

— Текущий момент простой, — поддержала всесильную технику товарищ Островитянская. — Караул меняется, старый караул свободен. Кроме, естественно, дежурных подразделений и уполномоченных по передаче вооружения, караульных помещений и прочих служебно-боевых тьюфяков. Остальным предлагаю хорошенько передохнуть. Помним, что далеко не всех немецких шпионов мы еще переловили! Так что, если кто в кусты, так оставляете винтовочки, а болеющим за честь страны и государственное дело — полноценный отдых и прибытие к новому месту службы. Да, отдельная и душевная благодарность от всего Петрограда и меня лично за сохранение Зимнего в неприкосновенности и недопущение сюда пронырливых диверсов. Дворцов у нас не так много, все они народное и государственное богатство! Тут только отвернись, живо все пресс-папье по частным лавочкам растащат. Так что, спасибо, господа юнкера и особое спасибо стойким ударницам! Зла за бранные слова и за ругань на нас не держите. Мы грубые, но душевно добрые.

Возникло некоторое замешательство, поскольку к строю ударниц вывалился огромный кронштадец с корзиной гвоздик. Вручал он цветочки с таким смущенным и оттого невыносимо суровым видом, что женское воинство не на шутку взволновалось. И даже, кажется, прослезилось.

— Товарищи и граждане, Россия вступила в новую эпоху, — голос товарища Островитянской всемерно поддержали динамики и вышло чрезвычайно внушительно.

Запела сигнальная труба. Настоящая, без всяких там звукозаписывающих фокусов. Горнист играл "зарю", но как-то особо, мастерски и неповторимо. Завотделом смотрела

куда-то вверх. Вот вскинула руку, указывая на вершину Александровской колонны. С грузовика ударил луч прожектора, выхватил полощущийся на свежем ветре триколор. Вот флаг медленно пополз вниз...

Катрин понятия не имела, как это вообще возможно. Забраться на вершину колонны без специального альпинистского снаряжении, причем оставшись незамеченным для окружающих? Натянуть тросик, поднять немаленький флаг? Впрочем, раз здесь мелькнул гражданин Укс, известный специалист по высотам, стало быть имелись и иные пути. Всего-то сорок семь с гаком метров в том памятном столпе.

С опозданием, случайным или нарочитым, зажегся мощный прожектор с другого грузовика. Ослепительный луч выхватил второй флаг — ровно и однозначно красный. Символ нового времени поднимался вверх.

Над площадью воцарилась тишина, слышно было лишь постукивание генераторов прожекторных установок. Красное знамя, сияя в резком свете, поднялось к вершине. Но и триколор не ушел вниз, не сгинул, оставшись виться на середине колонны, пусть и ослабел подсвечивающий его прожектор. В намеках и символах многоопытная товарищ оборотень знала толк.

Площадь смотрела на красный флаг взлетевший, казалось, в самое небо, к руке ангела, и сейчас трепещущий бок о бок с крестом-древком. Провожающий полотнище луч уперся вертикально вверх, должно быть, видимый почти по всему городу. Сигнал...

Гроыхнуло баковое орудие крейсера на Неве. Многоствольно отозвалась батарея Петропавловки и долгое-долгое эхо пронеслось над Зимним и мостами, ушло к вокзалам и Выборгской стороне...

В тишине погасли прожектора. Приглушенно заговорила, зашевелилась площадь.

— Ну, это, к торжественному маршу или как-то? — с машины вполголоса уточнила товарищ Островитянская у кого-то сведущего.

— Слеееева, поооо-взводнооооо, шагом арш! — подал команду наработанным голосом один из командиров уходящего караула.

Штаб-машина вздохнула и выдала "Прощание славянки"...

Катрин осознала, что ей жарко до невыносимости. То ли новая кожаная куртка оказалась слишком теплой, то ли еще что-то... скорее всего нервы. До последнего момента ждала выстрела, пулеметной очереди, взрывов гранат, а то и чего-то мощнее...

Прошли, стараясь не ударить лицом в грязь, господа юнкера. Прошагали немногочисленные казаки. Строевая подготовка барышень-ударниц могла бы приравняться к талантам в шагистике некой старшей сержантки — в былые годы до парадов как-то ноги и руки не доходили. Впрочем, и тогдашней сержантке простительно, и ударницам позволительно — не для парадов в армию ходили. Цветы у великана-кронштадца, здешние красавицы, конечно, брали далеко не все. Но у кого-то в руках гвоздики все ж белеют и алеют, а вон цветок и ствол винтовки украшает. Традиция. Как и пренебрежении дисциплинкой — одна служивая из строя выскочила, к штаб-машине юркнула. А, это по песенному вопросу. Вот и товарищ заводелом спохватилась, замелькали пачки аполитичных листовок: "Как хороши в России вечера", "Есть только миг" и на обратной стороне всякий случай отредактированный лично заводелом вариант "Марша Коминтерна". У нас же очень общий орготдел. С песнями случилось некоторое нарушение авторских прав, но это как раз тот случай, когда простительно. Революционная ситуация, куда уж дальше, мобилизовано все что можно.

— Пленка осталась последняя, — предупредил режиссер.

Оператор неохотно прекратил стрекот:

— Знаешь, Дзига, чего я теперь больше всего боюсь?

— Запороть при проявке?

— Это само собой. Но еще больше я боюсь, что это какой-то сон. Или спектакль вселенского масштаба. Так в жизни просто не бывает. Розыгрыш какой-то. Нам с тобой не поверят. Камере не поверят.

— Истории нет, пока ее не смонтируешь, — усмехнулся Ветров. — Склеим вариант чуть достовернее, поверят, куда им деваться.

В этот миг на левой стороне площади ударили пулеметные очереди. Катрин, с некоторым горьким, но облегчением, вскочила на сиденье. Броневик... Без всяких опознавательных полос. Только вперся и сходу полоснул. Свои бронемашины все на противоположной стороне, тут только поредевшая толпа медлительных думцев и группа красногвардейцев. Многих положит, гад бронированный...

— Колька!

— Есть! — пилот газанул.

— С машины! — Катрин без церемоний вышвырнула киношников — оператор шлепнулся на спину, героически прижимая к себе треногу с бесценным аппаратом.

"Лорин" понесся навстречу броневику, на подножку машины прыгнул кто-то из бойцов, чудом удержался...

Кончился водевиль с салютами и оперетками. Началась проза жизни, летели в лицо веера свинца со скоростью шестьсот пуль в минуту...

Глава двадцатая. Проезжая по Северной Пальмире

Дворцовая, Невский и далее

Час X + 21 минута

Революция — фантастически мощный выплеск энергии. И оседлав этот взрыв идей, ударную волну порванных в лохмотья нервов, взлет эмоций и событий, мчишься вперед не прилагая усилий. В светлое будущее ли тебе лететь, иль к скорой, неизвестной или ярчайшей гибели — значения уже не имеет.

Катрин повезло — сошлись оба варианта. Смерть предстояла быстрая и верная, но и светлая — ацетиленовый фароискатель гадского броневика бил прямо в глаза, ослепляя. Вдобавок шпионку придавил с размаху плюхнувшийся в машину не мелкий боец в полной выкладке, опершийся прикладом о больную ногу, но это уже мелочи...

Казалось, "Лорин" единым противоестественным прыжком сократил половину расстояния до припозднившегося бронированного гостя. Ослепленная Катрин едва различала уворачивающиеся от бампера лимузина смутные фигуры: они шарахались, отпрыгивали, матрешками катились по мостовой Дворцовой.

Криков слышно не было: "лорин", оглохнув в неистовом свете и реве двигателя, несся на броневик. Прямо в лоб. И орать что-то ошалевшему от азарта Кольке было бесполезно. Он и раньше отъявленным самоубийцей в миру числился.

Впереди сквозь сияние прожектора запульсировало... ударил лобовой пулемет броневика. Колька, укрываясь, нырнул вниз — даже кепки не видно, одни лапы в крагах — вцепились в баранку намертво. Под пулю не желает, непременно ему надо влестись всем железом. Есть в этом своя логика, есть...

— Давай! — зарычала Катрин шинельному соседу, спихивая солдата со своего бедра,

вскинула маузер...

Свинцовые пульсации вражеского "максима" пока миновали атаковую машину — то ли ограниченный горизонтальный угол прицела не позволял всадить очередь, то ли у пулеметчика тоже оказалось очко не железное, мазал второпях. Бронированная громада росла в размерах, "лорин" спешил вмяться в нее своим продолговатым, но весьма легковесным для таранных маневров телом. Сейчас заскрипит, корежась, жесть, лопнет фанера, расщепиться красное дерево отделки...

Вспомнилась почему-то вскрываемая штыком банка тушенки. Зверски иной раз та тара вспарывалась, чего уж тут. Разодранный металл, брызги мяса и жира. Хотя с чего вдруг жир? В хорошей спортивной форме помираем, даже как-то жаль...

Катрин успела выпустить три пули, автомат соседа поддержал. Целились по вспышкам пулемета, хоть кожух ему продырявить напоследок, что ли...

Броневи́к — это сияние на угрюмом стальном постаменте — затмил весь мир. Всё...

Захотелось заорать "мама", но поминать родительницу было как-то ни к чему, потому шпионка прошептала иное, глупейше зажмурилась и машинально вцепилась в ремень соседа...

...Почему не вцепились, Катрин так и не поняла. Просвистели мимо клепаного броневое бока, сквозь облако пороховой вони. Что-то торжествующе орал Колька, шпионка ощутила явственный порыв двинуть рукоятку маузера по появившейся над передним сидением кепке героя-шофера.

— Отвернул, гадюка! — вопил виртуоз, руля.

Катрин отложила воспитание душегубца-водителя до иного случая. Похоже, броневик действительно дал задний ход, что и позволило машинам разминуться. "Миллиметраж" как говорили в давние, не очень счастливые школьные годы. Исключительно чудом не убились. Вот же, сука, уродская техника, и водители уроды, и вся эта революция...

— Ну... — зарычала шпионка, отпуская, наконец, соседа, и с неопределенными целями вскидывая пистолет.

— Догоним! Не волнуйтесь! Щас мы его перехватим! — заверил Колька, закладывая крутейший вираж.

Катрин вовсе не была уверена, что броневик так уж необходимо спешно перехватывать, да собственно, и как это сделаешь? Но ситуация целиком оставалась в лапах тирана-водителя...

На повороте пассажиров чуть не вышвырнуло из "лорина".

— Никола, аккуратней, в сопли размажешь! — взмолился автоматчик.

— Сейчас-сейчас, мы его мигом! Погодите! — ободрил стервец за рулем.

Развернувшийся лимузин радостно взревел и рванул в погоню. Броневи́к шустро уходил задним ходом к Адмиралтейству. Прожектор бронемшины погас, сейчас лишь фары "лорина" на мгновения цепляли серый бок удирающего противника. Ну да, во время лобовой атаки ведь и световое вооружение лимузина порядком слепило врага. Война нервов, пулеметов, десятков "свечей" и "лошадиных сил", чтоб они все сдохли...

— Коля, он же сейчас нас из пулемета! — осознав, в панике заорала Катрин.

— Не успеет, ему сворачивать! — успокоил юный шофер, бросая машину вправо.

Действительно, кормовой пулемет врага успел выдать куцую очередь и броневик свернул к Невскому, упустив преследователя из сектора обстрела.

Бесстрашный экипаж Общего орготдела гнался за бронемашинной, принадлежащей к

числу моделей не самых распространенных, безбашенных и в самом прямом смысле этого слова. По сути, это было шасси грузовика, тщательно оббитое катаной хромоникелевой броней. Вооружен соперник на данный момент по схеме "дави-тикай": пулеметы в лобовой и кормовой амбразурах, бортовые бойницы задраены.^[47] Не самый приспособленный к уличным боям бронезверь, но как его уничтожить, не имея противотанковых ружей, ПТУР и прочих базук?

Удирающий агрегат задел баррикаду у Адмиралтейского проезда, но это броне-гада не задержало — не снижая скорости, вырулил на Невский.

— Тарищ капитан, а как мы к нему подступимся? — задал закономерный вопрос автоматчик — в котором Катрин с некоторым опозданием, но без особого удивления опознала Василия-снайпера широкого профиля.

— Да хрен его знает, — шпионка полезла в карман за свежей обоймой, но мероприятие по перезарядке пришлось отложить — взявший след "лорин" скакал по подпорченной возведением баррикад мостовой чересчур непредсказуемо.

— Никола, ты только бронник больше на таран не бери, — проникновенно попросил боец.

— Да с чего вы взяли, что я машину буду портить?! — возмутился специалист баранки. — На испуг брал. Оно и получилось.

— Ладно, а сейчас как? — поинтересовалась Катрин, вполне согласная что "на испуг" взять получилось, и не только с броневиком. — Догоним, и...?

— Я догоняю, а вы уж как-нибудь останавливайте. Это ж военный момент, мне его откуда знать? — справедливо удивился Колька.

Мимо промелькнула Мойка, Строгановский дворец.... Несмотря на глубоко ночное время, народу на проспекте стало больше. То ли торжества на Дворцовой разбудили обывателей, то ли...

— А он ведь сейчас пальбу откроет, — сообразила Катрин, оценивая широченный как полковое стрельбище простор Невского.

— Не подставимся! — заверил шофер. — Только вы уж как-то не теряйтесь, останавливайте уroda, а то страшновато.

Легкий "лорин" мгновенно прибавил газу, ушел в сторону, выскочив правыми колесами на тротуар, необъяснимо умудрившись не задеть фонарный столб... Вовремя — заплясал огонек у пулеметного дула на броневике. Свиста пуль было не слышно, но народ на панелях Невского, наконец, бросился врассыпную...

Очередь ушла выше — по стенам домов, бронепулеметчик поправил прицел, вновь вдавил гашетку, но коварный Колька уже бросил машину влево. Несколько пуль все же задели заднее крыло, водитель негодуяще взвыл, добавил газу. Визжащий лимузин практически настиг броневик, держался-танцевал сзади и левее, то и дело запрыгивая колесом на поребрик. Трясло немилосердно, но рыло кормового пулемета, судорожно дергаясь, не могло повернуть и достать столь близкого преследователя.

— Давай по кожуху! — лязгая зубами, проорала шпионка.

Бить прямиком в броню броневика смысла не имело — она хоть и противоположная, уязвимая на сверхкороткой дистанции, но относительно легкие пули "маузера" и японского боеприпаса "федорова" вполне отражала. Имелась бы в машине "трехлинейка" — другое дело. Но кто знал...

Стрелки "лорина" открыли огонь, имея целью ствол кормового "максима". Попасть при

такой скачущей езде даже в стену дома было проблематично, но все ж из десятка пуль одна задела пулеметный кожух, из пробойны брызнула струйка воды...

— Отлично бьете, Катерина Георгиевна! — восхитился автоматчик.

— Да это ты словчил... Амбразура!

Из броневика пытались открыть ответный pistolетный огонь, но эту глупость агенты Общего орготдела пресекли немедленно. Катрин била с двух рук, автомат неслабо поддерживал, пули вышибали искры вокруг амбразуры, надо думать и внутрь что-то влетело, по крайней мере, от мысли продолжать дуэль бронеходчики отказались.

— Под пулемет не суйся, — предупредила шпионка, пытаясь догадаться, что делать дальше.

— Естественно, они же и без охлаждения полоснут, — ответил юный водитель, временами проявляющий удивительную трезвость мышления, но исключительно по технической части. — А он сейчас свернуть норовит!

Как можно догадаться о намерениях экипажа туповатой и полуслепой стальной колымаги было не ясно, но перед мостом броневик действительно свернул на набережную. На бешеной скорости около двадцати пяти верст в час погоня пролетела мимо Казанского собора.

— Вася, у тебя же гранаты есть?

— А как же! — отозвался боец. — Но они того... "бутылки". Противотанковую бы, закинуть ему в кузов, глушануть.

— Да хоть как. У меня только дымовые, вперед по курсу бросать их бессмысленно, он мигом проскочит, — Катрин выругалась.

— А в кузов? Ослепим, потом я запрыгну и в кабину дым переброшу. Пусть нюхнут.

— Это же тебе не кино с ковбойцами, по машинам да паровозам сигать, — заворчала шпионка, но принялась доставать дымовые гранаты. — Давай так: фугасную подальше вперед, пуганем гада, а потом дым — может, смутим. Если очко у него сыграет и тормознет, придется штурмовать. Возьми pistolет. Справишься?

— Вот прямо обижаете, — Василий сунул один из "маузеров" за борт шинели, принялся готовить гранату...

Гранатометчиком он оказался изумительным — "бутылка" улетела далеко вперед, но рванула точно перед носом броневика. Стальное чудовище вильнуло, Катрин, подготовившая дымовую, успела проорать "внимание!". Дальше необходимость в руководящих действиях отпала, поскольку все замелькало очень быстро...

Потерявший управление бронеход нелепо повернул, с маху бухнулся носом в афишную тумбу у Банковского моста. Предмостные позолоченные грифоны крякнули от неожиданности, внутри броневика что-то загремело и зазвенело, двигатель заглох. "Лорин" вовремя затормозил, Василий, словно по инерции взлетел из машины, пробежал по длинному капоту и перепрыгнул в неуклюжий броне-кузов врага. Катрин перебросила бойцу уже дымящуюся химгранату, ловкач сходу зашвырнул ее в бойницу пулемета и мгновенно присел под защиту рубки. Вскинул pistolет, круто выворачивать кисть ему было неудобно, но подготовка сказалась — твердой рукой высадил внутрь броневика остаток магазина...

Из щелей и амбразур бронемашины повалил густой дым. Внутри было тихо, потом надрывно закашлялись, завозились.

— Живьем! — едва слышно предупредила Катрин, готовя автомат.

Василий пятился от дыма, стоять в кузове было уже невозможно. Шпионка, не опуская

непривычно массивный "федоров", выбралась из лимузина. Травмированное бедро о себе почти не напоминало, но упускать из вида неполноценность собственного физического состояние было неразумно.

Пятиугольная единственная дверь броневика распахнулась, клубы дыма повалили гуще, среди них вывалилось что-то плотное — Катрин рассмотрела плечо в кожаной куртке, бессильно вытянутую по булыжнику окровавленную руку. На безжизненное тело бахнулось еще одно, с виду пободрее, не очень осмысленно, но торопливо поползло прочь от дыма: шинель задралась, шаровары сползли, белело исподнее. Вот остановился, разразился судорожным кашлем... Василий напрыгнул болезному на спину, ткнул стволом пустого "маузера" между суконных лопаток:

— Руки за голову!

Плененный пытался исполнить приказ, задрал было грабли, но его снова скрутило в кашле. Боец за шиворот поволок задыхающийся трофеей подальше от дыма...

Катрин держала на прицеле двери броневика, но удушливое нутро не подавало признаков жизни. Или уже задохлись, или противогазы у умников нашлись. Но, вероятнее, они там еще раньше кончились — Вася внутрь весьма толково пули вгонял.

— Держи колымагу на прицеле! Если что, пали сразу, — приказала Катрин.

Колька ухватил поданный "маузер"...

Давить клиента нужно, пока не продышался.

— Алекс, кончай задохлика, — очень равнодушно сказала Катрин, подходя к кашляющему и его охраняющему. — Все равно не жилец, дуче-кислота легкие выжрала.

— Так хоть в рожу скоту гляну, потом пристрелю, — отозвался Василий, даже не моргнув глазом на манерного "Алекса" и загадочную, но убийственную дуче-кислоту.

— Что там смотреть, все они одинаковые, — шпионка брезгливо ткнула стволом автомата в давно не стриженный, сальный затылок пленника. — Глянь, за ушами уж газовая бурость пошла. Сейчас отмучится.

— Как отмучаюсь? Почему не жилец?! — с трудом выкашлял плененный бронеходчик, и попытался поднять голову.

— Лежи, стервец! Поздно извиваться. Подыхаешь, и в больницу иль на погост тебя никто не повезет. Как окочуришься, в канал спихнем, авось пескари не подавятся.

— Не-не, нада в больничку. То не по-людски выйдет, — умирающий решительно приподнял тылы.

— Не хоца подыхать?! — Катрин наступила на широкий крестец, вновь прижимая страдальца к мостовой. — А ты наших жалел? Вы на площади весь штаб положили и трех генералов! Одной очередью! Сука говенная, ты что себе думаешь?! Пожалеем?! С какой стати тебя жалеть-лечить? Алекс, дай финку, я ему горло до пупа вскрою. Пусть продышится напоследок, свои потроха потискает, прежде чем пескарей угощать.

— За чо?! — возопил пленник, лихорадочно отхаркиваясь. — Меня силком заставили! Я же свой, товарищи! Нижний чин, механик из автороты. Меня в подвале держали. На одной водиче! Я пострадавший и заставленный! Посадили, наган в ребра, рули, грят, куда скажем!

— Это какие мы тебе "товарищи"? — уже безо всякой любительской театральщины процедил Василий.

— Так откуда мне знать?! Ну, пущай, господа. Хоть кто. Ваши благородия, я ж невиноватый, чистым русским языком объясняю...

Катрин дважды двинула выдающегося филолога под ребра. Тот вновь зашелся кашлем.

— Впустую время теряем. Бурость уж на затылок лезет, — с отвращением отметила Катрин.

Пленник в ужасе схватился за темя:

— Подохну ведь! Бога ради, в больницу свезите...

— Ты с кем на площадь ехал?! Быстро говори! С кем, откуда, кто послал, зачем рулил?

Живо, сдохнешь с минуты на минуту, падаль голожопая!

Заговорил. Спешно, с перепугу почти не кашляя...

...- пулеметчики, они всего два слова по-русски умеют, да и то через пень-колоду. Все "пщел, свыныя" да "пщел, свыныя" А есаул — тот хоть беспалый, но знающий, объяснял как ехать. Грит: "я здесь сойду, заберете по возвращении, а то опять заблудитесь". Ваши благородия, они ж мне говорили, что только панику навести надо. Вот ей богу — что только напугаем, мне грили. И наганом, наганом... Что по штабу, да очередями о том уговора не было. Да ежели бы я знал...

— Где вы есаула забрать должны? Живо, урод, живо!

— Так тут недалече. Как она... Подъячья улочка, что ли...

Катрин и Василий одновременно ухватили убогого за шинель, вздернули на ноги:

— Заводи свой примус. В минуту управишься — жить будешь.

— Так я отравленный, мене в больничку надоть... — зароптал пленник. — Помираю...

Боец-"попутчик" вполсилы угостил "помирающего" по почкам — тот слегка блеванул желчью, но дискуссия по поводу немедленной госпитализации на этом и закончилась.

Выволокли из бронемашины второго пулеметчика — вонял дымом, но новенькая куртка оказалась непоправимо испорчена пулевыми отверстиями — помер не от удушья. Коротковатые рукава задрались, на предплечьях ветвился рисунок знакомой татуировки.

У техники и убитых потихоньку собирался народ. Несмотря на ночь, на набережной откуда-то взялись мальчишки, орали всякое разное — к выдумыванию слухов в Петрограде относились с большой любовью. Но слушать было некогда.

Сволочная бронетехника завелась не сразу. Колька лазил в тесноту моторного, совмещенного с боевым, отсека, помогал с магнето, наконец, затарахтели...

— Дверь не закрываем, — Катрин, забыв о подшибленной ноге, скользнула в ядовитую рубку. — Никола, живо в отдел, опишешь ситуацию.

— Я с вами!

— Поговори еще!

По удобству для экипажа и эргономике броневик сильно проигрывал "лорину". И дышать тут было трудно, несмотря на распахнутую дверь.

— Ежели вы из Общего орготдела, то должны решать по справедливости, — угрюмо указал скорчившийся за баранкой водитель. — Не старое время, нет сейчас таких законов, чтобы умирающих принуждать...

Василий ободрил "умирающего" по шее.

— Добавь ему еще разок и дальше поедем с полным концентрированным вниманием и сугубо умными мыслями, — Катрин попыталась снять кормовой пулемет и улучшить вентиляцию, но разобраться на ходу и практически на ощупь с незнакомой подвеской станка не вышло. Шпионка в земноводной манере обругала негодное вооружение. Броневик продрынчал по Вознесенскому проспекту, вновь свернул... Дело выглядело безнадежным. Есаул Кулаковский — личность весьма безумная, но отнюдь не глупая. Слинял уж наверняка.

— Совсем спятил, — в изумлении пробормотала Катрин, глядя на фигуру в бекеше, торчащую на углу у темной аптеки. Почему-то есаул даже не смотрел в сторону довольно шумной бронетехники, замер, подняв голову вверх, словно подставляя лицо лунному свету, которого, кстати, вообще не было в эту темную историческую ночь.

— А это точно он? — с удивлением уточнил Василий.

— Я его спину недурно помню. Насмотрелась когда-то.

— Так чего он так? Замороженный какой-то. Пьян, что ли?

— Берем, какой есть. Может, протрезвеет.

Броневик остановился, и пан Куля, наконец, повернулся к машине.

Василий подпихнул водителя к двери.

— Вашбродь, у нас все побиты да поранены. Выручайте, — с болезненной достоверной гримасой прохрипел шофер, высовываясь из неуклюжего люка.

Катрин ожидала, что есаул метнется прочь — помнится, резв он был и весьма догадлив. Стрелять придется через бойницу, главное, не зацепить в организме мерзавца чего-то жизненного.

Но пан Куля как ни в чем ни бывало, легкой походкой направился к бронемашине. С лицом его было что-то не так. Контужен, что ли?

Есаул подошел вплотную к люку, ухватился за броню своими неполными ладонями. И только теперь взглянул вглубь боевого отделения...

И встретился взглядом с Катрин.

— Ночь сырая, а вы все гуляете, пан есаул.

Вот теперь есаула контузило. Лицо Кулаковского перекосило. Сильно. Вся левая сторона куда-то съехала, частично оскалились зубы. Катрин испугалась, что с паном Кулей приключилась серьезная неприятность медицинского характера типа инсульта. Онемает, возись с ним теперь.

Есаул отшатнулся — резво, как в былые времена. Катрин, понимая, что стрелять опасно, достала его тростью — окованный серебром кончик безжалостно уколол врага в просвет меж пол бекеша.

— Ыыы! — утробно ахнула жертва, валясь на колени и хватаясь за пораженные ценности.

— Толковая тросточка, — подивился Василий, выскакивая к добыче.

— Так генеральская. Умели делать.

— А револьвер у него в левом кармане! — проявил из-за руля полную революционную и всякую иную сознательность подвальный страдалец-сиделец...

Пан Кулаковский был жив, относительно цел, но не в себе. Да и на ногах стоять не мог. Пришлось загружать в согнутом состоянии. Впрочем, в бронефике изрядно дуло, не задохнешься и лежа на полу. Пленник пребывал в состоянии ступора — от стресса или под воздействием неких веществ, было не совсем понятно...

Взбунтовался пленник через несколько минут. Внезапно судорожно забился, едва не вышиб автомат из рук Василия, рывком дернул к двери, попытался выскочить, а когда не вышло, принялся колотиться о люк головой. Бронефик зарыскал, едва не выскочил на тротуар, шофер заскулил и запричитал. Сам бунтарь-террорист членораздельных звуков не издавал, только низко, нечеловечьи рычал. Руки ему Катрин стянула надежно, иначе вообще было бы непонятно, как с ним справляться. "Попутчик" двинул безумца по темени — тот, наконец, обмяк.

— Что-то ты все осторожно и бережно, впорсилы, а сейчас от души приложил. Как бы не случилось непоправимого сотрясения остатка мозга, — отдуваясь, высказала опасение шпионка.

— Бомба жестяная, башка у бандеровца будет куда потверже, — успокоил Василий, цепляя гранату обратно к поясу. — Вот это очевидный, показательный вражина, таких мы еще не брали.

— Это да...

У Аничкова моста навстречу броневнику свернул "лорин" с товарищем Островитянской и охраной.

— Управилась? — встала в машине заводителом. — Катерина, пересаживайся. Опаздываем мы. Товарищи без тебя этот колесный сундук и остальное отконвоируют...

* * *

— А куда мы, собственно, так летим? — поинтересовалась Катрин хватаясь за сидение Колька вновь гнал в своем фирменном стиле, благо улицы практически опустели, заграждения были раздвинуты, а пикеты узнавали машину издали и шарахались с проезда заблаговременно. Изредка взвизгивали тормоза, качало как в девятибалльный шторм.

Да, в определенном смысле броневик — неторопливый и малоскоростной, имел свои преимущества.

— Как куда?! — поразились оборотень. — Я для чего тезисы готовила, умственным потом обливалась? Все эти ваши погони — рутина, тщета и суета, главное ведь сейчас...

— Прости, мне этот бронесарай все мозги растряс.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов уже открылся. Лоуд выступает одной из первых, и это тот редкий случай, когда оборотню была необходима моральная поддержка. Конечно, земноводного профессора галетами не корми, дай выступить перед достойной аудиторией. Но сейчас что-то не на шутку нервничает заводителом.

Лоуд придвинулась к напарнице и прошептала:

— А ведь не справлюсь я. Набросала всякой ерунды, не тезисы, а сплошь безграмотная и наивная шмондюковина, сущий дитячий лепет.

— Перестань. Если не ты, то вообще непонятно кто. Тут собрались или теоретики, или практики. Ты из редких практикующих теоретиков. Уникальный опыт, широчайший кругозор. Абсолютная незащоренность взгляда, отсутствие ангажированности и полная непредвзятость суждений.

— Это конечно, тут не поспоришь, обязана я помочь строительству нового мира, — оборотень вздохнула. — А ведь надлежит нам, Светлоледея, сворачивать свою работу. Пора и честь знать. В чистую политику вступаем, тут мигом за жабры возьмут, квакнуть не успеешь.

— Ты же говорила — есть еще временной резерв.

— Есть. Как ему не быть. Но размером он с черноперью какашку, — Лоуд вздохнула, посмотрела в темное небо и сказала погромче, минорно и отстраненно:

— Меня убьют на рассвете. Взойдет солнце новой эпохи, а товарища Островитянской уже не будет под его ласковыми, пусть и жгучими лучами.

— Да вы что, тетя Люда?! — ахнул Колька и машину разом повело в сторону. — Разве можно такие суеверия ляпать?! Вот не ждал от вас.

— Ты рули, а то вообще все разом и внеурочно угробимся. Я в широком смысле говорю, аллегорическом, — пояснила товарищ Островитянская. — Ибо строить новый мир, это тебе

не бензин втихомолку сливать из полковых грузовиков. В пять минут не справишься. Тут годы и годы упорного труда. Молодые, конечно, дотянут, вволю проживут в новую сияющую эпоху, а те кто постарше годами...

— Вы же совсем молодая, — запротестовал водитель, как и все сопляки (собственно, и не только сопляки) крайне чувствительный к несравненному женско-земноводному обаянию тов. Островитянской.

— Да я в большей степени о Катерине, — пояснила оборотень. — Она глубоко семейная, бытом замордованная.

Колька кинул сочувственный взгляд на рослую шпионку и утешил:

— Сейчас надежнейшую модель электроутюга изобрели. Чрезвычайно полезная и прогрессивная техника. Как у нас начнут производить, сразу случится заметное облегчение в домашней работе, вот увидите.

Даже не поймешь, кто из этих двоих откровеннее глумится. Но домой захотелось сразу и сильно. Катрин попыталась припомнить, когда в последний раз брала в руки утюг. Кажется, случайно в "Померанце". Вышла там смехотворная дискуссия с сильно пьющим представителем местной ретроградной аристократии.

О, боги, как прицепится эта терминология...

— Никола, пистолет сдай.

— Вот отчего это сразу "сдай"?

— Сдавай-сдавай, этот ствол у меня пристрелянный. Тебе другой выдадут, в спецшюферской комплектации. Морду не морщи, это я тебе как работник орготдела обещаю.

* * *

Революционный улей Смольного жужжал в максимальном напряжении. Открытие Съезда формально состоялось, но пока шли выступления по порядку ведения и выбору президиума. Товарища Островитянскую немедленно пленили какие-то озабоченные функционеры счетно-мандатной комиссии, увлекли в недра здания. Катрин в полной мере осознала, насколько здесь ждали деятельную заводу. Да, вот так гоняешь террористов, а ведь главные события действительно происходят именно здесь. И хрен переломишь необратимый ход истории какой-нибудь случайной пулеметной очередью или тротильным зарядом.

С самой Катрин тоже многие здоровались. Пожимая руки знакомым и незнакомым товарищам и кратко информируя о нейтрализации буйного броневика, шпионка дохромала до актового зала. Из аудитории доносился бубнеж микрофона, гул и выкрики оппонентов. Зал был забит до отказа, клубился табачным дымом, любопытствующие тесно толпились в дверях и коридоре. Надо было бы повесить объявление, что при проходе в зал штывы с винтовок уместнее отмыкать и переворачивать, а гранаты сдавать в гардероб — тут явная недоработка орготдела.

Укс сидел на коридорном подоконнике, пил чай из внушительной латунной кружки и скептически прислушивался к происходящему в зале. Кивнул:

— Приехали? Что с дрянью на колесах?

— Наша теперь дрянь. Заступит на службу Советов. Если, конечно, до Смольного сумеет додобраться.

— Умеете, — сделал сдержанный комплимент Укс, извлек из-за спины вторую кружку. — Будете? Горячий еще. Заварка наша, с пальцебодром.

Катрин взяла тяжелую самодельную кружку из гильзы трехдюймовки. Вкус чая чужого

мира в этом коридоре был странен и отчего-то навевал печаль.

— Понимаю вашу увлеченность, — Укс кивнул в сторону зала, — но мальчишку вы загоните. Третьи сутки душитесь в проводах и микрофонах. Я и сам придерживаюсь принципов строгого воспитания, отнюдь не склонен потакать. Но Логос уже корчит рожи — здравомыслие протестует.

— Я говорила, что столько техники не к чему. Грушеед ваш недурно справляется, но ведь перебор.

— Это все Безголовая, — проворчал бывший дарк. — Непременно ей нужно все в охапку сгрести и сверху водрузить тройную колоннаду коринфского ордера.

— Увлекается. Впрочем, событие уникальное, можно понять. Сейчас выступать будет. Слушать пойдешь?

— Надо. Какой никакой, а друг. Как не поддержать, — без восторга молвил Укс.

Слышать от вечно мрачного легковесного мужика, конченного эстета-социопата, слово "друг" было удивительно. Не замечалось в лексиконе бывшего дарка этого слова и вот, пожалуйста. Истинно исторические дни.

— Наверное, в зал мне уже не протолкаться, — призналась Катрин. — Ногу окончательно отдают.

— Вы, леди, из орготодела или как? Смысл пропихиваться, если можно войти с другой стороны?

— Гм, тупею. Негативное воздействие гонок за броне-драндулетами.

— Откровенно говоря, я бы к подобному механизму вообще не рискнул приближаться. На редкость неэстетичные устройства, Логос тому свидетель. Весьма запомнилось, как вы его прямолинейно атаковали, — сделал еще один редчайший комплимент Укс.

В зал зашли с другой стороны, здесь тоже было тесновато, в основном толпились балтийцы, но место представителям Общего орготдела нашлось. Укса моряки, кстати, знали.

— Сейчас Дан и Каменев^[48] опять по ведению, а потом ваша об общей ситуации, — разъяснил текущий регламент рябой кондуктор. — Слышь, товарищ Укс, а что верно говорят, что Людмила с десяти лет на шаланде в море ходила, сети ставила?

— Не знаю уж с десяти или нет, мы тогда еще были незнакомы. Но гребец она прирожденный, сети и переметы ставит, дай боги каждому, да и острой бить весьма привычна. Рука крепкая, того не отнять, — веско подтвердил Укс.

Кондуктор обернулся к своим:

— Так-то вот! А то бубните: "из интеллигенции, из интеллигенции".

— Она и из интеллигенции тоже, — уточнила Катрин. — Баркас судьбы нашей товарища Островитянской взял курс на самообразование, грести там пришлось неустанно, но упорства Людмиле было с колыбели не занимать. До университета догребла. Вы, товарищи, имейте это в виду, поскольку новая жизнь требует новых знаний. Одними наганами мы с вами явно не управимся.

— Очень верно, — согласился кондуктор. — А вот если взять вас, товарищ Катерина...

Катрин не очень любила, когда ее брали (пусть и фигурально выражаясь) малознакомые любопытствующие граждане, поскольку врать умела так себе, а прямолинейно "посылать" братву вроде бы не за что. Общий орготдел — он на виду, организация публичная, товарищи вполне законно интересуются...

К счастью, Дан, наконец, закончил зачитывать список избранного президиума.

— Слово предоставляется независимому депутату от профсоюзов, заведующей Общим

орготделом, товарищу Островитянской! — неожиданно четко сообщили динамики.

Зал ответил одобрительным ропотом — сдержанным, но дружным.

Идя к трибуне, завотделом задержалась, здороваясь с кем-то за столом президиума. В демократичном, но хорошо сидящем жакете, в красной косынке, товарищ Островитянская выглядела утомленной, но уверенной в себе. Милая женщина лет под сорок, хорошо известная и вполне понятная большинству собравшихся.

На кафедру-трибуну, унаследованную от здешних институтских лекций, но уже порядком обшарпанную в своем новом и бурном революционном бытие, завотделом заходить не стала. Оперлась об угол кафедры и глянула в зал.

Зал, белостенный, увешанный сияющими, морально устаревшими, но прекрасными "бальными" люстрами, умолк.

Этот зал, набитый вооруженными и невооруженными людьми, утопающий в табачном удущье, пахнувший казармой, близкой войной и цветами — кроме обильных красных гвоздик, развешанных по стенам, на столе президиума красовались астры и букетище-сноп внезапных огромных ромашек — весь этот зал, не столь уж большой, но и отнюдь не маленький, выглядел плацдармом неопределенного, но однозначно бурного будущего.

В будущее и смотрела женщина у трибуны.

Товарищ Островитянская, даже не пытаясь потянуть к себе микрофон, обыденно сказала:

— Ну, главную новость все уже знают? Социалистическая революция, о необходимости которой говорили мы все, свершилась!

Зал взорвался аплодисментами. Новость, уже не бывшая новостью, но объявленная именно в такой своей, удачной и лаконичной форме, заставила всех поверить в главное — да, свершилось!

Катрин осознала, что и сама аплодирует. Вот черт его знает, почему. Просто сказано было хорошо. Без перебора пафоса. Конечно, формулировка слегка заимствованная, но раз она здесь не прозвучала, не грех и воспроизвести крылатые слова. Упрекать урожденного оборотня в нарушениях буквы копирайта немного странно.

Товарищ Островитянская повела рукой, прося тишины, и продолжила:

— Народ сказал — Вся власть Советам! И сделал! Без выстрелов, без штыковых, без ненужной и претящей нам крови обманутых солдат, казаков и офицеров. Мешали нам? Мешали! Но с нервами — с нашими, проверенными, стальными, легированными, пролетарскими нервами-тросами — никому не дано совладать! Огромное спасибо Красной гвардии, всем революционным солдатам, матросам и бронеходчикам, всем поддержавшим нас партиям и дружественным фракциям, за проявленную железную выдержку и хладнокровие! Так держать, товарищи! Мы свое гнули и будем гнуть! Да здравствует власть Советов!

Аплодисменты, переходящие в овацию и порчу паркета. Катрин малость оглохла: орали, рукоплескали, бухали о пол прикладами все без исключения. Коллеги из эсеров и меньшевиков, представители всяческих наблюдающих октябристов, кадетов и думцев, даже журналисты, не имеющие ни малейшего отношения к Красной гвардии и к дерзкому ВРК, тоже аплодировали, пусть и не так бешено. Всем хотелось надеяться, что у пролетариата и руководителей ВРК, у большевиков, нервы действительно стальные, что погромов, пулеметной пальбы, арестов и казней не случится, и вообще все как-то само рассосется.

Товарищ Островитянская ослепительно улыбнулась залу, помолодела лет на десять,

замахала ладошкой:

— Хорош стучать, товарищи! Дел невпроворот. Страна у нас в таком расхристанном виде, что просто ужас. На фронте непорядок, с продовольствием бардак, работы непечатый край. Кстати, разрешите доложить: броневик-провокатор обезврежен, взяты провокаторы, следствие идет вовсю. Петроград еще чистить и чистить, и мы это первоочередное дело по течению не пустим! А теперь, разрешите по повестке дня...

Завотдела взошла на трибуну. Зал перевел дух, поерзал, начал закуривать, с интересом глядя на ораторшу.

Товарищ Островитянская в легком замешательстве поправила косынку — Катрин уже и сама не могла понять — наигранный это жест или искренний? Наверное, и сами боги далекой Лагуны не могли бы понять, где заканчивается игра оборотня и начинается собственно земноводная личность. А может, и не существовало в Лоуд никаких границ? Игра и есть жизнь. Кажется, Лоуд эту философскую версию неоднократно с Уильямом обсуждала...

Вот завотделом разложила перед собой тетрадные листки с тезисами, посмотрела в них, сложила и с отвращением сунула обратно за борт жакета. Катрин знала, что напарница избрала строго-классическое начало.

— Вот стою я перед вами, простая прибрежная баба, штормами и бедами трепанная, врагами топленная, полицией загнанная, живучая, — негромко начала Островитянская. — Взметнула меня судьба и революционная целесообразность вот сюда, на эту трибуну. Стою я и думаю — зачем я здесь?...

Голос завотделом окреп — талантливый бандюган-звукооператор умело микшировал звук.

... - А здесь я, потому что надо кому-то здесь быть! Ни ради несметных миллионов золотых рублей, ни за славу и терема роскошные, ни из жажды безграничной власти и сладкой жратвы от пуза! За справедливость мы здесь стоим, товарищи! За равенство классовое, природное, и, не побоюсь этого слова, космическое!

...Гремел голос под белыми, пусть и тронутыми махорочной желтизной, сводами. Оседлала глава Общего орготдела волну внимания аудитории. Вот это она умела — продавить своей волей мысль слушателя, рассечь форштевнем земноводной логики, бестрепетно отбрасывая прочь все ненужное, или нужное, но не сейчас.

...- Хлеб в столицу уже идет. Пусть не густо, но идет. И пойдет лучше! Точнее, строже и тоньше нужно в этом важнейшем продовольственном вопросе, товарищи! Не грозить мифическими расстрелами, не кричать, что мы непонятно кого и когда к стенке поставим, а по-доброму, по-хозяйственному: не смог ты пропустить эшелон с хлебом, не хватило паровоза, нет у тебя в лавке муки, гноишь зерно в амбарах — э, видать, не на своем ты месте, гражданин, не справляешься со своим ремеслом. Так начни заново, начни с малого. Выходи на свежий воздух, стройся в колонну, лопаты да кайло разбирай, выходи за ворота, шагай укреплять насыпь у чугулки. Дело очень нужное, и особого ума не требующее, так, дорогой ты наш товарищ ВИКЖЕЛЬ?...

Прыгала мысль товарища Островитянской, по верхам скакала, но скакала чувствительно — по самым болезненным прыщам и чирьям бытия, иной раз нарочито упрощая, вульгаризируя, но глубоко вбивая жало идеи...

Не убивать! Убеждая, мобилизуя, иной раз принуждая, но не убивая. Прочь обманчиво простую идею "шлепнуть!". Не спасет и не поможет. Пусть медленнее, пусть порой отступая

и теряя позиции, но сберегая жизни и свое человечье лицо. Много об этом говорили и спорили, сомневались. И вот теперь...

...- Можем ли мы дать слабину, товарищи? Нам мир нужен, а немец вот он — на Невском! Мычит: эй, ступай домой, глупый Иван, брось винтовку, теперь мы, гросс дойчлянд, над тобою стоять будем. И что мы этому гнусавому гаду с его пулеметом ответим? Тут только одно сказать можно — стой, где стоишь, колбасное семя, только сунься к нам! А лучше повернись, да сам подумай, со своими буржуями побеседуй...

Дальше и выше рвалась мысль завождем. Бредовые истины? Или истина, изложенная в порядке бреда? Или это вовсе не самонадеянная оборотень несет с трибуны полную ерунду, а наоборот — этот октябрь-ноябрь абсолютно обезумел под крылом черного дракона-хаоса? Что делать? Как не ошибиться? Не имелось ответа у шпионки с двумя маузерами. Слишком грандиозна и масштабна проблема, ту проблему и полноценным бортовым залпом "Авроры" не завалить, хоть сто лет в упор расстреливай.

Не знала ответа на великий вопрос и товарищ Островитянская. Не знала, да и людям не слишком доверяла, но именно потому справедливо считала — кому как не людям их собственный человеческий вопрос решать? Разберутся, никуда не денутся. Потому и опиралась Лоуд на коллективный разум и здравый смысл гомо сапиенсов. Возможно, и напрасно упирала на столь неопределенную и шаткую субстанцию, да как же иначе проверишь? Только практикой. Или разберутся или друг друга перебьют. Тоже, кстати, результат.

...- Что есть для нас, товарищи, созыв Учредительного собрания? Еще одна бессильная и бессмысленная говорильня? Да, говорильня! Переливание из пустого в порожнее? Да, переливание! Но из этого бурления-переливания и нужно нам выстроить практичную и полезную водяную мельницу. Журчит-журчит, а ведь есть толк! Все должно идти на пользу народу. Даже болтуны! Никакого дармоедства, нам способности каждого члена общества важны, каждую пару рук к делу приспособим...

— Серьезно к делу подступает Людмила Батьковна, — пробормотал очарованно слушавший кондуктор. — Это ж какой хозяйственный характер у женщины!

Укс явно хотел скептически хмыкнуть, но сдержался.

Вот на "батьковну" ораторша сейчас совершенно не походила. Светлое, одухотворенно сияющее лицо, нежный румянец, блеск глаз... На вид лет восемнадцать, волшебна хороша. И как этого несоответствия не замечают?

Нет, не замечают. В зале само собой погасло большинство сигарок и папирос. Слушали напряженно.

...- Главное в чем, товарищи? В тщательности подхода, в трудолюбии и нашем природном великодушии! Да вы знаете, какие мерзкие типы попадают по текущим оргделам к нам в отдел? Гады, что аж трясет. Так бы и шлепнула! — товарищ Островитянская внезапно продемонстрировала аудитории "наган". — Вот — пулю в лоб и никаких проблем! Ан нет, шалишь! И суда еще не было, и вообще, какого черта мы за счет трудового народа их, медуз тухлых, закапывать должны? Нет уж! Пусть возместят наш душевный и материальный ущерб. Честным трудом! Нет, в непримиримом классовом бою, конечно, иное дело. Били и бить будем. Но после?! Нет такого гадского гада, чтоб не мог канавы копать и канализацию чистить. Между прочим, тут на Неве не акватория, а... Но не будем о грустном. Все вычистим и преобразуем. Не старые времена, чтоб кровью умываться и по каторгам жизни понапрасно губить. У нас все по-хозяйственному, по практичному! И наш орготдел

настроен оптимистично! Заканчиваю, товарищи. Стратегические решения примет Съезд, ВРК и иные ответственные лица и коллегии. Утром сам Ленин обещал быть! Он все умно расскажет, декреты обоснует. А от нас лично, и от орготдела, одна большая душевная просьба! Давайте-ка без штыков, гранат и иной артиллерии. К чему это шумное и кровавое дело? Живого внутреннего врага можно переубедить, а мертвого только закопать. Товарищи! Граждане! Дамы и господа, я и к вам обращаюсь, отнюдь не игнорирую! Леди и джентльмены! На повестке дня переговоры и компромиссы! Будет сложно, временами мучительно, будет тошнить. Но иного курса у нас нет. Закапывать врагов — дело скучное и утомительное, хоронить же друзей дело еще и донельзя печальное. Не пробовавших прошу поверить на слово — я знаю что говорю. Спасибо за внимание, товарищи!

— И ведь не возражишь, — шепнул Укс, но его заглушили аплодисменты.

На этот раз хлопали не так бешено, скорее, задумчиво, зато продолжительно.

— Все правильно, — бахая широкими ладонями, подтвердил кондуктор. — Молодец, Островитянская! Только про ледей напрасно. Ну, какие у нас тут леди?

— Я — леди, — призналась Катрин и улыбнулась. — Так уж вышло, братишка. Теченья жизни непредсказуемы, и курс у нас пока изрядно рыскает.

— Нет, если в этом смысле, то конечно, — согласился балтиец. — Лично мне леди вообще никогда не мешали. Пускай будут.

* * *

Когда шпионка и Укс зашли в отдел, товарищ Островитянская сидела за столом, обхватив красивую голову ладонями, и очевидно, жутко рефлексировала. Прапорщик Москаленко мялся у несгораемого шкафа.

— Прилично, — кратко оценил судьбоносное выступление, Укс, знающий свою родственницу как облупленную.

— Вот и я говорю, — поддержал прапор. — По делу и от души.

Завотделом тяжело вздохнула:

— Такой исторический момент, а я мямлю, мямлю... Гагара безмозглая. Непростительно. Прямо хоть топись.

— Ну, эти фантастически-нелепые идеи по утоплению ты отставь, все равно ничего не выйдет, — сказала Катрин. — А речь была глубоко правильной, потому что истинно верной.

— Язва ты, Светлоледа. И угнетательница политически незрелых народных масс беззащитного первобытнообщинного строя, — пробормотала Лоуд.

— Товарищ капитан, к чему тут ирония?! — встал на защиту завотделом Москаленко. — Хорошо ведь было сказано. Я с бойцами и обуховскими красногвардейцами стоял — одобрили единодушно.

— Я тоже одобрила. И тоже единодушно, — призналась Катрин. — Иронизирую из вредности. Правильные были слова. Учитывая ситуацию, видимо, единственно правильные.

Лоуд глянула из-под руки:

— Правда?

— Не дури. Когда я тебя обманывала?

— Ладно, — оборотень как-то очень по-человечески хлопнула ладонями по столу. — Работаем дальше. Время поджидает. Нужно закругляться. Мандатная комиссия проходу не дает: "в протокол данные занести, в протокол занести...". Тьфу, устроили из рабоче-солдатского съезда отвратительную бюрократическую волынку. Что мы тут, сионские мудрецы, сомнительные протоколы бесконечно разводите? Погубит нашу революцию вся эта

страсть к бумагомаранию. Кстати, нужно допросы завершить и точки расставить. Катерина, с есаулом беседовать будешь?

— На хрен он мне сдался? Суть мы знаем из трепа Ганна, подробности не интересны. К тому же он на наркотике сидит, ты сама приняхивалась. Нет, он мне еще тогда надоел, с полным набором пальцев. Моя ошибка, признаю.

— Не ошибается тот, кто ничего не делает, — напомнила товарищ Островитянская. — Какие предложения будут? Передавать мальчиков-поганцев ЧЮКе не стоит, эти шмондюки там такого наплетут, а газетчики подхватят...

— Собственно, какие тут предложения могут быть? Обоих кураторов в подвал и пломбу в лоб, — мрачно молвила Катрин. — Заслужили.

— С беззубым я бы еще побеседовала. Что-то я его вообще не поняла, — заявила оборотень и слегка замялась. — К тому же, как-то двулично выходит. Только что я глубоко и исторически вещала насчет аккуратности обвинительных приговоров, и тут же завизирую отправку в подвал.

Укс в полном изумлении воззрился на названную родственницу:

— Ты в своем уме?! Ты теперь гуманистка и противница смертной казни? Сейчас Логос вконец облюется.

— Чего ему облевываться, это же временно, пока я при исполнении обязанностей заводелом, — успокоила Лоуд. — Тут считанные часы остались, а я вдруг сфальшивлю и опущу планку личного уровня политического самосознания? Не будет такого облома! Кстати, ты же, Светлоледя сама талдычила "давай для прикола никого убивать не будем, возвысимся непомерно мыслёй и духом".

— Хрен с ним, с духом. Есаул и Ганн вообще не здешние, они считаются не будут.

— Как член научного сообщества, склонный к исследовательской деятельности, предпочитаю сохранить чистоту эксперимента, — веско сообщила оборотень. — Ганндюка и твоего орла беспалого приберем, больше и ты, и социалистическое отечество их не увидят. Что у нас с неопознанным Ивановым и его расписными хлопчиками? Зачищать их будем?

— Хотелось бы, — призналась Катрин. — Но раз у нас остается менее суток, то попросту не успеем нащупать их базу.

— А, да, забыла сказать, — спохватилась оборотень. — Следующей ночью они нас сами найдут. Они на тебя засаду готовят. Ну, или мы засаду на их засаду, это вопрос диалектического материализма. Место назначено, выясним отношения в культурной и спокойной обстановке.

— Минуточку, откуда такие культурно-диалектические сведенья? И почему засада именно на меня?

— О, разволновалась она! Это, что, товарищ Мезина, первая на тебя засада? Пора привыкнуть. Ты цель неизменно заманчивая, а в данном случае еще и представляющая немалую научно-практическую ценность. Ну, в понимании этих дремучих полудурков.

— Товарищи, нужно же подготовить оцепление, стянуть группу захвата, а то опять уйдут диверсанты, — взволновался Москаленко. — У меня почти весь личный состав в разгоне по гарнизону, связь хромает, типографии сейчас практически без охраны, если воззвания не отпечатаем...

— Не надо никого заранее стягивать, а то вспугнем рыбу. Нам противостоит чрезвычайно чуткий контрреволюционный элемент. Сейчас, товарищ Москаленко, формируй группу по моему...э... увольнению, это первоочередная задача, — Лоуд

вздохнула.

Прапорщик тоже завздыхал.

— Потом расстраиваться будете, — призвала коллег к собранности и сосредоточенности бесчувственная шпионка-аристократка. — Давайте пока задержанного в допросную. Нужно завершить хотя бы одну линию нашего хаотичного следствия.

* * *

Итоговый допрос подозреваемого гражданина Ганна вышел кратким, но эмоциональным.

...- Все равно не понимаю, — товарищ Островитянская, прохаживалась по комнате, вновь и вновь оправляя солдатский ремень, стягивающий тонкую талию под распахнутым жакетом. — Значит, ты снюхался с бесхвостым бандерлогом Кулаковским, вместе вы придумали план, нашли заказчика и заявили в Питер. Так?

Сидящий на стуле Ганн снисходительно усмехнулся:

— Ой вэй, упрощаете до смехотворности! Партии нужно финансирование. Возникла идея как поднять бабла. Я знал, что Куля проводил подобные хронооперации и имеет опыт. Почему не попробовать? Изначально о Питере речь не шла. Имелись интересенькие варианты изъятия дорогостоящих ништяков из области искусства. Но схемы по их перепродаже вырисовались абсолютно не кошерными — на аукционах товар зависает, пошли сплошные баги. Восемь крэш-репортов — вздрогнул как неживой. А тут предлагают гонорар самородной платиной. Не "вау-вау!", конечно, зато доступно, ликвидно, вопросов не вызывает...

— И вы за эту говенную платину ввергаете несчастный город в полный террор? Да еще в час незабываемого, пусть и непростого исторического события? Какого шмондеца такое могло в голову бахнуть? — оборотень вновь трянула себя за ремень. — Ладно, Кулечка — у него хвост чешется, лютая мстя в башке, да марафет в крови — прям все бурлит-булькает. А ты?

Задержанный глянул на сидящую на столе Катрин и щербато ухмыльнулся:

— Да вы же не хуже меня знаете — это не ваша, и не моя реальность. К чему эти мюзикл-ужасти? Ну, пришли, ну, ушли. Ни моральной, ни юридической ответственности не несем, так в чем пафосный цимес? Объясните, зеленоокая кися, этой заигравшейся в чужую революцию мадам — тут предъявлен масенький вариант из стопятысот тысяч. Игрушка ни о чем. У нас там своя жизнь. Настоящая. Я за высшую справедливость в своем мире ничего не пожалею! А здесь... плюнуть и растереть три раза. И хватит меня троллить теми жалкими писаками-литераторами — просто смехотворно — ну кто их помнит в наше время? Это же даже не блоггеры второго порядка. Про инженеров и прочих даже не упомяну. Что вы вообще ко мне с этой вербовкой пристали? Не простых же ванюшек было набирать? А так некий квест, забавно, честное спортивный конкурс. Ну объясните, объясните модератору своего фейкового отдела.

Катрин пожала плечами — объяснять оборотню ничего не требовалось, все Лоуд и так поняла. Только не поверила оборотень, все ищет второе дно, не веря в абсолютно плоский и безмозглый, как лист поцарапанного облицовочного пластика, инфантильный цинизм Ганна. Это виновато слишком тесное общение со сторонниками и противниками великой революции — сотни неординарных, ярких и своеобразных личностей, неоднозначных, в большей части далеко не ангелов, но... Они, здешние люди, не знают, что такое виртуал-реальность, они рискуют всем здесь и сейчас, и жизнь у них одна. Они — всерьез. Они

срывают горло на трибунах, мерзнут, таскают тяжелые винтовки, кормят вшей. Они сидели по тюрьмам и каторгам, по двенадцать часов махали кувалдами в дымных цехах, жрали тухлятину, хлебали настоящую политуру и настоящее французское шампанское, лечили сифилис после краткого романа на водах, сочиняли стихи на манжетах, поднимались цепью на пулеметы, варили лебеду и ходили по пашне за сохой. День за днем, вдыхая запах керосина, пороха и тонких духов, навоза и церковного ладана. Они удивлялись электролампочке. Смешные ненастоящие людишки. Навсегда ушедшее прошлое. И Ганн — всемогущий и всезнающий сверхчеловек, неразделимо соединенный с Великой Паутиной. Венец эволюции. Практически бог. Он ниспускается в этот мир и восходит на свой цифровой олимп когда пожелает. Он бесстрашен, мудр, мужественен. Месяц в первобытном Петрограде — с ума сойти, какой авантюрист. Он рискует, но всегда выигрывает. Или перезагружается и начинает сначала. Он напрочь лишен фантазии. Воображение отмерло за ненужностью — в голове все чужое.

Катрин раздумывала, действительно ли у них там, в середине XXI века имеются резервные копии личности или это Ганн попросту не способен поверить в свою смертную сущность? Наверное, существуют какие-то способы восстановления-клонирования по резервному ДНК или иными технологиями. Впрочем, неважно.

Лоуд частенько бывала в будущем. Видимо, и в относительно отдаленном. Особого восторга оборотень не проявляла, восхищаться и болтать на темы социально-технического прогресса ее не тянуло. Надо думать, не столь уж захватывающе то будущее, уже исследованное пытливым межпространственной путешественницей. Хреноватое оно будущее. Ну и что из этого следует? Катрин была практиком и точно знала — у нас единственное будущее, то, которое создадим именно мы. Остальные варианты... любопытны, но абсолютно ничего не доказывают.

...- Мы обречены на победу, — несло Ганна. — Общество, получившее право на полную свободу информации, неизбежно станет справедливым. Да, нам позарез необходимы деньги и смелые, честные, решительные люди. Признаюсь, я подумывал о привлечении к борьбе и вас, Катюша. Я выше личных обид. Зубы можно вставить, а вы были бы полезны. Но ваши неоднозначные наклонности в личной жизни... Ой вэй, 40–45 пунктов в минусе это не глядя, негатив и отток в онлайн-лайф гарантирован.

— Недотягиваю, значит. Какая жалость, — кивнула Катрин. — Кстати, Ганн, чисто ради любопытства, а как у вас самого с этим самым... со склонностями в личной жизни? Можно без подробностей, общий принцип интересует.

— Да нормально у него, — думая о чем-то ином, заверила Лоуд. — Идет в лич-сеть и коннектится регулярно, по сигналу персонал-мед-планера. У них все централизовано и строго, за здоровьем тщательно следят. Программное приложение не обманешь. Кстати, контактики такие забавные, я как-то хотела тебе такой презентовать, но позабыла прихватить.

— Бесконтактный секс позволил повысить среднюю продолжительность жизни до ста двадцати одного года, — с гордостью напомнил Ганн. — И это не предел. Когда мы придем к власти и введем справедливое распределение трафика эл-пакетных сетей...

— Верю. Так и будет. Взять всё, да и поделить. Особенно трафики. Согласно личных рейтингов и сетевому коэффициенту трудового участия. Интересные вы люди, вот даже прямо малопонятно куда вам стрелять: в зубах у вас контакты, в башке — вентилируемый вакуум и карты памяти, ниже сплошь эл-пакеты и интим-планеры.

— Ой вэй, и к чему вы меня вновь столь минорно пугать пытаетесь? — засмеялся подследственный. — Зачем в меня стрелять? Нет, я верю-верю, но контент-то дешевый. Давайте к сделке перейдем. Что от меня хотите?

— Узнать хочу, — устало призналась Лоуд. — Меня интересуют эксклюзивные выверты человеческой логики. Это всегда крайне познавательно. Хотя и вонюче. Вот ты отчего форт Нокс не отправился обирать или жмурика Тутанхамона шмонать-потрошить? Там же гораздо выгоднее. Так нет, приперся и в ключевом историческом моменте взялся гадить. Ты же марксистом себя называешь.

— Естественно. Наша партия помнит и высоко оценивает идеи родоначальников движения. Мыслили они оригинально.

— А здесь кто? Вот, вокруг нас?

— Но это же лузеры! — с искренним удивлением вскричал Ганн. — Да вы же сами отлично знаете! Они взялись за апдейт и все загубили! Дискредитировали идею. Нет, я понимаю, несовершенство техники, повальная неграмотность, полное отсутствие социальных сетей и умения четко выстраивать алгоритм рейтингов. Но и незачем было браться! Кому нужны столь бездарные и смешные эксперименты?! Они, видите ли, "коммунисты", у них "социалистическая революция"! Откровенные лузеры и пархатые вонючки! Настоящие коммунисты это мы — Сеткомпартия! Я двадцать лет в партии, я тридцать шесть всемирных сетевых конкурсов провел, премиальный фонд создал, я рейтинг на 3,8 пункта поднял! У меня опыт гигантский! Но я до сих пор ужасаюсь этой октябрьской ерунде. Взять власть и через несчастные семьдесят лет так бесславно обделаться. Дауны и ламеры!

Лоуд очутилась за его спиной, ладони ее, наконец, выскользнули из-под жакета.

— Не надо, — попросила Катрин, разглядывая носы своих сапог — левый украшала безобразная царапина. И где это так обувь испохабила? На броневике, что ли? — слушай, напарница, опускаться до его сетевого уровня, это как... Совсем уж детская нелепица. Это как памперсы с собой на рыбалку брать. Да и вообще мы договаривались об эксперименте.

— А если только уши? — большой нож в руке оборотня играл, нервно взблескивал. — Пепел Маркса стучит в мое сердце! Уши отойдут в математическую погрешность. В каждом лабораторном опыте просто обязана фиксироваться доля погрешности. Это нормально и справедливо.

— Брось, была уж погрешность... с хозинвентарем. А сейчас просто испачкаешься. Конечно, наше дело шпионское, заведомо грязное. Приходится и в дерьме ковыряться. Но не своим же личным ножом, — грустно сказала Катрин.

— Ну, бывало, за личинкой блистуна в навоз полезешь... Хотя ты права, конечно...

Нож исчез, на зеленоватую физиономию вернулась человеческая маска-фальшивка.

Ганн, примолкший, втянувший голову в плечи и благоразумно не рискнувший оглянуться, мгновенно воспарил духом и захихикал:

— Ой вэй, все шутите? Серьезный разговор будем вести, а, барышни-шпионки?

— Уже договорились, — Катрин глянула на вдруг успокоившуюся подругу. — Так?

— Как я и утверждала, товарищи и граждане, — время суровое, обязывающее, никаких бластных исключений! — торжественно заверила товарищ Островитянская. — Строго на общих основаниях. Исправработы. По понятным причинам, уход за мертвыми и использование на иных ответственных объектах, отпадают. Так что, остаются стройки народного хозяйства. Под чутким руководством старших, опытных товарищей. Пошли,

Катерина, опять мы в цейтнот впадаем.

— Пойдите, какая еще стройка?! — изумился осужденный, но Катрин, проходя мимо, подытожила беседу мимолетной затрещиной.

Шпионки вышли из допросной.

— Мне, значит, сдерживайся, а сама... — забрюзжала оборотень. — Рукоприкладство в отделе категорически не могу одобрить! Кто про грязь и прочее провозглашал?

— Я в перчатках, — оправдалась светловолосая следовательница. — И вообще, я это ничтожество из сетевого будущего вот прямо сейчас и забываю. Немедленно и бесповоротно.

* * *

Время, отпущенное следственной группе, истекало. Как говаривала донельзя опытная л-профессор: главное в шпионском деле — вовремя отчалить с чувством выполненного долга, хабаром и памятками. Но как известно, последний бой он самый-самый...

Глава двадцать первая. Конец Общего орготдела

Смольный

Час X + 14

Драконы не умирают, прав был черный классик, притворявшийся сказочником. Возможно, теперь над Петроградом кружилось два дракона: к неприятно удивленному воцарившейся тишиной ящеру-Хаосу, прибавился упитанный и улыбчивый змей-Политикан. А может, над городом витала все та же бессмертная рептилия, просто сменившая черный роковой плащ на строгий костюмчик с отливом?

Заведомо нелепая версия, конечно. Никаких костюмов с отливом в Смольном не появилось. Все те же мятые пиджаки, кителя и бушлаты, шинели и пальто. Грохот спешащих сапог, роняемых ящиков и пачек листовок, неумолчное бубнение микрофонов и негодующие выкрики и свист из зала заседающего Съезда. Правда, пахло в коридорах поприятнее: невероятными усилиями орготдела удалось заметно улучшить работу пищеблоков. Нынче каша гречневая на завтрак и кисель. Судя по аромату, уварили, что называться, по ГОСТу.

Шпионка сглотнула слюну, и, опираясь на трость, запрыгала вниз по лестнице. Некогда трапезничать. Будем надеяться, до нормального приема пищи чуть ближе, чем до введения полноценных ГОСТ и явления чиновных пиджаков с отливом.

Общий орготдел надрывался. Товарищ Островитянская пыталась достичь невозможного — успеть в оставшиеся часы доделать всю массу незавершенных дел. В кабинет протянули вторую телефонную линию — армейский аппарат зуммерил непрерывно. Несли на визу проекты воззваний, а телеграфные ленты с пометкой "особо срочно" свисали, кажется, даже с потолка. Киев, Екатеринбург, Харьков, Курск и главное — Москва — в белокаменной было крайне беспокойно. В кабинет непрерывно входили и вбегали делегаты из частей, члены ВРК, представители ЦК эсеров, жалобщики от Бунда^[49] и вздорные требовательные кадеты.^[50] Товарищ Островитянская подписывала, уточняла, не соглашалась, сурово требовала, шутила, ехидствовала, привычно перепиралась с ВИКЖЕЛем, диктовала телеграммы, бегала советоваться с "Яшей и Львом", слала "горячий товарищеский привет братьям-казакам"...

Ничего не кончилось. Скорее, наоборот. Вектор истории временно утерять предсказуемость и никакое мифическое "послезнание" сейчас не могло помочь даже символически. Ставка в Могилеве отвечала на телеграммы уклончиво, Духонин^[51] подал в

отставку и замолчал, Чернова^[52] не могли найти. Какая-то сволочь остановила эшелон с зерном у Череповца, гад Керенский требовал немедленно отрядить два батальона для охраны здания ЧЮК, хотя там пока никто из работников свежесозданной комиссии и не появлялся. "Чужие" типографии саботировали печатанье воззваний, категорически требуя предоплату, ликвидация винных складов встретила активное противодействие несознательной части населения города. И Москва, опять Москва...

Товарищ Островитянская, сжав земноводную волю в кулак, делала все возможное и невозможное. На долю Катрин осталось завершать текущие следственные дела...

* * *

В морге пахло свежей известью, печалью и хвоей. Побеленные потолки казались выше, лампы бросали мрачные тени, но давали достаточно света, со двора доносились слова отпевания — там соорудили временный помост и навес для работников религиозных культов.

Бригада штрафников завтракала у конюшни.

— Вы, граждане, — Катрин, не здороваясь, указала на троих, — с вещами на выход.

Вздрагнули все. В штрафной бригаде сейчас числилось около трех десятков подследственных — естественно, отнюдь не все стрелки и террористы — по большей части мирные спекулянты, уличные грабители и прочая аполитичная буйная пьянь. Взятые на порче банковского имущества и за стрельбу по патрулям тоже имелись — ситуация в городе отнюдь не стало благодной.

— Без нервов, — призвала Катрин. — Не к стенке ведем. Допрос и изменение меры пресечения.

Допрос, вернее, заключительную беседу, пришлось проводить в знакомом кабинете патологоанатома. Начали с инженерного состава.

— Полагаю, вы познакомитесь и парой слов перекинуться успели? — Катрин глянула в "дела" подследственных и сунула бумаги обратно в общую папку.

— Нам и раньше доводилось встречаться, — признался Грант.

— Неудивительно. Общие интересы: самолетостроение и малообъяснимая, но пламенная любовь к скорострельному оружию.

— Недобрая ирония судьбы, — угрюмо подтвердил человек, проходящий по следствию как боевик "Лев".

— Наверное, она, судьба. Я вас воспитывать не стану. Вы люди умные, чрезвычайно талантливые и образованные, наверняка уже все просчитали и прояснили в чем был гадостный "развод" и как вас на смертоубийство подписали. Некоторые ошибки, граждане-инженеры, непростительны. Так что, прощения не будет. Искушайте трудом. России, обстрелянной в спину и вами, и настоящими идейными врагами, нужны опыт и знания профессионалов. И аэропланы нужны, вот прямо позарез и уже завтра. Следственное дело завершено, приговор таков: следуете в Ейск, там создается воздухоплавательный центр. С сегодняшнего дня вы на государственной службе. Из-под стражи освобождаетесь, всякие церемонии и торжественные дачи "честного благородного слова", опустим. Следствие и комиссия Общего орготдела надеется на ваше самосознание. Вот товарищ, — Катрин кивнула на молчащего бойца-"попутчика", — из нижних чинов, но кое-что смыслит по части самолетостроения. Надеюсь, сотрудничество наладите. Счастливого пути, трудовых успехов.

Завели литератора. Алексей Иванович за эти дни заметно прибавил в возрасте. Под ногтями нервных пальцев серели ободки от цементного раствора, пальто в брызгах извести.

И густо пропах мертвецкой.

— По сути дела говорить нам уже не о чем, — с печалью признала Катрин. — Исключительно по традиции несколько слов на прощание. Должна признаться, знакомство с вами — одно из самых больших огорчений в данном следственном деле. Всегда ценила ваш литературный талант, и вдруг...

— Если неофициально желаете высказаться, так к чему бубнить тоном заезжей жандармской вдовы? — злобно и язвительно поинтересовался бывший литератор. — Уж пожалуйте откровенно. В свойственной, хамски-революционной манере.

— Извольте. Не поверила я. Искали мы шальных стрелков из-за угла, вроде и улики имелись, а я насчет вас и мыслишки не допустила. Дура, чего говорить. Слепо не могла представить вас с пулеметом в руках. Ладно, пусть мальчишки отчаянные или пролетариат, жизнью замордованный. Бытие определяет, шоры на глазах людей. А вы? Тонкочувствующий, ироничный, глубокий человек. И откуда такая бездонная ненависть? Вот сидите передо мной, весь такой гордый, непреклонный, с намозоленным на спусковом крючке пальцем. Черт знает, что такое и как это понимать. Воистину жутка наша классическая русская интеллигенция в этой слепой жажде чужой и своей крови. Откуда такая самозабвенная склонность к душегубству и суициду во имя самых светлых радостно-ситцевых целей? Просто счастье, что преимущественно вы криворукие и беспулеметные. Ну, полагаю, мои убогие мыслишки вас не особо интересуют.

— Меня интересует, что со мной будет.

— Да ничего с вами не будет. Что с вами сделать-то можно? Вон, коллеги ваши по пулеметному делу отправятся искупать вину ударным трудом. Добровольно, пусть и немного принудительно. Будут строить ерапланы и всякое иное, быстро летающее. А у вас иной талант. Наверное, много больший, уникальный, но абсолютно не организуемый здравым смыслом. Не ставить же за спинкой вашего писательского кресла контролера с наганом? Сущая ерунда выйдет...

Катрин сказала еще кое-что и оборвала сама себя:

...- Так что, ступайте-ка домой. Перекусите ветчиной, поразмыслите. А потом в деревню, в глушь, в парижи, праги, аль берлины. Напишите что-то от души. Какие-нибудь "Окаянные дни" или "Покаянные ночи". Прощайте, Алексей Иванович.

— Дрянь вы. Изошренная. Умеете унизить. Дрянь, дрянь в начищенных сапогах! Прощайте!

Бывший литератор вышел, чуть не задев теменем косяк — такая уж спина прямая и несгибаемая. Попытался хлопнуть дверью — но новая, еще даже некрашенная дверь успела разбухнуть и бабахать отказалась. Сыро в революционном Петрограде.

Катрин вышла и попросила у доктора папироску.

— Гордыня большого таланта, — анатом кивнул в сторону входной двери. — Не поверите, молчал академик эти дни как обычный наш клиент. А с вами разговорился. Даже раскричался.

— Мы с ним еще до вашего нервного морга были знакомы. Хотя и шапочно, — Катрин с сомнением глянула на совершенно безвкусную папиросу. — В общем, это печальная история. Слушайте, а вы сегодня здесь? На дежурстве?

— Сегодня и ежедневно. За квартиру полгода нечем платить, перебрался на житие в кабинет. Здесь как-то веселее, да и время экономится. Выхожу только побриться и за газетами. Нет, помнится, недели две тому в синематограф ходил. "Клеопатру"^[53] смотрел —

весьма душещипательная фильма. Особенно эпизод, когда она со змеей смотрят в зеркало. Слушайте, а давайте я вас в "Пикадилли"^[54] приглашу?

— Благодарю, но, увы, дел многовато. Но вполне возможно, я к вам еще загляну. Как раз обсудим одну душещипательную тему...

Во дворе "лорин" ждал под парами.

— И этого отпустили? Который сочинитель? — возмутился Колька. — Он вышел, чуть лошадь не сшиб. Вне себя от ярости. Сейчас найдет какой пулемет, да ка-а-к...

— Вряд ли. Пулеметы у группы изъяты и пересчитаны. И возможности выхода на главарей-кураторов у гражданина литератора больше не имеется. Так что, ухватит револьвер или винтарь. Это если возникнет большое желание к столь категорическому поступку. Особой уверенности, что нужно его отпускать у нас нет, но что прикажешь с ним делать? Бесконечно держать на подсобных работах известного писателя — бессмысленно. В тюрьму засунуть — заработает ореол романтического мученика. А расстрелять... Нет юридической возможности, да и вреда от подобного решения опять же будет больше, чем пользы. Его горячее воззвание с призывом "к оружию!" в газетах пропечатали с полным восторгом — получится, что мстят злобные большевики великому писателю.

— Тоже верно. Однако, не в себе он, — вздохнул Колька.

— Что тут поделаешь, тут мы бессильны. Кстати, на вот — разрешение и ствол. Надеюсь, понимаешь, что не для баловства?

— Еще бы! — пилот ухватил новенькую скрипучую кобуру с "браунингом" и ордер на оружие. — Исключительно для самообороны. В нынешние дни всякие сомнительные личности взяли привычку заглядываться на хорошие авто. Мало ли...

— В случае осложнений, ты сомнительных личностей лучше дави колесами, — посоветовала шпионка. — Оно у тебя надежнее выйдет.

Домчались до Смольного. Колька остался цеплять на ремень оружие в шикарной оранжевой кобуре (тесновата, но мальчишке не для ковбойских упражнений), а Катрин пошла в отдел. Оказалось заперто, на часах стоял "попугчик" с автоматом.

— Секретное совещание, — шепотом сообщил он, и условно постучал в дверь.

Узкий круг допущенных лиц планировал операцию по ликвидации.

— Придется вот здесь устраивать, — завотделом вела ногтем (безупречным, словно только что от маникюрщицы) по схематичному плану города. — Хотелось бы поторжественнее, где-нибудь на фоне классической архитектуры, но подходящий митинг только здесь. Опять же женская тюрюга рядом. Что символизирует!

— Промзона. Есть свои плюсы, — согласился Гру, сонно кляя носом.

— Вы бы хоть для такого случая на приличную карту перешли, — не выдержала Катрин. — Сколько можно периодику мусолить.

— Так привычнее, Екатерина Олеговна, — пояснил мальчишка. — А по большому плану города мы операцию потом перепроверим.

— Угу, — подтвердил прапорщик Москаленко с довольно противоестественной ностальгией глядя на оригинальный план столицы, по которому традиционно планировал операции Общий орготдел. — Общие решения так гораздо душевнее принимаются. Хотя и странно, конечно.

Боец Василий кивал — ему условно-примитивная схема и картинки тоже были близки.

Большую часть операций военно-политический мозг Общего орготдела разрабатывал по схемам революционных событий, отображенным на страницах журнала "Пионер"?11 за 1969

год. Хорошие там были картинки, наглядные. Да и статья Митяева^[55] очень доходчивая. Но заниматься серьезными делами, ориентируясь вот на это.... Самокритичный Москаленко абсолютно прав. Чрезвычайно странно.

— Ладно, решение принято. Пока есть время, готовим техническую часть, — решительно поднялась со стула оборотень.

Мрачная как туча товарищ Островитянская снаряжалась в последний путь. Гру и прапорщик Москаленко возились с лейкопластырем, наклеивая хитроумные приспособления. О подобных устройствах имел некоторое представление только мальчишка, приходилось прислушиваться к его лаконичным рекомендациям.

— А если пулька справа, а падать мне наоборот? — нервничала оборотень.

— Для этого несколько сквибов^[56] и ставим, — пояснил спец по спецтехнике. — Определяете отметку от пули — активируете — падаете. Если все пройдет оперативненько, свидетели не сообразят.

— "Оперативненько". Поучи еще, фруктоед несчастный, — ворчала завождем. — Рухну-то я качественно, не сомневайтесь. Но сколько можно на меня лепить?! Вот и жакетку жалко — привычная, ее бы еще носить и носить. Да, и еще...

Оборотень молча, но очень значительно посмотрела на Василия.

— Буду предельно внимателен и осторожен, — заверил снайпер.

— Будь, — согласилась Лоуд. — Пулька, она, как известно, дура. Но на тебя я крепко надеюсь. Меня из винтовки еще не убивали, а первый раз, он очень волнительный.

Кабинет начал наполняться: немногочисленные, оказавшиеся свободными бойцы-"попутчики", влившиеся в отдел красногвардейцы, высвистанный из Зимнего комиссар Дугов и даже работники местной столовой. Последним прибыл недоумевающий штабс-капитан Лисицын.

— Все, больше ждать некогда, — Островитянская встала у своего стола, поправила немногочисленные оставшиеся в вазе пунцовые розы. — Товарищи, я решила краткосрочно оторвать вас от дел, дабы попрощаться. Уезжать по-английски как-то не по-людски. Да и вообще недолюбиваю я этих англичан. В общем, мы отбываем, когда вернемся, неочевидно. Да и мало ли... время нынче решительное и бесповоротное.

— Да куда же вы, товарищ Люда?! — ахнула тетенька из столовой ЦИКа. — Как мы без вас?!

— Придется вам поднапрячься, — улыбнулась завождем. — Обстановка требует нашего незамедлительного выезда в Москву. Ситуация там тревожная, сами знаете. Провокаторов в Москве уйма, а сознательности недостаток. Нужно предотвратить непоправимое. Так что сейчас я на митинг — обещала на "Арсенале" выступить, потом на вокзал и первым же паровозом в так называемую Первопрестольную. Разрешите пожелать всем вам твердости, терпения и бодрости духа! Впереди решение сложнейших проблем, преодоление бесчисленных неприступных политических Анд и Гималаев на пути строительства нового, небывалого народного государства. Но мы справимся, товарищи! Главное, единство народа и негибаемость на пути к нашей светлой цели. Помним, что мы строим новый мир, но не хищнически и безумно уничтожаем старый! Всякое будет в нашей жизни, и врагов будет в досталь. Но "враг" — это не пожизненное клеймо. Оставим эти крепостнические упоротые хватки. Работать нужно, превращать людей в единомышленников, в друзей. Вот стоим мы все здесь — недавно еще незнакомые, неделю назад готовые стрелять в друг друга. А ведь делаем сейчас одно общее и нужное дело. Так

держать, товарищи! Спасибо всем!

— Вы возвращайтесь поскорее, товарищ Люда, — попросил один из красногвардейцев. — С вами и понятнее и веселее!

— Еще бы со мной было непонятнее, — улыбаясь, Островитянская принялась пожимать руки коллегам и соратникам. — Я ж вас всех люблю, товарищи!

— Именно. Мы вас всех любим, — подтвердила Катрин, прощаясь с моряками-телеграфистами. — И красных, и белых!

— И всех остальных! Особенно, черных и зеленых! — очень искренне и горячо поддержала широко мыслящая завотделом...

— Олег Петрович, Федор, задержитесь, дело есть срочное, — вполголоса предупредила Катрин членов расформированной следственной группы.

Подошла Островитянская.

— Так, вам как проверенным и ответственным гражданам и товарищам особое задание. Со штабом Округа и ВРК согласованно, — Лоуд достала из ящика стола подписанные ордера и командировочные удостоверения. — Срочно следуете в Москву.

— Но кем подписан приказ? — изумился штабс-капитан. — Генерал Полковников подал в отставку, и...

— Вполне понимаю чувства Петра Георгиевича, но, полагаю, ему придется повременить, — строго сказала товарищ Островитянская. — Еще пару дней покомандует. А вы выезжаете немедленно. Федя, ты обеспечишь помощь и поддержку московскому ВРК, вы, Олег Петрович, необходимы для связи с полковником Рябцевым.^[57] Кровь из носу — нужно договориться! Иначе не из носа капнет кровушка, а вообще умоемся. По банному, с головы до ног.

— Понял, — кивнул анархист. — Но вы же там будете? У вас убалтывать офицериков куда лучше получается.

— Нам везде не поспеть, — призналась завотделом. — Вы по своей линии поднатужитесь, мы со своей стороны постараемся не подкачать. Да, еще одна тонкость. Это в большей степени к вам, Олег Петрович. По нашим сведениям в Москве появится одна персона. Внезапно! Не то чтобы особо важная и вызывающая беспокойство — пулеметов за спиной этой одинокой персоны уж точно нет. Но надо бы присмотреть за этим человечком. Опыта по охранно-военным мероприятиям там не хватает. Посему человеку рекомендовали вас. Вдруг сработаетесь?

— Польщен, но отчего такая честь и рекомендации? — насторожился штабс-капитан.

— Ваш послужной список, воспитание и выдержка чрезвычайно уместны. И семейное положение, — кратко пояснила Катрин. — Счастливой дороги!

Убыли командированные, потом, дабы не привлекать внимания, ушли бойцы и Гру. Кабинет опустел:

— Вот и все, — с величайшей грустью молвила завотделом, присаживаясь на свое руководящее место. — Побыла в ответственных товарищах, пора и честь знать.

— Не носи ерунды. Тебе еще университетом руководить. Между прочим, первым планетарным университетом! Это тебе не отдел.

— Не утешай. Масштабы разные. Впрочем, все к лучшему, — Лоуд еще раз обвела взглядом кабинет. — Надоело мне здесь. И вообще, эта работа функционера — истинный цепной корабль. Сидишь тут как гребец на галере...

Кажется, в ясных очах предводительницы Общего орготдела блеснули слезы. Но этого,

конечно, никак не могло быть — земноводные революционеры плакать неспособны в принципе.

Товарищ Островитянская тщательно — на три оборота — заперла дверь отдела, передала ключ часовому:

— Бди. От сейфа ключи в нижнем ящике стола. Не теряйте, сейф у нас хороший, доставался отделу непросто.

— Вы будто насовсем уезжаете, — удивился часовой. — Вы там, в Москве, не задерживайтесь, мы же ждем. Да и что в той большой деревне делать?

Лоуд кивнула.

Шли по коридору — было почти пусто. Все в актовом зале — оттуда доносился громовой рокот не желающих умолкать аплодисментов. Потом динамики донесли знакомый, чуть картавый голос...

Лоуд глянула на часы:

— Декреты обсуждают. Раньше графика начали. Ну, ничего, в прениях побуксуют, к историческому хронометражу выйдут. Вообще хорошо, что мы хоть краем уха слышали. Есть уверенность, что оставляем Смольный в надежных руках.

— Есть такая уверенность, — согласилась Катрин. — Да и вообще сделано не так мало. Вон — уборщица с ведрами — сразу иной вид у учреждения.

— На усиление роли хозяйственно-эксплуатационной службы ты не зря нажимала, все верно, — признала Лоуд. — Не только по части маузеров, но и в жилищно-коммунальном направлении ты довольно продвинутая дамочка. Нужны, нужны нам и представители мелкопоместной помещичьей прослойки.

Катрин хмыкнула и кивнула в сторону актового зала:

— А звукотехнику скоро добьют. С таким режимом эксплуатации никакие трансформаторы не спасут.

— Принцип устройства спецами понят, "попутчики" поддержат, изваяют технику попроще, и в дизайне соответствующем духу времени, — рассеянно пробормотала бывшая заведомом. — Слушай, а почему Москву так не любят? Я вот и бываю там часто, и знакомцы на Якиманке есть — пусть и не совсем люди, но заглянуть в гости, выпить чайку завсегда приятно. Приличный город.

— В Питере, кстати, так пить чай не умеют, — поддержала шпионка. — А что не любят Москву, так есть на то такая нелепая традиция. Вроде привычки сморкаться через палец.

— Это что за намеки? Как заведомом я ни разу себе не позволила... Хотя у меня аллергия, общее истощение организма и крапивница по всей спине...

— Я не про тебя в данном случае, а про женишка-недоростка.

— Как не стыдно мальчугана корить?! Парень не спавши, не евши, горит на работе, давеча его так током тряхнуло! Тут разве проводка?! Как раз сопли сплошные, а не проводка...

Катрин отвлекала напарницу от невеселых мыслей, и хотя эти усилия едва ли принесли ощутимый результат, Смольный покинули уже не в столь минорном настроении.

В последний раз прошли по забрызганным грязью пешеходным мосткам у Смольного, сели в авто:

— На Выборгскую рули, к заводу "Арсенал",^[58] — решительно приказала Лоуд. — Дадим прощальную гастроль пролетариату ВПК.

— Какому пролетариату? И почему "прощальную"? — удивился Колька.

— В Москву нас командируют, — кратко объяснила Катрин.

Водитель сообщил, что в Белокаменной отвратительные дороги, а извозчики пребывают в состоянии первобытной самодержавной дикости. Они вообще орангутаны бородатые. Кстати, на случай следующей погони за броневиками нужно усилить рессоры вверенной машины. Вот вернется товарищ Островитянская из Москвы, он как раз подготовит список жизненно необходимых запчастей...

Шпионки слушали, ехали, молчали. Катрин думала, что работа в общих и не очень общих отделах неизбежно накладывает на людей неизгладимый отпечаток. Вон, даже Колька канцелярита нахватался "вверенное мне транспортное средство". Впрочем, в жизни бюрократический образ мышления не самое страшное. Например, Лоуд революционно-организационный лексикон даже шел. Сейчас отдышится и, наверняка, опять всех "шмондюками" начнет крыть. Придется отнестись с пониманием. Умирать, пусть даже не совсем по-настоящему, и оборотням неприятно.

Доцатая трибуна, довольно креативно, практически в традиции супрематизма (явно ткани у строителей не хватало), обтянутая кумачом. Рядом достойный массивный заводской забор, здание цеха — тоже кирпично-революционных цветов, как и корпус женской тюрьмы, что торчал напротив, через улицу. Ворота обеих режимных объектов распахнуты — делегация заключенных гражданок явилась послушать ораторов и смешалась с рабочими арсенальцами. Между прочим, серо-полосатые, халатного покроя, тюремные пальто заключенных выглядят достойно и даже элегантно — нечто подобное шпионке доводилось видеть в актуальных журналах моды XXI века.

В голову лезли всякие глупости, поскольку Катрин нервничала. Так случается — главное действующее лицо обретает спокойствие, а подыгрывающие актеры второго плана вдруг начинают мандражировать. Шпионка старалась не озираться — в конце концов, ничего особенно сложного, отработаем номер, технически он сложноват, но не опасен.

Эсер закончил говорить, слушатели ему одобрительно похлопали, особенно тюремные барышни — оратор симпатичный, усатенький, и шляпа ему идет.

— Слово предоставляется товарищу Островитянской, заведующей Общим орготделом Петрограда. Товарищ Люда прямиком из Смольного, — со значением провозгласил осипший председатель заводского комитета.

Толпа оживилась, потянула шеи, зааплодировала. Сквозь воодушевление и одобрительный свист кто-то проорал:

— Пусть разом скажет — тока хлеб завозят или и керосин будет?

— Да погодь ты со своим керосином, — немедля одернули нетерпеливого крикуна.

— Не, а чего? Раз из самого орготдела здесь...

— Керосин всенепременно будет, — заверила оказавшаяся на трибуне товарищ Островитянская. — Засор на чугушке мы пробрили, график довоза устанавливается. Не сначала решено упереть на хлеб.

— Тожа верна! — одобрили из массы рабочих.

— Не все, товарищи, у нас еще верно, — признала ораторша. — Вопросы будем решать вместе. Вы у меня спрашивайте, я ответов не боюсь, но уж и с вами всерьез посоветуюсь. Но пока несколько общих слов, для освещения текущей обстановки. А то ее, обстановку, пока без керосина не особо и различишь. Сразу должна сказать — непросто нам будет. Пузом кверху лежать не придется. Но когда мы с вами лежали? Двигать дело необходимо, в какую сторону двигать — всем понятно. Поработаем! Кстати...

Товарищ Островитянская оперлась локтями о трибуну, нагнулась к ближайшей группке арестанток:

— Барышни-красавицы, я до вас скажу. Тюряга — дело этакое... понятное. Как говорить, от нее не зарекайся. Но так было в прошлые безнадежные времена угрюмого царизма. А нынче самое время начать с нового красивого листа. Поскольку воровать и жиганить сейчас неинтересно. Имеете шанс выйти в люди. Думайте, сестрицы. Я напрасно намеки не раскидываю.

Доверительный тон и легкая приклатненность обращения явно подействовали. Тюремные сестрицы переглядывались.

Островитянская, молодея на глазах, уже с намеком на улыбку на красивом лице, продолжала, обращаясь ко всем:

— Жизнь-то начинается новая, а болячки и мозоли, у нас, товарищи, бывлые, застарелые. Нужно это учитывать. Строить новый мир придется вот этими нашими битыми и ломаными руками, другие у нас вряд ли отрастут. Ничего, справимся! А благородное сословие, кряхтя и екая, поможет нам в подсчетах, с чертежами и прочими тонкостями. Некуда деваться бывшим господам. Огромный корабль под именем "Россия" должен плыть...

Катрин вздрогнула — звук выстрела, свежая пулевая отметина на досках трибуны и плеснувшие на лацкан жакета ораторши черные капли, появились практически одновременно. Завотделом пошатнулась, с недоумением глянула в серое, чуть прояснившееся к вечеру небо — над толпой кружилось несколько ворон. Глядя на эти черные птичьи силуэты, юная товарищ Люда безмолвно рухнула.

В толпе закричали от ужаса. Катрин, опомнившись, рванулась к ступеням трибуны.

— Германец! Пулеметчик!

— Ох, боженька, убили же ж!

— Островитянскую убили!

— Меж труб, он, гад, засел! Братцы, окружай!

Крик, топот, визг перепуганного тюремно-женского элемента... Бежали к цеху, щелкая затворами, заводские красногвардейцы. Матерно орал красавчик-эсер, указуяще взмахивая короткоствольным "бульдогом", тоже несся к цеху...

У трибуны толкались, Катрин, минуя лестницу, вспрыгнула напрямик на кумачовый борт. Бледную как мел Островитянскую пытались поднять на ноги, какая-то дамочка в пенсне, всхлипывая, запихивала под окровавленный жакет просторный носовой платок с монограммой.

— С дороги! — рявкнула Катрин, подхватывая под плечи безвольное тело жертвы. — Проход освободите. В машину и в больницу!

Давай проход от ступенек шархнулись, кто-то поддерживал ноги товарища Островитянской. Тело ее было легким, лицо совсем юное, белое, глаза распахнуты, в них отражалось небо. Катрин невыносимо хотелось отвесить напарнице оплеуху. Не смей, дура! Это вообще не твое лицо, да ты и сама... Нельзя так, практически по-настоящему...

Колька, неистово клаксоня, подгонял "лорин" задним ходом.

— Ничего-ничего, сейчас в больницу, — чуть не плача приговаривал председатель завкома, неловко распахивая дверь авто.

— Поехали, живо! — взвыла Катрин, загружая тело на заднее сидение и отталкивая помогающих.

Сквиб сработал штатно, Лоуд замкнула нужный заряд пиротехники синхронно и

безошибочно, рухнула с присущей ей артистичностью. В остальном... Катрин хотелось эту картину немедленно и навсегда забыть.

"Лорин" мягко вылетел в заводские ворота. Колька вел машину ни издавая ни звука, зубы стиснуты, сам белый как бумага. Катрин обернулась к телу на заднем сидении и не сдержала облегченного выдоха — жертва покушения слегка ожила, злобно смотрела вверх, по шевелящимся губам можно было прочесть бранно-шмонюковое. Вот покойница потыкала пальцем верх — над машиной все еще летели вороны. Тьфу, еще это суеверное навязчивое противостояние с представителями семейства врановых. Катрин погрозила напарнице кулаком. Та ухмыльнулась, даже не собираясь убирать с лица пугающую мертвенную бледность.

— Может, в тюремную больничку? — пробормотал Колька. — Там хоть забинтуют.

— Не, в тюремную не надо, — сказала Катрин, догадываясь, что при планировании операции кое-что недодумали. Вот, например, мальчишку нужно как-то срочно успокаивать.

— В госпиталь! Тут есть офицерский, хороший... — вспомнил пилот.

— Нет, в офицерский тоже не надо. Николай, ты меня послушай внимательно. Мы сейчас поедem в морг, тот, что нам вполне привычен...

— Как?! — парень в ужасе попытался обернуться, но готовая к этому Катрин ухватила его за ворот куртки и заставила смотреть вперед.

— Голову не теряй. У нас в машине один официальный покойник. Официальный.

— Катерина Олеговна, вы чего? Разве так можно?! Помощь же надо, докторов...

— Тьфу, Николай, я тебя сейчас слегка ударю. Ты выполняй и не задавай вопросов. У нас тут не богадельня, а серьезный отдел. С разными секретными заданиями и неожиданными поворотами. Не всегда трагическими. Понял?

— Нет, — честно признался мальчишка.

— Ну, и не надо тебе понимать. Просто слушайся. Сейчас заезжаем в мертвецкую, берем там гроб, никого не оставляем, едем по следующему адресу...

— Но она же не умерла! Не может наша Люда вот так сразу...

— Ты в операции участвуешь. В секретной. "Могла — не могла", "умерла — не умерла" — это вышестоящее руководство единолично решает, — сердито сказала Катрин.

— Да не верю я в вашего бога! Давайте в больницу! Что нам в том боге, когда хирург нужен!

Катрин фыркнула, заднее сидение тоже издало чуть слышный звук.

— Ой! — сказал пилот.

Катрин вовремя придержала вышедшую из подчинения "баранку" и с чувством поведала:

— Ты, Никола, не водитель ответственного отдела, а авто-баран какой-то. Ты который раз нас угробить пытаешься? Молчи и никаких вопросов. Теперь понял?

— Э... Да! Но как же она... Все, молчу!

— Слушай, дай я за руль сяду?

— Не-не! Машина с норовом. Да я в полном порядке!

— Тогда на управлении сосредоточься и башкой не вздумай вертеть...

В порядок Колька явно не пришел, но до скорбного заведения докатили относительно благополучно.

— Лежите тут смирно, в смысле, сидите тихо, я быстро, — заверила Катрин, вываливаясь из машины.

Без трости подбитая нога мгновенно напомнила о себе. Шпионка торопливо дохромала до кабинета — к счастью, доктор сидел на месте.

— Это опять я, — сказала Катрин. — С крайне дурной, можно сказать, с трагической вестью. Только что убита товарищ Островитянская.

Улыбка мгновенно сползла с лица патологоанатома.

— Черт, даже не знаю, что сказать. Такая милая, обстоятельная молодая дама...

— Это несомненно. Мы весьма признательны за соболезнования, но в данном случае дело крайне срочное. Нужен гроб и профессиональный взгляд на покойную.

— Сейчас выпишу справку. Что касается гробов, то у нас только из неструганной сосны, не думаю...

— Покойная перед смертью выразила желание, чтобы церемония погребения прошла как можно скромнее и демократичнее. Завещала похоронить себя на малой родине. Так что мы отбываем немедленно. Сосновый гроб будет в самый раз.

— Господи, а что скажет ваше начальство? Все-таки заведующая самым известным отделом. Впрочем, вам конечно, виднее. Сейчас вызову санитаров.

— Не надо санитаров. Справок тоже не надо, ничего не надо. Гляньте на тело, дабы в случае расспросов честно изложить, что видели. Быстренько, доктор.

Опытный патологоанатом начал что-то подозревать. Выскочил в коридор за спешащей посетительницей.

— Что собственно, произошло? Перестрелка?

— Злодейский выстрел в спину. Били с крыши, рука мерзавца не дрогнула.

Товарищ Островитянская выглядела очень мертвой и абсолютно недышащей. Жакет распахнут, кровь на блузке уже запеклась, входное пулевое отверстие отлично видно.

— Действительно, прямо в сердце. И она же... — доктор в смятении глянул на Катрин.

— Увы, — Катрин взяла узкое запястье "тела". — Пульса нет. Я уже проверяла.

Доктор принял руку "покойной", попытался нащупать пульс:

— Действительно. Но... Екатерина Олеговна, тогда я не совсем понимаю...

— Давайте без вопросов. Они, вопросы, вам еще надоедят. Где нам гробик схватить?

Анатом помог закинуть в машину легкий некрашенный гроб. От дверей мертвецкой смотрели санитар и еще какие-то сочувствующие граждане.

— Спасибо, док. Прощайте! — Катрин завалилась на сиденье.

— В любом случае, мне очень жаль, — доктор сунул руки в карманы не очень чистого халата.

— Мне тоже. Было бы чуть больше времени, я бы определенно с вами в синематограф сходила. Хотя я слишком семейная дама для киношек. Будь здоров, док!

"Лорин" выкатил в ворота, Катрин помахала на прощание скорбному заведению и стоящим на крыльце не самым плохим людям.

Из-под гроба на заднем сидении, одним глазом, но весьма возмущенно смотрела покойница. Ну да, в такую трагическую минуту и флиртуют бессердечные скорбящие.

— Потеря наша невосполнима, но жизнь есть жизнь, — вздохнула Катрин. — Цепляемся за мирское, тщетно пытаемся утешиться в мелочах. Но скорбим и безутешны!

— Ага! — подтвердил пилот.

— Ты, Николай, серьезнее. Вздумаешь так лыбиться, отгребешь уйму неприятностей.

— Что ж я, не понимаю?

— Если понимаешь, так думай о насущном. Ничего особо веселого сейчас в Питере нет.

Кстати, как там сирота?

— Какая сирота? — юный водитель полностью сосредоточился на баранке.

— Та самая. Заезжал ведь?

— Ну, мне по пути было. Крупы малость завез, лампу...

— Это правильно, — Катрин полезла в карман галифе, выковыряла растрепанные банкноты. Сзади передали еще жменю "керенок" и николаевских.

— Что это вы?! — принялся возражать Колька. — Мы и сами человека способны поддержать. Она, вообще-то и сама держится. Стойкая девчонка.

— Это хорошо. С папаней ее нехорошо вышло. Провизии купишь, дров, мы не обеднеем...

Занозистый гроб пришлось прислонить к ограде зажиточного особняка — наверное, хозяева дурным намеком воспримут, но кому сейчас легко?

К машине Катрин вернулась в компании коренастого матроса.

— Давай, Николай, на Николаевский вокзал взглянем, а потом к Эрмитажу. Есть у нас там дело музейного характера.

Водитель покосился на сурового кронштадтца, но от вопросов благоразумно воздержался.

"Лорин" покрутился на площади Николаевского вокзала, чуть задержался у багажного отделения, гукнул на извозчиков, — патрули известную машину должны запомнить, а уж каким именно образом и куда отбыло тело — пусть останется загадкой.

Катрин глянула на часы — время поджимало. Давно уже в Эрмитаже должны быть. Не засада получается, а ерунда.

По сути, операция против Иванова задумывалась примитивной, основанной на непроверенных предположениях и догадках. Имелось мнение, что раненого "расписного" в кирхе св. Анны добил тамошний служитель культа. Настоящий был пастор или ряженный, уже не суть важно. В тот момент упустили, а отлавливать позже было уже бессмысленно — отопрется, доказательств никаких. Да и смысл вытрясать устаревшие сведения о диверсантах — сомнителен. Станный "Иванов" и его разрисованные люди, о которых толком ничего не знали и кураторы групп боевиков, наверняка сменил место базирования. Конечно, резервы Иванова иссякали — на начало операции у него имелось около десятка или чуть больше татуированных "штыков", малоценных для действий в городе, в связи с безъязыкостью и полным незнанием питерских реалий. Отыскать этих молчунов, практически не выходящих на улицу, было невозможно.

Лоуд сделала ход элементарный, зато не требующий особой подготовки. В образе говорливого и веселого матросика с револьвером на боку, подкатила на "лорине" к церкви св. Анны, и душевно побеседовала со священниками. Допросом это назвать было трудно: болтун-матрос, конечно, расспрашивал о неизвестных диверсантах, но по большей части трепался об Общем отделе, хвастал своей значимостью, хвалил стиль руководства прозорливой тов. Островитянской. В числе прочего было упомянуто, что новая власть доверила именно заведующей Общим отделом проведение срочной инвентаризации сокровищ Эрмитажа, ибо приноровились оттуда красть "с ураганной мощью". Товарищ Островитянская вот прямо скоро поедет себе выбирать кабинет в Эрмитаже, а главной по охране там будет белобрысая дылда-Катка, та, что в лоб шмаляет сходу и без разговоров. А как же — расхищения нужно пресечь прям немедля, а то самые ценные картинки и штуковины упрут.

Маневр и наживка выглядели простенькими и не очень убедительными. Но! Ганн полагал, что "Иванов" и его "расписные" не местные. От слова — вообще. То есть Пришлые. Насчет самого "Иванова" имелись сомнения — возможно, иностранец, в общем и целом владеющий ситуацией, хотя и дурно знающий город. Связались с ним кураторы довольно оригинальным способом, но это отдельная история. Вот "расписные" казались Ганну глубоко чуждыми. А люди, кажущиеся чуждыми даже представителю счастливого сего будущего, видимо, были совсем уж... Впрочем, татуированные бойцы Катрин интересовали в меньшей степени. Важен был сам "Иванов". В какой-то момент приоритеты этого мутного типа практически полностью сместились, перейдя от усердного наведения хаоса в Петрограде к попытке захвата одной малозначимой, хотя и яркой особы. Операция с ранением и дальнейшим похищением тов. Мезиной была разработана мгновенно и достаточно талантливо, и ее удачному проведению помешала лишь случайность.

Такое внимание к собственной персоне льстило, но вообще Катрин не любила навязчивых мужчин. Лоуд была права — наживку стоило закинуть. Купится Иванов или нет, вот в чем вопрос. Взять практически беззащитную девушку в музей — заманчиво. Но, сил для ловли конкретных "практически беззащитных" особ и возможности маневра силами в городе у "Иванова" не так-то много.

Имелись рабочие версии, зачем именно понадобилась таинственному злодею скромная молодая дама. Но лучше бы их, эти версии, проверить. Ну, или пресечь в корне нездоровую деятельность нехорошего "Иванова".

— Ты здесь бывала? — поинтересовался л-матрос, высаживаясь из авто — "лорин" тормознул на Миллионной у подъезда со знаменитыми гранитными фигурами.^[59]

— В детстве. Маман прокачивала обязательную программу культурного воспитания. Помнится, я здорово устала бродить по залам. Собственно, это все что помнится.

— Урывистое у тебя образование, товарищ Мезина. По типу "когда-нибудь чему-нибудь". Нехорошо!

— Да уж чего хорошего.

Катрин повернулась к машине:

— Коля, ставь машину на виду и жди. Появится Москаленко или кто-то из бойцов, скажут, куда дальше. И успехов тебе! Главное, не спеши шею сворачивать.

Шпионки пожали водителю руку.

— Может, тебя чмокнуть на прощанье? — сипло поинтересовался л-матрос.

— Не обязательно, — поспешно заверил пилот. — Счастливо вам в поездках. В разных. Всем.

Машина отъехала, шпионки посмотрели на атлантов.

— Роскошные мужчины, — отметила Лоуд. — Главное — реалистично отраженные! Я как-то с ними лично встречалась — один в один!

— Не надо меня запугивать, — попросила Катрин. — Тут вообще-то открыто?

Двери оказались запертыми, но на стук выглянул солдат в распоясанной шинели и строго сообщил, что "музей зачинен до после-революции".

— Ты, саперская душа, отпирай, — дружески предложил л-матрос, демонстрируя мандат Общего орготдела. — Мы не до экспозиции, а с проверкой остекления. Зима на пороге, а вымерзания ценностей Советская власть допускать не собирается.

Эрмитаж охранял караул 2-го запасного Саперного батальона. Саперов было их не то чтобы густо: выставленные у разных дверей три поста по два штыка. Ходить в залы саперы

опасались, поскольку имелся строгий приказ ничего музейного не попортить, да и вообще в темноте среди непонятных картин и статуй было жутковато.

Солдаты были вполне настоящие, не подставные. Предложили кипятку и фонарь, но обпивать-объедать саперных караульных шпионки не собирались, а фонарики имели собственные. Уточнив, не было ли сегодня чего необычного, комиссия Общего орготдела направилась в глубину сокровищницы.

— М-да, в этой плоскости у нас малость недодумано, — признала Лоуд, вновь превращаясь в симпатичную товарища Островитянскую. — Оппоненты попросту могут нас не найти. Эрмитажей тут еще и несколько штук. Хотя, нет, Малый и Старый это, кажется, одно. В общем, все напутано из сложных архитектурных соображений. Может, нужно было на посту сидеть? Завели бы граммофон, пообщались...

— А если оппоненты элементарно вздумают нашвырять гранат на завыванья того граммофона? Всяких звуко-сослепительных?

— Да, тоже не вариант. Я гранаты не люблю как класс и злобную выдумку буржуазного милитаризма. Ладно, придется прогуливаться и ждать. Должны вломиться, мы подманим и поставим точку.

— Хотелось бы поставить. А чего ты опять в загодельском облике? Я понимаю твою привязанность к руководящему посту, но уже как-то нездорово. Все ж ты слегка мертвая.

— Не надо мне тыкать и попрекать высокими постами! На мне подсох тот мерзкий киношный кисель, да еще лейкопластыря с проводками на шкуру наклепили с лихвой. Все чешется, свербит и аллергирует, — объяснила оборотень. — Жакетка-то настоящая, под ней скрестись удобнее. А иллюзия в смысле почесывания отягощает. А что мертвая... В порядочном музее просто обязаны шляться призраки. Товарищ Островитянская — актуальный и идеологически верный вариант потусторонности. Или тут имеются какие-то местные старорежимные граждане-призраки?

Про местных призраков Катрин не знала. Коты специальные, вроде бы должны бродить. Хотя музей-дворец, здесь кругом сложные наслоения культурных и исторических воспоминаний. А какие воспоминания без безвинно удушенных, отравленных и ткнутых кинжалом в спину? Но на память ничего не приходило...

Нынешний Эрмитаж, конечно, порядком отличался от того, что помнился шпионке. Экспозиции иные, не очень-то и привычного музейного вида, самое ценное вывезено в Москву, беспорядок, иной раз приходилось наткаться на мебельные заграждения и штабеля ящиков. Огромного пыльного буфета на первом этаже Катрин вообще не помнила. Шпионки поднялись на второй этаж, неспешно брели немецкими и голландскими живописными залами — слабый свет падал в щели портьер на высоченных окнах, картины на стенах сливались в единый сюжет. Как справедливо отметила профессор — недостаток освещения склоняет непримиримый спор художественных направлений к абсолютной победе мышастого реализма.

В зале Рубенса засадная группа сочла возможным передохнуть на мягких банкетках. Богатый вишневый бархат, пыль и позолота — подсказала краткая вспышка фонарика. Но сидеть мягко.

Лоуд вслух размышляла о пользе диет и моде на фитнес. Думали шпионки, конечно, об ином.

— Не придут, — предрекла, играя тростью, Катрин. — Уже начало восьмого, если бы комиссия работала, мы бы уже домой собирались. Невзирая на широкоизвестный

трудоголизм Общего орготдела, работать беспрерывно невозможно. Особенно ввиду отсутствия наличия работающей столовой или буфета.

— Да, я тоже жрать хочу, — согласилась напарница. — Могут не прийти. Есть мнение, что этот Иванов весьма тертый и хитрозадый шмондюк. Ну что, снимаемся и отзываемся засадные полки?

— Надо бы еще подождать часок-полтора. Логичнее ворогу заявиться уже в темноте и перехватить нас где-то на выходе-входе. Хотя темнота уже давно есть, а признаков вторжения нет...

— Могут тебя на подъезде попытаться подсесть, — заметила многоопытная профессор. — Рисково и шумно, но если они не решатся сюда сунуться... Хотя как они тебя рассчитывают брать в машине? Ты же по-любому маузеры успеешь хапнуть.

— Может, я вообще не такой уж особо ценной считаюсь?

— В понимании Иванова — ты ключ. Умеешь Прыгать без машин, а это, в их замшелом представлении — бесценно. Я так вообще сущий клад, но про меня не знают. Ибо я скромная.

— Ты, конечно, просто эталон скромности и малоизвестности. Но мы все пока домысливаем, а гипотезы спорные.

— Как прикажешь проверять, если лабораторного материала не имеем? — возмутилась профессор. — И вообще не усложняй. Ситуация проста: или придут, или не придут. Поскольку сигналов и вообще шума нет, значит, второй вариант. Не огорчайся. Дома честно скажешь, что туристическая поездка вышла на славу. Все осмотрела, с царем и Ильичом поздоровалась, в лимузине прокатилась, в музеях побывала.

— Угу. Может еще пройдемся? Тут где-то Рыцарский зал должен быть. Надо бы взглянуть. Из практических соображений.

— У тебя фигура для доспехов нестандартная, — напомнила Лоуд. — И вообще они тяжелые. Сама понесешь.

— Как феодалка и известная угнетательница, могу себе позволить изготовление доспехов на заказ, — напомнила Катрин. — Но что толку на месте сидеть?

Действительно, сидеть в темном музее оказалось скучно. Изредка доносился стук копыт по мостовой — проезжали редкие извозчики. Прошагал отряд юнкеров — было слышно, как ругали какого-то Корякина — нижний чин, а при передаче караульного поста придирается будто инспектор генштаба.

— Сработаются, — задумчиво сказала Лоуд, освещая узким лучом фонарика огромную картину. — Ругань — это признак нормальной рабочей обстановки. Хотя не царские времена, и с табуированной лексикой нам необходимо непримиримо бороться! Или хотя бы ее разнообразить. А то музеи вон какие пространные, а ругань наоборот. Слушай, а почему тут написано "Гибельный шторм"? Волна хилая, явно не океанская. Море какое-то мелкообразное. Чего вдруг "гибельный"?

— Потому что это не Айвазовский, а немец какой-то малевал. И вообще нужно было днем засаду делать, при нормальном освещении. Сейчас шедевры рассмотреть трудно. Мы идем в Рыцарский зал или не идем?

— Да на что сдались эти железки? Дома не надоели? Унылая ты, Светлоледа.

Прислушиваясь, шпионки брели по залам. В бесконечных помещениях стояла полная тишина. Никакого сигнала, даже намека нет. Остальные засадные группы — немногочисленные, поскольку большая часть ребят Москаленко была занята и стянуть их к

Эрмитажу не представлялось возможным — остальные три группы контролировали торцы здания. Предполагалось, что противник попытается проникнуть в здание именно там. Бойцы заняли позиции еще до полудня и пропустить "расписных" никак не могли. Задержать-захватить врага столь малыми силами в любом случае трудновато, оставалось надеяться на оперативные и скоординированные действия всех групп. Но пока задерживать было попросту некого.

...- Вон они, твои железяки. Ишь выстроились, — входя в следующий зал, осудила Лоуд. — Между прочим, настоящие шпионы не унижаются до размахивания всякой острообразной тяжестью и антисанитарного употевания в доспехах. Если нужно — ткнул ножичком под лопатку, и клиент доволен, и ты достоинство сохраняешь.

— Я на полставки шпионка. А так, просто военный человек и немного леди, — оправдалась Катрин.

— И чего хорошего? Бегаете все взмыленные: дым, лязг, кишки по веткам. Неаккуратная профессия. Вот — даже здесь — самый вонючий зал. Керосином так и прет. Я бы этот военный хлам вынесла в отдельную загородную экспозицию и оградила от несовершеннолетних, — Лоуд обвиняющее указала в сторону двух ближайших стальных фигур. — Поставят вот такого ющеца в культурном месте, а он, может, пожароопасный!

Катрин пожалала плечами — Рыцарский зал на то, что помнилось, вообще не походил. Знаменитых конных рыцарей не видно, все как-то мелочно: доспехи, щиты на стенах, несимметрично сбитые в кучки витрины с мечами и клевцами. Но керосином действительно ощутимо пованивало. Чистят им латы, что ли? Странно. И сами манекены странноватые. Этот вот, в миланской кирасе с огромным напузником и странных обвислых портках, он кого изображает? Вольный итальянский крестьянин-партизан, обзаведшийся трофейным железом?

Рука шпионки бессознательно скользнула к рукоятке маузера, но было поздно. "Миланский крестьянин" резко шагнул к стоящей спиной профессору, мгновенно прижал нож к горлу Лоуд, другой рукой приставил к голове пленницы ствол отнюдь не итальянского револьвера банальной системы "нагана". Явно взведенный...

Это было немыслимо. Катрин и с закрытыми глазами могла бы почувствовать присутствие в помещении чужого человека. Или дарка. Опыт, годами наработанное чувство опасности... Но мгновение назад зал казался абсолютно безопасным. Ладно, человек всегда может ошибиться. Но как Лоуд лоханулась?!

— Однако! Два века живи, век учись, — сдавленно сказала профессор, прижатая к стальному нагруднику. — Говорила же — самый дрянной зал!

Зал был не только дрянным, но и чересчур обитаемым. Катрин уронила трость и держала на прицеле маузеров появляющиеся из углов фигуры. Еще трое... шестеро. Оружие держат наизготовку — даже в темноте можно угадать винтовки-трехлинейки.

Катрин рискнула бы — можно снять двоих ближайших, одновременно нырнуть за витрину. Темнота поможет да и удовлетворительную скорострельность маузеров не будем отбрасывать. Но Лоуд... Завалить этого наглого "миланца" ничего не стоит — он лишь частично прикрыт не очень высокой товарищ Островитянской. Но револьвер — механизма простая и бездушная, пружина спуска легко сработает в дрогнувшей, пусть и уже мертвой, лапе. Голова у профессора умная, многоликая, но вполне пулепробиваемая...

— Тифина! — предупредил один из керосиновых призраков. — Леди Катарина, нам лучфе спокойно погофорить. Мы фас ждали здесь, у арсенальный залы и не офиблись.

Профу минутку фнимания!

Он. "Иванов". Манера говорить характерная и описание соответствует: невысок, залысины. На боку в кожаной сумке весит какая-то хрень, вроде увесистого цилиндра противогаза. Запасливый какой, вот об этом не упоминали. В остальном все совпадает. Ганн говорил про акцент, не умея идентифицировать оный — псевдо-коммунист и сам наполовину англоязычен, как все детишки Сети, да еще нарочито свою речь замусоривает. А гражданин "Иванов" у нас явно из немцев, видимо, баварец. Спасибо нашим знакомым переводчикам, пусть поверхностно, но насчет диалектов просветили.

— Отпускаем женщину, потом разговариваем, — резко предложила Катрин.

— Не гофячитесь. Эфто не женфина, а тофарищ Остроффитянская. И лишь ес прифутсвие позфоляет нам гофорить, но не стрефлять. Очень скорофалительно стрефлять, — подчеркнул свою мысль Иванов. — Оруфие мы фсе опускаем. Кроме фот того рефольвера. Пусть подстарфует от фашей меткой руфи. Мы с фами хорофо знаем, фто фрау Остроффитянская — персона, фесьма ценная русской рефолюции и лично фам.

Изъяснялся герр Иванов на смехотворнейшем русском, но мысли свои доводил до собеседника исчерпывающе. Пистолет он, кстати, действительно опустил, темные фигуры между витрин, тоже отвели стволы винтовок.

Значит, переговоры. Катрин тоже опустила "маузеры".

— Благорафумно, — одобрил худосочный Иванофф. — Перейду к фути дела. Тофарищ Остроффитянская имеет представлять рукофодящий роль в данной рефолюционной действительности. Фы, как коммунистка и болфивичка, отлично это понифаете. Фариант прост: фаши услуги в обмен на физнь и безофасность министра!

— С какой стати я вдруг "министр"?! — придушено возмутилась товарищ Островитянская. — Не будет у нас этого опозоренного историей звания! Требую в переговорах меня именовать "исполняющая обязанности народного комиссара"!

— Как уфодно, — не стал возражать Иванофф. — Не о фас речь. Я обращаюсь фот к этой белокурой фударыне.

Он демонстративно повернулся к вооруженной собеседнице:

— Суть предложения фам ясна, фрау Катарина?

— Не совсем, — призналась Катрин. — Во-первых, вы чересчур "фыкаете", а во-вторых, меня смущает ваше страстное стремление поменять замечательную товарища Островитянскую на какие-то неопределенные "мои услуги". Чудится неприятный сексуальный подтекст и дурной вкус.

— Фексуальный? — явно не понял собеседник.

Так, а Иванофф ведь не совсем то, чем его считали. Несомненно, человек земного и здешнего происхождения, но какого "года выпуска"? Явно не XX век. О сексуальной революции^[60] бедолага вообще не осведомлен. Еще и старательно "сударыня" пытается использовать. Учтив не по-современному герр Иванофф.

— Не суть важно какой подтекст, это я к слову, — пробормотала Катрин. — Просто объясните — какой вам смысл менять видного деятеля революции на мои неочевидные услуги? Вы ведь тут так старательно и прилежно контрреволюцию учиняли, гражданскую войну провоцировали?

— Не фофсем. Мы меняли цефь софытий. Федущую туда, — Ифанофф указал стволом пистолета куда-то далеко вперед, в сторону античных залов. — Нам не нуфна фойна. Та-та, та самая, фы знаете.

— Так он пацифф-ффист! — обрадовалась придушенная, но не утерьявшая свойственного земноводным оптимизма, профессор. — Камрад Иванов, у нас с вами много общего...

— Зафнитесь! — холодно приказал переговорщик. — Нам не нуфны политифированные фыскочки-рыбачки. Я разгофариваю с фрау Катариной. Идемте с нами, фударыня. Нам фыжненно необходим специалист по Прыфкам. Об оплате и комфинсации зафраченного фремени догофоримся. Разочарофаны не будете.

— Понятно, — Катрин осторожно потерла пистолетом внезапно занывшую ушибленную ногу. — Герр Иванов, вы не находите, что ваш подход к переговорам напоминает шантаж? От специалиста по Прыжкам, работающего под нажимом крайне мало пользы. Вы должны понимать.

— Мы догофоримся, — повторил собеседник. — И фы не пофалееете. Но пока я фынужден действовать грубой силой. К тому фе я плохо говорить по-русски. Трефуется обстоятельный бесед.

— Требуется убрать от моей головы или наган или нож, — встряла Лоуд. — У меня шею перекосило, а кривошей ИО наркома — это вообще курям насмех. Кстати, для полного взаимопонимания рекомендую перейти на пантомиму. Будет как в немом кино, что очень стильно. Синематограф вообще чрезвычайно современное и технически совершенной искусство, несомненно, главное для нас...

— Зафнитесь! — приказал Иванофф. — Или ногу профтрелю.

В голосе невыразительного лысеющего человечка проскользнули стальные нотки. И свой кавалерийский "Рот-Штейер"^[61] он держал уверенно.

— Жить кривошейей я не желаю! — злобно объявила оборотень. — Стреляйте, пофлые убийцы! Может, я желаю умереть как в кино. Эффектно и не напрасно!

До Катрин дошло. Она кинула краткий взгляд на напарницу — Лоуд была вынуждена стоять на цыпочках: горло поджимал нож пленителя, в висок упирался револьверный ствол, и голова, обтянутая красной косынкой, действительно крайне неудобно перекосилась. Бесспорно, оборотень могла обратиться во что-то жуткое, способное напугать даже смахивающего на робота "миланца". Но скорее всего, тот с перепугу нажмет на спуск. Профессор совершенно обоснованно ценила и берегла свои мозги.

— Меня душат, режут и висок продавливают. Это нарушает все Гаагские конвенции прям скопом и оптом, — с достоинством напомнила оборотень, уловившая понимание во взгляде партнерши.

— Ефе слофо и ф колено, — кратко сообщил Иванофф, действительно нацеливая пистолет на стройную ногу товарища Островитянской.

— Экий вы фанат стрельбы по женским ляжкам, — пробурчала Катрин. — Оставьте эти садистские фокусы. Мне нужны гарантии, и хотя бы самое общее представление об объеме работ. В общем, надо договариваться.

Катрин знала, что договариваться не о чем. Пристегнуть прыгуна к одному месту гораздо проще, чем это кажется на первый взгляд. Иванофф вполне сообразит как это сделать. Да и объяснять немцу теорию лимитирования личных и индивидуальных прыжковых способностей бесполезно. Ее, эту теорию, все равно никто пока не может понять и объяснить. И вообще шпионов дома ждут — это решающее обстоятельство. Так что заканчиваем переговоры.

— Здесь не мефто уточнять... — начал Иванофф.

Громыхнул выстрел...

Эхо еще катилось под высокими сводами и краткий всхлип-вздых несчастной Островитянской практически утонул в гулком отзвуке коварного выстрела. Но все видели, как из виска пленницы брызнула кровь. Оборотень безжизненно обвисла в полужелезном объятии, из-под пробитой косынки на гладкую щеку густо потекло...

— Фто... — возмущенно открыл рот Иванофф.

Первый выстрел Катрин сделала опущенным пистолетом, пряча ствол за собственные ноги и надеясь, что рикошет и звук уйдут в сторону обреченной напарницы, а пуля никого не заденет. Лоуд сыграла идеально, спрятанный под косынкой сквиб тоже не подвел. Противник ничего не понял и мгновение было выиграно. Теперь Катрин злорадно всадила пулю Иваноффу в колено, с левой руки положила ближайшего стрелка и ушла под защиту витрины. Стреляли "расписные" метко — сразу две ответные пули раскололи витринное стекло. Откатываясь из-под опасного стеклопада, шпионка достала "миланца" — получив пулю в плечо, громила выпустил безжизненное тело Островитянской, пошатнулся, неловко бахнул из "нагана" в потолок зала. Катрин для профилактики добавила великану во второе плечо и сосредоточилась на остальных стрелках. Штабель ящиков поблизости пришелся кстати — вполне себе капонир, хотя и миниатюрный...

...Патронов жалеть не приходилось, "маузеры" грохотали практически непрерывно. Расписные отвечали довольно точно, но в плотности огня явно не могли составить конкуренцию. Вталкивая в пистолет новую обойму, Катрин отметила, что у противника сложности в обращении с "трехлинейкой". Похоже, к иным стволам привыкли...

...Еще четыре пули веером в сторону дальней двери зала... Интересно, где наша засадная кавалерия? Хотя тут всего несколько секунд прошло. Что-то хрипит на немецком наречии герр Иванофф, пытается отползти с линии огня. Ничего, далеко не уползет, скотина этакая. Тела товарища Островитянской на месте нет — воскресла и испарилась, то-то и "миланец" враз притих. С чистотой эксперимента по гуманности не очень получается, да и разгром музеев становится какой-то нехорошей традицией. Не поджечь бы строеньице...

Пуля ударила в пол недалеко от колена шпионки. Катрин спешно откатилась за витрину — у "расписных" тоже обнаружился резерв — стреляли с тыла, со стороны соседнего зала, помнится он наречен Западно-средневековым. Хорошо что силы врага скромны — там только два ствола. Но продолжают упрямо бить по конечностям — выходит, нужна им "фрау Катарина" живую просто позарез.

Ситуация усугубилась — под перекрестным огнем всегда трудновато, а тут еще и помещение специфическое. Но из "средневековья" почему-то больше не стреляли.

Шпионка на всякий случай сместилась дальше к стене и за постаментом рыцарского чучела (снизу опознавался как кастенбрустский доспех XV века, но присматриваться некогда) столкнулась с рыжим мальчуганом.

— Начинаю разочаровываться в боевой составляющей Общего орготдела, — скорбно поведал л-ребенок. — Где твой Москаленко со своими шмондюками?

— Щас будут, — заверила Катрин и дважды выстрелила из-под рыцарского меча "бастарда". Предмет вооружения не удержался и с грохотом рухнул на пол.

— Могло бы и на жопу. Толком экспонат прицепить не могут. Не музейщики, а... — нелицеприятно раскритиковал л-мальчик, стремительно убегая на четвереньках за витрины...

"Попугчики" все же не затерялись в бесконечном музее — в зале итальянской живописи

застучали автоматы, кто-то матерно предложил врагу почетную капитуляцию. "Расписные", естественно, принимать предложение отказались, начали отступать в сторону французской классики XVIII века. Дважды бабахнули гранаты, на этом непростительная порча шедевра мирового искусства завершилась.

— Я так и знала, что бомбами кончится, — чересчур громко отметила товарищ Островитянская — она уже вполне в своем, женственном образе сидела на полу, изящно, двумя мизинцами затыкая уши.

— Не стрелять! Мы здесь! — заорала Катрин межвременно-революционным бойцам, и сделала знак напарнице, намекая на достойное преобразование. Конечно, "попутчики" догадываются об истинной судьбе героической "ИО наркома", но принципы конспирации нужно соблюдать.

— Постой, а чем воняет? — спохватилась профессор, неохотно принимая облик, славного, но безымянного кронштадца.

По ощущениям Катрин, пахло разгоряченными "маузерами" и опустошенными гильзами. Хотя, нет, еще что-то... озон, как после грозы?

— А этот шмондюк-то где?! — л-матрос резво подскочил на ноги. Катрин запрыгала следом — кувырканье по полу на пользу отшибленной ноге не пошло — травма весьма и весьма чувствовалось.

— Ушел! — в ярости взревел л-матрос, шаркая, растирая подошвой башмака кровавые потеки на полу.

Ивановфа действительно не было. Вот тянулся темный след от простреленной ноги, и все... Дальше чисто. Валялась круглая крышка от чего-то похожего на термос.

— Навонять и смыться вздумал?! — зловеще спросила профессор, подбираясь как перед...

— Стой! — испугалась Катрин.

Поздно. Лоуд исчезла. Едва чувствующийся необъяснимый отзвук Прыжка мгновенно растаял в пропахшей порохом и озоном темноте.

Катрин подобрала кругляш. Крышка как крышка: добротная, с хорошей пружиной и чем-то вроде часовых шестеренок.

— Живы? — окликнула Москаленко.

— Да как сказать, — отозвалась Катрин в полном замешательстве.

С другой стороны приблизилась невысокая фигура в темной куртке.

— Опять Логос шутит? — осведомился Укс. — Ускакала наша полоумная?

— Да вот как-то на редкость скоропалительно, — пробормотала шпионка. — Это ты там двоих с винтовочками?

— Я в глупых экспериментах не участвую, и нож у меня всегда при себе, — сухо подтвердил дарк. — Кстати, экспозиция по Этрурии произвела на меня весьма приятное впечатление. Слегка несуразно, но в целом чувствуется искреннее уважение к эпохе.

— Ну, хоть что-то. Слушай, а как теперь ее искать? — занервничала Катрин.

— Чего меня искать? — отозвались со стороны евро-средневекового зала, бухая сапогами, подошел л-матрос, сунул напарнице абсолютно внезапную оловянную пивную кружку. — Ушел этот шмондюк. Верткий, хотя и одноногий теперь. Я бы подсекла, но там народу многовато, а бушлат оказался не по темпоральному сезону. А еще бургерские нравы воистину отвратительны — в меня сардельками швырять вознамерились. Горячий продукт, между прочим. Короче, Германия. Век девятнадцатый. Год не скажу — они там такие

нервные, что с датировкой возникли трудности. Может, на кружке что указано.

От кружки пахло пивом — внутри еще болталось на доньшке.

— Можешь дохлебать, — милостиво разрешила профессор. — Вроде свежее.

— Воздержусь, — Катрин разглядывала кружку, Москаленко подсвечивал фонариком.

Vamberg^[62] — красовалось готическое на оловянном.

— Значит, все-таки немцы, — сказал прапорщик.

— Связь с германцами несомненно, но те, — Катрин кивнула в сторону тел, которые проверяли бойцы, — на нормальных немцев не очень-то похожи.

— Это понятно. Непонятно как газетчикам это происшествие представлять. Нам бы какой однозначности добавить, — Москаленко уже начал мыслить политически верно и прагматично.

— Есть предложение по порядку введения однозначности в данную ситуацию, — с весьма знакомыми и, видимо, осознанными интонациями сообщил л-матрос.

Москаленко непроизвольно поморщился и отвернулся — все же с непривычки видеть в коренастом балтийце призрак обаятельной заводелом мужчинам было сложно.

— Товарищ Катерина, мы с тобой подсказки предоставим, — уже без всяких игр с интонациями заявил матрос. — Только логово этих разрисованных камрадов найти бы не помешало. Вышло бы доходчивее.

— Нашли мы их логово. Временное пристанище, но, определенно, они тут не в первый раз сидят, — хмуро сообщил Москаленко. — Это тут, в подвале, рядом с кочегаркой. Взрывчатка, даже пулемет запасен. Правда, из доказательств происхождения — ничего. Они, похоже, исключительно сельдью и хлебом питались. Мы случайно схрон нашли — с утра пошли котов эрмитажных подкормить, я рыбки прихватил. Все ж традиция, а время сейчас голодное. А тут гнездо... Только там уже пусто было. Я подумал, что срочно вам докладывать не имеет смысла. Да и сомнения оставались.

— Сомнения, товарищи, нам вечно вредят, — изрек л-матрос. — Диверсанты почти сутки сидели и стерегли товарища Мезину в этой самой железной экспозиции. Отбили керосином запахи и затаились. Нужно отдать должное врагу за выдержку и терпение. Учтем. А товарищу Катерине поставим "на вид" за полную предсказуемость поведения. Доспехи ей, понимаете ли, непременно нужно поглядеть.

— Если бы я не интересовалась историей оружия, мы с врагом вообще бы разминулись, — напомнила Катрин. — Что за предложение с доказательствами?

— Спорное предложение, — признала профессор. — Но исходя из ситуации... В качестве консультанта пойдешь?

* * *

— Это вообще натуральный вандализм, — сильно мучаясь, сказала Катрин.

— Что вы эту несчастную народность все время пинаете?! — вступилась профессор за знаменитое древнее племя. — Вандалы не хуже других они жили. Да, немножко зверствовали, зато радушные. А по данному вопросу я вообще не понимаю. Мы же не все собираемся выгребать. Нам штук тридцать-сорок и хорош. Не обеднеют фондами.

Опять музей, и опять пустой и ночной — идеи в профессорскую голову приходили с закономерной и последовательной логичностью. Шпионка стояли перед низкими витринами, почти доверху заполненными немецкими регалиями. Крестов действительно было много. Тысячи... Среди них утопало некоторое количество автоматического оружия и иных признаков поверженной фашисткой мерзости. Грабить данную экспозицию у Катрин

не имелось ни малейшего желания. Варварство и вообще стыдно. С другой стороны, Лоуд права — где еще возможно срочно найти что-то поубедительнее этих крестов?

— Дай пистоль, я тут уголок стекла чуток стукну и все, — разъяснила профессор свой тонкий план по изъятию ценностей.

— Да это вообще абсолютно не те кресты, — нервно зашептала Катрин. — Не той эпохи награды. Эти вроде бы к взятию Москвы чеканили, да драпанули и бросили.

— Вот! Враг разъявил пасть не только на наш Петроград, но и на Москву! Но не вышло, не на тех полезли. Скажи мне что тут неисторичного? Жалкие двадцать с гаком лет? В историческом масштабе — ничто! Имеем полное право приложить данные кресты к материалам расследования. В этом даже есть свой, пусть и не прямой, символизм. Короче, не хочешь доверять пистолет, сама стучай.

— Ты профессор или терминатор, прикормленный стекольной фирмой? Хватит уж, витрин в Эрмитаже с избытком набили. Тут планку открутить сбоку и доступ будет. Только, наверное, на сигнализации, — Катрин со вздохом достала нож...

Сигнализация действительно была. Под ее возмущенное верещание расхитительницы спешно нагребли в пакет колких крестов — у профессора совершенно случайно с собой оказался удобная тряпочная торбочка с тесемками-ручками и принтом сомнительного синеватого человечка. Где-то по залам бухали ботинки спешащей охраны, Катрин остановила увлекшуюся мародерством соучастницу и через мгновение шпионки шагали по темному Эрмитажу.

— Ну вот и все, — удовлетворенно отметила Лоуд. — Нужно регулярно перераспределять фонды и всемерно поощрять культурный обмен. А чтоб тебе спокойнее было, я формально потерпевшим что-нибудь интересенькое подгоню. Личную вилку Наполеона, к примеру. Вещь неудобная, но историческая.

Действительно выходило, что "вот и все". Передали бойцам сомнительный трофей, Лоуд проинструктировала как живописнее раскладывать тела, посоветовала обозвать группу дерзких германских лазутчиков "Черным батальоном Нибелунг-Раммштайнов". Эрмитаж наполнялся голосам и стуком сапог — на звуки пальбы прибыли патрули красной гвардии, школы прапорщиков и представитель ЧЮКа. С минуту на минуту ждали фотографов и репортеров.

Пора было исчезать окончательно. Шпионки уединились в Эпохе Возрождения и Прыгнули.

Вот так оно все и кончилось, хотя и не совсем.

Эпилог. (Лоскутный, как то самое одеяло)

Москва. Кремль.

1917 год, 28 октября (по старому стилю), утро.

— Выходи, сукины дети! Живее, живее! Шинели долой, карманы вывернуть! Куда пятишься, быдло сиволапое?!

Слева были Троицкие ворота, справа Окружной суд. Кремль, вообще-то вполне живой и обитаемый, с квартирами, монастырями и казармами, с близкими трамвайными остановками на Красной площади, этим утром казался обезлюдившим. Только люди в шинелях. Зато много. Торжествующие и испуганные, но в равной степени злые. А группа прикрытия ничтожна: два снайпера, единственный "льюис" с парой пулеметчиков, да шпионские маузеры. Ну, еще в резерве титанический земноводный умище, но он сейчас бесполезен. Время злости, штыков и стрельбы в упор. Кишит Сенатская площадь

вооруженными и безоружными людьми в военной форме, одни гонят прикладами и ударами сапог, другие пытаются увернуться. Остается только наблюдать с относительного удаления.

Сейчас одни начнут убивать других.

56-й запасной стрелковый полк, принявший сторону московского ВРК и защищавший Кремль, сдался. Не имея связи и, не зная сложившейся в городе ситуации, солдаты приняли решения сложить оружие. В Кремль вошло около двух рот юнкеров. Дальше... Дальше началась бойня. Как и почему — точно неизвестно. Известен результат: погибло более двухсот солдат и около двух десятков юнкеров и офицеров...

...От души в морду — н-на! Прикладом. Казалось, даже видно, как зубы на мостовую посыпались. Катрин невольно на миг зажмурилась, у самой челюсть заныла. С занятой на Чудовом монастыре позиции оказалось на удивление хорошо видно. И слышно.

— Встать! Встать, скотина вшивая! Заколю!

Поднимается человек на колени, из смятого рта тянется, капает красное и густое. Но лежать нельзя — не шутит юнкер. Аж винтовка в руках гуляет от азарта и всплеска победной ненависти — штык того и гляди кольнет под ребра.

Нарастают крики, бьется ненависть, колотится о стены древних колоколен, пытается в колокола ударить, да только слабоваты пока у ненависти когтистые лапки. Нужно омыть те когти кровью. Кремль останется за юнкерами, недобитых солдат загонят в ротную казарму и запрут. Куда кучу трупов денут, Катрин не знала. Ответ отсрочится. Лишь через сутки с Воробьевых гор, с Калужской площади, с Шивой горки начнут нечасто, но упорно долбать батареи ВРК. Ключет трехдюймовая граната шатер колокольни, остановит прямое попадание куранты на Спасской башне, черканет шрапнель лик Николая Чудотворца — живо окрепнут клыки у московского дракона-Ненависти.

И что вы тут сделаете, господа-товарищи шпионы? В кого из маузеров и одинокого пулемета пулять? Дракона не достать — высоко летает. А в людей... В кого именно? Выбирай — почти всеильны вы, всезнающие шпионы. Бессмыслица.

Стоит в проезде у Арсенала юнкерский броневик, грюкает башенкой, поводит рылом пулемета. Тоже выбирает. А крики все громче, удары чаще...

— Ты что прячешь, тварь?! Лапы поднял, б... морда...

Бьет-тычет ствол "нагана" в живот, раз, второй, третий. Больно. И револьвер взведен.

И нервы людей как пружины той гибкой низколегированной стали. Но предел у любой пружины существует. Сейчас...

Рычат, скрипят зубами солдаты 56-го. Жалуют о составленных винтовках те, кто из казарм только выходит, те, кого еще не бьют прикладами и сапогами...

Сейчас...

— Прекратите! Немедленно прекратите!

Голос слышат все. Ибо странен: женский, звонкий, чуждый этому утру.

Тревога и возмущение в том голосе искренни. Возмущение — не ненависть! Когда рядом звучит то и другое, контраст, как ни странно, очевиден и разителен.

Девушка торопливо шагает между фигур в шинелях. Она другая. Совсем другая: хорошо сшитое, темно-синее пальто, сдернутая второпях с головы темная шаль. Движения сдержанные, но ей страшно. Наверное, она красива, но дело вовсе не в этом... Она иная, не из мира обреченной солдатской толпы и оцепления с победно наставленными в суконные животы побежденных штыками. За ней кто-то идет, но площадь видит только это синее пальто и бледное, решительное лицо...

Вот вспрыгивает на разбитые патронные ящики. Так она чуть выше окружающих — но это "чуть" очень важно. Ее видят все.

— Господа! Товарищи солдаты! Прекратите, я вас очень прошу. Это Кремль, это сердце России. Это дом моих предков, в конце концов. Здесь не должна литься кровь! Я прошу и требую — прекратите!

Ей страшно. Вот сейчас всем видно — ей очень страшно. Так же как солдатам 56-го, может быть и сильнее. Она знала и представляла, куда идет.

— Великая княжна?.. — кто-то ее узнал. Не совсем случайно узнал, но сейчас это не важно.

Пробегают удивленный ропот между людей в сером, неуверенно задираются штыки к такому же серому мрачному небу.

— Господа, у меня приказ Верховной Ставки о введении в Москве Особого положения и полном, немедленном прекращении кровопролития, — объявляет не очень красивый штабс-капитан, поднимаясь рядом с девушкой на ящичную импровизированную трибуну. — Ведутся переговоры с МВРК о подписании недельного перемирия.

— Опять с мерзавцами о чем-то договариваться?! С какой это стати, позвольте узнать? — возмущенно кричит какой-то поручик.

Ничего не кончено. Но злой поручик пихает револьвер в кобуру. Он будет орать и ругаться, но стрельба откладывается. Во многом оттого, что на ящике стоит девушка в синем пальто и выразительно молчит. Выразительно смотреть и молчать у нее очень хорошо получается.

— Сдюжит Танька-то, — выносит вердикт земноводный контролер-наблюдатель, опуская бинокль бюджетного китайского производства. — Все ж, правильная подготовка имеет решающее значение.

Это верно. Можно снять с боевого взвода маузеры. Ничего не кончено, но земляки справятся. Они всегда рано или поздно справляются. Лучше, конечно, чтобы пораньше.

* * *

Медвежья долина

Никакой временной связи с часом X.

— Немного затянулось, и кое-что не успели, — отметила Лоуд. — Но как говорит один мой знакомый — тоже, кстати, многоликий, — нельзя объять необъятное!

— Очень верная мысль, — соглашается Катрин, наслаждаясь.

Воздух чудесен, а пояс больше не отягощают увесистые стрелялки. Оказаться дома просто замечательно. Раннее утро, над рекой еще висит дымка, солнце только посыпается за Трактовым Бором, прохладно. Финишировали чуть в стороне от переправы, но товарищ Островитянская напряглась, постаралась и до "Двух лап" отсюда буквально рукой подать.

— Ладно, я пошла. Ты тут сама ликом сияй, а у меня собака не кормлена, — тактично намекнула Лоуд.

— Спасибо за доставку. И вообще спасибо. Мне кажется, лучше тебя никто бы не справился

— Да? — отставная заведомо поскреблась под жакетом. — Чертт его знает, я выкладывалась как могла. Щас-то очевидны некоторые досадные ошибки. Эх, опыт — сын ошибок трудных...

— И гений, парадоксов друг, — кивнула Катрин. — Кстати, ты с ним знакома?

— Нет, все как-то запарка, все мимо проскакиваю. Нужно зайти, познакомиться. Для

вас автограф брать?

— Не-не, не надо! Мы не коллекционеры. И вообще я немного разочарована в гениях. Хватит нам одного. Земноводного.

— Польщена, — на удивление серьезно призналась оборотень. — Вообще, мы обе недурно сработали. Да и штат в отделе подобрался славный. Повезло с личным составом.

— Именно.

— Эх, если бы климатические условия способствовали. А то носяра забит, спина чешется. Прямо сейчас окунусь, не выдержу. Ты иди, Светлоледа, а то топчешься, подпрыгиваешь. Дом, хозяйство, дети, иные крепостнические заботы и забавы, я понимаю.

— До встречи! — Катрин пожала узкую четырехпалую лапу.

Тропка вдоль берега была чуть заметна. Катрин шагала все быстрее, тростью отводя с пути стебли заматеревшей крапивы. За спиной плеснула вода — изможденная осенне-городским существованием оборотень окунулась в экологически правильную воду. Донеслось бодрое пение:

Так близки наши тела

И безумные слова

Без стыда тебе шепчу я.

Ах какая женщина, какая женщина.

Мне б такую...^[63]

Катрин ухмыльнулась — еще издевается, зараза перепончатая. Впрочем, оказалось, музицировалось по иному поводу. Видимо, оборотень просто разглядывала себя в отражении воды, поскольку из воды донеслось задумчивое:

— Под глазами мешки и нос распух. А молоко за вредность опять зажали.

— Чему там пухнуть? — крикнула, смеясь, леди-шпионка. — У тебя нос символический. Не простудись, смотри.

— Если нос аккуратный, так уже и распухнуть не может? — обиженно заворчала купальщица, но затянуло бодрое:

— В бой роковой мы вступили с врагами,

Нас еще судьбы безвестные ждут...

На "мрет в наши дни с голодухи рабочий." пение оборвалось — Катрин только угадала отзвук Прыжка. Большой мастер у нас тов. Островитянская — и с воды стартует не хуже крылатого "Калибра".

Вот брод, а вот и аборигены. Самодельный спиннинг испытывают. Катрин остановилась, любясь младшим сыном: Гр-Гр примерился, кинул блесну — не особо удачно — "борода" случилась. Испытатель сдержанно погрозил воде кулаком, принялся выбирать запутавшуюся леску. Ну не молодец ли?! Сама бы мама не удержалась от нескольких слов, близнецы, есть подозрение, тоже не смолчали бы. А этот изобретатель у нас самый замечательно вдумчивый и хладнокровный.

Вдумчивый сразу засек движение по другую сторону брода, всмотрелся и радостно взвыл. Да, еще мелкий, а легкие недурно развиты...

Поднимались к замку. Гр лишних вопросов задавать не любил — и так видно, что мама в порядке, а что можно потом расскажут.

Катрин достала из кармана куртки оловянную фигурку — вскинутая шашка всадника чуть помялась, но не сломалась. Вообще-то, фантазию Гр в данный период увлекали сугубо фантастические рода войск, но подходящие солдатики командировочной маме отчего-то не

попались.

— Держи. Мотоциклисты были только живые и очень шумные. Так что кавалерия.

— Казак?

— Драгун, по-моему.

— Отлично! Маневренность у нас повысится, в рейды запустим, — наследник немедля принялся выправлять вооружение солдатака.

С маневренностью и так все было хорошо: из ворот выскочили собаки, следом вышла Фло, одним взглядом охватила все детали.

У Катрин имелась мысль отдать трость сыну, но это было бы не совсем честно. И бессмысленно. Лучше прямо сказать:

— Привет. Меня крепко лягнули и синяк такой, что смотреть страшно. Но нога, да и вообще вся я в полном порядке. Пришлось поднапрячься, но мероприятие мы провели строго в срок. Лоуд была на высоте. В некотором смысле, и ты поучаствовала. А трость через пару дней отдадим Доку в амбулаторию. Она переходящая — для стильного оздоровления хороших людей, именно с таким напутствием мне ее и презентовали.

— Прекрасная трость и элегантная традиция, — признала Фло. — Насчет "пары дней", ты явно преувеличиваешь. Обсудим и расскажешь. Но сначала завтрак.

— Как говорили в нашем славном орготделе — весьма своевременное предложение, принимается в общем порядке, без голосования.

Через несколько дней, когда со срочными хозяйственно-политическими и коммунальными делами разобрались, когда по части компрессов и иных оздоровительных мероприятий пришла амнистия, а события в немыслимо далеком осеннем городе стали казаться не совсем реальными, Леди "Двух Лап" сидела на галереи и вдумчиво пила молоко. Все ж продукция от коров с Пригорного выпаса заметно отличалась в лучшую сторону. В замковом дворе уже сгущались сумерки, а западные склоны еще сияли прощальным косым и очень уютным солнцем.

Флоранс отложила журнал — заднюю страницу обложки, силуэты кораблей революционной эскадры слегка засвинычили пятна от оружейного масла (ну и чуть-чуть жир копченой корюшки), но журнал, бесспорно, от этого стал только интереснее.

— Все равно не совсем понимаю, отчего наша несравненная подруга так... как это будет точнее по-русски... так прониклась ситуацией, — призналась Фло. — Спать и утопить, возжечь пожар бурной свободолюбивой анархии — тут какие вопросы? Но сидеть за канцелярским столом, проталкивать немыслимые компромиссы, упорно подпихивать общество к миру и равновесию... Послушай, где гуманизм и где Лоуд?

— Ну, особо сидеть за столом не приходилось. Гоняли по городу — я как вспомню, так вздрогну. А если в целом — Лоуд прирожденная исследовательница и естествоиспытательница. В пучины анархии мы ввергали города и страны уже неоднократно, оно слегка приелось. А тут наоборот. Ново, познавательно, оригинально, — попыталась объяснить Катрин.

— Это понятно. Но все равно. Странно, противоречиво и загадочно. Тебе не кажется, что наша профессор, если можно так выразиться, стала очень русской?

— Кажется, — призналась Катрин. — Она по-русски лучше меня болтает, а уж как протоколы формулирует. Заслушаешься! Видимо, это и моя вина. В смысле, заслуга. Обрусело наше земноводное. Ничего удивительного — Россия самая интересная страна в всех обозримых мирах. Как тут не увлечься? Ты вот тоже вполне русофилка.

— Я, видимо, не "вообще", а конкретных русских предпочитаю. Хотя и Дарья, и покойный Ёха... Теперь вот Ниночка. Трогательная и милая девочка. Со способностями. Но, о, боги, до чего слабенькая.

— Ничего, это поправимо. В ее ситуации плакать по ночам — естественно. Бегать днем — тем более. Сильно расшибиться ей Гр не позволит, а легкие синяки закаляют характер.

— Вот это чисто русская привычка — закаляться через синяки, — намекнула Флоранс.

— Можно подумать, у нас здесь без синяков обходится. С другой стороны, да, самую кругую революцию учинила Россия, и я, как бы то ни было, этим горжусь. А революция это и есть апофеоз самоушибления, зверского раздиранья собственной души, а так же жизнью и сердец соотечественников. Абсолютно бессмысленное деяние. Вот чем тут гордиться? Но горжусь же. Нет, без стакана тут ничего не понять, — Катрин дотянулась до кувшина с молоком.

— И мне налей, — попросила Фло и глянула на полустертый автограф на журнале. — Пожалуй, я еще раз его перечитаю.

— Перечитай. Большой талант. Но нужно учитывать что "инженеры душ человеческих" — это самоназвание. Весьма спорное. Так-то наши литераторы — чистые самоделкины. Кулибины от пера, кустари без мотора. Сами не знают, что у них получится.

— Все сложно, — признала подруга. — Интересно, что же с ним дальше произошло.

Катрин пожала плечами. Вот этим она интересоваться не собиралась. Некоторые страницы "воспоминаний и размышлений" лучше оставить недописанными.

* * *

Пушкинская улица.

Четыре дня после часа X.

Карандаш Алексея Ивановича, только что торопливо бежавший по листу, начал замедлять свой ход... еще строка и вовсе остановился. Вместо точки внезапно черкнулся резкий крест — грифель прорвал бумагу. Бывший литератор в ярости скомкал лист, швырнул на пол.

Не получалось. Академик словесности, бывший писатель, отставной террорист, недавний узник и штурман мертвецких заведений внезапно не способен написать краткую и исчерпывающую записку?! Получалось смехотворно, пошло, никуда не годно! Как люди вообще осмеливаются складывать фразы и запечатлевать их на бумаге?

Это все карандаш виноват. Нужно было взять перо. Алексей Иванович с ненавистью посмотрел на желтый неповинующийся карандаш и швырнул его в стену. Карандаш угодил в дубовую панель ластиком-набалдашником, отскочил, явно метя в сочинителя. Нелепая деревянная пуля не долетела, бессильно упав на ковер и тем исчерпывающе подтвердив тщету и импотентность любых попыток подвести жизненную черту.

К чернильнице в разоренный кабинет Алексей Иванович не пошел. Квартира превратилась в сущую помойку: везде грязные следы сапог, осколки стекла и стреляные гильзы. Зверски растоптанный стул. Дорвались большевички! Ну а стул-то при чем? Хозяев, угнетателей расстреливайте, а добытые "мебели" в свои вонючие норы волоките. Жировать желаете? Грабьте, милости просим, только вещи не портите. Все еще повернется, и...

Все было не так, Алексей Иванович это знал определенно. Видимо, уже ничто не повернется назад. И не большевички здесь стул топтали, а людишки хваткие, умные, совсем иные. Кто? Бывший литератор так и не понял. Какая-то новая контрразведка? На жаловании союзничков состоят? Вряд ли, за деньги иначе работают. Немецкие агенты? Крайне

малоправдоподобно. Эта отвратительная Катерина, когда о немцах говорит, едва зубами не скрежещет. Мерзейшая баба. Но к германцам у нее явно что-то личное. Могла, конечно, притворяться — лжива насквозь, навывлет, до дна и более. И это ее сожаление, о котором никто ее не просил!

Алексей Иванович не мог понять, как так получилось. В мертвецкой слушал разговоры Гранта с его знакомцем, оказавшемся строго по иную сторону баррикад с таким же револьвером и такой же бомбой в руке. Как это вообще оказалось возможным? Слепо работали на германцев?

Инженерам было легче. Поговорили, выговорились, выстроили умственную, подпертую стальными балками логики, конструкцию, вскрыли места "воздействия рычага". Осознали, успокоились и начали думать о ином. Но как быть человеку тонко чувствующему, думающему о душе и смысле поступков, а не о собственно примитивности или изошренности "процесса вербовки"?! Слова-то какие гнусные, низменные. "Процедура половой близости", "период дефекации кишечника", "процесс вербовки агента". Убивать нужно за такие издевательства над русским языком.

Бывший сочинитель замычал от безысходности, потер ноющее сердце. Нет, не убили. Не расстреляли. Возможно ли издевательство изошреннее?! Он убивал, а его отпускают. "Вы кто? Террорист-академик? Ха-ха! Извольте выйти вон, пули на вас жалко".

Нет, совершенно не так. Никто не смеялся. Смотрели с изумлением, с опаской. Как на бешеную мышь. Не на крысу, мелкую, но зубастую и опасную даже при своих скромных размерах. Мышь! Погребная мышь. Мелкая тварюшка, безумный таракан-литератор, поэт-убийца. Но не расстреляли.

Он нелепо жив. Но убита Островитянская. Пуля в спину. Видимо, целился вот такой же обманутый, беззаветно-смелый стрелок. Решился, выследил, выстрелил. Газеты намекают, что убийцу растерзали на месте — власти скрывают это обстоятельство, дабы не нагнетать обстановку. Остается надеяться, что гибель обманутого героя была мгновенной. Господи, сколько же глупцов в Петербурге?!

Алексей Иванович видел заведующую Общим орготделом — приходила на допросы. Произвела впечатление. Бесспорно чрезвычайно умная, интеллигентная и тактичная дама, не пытающаяся выставлять напоказ свое, бесспорно, незаурядное образование. Красивая (никаких омерзительно пронзительных по-лягушачьи зеленых глаз!) мягкая чарующая прелесть безукоризненно воспитанной женщины. Газеты уверяют, что она не из большевиков. Дружна с их главарями, но беспартийная. Наверняка чья-то любовница, намекают на самого Троцкого, но что у них может быть общего, кроме...

Думать гадости не хотелось. Алексей Иванович заставил себя встать, сходить в кабинет и взять чернильницу. Пришлось долго чистить засохшее перо. Бывший литератор подышал на пальцы — сквозило из разбитых окон просто ужасно — плотнее закутался в испачканное пальто и вывел на новом листе бумаги "В моей смерти прошу никого не винить". Да, именно так — безразлично и лаконично будет лучше всего. Нужно лишь подписаться и постараться чтобы перо не дрогнуло.

Но нет же, так выглядит еще гнуснее! Все же не приказчик уходит из жизни. Входил в когорту лучших, знали, ценили, почитали. Нужно как-то объясниться. Этак даже жена не поймет. И бумага слишком хороша — мелованная, дорогая. Пошлейше выглядит.

Стреляться не хотелось еще сильнее, чем выдумывать гадости об умерших женщинах. Черт знает что — как наяву вспомнился тот взгляд необыкновенных карих глаз. Ее звали

Людмилой. Едва ли шапочное знакомство на допросе дает право на фамильярность, но сейчас, в эти последние минуты...

Алексей Иванович посмотрел на "браунинг". Нет, это не тот боевой револьвер, крупнокалиберный, так надежно ложившийся в ладонь, так решительно и мгновенно забиравший жизни. Сейчас на столе рядом с тарелкой с остатками ветчины лежал маленький карманный вариант "бельгийца" — купленный еще до этого ада, в мирное время, на честно заработанные литературным трудом деньги. Видимо, про этот пистолетик и говорила зеленоглазая змея-мучительница. Помнился разговор дословно:

"— Ладно, вы, такие непреклонны и бескомпромиссные, вели свою войну. Баб-то случайных зачем убивать?"

— Не убивал я никаких баб!

— Может не лично вы, а ваш поделщик, известный следствию как "Шамонит". Но зачем? Лишать жизни безоружную служивую девку или замордованную жизнью управляющую гостинички...

— Не знаю я никаких управляющих. А солдат-девицу... Это вышло совершенно случайно. Я не ожидал, что Петр Петрович в нее вздумает стрелять.

— Понятно, случайные жертвы есть роковое следствие шальных пуль и окаянных законов теории вероятности. А вы бы сами — никогда? Не поднялась бы благородная рука литератора стрелнуть в даму?

— Я — никогда! — твердо ответил Алексей Иванович."

И тогда мерзавка Катерина почесала меченую чертом бровь и рассказала нелепейшую историю. Якобы один литератор с домочадцами пустился в странствия в дни революционного беспокойного времени. Дорога была самая наиобыкновеннейшая, сельская, таких тысячи. Эта был, к примеру, грязный тракт Орловской губернии и вывел он упряжку к одному незначительному городку. Здесь уставшие путники имели несчастье встретить табунок шумных и острых на язык девиц сугубо простонародного происхождения. Оные особы, ни с того, ни с сего, подняли на смех литератора, вообразив, что он одет по-бабьи. "Не то баба, не то мужик! — заливались они, тыча пальцами в седека, обряженного в полушубок и шапку с наушниками. Столпились у оглобель, не давая проехать. Лошади остановились, литератор пришел в ярость. Выхватил браунинг, наставил на мерзких бабенций:

— Отходи! — Слышишь, что говорю. Перебью!..

Бабы и девки опешили...^[64]

Алексей Иванович понимал, на что намекает светловолосая змея. Город, вероятнее всего, Елец, тамошние девки такая ядовитая злоязыкая дрянь, что... Дорога от имени тоже понятна. Но не было этого и быть не могло!

— Не было? Ну и слава богам, что хоть этого не было, — следовательница кивнула своим мыслям (если какие либо мысли в этой красивой и вздорной голове вообще могли иметься).

К чему она рассказала эту историйку? В чем была странная необходимость столь нелепо издеваться? Алексей Иванович твердо знал что подобного случае вообще не было — в описываемое время он ехал в Петроград, уже завербованный... В смысле, уже готовый к серьезной борьбе и вовсе не с языкастыми бабами.

А сейчас, глядя на пистолетик, вдруг подумалось... Но нет же, не могло такого быть! Что за бред?!

"Браунинг" ждал. Смехотворное оружие, в руки противно брать. Привык к иному —

действенному, скорострельному. Настоящему — когда жмешь на спуск, и чувством всесилья наполняется душа. Тридцать два патрона в магазине — это такая мощь...

— Господи, я болен, — вслух молвил Алексей Иванович и потянулся к пистолету.

Пальцы взяли тарелку с остатками ветчины. Нужно убрать, бросить в помойное ведро. "Великий писатель найден павшим лицом в объедки" — это уж увольте. А ведь именно так косноязычно и напишут-с. Мерзость!

Может, и вообще не падать? Ни лицом, ни телом? В конце концов, он явно нездоров, нелепо и необъяснимо агрессивен. Импульсивно покончить счеты с жизнью в припадке умопомешательства — просто подарок для ехидных критиков. Съездить в Москву, сходить к хорошему врачу... Потом уж, обдуманно и хладнокровно, отдав последние распоряжения... Возможно, даже описав эту трагическую ситуацию в своем последнем рассказе. Может получиться блистательно.

Бывший или будущий литератор стоял с тарелкой в руках. В разбитое и наскоро забаррикадированное ломберным столиком окно скреблась ветренная революционная ночь. К остаткам ли ветчины рвется ненасытный зверь или к горлу самого великого поэта и прозаика — оставалось неизвестным.

* * *

"Две Лапы".

Начало совсем иной осени.

В Медвежьей долине этим днем о ветчине не помышляли, поскольку был, как говорила известная специалистка свиноводческого дела, "не сезон". Уже осень, это конечно, но пока шпик и прочие высококалорийные продукты животноводства использовали лишь егеря при длительных патрульных выходах. Слава богам, времена стояли мирные и запасы из резервов "Главзампродукта" обновлялись в плановом режиме.

В общем, о ветчине Катрин не думала вовсе. Дел и так хватало, в разгар жатвы бахнули дожди, что отяготило битву за урожай. Новую лесопилку следовало поставить на профилактику и успеть до морозов, у Черничной скалы объявился бешеный волк, оказавшийся не волком и не бешеным, а молодым волкодавом из Дубника, умудрившимся крепко заблудиться и надеявшимся, что его спасут добрые люди. Селяне (несомненно добрые) сильно пугались радостного зверя и гоняли его посредством метания топоров и стрел. В общем, на следопытско-спасательную операцию пришлось убить четыре дня. Еще пришлось съездить в Кэкстон по политически-неотложным делам, впрочем, дела были хоть и срочные, но бескровные, так что, вышла просто длинноватая прогулка с неизбежным шопингом.

Нельзя сказать, что за прошедшие месяцы революционная командировка не напоминала о себе. Доходили вести, а как же. История на месте не стоит, движется, вот только со стороны оценить ее течение весьма трудно. Да и надо ли?

В России, той, памятной нам реальности, жизнь шла своим чередом. Бурное Учредительное собрание страна кое-как пережила, германца из Риги и Западной Украины постепенно выдавили. Большевицкая коалиция продержалась у власти два срока и на выборах 1926 года проиграла центристам-консерваторам. Вероятно, свою роль сыграла безвременная смерть Владимира Ильича — величайшего авторитета был человек. Совнарком немедленно расформировали, впрочем, оставив здание и кабинеты новому правительству, довольно ожидаемо нареченному "Думой". Начались юридические процессы против советских министров. Через четыре года ВКП(б) и союзники взяли реванш, е

заветное здание в Петрограде вернулся Совет Народных Комиссаров и незамедлительно отмстил на юридическом фронте. Шумные тяжбы тянулись бесконечно, юристы богатели, народ роптал, оппозиция неистовствовала. Регулярно приходилось замирать Кавказ, Туркестан и беспокойную Манчжурию. Вспыхивали волнения на Дону и Тамбове. С забастовками и перекрытием "чугунок" бескомпромиссно боролась ЧЮКа. Доходило до идеологических жестокостей: в отдельных областях временно запрещались гастроли столичных театров, прокат новых фильмов и полностью отменялись поездки детей в знаменитый пионерский "Артек" и не менее славный юно-пластунский "Орел". Как ни странно, меры оказались довольно действенными. Конечно, на всех кухнях страны с жаром ругали власть, но что мог еще поделывать обездоленный электорат? Скучные реформы шли оскорбительно медленно, пока дождешься их результата — сдохнуть можно. Тут одна земельная реформа целую пятилетку заняла, куда это годится?! Впрочем, определенные успехи тоже отмечались. Торговля с Европой шла ничего себе, электрификация, тотальная революция водного и воздушного транспорта давали результат. С недородами 1921 и 1932 годов, пусть натужно, но справились. Но сколько всего еще не было сделано?!

Война застала врасплох. Враг напал коварно, с двух стратегических направлений, без объявления войны. Дравшиеся практически в окружении приграничные полки и механизированные бригады почти полностью погибли. 1-й и 3-й Военно-Воздушные флоты потеряли 80 % боевых машин, до конца поддерживая пехоту и пулеметно-артиллерийские батальоны в УРах. Разведывательные автожиры, штурмовые винтокрылые СИ-8, маневренные "тушки" и тяжелые бомбовозы — все было брошено в бой и сотнями горело в небе над Бугом и Амуром. Таких немислимых потерь армия и ВВС республики в дальнейшем не несли за все семь месяцев войны. Лишь на пятые сутки переброшенные по железной дороге и шестимоторными "СиТ-ами" бригады ВДВ стабилизировали положение на обоих фронтах. Пришел черед контрударов...

Героический десант на Краков, высадки на Чеджу и Гото,^[65] удары, из вспомогательных внезапно оказавшиеся стратегическими — стали легендами. Почти тысячекилометровый рейд мотострелков на Белград, тройной удар по проливам, позволивший практически без боев взять Константинополь — об этом можно рассказывать долго. Но к чему пространное повествование о пусть не чужих, но и не совсем наших войнах? Разве нам своих битв мало?

Так справедливо считала Катрин, которой войн, в общем-то, хватало с избытком, и даже на десять лет вперед. А вот открытку с мало-поэтичным названием "Торжественное награждение воинов 3-й Краснознаменной бронетанковой бригады им. Георгия-Победоносца на Ипподромной площади (Султанахмет) г. Константинополь" поразглядывать было интересно. Вручала награды лично Лицо Кремля, не побоявшаяся прибыть в еще зачищаемый от вражеских диверсантов город. Смотрелась княгиня очень недурно, ее супруг тоже выглядел бодро, невзирая на ранение. Вообще-то титул и должность Романовой звучали как-то иначе, гораздо политкорректнее, но СМИ, да и в Думе-Совнаркоме книжину привыкли именовать за просто, так что нечего память напрягать.

В общем, жила та Российская Федерация непросто, неоднозначно, иной раз отступая, что-то теряя, страшно ругаясь внутри себя, но двигаясь к неизменным победам. Что России и свойственно, пусть варианты бытия и порядочно разнятся.

Комкор генерал-майор Полковников Г.П. погиб в 1939-м. Возвращался к командному пункту, артналет, шальной снаряд. Из штабной группы злые осколки нашли лишь генерала и его лошадь.

Нарком Чудновский Г.И. разбился под Люботином. 1924. Авиакатастрофа. Подозревали диверсию, но скорее техническая неисправность — новые самолеты оставались еще крайне ненадежны.

Комиссар ЧЮКа товарищ Федор Дугов пережил три покушения и умер в 1936 от воспаления легких. В командировке искупался на Люстордфе, вода на одесских пляжах и летом бывает жутко ледяной, подстудился. Естественно, болезнь запустил, врачи спохватились поздно. Эх, анархист, что поделывать...

Видного политического деятеля, многолетнего председателя ЧЮК гражданина Керенского А.Ф. неизбежная "тетка с косой" достала на чужбине — в Нью-Йорке. Случилось это в далеком 1974 году. Патриарх российской оппозиции прибыл в командировку, с трибуны Конгресса ярко клеймил подлых янкесов за поправку Джэксона-Броома. Закончил блистательную речь, сошел с трибуны и... Возраст. Сердце не выдержало.

Остальные, хорошо и не очень хорошо знакомые, соратники по 1917-му... У всех своя судьба. Жили, боролись, гибли и побеждали.

Иномировые новости приносили Андрей и Маня, по долгу службы осведомленные с событиями во многих кальках и реальностях, но, к счастью, не стремящиеся все-все пересказать и потрясти воображение долинных домоседов. Всем хватало насущных актуальных проблем. О поисках мира татуированных больных людей и странного прыгучего немца, хозяйку "Двух лап" информировали, но особых сдвигов на том направлении не было, да может оно и к лучшему.

Уже осенью, просматривая хозяйственный ежедневник, Флоранс вскользь намекнула:

— Намечается пауза. Запасы в амбарах, с капустой мы управились, тары больше нет, излишки в Дубник без нас свезут. Намечается несколько относительно свободных деньков. И они как раз совпадают.

— Что с чем совпадает? — несколько обеспокоилась Катрин.

Фло сняла узкие очки (просто удивительно ей идущие), закрыла ежедневник и пояснила.

— Со старокалендарным праздником. Да, с тем самым, октябрьско-ноябрьским, революционным. Не покажешь ли ты нам по этому поводу город Петроград?

— Понимаю твой интерес, — без особого воодушевления пробормотала отставная шпионка. — Но может, ну его нафиг, а? Там сыро, шумно и... И вообще.

— Про "вообще" я вполне понимаю, поэтому говорю о самой общей экскурсии, вовсе не обязательно в действующий и бурлящий Смольный. Можно в город белых ночей. Говорят, вполне впечатляюще.

— Нет, с этой стороны, с архитектурно-музейной, несомненно. Но, тогда, видимо, не Петроград, а Ленинград или Санкт-Петербург.

— Текущее название мегаполиса уж, пожалуйста, выбери сама, нам, главное, безопасность и спокойствие. Есть же там мирные и благополучные периоды?

— Если отвлечься от учебника истории, то есть и спокойные периоды, как им не быть. А кому это "нам"?

— Если не возражаешь, прихватим Гр — ему будет полезно ознакомиться с метро и образцами незамутненного классицизма. И разочароваться, наконец, в мотоциклах. Но в данном случае, мы должны подумать о Нине. Как-то нехорошо получается. Ей нужно попрощаться. Пусть и символически.

— М-да, вот с этим доводом трудно спорить, — помолчав, признала Катрин. — Дело

важное, сходим. Нужно проводников подловить.

— Не надо никого подлавливать. На днях Мариэтта заскакивала. Они там консульское представительство оформляют, забросят нас попутно.

Катрин хмыкнула:

— Если все договорено, так отчего ты сразу не скажешь? Сходим. Джинсы мои надо бы постирать и погладить. Кажется, я в прошлый раз их грязноватыми в сундук зашвырнула.

— Уже сделано.

* * *

С туристами повезло — краткий и бурный майский ливень всех распугал и Дворцовая была почти пуста. Дети, задрвав головы, пытались рассмотреть ангела, парящего на Посту?1 — оба ангельских флага трепетали на свежем ветерке с Невы. Триколор в нынешнее четырехлетие довлел над красным — у кормила власти засели реакционные буржуины. Нужно признать, что в последнее десятилетия разница между двумя вечно конкурирующими руководящими партиями сгладилась до символического значения, но знаменная традиция неизменно соблюдалась.

Взрослые смотрели ниже. Строгий прямоугольник мемориального серого гранита, казалось, поддерживает и укрепляет флагшток старинной розово-гранитной Александровской колонны. На гранях могильной плиты были высечены имена и фамилии погибших в те далекие октябрьские дни — всех погибших, в строго алфавитном порядке. Была там и фамилия кроткой и безвинной мамы Ниночки, и фамилии бойцов, погибших с оружием в руках — пусть отнюдь и не кротким, и не безвинным, но жертвам трагической ошибки. Так и гласила надпись на плите: "Жертвам страшных событий 1917-го года. Мы помним о вас, граждане Великой России!"

На взгляд Катрин, надпись была слегка косноязычна, но в своей сути совершенно правильна. Часть фамилий на плите бывшей шпионке была очень даже знакома. Но, естественно, никакого П.П. Гарина на граните не значилось — еще чего не хватало. Собственно, что в действительности стало с талантливим и беспринципным изобретателем, было известно одному лишь всезнающему существу. Как раз оно на граните очень даже упоминалось.

— Островитянская Л. Б., - прочла Фло. — А почему "бэ"? Ее же отчества никто не знает.

— Полагаю, потому что "Батьковна". Надпись символическая, всем известно, что героиня революции завещала похоронить себя далеко в море, у берегов своей малой родины. Где эти берега доподлинно неизвестно, хотя диссертаций по теме защищено немало.

— Красивая легенда-загадка — это в ее духе, — согласилась Фло. — Но памятник порядком приукрашен.

— Не придирайся, — Катрин обернулась к скульптурной группе, установленной у арки Главштаба.

Мраморная товарищ Островитянская была хороша. За образец был взят явно самый юный вариант заводелом — безупречное лицо сияло решительностью, справедливостью и честностью — все в строго равных пропорциях. Длани девушки лежали на плечах бойцов, стоящих в позиции "для пальбы с колена — товсь!" — юнкер доводил затвор винтовки, красногвардеец, видимо не надеясь на свой карабин, готовил гранату. Оба смотрели не на друг друга, а в одну сторону. Ненависти на лицах не было, лишь хладнокровие и спокойствие перед лицом общей опасности. Надо думать, немецкие провокаторы-пулеметчики на сей раз

высаживались с набережной Мойки.

— Критикуем, а ведь хорошая скульптура, — вздохнула Катрин. — Дух нашего Общего орготдела отражен очень достоверно. И вообще, видно что не Церетели сварганил, пусть без размаха, но с душой подошли художники.

— Да, Гр памятник очень понравился.

— Еще бы, он мне теперь с этой гранатой весь мозг выест.

Дети решили обойти древнюю колонну с тыла, видимо, оттуда она была виднее. Юный гранатометчик вел девочку за руку и что-то объяснял.

— Памятник неплох, но мне как-то не по себе, — жалобно призналась Фло, вновь оглядываясь на далекую скульптурную группу. — Причем, никакого особого сходства я не нахожу. Разве что нос и овал лица...

— Это тот самый случай, когда образ однозначно обобщенный. Но мне кажется, что сходство весьма и весьма характерно. Учитывая, что на исторических фото тов. Островитянская роковым образом не запечатлелась, а в кинохронику угодила лишь общая смутная группа товарищей на агит-машине и задний бампер нашего атакующего "лориндитриха", трудягам-скульпторам пришлось восстанавливать облик легенды буквально по крупицам. Результат более чем.

— Но в ней же, если переводить на живой вес, килограмм тридцать. Балерина, а не революционер.

— Подчеркнуто неизбежное торжество духа над плотью. И нервное истощение героини. Между прочим, работать в отделе было нелегко. Особенно, до тех пор, пока мы работу столовых не наладили. Кстати, а пошли в кафе? Товарищ Островитянская уделяла своевременному питанию личного состава особое внимание. Нужно чтить традиции!

Экскурсия китайских туристов, шедшая от Главштаба, как по команде остановилась, уставилась на Флоранс и принялась вскидывать фотоаппараты.

— Непредвзятый азиатский взгляд мгновенно выделяет несомненные параллели и аллюзии, — отметила Катрин.

— Ой, пошли, действительно, в кафе, — забеспокоилась Фло...

* * *

О неукротимой земноводной исследовательнице и руководительнице, вспоминали частенько, но где она трудилась в данный временной отрезок, кого изучала и сводила с ума, оставалось неизвестным. Порой приходили весточки о ее новых подвигах — как обычно, жутко преувеличенные и малореалистичные. Точно было известно, что на глорских рынках вошло в моду восклицать "да ты вообще троцкист!", отдавая должное твердости и неуступчивости клиента в процессе торга. Слово, конечно, яркое, в Общий язык так и просилось. В канун зимы рыбьей почтой пришло письмо от профессора — срочный запрос характеристики на некоего "гр. Лося, инж.". Никаких Лосей у себя в знакомых Катрин не числила, и вообще подумала что в шифровку закралась ошибка. Только после тщательного изучения приписки, о том, что Лоуд "не сомневается в тов. Гусеве, но насчет инж. Л. есть сомнения — как он в смысле душевного равновесия и не маньяк ли?" — до отставной шпионки дошло в чем собственно суть. Катрин пришла в ужас, спешно ответила не столько об инженере, как о своих сомнениях в целесообразности столь рискованной экспедиции. Ответа на ответ, разумеется, не было.

Видимо, экспедиция завершилась благополучно — о чем обитателей "Двух Лап" косвенно известили перед Новым Годом. На рассвете часовой поднял тревогу. У ворот

появились чужаки и тут же исчезли, "оставив магическую огне-бомбу". Катрин, на ходу накидывая куртку, выскочила к месту происшествия.

Бомба, действительно была. В смысле, такой презент — настоящая бомба. Имелись при "бомбе" и сувениры понятнее: горсть золотых побрякушек необыкновенного дизайна и с абсолютно неизвестными черными камнями — украшения, несомненно, предназначались Фло и Блоод, которые немедленно принялись решать: серьги это или подвески? Еще мимолетные визитеры передали дивный набор цветных карандашей (действительно дивный, такие бы для штабных-картографических целей), пакет кошачьего корма с прицепленной к нему медалью "150 лет Клубу кошколюбов г. Самары" — судя по ленточке, награду предлагалось носить тов. Чону. (В замке котенок прославился своей общительностью и привычкой гадить в самых живописных местах). Обнаружился в передаче еще элегантный сверток для будущей тещи Гру, для нее же имелось и письмо. Впрочем, то дела околосвадебные, понятные, а вот главный подарок воистину потряс воображение "невыездных" обитателей замка.

— Не может же ЭТО быть золотым? — осторожно поинтересовался управляющий.

— Курильница? Это кому в подарок? — переглядывались егеря.

— Не золото. И не курильница. И это очень демократичный и практичный подарок.

Можно сказать, для всего гарнизона, — разъяснила Катрин.

— Да что ж это вообще такое? — не выдержав, завопил с башни часовой.

— Это самовар! — с восторгом пискнула Нинка.

Да это был он. Тот самый. Тщательно начищенный руками трудолюбивого техника-шпиона, сияющий медалями и всем своим стим-панковским, немыслимо технологичным и продвинутым видом. Катрин смотрела на вмятину на корпусе, оставленную рукоятью маузера и думала, что по части подбора сувениров Лоуд уже истинный академик.

Так родилась в "Двух лапах" традиция Золотого Чаепития. Никаких иных благ, кроме самоварного "золота" обитатели долины из результатов операции "В-17" не извлекли. Ну, еще чувство определенного удовлетворения, абсолютно не конвертируемое. Оно и к лучшему — революция трудами Общего орготдела вышла какая-то неполноценная, диетическая и малокровная. Многие российские граждане ею остались недовольны. Так случается — живым свойственно возмущаться. А мертвым привычнее молчать. Станицы, которые "пылают четвертые сутки" и Каховка, где летают горячие пули — для нас поэтические образы, а не позабытые братские могилы у упомянутых населенных пунктов.

* * *

ИТК(нт)^[66] № 001/04

Где-то среди морских просторов планеты типа Э. (точные координаты засекречены).

На прежнем острове старцу нравилось куда более. Благолепно, тихо, клев, опять же, ровный. А здесь просторно, зато никакого покоя. Вот — опять орут и дерутся. Нет, трудотерапия, как говорит чертт, — дело богоугодное, что тут спорить. Но все ж преступников на исправление можно и потолковее присылать. А тут один через слово "клятыми москаляками" прикладывает, другой матюгается "ламерами и гопотой", что и вовсе погано слуху. Как в таких условиях творить сподобишься?

Старец отложил тетрадь и ручку, вышел из хижины, привычно подхватил с земли голыш и метнул в драчунов:

— А ну, пши, псы шелудивые! Норму кто давать будет? Пайки лишу, сукины дети!

Ишь, подхватились, побежали в сторону недостроенного пирса.

— Лопату кто подбирать будет, а, ироды?

Вернулись за инструментом. Сиа́мцы криволапые.

Двойная фигура каторжников, намертво скованных за запястья короткой цепью, подняла лопату и заковыляла к рабочему месту.

Старец ухмыльнулся — опасаются "бугра", неучи безмозглые.

Пирс строить еще лет десять. Это ежели погоды будут способствовать. Ну и слава богу, без работы не останемся. Чего не строить, ежели есть нужда в пирсе? Пусть пока никто и носа на островки не кажет, в будущем пирс очень даже пригодится — про это чертт очень доходчиво рассказывал.

Старший бригадир Морспецстройисправа поскреб бритую башку. Свою норму он выполнял без труда, но эти... Э, все равно долго не протянут. Рыба ловится, одежонку начальство подбрасывает, в запасе консерва хранится — гречка с говядиной, килька в томате. Культура имеется в клубном навесе — иллюстрированные томищи Брэма, Энциклопедия молодой матери, афоризмы великих и известных, шахматы, опять же. Прикладывай голову, размышляй и беседуй. Чертт заглядывает, философские дискуссии разжигает. Имеется игра мысли. Но эти двое разве ж мозгуют? Нет, непременно загрызут друг друга до смерти. Силон пока не хватает: один слабоват, у другого когтей недостает. Но изловчатся, по всему видно, удушегубятся.

Сам старец подумывал о условно-досрочном. Не то, чтоб особо поджимало: на море жилось покойно, морду никто не бил, в живот ножичком не тыкал. Бабы... да ну их, надоели, искусительницы. Но хотелось поближе к лесу, чтоб после работы грузочков насобирать, кабанчика завести, погребок с соленьями. Выйти на рассвете, по росе пройти, вдохновения набраться. Чертт обещал посодействовать, найти новый "фронт работ" и даже сулил подогнать поросенка на выкормку, есть у него знакомцы. Впрочем, это не к спеху, поросля, она ведь тоже визжит, отвлекает, в этом у ней особой разницы с дурными каторжниками и нету.

Старец вернулся в хижину, открыл тетрадь и с предвкушением снял с ручки колпак. Писалось ему в удовольствие, жаль, что издатель надоедливо требовал непременно лихость повествования и какого-то "психологически-актуального ыкшена". Что это за зверь и отчего он непременно должен водиться в правдивом мемуаре, не знал и сам всемерно образованный чертт. Приходилось малость приукрашивать и привирать. Но это уже третья книга многотомника, допечатки идут, надо бы закончить серию. Назвали, правда, смехотворно: "Я — Григорий! Из тайги к трону! Записки святого грешника". Эх, так бы и плюнул в харю издателю! А переплет?! Как глянешь, так крестишься и о забытой "беленькой" вспоминаешь. Но чертт-соавтор объяснял, что до серьезных изданий и боллитры еще придется упорно дорастать. А что делать, каторга она каторга и есть.

Сочинитель почесал ручкой длинный нос и продолжил с места, прерванного чуждыми вдохновению шумливыми каторжниками:

"Мотя подняла на меня необыкновенно ясный взгляд очей и молвила:

— Что мне делать, посоветуй, отец родимый?

— Не ходь. Избегни! — строго ответствовал я. — Ославят. В оперетку попадешь, а то и в самую синематографию вляпаешься.

Танцорка заломила белы руки:

— Но я..."

Автор остановился в затруднении. По правде говоря, с балерунками он знакомств не водил, бог миловал, страхолюдины они все. И как эти бабы имеют моду говорить, один бес их знает. Вот же дурни эти издатели: "дай главу про Матильду, да дай". Сдалась им эта Кшесинская, как будто нормальных баб в Петербурге не имелось.

Старец в сердцах плюнул, взял удочку и ведро и ушел советоваться с черноперкой о вариантах творческого решения балетной главы.

* * *

Петроград. Улица Надежденская (она же Народных поэтов)

Ровно десять лет после часа X.

— Каждую годовщину вспоминаю как оно было. Да, угодили мы тогда в самый выхлоп, — вздохнул Николай, застегивая китель. — Бурные были дни. Горестные. Батю твоего жаль. Не довелось лично познакомиться. Слушай, на парад-то так и не пойдешь? Не передумала?

Глафира встала из-за пишущей машинки — взгляд отсутствующий, вся в сочинении. Ну и ладно, — талант он такой.

Николаю нравилось щелканье клавиш — по щелчкам было слышно, как набирает скорость Глашина фантазия, как спорят и воюют герои, как после размышлительной паузы сюжет внезапно сворачивает на просторный проспект с односторонним движением и газует вовсю. Четвертую книжку пишет жена — это ведь не шутки. Для молодежи те книги, но и взрослые читают захлеб. Девчонка-то была самая обычная, а ведь как толкнуло. Он помнил, как Глаша в первый раз тетрадку к себе потянула. Хорошо хоть карандаш грызть отучил. Сейчас вот в "Артек" поедет, перед читателями выступать — вся ребятня продолжение "Дальних островов" требует. А какой авторитет у писательницы с вдребезги изгрызенным карандашом? Вовремя отучились.

— Нет, парад я лучше из окна послушаю, — все так же отстраненно сказала Глаша. — А на могилки завтра схожу. Без торжественности мне проще. Вместе ходим. Ага?

— Сходим. Ты, твори-твори. Как они там? Бронепоезд встретили?

— Не-а. Я передумала. Простой литерный встретят. Бронепоезд — слишком воинственно. Неправдоподобно и отвлечет читателя.

— Тоже верно. Наш бронепоезд — он на запасном пути.

— Почему же именно на запасном?

— Не знаю. Слыхал где-то. Складно и в рифму:

Мы — мирные люди, но наш бронепоезд

Стоит на запасном пути!^[67]

— Действительно, складно. Что за поэма такая? В газете читал или по радиc передавали?

— Откуда ж мне ваши литературные дела досконально знать? Запомнилось и все. Ладно, пойду. Машина вон уже пришла и ждет. Арсентия подброшу, он тоже на парад при исполнении.

— Колька, ты только сам за руль не садись! — живо обеспокоилась и выкинула литературу из головы жена.

— Я ж слово дал. За руль только на треке или полигоне, — не без досады напомнил Николай.

На лестнице поздоровались с Арсентием — поручик, нынче курсант Константиновской (Красно-Константиновской) артакадемии был из потомственных вояк — пунктуальный, хоть

хронометр по нему проверяй. Полезное качество.

Спустились во двор — тут было гулко — малышня, облепив деревянный аэроплан, построенный на детской площадке, играла в авиаторов. Гудят-жужжат, и действительно, словно патрульный автожир во двор спустился. Николай погрозил сыну — опять пальто нараспашку. Филька догадливо принялся застегиваться. На самолете завопили с новой силой и изобразили пулеметное "ды-ды-ды!" — воздухоплаватели героически отбивались от итальянских истребителей.

Тут Николай вспомнил, откуда взялось про бронепоезд. Катерина Олеговна как-то продекламировала. Тогда, давным-давно, когда пулеметы вовсе не "ды-ды-ды" на улицах гремели. Да уж, и сейчас стране нелегко, а если бы тогда не остановились? Вон, в Германии три года гражданская полыхала. Помогали чем могли, но что от той Германии осталось?

— Ну, что, садимся, господин комбат?

— Только после вас, тарищ старш техмех.

Из окна третьего этажа доносилось клацанье старой, еще иностранного производства, пишущей машинки — судя по темпу, "Ундервуд" выдавал описание дороги. Нужно предложить про запасной путь в текущей главе упомянуть. Они полезны — запасные пути. Мало ли, свернешь не туда, так маневр и разворот непременно должны оставаться в запасе. Да и бронепоезд действительно не помешает.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Конец

notes

Примечания

1

"Роллс Ройс Ландоле" 1911 года, регистрационный номер 1947.

2

ОВР — общее время, равно-действительное для соединяющихся версий миров.

3

"В Кейптаунском порту" слова П. Гандельмана

4

Пардон, огромная сноска! Увы, здесь придется оторваться от лицезрения удивительного трудолюбивого дарка и выслушать авторское пояснение. Иначе все окончательно запутается, а история и так выходит трудноуваримой.

Достойную даму племени коки-тэно зовут Лоуд. Существо она крайне незаурядное, все из себя противоречивое, с богатой жизненной историей, полной преступлений, наказаний, подвигов, ошибок трудных, открытий, закрытий и иных деяний, присущих истинной героини. Многие черты ее непростой биографии чудовищно перевернаны злопыхателями, а кое о чем нам лучше вообще не знать.

По техническим причинам первые истории, где освещается появление нашей замечательной оборотнихи, недоступны читателю. Но можно быть уверенным — коки-тэно по имени Лоуд сыграла заметную роль в истории и политике Эльдорадо. (Возможно, в формировании экологии и геологии без нее тоже не обошлось, но тут твердой уверенности нет).

Что известно достоверно:

Впервые мы застаем Лоуд при весьма тяжелых жизненных обстоятельствах и в

черезвычайно скверном настроении, близком к депрессии. Истребив виноватых и прочих, свергнув парочку царей, спалив побережье и преодолев личные пагубные пристрастия, достойный оборотень и ее соратники встретились с людьми Медвежьей Долины.

После определенных недоразумений и совместного кровопролития Лоуд согласилась поучаствовать в одной любопытной аванюре. Исключительно из любознательности и иных гуманистических соображений наша оборотень отправляется в иной мир и наводит там порядок.

Научившись шнырять между мирами и временами, Лоуд неустанно развивает свои способности. Дав слово не вмешиваться в естественный ход истории и вообще не хулиганить, честнейшая оборотень соблюдает договор. Не то что бы из уважения к мелким формальностям, но хорошо зная и уважая нрав Леди Медвежьей Долины. Как ни странно, дамы дружат.

В описываемый период Лоуд числится на официальной шпионской работе, выполняет особо важные разовые поручения Глорского союза, ФСПП, Дипломатического межмирового корпуса и иных малоизвестных, но серьезных организаций.

В силу особенностей организма, мировоззрения и образа жизни, Лоуд не интересуется личное обогащение, алкоголь, секс и прочие человеческие прибабахи. Но поскольку пороки должны быть, то они есть. Врожденную тягу к сбору памяток-сувениров, можно и не считать. Важнее то, что Лоуд увлеклась сравнительной политологией. Случайно познакомившись с Карлом Марксом, наша оборотень встала на платформу интуитивного марксизма с нечеловеческим лицом.

Развитые (скорее, переразвитые) прыжковые способности позволяют Лоуд проводить уик-энды и иные свободные дни-часы в визитах к известным историческим личностям. Спартак, Колумб, Робеспьер и Разин, Кастро и Кропоткин — оборотень знает всех лично. Она давала советы Нестору Ивановичу, благодарный Ильич подарил ей чайник, она учила подсекать сазанов товарища Брежнева, участвовала в эвакуации республиканской Барселоны, снабжала мазью от ревматизма княжну Тараканову...

Увы, жизненный опыт, тщательные сравнения реалий прошлого и будущего, привели Лоуд к мысли о неактуальности и невозможности воплощения теории марксизма в практику в ближайшие несколько эпох. Нет, в силу островного пролетарского происхождения и сочувствия к угнетенным всех времен, миров и океанов, Лоуд осталась на позициях вольного анархо-революционера общемарксистского уклона, но что поделать, если гомо сапиенсы в силу личной несознательности и общего духовного несовершенства еще не готовы к прогрессивному прыжку в развитии общества? Революций сделано много, но результат-то... Не дано пока человекам шагнуть разом через высокие ступеньки эволюционного развития.

Отвлекаясь от анализа развития межмирового революционного движения, наша оборотень сосредоточилась на совершенствовании системы образования на родном острове. Первый Островной университет архипелага Лагуны — целиком и полностью ее детище. Ну, это еще не совсем университет, и с МГУ он будет сравним очень нескоро, но на данный момент профессор Лоуд единолично возглавляет столь прогрессивное и многообещающее учебное заведение. Если учесть, что ранее юные коки-тэно учились читать и писать, уже резвясь среди людей, на бегу, — огромный шаг вперед.

В общем, личностью наша Лоуд — незаурядная, и ножом и интуитивно-марксисткой теорией, владеющая одинаково виртуозно. А если кто рискнет вспомнить о легкой склонности к клептомании и определенному цинизму нашей героини, так смело ответим —

идеальных оборотней в природе не бывает!

Автор еще раз приносит читателям свои извинения. Трудно уместить характеристику внезапного персонажа в одну-две страницы. В конце концов, ведь не зря же писались два романа, повесть и несчетное количество рассказов. Это весьма прописанная героиня, хотя и строго засекреченная. Да, уточним: близкие друзья и родственники порой называют профессора "Оно" или "Пустоголовая" — этак любя и по-домашнему.

5

Генри Лонгфелло. "Песнь о Гайавате".

6

Формально генерал Георгий Павлович Полковников был главным начальником округа, поскольку в сентябре весь округ был переподчинен Северному фронту. Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа Полковников пробыл менее месяца (4-16 сентября). Подчеркиваем: полковник Полковников и генерал Полковников — два совершенно разных человека, ибо разница в "кальках" очевидна.

7

Гражданин А.А. Блок сочинил стихотворение "Скифы" в январе 1918 года, поэтому незнание этих строк Алексеем Ивановичем вполне объяснимо.

8

Оформление казначейских знаков Временного правительства выпуска сентября 1917 года было скопировано с марок консульской почты.

9

Авентин — один из семи холмов, на которых стоит Рим. На данном холме Сервием Туллием был основан один из самых известных храмов Дианы.

10

Актеон — некий не в меру болтливый и любознательный античный грек, надерзавший Артимиде-Диане. Был превращен в оленя и скормлен собственным собакам.

11

Мр-18 — немецкий пистолет-пулемёт образца 1918 года с горизонтальным магазином и деревянным прикладом. На момент описываемых событий неизвестен (на фронте появится через полгода).

12

Строго говоря, Г.П. Полковников на данный момент был главным начальником округа, но переназначения в эти бурные дни шли с такой скоростью, что простительно именовать по старой должности. Тем более, что описанный здесь персонаж отличается от прототипа именем, званием и многим иным.

13

В действительности — 32-зарядные. Не ошибка, шпионка сознательно упрощает ТТХ.

14

Речь о приказе № 251 Главного начальника Петроградского округа от 24 октября 1917 года. Приказывалось всем частям и командам оставаться в казармах, за выход без приказа штаба округа — суд за вооруженный мятеж.

15

Promptly! (англ.) Оперативно!

16

Маска противогаза Зелинского-Кумманта имела оранжевый цвет. Здесь речь о петроградском типе данного противогаза с прямоугольным поперечным сечением коробки и емкостью на 160 граммов угля.

17

"Шеффилд-Симплекс" — лёгкий пулемётный броневедомитель, Разработан британской фирмой "Sheffield-Simplex" на базе шасси легкового автомобиля, проект бронирования доработан штабс-капитаном Мироновым. По результатам испытаний на вооружение принят не был. На момент описываемых событий в Петрограде было около 10–15 этих броневедомителей.

18

Большевистская газета, наследница "Рабочего и солдата", "Пролетария", "Рабочего" — решением Временного правительства газета многократно закрывалась и возрождалась под новым названием на следующий день.

19

Типографию "Труд" отбивали революционные солдаты Литовского полка.

20

Магазин торгового дома "Эсдерс и Схефальс" (белье, обувь, готовое платье и пр.) Гороховая ул., 15, угол наб. Мойки.

21

Нагель Андрей Платонович — русский журналист, автомобилист и автогонщик, неоднократно участвовал в международных ралли, издавал спортивные журналы.

22

Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Да надень потемнее накидку,
И чадру на головку надень.

Строки романа "Калитка" ("Только вечер затеплится синий") 1898 г. Авторство спорно, приписывается А. Обухову, А. Будищеву, В. Буюкли.

23

Лиговский пр. 10.

24

Забегавшаяся шпионка не помнит, но Ф.Э. Дзержинскому исполнилось 40 лет, но выглядел он действительно моложе.

25

Без усилий дальновидного оборотня матрос, член ЦЕНТРОБАЛТА Мальков Павел Дмитриевич был бы назначен комендантом Смольного лишь 29 октября.

26

Владимир Ильич готовился к выступлению на 2-м съезде Советов, цитируется его доклад.

27

Каторжная-арестантская песня, слова, музыка, варианты — все народное.

28

Завод акционерного общества "Я.М. Айваз" по производству "разного рода машин и технических изделий".

29

Вообще-то слово латинское, но в силу определенной кособокости полученного образования, оборотню присуще относить все античное на счет греков.

30

ПНВ — прибор ночного видения.

31

55-я комната Смольного в большей степени легенда. По слухам там зарождался прообраз ВЧК.

32

ВИКЖЕЛЬ — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза. В октябре-ноябре 1917-го занимал весьма неоднозначную позицию, отказываясь перевозить войска и грозя всеобщей забастовкой на транспорте.

33

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941), российская революционерка, террористка, одна из лидеров левых эсеров.

34

Грузовой автомобиль производства Машиностроительного завода "Лесснер" Санкт-Петербург.

35

М-17 — Каска Сольберг — общевойсковой защитный шлем русской армии образца 1917 года. На момент описываемых события присутствовал в войсках в незначительных количествах. Но в столь продвинутом передовом полувзводе просто обязан быть.

36

СВТ-40 — самозарядная винтовка Токарева наиболее привычна тов. Мезиной

37

Гриффы классификации документации "С" — секретно, "ДСП" — для служебного пользования.

38

Дан Федор Ильич (1871–1947) лидер и теоретик меньшевистской партии, Либер Михаил Исаакович (1880–1937) меньшевик, член ЦК, Мартов Юлий Осипович (1873–1923) один из лидеров меньшевиков, лидер фракции РСДРП(м) в Предпарламенте.

39

Лавер (англ. laver), она же нори — съедобная водоросль рода Порфира, семейства бангиевых.

40

Самая уцененная категория девушек безответственного поведения.

41

Мотоциклы английской фирмы Scott имелись в некоторых самокатных ротах русской армии. Название писалось чаще через одно "т".

42

Normal Kino Modell C — 35-миллиметровая кинокамера дрезденской компания "Ernemann-Werke AG" крайне низкой скорострельности. "Заряда" пленки хватало примерно на минуту.

43

"Есть только миг" — песня из кинофильма "Земля Санникова". Композитор Александр

Зацепин, слова Леонида Дербенёва.

44

"Нет у революции конца". Автор музыки Вано Мурадели, автор слов Юрий Каменецкий.

45

"Песнь Коминтерна" или "Гимн Коминтерна". Композитор Ганс Эйслер, авторы оригинального текста Франц Янке и Максим Валентин. Автор цитируемого русского варианта Илья Френкель.

46

"Как упоительны в России вечера", композитор Александр Добронравов, стихи Виктора Пеленягрэ.

47

По-видимому, Общему орготделу противостоит одна из машин проекта "Джеффри — Поплавко". Броневи́к создавался на базе полноприводного грузового американского автомобиля Jeffery Quad 4017 по проекту бронирования штабс-капитана Виктора Родионовича Поплавко. Предназначался для штурмовки вражеских траншей. Вес машины около 8 тонн, максимальная скорость 35 км/час. В 1916–1917 годах Ижорским заводом было собрано более 30 подобных машин.

48

Лев Борисович Каменев — видный большевик, соратник Ленина. В нашем историческом векторе на данном съезде был избран председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

49

Бунд — еврейская социалистическая партия.

50

Кадеты — (здесь) члены Конституционно-Демократической партии.

51

Н.Н. Духонин — генерал, начальник штаба Главковерха.

52

Чернов Виктор Михайлович один из лидеров партии эсеров.

53

"Клеопатра" — немой фильм 1917 года с участием Теды Бары. Фильм считается утерянным. Едва ли уважаемый патологоанатом мог его смотреть в описываемый период, поскольку премьера фильма состоялась в Нью-Йорке примерно в эти же дни. Но вот — смотрел. С этими Клеопатрами все очень непросто.

54

Один из самых современных на тот момент кинотеатров Петрограда (Невский, 60).

55

Митяев Анатолий Васильевич — редактор и писатель, автор великолепнейшей "Книги будущих командиров" и других замечательных книг. В упомянутом номере журнала "Пионер" печатался его рассказ "Главно-командующий революции".

56

Сквиб (от английского "skwiib" — запал, шутиха, пиропатрон) — здесь в значении пиротехнического устройства для имитации попадания пули в человека. Используется на киносъёмках.

57

Рябцев Константин Иванович, полковник, командующий войсками Московского округа. В нашей реальности возглавлял вооруженную борьбу против Московского ВРК. Точное количество погибших с обеих сторон неизвестно. Видимо, около тысячи человек.

58

Завод "Арсенал" (позже Завод № 7) основан Петром Великим в 1711 году как "пушечные литейные мастерские". С тех пор исправно производит всякую нужную и интересную продукцию примерно того же характера, ну и немножко работает "на космос".

59

Крыльцо-галерея перед главным входом в Новый Эрмитаж. Знаменита десятью фигурами атлантов работы скульптора А.И. Терещенева.

60

В подобном значении термины "секс" и "сексуальный" начали использоваться довольно поздно, примерно в конце XIX века.

61

8-мм десятизарядный пистолет Roth-Steyr (Roth-Krnka M.7) образца 1907 года состоял на вооружении австро-венгерской кавалерии.

62

Бамберг — старинный немецкий город в Верхней Франконии, земля Бавария.

63

"Ах, какая женщина..." Слова М. Рябинина, музыка В. Добрынина (впрочем в данном случае, поется на эксклюзивный земноводный мотив).

64

Упомянутый случай произошел с совершенно иным литератором, имеющим весьма малое и чисто символическое сходство с Алексеем Ивановичем. Случай известен по воспоминаниям некоего Н.А. Пушешникова (Николай Алексеевич Пушешников, 1882–1939 гг, литератор и переводчик). Фантазия ли это, правда ли, или смесь того и другого, доподлинно нам не известно.

65

Острова Корейского пролива.

66

ИТК(нт) — исправительно-трудовая колония (нового типа)

67

"Песня о Каховке" Автор слов Михаил Светлов.